

«Изборник» (сборник произведений литературы древней Руси)

Д. С. Лихачев Первые семьсот лет русской литературы

Д. С. Лихачев Первые семьсот лет русской литературы

Русской литературе без малого тысяча лет. Это одна из самых древних литератур Европы. Она древнее, чем литературы французская, английская, немецкая. Ее начало восходит ко второй половине X в. Из этого великого тысячелетия более семисот лет принадлежит периоду, который принято называть «древней русской литературой».

Литература возникла внезапно. Скачок в царство литературы произошел одновременно с появлением на Руси христианства и церкви, потребовавших письменности и церковной литературы. Скачок к литературе был подготовлен всем предшествующим культурным развитием русского народа. Высокий уровень развития фольклора сделал возможным восприятие новых эстетических ценностей, с которыми знакомила письменность. Мы сможем по-настоящему оценить значение этого скачка, если обратим внимание на превосходно организованное письмо, перенесенное к нам из Болгарии, на богатство, гибкость и выразительность переданного нам оттуда же литературного языка, на обилие переведенных в Болгарии и созданных в ней же сочинений, которые уже с конца X в. начинают проникать на Русь. В это же время создается и первое компилятивное произведение русской литературы – так называемая «Речь философа», в которой на основании разных предшествующих сочинений с замечательным лаконизмом рассказывалась история мира от его «сотворения» и до возникновения вселенской церковной организации.

1

Что же представляла собой русская литература в первые семьсот лет своего существования? Попробуем рассмотреть эти семьсот лет как некое условное единство (к различиям хронологическим и жанровым мы обратимся во второй части статьи).

Художественная ценность древнерусской литературы еще до сих пор по-настоящему не определена. Прошло уже около полувека с тех пор, как была открыта (и продолжает раскрываться) в своих эстетических достоинствах древнерусская живопись: иконы, фрески, мозаики. Почти столько же времени восхищает знатоков и древнерусская архитектура – от церквей XI-XII вв. до «нарышкинского барокко» конца XVII в. Удивляет

градостроительное искусство древней Руси, умение сочетать новое со старым, создавать силуэт города, чувство ансамбля. Приоткрыт занавес и над искусством древнерусского шитья. Совсем недавно стали «замечать» древнерусскую скульптуру, само существование которой отрицалось, а в иных случаях продолжает по инерции отрицаться и до сих пор.

Древнерусское искусство совершает победное шествие по всему миру. Музей древнерусской иконы открыт в Реклингхаузене (ФРГ), а особые отделы русской иконы – в музеях Стокгольма, Осло, Бергена, Нью-Йорка, Берлина и многих других городов.

Но древнерусская литература еще молчит, хотя работ о ней появляется в разных странах все больше. Она молчит, так как большинство исследователей, особенно на Западе, ищет в ней не эстетические ценности, не литературу как таковую, а всего лишь средство для раскрытия тайн «загадочной» русской души. И вот древнерусская культура объявляется «культурой великого молчания».

Между тем в нашей стране пути к открытию художественной ценности литературы древней Руси уже найдены. Они найдены Ф. И. Буслаевым, А. С. Орловым, В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзием, И. П. Ереминым. Мы стоим на пороге этого открытия, пытаемся нарушить молчание, и это молчание, хотя еще и не прерванное, становится все более и более красноречивым.

То, что вот-вот скажет нам древнерусская литература, не таит эффектов гениальности, ее голос негромок. Авторское начало было приглушено в древнерусской литературе. В ней не было ни Шекспира, ни Данте. Это хор, в котором совсем нет или очень мало солистов и в основном господствует унисон. И тем не менее эта литература поражает нас своей монументальностью и величию целого. Она имеет право на заметное место в истории человеческой культуры и на высокую оценку своих эстетических достоинств.

Отсутствие великих имен в древнерусской литературе кажется приговором. Но строгий приговор, вынесенный ей только на этом основании, несправедлив. Мы предвзято исходим из своих представлений о развитии литературы – представлений, воспитанных веками свободы человеческой личности, веками, когда расцвело индивидуальное, личностное искусство – искусство отдельных гениев.

Древняя русская литература ближе к фольклору, чем к индивидуализированному творчеству писателей нового времени. Мы восхищаемся изумительным шитьем народных мастериц, но искусство их – искусство великой традиции, и мы не можем назвать среди них ни

реформаторов, подобных Джотто, ни гениев индивидуального творчества, подобных Леонардо да Винчи.

То же и в древнерусской живописи. Правда, мы знаем имена Рублева, Феофана Грека, Дионисия и его сыновей. Но и их искусство прежде всего искусство традиции и лишь во вторую очередь – искусство индивидуальной творческой инициативы. Впрочем, не случайно эпоху Рублева и Феофана мы называем в древнерусском искусстве эпохой Предвозрождения. Личность начинала уже играть в это время заметную роль. Имен крупных писателей в древней Руси также немало: Иларион, Нестор, Симон и Поликарп, Кирилл Туровский, Климент Смолятич, Серапион Владимирский и многие другие. Тем не менее литература древней Руси не была литературой отдельных писателей: она, как и народное творчество, была искусством надиндивидуальным. Это было искусство, создававшееся путем накопления коллективного опыта и производящее огромное впечатление мудростью традиций и единством всей – в основном безымянной – письменности.

Перед нами литература, которая возвышается над своими семью веками как единое грандиозное целое, как одно колоссальное произведение, поражающее нас подчиненностью одной теме, единым борением идей, контрастами, вступающими в неповторимые сочетания. Древнерусские писатели – не зодчие отдельно стоящих зданий. Это – градостроители. Они работали над одним, общим грандиозным ансамблем. Они обладали замечательным «чувством плеча», создавали циклы, своды и ансамбли произведений, в свою очередь слагавшиеся в единое здание литературы, в котором и самые противоречия составляли некое органическое явление, эстетически уместное и даже необходимое.

Это своеобразный средневековый собор, в строительстве которого принимали участие в течение нескольких веков тысячи «вольных каменщиков», с их ложами и их подвижными, переезжавшими из страны в страну артелями, позволявшими использовать опыт всего европейского мира в целом. Мы видим в этом соборе и контрфорсы, сопротивляющиеся силам, раздвигающим его, и устремленность к небу, противостоящую земному тяготению. Фигуры святых внутри соотносятся с фигурами химер снаружи. Одни устремлены взорами к небу, другие тупо смотрят в землю. Витражи как бы отторгают внутренний мир собора от того, что находится за его пределами. Он вырастает среди тесной застройки города. Его пышность противостоит бедности «земных жилищ» простых горожан. Его росписи отвлекают их от земных забот, напоминают о вечности. Но все-таки это творение рук человеческих, и горожанин чувствует рядом с этим

собором не только свою ничтожность, но и силу человеческого единства. Он построен людьми, чтобы подняться над ними и чтобы возвысить их, одновременно.

Всякая литература создает свой мир, воплощающий мир представлений современного ей общества. Попробуем восстановить мир древнерусской литературы. Что же это за единое и огромное здание, над построением которого трудились семьсот лет десятки поколений русских книжников – безвестных или известных нам только своими скромными именами и о которых почти не сохранилось биографических данных, и не осталось даже автографов?

Чувство значительности происходящего, значительности всего временного, значительности истории человеческого бытия не покидало древнерусского человека ни в жизни, ни в искусстве, ни в литературе.

Человек, живя в мире, помнил о мире в целом как огромном единстве, ощущал свое место в этом мире. Его дом располагался красным углом на восток. По смерти его клали в могилу головой на запад, чтобы лицом он встречал солнце. Его церкви были обращены алтарями навстречу возникающему дню. В храме росписи напоминали ему о событиях Ветхого и Нового заветов, собирали вокруг него мир святости: святых воинов внизу, мучеников повыше; в куполе изображалась сцена вознесения Христа, на парусах сводов, поддерживающих купол, – евангелисты и т. д. Церковь была микромиром и, вместе с тем, она была макрочеловеком. У ней была глава, под главой шея барабана, плечи. Окна были очами храма (об этом свидетельствует сама этимология слова «окно»). Над окнами были «бровки».

Большой мир и малый, вселенная и человек! Все взаимосвязано, все значительно, все напоминает человеку о смысле его существования, о величии мира и значительности в нем судьбы человека.

Не случайно в апокрифе о создании Адама рассказывается, что тело его было создано от земли, кости от камней, кровь от моря (не из воды, а именно от моря), очи от солнца, мысли от облак, свет в очах от света вселенной, дыхание от ветра, тепло тела от огня. Человек – микрокосм, «малый мир», как называют его некоторые древнерусские сочинения.

Человек ощущал себя в большом мире ничтожной частицей и все же участником мировой истории. В этом мире все значительно, полно сокровенного смысла. Задача человеческого познания состоит в том, чтобы разгадать смысл вещей, символику животных, растений, числовых соотношений. Можно было бы привести множество символических значений отдельных чисел. Существовала символика цветов, драгоценных

камней, растений и животных. Когда древнерусскому книжнику не хватало животных, чтобы воплотить в себе все знаки божественной воли, в строй символов вступали фантастические звери античной или восточной мифологий. Вселенная – книга, написанная перстом Божиим. Письменность расшифровывала этот мир знаков. Ощущение значительности и величия мира лежало в основе литературы.

Литература обладала всеохватывающим внутренним единством, единством темы и единством взгляда на мир. Это единство разрывалось противоречиями воззрений, публицистическими протестами и идеологическими спорами. Но тем не менее оно потому и разрывалось, что существовало. Единство было обязательным, и потому любая ересь или любое классовое или сословное выступление требовали нового единства, переосмысления всего наличного материала. Любая историческая перемена требовала пересмотра всей концепции мировой истории – создания новой летописи, часто от «потопа» или даже от «сотворения мира».

Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни.

Не то чтобы все произведения были посвящены мировой истории (хотя этих произведений и очень много): дело не в этом! Каждое произведение в какой-то мере находит свое географическое место и свою хронологическую веху в истории мира. Все произведения могут быть поставлены в один ряд друг за другом в порядке совершающихся событий: мы всегда знаем, к какому историческому времени они отнесены авторами. Литература рассказывает или, по крайней мере, стремится рассказать не о придуманном, а о реальном. Поэтому реальное – мировая история, реальное географическое пространство – связывает между собой все отдельные произведения.

В самом деле, вымысел в древнерусских произведениях маскируется правдой. Открытый вымысел не допускается. Все произведения посвящены событиям, которые были, совершились или хотя и не существовали, но всерьез считаются совершившимися. Древнерусская литература вплоть до XVII в. не знает или почти не знает условных персонажей. Имена действующих лиц – исторические: Борис и Глеб, Феодосий Печерский, Александр Невский, Дмитрий Донской, Сергей Радонежский, Стефан Пермский... При этом древнерусская литература рассказывает по преимуществу о тех лицах, которые сыграли значительную роль в исторических событиях: будь то Александр Македонский или Авраамий

Смоленский.

Разумеется, исторически значительными лицами будут, со средневековой точки зрения, не всегда те, которых признаем исторически значительными мы, – с точки зрения людей нового времени. Это по преимуществу лица, принадлежащие к самой верхушке феодального общества: князья, полководцы, епископы и митрополиты, в меньшей мере – бояре. Но есть среди них и лица безвестного происхождения: святые отшельники, основатели скитов, подвижники. Они также значительны, с точки зрения средневекового историка (а древнерусский писатель по большей части именно историк), так как и этим лицам приписывается влияние на ход мировой истории: их молитвами, их нравственным воздействием на людей. Тем более удивляет и восторгает древнерусского писателя это влияние, что такие святые были известны очень немногим своим современникам: они жили в уединении «пустынь» и молчаливых келий.

Мировая история, изображаемая в литературе, велика и трагична. В центре ее находится скромная жизнь одного лица – Христа. Все, что совершалось в мире до его воплощения, – лишь приуготовление к ней. Все, что произошло и происходит после, – сопряжено с этой жизнью, так или иначе с ней соотносится. Трагедия личности Христа заполняет собой мир, она живет в каждом человеке, напоминает в каждой церковной службе. События ее вспоминаются в те или иные дни года. Годичный круг праздников был повторением священной истории. Каждый день года был связан с памятью тех или иных святых или событий. Человек жил в окружении событий истории. При этом событие прошлого не только вспоминалось, – оно как бы повторялось ежегодно в одно и то же время. Кирилл Туровский в Слове на новую неделю по Пасхе говорит: «Днесь весна красується, оживляючи земное естество... Ныня реки апостольскыя наводняются...» Сама природа как бы символизировала своим весенним расцветом события воскресения Христа.

Одна из самых популярных книг древней Руси – «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского. Книга эта рассказывает о мире, располагая свой рассказ в порядке библейской легенды о создании мира в шесть дней. В первый день был сотворен свет, во второй – видимое небо и воды, в третий – море, реки, источники и семена, в четвертый – солнце, луна и звезды, в пятый – рыбы, гады и птицы, в шестой – животные и человек. Каждый из описанных дней – гимн творению, миру, его красоте и мудрости, согласованности и разнообразию элементов целого.

История не сочиняется. Сочинение, со средневековой точки зрения, –

ложь. Поэтому громадные русские произведения, излагающие всемирную историю, – это по преимуществу переводы с греческого: хроники или компиляции на основе переводных и оригинальных произведений. Произведения по русской истории пишутся вскоре после того, как события совершились, – очевидцами, по памяти или по свидетельству тех, кто видел описываемые события. В дальнейшем новые произведения о событиях прошлого – это только комбинации, своды предшествующего материала, новые обработки старого. Таковы в основном русские летописи. Летописи – это не только записи о том, что произошло в годовом порядке; это в какой-то мере и своды тех произведений литературы, которые оказывались под рукой у летописца и содержали исторические сведения. В летописи вводились исторические повести, жития святых, различные документы, послания. Произведения постоянно включались в циклы и своды произведений. И это включение не случайно. Каждое произведение воспринималось как часть чего-то большего. Для древнерусского читателя композиция целого была самым важным. Если в отдельных своих частях произведение повторяло уже известное из других произведений, совпадало с ними по тексту, – это никого не смущало.

Таковы «Летописец по великому изложению», «Еллинский и римский летописец» (он настолько велик, что до сих пор остается неизданным), различного рода изложения ветхозаветной истории – так называемые палеи (историческая, хронографическая, толковая и пр.), временники, степенные книги и, наконец, множество различных летописей. Все они представляют собой своды, компиляции. Это собрания предшествующих исторических произведений, с ограниченной переработкой их в недрах нового сочинения, охватывающего более широкий и более поздний круг источников.

Тем же стремлением ответить на основные вопросы мироустройства воодушевлены апокрифы: сочинения по всемирной истории, не признанные церковью. Они дополняют и развивают повествование Священного писания.

Исторических сочинений великое множество. Но одна их особенность изумляет: говоря о событиях истории, древнерусский книжник никогда не забывает о движении истории в ее мировых масштабах. Либо повесть начинается с упоминания о главных мировых событиях (сотворении мира, всемирном потопе, вавилонском столпотворении и воплощении Христа), либо повесть непосредственно включается в мировую историю: в какой-либо из больших сводов по всемирной истории.

Автор «Чтения о житии и погублении Бориса и Глеба», прежде чем

начать свое повествование, кратко рассказывает историю вселенной от сотворения мира, историю Иисуса Христа. Древнерусский книжник никогда не забывает о том, в каком отношении к общему движению мировой истории находится то, о чем он повествует. Даже рассказывая немудрую историю о безвестном молодце, пьянице и азартном игроке в кости, человеку, дошедшем до последних ступеней падения, автор «Повести о Горе-Злочастии» начинает ее с событий истории мира, – буквально «от Адама»:

А в начале века сего тленного
сотворил бог небо и землю,
сотворил бог Адама и Евву,
повелел им жити во святом раю...

Подобно тому как мы говорим об эпосе в народном творчестве, мы можем говорить и об эпосе древнерусской литературы. Эпос – это не простая сумма былин и исторических песен. Былины сюжетно взаимосвязаны. Они рисуют нам целую эпическую эпоху в жизни русского народа. Эпоха эта и фантастична в некоторых своих частях, но вместе с тем и исторична. Это эпоха – время княжения Владимира Красного Солнышка. Сюда переносится действие многих сюжетов, которые, очевидно, существовали и раньше, а в некоторых случаях возникли позже. Другое эпическое время – время независимости Новгорода. Исторические песни рисуют нам если не единую эпоху, то, во всяком случае, единое течение событий: XVI и XVII вв. по преимуществу.

Древняя русская литература – это тоже цикл. Цикл, во много раз превосходящий фольклорные. Это эпос, рассказывающий историю вселенной и историю Руси.

Ни одно из произведений древней Руси – переводное или оригинальное – не стоит обособленно. Все они дополняют друг друга в создаваемой ими картине мира. Каждый рассказ – законченное целое и, вместе с тем, он связан с другими. Это только одна из глав истории мира. Даже такие произведения, как переводная повесть «Стефанит и Ихниллат» (древнерусская версия сюжета «Калилы и Димны») или написанная на основе устных рассказов анекдотического характера «Повесть о Дракуле», входят в состав сборников и не встречаются в отдельных списках. В отдельных рукописях они начинают появляться только в поздней традиции – в XVII и XVIII вв.

Происходит как бы непрерывная циклизация. Даже записки тверского купца Афанасия Никитина о его «Хождении за три моря» были включены в летопись. Из сочинения, с нашей точки зрения –

географического, записки эти становятся сочинением историческим – повестью о событиях путешествия в Индию. Такая судьба не редка для литературных произведений древней Руси: многие из рассказов со временем начинают восприниматься как исторические, как документы или повествования о русской истории: будь то проповедь игумена Выдубецкого монастыря Моисея, произнесенная им по поводу построения монастырской стены, или житие святого.

Произведения строились по «анфиладному принципу». Житие дополнялось с течением веков службами святому, описанием его посмертных чудес. Оно могло разрастаться дополнительными рассказами о святом. Несколько житий одного и того же святого могли быть соединены в новое единое произведение. Новыми сведениями могла дополняться летопись. Окончание летописи все время как бы отодвигалось, продолжаясь дополнительными записями о новых событиях (летопись росла вместе с историей). Отдельные годовые статьи летописи могли дополняться новыми сведениями из других летописей; в них могли включаться новые произведения. Так дополнялись также хронографы, исторические проповеди. Разрастались сборники слов и поучений. Вот почему в древнерусской литературе так много огромных сочинений, объединяющих собой отдельные повествования в общий «эпос», рассказывающий о мире и его истории.

Сказанное трудно представить себе по хрестоматиям, антологиям и отдельным изданиям древнерусских текстов, вырванных из своего окружения в рукописях. Но если вспомнить обширные рукописи, в состав которых все эти произведения входят, – все эти многотомные Великие четьи минеи (то есть чтения, расположенные по месяцам года), летописные своды, прологи, златоусты, измарагды, хронографы, отдельные сборники, – то мы отчетливо представим себе то чувство величия мира, которое стремились выразить древнерусские книжники во всей своей литературе, единство которой они живо ощущали. Есть только один жанр, который, казалось бы, выходит за пределы этой средневековой историчности, – это притчи. Они явно вымышлены. В аллегорической форме они преподносят нравоучение читателям, представляют собой как бы образное обобщение действительности. Они говорят не о единичном, а об общем, постоянно случающемся. Жанр притчи традиционный. Для древней Руси он имеет еще библейское происхождение. Притчами усеяна Библия. Притчами говорит Христос в Евангелии. Соответственно притчи входили в состав сочинений для проповедников и в произведения самих проповедников. Но притчи повествуют о «вечном». Вечное же – обратная

сторона единого исторического сюжета древнерусской литературы. Все совершающееся в мире имеет две стороны: сторону, обращенную к временному, запечатленную единичностью совершающегося, совершившегося или того, чему надлежит совершиться, и сторону вечную: вечного смысла происходящего в мире. Битва с половцами, смена князя, завоевание Константинополя турками или присоединение княжества к Москве – все имеет две стороны. Одна сторона – это то, что произошло, и в этом произошедшем есть реальная причинность: ошибки, совершенные князьями, недостаток единства или недостаток заботы о сохранности родины – если это поражение; личное мужество и сообразительность полководцев, храбрость воинов – если это победа; засуха – если это неурожай, неосторожность «бабы некоей» – если это пожар города. Другая сторона – это извечная борьба зла с добром, это стремление бога исправить людей, наказывая их за грехи или заступаясь за них по молитвам отдельных праведников (вот почему, со средневековой точки зрения, так велико историческое значение их уединенных молитв). В этом случае с реальной причинностью сочетается по древнерусским представлениям причинность сверхреальная.

Временное с точки зрения древнерусских книжников лишь проявление вечного, но практически в литературных произведениях они показывают скорее другое: важность временного. Временное, хочет того книжник или не хочет, все же играет в литературе большую роль, чем вечное. Баба сожгла город Холм – это временное. Наказание жителям этого города за грехи – это смысл совершившегося. Но о том, как сожгла баба и как произошел пожар, – об этом можно конкретно и красочно рассказать, о наказании же божьем за грехи жителей Холма можно только упомянуть в заключительной моральной концовке рассказа. Временное раскрывается через события. И эти события всегда красочны. Вечное же событий не имеет. Оно может быть только проиллюстрировано событиями или пояснено иносказанием – притчей. И притча стремится сама стать историей, рассказанной реальностью. Ее персонажам со временем часто даются исторические имена. Она включается в историю. Движение временного втягивает в себя неподвижность вечного.

Заключительное нравоучение – это обычно привязка произведения к владеющей литературой главной теме – теме всемирной истории. Рассказав о дружбе старца Герасима со львом и о том, как умер лев от горя на могиле старца, автор повести заканчивает ее следующим обобщением: «Все это было не потому, что лев имел душу, понимающую слово, но потому, что бог хотел прославить славящих его не только в жизни, но и по

смерти, и показать нам, как повиновались звери Адаму до его ослушания, блаженствуя в раю».

Притча – это как бы образная формулировка законов истории, законов, которыми управляется мир, попытка отразить божественный замысел. Вот почему и притчи выдумываются очень редко. Они принадлежат истории, а поэтому должны рассказывать правду, не должны сочиняться. Поэтому они традиционны и обычно переходят в русскую литературу из других литератур в составе переводных произведений. Притчи лишь варьируются. Здесь множество «бродячих» сюжетов.

* * *

Мы часто говорим о внутренних закономерностях развития литературных образов в произведениях новой литературы и о том, что поступки героев обусловлены их характерами. Каждый герой литературы нового времени по-своему реагирует на воздействия внешнего мира. Вот почему поступки действующих лиц могут быть даже «неожиданными» для авторов, как бы продиктованными авторам самими этими действующими лицами.

Аналогичная обусловленность есть и в древней русской литературе, – аналогичная, но не совсем такая. Герой ведет себя так, как ему положено себя вести, но положено не по законам его характера, а по законам поведения того разряда героев, к которому он принадлежит. Не индивидуальность героя, а только разряд, к которому принадлежит герой в феодальном обществе! И в этом случае нет неожиданностей для автора. Должное неизменно сливается в литературе с сущим. Идеальный полководец должен быть благочестив и должен молиться перед выступлением в поход. И вот в «Житии Александра Невского» описывается, как Александр входит в храм Софии и молится там со слезами богу о даровании победы. Идеальный полководец должен побеждать многочисленного врага немногими силами, и ему помогает бог. И вот Александр выступает «в мале дружине, не сождавься со мною силою своею, уповая на святую Троицу», а врагов его избивает ангел. А затем все эти особенности поведения святого Александра Невского механически переносятся уже в другом произведении на другого святого – князя Довмонта Тимофея Псковского. И в этом нет неосмысленности, плагиата, обмана читателя. Ведь Довмонт – идеальный воин-полководец. Он и должен вести себя так, как вел себя в аналогичных обстоятельствах другой идеальный воин-полководец – его предшественник Александр Невский. Если о поведении Довмонта мало что известно из летописей, то писатель не задумываясь дополняет повествование по житию Александра

Невского, так как уверен, что идеальный князь мог себя вести только этим образом, а не иначе.

Вот почему в древнерусской литературе повторяются типы поведения, повторяются отдельные эпизоды, повторяются формулы, которыми определяется то или иное состояние, события, описывается битва или характеризуется поведение. Это не бедность воображения – это литературный этикет: явление очень важное для понимания древнерусской литературы. Герою полагается вести себя именно так, и автору полагается описывать героя только соответствующими выражениями. Автор – церемониймейстер, он сочиняет «действие». Его герои – участники этого «действия». Эпоха феодализма полна церемониальности. Церемониален князь, епископ, боярин, церемониален и быт их дворов. Даже быт крестьянина полон церемониальности. Впрочем, эту крестьянскую церемониальность мы знаем под названием обрядности и обычаев. Им посвящена изрядная доля фольклора: народная обрядовая поэзия.

Подобно тому как в иконописи фигуры святых как бы висят в воздухе, невесомы, а архитектура, природа служат им не окружением, а своеобразным «задником», фоном, – так и в литературе многие из ее героев не зависят от действительности. Характеры их не воспитаны обстоятельствами земной жизни, – святые пришли в мир со своей сущностью, со своей миссией, действуют согласно выработанному в литературе этикету.

Устойчивые этикетные особенности слагаются в литературе в иероглифические знаки, в эмблемы. Эмблемы заменяют собой длительные описания и позволяют быть писателю исключительно кратким. Литература изображает мир с предельным лаконизмом. Создаваемые ею эмблемы общи в известной, «зрительной» своей части с эмблемами изобразительного искусства.

Эмблема близка к орнаменту. Литература часто становится орнаментальной. «Плетение словес», широко развившееся в русской литературе с конца XIV в., – это словесный орнамент. Можно графически изобразить повторяющиеся элементы «плетения словес», и мы получим орнамент, близкий к орнаменту рукописных заставок, – так называемой «плетенке».

Вот пример сравнительно простого «плетения» из входившей в состав летописей «Повести о приходе на Москву хана Темир Аксака». Автор нанизывает длинные ряды параллельных грамматических конструкций, синонимов – не в узкоязыковом, но шире – в логическом и смысловом

плане. В Москву приходят вести о Темир Аксаке «как готовится воевати Русскую землю и како похваляется итик Москве, хотя взятие, и люди русския поплени, и местасвята разорити, а верухристьяньскую искоренити, а хрестиян гонити, томити и мучити, пещии жещии мечи сеци. Бяше же сий Темир Аксак велми нежалостив и зело немилостив и люот мучительи зол гонитель и жесток томитель...» и т. д.

Еще более сложным был композиционный и ритмический рисунок в агиографической (житийной) литературе. Достаточно привести небольшой отрывок из «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» (Дмитрия Донского), разделив его для наглядности на параллельные строки:

млад сы возрастом,
но духовных прилежаше делесех,
пустотных бесед не творяше,
и срамных глагол не любяще,
а злонравных человек отвращашеся,
а с благыми всегда беседоваше...
и т. д.

Кружево слов плетется вокруг сюжета, создает впечатление пышности и таинственной связи между словесным обрамлением рассказываемого. Церемония требует некоторой торжественности и украшенности.

* * *

Итак, литература образует некоторое структурное единство – такое же, какое образует обрядовый фольклор или исторический эпос. Литература соткана в единую ткань благодаря единству тематики, единству художественного времени с временем истории, благодаря прикреплённости сюжета произведений к реальному географическому пространству, благодаря вхождению одного произведения в другое со всеми вытекающими отсюда генетическими связями и, наконец, благодаря единству литературного этикета.

В этом единстве литературы, в этой стертости границ ее произведений единством целого, в этой невыявленности авторского начала, в этой значительности тематики, которая вся была посвящена в той или иной мере «мировым вопросам» и имела очень мало развлекательности, в этой церемониальной украшенности сюжетов есть своеобразное величие. Чувство величия, значительности происходящего было основным стилеобразующим элементом древнерусской литературы.

Древняя Русь оставила нам много кратких похвал книгам. Всюду подчеркивается, что книги приносят пользу душе, учат человека

воздержанию, побуждают его восхищаться миром и мудростью его устройства. Книги открывают «розмысл сердечный», в них красота, и они нужны праведнику, как оружие воину, как паруса кораблю.

Литература – священнодействие. Читатель был в каком-то отношении молящимся. Он предстоял произведению, как и иконе, испытывал чувство благоговения. Оттенок этого благоговения сохранялся даже тогда, когда произведение было светским. Но возникало и противоположное: глумление, ирония, скоморошество. Пышный двор нуждается в шуте; придворному церемониймейстеру противостоит балагур и скоморох. Нарушения этикета шутком подчеркивают пышность этикета. Это один из парадоксов средневековой культуры. Яркий представитель этого противоположного начала в литературе – Даниил Заточник, перенесший в свое «Слово» приемы скоморошьего балагурства. Даниил Заточник высмеивает в своем «Слове» пути к достижению жизненного благополучия, потешает князя и подчеркивает своими неуместными шутками церемониальные запреты.

Балагурство и шутовство противостоят в литературе торжественности и церемониальности не случайно. В средневековой литературе вообще существуют и контрастно противостоят друг другу два начала. Первое описано выше: это начало вечности; писатель и читатель осознают в ней свою значительность, свою связь со вселенной, с мировой историей. Второе начало – начало обыденности, простых тем и небольших масштабов, интереса к человеку как таковому. В первых своих темах литература преисполнена чувства возвышенного и резко отделяется по языку и стилю от бытовой речи. Во вторых темах – она до предела деловита, проста, непритязательна, снижена по языку и по своему отношению к происходящему.

Что же это за второе начало – начало обыденности? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к вопросу о том, как развивалась литература.

2

Итак, мы обрисовали древнерусскую литературу как бы в ее «вневременном» и «идеальном» состоянии. Однако древняя русская литература вовсе не неподвижна. Она знает развитие. Но движение и развитие древнерусской литературы совсем не похоже на движение и развитие литератур нового времени. Они также своеобразны.

Начать с того, что национальные границы древнерусской литературы определяются далеко неточно, и это в сильнейшей степени сказывалось на характере развития. Основная группа памятников древнерусской

литературы, как мы видели, принадлежит также литературам болгарской и сербской. Эта часть литературы написана на церковнославянском, по происхождению своему древнеболгарском, языке, одинаково понятном для южных и восточных славян. К ней принадлежат памятники церковные и церковноканонические, богослужебные, сочинения отцов церкви, отдельные жития и целые сборники житий святых – как, например, Пролог, патерики. Кроме того, в эту общую для всех южных и восточных славян литературу входят сочинения по всемирной истории (хроники и компилятивные хронографы), сочинения природоведческие («Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, «Физиолог», «Христианская топография» Косьмы Индикоплова) и даже сочинения, не одобрявшиеся церковью, – как, например, апокрифы. Развитие этой общей для всех южных и восточных славян литературы задерживалось тем, что она была разбросана по огромной территории, литературный обмен на которой хотя и был интенсивен, но не мог быть быстрым.

Большинство этих сочинений пришло на Русь из Болгарии в болгарских переводах, но состав этой литературы, общей для всех южных и восточных славян, вскоре стал пополняться оригинальными сочинениями и переводами, созданными во всех южных и восточных славянских странах: в той же Болгарии, на Руси, в Сербии и Моравии. В древней Руси, в частности, были созданы Пролог, переводы с греческого Хроники Георгия Амартола, некоторых житий, «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, «Девгениева деяния» и пр. Была переведена с древнееврейского книга «Эсфирь», были переводы с латинского. Эти переводы перешли из Руси к южным славянам. Быстро распространились у южных славян и такие оригинальные древнерусские произведения, как «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, жития Владимира, Бориса и Глеба, Ольги, повести о создании в Киеве храмов Софии и Георгия, сочинения Кирилла Туровского и др.

Ни мир литературы, ни мир политического кругозора не мог замкнуться пределами княжества. В этом было одно из трагических противоречий эпохи: экономическая общность охватывала узкие границы местности, связи были слабы, а идейно человек стремился охватить весь мир.

Рукописи дарились и переходили не только за пределы княжеств, но и за пределы страны, – их перевозили из Болгарии на Русь, из Руси в Сербию и пр. Артели мастеров – зодчих, фрескистов и мозаичистов – переезжали из страны в страну. В Новгороде один из храмов расписывали сербы, другой – Феофан Грек, в Москве работали греки. Переходили из княжества

в княжество и книжники. Житие Александра Невского составлялось на северо-востоке Руси галичанином. Житие, украинца по происхождению, московского митрополита Петра – болгаринном по происхождению, московским митрополитом Киприаном. Образовывалась единая культура, общая для нескольких стран. Средневековый книжный человек не замыкался пределами своей местности – переходил из княжества в княжество, из монастыря в монастырь, из страны в страну. «Гражданин горнего Иерусалима» Пахомий Серб работал в Новгороде и в Москве.

Эта литература, объединявшая различные славянские страны, существовала в течение многих веков, иногда впитывала в себя особенности языка отдельных стран, иногда получала местные варианты сочинений, но одновременно и освобождалась от этих местных особенностей благодаря интенсивному общению славянских стран.

Литература, общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и, в значительной мере, по происхождению. Многие памятники были известны и на Западе (сочинения церковные, произведения отцов церкви, «Физиолог», «Александрия», отдельные апокрифы и пр.). Это была литература, близкая византийской культуре, которую только по недоразумению или по слепой традиции, идущей от П. Чаадаева, можно относить к Востоку, а не к Европе.

В развитии древней русской литературы имели очень большое значение нечеткость внешних и внутренних границ, отсутствие строго определяемых границ между произведениями, между жанрами, между литературой и другими искусствами, – та мягкость и зыбкость структуры, которая всегда является признаком молодости организма, его младенческого состояния и делает его восприимчивым, гибким, легким для последующего развития.

Процесс развития идет не путем прямого дробления этого зыбкого целого, а путем его роста и детализации. В результате роста и детализации естественным путем отщепляются, отпочковываются отдельные части, они приобретают большую жесткость, становятся более ощутимыми и различия.

Литература все более и более отступает от своего первоначального единства и младенческой неформленности. Она дробится по формирующимся национальностям, дробится по темам, по жанрам, все теснее контактируется с местной действительностью.

Новые и новые события требовали своего освещения. Русские святые вызывают необходимость в новых житиях. Возникает необходимость в проповедях и публицистических сочинениях, посвященных насущным

явлениям местной действительности. Развивающееся национальное самосознание потребовало исторического самоопределения русского народа. Надо было найти место русскому народу в той грандиозной картине всемирной истории, которую дали переводные хроники и возникшие на их основе компилятивные сочинения. И вот рождается новый жанр, которого не знала византийская литература, – летописание.¹ «Повесть временных лет», одно из самых значительных произведений русской литературы, определяет место славян, и, в частности, русского народа, среди народов мира, рисует происхождение славянской письменности, образование русского государства и т. д.

Богословско-политическая речь первого митрополита из русских – Илариона – его знаменитое «Слово о законе и благодати» – говорит о церковной самостоятельности русских. Появляются первые жития русских святых. И эти жития, как и слово Илариона, имеют уже жанровые отличия от традиционной формы житий. Князь Владимир Мономах обращается к своим сыновьям и ко всем русским князьям с «Поучением», вполне точные жанровые аналогии которому не найдены еще в мировой литературе. Он же пишет письмо своему врагу Олегу Святославичу, и это письмо также выпадает из жанровой системы, воспринятой Русью. Отклики на события и волнения русской жизни все растут, все увеличиваются в числе, и все они в той или иной степени выходят за устойчивые границы тех жанров, которые были перенесены к нам из Болгарии и Византии. Необычен жанр «Слова о полку Игореве» (в нем соединены жанровые признаки ораторского произведения и фольклорных слав и плачей), «Моления Даниила Заточника» (произведения, испытавшего влияние скоморошьего балагурства), «Слова о погибели Русской земли» (произведения близкого к народным плачам, но имеющего необычное для фольклора политическое содержание). Число произведений, возникших под влиянием острых потребностей русской действительности и не укладывающихся в традиционные жанры, все растет и растет. Появляются исторические повести о тех или иных событиях. Жанр этих исторических повестей также не был воспринят из переводной литературы. Особенно много исторических повестей возникает в период татаро-монгольского ига. «Повести о Калкской битве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Китежская легенда», рассказы о Щелкановщине, о нашествии на Москву Тамерлана, Тохтамыша, различные повествования о Донской битве («Задонщина», «Летописная повесть о Куликовской битве», «Слово о житии Дмитрия Донского», «Сказание о Мамаевом побоище» и пр.) – все это новые в жанровом отношении произведения, имевшие огромное

значение в росте русского национального самосознания, в политическом развитии русского народа.

В XV в. появляется еще один новый жанр – политическая легенда (в частности, «Сказание о Вавилоне граде»). Жанр политической легенды особенно сильно развивается на рубеже XV и XVI вв. («Сказание о князьях Владимирских») и в начале XVI в. (теория Москвы – Третьего Рима псковского старца Филофея). В XV в. на основе житийного жанра появляется и имеет важное историко-литературное значение историко-бытовая повесть («Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе» и многие другие). «Сказание о Дракуле воеводе» (конец XV в.) – это также новое в жанровом отношении произведение.

Бурные события начала XVII в. порождают огромную и чрезвычайно разнообразную литературу, вводят в нее новые и новые жанры. Здесь и произведения, предназначенные для распространения в качестве политической агитации («Новая повесть о преславном Российском царстве»), и произведения, описывающие события с узко личной точки зрения, в которых авторы не столько повествуют о событиях, сколько оправдываются в своей прошлой деятельности или выставляют свои бывшие (иногда мнимые) заслуги («Сказание Авраамия Палицына», «Повесть Ивана Хворостинна»).

Автобиографический момент по-разному закрепляется в XVII в.: здесь и житие матери, составленное сыном («Повесть об Улиянии Осоргиной»), и «Азбука», составленная от лица «голового и небогатого человека», и «Послание дворительное недругу», и, собственно, автобиографии – Аввакума и Епифания, написанные одновременно в одной земляной тюрьме в Пустозерске и представляющие собой своеобразный диптих. Одновременно, в XVII в., развивается целый обширный раздел литературы – литературы демократической, в которой значительное место принадлежит сатире в ее самых разнообразных жанрах (пародии, сатирико-бытовые повести и пр. и пр.). Появляются произведения, в которых имитируются произведения деловой письменности: дипломатической переписки (вымышленная переписка Ивана Грозного с турецким султаном), дипломатических отчетов (вымышленные статейные списки посольств Сугорского и Ищеина), пародии на богослужение (сатирическая «Служба кабаку»), на судные дела (сатирическая «Повесть о Ерше Ершовиче»), на челобитные, на росписи приданого и т. д.

Сравнительно поздно появляется систематическое стихотворство –

только в середине XVII в. До того стихи встречались лишь спорадически, так как потребности в любовной лирике удовлетворялись фольклором. Поздно появляется и регулярный театр (только при Алексее Михайловиче). Место его занимали скоморошьи представления. Сюжетную литературу в значительной мере (но не целиком) заменяла сказка. Но в XVII в. в высших слоях общества рядом со сказкой появляются переводы рыцарских романов (повести о Бове, о Петре Златых Ключей, о Мелюзине и пр.). Особую роль в литературе XVII в. начинает играть историческая легенда («Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы») и даже сочинения по тем или иным вопросам всемирной истории («О причинах гибели царств»).

* * *

Таким образом, историческая действительность, все новые и новые потребности общества вызывали необходимость в новых жанрах и новых видах литературы. Количество жанров возрастает необычайно, и многие из них находятся еще как бы в неустойчивом положении. XVIII веку предстояло сократить и стабилизировать это разнообразие.

Но были и силы, тормозившие развитие литературы. Исторический путь русского народа сопровождался трагической борьбой со степными народами за национальную независимость, за национальное освобождение при татаро-монгольском иге, затем – с иноземными интервентами в начале XVII в.

Ускоренное развитие централизованного государства, вызванное внешними обстоятельствами, сделало его особенно сильной машиной подавления народа. Государство развивалось за счет развития культуры. Государственное строительство притягивало к себе все силы народа, отвлекало народные силы от других областей культурной деятельности. В результате русская литература надолго сохранила печать особой серьезности, преобладания учительного и познавательного начала над эстетическим. Вместе с тем писатель с самого начала чувствовал свою ответственность перед народом и страной. Литература приобрела тот героический характер, который сохранился в ней и в новое время – в XVIII и XIX вв.

В системе средневекового феодального мировоззрения не было места для личности человека самого по себе. Человек был по преимуществу частью иерархического устройства общества и мира. Ценность человеческой личности осознавалась слабо. В какой-то мере она, конечно, осознавалась, но тогда на задний план отступала сама система. Сама человеческая личность, ее индивидуальность разрушала литературный

этикет, монументальность стиля, подчиненность целому, церемониальность литературы и т. д. Непосредственное сочувствие человеку, простое сострадание ему, сопереживание с ним автора оказывались самыми сильными революционными началами в литературе. Мир, который в основном рассматривался в традиционной части литературы с заоблачной высоты и в масштабах всемирной истории, вдруг предстал перед читателем в страданиях одного человека. И какими не важными оказывались тогда положение в обществе этого страдающего человека, его принадлежность к тому или иному классу или сословию, его богатство или бедность! Все отступало на задний план перед самой личностью, индивидуальностью человека.

Жизненные наблюдения, вызванные вниманием к отдельному человеку в его человеческой сущности, разрушали средневековую систему литературы, способствовали появлению в литературе ростков нового. Но было бы неправильно думать, что эти жизненные наблюдения сами в какой-то мере не были присущи древней русской литературе, как определенной эстетической системе. Природа древней русской литературы были противоречива.

Сколько этих верных наблюдений знает древнерусская литература, – наблюдений, из которых возникает живое представление о людях того времени, и при этом о людях разных сословий. Вот половцы ведут русских пленников. Они бредут по степи, пишет летописец, страдающие, печальные, измученные, скованные стужей, почерневшие телом; бредут по чужой стране с воспаленными от жажды языками, голые и босые, с ногами, опутанными тернием. И тут возникает такая деталь, которая свидетельствует, что если летописец и не наблюдал за пленниками, то сумел все же живо представить себе их ужасное положение, их мысли, их разговоры между собой. Летописец так передает их разговор. Один говорил: «Я был из этого города», а другой отвечал ему: «Я из того села!» «Был», а не «есть» – для них все в прошлом. О чем другом могли говорить между собой пленники, не надеющиеся вернуться домой? Это пишет человек о людях, страданиям которых он сочувствует. Художественная находка эта вызвана сопереживанием горя. Но этим нарушен литературный этикет, нарушено и самое главное правило средневековой литературы: писать только о том, что действительно было. Летописец вообразил себе этот разговор, и вообразил его не в соответствии с литературным этикетом, не так, как составитель «Жития Довмонта Псковского» вообразил себе и восполнял не достающие звенья в биографии своего героя по «Житию Александра Невского», а по своему

личному опыту.

А вот что пишет Владимир Мономах своему заклятому врагу Олегу Святославичу, убийце своего сына Изяслава. Олег не только убил Изяслава, но и захватил его молодую жену. Мономах просит Олега отпустить вдову, стремится вызвать у Олега жалость к ней и находит для этого такие проникновенные слова: надо было бы, пишет он, «оноху мою послать ко мне, – ибо нет в ней ни зла, ни добра, – чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их за грехи мои. Ради бога, пусти ее ко мне поскорее с первым посланцем, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горя, а сам бы я утешился в боге».

Еще пример. Летописец описывает ослепление князя Василька Теремовского. Сцена этого ослепления ужасна, подробности так страшны, что современный читатель с трудом их выдерживает, но дело не в этих кровавых подробностях, а в том, как они поданы. Орудие пытки – нож, которым изымали глаза у Василька, приобретает какую-то самостоятельную роль. Летописец пишет, как этот нож точат, как с ним «приступают» к Васильку, как первый удар этим ножом пришелся мимо и принес жертве ненужную муку, как ослепители «ввертели» нож в один глаз и изъяли им глазное яблоко, потом – в другой глаз. Затем нож становится в рассказе летописца символом княжеских раздоров: дважды говорит Мономах о распрях, что в среду князей «ввержен нож»!

Но самое поразительное совершается потом, когда Василько, потерявший сознание, приходит в себя от тряски по неровному пути, которым его везут из Киева в Звиздень. Как передать самоощущение человека, который осознает, что он ослеплен? Летописец находит это средство. Чтобы убедиться в том, что на нем нет рубахи, Василько ощупывает самого себя. И тогда у него возникает желание сделать как можно более явным ужас совершенного с ним. Он говорит попадье, пожалевшей его чисто по-женски – снявшей с него постирать его окровавленную рубаху: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той рубашке кровавой смерть принял и предстал перед богом». И это тоже художественная находка! Василько хочет умереть в окровавленной рубахе. Он хочет ужаснуть бога совершенным преступлением!

С точки зрения движения русской истории, все эти подробности – не заслуживающие внимания мелочи, но это не мелочи для самого человека, для жертвы злодеяния. Деталь следует за деталью. Это неслучайные находки.

А вот уже целые большие повествования, психологически верные. Это

история взаимоотношений Феодосия Печерского с его матерью, одержимой любовью к сыну. Ее портрет дан с исключительной художественной правдивостью. О ней сказано, что она была «телом крепка и сильна, как мужчина». Только такая мужеподобная женщина могла выдержать всю одолевавшую ее неутолимую любовь к сыну и тяжелую борьбу за то, чтобы удержать его близ себя.

В древнерусской литературе особенно часты художественно точные описания смертей. Рассказы о болезни и смерти Владимирка Галицкого, о болезни и смерти Владимира Васильковича Волынского, о смерти Дмитрия Красного, о смерти Василия Третьего – все это маленькие литературные шедевры. Смерть – наиболее значительный момент в жизни человека. Тут важно только человеческое и тут внимание к человеку со стороны писателя достигает наибольшей силы.

Было бы ошибочно думать, однако, что писатель древней Руси сочувственно наблюдал человека только тогда, когда он испытывал жесточайшие мучения. В «Повести о Петре и Февронии Муромских» есть такая деталь. Когда разлученный с Февронией постригшийся в монастыре князь Петр почувствовал приближение смерти, он, исполняя данное Февронии обещание, прислал к ней звать ее умереть вместе с ним. Феврония ответила, что хочет закончить вышивание воздуха, который она обещала пожертвовать церкви. Только в третий раз, когда прислал к ней Петр сказать: «Уже бо хочу преставитися и не жду тебе», Феврония дошла лик святого, оставив незаконченным ризы, воткнула иглу в воздух, обернула ее нитью, которой вышивала, послала сказать Петру, что готова, и, помолясь, умерла. Этот жест порядливой и степенной женщины, обматывающей нитью иглу, чтобы работу можно было продолжить, великолепен. Деталь эта показывает изумительное душевное спокойствие Февронии, с которым она решается на смерть с любимым ею человеком. Автор многое сказал о ней только одним этим жестом. Но надо знать еще красоту древнерусского шитья XV в., чтобы оценить это место повести в полной мере. Шитье XV в. свидетельствует о таком вкусе древнерусских вышивальщиц, о таком чувстве цвета, что переход от него к самому важному моменту в жизни человека не кажется неестественным.

Женщина занимала в древнерусском обществе положение только в соответствии с положением своего отца или мужа. Ее так обычно и называли: «Глебовна» или «Ярославна» (о дочери), «Андреева» или «Святополча» (о жене). Поэтому женщина была менее «официальна», ее изображение меньше подчинялось литературному этикету. И древняя русская литература знает удивительные по своей человечности образы

тихих и мудрых женщин. Помимо девы Февронии из «Повести о Петре и Февронии», можно было бы упомянуть Улиянию из «Повести о Улиянии Осоргиной», Ксению из «Повести о тверском Отроче монастыре».

Не случайно эта «реалистичность до реализма» дает себя знать в мировом изобразительном искусстве прежде всего там, где выступает на первый план личность человека, – в портрете: античная скульптура, фаумский портрет, римская портретная скульптура, портреты Веласкеза или Рембрандта.

Реалистические элементы древнерусской литературы также чаще всего встречаются в портретном повествовании: в «Повести о Петре и Февронии», в «Повести о Улиянии Осоргиной», в «Повести о Савве Грудцыне», в «Житии протопопа Аввакума» и в «Повести о Горе-Злочастии».

Когда, в «Повести о Горе-Злочастии», доведенный до последней ступени падения и оставленный всеми, задумал молодец покончить с собой, внезапно пришла ему в голову мысль, подсказанная Горем-Злочастием: «Когда у меня нет ничево, и тужить мне не о чем!» Запел молодец веселую напевочку, и тотчас же появились у него друзья, выручившие его из беды. Мысль автора – в том, что человек, лишенный всего, тем самым свободен и счастлив: «А в горе жить – некручинну быть». Человеческая личность ценна сама по себе. Эта мысль еще робко пробивается в литературе, но уже знаменует собой новый подход к явлениям.

Литература, которая создала одну из величайших систем, систему пышную и церемониальную, пришла к признанию ценности человеческой личности самой по себе, вне этой системы: обездоленного человека, человека в гуньке кабацкой и лапоточках, без денег, без положения в обществе, без друзей, находящегося во власти пороков. Автор сочувствует человеку даже тогда, когда он пропил с себя все, бредет неизвестно куда. Надо было сбросить с себя все, очнуться на голой земле с камушком под головой, чтобы в этом последнем падении обрести подлинное величие признания своей человеческой ценности.

«Повесть о Горе-Злочастии» вырывается за пределы своей эпохи, в каких-то отношениях она обгоняет XVIII в., ставит те же проблемы, что и литература русского реализма.

Церемониальные одежды скрывали национальные черты. Теплое сочувствие к падшему и извергнутому из общества человеку вывело литературу за пределы всех литературных условностей и этикетов.

Интерес к личности человека, который пробивался в отдельных

случаях на протяжении всех веков и стал доминирующей чертой литературы XVII в., очень важен в литературном развитии. Литература перестала нести художественность только в своем величественном, но безликом целом. Персонализация литературного героя, сознание неповторимости человеческой личности и ее абсолютной ценности – ценности, независимой от ее положения в обществе, заслуг или нравственных добродетелей, – все это было связано с развитием индивидуальных авторских стилей, авторского начала и появлением нового отношения к художественной целостности произведения.

* * *

Культурный горизонт мира непрерывно расширяется. Сейчас, в XX столетии, мы понимаем и ценим в прошлом не только классическую античность. В культурный багаж человечества прочно вошло западноевропейское средневековье, еще в XIX в. казавшееся варварским, «готическим» (первоначальное значение этого слова – именно «варварский»), византийская музыка и иконопись, африканская скульптура, эллинистический роман, фаюмский портрет, персидская миниатюра, искусство инков и многое, многое другое. Человечество освобождается от «европоцентризма» и эгоцентрической сосредоточенности на настоящем.

Глубокое проникновение в культуры прошлого и культуры других народов сближает времена и страны. Единство мира становится все более и более ощутимым. Расстояния между культурами сокращаются, и все меньше остается места для национальной вражды и тупого шовинизма. Это величайшая заслуга гуманитарных наук и самих искусств, – заслуга, которая в полной мере будет осознана только в будущем.

Одна из насущнейших задач – ввести в круг чтения и понимания современного читателя памятники искусства слова древней Руси. Искусство слова находится в органической связи с изобразительным искусством, с зодчеством, с музыкой, и не может быть подлинного понимания одного без понимания всех других областей художественного творчества древней Руси. В великой и своеобразной культуре древней Руси тесно переплетаются изобразительное искусство и литература, гуманистическая культура и материальная, широкие международные связи и резко выраженное национальное своеобразие.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Первое трехсотлетие

Повесть временных лет

Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева²

СЕ ПОВѢСТИ ВРЕМЯНѢНЫХ ЛѢТЪ, ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ, КТО ВЪ КИЕВѢ НАЧА ПЕРВѢЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

...

По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словѣни: хрватѣ бѣлии³ и серебѣ и хорутанѣ⁴. Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайския, и сѣдшемъ в них и насилящемъ имъ, словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляхове, а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.⁵

ВОТ ПОВЕСТИ МИНУВШИХ ЛЕТ, ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, КТО В КИЕВЕ СТАЛ ПЕРВЫМ КНЯЖИТЬ; И КАК ВОЗНИКЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где ныне земли Венгерская и Болгарская. И от тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так, одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян на дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне.

Также и те словѣне пришедше и сѣдоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣх; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота,⁶ от сея прозвашася полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ. А друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ,⁷ и нарекошася сѣверь. И тако разидеся словѣньскій языкъ, тѣм же и грамота прозвася словѣньская.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами,

а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, которая впадает в Двину и именуется Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская».

Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вѣтечь в озеро великое Нево,⁸ и того озера внидеть устье в море Варяжское.⁹ И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понтъ море,¹⁰ в не же втечет Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече из Оковьскаго лѣса,¹¹ и потечеть на полъдне, а Двина ис того же лѣса потечет, а идетъ на полунощье и внидеть в море Варяжское. Ис того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и вѣтечь семьюдесять жерель в море Хвалисьское. Тѣм же и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы,¹² и на вѣстокъ дойти въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хамова.¹³ А Днѣпръ втечь в Понетъское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училь святыи Онѣдрѣй, братъ Петровъ, яко же рѣша.

Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра – волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера входит в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в него же впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса вытекает, и течет на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса вытекает Волга на восток и впадает семьюдесятью протоками в море Хвалисское. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы и дальше на восток достичь удела Сима, а по Двине – до Варягов, от Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хама. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, – по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра.

Онѣдрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь,¹⁴ увѣдѣ, яко ис Корсуни близъ устье Днѣпрское, и вѣсхотѣ поити в Римъ, и приоиде

въ вустье Днѣпрское, и оттоле поиде по Днѣпру горѣ. И по приключаяу приде и ста подѣ горами на березѣ. И заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: «Видите ли горы сия? – яко на сихъ горахъ восияетъ благодать божья; имать градъ великъ быти и церкви многи богъ въздвигнути имать». И въшедъ на горы сия, благослови я, и постави крестъ, и помоливъся богу, и сълѣзъ съ горы сея, иде же послѣ же бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ словѣни, иде же нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють и хвоцются, и удивися имъ. И иде въ Варяги, и приде в Римъ, и исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: «Дивно видѣхъ Словеньскую землю идучи ми сѣмо. Видѣхъ бани древены, и пережгутъ е рамяно, и совлокуться, и будутъ нази, и облѣются квасомъ уснианымъ, и возмутъ на ся прутье младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, едва слѣзутъ лѣ живи, и облѣются водою студеною, и тако ожиутъ. И то творять по вся дни, не мучими никимъ же, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье». Ты слышаще дивляхуса. Онѣдрѣй же, бывъ в Римѣ, приде в Синопию.

Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и приплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И наутро встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горахъ воссияет благодать божия, будет город великий, и воздвигнет бог многие церкви». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился богу, и сошел с горы той, где после возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче Новгород, и увидел живущих там людей – каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И направился к Варягам, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевненным, и поднимут на себя прутья гибкие и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва слезут, еле живые, обольются водою студеною, и тогда только оживут. И творят так всякий день, никем не мучимые, но сами себя мучат, и этим совершают омовенье себе, а не мученье». Те, услышав об том, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Подем же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. И Быша 3 братья: единому имя

Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Сѣдѣше Кий на горѣ, гдѣ же ныне увозъ Боричевъ,¹⁵ а Щекъ сѣдѣше на горѣ, гдѣ же ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, от него же прозвася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего старейшая, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловаща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне.

Поляне же жили тогда отдельно от других и управлялись своими родами; ибо и до этих братьев, о которых речь пойдет в дальнейшем, были поляне, и жили они родами и на своих местах, и каждый род управлялся сам собой. И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев, Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и донныне в Киеве.

Ини же, не свѣдуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своемъ, приходившю ему ко царю, яко же скажутъ, яко велику честь приялъ от царя, при которомъ приходивъ цари. Идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и възлюби место, и сруби градокъ малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живуци; еже и донынѣ наречють дунайци городище Киевецъ. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животъ свой сконча; и братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра их Лыбедь ту скончашася...

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил к царю, – не знаем только, к какому царю он ходил, но знаем, что великие почести воздал ему, говорят, тот царь, к которому он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбывал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживуцие. Так и донныне называют дунайцы городище то – Киевец. Кий же вернулся в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались...

По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея Быша обидимы древлями и

инѣми околними. И наидоша я́ козарѣ, сѣдящая на горах сихъ в лѣсѣхъ, и рѣша козари: «Платите намъ дань». Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша козари ко князю своему и къ старѣйшинымъ своимъ, и рѣша имъ: «Се, налѣзохомъ дань нову». Они же рѣша имъ: «Откуда?» Они же рѣша: «Въ лесе на горахъ надъ рѣкою Днѣпрською». Они же рѣша: «Что суть въдали?» Они же показаша мечь. И рѣша старци козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странах». Се же сбысться все: не от своей воля рекоша, но отъ божья повеленья. Яко и при Фаравонѣ, цари еюпетьстѣмъ, егда приведоша Моисея предъ Фаравона, и рѣша старѣйшина Фараона: се хочеть смирити область Еюпетьскую, яко же и бысть: погибоша еюптяне от Моисея, а первое Быша работающе имъ. Тако и си владѣша, а послѣ же самими владеють; яко же и бысть: володѣють бо козары русьскии князи и до днешнего дне.

Вслед за тем, по смерти братьев этих, стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хозары сидящими на горах этих в лесах и сказали хозары: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хозары к своему князю и к своим старейшинам и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хозарские: «Не добра дань та, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, – саблями, а у этих оружие обоюдоострое – мечи: станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель». И сбылось сказанное ими, так как не по своей воле говорили они, но по божьему повелению. Так вот было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона: «Этот унизит когда-нибудь Египет». Так и случилось, погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Тоже и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хозарами и по нынешний день.

...

Въ лето 6367.¹⁶ Имаху дань варязи изъ заморья на чюди¹⁷ и на словѣнех, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ. А козари имаху на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма.

В год 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хозары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

Въ лѣто 6368.

Въ лѣто 6369.

Въ лѣто 6370. Изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и Быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву».¹⁸ И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тѣи варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анѣгляне, друзии гѣтѣ, тако и си. Рѣша русь, чюдъ, словѣни, и кривичи и вси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да пойдѣте княжитъ и володѣти нами». И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша; старѣйший, Рюрикъ, сѣде Новѣгородѣ, а другой, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ, а третий Изборьстѣ, Труворъ. И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжска, преже бо бѣша словѣни. По двою же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ. И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло-озеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градок. И упрошаста и рѣста: «Чий се градокъ?» Они же рѣша: «Была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша традоко съ, и изгибоша, и мы сѣдимъ родъ ихъ платяче дань козаромъ». Асколдъ же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи варяги съвокуписта, и начаста владѣти польскою землею, Рюрику же княжашу в Новѣгородѣ.

В год 6368 (860).

В год 6369 (861).

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший,

Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Бело-озере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах-находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома, и теми всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Тамошние же жители ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик, же тогда княжил в Новгороде.

Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови предасть княженъе свое Олгови, от рода ему суца, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ, Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми.

Въ лѣто 6388.

Въ лѣто 6389.

Въ лѣто 6390. Поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдъ, словѣни, мерю, весь, кривичи, и приде къ Смоленску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужъ свои, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, посади мужъ свои. И придоста къ горамъ хъ киевскимъ, и увѣда Олегъ, яко Аскольдъ и Диръ княжита, и похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтска. И приплу подъ Угорское, похоронивъ вой своя, и приела ко Асколду и Дирови, глаголя, яко «Гость есмь, и идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придѣта к намъ к родомъ своимъ». Аскольдъ же и Диръ придоста, и выскакаша вси прочий из лодья, и рече Олег Асколду и Дирови: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сынъ Рюриковъ». И убиша Асколда и Диру, и несоша на гору, и погребоша ѿ на горѣ, еже ся ныне зоветъ Угорское, кде ныне Ольминъ дворъ;¹⁹ на той могилѣ поставил Олма церковь святаго Николу; а Дирина могила за святою Ориною. И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ русьскимъ». И бѣша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася русью. Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривень 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ.

В год 6387 (879). Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу – родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал.

В год 6388 (880).

В год 6389 (881).

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варяг, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам подошел к горам, неся ребенка Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим», Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», а когда вынесли Игоря, добавил: «Вот он сын Рюрика». И убили Аскольда и Диру, отнесли на гору и погребли: Аскольда – на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Олма поставил церковь святого Николы; а Дириова могила – за церковью святой Ирины, И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозванные русью. Тот Олег начал ставить города и установил дань славянам, и кривичам, и мери, положил и для варяг давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

...

В лѣто 6415. Иде Олегъ на Грекы, Игоря оставив Киевѣ, поя же множество варяг, и словенъ, и чюдъ, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь. И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бѣ числомъ кораблей 2000. И прииде къ Царюграду; и греци замкоша Судь,²⁰ а градъ затвориша. И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убийства сотвори около града грекомъ, и разбита многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху плѣнники, овѣхъ посекаху, другиа же мучаху, инья же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа зла творяху русь грекомъ, елико же ратнии творять.

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варяг, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и

древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцов, известных как толмачи: этих всех называли греки Великая Скифь. И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много греков убил в окрестностях города, и разбил множество палат, и церкви пожег. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других мучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелѣ Олегъ во емъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшую покосну вѣтру, вѣпяша парусы съ поля, и идяше къ граду. И видовые греци и убояшася, и рѣша выславше ко Ольгови: «Не погубляй града, имемъ ся по дань, яко же хочещи». И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его; бѣ бо устроено со отравою. И убояшася греци, и рѣша: «Нѣсть се Олегъ, но святой Дмитрей, посланъ на ны от бога». И зяповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривень на человѣкъ, а въ корабли по 40 мужь...

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога». И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей...

Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и ротѣ заходивше межы собою, цѣловавше сами крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ,²¹ и утвердиша миръ. И рече Олегъ: «Исшійте парусы паволочиты руси, а словеномъ кропиньныя²²», и бысть тако. И повѣси щит свой въ вратех показуа победу, и поиде от Царя-града. И воспяша русь парусы паволочиты, а словене кропиньны, и раздра а вѣтръ. И рѣша словени: «Имемся своим толстинам, не даны суть словѣном прѣ паволочиты». И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга – вѣщій: бяху бо людие погани и невѣигласи.

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили присягать друг другу: сами целовали крест, а

Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные!» И было так! И повесил щит свой на воротах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, но разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои толстинные паруса, не дали славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

...

В лѣто 6420... Иживяше Олегъ миръ имѣа ко всѣм странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставил кормити и не вседати на нь. Бѣ бо въпрашал волхвовъ и кудесникъ: «От чего ми есть умрети?» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на нем, от того ти умрети». Олегъ же приимъ въ умѣ, си рѣче: «Николи же всяду на нь, ни вижду его боле того». И повелѣ кормити и не водити его к нему, и пребы нѣколикко лѣт не видѣ его, дѣндеже на грекы иде. И пришедшу ему Кыеву и пребывышу 4 лѣта, на пятое Лѣто помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «Кде есть конь мѣй, его же бѣхъ поставил кормити и блюсти его?» Он же рече: «Умерлъ есть». Олег же посмѣася и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волсви, но все то лъжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ». И повелѣ оседлати конь: «А то вижду кости его». И прииде на мѣсто, идѣ же бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с коня, и посмеяся рече: «Отъ сего ли лба смърть было взяти мнѣ?» И вступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну в ногу. И с того разболеяся и умре. И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголется Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова. И бысть всѣх лѣт княжениа его 33...

...

В год 6420 (912)... И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего мне умереть?» И сказал ему один кудесник: «Князь! Коня любишь и ездешь на нем, – от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к

нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока на греков ходил. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, – на пятый год помянул он коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не правду говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать коня: «Да увижу кости его». И, приехав на то место, где лежали его кости голые и череп голый, слез с коня и, посмеявшись, сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Щековица. Есть же могила его и доньше, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три...

...

В лето 6453. В се же лето рекоша дружина Игоревы: «Отроки Свѣнльжи²³ изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша ихъ Игорь, иде в Древа в дань, и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ и мужи его. Возьмавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущу же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: «Идѣте съ данью домови, а я возвращюся, похожу и еще». Пусти дружину свою домови, съ малом же дружины возвращися, желая больша имения. Слышавше же древляне, яко опять идетъ, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «Аще ся въвадитъ волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить». И послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкорьстѣня²⁴ древлене убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искорьстѣня града въ Древлѣхъ и до сего дне.

...

В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудеши и мы». И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, – поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же,

услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ,²⁵ и воевода б; Свѣнелдъ, – то же отецъ Мистишинъ. Рѣша же древляне: «Се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Маль и Святослава, и створимъ ему, яко же хоцемъ». И послаша древляне лучыние мужи, числомъ 20, въ лодыи к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в лодыи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевския, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. Градъ же бѣ Киевъ, иде же есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ; а дворъ княжь бяше в городѣ, иде же есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ,²⁶ а перевѣсище бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣ же есть дворъ дѣмьстиковъ²⁷ за святою Богородицею; над горою, дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ камень.²⁸ И повѣдаша Ользѣ, яко древляне придоша, и возва я Ольга къ собѣ и рече имъ: «Добри гостье придоша». И рѣша древляне: «Придохомъ, княгине». И рече имъ Ольга: «Да глаголете, что ради придосте сѣмо?» Рѣша же древляне: «Посла ны Дервьска земля, рекущи сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой аки волкъ восхищя и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Дервьску землю, да поиди за князь нашъ за Маль»; бѣ бо имя ему Маль, князю дервьску. Рече же имъ Ольга: «Люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрия предѣ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою, и лязите въ лодыи величающесе, и азъ утро послю по вы, вы же рыцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодѣ; и възнесуть вы в лодыи»; и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ, внѣ града. И заутра Волга, сѣдючи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же рѣша: «Не едемъ на конихъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесете ны в лодыи». Рѣша же кияне: «Намъ неволя; князь нашъ убьенъ, и княгини наша хочеть за вашъ князь»; и понесоша я в лодыи. Они же сѣдяху в перегѣбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящесе. И принесоша я на дворъ к Ользѣ, и, несъше, вринуша е въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: «Добра ли вы честь?» Они же рѣша: «Пуща ны Игорева смерти». И повелѣ

засыпати я живы, и посыпаша я.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода – Свенельд, отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава, – возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге. И пристали в ладье под Боричевым подъемом, ибо вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор уставщика позади церкви Богородицы Десятинной; над горою был теремной двор – был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне. И призвала их Ольга к себе и сказала им: «Гости добрые пришли»; и ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле. Пойди замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому, – Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, – мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье». И вознесут вас в ладье». И отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать на теремном дворе вне града яму великую и глубокую. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями. И пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя». И понесли их в ладье. Они же уселись, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И пославши Ольга къ деревлянѡмъ, рече имъ: «Да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашъ князь, еда не пустять мене людье киевѣстии». Се слышавше древляне, избраша лучшии мужи, иже деръжаху Деревьску землю, и послаша по ню.

Древляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: «Измывшесея придите ко мнѣ». Они же пережьгоша истопку, и влѣзоша древляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи я отъ дверей, ту и згорѣша вси.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Пришедшим древлянам приказала Ольга приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все.

И посла къ древляномъ, рькущи сице: «Се уже иду к вамъ, да пристройте меды многи в градѣ, иде же убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему». Они же, то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, и възвариша. Ольга же, поимши мало дружины, легъко идущи приде къ гробу его, и плакася по мужи своемъ. И повелѣ людемъ своимъ съсуги могилу велику, и яко соспоша, и повелѣ трызну творити. По семь сѣдоша древляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити пред ними. И рѣша древляне к Ользѣ: «Кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?» Она же рече: «Идутъ по мнѣ съ дружиною мужа моего». И яко упишася древляне, повелѣ, отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ своей сѣчи древляны; и исѣкоша ихъ 5000. А Ольга възвратися Киеву, и пристрой вой на прокъ ихъ.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и устрою ему трызну». Они же, услышав это, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать трызну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско против оставшихся древлян.

Начало княженья Святославля, сына Игорева. В лѣто 6454. Ольга

съ сыном своимъ Святославомъ собра вои много и храбры, и иде на Деревьску землю. И изидоша деревляне противу. И сънемъшемася обѣма полкома на скупъ, суну копьемъ Святославъ на деревляны, и копье легѣ сквозѣ уши коневы, и удари в ноги коневы, бе бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: «Князь уже почаль; потягнѣте, дружина, по князѣ». И побѣдиша деревляны. Деревляне же побѣгоша и затворишася в градѣхъ своихъ. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града с сыномъ своимъ, а деревляне затворишася въ граде, и боряхуся крепко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лето, и не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду, глаголюще: «Что хотите досѣдѣти? А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хотите изъмерети гладомъ, не имучеся по дань». Деревляне же рекоша: «Ради ся быхомъ или по дань, но хоцещи мыщати мужа своего». Рече же имъ Ольга, яко «азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третье, когда творихъ трызну мужевы своему. А уже не хоцю мьщати, но хоцю дань имати помалу, и смирившися с вами пойду опять». Рекоша же деревляне: «Што хоцещи у насъ? Ради даемъ медомъ и скорою». Она же рече имъ: «Нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошю: дадите ми от двора по 3 голуби да по 3 воробьи. Азъ бо не хоцю тяжки дани възложити, яко же и мужъ мой, сего прошю у васъ мало. Вы бо есте изънемогли в осаде, да сего у васъ прошю мала». Деревляне же ради бывше, и собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклономъ. Вольга же рече имъ: «Се уже есге покорилися мне и моему дѣтяти, а идете въ градъ, а я заутра отступлю от града, и пойду въ градо свой». Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людье въ граде. Волга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ къ коемуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, ниткою поверзывающе къ коемуждо ихъ. И повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Голуби же и воробьеви полетѣша въ гнезда своя, голуби въ голубники, вработѣе же подъ стрехи; и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора, иде же не горяше и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати а, яко взя градъ и пожьже и; старейшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ их остави платити дань.

Начало княжения Святослава, сына Игорева. В год 6454 (946). Ольга с

сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю, и вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, метнул Святослав копьё в древлян, и копьё пролетело между ушей коня и ударило ему в ногу, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в нем и крепко боролись из города, ибо знали, что уготовили себе, убив князя. И стояла Ольга все лето и не могла взять города. И замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли, а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голоду». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз, когда устроила тризну по своему мужу. Больше уже не хочу мстить, – хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас такой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти. Идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам – кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи. И так загорелись – где голубятни, где клетки, где сараи и где сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как загорелись все дворы сразу. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам

своим, а остальных оставила платить дань.

И възложиша на ня дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду к Ользѣ; бе бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Дервьвстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть становища ее и ловища. И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

И возложила на них тяжелую дань. Две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольги. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов. И сохранились места ее стоянок и ловищ до сих пор. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом и пробыла здесь год.

В лѣто 6455. Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и повосты, и сани ее стоятъ въ Плескове и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивши, възратися къ сыну своему Киеву, и пребываше съ нимъ въ любви.

В год 6455 (947). Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мете погосты и дани и по Луге – оброки и дани. Ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там жила с ним в любви.

В лѣто 6456.

В лѣто 6457.

В лѣто 6458.

В лѣто 6459.

В лѣто 6460.

В лѣто 6461.

В лѣто 6462.

В лѣто 6463. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. Бе тогда царь Костянтинъ, сынъ Леоновъ;²⁹ и приде к нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививься царь разуму ея, бесѣдова к ней, и рекъ ей: «Подобна еси царствовати въ градѣ с нами». Она же разумевши рече ко царю: «Азь погана есмь, да аще мя хоцещи крестити, то крести мя самъ; аще ли, то не крещюся»; и крести ю царь с патреархомъ. Просвещена же бывши, радовашесе душею и тѣломъ; и поучи ю патреархъ о вере, и рече ей: «Благословена ты в женах русских, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави. Благословить тя хотятъ сынове русти и в послѣдний родъ внукъ

твоих». И заповѣда ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста. Она же, поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимаючи ученья; и поклонившись патреарху, глаголющи: «Молитвами твоими, владыко, да сохранена буду от сѣти неприязньны». Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, яко же и древняя царица, мати Великаго Костянтина.³⁰ И благослови ю патреархъ, и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь, и рече ей: «Хощю тя пояти собѣ женѣ». Она же рече: «Како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? А въ хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси». И рече царь: «Переключкала мя еси, Ольга». И дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дщерею собѣ...

В год 6456 (948).

В год 6457 (949).

В год 6458 (950).

В год 6459 (951).

В год 6460 (952).

В год 6461 (953).

В год 6462 (954).

В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом. И наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях внуков твоих». И дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении тела в чистоте. Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице – матери Константина Великого. И благословил ее патриарх и отпустил. После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это – ты сам знаешь». И сказал ей царь:

«Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары – золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью...

...

В лѣто 6472. Князю Святославу възрастѣшю и възмужавшю, нача вои совокупляти многи и храбры, и легько ходя, аки пардусь,³¹ войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котѣла, ни мясь варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину на углех испекъ ядыше, ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло в головахъ; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе вятичи, и рече вятичемъ: «Кому дань даете?» Они же рѣша: «Козаромъ по щѣлягу³² от рала даемъ».

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хозарам – по щелягу с сохи даем».

В лѣто 6473. Иде Святославъ на козары; слыщавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася битися, и бывши брани, одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя.³³ И ясы побѣди и касоги.³⁴

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хозар. Услышав же, хозары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хозар и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

В лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемся обоимъ, долѣ Святославъ болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви, и сѣде княжа ту въ Переяславци,³⁵ емля дань на грѣцѣх.

В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков.

В лѣто 6476. Придоша печенѣзи³⁶ на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци, и затворися Волга въ градѣ со унуки

своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ. И оступиша печенѣзи градъ в силѣ велицѣ, бещислено множество около града, и не бѣ лъзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людѣе гладомъ и водою. Собрашеся людѣе оная страны Днѣпра в лодьяхъ, об ону страну стояху, и не бѣ лъзѣ внити в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. И вѣстужиша людѣе въ градѣ и рѣша: «Нѣсть ли кого, иже бы могъ на ону страну дойти и рещи имъ: аще не подступите заутра, предатися имамъ печенѣгомъ?» И рече единъ отрокъ: «Азъ преиду». И рѣша: «Иди». Онъ же изиде изъ града с уздою, и ристаше сквозѣ печенѣги, глаголя: «Не видѣ ли коня никто же?» Бѣ бо умйя печенѣжски, и мняхуть ѿ своего. И яко приближися к рѣцѣ, свергъ порты сунуся въ Днѣпръ, и побреде. Видѣвшѣ же печенѣзи, устремишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничто же створити. Они же видѣвшѣ с оная страны, и приѣхаша в лодыи противу ему, и взяша ѿ в лодью и привезоша ѿ къ дружинѣ. И рече имъ: «Аще не подступите заутра къ городу, предаткся хотятъ людѣе печенѣгомъ». Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичъ: «Подъступимъ заутра в лодьяхъ, и попадше княгиню и княжичѣ умчимъ на сю страну. Аще ли сего не створимъ, погубити ны иматъ Святославъ». Яко бысть заутра, всѣдъше в лодыи противу свѣту и вѣтрубиша вельми, и людѣе въ градѣ кликнута. Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разнѣ от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к лодьямъ. Видѣвшѣ же се князь печенѣжский, вѣзратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: «Кто се приде?» И рече ему: «Людѣе оная страны». И рече князь печенѣжский: «А ты князь ли еси?» Онъ же рече: «Азъ есмь мужъ его, и пришелъ есмь въ сторожахъ, и по мнѣ идетъ полкъ со княземъ, бе-щисла множество». Се же рече, грозя имъ. Рече же князь печенѣжский къ Прѣтичю: «Буди ми другъ». Онъ же рече: «Тако створю». И подаста руку межю собою, и вѣдасть печенѣжский князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы. Онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечъ. И отступиша печенѣзи от града, и не бяше лъзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣзи.³⁷ И послаша кияне къ Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ, малы бо насъ не взяша печенѣзи, и матеръ твою, и дѣтий твои. Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмутъ. Аще ти не жаль очины своя, ни матере, стары суца, и дѣтий своих». То слышавъ Святославъ вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матеръ свою и дѣти своя, и сѣжалися о бывшемъ от печенѣгъ. И собра вой, и прогна печенѣги в поли, и бысть миръ.

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в городе Киеве со

своими внуками – Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести послать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог пробраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, – сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я пройду», – и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди с того берега». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы припугнуть печенегов. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, а тот дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города. И нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас едва не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав эти слова, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

В лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: «Не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середѣ земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, поволоки, вина и оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь». Рече ему Волга: «Видиши мя болну сущю; камо хочещи отъ мене ити?» Бѣ бо разболѣлася уже; рече же ему: «Погребъ мя, иди ямо же хочещи». По трех днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомъ, и несоша и погребоша ю на мѣстѣ. И бе заповедала Ольга не творити трызны над собою, бѣ бо имущи презвутерь, сей похорони блаженую Ольгу...

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь – я больна; куда хочешь уйти от меня?» – ибо она уже разболелась. И продолжала: «Когда похоронишь меня, – отправляй-ся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди. И понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не совершать по ней трызны, так как имела при себе священника – тот и похоронил блаженную Ольгу...

В лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка в Киеве, а Ольга в деревѣхъ. В се же время придоша людье ноугородьстии, просяще князя себе: «Аще не пойдете к намъ, то налѣземъ князя собѣ». И рече к нимъ Святославъ: «А бы пошелъ кто к вамъ». И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня: «Просите Володимера». Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрыня, отецъ же бѣ има Малькъ Любечанинъ, и бѣ Добрыня уй Володимеру. И рѣша ноугородьци Святославу: «Вѣдай ны Володимира». Онъ же рече имъ: «Вотѣ вы есть». И пояша ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимеръ съ Добрынею, уемъ своимъ, Ноугороду, а Святославъ Переяславьцю.

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши – ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали

новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец (на Дунае).

В лето 6479. Приде Святославъ в Переяславецъ, и затворишася болгаре въ градъ. И излѣзоша болгаре на сѣчу противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляху болгаре. И рече Святославъ во емъ своимъ: «Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!» И къ вечеру одоле Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ грекомъ, глаголя: «Хочю на вы ити и взяти градъ вашъ, яко и сей». И рѣша грѣци: «Мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы». Се же рѣша грѣци, лъстяче подъ Русью; суть бо грѣци лъстивы и до сего дни. И рече имъ Святославъ: «Есть насъ 20 тысящъ», и прирече 10 тысящъ, бѣ бо Руси 10 тысящъ толко. И пристроиша грѣци 100 тысящъ на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множьства вой, и рече Святославъ: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посраимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костью, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убежати, но станемъ крепко, азъ же предъ вами пойду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». И реша вои: «Иде же глава твоя, ту и свои главы сложимъ». И исполчидоша русь, и бысть сѣча велика, и одоле Святославъ, и бежаша грѣци. И поиде Святославъ ко граду,³⁸ воюя и грады разбивая, яже стоятъ и до днешняго дне пусты. И созва царь боляре своя в полату, и рече имъ: «Што створимъ, яко не можемъ противу ему стати?» И рѣша ему боляре: «Поели к нему дары, искусимъ и, любьзливъ ли есть злату, ли паволокамъ?» И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, рѣша ему: «Глядай взора и лица его и смысла его». Онъ же, вземъ дары, приде къ Святославу. И повѣдаша Святославу, яко придоша грѣци с поклономъ. И рече: «Въведѣте я сѣмо». Придоша, и поклонидоша ему, и положиша предъ нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: «Схороните». Они же придоша ко царю, и созва царь боляры. Рѣша же послании, яко «Придохомъ к нему, и вдахомъ дары, и не возрѣ на ня, и повелѣ схоронити». И рече единъ: «Искусимъ и еще, поели ему оружье». Они же послушаша его, и послаша ему мечъ и ино оружье, и принесоша к нему. Онъ же, приимъ, нача хвалити, и любити, и целовати царя. Придоша опять ко царю и повѣдаша ему вся бывшая. И рѣша боляре: «Лють се мужъ хочеть быти, яко имѣнья не брежетъ, а оружье емлетъ. Имися по дань». И посла царь, глаголя сиче: «Не ходи къ граду, возми

дань, еже хочещи»; за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьеня, глаголя, яко «Род его возметь». Взя же и дары многы, и възратися в Переяславецъ с похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своя, рече в собѣ: «Еда како прельстивше избѣють дружину мою и мене», бѣша бо многи погibli на полку. И рече: «Пойду в Русь, приведу боле дружины».

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть! Постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невозмогу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разочлись мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», но прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их – сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так не посралим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые не знают позора. Если же побежим – позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и доньне пусты. И созвал царь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями!» Он же, взяв дары, пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном, и сказал Святослав: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них – приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они

же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же, взяв, стал хвалить царя, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь». Ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань. Он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою, и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И посла слы ко цареву въ Деревьстръ, бо бѣ ту царь, рька сице: «Хочу имѣти миръ с тобою твердъ и любовь». Се же слышавъ, царь радъ бысть и посла к нему дары больша первых. Святославъ же прия дары и поча думати съ дружиною своею, рька сице: «Аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градъ. А Руска земля далеча, а печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможетъ? Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно намъ. Аще ли почнетъ не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои множайша, поидемъ Царюгороду». Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко цареву, и придоша въ Деревьстръ, и повѣдаша цареву. Царь же наутрия призва я, и рече царь: «Да глаголють ели рустии». Они же рѣша: «Тако глаголетъ князь нашъ: хочю имѣти любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта». Царь же радъ бысть и повелѣ писцю писати вся рѣчи Святославля на харатью. Нача глаголати соль вся рѣчи, и нача писецъ писати...

И послал послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, – того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова, собрав множество воинов, пойдём из Руси на Царьград». И была любя речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так

говорит князь наш: хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена». Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать...

Створивъ же миръ Святославъ съ греки, поиде в лодьяхъ къ порогомъ. И рече ему воевода отень Свѣналдъ: «Поиди, княже, на конихъ около, стоять бо печенѣзи в порозѣхъ». И не послуша его и поиде в лодьяхъ. И послаша переяславци къ печенѣгомъ, глаголюще: «Се идетъ вы Святославъ в Русь, возьмъ именье много у грекъ и полонъ бещисленъ, съ маломъ дружины». Слышавше же се печенизи заступиша пороги. И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ лъзѣ проити порогъ. И ста зимовати в Бѣлобережьи, и не бѣ у них брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ³⁹ глава коняча, и зимова Святославъ ту.

Заклучив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову. И тут перезимовал Святослав.

Веснѣ же приспѣвши, в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенѣжский и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пяху из него. Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку. И всѣх лѣтъ княженья Святослава лѣтъ 20 и 8.

В год 6480 (972), когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было двадцать и восемь.

В лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

В год 6481 (973). Начал княжить Ярополк.

В лѣто 6482.

В год 6482 (974).

В Лѣто 6483. Ловъ дѣющю Свѣналдичю, именовъ Лють; ишедъ бо ис Киева гна по звѣри в лѣсѣ. И узрѣ ѿ Олегъ, и рече: «Кто се есть?» И рѣша

ему: «Свѣналдичь». И заѣхавъ, уби ѿ, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о томъ бысть межю ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвѣше всегда Ярополку Свѣналдъ: «Поиди на братъ свой и прими волость его», хотя отмъстити сыну своему.

В год 6483 (975). Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег и спросил: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И поднялась оттого ненависть между Ярополком и Олегом. И постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: «Пойди на своего брата и захвати власть его».

В лѣто 6484.

В год 6484 (976).

В лѣто 6485. Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олегъ, и ополчистася. Ратившемася полкома побѣди Ярополкъ Ольга. Побѣгъшю же Ольгу с вои своими въ градъ, рекомый Вручий, бѣше чересь гроблю мостъ ко вратомъ граднымъ, тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь. Падаху людье мнози, и удавиша кони челоуѣци. И въшедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его, и посла искать брата своего; и искавъше его не обрѣтоша. И рече единъ деревлянинъ: «Азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту». И посла Ярополкъ искать брата, и влачиша трупье изъ гробли от утра и до полудне, и налѣзоша Ольга в ысподи трупья, вынесоша ѿ, и положиша и на коврѣ. И приде Ярополкъ, надъ немъ плакася, и рече Свеналду: «Вижь, сего ты еси хотѣлъ!» И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручога, и естъ могила его и до сего дне у Вручего. И прия власть его Ярополкъ. У Ярополка же жена грекини бѣ, и бѣше была черницею; бѣ бо привель ю отецъ его Святославъ, и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея. Слышав же се Володимѣръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море. А Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси.

В год 6485 (977). Пошел Ярополк походом на Олега, брата своего, в Деревскую землю, И вышел против него Олег, и исполнились обе стороны. И в битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Овруч, а через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, спихивали друг друга в ров. И столкнули Олега с моста вниз. Много людей падало туда с конями, причем кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата. И искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: «Видел я, как вчера спихнули его с моста». И послал Ярополк найти брата,

и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакав над ним, и сказал Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел!» И похоронили Олега в поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк. У Ярополка же была жена гречанка, а перед тем была она монахиней. В свое время привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею.

В лѣто 6486.

В год 6486 (978).

В лѣто 6487.

В год 6487 (979).

В лѣто 6488. Приде Володимиръ съ варяги Ноугороду, и рече посадникомъ Ярополчимъ: «Идѣте къ брату моему и рцѣте ему: Володимеръ ти идетъ на тя, пристраивайся противу биться». И сѣде в Новѣгородѣ.

В год 6488 (980). Вернулся Владимир в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, готовься с ним биться». И сел в Новгороде.

И посла ко Рогъволоду Полотъску, глаголя: «Хочю пояти дщерь твою собѣ женѣ». Онъ же рече дщери своей: «Хочеши ли за Володимера?» Она же рече: «Не хочю розути робичича,⁴⁰ но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ и-заморья, имяше власть свою в Полотъскѣ, а Туры Туровѣ,⁴¹ от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволождѣ, князя полотъскаго. Володимеръ же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдъ и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху Рогънѣдъ вести за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дѣчерь его поя женѣ.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она же ответила: «Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды – дочери Рогволода, князя полоцкого. Владимир же собрал много воинов – варягов, словен, чуди и кривичей – и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести

Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены.

И поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевъ с людми своими и съ Блудомъ; и стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ,⁴² и есть ровъ и до сего дне. Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: «Попрियाй ми! Аще убью брата своего, имѣти ты хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене: не язъ бо почаль братью бити, но онъ. Азъ же того убоявсь придохъ на нь». И рече Блудъ къ посломъ Володимеримъ: «Авъ буду тобѣ в сердце и въ приязньство». О злая лестъ человѣческа! Яко же Давыдъ глаголетъ: «Ядъй хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лестъ». Се бо лукавствоваше на князя своего лестью. И паки: «Языки своими льстяхуся. Суди имъ, боже, да отпадутъ от мыслей своих; по множеству нечестья ихъ изрини а, яко прогнѣваша ты, господи». И паки той же рече Давыдъ: «Мужъ въ крови льстивъ не приловить дний своих». Се есть совѣтъ золь, иже свѣщеваютъ на кровопролитье; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горыше суть бѣсовъ таковии. Яко же Блудъ преда князя своего, и примъ от него чѣти многи, се бо бысть повинень крови той. Се бо Блудъ затворися съ Ярополкомъ, лстя ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему при стряпати къ граду бранью, а самъ мысля убити Ярополка; гражаны же не бѣ лзѣ убити его. Блудъ же не възмогъ, како бы погубити ѿ, замысли лестью, веля ему ни излазит на брань изъ града. Рече же Блудъ Ярополку: «Кияне слются къ Володимеру, глаголюще: «Приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка». Побѣгни за градъ». И послуша его Ярополкъ, и избѣгъ пред нимъ затворися въ градѣ Родни на усть Рси рѣки, а Володимеръ вниде в Киевъ, и осѣде Ярополка в Роднѣ. И бѣ гладъ великъ в немъ, и есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блудъ Ярополку: «Видиши, колько вой у брата твоего? Нама ихъ не перебороти. Твори миръ, съ братомъ своимъ»; лстя подъ нимъ се рече. И рече Ярополкъ: «Такъ буди». И посла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя, яко «Сбысться мысль твоя, яко приведу к тобѣ Ярополка, и пристрой убити ѿ». Володимеръ же, то слышавъ, вшедъ въ дворъ теремный отень, о нем же преже сказахомъ, сѣде ту с вой и съ дружиною своею. И рече Блудъ Ярополку: «Поиди къ брату своему и рчи ему: «Что ми ни вдаси, то язъ прииму». Поиде же Ярополкъ, и рече ему Варяжко: «Не ходи, княже, убьютъ ты; побѣгни в Печенѣги и приведеши вои»; и не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимеру; яко пользе въ двери, и

подъяста и́ два варяга мечьми подъ пазусѣ. Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ. И тако убьенъ бысть Ярополкъ. Варяшко же, видѣвъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ, бѣжа съ двора в Печенѣги, и много воева Володимера с печенѣгы, одва приваби и́, заходивъ к нему ротѣ. Володимеръ же залеже жену братьню грекиню, и бѣ непраздна, от нея же родися Святополкъ. От грѣховнаго бо корени золь плодъ бываетъ: понеже бѣ была мати его черницею, а второе, Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчичь бысть убо. Тѣмъ и отецъ его не любяше, бѣ бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера...

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир в Киев с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом. И стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче – между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду – воеводе Ярополка – с лживыми словами: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд послам Владимировым: «Буду с тобой в любви и дружбе». О, злая ложь человеческая! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, поднял на меня ложь». Этот же обманом задумал коварство против своего князя. И еще: «Языком своим льстили. Осуди их, боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их отвергни их, ибо прогневали они тебя, господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж кровожадный и коварный не доживет и до половины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие. Безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь; потому и виновен он в крови той. Засел Блуд в осаду вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, так как, опасаясь горожан, просто его убить он не мог. Сам же Блуд не мог никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: «Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка». Беги из города». И послушался его Ярополк, сбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был в Родне жестокий голод, так что ходит поговорка и до наших дней: «Беда, как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего?

Нам их не победить. Заключай мир с братом своим». Так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась мысль твоя, приведу к тебе Ярополка: приготовься убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И говорил Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты мне ни дашь, то я и приму». Ярополк пошел, а Варяжко говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов». И не послушал его Ярополк. И пришел ко Владимиру: когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазухи. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и часто воевал с ними затем против Владимира. И едва-едва склонил его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою своего брата – гречанкой, а была она уже беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира...

...

В лѣто 6492. Иде Володимеръ на радимичи. Бѣ у него воевода Вольчий Хвостъ, и посла ѿ Володимеръ передъ собою, Вольчья Хвоста; сѣрѣте радимичи на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди радимичѣ Вольчий Хвостъ. Тѣмъ и Русь корятся радимичемъ, глаголюще: «Пищанци вольчья хвоста бѣгають». Быша же радимичи от рода ляховъ; прешедъше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне.

В год 6492 (984). Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя, и встретил тот радимичей на реке Пищанце и победил их. Оттого и дразнят русские радимичей: «Пищанцы волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и доньше.

В лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгары⁴³ съ Добрынею, съ уемъ своимъ, в лодьях, а торьки берегомъ приведе⁴⁴ на конихъ: и победи болгары. Рече Добрына Володимеру: «Съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣх. Сим дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ». И створи миръ Володимеръ съ болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша болгаре: «Толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонуть». И приде Володимеръ Киеву.

В год 6493 (985). Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Эти дани нам не дадут – пойдем поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарамы, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

В лѣто 6494. Придоша болгары вѣры бохѣмичѣ, глаголюще, яко: «Ты князь еси мудръ и смыслень, не вѣси закона; но вѣруй в законъ нашъ и поклонися Бохѣмиту». И рече Володимерь: «Како есть вѣра ваша?» Они же рѣша: «Вѣруемъ богу, а Бохмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, и свинины не ясти, вина не пити, а по смерти же, рече, со женами похоть творит и блудную. Дастъ Бохмитъ комуждо по семидесят женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всѣхъ красоту възложить на едину, та будетъ ему жена. Здѣ же, рече, достоятъ блудъ творити всякъ. На семь свѣтъѣ аще будетъ кто убогъ, то и тамъ», и ина многа лестъ, ея же нѣ лъзѣ псати срама ради. Володимерь же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое, послушаше сладко. Но се ему бѣ нелюбо, обрѣзанье удовъ и о неяденьи мясъ свинныхъ, а о питьи отнудъ, рѣка: «Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти». Потом же придоша нѣмци от Рима, глаголюще: «Придохомъ послании от папежа»; и рѣша ему: «Рекль ти тако папежъ: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть». Володимерь же рече: «Кака заповедь ваша?» Они же рѣша: «Пощенье по силѣ: «Аще кто пьетъ или ясть, то все въ славу божью», – рече учитель нашъ Павел». Рече же Володимерь нѣмцемъ: «Идѣте опять, яко отци наши сего не прияли суть». Се слышавше жидове козарьстии придоша, рекуще: «Слышахомъ, яко приходиша болгаре и хрестеяне, у чаще ты кождо вѣрѣ своей. Хрестеяне бо вѣрують, его же мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому богу Аврамову, Исакову, Яковлю».⁴⁵ И рече Володимерь: «Что есть законъ вашъ?» Они же рѣша: «Обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити». Онъ же рече: «То гдѣ есть земля ваша?» Они же рѣша «Въ Ерусалимѣ». Онъ же рече: «То тамо ли есть?» Они же рѣша: «Разъгнѣвася богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради наших, и предана бысть земля наша хрестеяномъ». Онъ же рече: «То како вы инѣхъ учите, а сами отвержени от бога и расточени? Аще бы богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ. Еда и намъ тоже мыслите прияти?»

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь. Уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех. Та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует невозбранно предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том». И другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть!» Потом «пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой». И обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера наша не похожа на твою, так как наша вера – свет; кланяемся мы богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги – просто дерево». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе: «если кто пьет или ест, то все это во славу божию», – как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир иноземцам: «Идите, откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хозарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезываться, не есть свинины и зайчатины, хранить субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам» Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны; если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

По семь же прислаша гръци къ Володимеру философа, глаголюще сице: «Слышахомъ, яко приходили суть болгаре, учаще тя прияти вѣру свою, ихъ же вѣра оскверняетъ небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ человекъ, уподоблешеся Содому и Гомору, на ня же пусти господь камень горюще, и потопа я, и погрязоша, яко и сихъ ожидается день погибели их, егда придетъ богъ судить земли и погубитъ вся творящая

беззаконья и скверны дѣющия. Си бо омывають ох оды своя, в ротъ вливають, и по брадѣ мажутся, поминають Бохмита. Тако же и жены ихъ творять ту же скверну и ино пуще: от совкупленья мужьска и женьска вкушаютъ». Си слышавъ Володимеръ плюну на землю, рекъ: «Нечисто есть дѣло». Рече же философъ: «Слышахом же и се, яко приходиша от Рима поучить васъ к вѣрѣ своей, ихъ же вѣра маломъ с нами разъвращена: служатъ бо опрѣсноки,⁴⁶ рекше оплатки, ихъ же богъ не преда, но повелѣ хлѣбомъ служит, и преда апостоломъ приемъ хлѣбъ, рек: «Се есть тѣло мое, ломимое за вы...», тако же и чаяло приемъ рече: «Се есть кровь моя новаго завѣта» си же того не творять, суть не исправили вѣры». Рече же Володимеръ: «Придоша ко мнѣ жидове, глаголюще: яко нѣмци и грѣци вѣрують, его же мы распяхомъ». Философъ же рече: «Въистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорѣцаху, яко богу родитися, а друзии – распяту быти и погребену, а в 3-й день въскреснути и на небеса взити. Они же тыи пророки избиваху, другия претираху. Егда же сбысться прореченье сихъ, съниде на землю, и распятые прия, и въскресъ на небеса взиде, на сихъ же ожидаше покаянья за 40 и за 6 лѣтъ, и не покаяшася, и посла на ня римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ, и работаютъ въ странахъ». Рече же Володимеръ: «То что ради сниде богъ на землю, и страсть такову прия?» Отвѣщавъ же философъ, рече: «Аще хочещи послушати, да скажу ти из начала, чьсо ради сниде богъ на землю». Володимеръ же рече: «Послушаю рад». И нача философъ глаголати сице...⁴⁷

Затем прислали греки к Владимиру философа со следующими словами: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру. Вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморры, на которых обрушил господь горящий камень, и затопил их, и потонули. Так вот и этих ожидает день гибели, когда придет бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверны. Ибо, подмывшись, вливают, эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже большую...» Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима проповедовать у вас веру свою. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: «Сие есть тело мое, преломляемое за вас...», так же, и из чаши вкушая, говорил: «Сие есть кровь моя нового завета». Те же, что не свершают этого, неправильно

веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого они распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в того. Их же пророки предсказывали, что родится бог, а другие, что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества эти, когда сошел он на землю, был он распят, воскрес и поднялся на небеса. Ожидал бог покаяния от них сорок шесть лет, но не покаяться, и тогда послал на них римлян, и римляне разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». Владимир спросил: «Зачем же сошел бог на землю и принял такое страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем бог сошел на землю». Владимир же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить так...

Въ лѣто 6495. Созва Володимеръ боляры своя и старця градъскиѣ, и рече имъ: «Се приходиша ко мнѣ болгаре, рѣкуще: приими законъ нашъ. По семь же приходиша нѣмци, и ти хваляху законъ свой. По сихъ придоша жидове. Се же послѣ же придоша грѣци, хуляще вси законы, свой же хваляще, и много глаголаша, сказующе от начала миру, о бытїи всего мира. Суть же хитро сказующе, и чюдно слышати их, любо комуждо слушати ихъ, и другий свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть, в нашу вѣру ступить, то паки, умеръ, въстанеть, и не умрети ему в вѣки; аще ли вьнъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придаете? что отвѣщаете?» И рѣша бояре и старци: «Вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить. Аще хоцещи испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ испытай когождо их службу, и кто како служить богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены, числом 10, и рѣша имъ: «Идѣте первое в болгары и испытайте вѣру ихъ». Они же идоша, и пришедше видѣша скверньная дѣла и кланянье в ропати; придоша в землю свою. И рече имъ Володимеръ: «Идѣте паки в нѣмци, съглядайте такоже, и отгудѣ идѣте въ греки». Они же придоша в нѣмци, и съглядавшѣ церковную службу их, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю. Царь же испыта, коея ради вины придоша. Они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ въ той же день. Наутрия посла къ патреарху, глаголя сице: «Придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилос, и самъ причинися в святительския ризы, да видят славу бога нашего». Си слышавъ патреархъ, повелѣ созвати крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я на пространнѣ мѣстѣ, показующе красоту

церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, престоанье дьяконъ, сказующе имъ служенье бога своего. Они же во изумѣнни бывше, удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призваша я царя Василий и Костянтинъ,⁴⁸ рѣста имъ: «Идѣте в землю вашу», и отпустиша я с дары велики и съ честию. Они же придоша в землю свою. И созва князь боляры своя и старца, рече Володимеръ: «Се придоша послании нами мужи, да слышимъ от нихъ бывшее», и рече: «Скажите пред дружиною». Они же рѣша яко: «Ходихом въ болгары, смотрихомъ, како ся поклоняють въ храмѣ, рекше в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядитъ сѣмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья в них, но печаль и смрадъ великъ. Нѣсть добръ законъ ихъ. И придохомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ храмах многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоея же. И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, иде же служатъ богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такога вида ли красоты такая, и не доумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онѣдѣ богъ с человеки пребываетъ, и есть служба их паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя, всякъ бо человекъ, аще вкусить сладка, последи горести не принимаетъ, тако и мы не имамъ еде быти». Отвѣщавше же боляре рекоша: «Аще бы лихъ законъ гречский, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человекъ». Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: «Гдѣ крещенье приимемъ?» Они же рекоша: «Гдѣ ти любо».

В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев городских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о том свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь доподлинно разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, узнай, какая у них служба и кто как служит богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их». Они же отправились, и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их

церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их: «Зачем пришли?» Они же рассказали ему все. Услышав рассказ, царь обрадовался и в тот же день воздал им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские испытывать веру нашу. Приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил как положено праздничную службу, и кадила возожгли, и устроили хоры и пение. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили службу. И призвали их цари Василий и Константин и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», – обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили к болгарам, смотрели, как они молятся в храме, именуемом мечетью, стоят там распоясанные; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». И ответил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».

И минувшю лѣту, в лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунь, град гречьскій, и затворишася корсуняне въ градѣ. И ста Володимеръ об онъ полъ города в лимени, дали града стрѣлище едино, и боряхуся крѣпко изъ града. Володимеръ же обьстоя градъ, изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражданамъ: «Аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того, Володимеръ же изряди воа своа, и повелѣ приспу сыпати къ граду. Симъ же спушимъ, корсуняне, подькопавше ст-ѣну градьскую, крадуще сыплемую перьсть, и ношаху к собѣ въ градъ, сыплюще посреди града. Воини же присыпаху боле, а

Володимеръ стояше. И се мужь корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣль: «Кладязи, яже суть за тобою от вѣстока, ис того вода идеть по трубѣ, копавъ перейми». Володимер же, се слышав, възрѣвъ на небо, рече: «Аще се ся сбудеть, и сам ся крещю». И ту абье повелѣ копати преки трубама, и преяша воду. Людѣ изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ град и дружина его, и посла Володимеръ ко царема, Василью и Костянтину, глаголя сице: «Се град ваю славный взях; слышу же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, яко же и сему створих». И слышавши царя, быста печальна, и въздаста вѣсть, сице глаголюща: «Не достоинъ хрестеяномъ за поганья даяти. Аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и с нами единовѣрникъ будеши. Аще ли сего не хочеши створити, не можемъ дати сестры своее за тя». Си слышавъ Володимеръ, рече посланымъ от царю: «Глаголите царема тако: яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашъ, и есть ми любя вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи». И си, слышавша царя, рада быста, и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта къ Володимеру, глаголюща: «Крестися, и тогда после вѣ сестру свою к тобѣ». Рече же Володимеръ: «Да пришедъше съ сестрою вашею крестятъ мя». И послушаста царя и посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры. Она же не хотяше ити: «Яко в полонъ, – рече, – иду, луче бы ми еде умрети». И рѣста ей брата: «Еда како обратить богъ тобою Рускую землю в покаянье, а Гречьскую землю избавишь отъ лютыя рати. Видиши ли, колько зла створиша Русь грекомъ? И нынѣ аще не идеши, то же имуть створити намъ». И одва ю принудиша. Она же, сѣдъши в кубару, цѣловавши ужики своя съ плачемъ, поиде чресъ море. И ириде къ Корсуню, и изидоша корсуняне с поклономъ, и введоша ю въ градъ, и посадиша ю въ полатѣ. По божью же устрою в се время разболѣся Володимеръ очима, и не видяше ничто же, и тужаше велми, и не домышляшеться, что створити. И посла к нему царица, рекущи: «Аще хочеши избыти болезни сея, то въскорѣ крестися, аще ли, то не имаша избыти недуга сего». Си слышавъ Володимеръ, рече: «Да аще истина будетъ, то поистинѣ великъ богъ будетъ хрестеянескъ». И повелѣ хрестити ся. Епископъ же корсунский с попы царицины, огласивъ, крести Володимера. Яко възложи руку на нь, абье прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное ищѣленье, и прослави бога, рекъ: «Топерво уведѣхъ бога истиннаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣ же торгъ дѣють корсуняне; полата же

Володимеря съ края цѣркве стоить и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещенья же приведе царицю на браченъе. Се же сведуще право, глаголють, яко крестилься есть в Киевѣ, инии же рѣша: в Василеве; друзии же инако скажють. Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру крестеянъску, рекуще сице: «Да не прельстить тебе нѣции от еретикъ, но вѣруй, сице глаголя:

«Вѣрую во единого бога отца, вседержителя, творца небу и земли» – до конца вѣру сию»...

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались. Владимир же, изготавив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. Когда насыпали они, – корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, а Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, – крещусь!» И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный. Слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари. И послали ему вѣсть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников; если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное восприимешь, и с нами единовен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упростили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня». И послушались цари и послали сестру свою, сановников и священников. Она же не хотела идти, говоря: «Иду как в полон, лучше бы мне здесь

умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит тобою бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же если не пойдешь, то сделают и нам то же, что в Корсуни». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего. И скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел он. Ощувив свое внезапное исцеление, Владимир прославил бога: «Теперь узнал я бога истинного». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата – за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят – в Васильеве, а другие и по-иному скажут. Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так:

«Верую во единого бога отца, вседержителя, творца неба и земли» – и до конца этот символ веры»...

Володимер же по семь поемъ царицю, и Настаса, и попы корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, пойма съсуды церковный и иконы на благословеньє себѣ. Постави же церковь в Корсуни на горѣ, идѣ же съсыпаша средѣ града, крадуще, приспу, яже церки стоять и до сего дне. Взя же ида мѣдянѣ двѣ капищи, и 4 кони мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, яко же невѣдуще мнѣть я мрамаряны суца. Вдасть же за вѣно грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля, а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испровреци, овы исѣщи, а другия огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневы къ хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симъ образом челоуѣкы, да възмездье прииметь от челоуѣкѣ. «Велий еси, господи, чудна

дѣла твоя!» Вчера чтимъ от челоуѣкъ, а днесъ поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днепру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья. И привлекше, вринуша ѿ въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: «Аще кде пристанеть, вы отрѣвайте его от берега; дондеже пороги проидеть, то тогда охабитесь его». Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и пройде сквозь пороги, изверже ѿ вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу Перуня Рѣнь, яко же и до сего дне словеть. По семь же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: «Аще не обрящется кто завтра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ». Се слышавше людье, с радостью идяху, радуящеся и глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли». Наутрия же изиде Володимеръ с попы царицины и с корсуньскими на Днѣпръ, и снидеса бе-щисла людий. Влѣзоша в воду, и стаяху овы до шие, а друзии до персий, младии же по перси от берега, друзии же младенци держаще, свершени же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяхе си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ; а дьяволь стенья глаголаше: «Увы мнѣ, яко отсюда прогоним есмь! сде бо мнѣхъ жилище имѣти, яко еде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ. И се уже побѣженъ есмь от невѣгласа, а не от апостоль, ни от мученикъ, не имам уже царствовати въ странах сихъ». Крестившим же ся людемъ, идоша кождо в дома своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо, рече: «Христе боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь имъ, господи, увѣдѣти тебе, истиньнаго бога, яко же увѣдѣша страны хрестьяньскыя. Утверди и вѣру в них праву и несовратьну, и мнѣ помози, господи, на супротивнаго врага, да, надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его». И се рекъ, поветѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, иде же стояху кумири. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, иде же стояще кумиръ Перунъ и прочий, иде же творяху potreбы князь и людье. И нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ, нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахся.

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святаго Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе. Поставил и церковь в Корсуне на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и доньне. Отправляясь, захватил он и двух

медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы и про которые невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы – одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью, и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, – чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья Отмель, как и до сих пор зовется. Затем послал Владимир по всему городу со словами: «Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый или бедный, или нищий, или раб – да будет мне враг». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы это князь и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду, и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих, и дай им, господи, познать тебя, истинного бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И, сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие

и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов, и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых.

Сим же раздаяномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: «Во оны днии услышатъ глушии словеса книжная, и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ». Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного, но по божью строю и по милости своей помилова богъ, яко же рече пророкъ: «Помилую, его же аще хощю». Помилова бо ны «Паки банею бытъя и обновленьемъ духа», по изволенью божью, а не по нашимъ дѣломъ. Благословенъ господь Иисус Христос, иже възлюби новыя люди, Русьскую землю, и просвѣти ю крещеньемъ святымъ...

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбилось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше учения книжного, но по божьему устройению и по милости своей помиловал их бог; как сказал пророк: «Помилую, кого хочу». Ибо помиловал нас святым крещением и обновлением духа, по божьему изволению, а не по нашим делам. Благословен господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший ее крещением святым...

...

Въ лѣто 6500. Иде Володимиръ на Хорваты.⁴⁹ Пришедшо бо ему с войны хорватскыя, и се печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и сретѣ я на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль. И ста Володимер на сей сторонѣ, а печенѣзи на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приѣха князь печенѣжскый к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: «Выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужь ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашъ мужь ударить, да воюемъ за три лѣта». И разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары, и посла биричи по товаромъ, глаголя: «Нѣту ли такого мужа, иже бы ся яль с печенѣжиномъ?» И не обрѣтѣся никдѣ же. Заутра приѣхаша печенѣзи и свой мужь приведоша, а у наших не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: «Княже! есть у мене единъ сынъ меньшей дома, а с четырьми есмь вышелъ, а онъ дома. От дѣтства бо его нѣсть кто имъ ударилъ. Единою бо ми и сварящю, и оному мьнущю усние, разгнѣвавъся на мя, преторже череву рукама». Князь же се слышавъ радъ бысть, и посла по нь, и пршздоша и

ко князю, и князь повѣда ему вся. Сей же рече: «Княже! Не вѣдѣ, могу ли со нь, и да искусите мя: нѣту ли быка велика и силна?» И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка; возложиша на нь железа горяча, и быка пустиша. И побѣже быкъ мимо ѿ, похвати быка рукою за бокъ, и выня кожу съ мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимерь: «Можеши ся с нимъ бороти». И наутрия придоша печенѣзи, почаша звати: «Нѣ ли мужа? Се нашъ dospѣлъ». Володимерь же повеле той ноци облещися въ оружие, и приступиша ту обои. Выпустиша печенѣзи мужъ свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшень. И выступи мужъ Володимерь, и узрѣ ѿ печенѣзинъ и посмѣяся, – бѣ бо середний тѣломъ. И размѣривше межю обѣма полкома, пустиша я к собѣ. И ястася, и почаста ся крѣпко держати, и удави печенѣзина в руку до смерти. И удари имъ о землю. И кликнута, и печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по них сѣкуще, и прогнаша ѿ. Володимерь же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ, и нарече ѿ Переяславль, зане перея славу отроко тѣ. Володимерь же великимъ мужемъ створи того и отца его. Володимерь же възвратися въ Кыевъ с побѣдою и съ славою великою.

В год 6500 (992). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту... И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего – пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, – испытай меня: нет ли быка большого и сильного?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; прижгли его раскаленным железом и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил он быка рукою за бок и

вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

...

В лѣто 6505. Володимеру же шедшо Новугороду по верховьниѣ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика бес перестани, в се же время увѣдѣша печенѣзи, яко князя нѣту, и придоша и сташа около Бѣлагограда. И не дадяху вылѣсти из города, и бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, печенѣгъ же множество много. И удолжися остоя в городѣ, и бе гладъ великъ. И створшиа вѣче в городѣ и рѣша: «Се уже хотимъ померети от глада, а от князя помочи нету. Да лучше ли вы померети? Вѣдадимся печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираем от глада». И тако совѣтъ створиша. Бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томъ, и въпрашаше: «Что ради вѣче было?» И людѣ повѣдаша ему, яко утро хотят ся людѣ передати печенѣгом. Се слышавъ, посла по старейшины градскыя, и рече имъ: «Слышахъ, яко хотите ся передати печенѣгом». Они же рѣша: «Не стерпятъ людѣ глада». И рече имъ: «Послушайте мене: не передайтеся за 3 дни, и я вы, что велю, створите». Они же ради обѣщашася послушати. И рече имъ: «Сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубъ». Они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжъ, в немъ же варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и вставити тамо кадъ, и нальяти цѣжа кадъ. И повелѣ другый колодязь ископати, и вставити тамо кадъ, и повелѣ искати меду. Они же шедше, взята меду лукно, бѣ бо погребено в княжи медуши.⁵⁰ И повелѣ росытити велми и вльяти в кадъ в друзѣмъ колодязи. Утро же повелѣ послати по печенѣгы. И горожане же рѣша, шедше к печенѣгомъ: «Поимѣте к собѣ таль нашъ, а вы пойдѣте до 10 мужъ в градъ, да видите, что ся дѣеть в градѣ нашем». Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко

предатися хотять, пояша у них тали, а сами избраша лучшиѣ мужи в родехъ и послаша в градъ, да розглядають в городѣ, что ся дѣеть. И придоша в городъ, и рекоша имъ людье: «Почто губите себе? Коли можете престояти нас? Аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити нам? Имѣемъ бо кормлю от землѣ. Аще ли не вѣруете, да узрите своима очима». И приведоша я къ кладязю, идѣ же цѣжь, и почерпоша вѣдромъ, и льяша в латки.⁵¹ И яко свариша кисель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же печенѣзи. И удивишася, и рекоша: «Не имуть вѣры наши князи, аще не ядятъ сами». Людье же наляша корчагу⁵² цѣжа и сыты от колодезя, и вдаша печенѣгом. Они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И варивше яша князи печенѣзьстии, и подивишася. И поимше тали своя и онѣхъ пустивше, вѣсташа от града, вѣсвояси идоша.

В год 6505 (997). Когда Владимир пошел к Новгороду за северными воинами против печенегов, – так как была в это время непрерывная великая война, – узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и начался в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было много множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? – сдадимся печенегам – кого пусть в живых оставят, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Один старец, который не был на том вече, спросил: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят они сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, из чего кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадку и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадку, и велел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадку в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что

хотят им сдать, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка, и почерпнули ведром и вылили в лотки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенегы. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и дивились. И, взяв своих заложников, а белгородских отпустив, поднялись и пошли от города восвояси.

В лѣто 6579... Бывши бо единою скудости в Ростовстѣй области, встаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко «Вѣ свѣвѣ, кто обилье держитъ». И пойдоста по Волзѣ, кдѣ приидуча в погость, ту же нарекаста лучшиѣ жены, глаголюща, яко си жито держитъ, а си медь, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечтѣ прорѣзавша за плечемъ, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, и имѣнье ихъ отъймашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро, и бѣ у нею людей инѣхъ 300. В се же время приключися прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Ян же, испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: «Выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моя и моего князя». Они же сего не послушаша. Янъ же поиде сам безъ оружья, и рѣша ему отроци его: «Не ходи безъ оружья, осоромятъ тя». Он же повелѣ взяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока с нимъ, и поиде к ним к лѣсу. Они же сташа исполчившесе противу. Яневи же идущю с топорцем, выступиша от них 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: «Вида идеши на смерть, не ходи». Оному повелѣвшю бити я, к прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топором. Янъ же оборотя топоръ удари и тыльемъ, повелѣ отрокомъ сѣчи я. Они же бѣжаша в лѣсъ, убита же ту попина Янева. Янъ же, вшедъ в град к бѣлозерцем, рече имъ: «Аще не имете волхву сею, не иду от васъ и за лѣто». Бѣлозерци же шедше яша я, и приведоша я къ Яневи. И рече има: «Что ради ногубиста толико человекъ?» Онѣма же рекшема, яко «Ти держатъ обилье, да аще истребивѣ сихъ, будетъ гобино; аще ли

хощеши, то предъ тобою вынемѣве жито, ли рыбу, ли ино что». Янь же рече: «По истинѣ лжа то; створиль богъ чловѣка от землѣ, сставленъ костьми и жылами от крове; нѣсть в немъ ничто же и не вѣсть никто же, но токѣмо единъ богъ вѣсть». Она же рекоста: «Вѣ вѣвѣ, како есть чловѣкъ створень». Он же рече: «Како?» Она же рекоста: «Бог мывѣея въ мовници и вспотивѣея, отерся вѣхтемъ, и верже с небесе на землю. И распрѣся сотона с богомъ, кому в немъ створити чловѣка. И створи дѣяволь чловѣка, а богъ душу во нь вложи. Тѣм же, аще умереть чловѣкъ, в землю идетъ тѣло, а душа к богу». Рече има Янь: «Поистинѣ прельстиль вас есть бѣсъ; коему богу вѣруета?» Она же рекоста: «Антихресту». Он же рече има: «То кдѣ есть?» Она же рекоста: «Сѣдитъ в безднѣ». Рече има Янь: «Какый то богъ, сѣдя в безднѣ? То есть бѣсъ, а богъ есть на небеси, сѣдяй на престолѣ, славим от ангель, иже престоять ему со страхом, не могуще на нь зрѣти. Сих бо ангель свержень бысть, его же вы глаголета антихрест, за величанье его низъвержень бысть с небесе, и есть в безднѣ яко же то вы глаголета, жда, егда придетъ богъ с небесе. Сего имъ антихреста свяжеть узами и посадить и, емъ его, с слугами его и иже к нему вѣрують. Вама же и сде муку прияти от мене, и по смерти тамо». Онѣма же рекшема: «Нама бози повѣдають, не можеша нама створити ничто же». Он же рече има: «Лжють вама бози». Она же рекоста: «Нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеша створити ничто же». Янь же повелѣ, бити я и поторгати брадѣ ею. Сима же тепенома и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ, рече има Янь: «Что вама бози молвять?» Онѣма же рекшема: «Стати намъ предъ Святославомъ». И повелѣ Янь вложити рубль въ уста⁵³ има и привязати я къ упругу, и пусти предъ собою въ лодѣ, и самъ по них иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янь: «Что вамъ бози молвять?» Она же рѣста: «Сице нама бози молвять, не быти нама живымъ от тебе». И рече има Янь: «То ти вама право повѣдали». Она же рекоста: «Но аще на пустиши, много ти добра будетъ; аще ли наю погубивши, многу печаль приимеши и зло». Он же рече има: «Аще ваю пуцю, то зло ми будетъ от бога; аще ль вас погублю, то мзда ми будетъ». И рече Янь повозникомъ: «Ци кому вас кто родинъ убьень от сею?» Они же рѣша: «Мнѣ мати, другому сестра, иному роженъе». Онѣ же рече имъ: «Мьстите своихъ». Они же поимше, убита я и повѣсиша я на дубѣ: отмьстѣе приимша от бога по правдѣ. Яневи же идуцю домови, а другую ноцъ медведъ възлѣзъ, угрызъ ею и снѣсть. И тако погыбнуста наущеньемъ бѣсовьскимъ, инѣмъ ведуща, а своа пагубы не вѣдуче. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, иде же ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: «Не умрети нама», оному мысляцю убити

я? Но се есть бѣсовское наученье; бѣси бо не вѣдятъ мысли чловѣчскыя, но влагають помысль въ чловѣка, тайны не сведуще. Богъ единъ свѣсть помышленья чловѣчская, бѣси же не свѣдаютъ ничто же; суть бо немощни и худи взоромъ. ...

В год 6579 (1071)... Однажды во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что де мы знаем, кто запасы держит. И отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что та жито прячет, а та – мед, а та – рыбу, а та – меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, и убивали многих жен, а имущество их забирали себе. И пришли на Бело-озеро, и было с ними людей триста. В это же время случилось Яню, сыну Вышатину, собирая дань, прийти от князя Святослава; поведали ему белозерцы, что два кудесника убили уже много жен по Волге и по Шексне и пришли сюда. Янь же, расспросив, чьи смерды, и узнав, что они смерды его князя, послал к тем людям, которые были около волхвов, и сказал им: «Выдайте мне обоих волхвов, потому что оба они смерды мои и моего князя». Они же его не послушали. Янь же пошел сам без оружия, хотя говорили ему отроки его: «Не ходи без оружия, осрамят тебя». Он же велел взять оружие отрокам и с двенадцатью отроками пошел к ним к лесу. Они же исполнились против него. И вот, когда Янь шел на них с топориком, выступили от них три мужа, подошли к Яню, говоря ему: «Видишь, что идешь на смерть, – не ходи». Янь же приказал убить их и пошел к оставшимся. Они же кинулись на Яня, и один из них замахнулся на Яня топором, но промахнулся. Янь же, оборотив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их. Они же бежали в лес и убили тут Янева попа. Янь же, войдя в город к белозерцам, сказал им: «Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас весь год». Белозерцы же пошли, захватили их и привели к Яню. И сказал им: «Чего ради погубили столько людей?» Те же сказали, что «они держат запасы, и если истребим их, будет изобилие; если же хочешь, мы перед тобою вынем жито, или рыбу, или что другое». Янь же сказал: «Поистине ложь это; сотворил бог человека из земли, составлен он из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, никто ничего не знает, один только бог ведает». Они же сказали: «Мы знаем, как человек сотворен». Он же спросил: «Как?» Они же отвечали: «Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек, – в землю идет тело, а душа к богу».

Сказал им Янь: «Поистине прельстил вас бес; какому богу веруете?» Те же ответили: «Антихристу!» Он же сказал им: «Где же он?» Они же сказали: «Сидит в бездне». Сказал им Янь: «Какой это бог, коли сидит в бездне? Это бес, а бог на небесах, восседает на престоле, славимый ангелами, которые предстоят ему со страхом и не могут на него взглянуть. Один из них был свергнут – тот, кого вы называете антихристом. Низвергнут был он с небес за высокомерие свое и теперь в бездне, как вы и говорите. Ожидает он, когда сойдет с неба бог. Этого антихриста бог свяжет узами и посадит в бездну, схватив его вместе со слугами его и теми, кто в него верует. Вам же и здесь принять муку от меня, а по смерти – там». Те же сказали: «Говорят нам боги: не можешь нам сделать ничего!» Он же сказал им: «Лгут вам боги». Они же ответили: «Мы станем перед Святославом, а ты не можешь сотворить ничего». Янь же повелел бить их и выдергивать им бороды. Когда их били и выдирали расщепом бороды, спросил их Янь: «Что же вам молвят бога?» Они же ответили: «Стать нам перед Святославом». И повелел Янь вложить рубли в уста им и привязать их к мачте лодки и пустил их перед собою в ладье, а сам пошел за ними. Остановились на устье Шексны, и сказал им Янь: «Что же вам теперь боги молвят?» Они же сказали: «Так нам боги молвят: не быть нам живым от тебя». И сказал им Янь: «Вот это-то они вам правду поведали». Волхвы же ответили: «Но если наспустишь, много тебе добра будет; если же нас погубишь, много печали примешь и зла». Он же сказал им: «Если вас пущу, то плохо мне будет от бога, если же вас погублю, то будет мне награда». И сказал Янь гребцам: «У кого из вас кто из родни убит ими?» Они же ответили: «У меня мать, у того сестра, у другого дочь». Он же сказал им: «Мстите за своих». Они же, схватив, убили их и повесили на дубе: так отмщение получили они от бога по правде! Когда же Янь отправился домой, то на другую же ночь медведь забрался, изгрыз их и съел. И так погибли они по наущению бесовскому, другим пророчествуя, а своей гибели не предвидя. Если бы ведь знали, то не пришли бы на место это, где им предстояло быть схваченными; а когда были схвачены, то зачем говорили: «Не умереть нам», в то время, когда Янь уже задумал убить их? Но это и есть бесовское наущение: бесы ведь не знают мыслей человека, а только влагают помыслы в человека, тайны его не зная. Бог один ведает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и скверны видом...

В лѣто 6605. Придоша Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичъ, и Василко Ростиславичъ, и Давыдъ Святославичъ, и брат его Олегъ,⁵⁴ и сняшася Любячи⁵⁵ на устроенье мира, и глаголаша к собѣ,

рекуще: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А половци землю нашу несут розно, и ради суть, оже между нами рати. Да нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце, и блюдем Рускыѣ земли; кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимерь Всеволожу, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю, а им же роздаяль Всеволодъ города: Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышьль Володареви, Теробовль⁵⁶ Василкови». И на том цѣловаша крестъ: «Да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будем вси и крестъ честный». Рекоша вси: «Да будеть на нь хрестъ честный и вся земля Русьская». И цѣловавшеса поидоша в свояси.

В год 6605 (1097). Пришли Святополкъ, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег и собрались на совет в Любече для установления мира и говорили друг другу: «Зачем губим Русьскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русьскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополкъ – Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир – Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав – Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду – Владимир, Ростиславичам же: Володарю – Перемышьль, Васильку – Теробовль». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русьская». И, попросившись, пошли восвояси.

И приде Святополкъ с Давыдомъ Кыеву, и ради Быша людьє вси: но токмо дьяволъ печалень бяше о любви сей. И влѣзе сотона в сердце нѣкоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко «Володимерь сложился есть с Василком на Святополка и на тя». Давыдъ же, емъ вѣру лживым словесомъ, нача молвити на Василка, глаголя: «Кто есть убилъ брата твоего Ярополка, а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть с Володимером? Да промышляй о своей головѣ». Святополкъ же смятєся умом, река: «Еда се право будеть, или лжа, не вѣдѣ». И рече Святополкъ к Давыдови: «Да еще право глаголеши, богъ ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, богъ будеть затѣмъ». Святополкъ же сжалиси по братѣ своем, и о собѣ нача помышляти, еда се право будеть? И я вѣру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василькѣ; а Василко сего не вѣдыше ни Володимерь. И нача Давыдъ глаголати: «Аще не имевѣ Василка, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ в Володимери». И послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноябрья, и перевезєся на Выдобычъ, и иде поклонитя къ святому

Михаилу в манастирь, и ужина ту, а товары своя постави на Рудици;⁵⁷ вечеру же бывшую приде в товарь свой. И наутрия же бывшую, присла Святополкъ, река: «Не ходи от именинь моихъ». Василко же отпрѣся, река: «Не могу ждати; еда будеть рать дома». И приела к нему Давыдь: «Не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго». И не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдь Свягополку: «Видиши ли, не помнить тебе, ходя в твоею руку. Аще ти отъидеть в свою волость, самъ узриши, аще ти не займеть град твоихъ Турова, и Пиньска, и прочих град твоих. Да помянешь мене. Но призвавъ нынѣ и, емъ и дажь мнѣ». И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: «Да аще не хочешь остати до именинь моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдим вси с Давыдомъ». Василко же обѣщася прити, не вѣдый лсти, юже имяше на нь Давыдь. Василко же всѣдь на конь поѣха, и устрѣте и дѣтський его, и повѣда ему, глаголя: «Не ходи, княже, хотять тя яти». И не послуша его, помышляя: «Како мя хотять яти? Оногды целовали крестъ, рекуще: аще кто на кого будеть, то на того будеть крестъ и мы вси». И помысливъ си прекрестися, рекъ: «Воля господня да будеть». И приѣха въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ, и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша в-ыстобку, и приде Давыдь, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: «Останися на святокъ». И рече Василко: «Не могу остати, брате; уже есмь повелѣль товаромъ поити переди». Давыдь же сѣдыше акы нѣмъ. И рече Святополкъ: «Да заутрокай, брате!» И обѣщася Василко заутрокати. И рече Святополкъ: «Посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжю». И лѣзе вонъ, а Давыдь с Василком сѣдоста. И нача Василко глаголати к Давыдови, и не бѣ в Давыде гласа, ни послушанья: бѣ бо ужаслься, и лестъ имея въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдь мало, рече: «Кде есть брат?» Они же рѣша ему: «Стоить на сѣнех». И вставъ Давыдь, рече: «Азь иду по нь; а ты, брате, посѣди». И, вставъ, иде вонъ. И яко выступи Давыдь, и запроша Василка, въ 5-й ноябрья; и оковаша и в двои оковы, и приставиша к нему сторожѣ на ночь. Наутрия же Святополкъ созва боляръ и кыянъ, и повода имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдь, яко «Брата ти убилъ, а на тя свѣчался с Володимеромъ, и хочеть тя убити и грады твоя зяяти». И рѣша боляре и людье: «Тобе, княже, достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвилъ Давыдь, да приметъ Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдь, да приметъ мечь от бога и отвѣчаетъ пред богомъ». И увѣдѣша игумени, и начата молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: «Ото Давыдь». Увѣдѣвъ же се Давыдь, нача поуцати на ослепленье: «Аще ли сего не створишь, а пустишь и, то ни тебе княжити, ни мнѣ». Святополкъ же хотяше пустити и, но Давыдь не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша

и Бѣлугороду, иже град малъ у Києва яко 10 версть в дале, и привезоша и на колѣх, окована суца, ссадиша и с колѣ, и ведоша и в-ыстобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко торчина остряца ножь, и разуме, яко хотят и слепити, възпи к богу плачем великим и стенаньем. И се влѣзоша послании Святополком и Давыдомъ, Сновидъ Изечевичь, конюх Святополчь, и Дмитръ, конюх Давыдовъ, и почаства простирати коверъ, и простерта яста Василка, и хотяща и повреци; и боряшется с нима крѣпко, и не можаства его повреци. И се влѣзше друзии повергоша и, и связаша и, и снемше доску с печи, и възложиша на перси его. И сѣдоста обаполы Сновидъ Изечевичь и Дмитръ, и не можаства удержати. И приступиста ина два, и сняста другую дску с печи, и сѣдоста, и удавиша и рамяно, яко персем троскотати. И приступи торчинъ, именем Беренди, овчюхъ Святополчь, держа ножь и хотя ударити в око, и грѣшися ока и перерѣза ему лице, и есть рана та на Василкѣ и нынѣ. И посем удари и в око, и изя зѣницю, и посем в другое око, и изя другую зѣницю. И томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И взявше и на коврѣ възложиша на кола яко мертва, повезоша и Володимерю. И бысть везому ему, сташа с ним, перешедше мость Звиженьскый, на торговици, и сволокоша с него сорочку, кроваву суцю, и вдаша попадья опрати. Попадья же оправши възложи на нь, онѣм обѣдующим, и плакатися нача попадья, яко мертву суцю оному. И очюти плачь, и рече: «Кдѣ се есмь?» Они же рекоша ему: «Въ Звиждени городѣ». И вприси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочки и рече: «Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочкѣ кровавѣ смерть приялъ и сталь пред богомъ». Онѣм же обѣдавшим, поидоша с ним вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць грудень, рекше ноябрь. И придоша с ним Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыдъ с ним, акы нѣкакъ уловъ уловивъ. И посадиша и въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады все люди, по только дьявол огорчен был их согласиём. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду говоришь, бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, бог тебе судья». Святополк же пожалел о брате своем и про себя

стал думать, не правда ли это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они умышлять на Василька. А Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдобечь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся к обозу своему. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от именин моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны» И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не послушайся брата старшего». И не захотел Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли – не помнит о тебе даже здесь, под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет города твои – Туров, и Пинск, и все прочие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил отрок его и предупредил: «Не езд, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, помышляя: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор. И вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел, как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман держал в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сенях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька, – 5 ноября, – и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь,

следует беречь голову свою. Если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от бога и отвечает перед богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подговаривать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород – небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к богу с плачем великим и со стенаньями. И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко и не смогли его повалить. Тут вошли другие, и повалили его, и связали его, и сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по обе стороны Сновид Изечевич и Дмитр и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, подняв нож, и намеривался ударить в глаз, но промахнулся и порезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз и исторг глаз, и потом – в другой глаз и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу, как мертвого, повезли во Владимир. И когда везли его, остановились с ним, перейдя Воздвиженский мост, на торговище и стащили с него рубашку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья, как мертвого. И услышал он плач и спросил: «Где я?» И ответили ему: «В Воздвиженске городе». И попросил воды, они же дали ему. И испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал рубашку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той рубашке кровавой смерть принял и предстал перед богом». Те же, дообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» – грудень, то есть ноябрь. И пришли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Володимеръ же слышавъ, яко ять бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: «Сего не бывало есть в Русьскѣй земли ни при Дѣдѣхъ

наших, ни при отцихъ наших, сякого зла». И ту абѣ посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: «Поидѣта к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земли и в насъ, в братѣи, оже ввержень в ны ножь. Да еще сего не правимъ, то большее зло встанеть в нас, и начнетъ брат брата закалати, и погыбнетъ земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмутъ землю Русьскую». Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуще, яко «Сего не было в родѣ, нашемъ». И ту абѣ собравша воѣ, придоста к Володимеру. Володимеру же с вои стоящю в бору, Володимеръ же и Давыдъ и Олегъ послаша мужѣ свои, глаголюще к Святополку: «Что се зло створиль еси в Русьскѣй земли, и ввергль еси ножь в ны? Чему еси слѣпилъ брат свой? Аще ти бы вина кая была на нь, обличиль бы ѿ пред нами, и упрѣвъ бы ѿ, створиль ему. А нонѣ яви вину его, оже ему се створиль еси». И рече Святополкъ, яко «Повѣда ми Давыдъ Игоревичь: яко Василко брата ти убиль, Ярополка, и тебе хочеть убити и зяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестие, и Погорину,⁵⁸ а заходилъ ротѣ с Володимером, яко сѣсти Володимеру Киевѣ, а Василкови Володимери. А неволя ми своее головы блюсти. И не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и вель ѿ к собѣ». И рѣша мужи Володимери, и Давыдови, и Олгови: «Извѣта о семь не имѣй, яко Давыдъ есть слѣпилъ ѿ. Не в Давыдовѣ городѣ ятъ, не слѣпленъ, но в твоємъ градѣ ятъ и слѣпленъ». И се имъ глаголющимъ разидошася разно. Наутрия же хотящимъ чресъ Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнути ис Киева, и не дата ему кыяне побѣгнути, но послаша Всеволожую и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: «Молимся, княже, тобѣз и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрѣствомъ, побарающе по Русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую». Всеволожая же и митрополитъ придоста к Володимеру и молистася ему, и повѣдаста молбу кыянъ, яко творити миръ, и блюсти землѣ Русьскыѣ; и брань имѣти с погаными. Се слышавъ Володимеръ, расплакавъся и рече: «Поистинѣ отци наши и дѣди наши зблюди землю Русьскую, а мы хотимъ погубити»...

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще такого на Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших». И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо брошен в нас нож. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет

брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши, половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору; Владимир же, и Давыд, и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и бросил в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами и, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так; а теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Говорил мне Давыд Игоревич: «Как Василько брата твоего убил, Ярополка, так и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, чтобы сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире. А мне поневоле свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру и молили его и поведали мольбу киевлян – заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюдали землю Русскую, а мы хотим погубить»...

Житие Феодосия

Подготовка текста, перевод и примечания О. В. Творогова

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНААГО ОТЬЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРЬСКАГО

Градъ есть отстоя отъ Кыева, града стольнааго, 50 попрыщъ, именовъ Васильевъ.⁵⁹ Въ томъ бѣста родителя святаго въ вѣрѣ крѣстьянѣстѣи живуща и всячьскимъ благочѣстиемъ украшена. Родиста же блаженаго дѣтища сего, таче въ осмыи днь принесоста ѿ къ святителю божию, яко же обычаи есть крѣстьяномъ, да имя дѣтищю нарекуть. Прозвутерь же, видѣвъ дѣтища и срьдъчьныма очима прозьря, еже о немъ, яко хочеть измлада богу датися, Феодосиемъ того нарицаеть.⁶⁰ Таче же, яко и минута 40 дньни дѣтищю, крѣщениемъ того освятиша. Отроча же ростяше, кърмимъ родителема своима, и благодать божия съ нимъ, и духъ свѣтыи измлада въселися въ нь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКОГО

В пятидесяти попрыщах от стольного города Киева есть город Васильев. В том и наши родители святого, исповедуя веру христианскую и сияя всяческим благочестием. Родилось блаженное чадо их, и потом, на восьмой день, принесли его к священнику, как это подобает христианам, чтобы дать ребенку имя. Священник же, взглянув на отрока, провидел мысленным взором, что смолоду он посвятит себя богу, и назвал его Феодосием. Потом же, как минуло их чаду 40 дней, окрестили его. Рос отрок, вскормлен родителями своими, и был отмечен он божественной благодатью, и дух святой от рождения вселился в него.

Къто исповѣсть милосърдие божие! Се бо не избѣра отъ премудрыхъ философъ, ни отъ властелинѣ градъ пастуха и учителя инокъимъ, нь – да о семь прославиться имя господне – яко грубъ сы и невѣжа премудрей философъ явися...

Кто постигнет милосердие божие! Вот ведь не избрал пастуха и учителя инокам среди мудрых философов или властителей города, но – да прославится этим имя господне – неискушенный в премудрости стал мудрее философов!..

Мы же паки поидемъ на пръвое исповѣдание святааго сего отрока. Растыи убо тѣльмъ и душею влекомъ на любовь божию, и хожаше по вся дньни въ църкъвь божию, послушан божѣствныхъ книгъ съ всѣмъ вѣниманиемъ. Еще же и къ дѣтѣмъ играющимъ не приближашеся, яко же

обычай есть унымъ, нъ и гнушашеся играмъ ихъ. Одежа же его бѣ худа и сплатана. О семь же многашьды родителема его нудящема ѿ облещися въ одежду чисту и на игры съ дѣтьми изити. Онъ же о семь не послушааше ею, нъ паче изволи быти яко единъ от убогихъ. Къ симъ же и датися веля на учение божьствьныхъ книгъ единому от учитель; яко же и створи. И въскорѣ извыче вся граматикия, и яко же всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтища и о скорѣмъ его учении. Покорение же его и повинование къто исповѣсть, еже сътяжа въ учении своемъ не тѣмъ же къ учителю своему, нъ и къ всѣмъ учащимъся съ нимъ?

Мы же опять вернемся к рассказу о святом этом отроке. Рос он телом, а душой тянулся к любви божественной, и ходил каждый день в церковь божью, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. При этом не подходил он к играющим детям, как это в обычае малолетних, но избегал детских игр. Одежда его была ветха и в заплатах. И не раз уговаривали его родители одеться почище и пойти поиграть с детьми. Но он не слушал этих уговоров и по-прежнему ходил словно нищий. К тому же попросил он, чтобы отдали его учителю, дабы божественным книгам учился, и достиг этого. И так скоро овладел он грамотой, что поражаались все, как смьшлен он и разумен и как быстро всему научился. А кто расскажет о покорности и послушании, какими отличался он в учении, не только перед учителем своим, но и перед учащимися с ним?

Въ то же время отць его житию конць приять. Суцю же тьгда божьствьному Феодосию 13 лѣтъ. Отто лѣ же начать на труды паче подвижнѣи бывати, яко же исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ всякимъ смѣрениемъ. Мати же его оставляше ѿ, не велящи ему тако творити, моляше и паки облачитися въ одежду свѣтлу и тако исходити ему съ съвѣрьстныкы своими на игры. Глаголаше бо ему, яко, тако ходя, укоризну себе и роду своему твориши. Оному о томъ не послушающю ея, и яко же многашьды еи отъ великыя ярости разгнѣватися на нъ и бити ѿ, бѣ бо и тѣльмъ крѣпъка и сильна, яко же и мужъ. Аще бо и кто не видѣвъ ея, ти слышааше ю бесѣдующю, то начьняше мнѣти мужа ю суца.

В это время истекли дни жизни отца его. Было же тогда божественному Феодосию 13 лет. И с тех пор стал он еще усердней к труду, так что вместе с рабами выходил в поле и работал там с великим смирением. Мать же удерживала его и, не разрешая так поступать, снова упрашивала его одеться почище и пойти поиграть со сверстниками. И говорила ему, что своим видом он себя срамит и семью свою. Но не слушал он ее, и не раз, придя в ярость и гнев, избивала сына, ибо была она телом крепка и сильна, как мужчина. Бывало, что кто-либо, не видя ее,

услышит, как она говорит, и думает, что это мужчина.

Къ симъ же паки божьствьньи уноша мысляше, како и кымъ образьмъ спасться. Таче слыша паки о святыхъ мѣстѣхъ, иде же господь нашъ Иисусъ Христосъ плътию походи, и жадаше тамо походити и поклонитися имъ. И моляшеся богу, глаголя: «Господи мои, Иисусъ Христе! Услыши молитву мою и съподоби мя съходити въ святая твоя мѣста и съ радостию поклонитися имъ». И тако многашьды молящюся ему, и се приидоша страньници въ градъ тъ, иже и видѣвъ я божьствьньи уноша, и радъ бывъ, текъ, поклонися имъ, и любьзно цѣлова я, и въпроси я, отькуду суть и камо идутъ. Онѣмъ же рекъшемъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмъ и, аще богу велящю, хоцемъ въспять уже ити. Святые же моляше я, да и поимуть въ слѣдъ себе и съпутника и сътворять съ собою. Они же обѣщашася пояти и съ собою и допроводити и до святыхъ мѣстъ. Таче се слышавъ, блаженый Феодосии, еже обѣщашася ему, радъ бывъ, иде въ домъ свои. И егда хотяху страньнии отъйти, възвѣстиша уноши свои отходъ. Онъ же, вставъ нощю и не вѣдущю никому же, таи изиде из дому своего, не имьи у себе ничсо же, развѣ одежда, въ ней же хожаше, и та же худа. И тако изиде въ слѣдъ страньныхъ. Благый же богъ не попусти ему отъйти отъ страны сея, его же и-щрева матерья и пастуха быти въ странѣ сеи словесныхъ овецъ⁶¹ назнамена, да не пастуху убо отъшьдъшю, опустѣеть пажить, юже богъ благослови, и тьрние и вълчыць въздрасеть на ней, и стадо разидеться.

А тем временемъ божественный юноша все думал, как и какимъ образом спасет он душу свою. Услышал он как-то о святыхъ местах, где во плоти ходилъ господь нашъ Иисусъ Христос, и возжаждалъ посетить те места и поклониться им. И молился богу, взывая: «Господь мой, Иисусе Христе! Услышь молитву мою и удостой меня посетить святые места твои и поклониться имъ с радостью!» И постоянно молился он так, и вот пришли в его городъ странники, и, увидевъ их, обрадовался божественный юноша, подошел к ним, поклонился, приветствовал ихъ сердечно и спросил, откуда они и куда идутъ. Странники отвечали, что идутъ из святыхъ мест и снова, по божественному велению, хотятъ туда возвратиться. Святой же сталъ упрашивать их, чтобы разрешили пойти вместе с ними, взяли бы его себе в попутчики. Они пообещали взять его с собою и довести до святыхъ мест. Услышавъ обещание их, обрадовался блаженный Феодосий и вернулся домой. Когда же собрались паломники в путь, то сказали юноше о своемъ уходе. Он же, вставъ ночью, и втайне отъ всех, вышел из своего дома, не взявъ с собою ничего, кроме одежды, что была на нем, да и та ветха. И такъ пошелъ вследъ за странниками. Но милостивый богъ не допустилъ, чтобы покинул он

свою страну, ибо еще в материнском чреве указал ему быть в этой стране пастырем разумных овец, ибо если уйдет пастырь, то опустеет пажить, благословенная богом, и зарастет тернием и бурьяном, и разбредется стадо.

Но тръхъ убо дъньхъ увѣдѣвши мати его, яко съ страньными отъиде, и абие ногъна въ слѣдъ его, тькъмо единого сына своего поимъши, иже бѣ мьнии блаженааго Феодосия. Таче же, яко гънаста путь мьногъ, ти тако пристигъша, яста ѿ, и отъ ярости же и гнѣва мати его имъши ѿ за власы, и повръже ѿ на земли, и своима ногама пѣхашети ѿ, и, страньныя же много коривъши, възвратися въ домъ свои, яко нѣкоего зълодѣя вѣдущи съвязана. Тольми же гнѣвъмъ одръжима, яко и въ домъ ей пришьдъши, бити ѿ, дѣндеже изнеможе. И по сихъ же, вѣведъши ѿ въ храмъ, и ту привяза ѿ, затворъши, и тако отъиде. Божьствьныи же уноша вься си съ радостію приимаше и, бога моля, благодаряше о вьсѣхъ сихъ. Таче пришедъши мати его по двою дънию отрѣши ѿ и подасть же ему ясти, еще же гнѣвъмъ одръжима суци, възложи на нозѣ его железа, ти тако повелѣ ему ходити, блюдуци, да не паки отъбѣжитъ отъ нея. Тако же сътвори, дъни мьногы ходя. По томъ же паки, умилосьрьдивъшися на нь, нача съ мольбою увѣщавати ѿ, да не отъбѣжитъ отъ нея, любляше бо и зѣло паче инѣхъ и того ради не тѣрпяше безъ него. Оному же обѣщавъшюся ей не отъити отъ нея, съня железа съ ногу его, повелѣвши же ему по воли творити, еже хоцетъ. Блаженыи же Феодосии на прьвыи подвигъ възвратися и хожаше въ църкъвь божию по вся дъни. Ти видяше, яко многашьды лишаемѣ суци литургии, проскурънааго ради непечения, жаляшеси о томъ зѣло и умысли же самъ своимъ съмѣрениемъ отълучитися на то дѣло. Еже и сътвори: начатъ бо печи проскуры и продаяти, и еже аще прибудяше ему къ цѣнѣ, то дадыше нищимъ. Цѣною же паки купяше жито и, своима рукама измѣлъ, паки проскуры творяше. Се же тако богу изволивъшю, да проскуры чисты приносятся въ църкъвь божию отъ непорочнаго и несквърнааго отрока. Сице же пребысть двѣнадесяте лѣтъ или боле творя. Вьси же съврѣстьныи отроци его, ругающесе ему, укаряхути ѿ о та- овѣмъ дѣлѣ, и то же врагу научающю я. Блаженыи же вься си съ радостію приимаше, съ мълчаниемъ и съ съмѣрениемъ.

Спустя три дня узнала мать Феодосия, что он ушел с паломниками, и тотчас же отправилась за ним в погоню, взяв с собой лишь своего сына, который был моложе блаженного Феодосия. Когда же после долгого преследования наконец настигла его, то схватила и в ярости и в гневе вцепилась ему в волосы, и швырнула его на землю, и пинала его ногами, и, осыпав упреками странников, вернулась домой, ведя Феодосия,

связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что, и придя домой, била его, пока не изнемогла. А после ввела его в дом и там, привязав его, заперла, а сама ушла. Но божественный юноша все это с радостью принимал и, молясь богу, благодарил за все перенесенное. Через два дня мать, придя к нему, отвязала и покормила, но, еще не остыв от гнева, сковала ноги ему и велела ходить в оковах, опасаясь, как бы он снова не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней. А потом, сжалившись над ним, снова начала умолять его и уговаривать, чтобы не покидал ее, ибо очень его любила, больше всех на свете, и не смогла бы прожить без него. Когда же Феодосий пообещал матери, что не покинет ее, то сняла с его ног оковы и разрешила ему делать, что захочет. Тогда блаженный Феодосий вернулся к прежнему своему подвижничеству и каждый день стал посещать божью церковь. И, видя, что часто не бывает литургии, ибо некому печь просфоры, очень опечалился этому и задумал, по своему смирению, сам взяться за это. Так и сделал: начал он печь просфоры и продавать, и что сверх цены получал, то раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же молот и снова пек просфоры. Это уж бог так пожелал, чтобы просфоры, приносимые в церковь, чисты были – дело рук безгрешного и непорочного отрока. Так и провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, издевались, осуждая его занятия, враг их научал этому. Но блаженный все упреки принимал с радостью, молчанием и смирением.

Ненавидя же испърва добра золодѣи врагъ, видя себе побѣжаема съмѣрениемъ богословеснааго отрока, и не почиваше, хотя отъвратити ѿ таковааго дѣла. И се начатъ мать его поущати, да ему възбранитъ отъ таковааго дѣла. Мати убо, не търпящи сына своего въ такой укоризнѣ суца, и начатъ глаголати съ любъвию к нему: «Молю ти ся, чядо, останися таковааго дѣла, хулу бо наносиши на родъ свои, и не тръплю бо слышати отъ вьсѣхъ укаряему ти суццю о таковѣмъ дѣлѣ. И нѣсть бо ти лѣпо, отроку суццю, таковааго дѣла дѣлати». Таче съ съмѣрениемъ божьствьныи уноша отъвѣщавааше матери своеи, глаголя: «Послушай, о мати, молю ти ся, послушай! Господь бо Иисусъ Христось самъ поубожися и съмѣрися, намъ образъ дая. Да и мы его ради съмѣримъся. Паки же поруганъ бысть, и опльванъ, и заушаемъ, и вься претърпѣвъ нашего ради спасения. Кольми паче лѣпо есть намъ тръпѣти, да Христа приобрящемъ. А еже о дѣлѣ моемъ, мати моя, то послушай: егда господь нашъ Иисусъ Христось на вечери възлеже съ ученикы своими, тьгда приимъ хлѣбъ и благословивъ ѿ, преломль, даяше ученикомъ своимъ, глаголя: «Приимѣте и ядите, се есть тѣло мое, ломимое за вы и за многы въ оставление грѣховъ». Да аще самъ

господь наш плоть свою нарече, то колыми паче лѣпо есть мнѣ радоватися, яко съдѣльника мя сподоби господь плоти своей быти». Си слышавъши мати его и чюдивъшися о премудрости отрока и оттолѣ нача оставатися его. Нъ врагъ не почиваше, остря ю на възбранение отрока о таковѣмъ его съмѣрении. По лѣтѣ же единомъ паки видѣвъши его пекуща проскуры и учърнивъшася от ожжения пещнаго, съжалиси зѣло, паки начатъ оттолѣ бранити ему овогда ласкою, овогда же грозою, другоици же биющи ѿ, да ся останеть таковаго дѣла. Божьствънии же уноша въ скърби велицѣ бысть о томъ, и недъумѣя, чьто створити. Тъгда же, въставъ нощю отаи и ишедъ из дому своего, и иде въ инъ градъ, не далече сушь отъ того, и обита у прозвутера, и дѣлааше по обычаю дѣло свое. По томъ же мати его, яко его искавъши въ градѣ своемъ и не обрете его, съжалиси по немъ. Таче по дньхъ мнозѣхъ слышавъши, кѣде живеть, и абие устръмися по нь съ гнѣвъмъ великъмъ, и, пришедъши въ прежереченыи градъ и искавъши, обрете ѿ въ дому презвутерове и имъши влечаше ѿ въ градъ свои биющи. И въ домъ свои приведъши и запрети ему, глаголющи, яко: «Къ тому не имаша отъити мене; елико бо аще камо идеша, азъ, шедъши и обрѣтъши тя, съвязана, биющи, приведу въ сии градъ». Тъгда же блаженыи Феодосии моляшеся богу, по вся дни ходя въ църквь божию, бѣ же съмѣренъ сьрьдцьмъ и покоривъ къ всѣмъ.

Искони ненавидящий добро, злой враг, видя, что побеждаем он смирением боговдохновенного отрока, не дремал, помышляя отвратить его от такого занятия. И вот начал он внушать матери Феодосия, чтобы воспротивилась она его подвижничеству. Мать и сама не могла смириться с тем, что все укоряют ее сына, и начала говорить ему с нежностью: «Молю тебя, чадо мое, брось ты свое дело, срамишь ты семью свою, и не могу больше слышать, как все смеются над тобой. Разве пристало отроку этим заниматься!» Тогда божественный юноша отвечал матери смиренно: «Послушай, мати, молю тебя, послушай! Ведь сам господь Иисус Христос подал нам пример унижения и смирения. Да и мы, во имя его, должны смириться. Он-то ведь и поругания перенес, и оплеван был, и избиваем, и все вытерпел ради нашего спасения. А нам и тем более следует терпеть, ибо этим к Христу приблизимся. А что до дела моего, мать моя, то послушай: когда господь наш Иисус Христос возлег на вечере с учениками своими, то, взяв в руки хлеб и благословив его, разломил и дал им со словами: «Возьмите и ешьте, это – тело мое, преломленное за вас и за многих других, чтобы очистились они от грехов». Так если сам господь наш хлеб назвал плотью своей, то тем более радостно мне, что сподобил он меня приобщиться к плоти своей». Услышав это, удивилась мать

премудрости отрока и с тех пор оставила его в покое. Но и враг не дремал, побуждая ее воспрепятствовать смирению отрока. И как-то, спустя год, снова увидев его пекущим просфоры и почерневшим от печного жара, опечалилась она и с той поры снова стала убеждать его, то ласкою, то с угрозами, а иногда и с побоями, чтобы бросил он свое занятие. Пришел в отчаяние божественный юноша и недоумевал, что же ему делать. И вот тогда ночью тайно покинул свой дом и ушел в другой город, находившийся неподалеку, и, поселившись у священника, принялся за свое обычное дело. Мать же, поискав и не найдя его в своем городе, оплакала отрока. Когда же, много дней спустя, узнала, где он живет, то тотчас же, в гневе, отправилась за ним, и, придя в упомянутый город, нашла его в доме священника, и, схватив, с побоями повела в свой город. Приведя домой, заперла его, сказав: «Теперь уж не сможешь убежать от меня; а если куда уйдешь, то я, догнав и разыскав тебя, свяжу и с побоями приведу обратно». Тогда блаженный Феодосий снова стал молиться богу и ежедневно ходить в церковь, ибо был он смирен сердцем и покорен нравом.

Яко же и властелинъ града того, видевъ отрока въ такомъ съмерении и покорении суца, възлюби и зѣло и повелѣ же ему, да пребываетъ у него въ църкѣви, въдасть же ему и одежду свѣтлу, да ходить въ ней. Блаженни же Феодосии пребысть въ ней ходя мало дѣнии, яко нѣкую тяжесть на собѣ нося, тако пребываше. Таче сънмѣ ю, отдасть ю нищимъ, самъ же въ худыя пѣрты обълкъся, ти тако хожаше. Властелинъ же, видѣвы и тако ходяща, и паки ину въдасть одежду, вящыню пѣрвыя, моля и, да ходить въ ней. Онъ же сънмѣ и ту отѣда. Сице же многашѣды сътвори, яко же судии то увѣдѣвъшю, большимъ начатъ любити и, чюдяся съмѣрению его. По сих же божѣствьныи Феодосии шедъ къ единому от кузньць, повелѣ ему железо съчепито съковати, иже и възмѣ и препоясая имъ въ чресла своя, и тако хожаше. Железу же узьку суцю и грызущюся въ тѣло его, онъ же пребываше, яко ничсо же скърбѣна от него приемля тѣлу своему.

Когда же властелин того города, увидев столь смиренного и послушного отрока, полюбил его, то повелел, чтобы тот постоянно пребывал у него в церкви, и дал ему светлую одежду, чтобы ходил в ней. Но блаженный Феодосий недолго ее носил, ибо чувствовал себя так, будто носит какую-то тяжесть. Потом он снял ее и отдал нищим, а сам оделся в лохмотья, так их и носил. Властелин же, увидев его в рубище, дал ему новую одежду, еще лучше прежней, упрашивая отрока ходить в ней. Но он и эту снял с себя и отдал. Так поступал он несколько раз, и когда властелин узнал об этом, то еще больше полюбил его, поражаясь его смирению. В то же время божественный Феодосий пошел к кузнецу и

попросил его сковать железную цепь, и стал ходить, опоясавшись этой цепью. И так сильно стянул себе поясницу, что железо врезалось в тело его, но он ходил так, будто бы ничто ему не мешало.

Таче, яко ишьдъшемъ дньмъ мьногомъ и бывъшо дњи праздъничьну, мати его начать велѣти ему облещися въ одежду свѣтлы на служение всѣмъ бо града того вельможамъ, въ тѣ днь възлежашемъ на обѣдѣ у властелина. И повелѣно бѣ убо блаженууму Феодосию предъстояти и служити. И сего ради поуцашети ѿ мати его, да облечеться въ одежду чисту; наипаче же яко же и слышала бѣ, еже есть сѣтвориль. Яко же ему облачающюся въ одежду чисту, простъ же сы умъмъ, неже блюдыися ея. Она же прилѣжно зряшаше, хотящи истѣе видѣти, и се бо видѣ на срачици его кровь суцю отъ въгрызения желѣза. И раждьгъшися гнѣвмъ на нь и сѣ яростию вѣставъши и растързавъши сорочицу на немъ, биючи же и отъя желѣзо от чреслъ его. Божии же отрокъ, яко ничьсо же зъла приять от нея, обълкъся и шедъ служаше предъ възлежачими сѣ всьякою тихостию.

Потом, когда прошло немало дней и настал праздник, мать велела отроку переодеться в светлые одежды и пойти прислуживать городским вельможам, созванным на пир к властелину. Велено было и блаженному Феодосию прислуживать им. Поэтому мать и заставила его переодеться в чистую одежду, а еще и потому, что слышала о его поступке. Когда же он стал переодеваться в чистую одежду, то, по простодушию своему, не уберегся от ее взгляда. А она не спускала с него глаз и увидела на его сорочке кровь от ран, натертых железом. И в ярости набросилась на него, разорвала сорочку и с побоями сорвала с его поясницы вериги. Но божественный отрок, будто ничего не претерпел от нее, оделся и, придя, с обычным смирением прислуживал возлежащим на пиру.

Таче по времени пакы нѣкоторѣмъ слыша въ святѣмъ Еуангелии господа глаголюща: «Аще кто не оставитъ отъца или матере и въ слѣдъ мене не идетъ, то нѣсть мене достоинъ». И пакы: «Придѣте къ мнѣ вси тружашеися и обременении, и азъ покою вы. Възмѣте ярьмъ мои на ся и научитеся от мене, яко крѣткъ есмь и сѣмѣренъ сѣрдьцьмъ, и обряцете покои душамъ вашимъ». Си же слышавъ богодѣхновеныи Феодосии и раждьгъся божьствною любвьию, и дыша рвениемъ божиемъ, помышляшаше, како или кде пострѣщися и утаитися матере своя. По сълучаю же божию отъиде мати его на село, и яко же пребыти ей тамо дњи мьногы. Блаженыи же, радъ бывъ, помоливъся богу и изиде отаи из дому, не имьи у себе ничьсо же, развѣ одежда и мало хлѣба немощи дѣля телесныя. И тако устрьмися къ Киеву городу, бѣ бо слышалъ о

манастырихъ, ту сущиихъ. Не вѣдѣи же пути, моляшеса богу, да бы обрѣлъ съпутники, направляюща ѿ на путь желанія. И се по приключоу божию бѣша идуще путемъ тѣмъ купци на возѣхъ съ бремены тяжкы. Увѣдѣвъ же я блаженныи, яко въ тѣ же градъ идуть, прослави бога и идяшетъ въ слѣдъ ихъ издалеча, не являяся имъ. И онѣмъ же ставышемъ на нощнѣмъ становищи, блаженныи же не доида, яко и зрѣймо ихъ, ту же опочиваше, единому богу, съблюдающю ѿ. И тако идѣи, трѣми недѣлями доиде прежереченааго града. Тѣгда же пришедъ и обходи вся манастыря, хотя быти мнихъ и моляся имъ, да приять ими будетъ. Они же, видѣвъше отрока простость и ризами же худами облечена, не рачиша того прияти. Сице же богу изволивъшю тако, да на мѣсто, иде же бѣ бѣгъмъ от уности позванъ, на то же ведешеса.

Некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит господь в святом Евангелии: «Если кто не оставит отца или мать и не пойдет вслед за мной, то он меня недостоин». И еще: «Придите ко мне, все страдающие и обремененные, и я успокою вас. Возложите бремя мое на себя и научитесь от меня кротости и смирению, и обретете покой душам вашим». Услышал это боговдохновенный Феодосий и исполнился любовью к богу и божественного рвенія, помышляя, как бы и где постричься и скрыться от матери своей. Как-то по воле божьей случилось так, что мать его уехала в село и задержалась там на несколько дней. Обрадовался блаженный и, помолившись богу, тайно ушел из дому, не взяв с собой ничего, кроме одежды да хлеба немного, для поддержания сил. И направился он к городу Киеву, так как слышал о бывших там монастырях. Но, не зная дороги, молился он богу, чтобы встретились попутчики и показали бы ему желанный путь. И по промыслению божию ехали той же дорогой купцы на тяжело груженных подводах. Блаженный, узнав, что и они идут в тот же город, прославил бога и пошел за ними следом, держась поодаль и не показываясь им на глаза. И когда останавливались они на ночлег, то и блаженный, остановившись так, чтобы издали видеть их, ночевал тут, и один только бог охранял его. И так, после трех недель пути, достиг он прежде упомянутого города. Придя туда, обошел он все монастыри, желая постричься в монахи и упрашивая, чтобы его приняли. Но там видели плохую одежду отрока и не соглашались его принять. Это уж бог так пожелал, чтобы пришел он на то место, куда бог призвал его еще с юности.

Тѣгда же бо слышавъ о блаженѣмъ Антоніи,⁶² живущимъ въ пещере, и, окрилатѣвъ же умъмъ, устрѣмися къ пещерѣ. И пришьдъ къ преподобьному Антонию, его же видевъ и падъ, поклонися ему съ слъзами, моляся ему, да бы у него былъ. Великыи же Антоніи казаше и глаголя:

«Чядо, видиши ли пещеру сию: скърбно суще мѣсто и тѣснѣише паче инѣхъ мѣсть. Ты же унѣ сѣи, яко же мню, и не имаши трѣпѣти на мѣстѣ семь скърби». Се же, не тѣкмо искушая ѿ, глаголаше, нѣ и прозорочьныма очима прозря, яко тѣ хотяше възградити самѣ мѣсть то и манастирь славынѣ сътворити на събѣрание множеству чърныць. Богодѣхновеный же Феодосии отвѣща ему съ умилениемъ: «Вѣжъ, чѣстныи отъче, яко проразумѣникъ всячѣскихъ богъ приведе мя къ святости твоеи и спасти мя веля, тѣмъ же, елико ми велиши сътворити, сътворю». Тѣгда глагола ему блаженый Антоний: «Благословенъ богъ, чядо, укрѣпивый тя на се тѣщание, и се мѣсто – буди въ немъ». Феодосии же, пакы падѣ, поклонися ему. Таче благослови ѿ старѣць и повелѣ великому Никону⁶³ острѣщи ѿ, прозвутеру тому суцю и чърноризьцю искусьну, иже и поимъ блаженаго Феодосиа и по обычаю святыхъ отъць остригы ѿ, облече ѿ въ мнишьскую одежу.

Тогда вот и услышал он о блаженном Антонии, живущем в пещере, и, окрыленный надеждой, поспешил туда. И пришел к преподобному Антонию, и, увидев его, пал ниц, и поклонился со слезами, и стал просить разрешения остаться у него. Великий Антоний стал беседовать с ним и сказал: «Чядо, разве не видишь пещеру эту; уныло место и непригляднее всех других. А ты, как мне думается, еще молод и не сможешь, живя здесь, снести все лишения». Это он говорил, не только испытывая Феодосия, но и видя прозорливым взором, что тот сам обоснует на этом месте славный монастырь, где соберется множество чернецов. Боговдохновенный Феодосий отвечал ему с умилением: «Знай, честной отец, что сам бог, все предвидящий, привел меня к святости твоей и велит спасти меня, а потому я исполню все, что ты мне повелишь». Тогда отвечал ему блаженный Антоний: «Благословенен бог, укрепивший тебя, чядо, на этот подвиг. Вот твое место, оставайся здесь!» Феодосий снова пал ниц, поклонившись ему. Тогда благословил его старец и велел постричь его великому Никону, священнику и умудренному черноризцу, и постриг он Феодосия по обычаю святых отцов и облек его в монашескую одежду.

Отъць же нашъ Феодосии предавъся богу и преподобьнууму Антонию, и оттолѣ подаяшеса на труды телесьныя, и бѣдѣше по вся ноци въ славословении божии, сънѣную тягость отврѣгъ, къ въздържанию же и плѣтию своею тружаяся, рукама дѣло свое дѣлая и въспоминая по вся дѣни псалмьское оно слово: «Виждь сѣмѣрение мое и трудъ мои и остави въся грѣхы моя». Тѣмъ въсь съ въсѣмъ въздържаниемъ душу сѣмѣряаше, тѣло же пакы трудѣмъ и подвижаниемъ дручааше, яко дивитися преподобьнууму Антонию и великому Никону сѣмѣрению его, и

покорению, и толику его въ уности благоднравству, и укрѣпленю, и бѣдрости. И вельми о вьсемь прослависта бога.

Отец же наш Феодосий всего себя отдал богу и преподобному Антонию, и с тех пор стал томить плоть свою, целые ночи проводил в беспрестанных молитвах, преодолая сон, и для изнурения плоти своей трудился не покладая рук, вспоминая всегда, что говорится в псалмах: «Посмотри на смирение мое и на труд мой и прости все грехи мои». Так он душу смирял всяческим воздержанием, а тело изнурял трудом и подвижничеством, так что дивились преподобный Антоний и великий Никон его смиреню и покорности и тому, что он, еще юный, столь благоднравен, тверд и бодр, и горячо славили за все это бога.

Мати же его много искавъши въ граде своемь и въ окръстныхъ градѣхъ и, яко не обрете его, плакаашеся по немь лютѣ, биючи въ пѣрси своя, яко и по мрътвѣмь. И заповѣдано же бысть по всеи стране той, аще кѣде видѣвьше такого отрока, да пришѣдѣше възвѣстите матери его, и велику мзду примуть о възвещеню его. И се пришѣдѣше от Кыева и повѣдаша ей, яко преже сихъ 4 лет видѣхомы ѿ въ нашемъ градѣ ходяща и хотяща острѣщися въ единомъ от монастыревъ. И то слышавъши она и не обленивъшия и тамо ити. И ни мало же помѣдливъши, ни дѣлготы же пути убоявъшия, въ прежереченыи градѣ иде на възискание сына своего. Иже и пришѣдѣши въ градѣ тѣ и обходи вься монастыря, ищющи его. Послѣди же поведаша ей, яко въ пещерѣ есть у преподобнааго Антония. Она же и тамо иде, да и тамо обрящеть. И се начатъ старьца льстию вызывати, глаголющи, яко да речете преподобнууму да изидеть. «Се бо многъ путь гънавъши, приидохъ, хотящи бесѣдовати къ тебе и поклонитися святыни твоей, и да благословлена буду и азъ от тебе». И възвещено бысть старьцю о ней, и се изиде къ ней. Его же видѣвьши и поклонися ему. Таче сѣдѣшема има, начатъ жена простирати к нему бесѣду многу, послѣди же обави вину, ея же ради прииде. И глаголаше же: «Молю ти ся, отъче, повѣжь ми, аще еде есть сынъ мои. Много же си жалю его ради, не вѣдущи, аще убо живъ есть». Старьць же сии простъ умѣмь и, не разумѣвъ льсти ея, глагола ей, яко еде есть сынъ твои, и не жалиси его ради, се бо живъ есть. То же она къ нему: «То чѣто, отъче, оже не вижю его? Многъ бо путь шѣствовавъши, приходхъ въ сии градѣ, тѣкмо же да вижю си сына своего. Ти тако възвращюся въ градѣ свои». Старьць же к ней отъвѣща: «То аще хочещи видѣти ѿ да идеши нынѣ въ домъ, и азъ шедъ увѣщаю ѿ, не бо рачить видѣти кого. Ти, въ утрѣи днь пришѣдѣши, видиши ѿ». То же слышавъши, она отъиде, чаючи въ приидущи днь видѣти ѿ. Преподобныи же Антонии, вышедъ въ пещеру, възвѣсти вся си

блаженууму Феодосию, иже, и слышавъ, съжалиси зѣло, яко не може утаитися ея. Въ другыи же днь прииде пакы жена, старьць же много увѣщавааше блаженааго изити и видѣти матеръ свою. Онъ же не въсхотѣ. Тъгда же старьць ишьдъ глагола ей, яко много молихы ѿ, да изидеть къ тебе, и не рачить. Она же к тому уже не съ съмѣрениемъ начатъ глаголати къ старьцю, съ гнѣвѣмъ великѣмъ въпияше о нуже старьца сего, яко имьи сына моего и съкрывьи въ пещерѣ, не рачить ми его явити. «Изведи ми, старьче, сына моего, да си его вижю. И не тръплю бо жива быти, аще не вижю его! Яви ми сына моего, да не зълѣ умьру, се бо сама ся погублю предъ двьрьми печеры сея, аще ми не покажеша его». Тъгда Антонии, въ скърби велицѣ бывъ и въшедъ въ пещеру, моляше блаженааго, да изидеть къ ней. Онъ же не хотя послушати старьца и изиде къ ней. Она же видѣвъши сына своего въ таковѣи скърби суца, бѣ бо уже лице его измѣнилося отъ многааго его труда и въздържания, и охопивъшися емъ плакашеса горко. И, одѣва мало утѣшивъшися, сѣдѣ и начатъ увѣщавати Христова слугу, глаголющи: «Поиди, чадо, въ домъ свои, и еже ти на потребу и на спасение души, да дѣлаеша въ дому си по воли своей, тъкмо же да не отълучаеша мене. И егда ти умьру, ты же погребеша тѣло мое, ти тъгда възвратишися въ пещеру сию, яко же хоцеша. Не тръплю бо жива быти не видящи тебе». Блаженый же рече къ ней: «То аще хоцеша видѣти мя по вся дни, иди въ сии градъ, и въшьдъши въ единъ манастырь женъ и ту остризися. И тако, приходящи сѣмо, видиши мя. Къ симъ же и спасение души приимеша. Аще ли сего не твориши, то – истину ти глаголю – к тому лица моего не имаши видѣти». Сицѣми же и инѣми многыми наказани пребывааше по вся дни, увѣщаваая матеръ свою. Онъи же о томъ не хотящи, ни понѣ послушати его. И егда отъхожаше от него, тъгда блаженый, въшедъ въ пещеру, моляшеса богу прилежно о спасении матере своей и обращении сѣрдьца ея на послушание. Богъ же услыша молитву угодыника своего. О семь бо словеси рече пророкъ: «Близъ господъ призывающимъ въ истину и волю боящимъся его творить, и молитву ихъ услышитъ, и спасеть ѿ». Въ единъ бо днь пришьдъши мати ему глагола: «Се, чадо, велимая вса тобою сътворю, и къ тому не възвращюся въ градъ свои, нъ яко богу волящю, да иду въ манастырь женъ, и, ту остригъшися, прочая пребуду дни своя. Се бо от твоего учения разумѣхъ, яко ничто же есть свѣтъ сии маловременныи». Си слышавъ, блаженый Феодосий въздрадовася духомъ и въшьдъ съповѣда великому Антонию, иже, ѿ услышавъ, прослави бога, обративъшааго сѣрдьце ея на такавое покаяние. И шьдъ къ ней и много поучивъ ю, еже на пользу и на спасение души, и, възвѣстивъ о ней княгъни, пусти ю въ манастырь женъскыи, именуемъ

святааго Николы. И ту постриженѣ ей быти, и въ мьнишьскую одежду облеченѣ ей быти, и поживъши же ей въ добрѣ исповѣдании лѣта многа, съ мирьмь усъпе...

Мать же долго искала Феодосия и в своем городе, и в соседних, и, не найдя его, била в грудь себя, и горько плакала о сыне, как по покойнику. И было объявлено по всей той округе, что если кто видел отрока, то пусть придет и известит его мать и получит за сведения о нем большую награду. И вот пришли из Киева и рассказали ей, что четыре года назад видели его там, как искал он монастырь, где бы постричься. Услышав об этом, она не поленилась поехать туда. И нимало не медля, и не побоявшись долгого пути, отправилась в упомянутый город разыскивать своего сына. Пришла в тот город и обошла в поисках его все монастыри. Наконец сказали ей, что он обитает в пещере у преподобного Антония. Она и туда пошла, чтобы найти его. И вот стала хитростью вызывать старца, прося сказать преподобному, чтобы вышел он к ней. «Я, мол, долгий путь прошла, чтобы побеседовать с тобой, и поклониться святости твоей, и получить от тебя благословение». Поведали о ней старцу, и вот вышел он к ней. Она же, увидев его, поклонилась. Потом сели оба, и начала женщина с ним пространную беседу и лишь в конце разговора упомянула о причине своего прихода. И сказала: «Прошу тебя, отец, поведай мне, не здесь ли мой сын? Уж очень горюю я о нем, не зная, жив ли он». Простодушный старец, не догадавшись, что она хитрит, отвечал: «Здесь твой сын, и не плачь о нем, ибо он жив». Тогда она снова обратилась к нему: «Так почему же, отче, не вижу его? Немалый путь прошла я до вашего города, чтобы только взглянуть на сына своего. И тогда возвращусь восвояси». Старец же ей отвечал: «Если хочешь повидаться с ним, то иди сейчас домой, а я пойду и уговорю его, ибо он не хочет никого видеть. Ты наутро придешь и повидаться с ним». Послушалась она и ушла, надеясь, что завтра увидит сына. А преподобный Антоний, вернувшись в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, который, услышав его, очень опечалился, что не смог скрыться от матери. Наутро женщина снова пришла, и старец долго уговаривал блаженного выйти и повидаться с матерью. Он же не хотел. Тогда вышел старец и сказал ей: «Долго я упрашивал его, чтобы вышел к тебе, но не хочет». Тогда она стала разговаривать со старцем уже без прежнего смирения, в гневе кричала и обвиняла его: «Похитил ты сына моего, в пещере скрыл, не хочешь мне показать его; приведи мне, старче, сына моего, чтобы я смогла повидаться с ним. Не могу я жить, пока не увижу его! Покажи мне сына моего, а не то умру страшной смертью, сама себя погублю перед дверями вашей пещеры, если только не покажешь мне

сына!» Тогда Антоний, в смятении и печали, войдя в пещеру, стал спрашивать блаженного выйти к матери. Не захотел тот послушаться старца и вышел к ней. Она же, увидев, сколь сокрушен сын ее, ибо и лицо его изменилось от непрестанного труда и воздержания, обняла его и горько заплакала. И едва немного успокоилась, села и стала уговаривать слугу Христова: «Пойди, чадо, в дом свой, и все что нужно тебе или на спасение души – то и делай у себя дома, как тебе угодно, только не покидай меня. А когда умру, погребешь тело мое, и тогда, как ты хочешь, вернешься в эту пещеру. Но не могу я жить, не видя тебя». Блаженный же отвечал ей: «Если хочешь видеть меня каждый день, то оставайся в нашем городе и постригись в одном из женских монастырей. И тогда будешь приходить сюда и видеться со мной. При том и душу свою спасешь. Если же не сделаешь так, то – истинно слово мое – не увидишь больше лица моего». Такими и многими другими словами изо дня в день уговаривал он свою мать, но она не соглашалась, и даже не слушала его. И когда уходила от него, то блаженный, войдя в пещеру, усердно молился богу о спасении матери своей и о том, чтобы дошли слова его до ее сердца. И услышал бог молитву угодника своего. Об этом так говорит пророк: «Рядом господь с тем, кто искренне зовет его и боится волю его нарушить, и услышит их молитву, и спасет их». И вот однажды пришла мать к Феодосию и сказала: «Чадо, исполню все, что ты мне велишь, и не вернусь больше в город свой, а, как уж бог повелел, пойду в женский монастырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир». Услышав эти слова, обрадовался блаженный Феодосий и, войдя в пещеру, поведал великому Антонию, и тот, услышав, прославил бога, обратившего сердце ее на покаяние. И, выйдя к ней, долго поучал ее, на пользу ей и для спасения души, и поведал о ней княгине, и послал ее в женский монастырь святого Николы. Там постриглась она, облеклась в монашеское одеяние и, прожив много лет в искреннем покаянии, мирно скончалась...

По вся же дъни святыхъ мясопущ⁶⁴ святый отць нашъ Феодосии отхожаше въ святую свою пещеру, иде же и чьстьное тѣло его положено бысть. Ту же затворяшеся единъ до врьбьня недѣля⁶⁵ и въ пятькъ тоя недѣля, въ годъ вечерьня, прихожааше къ братии и, ставъ въ дверьхъ църквьныхъ, учааше вся и утѣшая подвига ради и пощения ихъ. Себе же недостойна творя, яко же понѣ и ни единая неделѣ достигнути противу трудомъ ихъ. Многу же скърбь и мьчатание зълии дуси творяхуть ему въ пещерѣ той; еще же и раны наносяще ему, яко же и о святѣмъ и велицѣмъ Антонии пишеться. Нъ явивыися оному дръзати веля святому сему,

невидимо съ небесе силу подасть на побѣду ихъ.

Всегда после мясопуста святой отец наш Феодосий уходил в святую пещеру свою, где и было потом погребено его тело. Тут затворялся он один вплоть до вербной недели, а в пятницу той недели, в час вечерней молитвы, приходил к братии и, остановившись в дверях церковных, поучал всех и утешал в подвижничестве их и посте. О себе же он говорил как о недостойном, что ни в одну из недель не смог он сравняться в подвижничестве с ними. И много раз злые духи вредили ему, являясь в видениях в пещере, а порой и раны ему наносили, как пишут и о святом и великом Антонии. Но явился к святому Антоний и велел дерзать, и невидимо, с небес, даровал ему силу для победы над ними.

Къто бо не почюдиться убо блаженууму сему, еже въ такой тьмѣ пещерѣ пребывая единѣ, мѣножства пѣлковѣ невидимыхѣ бѣсовѣ не убося, нѣ крѣпко стоя, яко храбрѣ сильнѣ, бога моляше и господа Иисус Христа на помощь себе призывающа. И тако побѣди я Христовою силою, яко къ тому не сѣмѣти имѣ ни приблизитися емѣ, нѣ и еще издалеча мѣчты творящемѣ ему. По вечерньнимѣ убо пѣнии сѣдѣшю ему и хотящю опочинути, не бо николи же на ребрѣхѣ своихѣ ляжашеть, нѣ аще коли хотящю ему опочинути, то сѣдѣ на столѣ, и, тако мало поспавѣ, вѣстаняше пакы на нощѣное пѣние и поклонение колѣномѣ творя. Сѣдѣшю же ему, яко же речеся, и се слышааше гласѣ хлопота въ пещерѣ отъ множства бѣсовѣ, яко же се имѣ на колесницахѣ ѣдущемѣ, другымѣ же въ бубны биущемѣ, и инѣмѣ же въ сопѣли сопущемѣ,⁶⁶ и тако всѣмѣ кличущемѣ, яко же трястися пещерѣ отъ множства плица зѣлыхѣ духовѣ. Отець же нашѣ Феодосии, вся си слышавѣ, не убося духѣмѣ, ни ужасеся сѣрьдѣцѣмѣ, нѣ оградивѣся крѣстьнымѣ оружиемѣ и вѣставѣ начатѣ пѣти псалтырь Давидову. И ту абие многыи трусь не слышимѣ бывааше. Таче по молитвѣ сѣдѣшю ему, се пакы бещисльныхѣ бѣсовѣ глас слышаашеся, яко же и преже. И преподобьнууму же Феодосию ставѣшю и начьнѣшю оно псалмѣское пѣние, глас онѣ абие ищазааше. Сице же по многы дѣни и нощи творяхуть ему зѣлии дуси, яко не дати ему ни мало опочинути, дѣндеже благодатию Христовою побѣди я, и възять от бога власть на нихѣ, яко же отѣтолѣ не сѣмѣти имѣ ни прикоснутися, ни къ мѣсту тому, иде же блаженныи молитву творяше.

Кто не подивится блаженному, как, оставаясь один в такой темной пещере, не боялся он бесчисленных полчищ невидимых бесов, но выстоял в борьбе с ними, как могучий храбрец, молясь богу и призывая на помощь себе господу Иисусу Христа. И так одолел их силой Христовой, что не смели они приблизиться к нему и лишь издали являлись ему в видениях.

После вечернего пения садился он, чтобы подремать, ибо никогда не ложился, а если хотел поспать, то садился на стульце и, подремав так немного, снова вставал на ночное пение и коленопреклонение. Когда же садился он, как говорили, то тут же слышал в пещере шум от топота бесчисленных бесов, как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в сопели, и так все кричали, что даже пещера тряслась от страшного гомона злых духов. Отец же наш Феодосий, все это слыша, не пал духом, не ужаснулся сердцем, но, оградив себя крестным знаменем, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы. И тогда затихло все в пещере, но лишь он садился после молитвы, снова слышались голоса бесчисленных бесов, как и прежде. И снова вставал преподобный Феодосий, и снова начинал распевать псалмы, и тут же смолкал этот шум. Вот так многие дни и ночи вредили ему злые духи, чтобы не дать ему ни на минуту уснуть, пока не победил их с божьей помощью и не получил от бога власти над ними, так что с тех пор не смели они даже приблизиться к тому месту, где молился блаженный.

Се бо паки бысть пакость творящемъ бѣсомъ въ храмѣ, иде же хлѣбы братия творяху: овогда муку расыпающе, овогда же положеныи квась на състроение хлѣбомъ разливааху и ину многу пакость творяще бѣша. Тѣгда же старѣи пекущимъ шѣдъ съповѣда блаженууму Феодосию пакости нечистыхъ бѣсовъ. То же съ уповая, яко възять власть на нихъ отъ бога, въставъ вечеръ и иде въ храмъ тѣ, и затворивъ двѣри о себе, ту же пребысть въ немъ до утрянны, молитвы творя. Яко же отъ того часа не явитися бѣсомъ на томъ мѣстѣ, ни пакости никоей же творити имъ, запрещениемъ преподобнааго и молитвою.

А еще пакостили бесы в доме, где братия хлеба пекла: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба, и много других разных пакостей творили. Тогда пришел старший пекарь и рассказал блаженному Феодосию о проделках нечистых бесов. Он же, надеясь, что получит от бога власть над ними, отправился вечером в дом тот и, запершись, остался там до заутрени, молясь. И с того времени, заклятием преподобного и молитвой, не могли появляться на том месте бесы и творить пакости.

Имѣяше же обычаи сиць великыи отыць нашъ Феодосии, яко же по вся нощи обиходити ему келиѣ мниховы вьсѣ, хотя увѣдѣти кождо ихъ, како житие. Егда бо услышааше кого молитву творяща, ти тѣгда ставъ прославяше о немъ бога, егда же паки кого слышааше бесѣдующа дѣва ли или трие съшедъшесе въкупѣ, то же ту, ударивъ своею рукою въ двѣри ти, тако отхожааше, назнаменаваъ тѣмъ свои приходѣ. Таче въ утрѣи днь

призъвавъ я, нъ не ту абие обличааше ихъ, нъ яко же издалеча притъчами нагоня, глаголааше къ нимъ, хотя увѣдѣти, еже къ богу тѣщание ихъ. Аще бо будяше братъ лъгъкъмъ сьрьдцьмъ и теплъ на любовьъ божию, то сии, въскорѣ разумѣвъ свою вину, падъ, поклоняшеся, прощения прося отъ него прияти. Аще ли будяше паки братъ омрачениемъ бѣсовьскымъ сьрьдце покръвено имьи, то сии станяше, мьня, яко о иномъ бесѣдуютъ, самъ чистъ ся творя, дѣндеже блаженъи обличашеть ѿ, и епитимиею того утвърдяше, и отъпустяше. И тако вся прилѣжно учааше молитися къ господу и не бесѣдовати ни къ кому же по павечерьнии молитвѣ, и не преходити отъ келиѣ въ келию, нъ въ своей келии бога молити, яко же кто можетъ и рукама же своима дѣлати по вся дѣни, псалмы Давидовы въ устѣхъ своихъ имуще...

Великий отецъ нашъ Феодосий имелъ обыкновеніе каждую ночь обходить все монашескіе кельи, желая узнать, какъ проводятъ монахи время. Если услышитъ, какъ кто-то молится, то и самъ остановится и прославитъ бога, а если, напротивъ, услышитъ, что кто-либо беседуетъ, собравшись вдвоемъ или втроемъ в келье, то онъ тогда стукнетъ к нимъ в дверь, давъ знать о своемъ приходе, и отойдетъ. А наутро, призвавъ ихъ к себѣ, не начиналъ тутъ же обличать, а заводилъ разговоръ издали, съ притчами и намеками, чтобы увидѣть, какова же ихъ приверженность къ богу. Если братъ бывалъ чистъ сердцемъ и искрененъ в любви своей къ богу, то такой, скоро понявъ свою вину, падалъ ницъ и, поклонившись, просилъ прощения. А бывало, что у инога брата сердце покрыто дьявольскою коростой, то такой стоитъ, думая будто о другомъ говорятъ, и не чувствуетъ себя виновнымъ, пока блаженный не обличитъ его и не отпуститъ, утвердивъ епитимьею его. Вотъ такъ постоянно училъ онъ молиться богу, и не беседовать ни с кемъ после вечерней молитвы, и не бродить из кельи в келью, а в своей келье молиться богу, а если кто можетъ – ремесломъ какимъ-либо заниматься, распевая при этомъ псалмы Давидовы...

Бѣаше бо по истинѣ челоуѣкъъ божию, свѣтило, въ всѣмъ мирѣ видимое и просиявъшее всѣмъ чьрноризьцемъ сьмѣренъмъ, сьмыслъмъ и послушаниемъ, и прочиими труды подвижаяся, дѣлая по вся дѣни, не дада рукама своима ни ногама покоя. Еще же и въ печьницю часто исхожааше и съ пекущими веселяшеся духъмъ, тѣсто мѣшааше и хлѣбы пека. Бѣаше бо, и преже рѣхъ, крѣпкъ тѣльмъ и сильнъ. Вся же стражующая бѣ уча и укрѣпляя и утѣшая, никако же расслабѣти въ дѣлѣхъ своихъ.

Былъ же Феодосий поистинѣ челоуѣкъъ божій, свѣтило всему миру видимое и всемъ чьрноризцамъ сияющее: смиреніемъ, и разумомъ, и покорностью, и прочимъ подвижничествомъ; все дѣни трудяся, не давалъ онъ ни

рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню – с радостью помогал пекарям месить тесто или выпекать хлебы. Он ведь был, как сказано прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих делах.

Въ единъ же от дънии хотящемъ имъ праздникъ творити святыя богородица, и водѣ не сущи, преже же намѣненууму Феодору, сущю тѣгда келарю, иже и многаа ми съповѣда о преславнѣмъ мужи семь. Тѣ же шедѣ повѣда блаженууму отъцю нашему Феодосию, яко нѣсть кто воды нося. То же блаженъи, съ спѣхъмъ въставъ, начатъ воду носити отъ кладязя. И се единъ отъ братия видѣвы и воду носяща и, скоро шедѣ, възвѣсти нѣколику братии, иже и, съ тѣщаниемъ притекъше, наносиша воды до избытка. И се же пакы дрѣвомъ нѣколи приготованомъ не сущемъ на потребу варения, шедѣ же келарь Феодоръ къ блаженууму Феодосию глаголя, яко да повелиши единому отъ братия, сущюуму праздну, да вышедѣ приготовить дрѣва, еже на потребу. То же блаженъи отъвѣща ему: «То се азъ празднъ есмь, и се пойду». Таче повелѣ на трапезу братии ити, бѣ бо годъ обѣду, самъ же, възъмъ сѣчиво, нача сѣчи дрѣва. И се по отъядени излѣзыше братия ти, видѣша преподобнааго игумена своего сѣкуща дрѣва и тако тружующася. И възятъ къждо сѣчиво свое, таже тако приговаша дрѣва, яко же тѣмъ довольномъ имъ быти на многы дъни.

Однажды, когда готовились к празднику святой богородицы, не хватило воды, а келарем был тогда прежде упомянутый Федор, который многое рассказал мне о преславном этом муже. И вот пошел тот Федор и сказал блаженному отцу нашему Феодосию, что некому наносить воды. А тот блаженный поспешно встал и начал носить из колодца воду. И вот увидел его носящим воду один из братии и поспешил поведать об этом нескольким монахам, и те, с готовностью прибежав, наносили воды с избытком. А в другой раз не оказалось дров для приготовления пищи, и келарь Федор, придя к блаженному Феодосию, попросил его: «Прикажи, чтобы кто-либо из свободных монахов пошел и приготовил бы дров сколько нужно». Блаженный же ответил ему: «Я свободен, я и пойду». Затем повелел он братии идти на трапезу, ибо настал час обеда, а сам, взяв топор, начал колоть дрова. И вот, пообедав, вышли монахи и увидели, что преподобный их игумен колет дрова, и так трудится. И взял каждый по топору, и потом столько они накололи дров, что хватило их на много дней.

Сице бо ти бѣ тѣщание къ богу блаженааго и духовнааго отъца нашего Феодосия, имяаше бо съмѣрение и кротость велику, о семь подражая Христоса, истиннааго бога, глаголавъшааго: «Навыкнѣте отъ мене, яко крътъкъ есмь и съмѣренъ сръдцьмъ». Тѣмъ же на таковое

подвизание възирая, съмѣряшеся, послѣднии ся въсѣхъ творя и службѣникъ, и собою въсѣмъ образъ дая. На дѣло же преже въсѣхъ исходя, и въ църкѣви же преже въсѣхъ обрѣтаяся, и послѣ же въсѣхъ излазя. Мьногашьды же паки великууму Никону сѣдящю и дѣлающю книги⁶⁷ и блаженууму въскраи того сѣдящю и прядущю нити, еже на потребу таковууму дѣлу. Таково ти бѣ того мужа съмѣрение и простость. И никто же его николи же видѣ на ребрѣхъ своихъ лежаща, ли воду възливающа на тѣло, развѣ тъкмо руцѣ умывающа. А одежда его бѣ свита власяна остра на тѣлѣ, извъну же на ней и ина свита. И та же вельми худа сущи и тоже сего ради възволочааше на ся, яко да не явится власяници сущи на нем. О сеи одежи худѣи мнози несъмыслънии ругахуся ему, укаряюще его. Блаженууму же си съ радостию вся приимающю укоризну ихъ, имѣя убо присно на памяти слово господне и тѣмъ утѣшая веселяшеся: «Блажени бо, рече, есте, егда укорятъ вы, егда рекутъ всякъ зълъ глаголь на вы, лъжюще мене ради. Възрадуитесь въ тѣ днь и възыграйте, се бо мзда ваша мьнога на небесѣхъ». Си въспоминая блажении и о сихъ утѣшаяся, тръпяше укоризну и досаждение от всѣхъ.

Таково было усердие к богу духовного отца нашего, блаженного Феодосия, ибо отличался он смирением и необыкновенной кротостью, во всем подражая Христу, истинному богу, говорившему: «Учитесь у меня, как кроток я и смирен сердцем». Поэтому, взирая на подвиги его, смирялся Феодосий, недостойнейшим из всех себя ставя, и служа всем, и являясь для всех примером. На работу он выходил прежде всех, и в церковь являлся раньше других, и последним из нее выходил. Сидит, бывало, великий Никон и пишет, а блаженный, присев с краю, прядет нити для переплетения книжного. Вот каковы были смирение этого мужа и простота его. И никто никогда не видел, чтобы он прилег или чтобы водой омыл свое тело – разве только руки и мыл. А одеждой ему служила власяница из колючей шерсти, а сверху носил другую свиту. Да и та была ветха, и одевал он ее лишь для того, чтобы не видели одетой на нем власяницы. И над этой убогой одеждой издевались многие неразумные, попрекая его. А блаженный с радостью выслушивал их укоризны, постоянно помня слово божье, которым утешал и подбадривал себя: «Блаженны вы, – говорит бог, – когда укоряют вас, когда поносят вас словом грубым, клевета на вас за приверженность ко мне. Возрадуйтесь и возвеселитесь в тот день, ибо ждет вас за это награда великая на небесах». Вспоминал блаженный эти слова и утешался ими, снося упреки и оскорбления.

И се въ единъ днь шедьшю великууму отьцю нашему Феодосию

нѣкаторааго ради орудия къ христоролюбѣцю князю Изяславу,⁶⁸ далече ему суццю отъ града. Таче яко и пришьдѣ и до вечера умудивъшю ему орудия ради. И повелѣ христоролюбѣць, ноцѣнааго ради поспяния ему, на возѣ допровадити ѿ до монастыря его. И яко бысть идьи путьмь и возяи его, видѣвы и въ такои одежи суцааго и мнѣвъ, яко единъ от убогыхъ есть, глагола ему: «Чьрноризьче! Се бо ты по вся дъни порозднѣ еси, азъ же труднѣ сѣи. Не могу на кони ѣхати. Нѣ сице сътворивѣ: да азъ ти лягу на возѣ, ты же могои на кони ѣхати». То же блаженни съ всякимь сѣмѣреннемь вѣста, вѣсѣде на кони, а оному же легъшю на возѣ, и идяше путьмь, радуяся и славя бога. И егда же въздрѣмаашеся, тѣгда же сѣсѣдѣ, текѣ, идяше вѣскраи коня, дѣндеже трудяшеся, ти тако пакы на конь вѣсядяше. Таче же уже зорямь вѣсходящемь и вельможамь ѣдущемь къ князю, и издалеча познавъше блаженааго и сѣсѣдше съ конь, поклоняхуся убо блаженууму отѣцю нашему Феодосию. Тѣгда же глагола отроку: «Се уже, чадо, свѣтъ есть! Вѣсяди на конь свои». Онъ же видѣвъ, еже тако вѣси поклоняхуться ему, и ужасеся въ умѣ и, трепетен сѣи, вѣста и вѣезде на конь. Ти тако поиде путьмь, а преподобьнууму Феодосию на возѣ сѣдяцю. Вѣси же боляре, сѣрѣтъше, поклоняхуся ему. Таче дошьдѣшю ему монастыря, и се ишедъше вся братия поклонишася ему до земля. То же отрокъ болми ужасеся, помьшляя въ себе: кто сѣ есть, еже тако вѣси поклоняются ему? И емы ѿ за руку, вѣведе ѿ въ трапезьницу, таче повелѣ ему дати ѣсти и пити, елико хоцетъ, еше же и кунами тому давѣ, отпусти ѿ. Си же сѣповѣда самъ братии повозьникъ тѣ, а блаженууму о сѣмь никому же явивъшю, иѣ сице бѣ убо по вся дъни о сихъ уча братию, не вѣзноситися ни о чемь же, нѣ сѣмерену быти мниху, а самому мнѣшю всѣхъ творитися и не величатися, нѣ къ вѣсѣмь покориву быти. «И ходяще же – глаголааше имъ – руцѣ сѣгъбенѣ на прѣсѣхъ своихъ къждо да имате, и никто же васъ да не преходитъ въ сѣмѣрении же вашемь, да сѣ поклоняете къждо другъ къ другу, яко же есть лѣпо мниху, и не преходити же отъ келиѣ въ келию, нѣ въ своей келии къждо васъ да молитъ бога». Сицими же и шгѣми словесы по вся дъни не престая ихъ наказааше, и аще пакы слышааше от братия, кому же суццю от мѣчтании бѣсовьскихъ, то сѣя призьвавѣ и, яко въ вѣсѣхъ искушенихъ бѣвъ, учааше и наказааше стати крѣпцѣ противу дѣяволемь къзнѣмь, никако же поступати, ни раслабѣтисѣ от мѣчтании и бѣсовьсвѣя напасти, не отходити имъ от мѣста того, нѣ постѣмь и молитвою оградитисѣ и бога часто призьвати на побѣду злааго бѣса. Глаголааше же и се къ нимъ, яко тако и мнѣ бѣ испърва. «Единой бо ноци поющю ми въ кели обычьныя псалъмы, и се пѣсь чьрнѣ ста предѣ мною, яко же, имъ мнѣ нельзѣ ни

поклонитися. Стоящю же ему на многъ часъ предъ мною, се же азъ постречень бывъ, хотѣхъ ударити ѿ, и се невидимъ бысть от мене. Тѣгда же страхъ и трепеть обиятъ мя, яко же хотѣти ми бѣжати отъ мѣста того, яко аще не бы господь помогль ми. Се бо малы въспрянувъ от ужаста, начахъ прилѣжно бога молити и часто поклоние колѣномъ творити, и тако отбѣже отъ мене страхъ тѣ, яко же отъ того часа не бояти ми ся ихъ, аще предъ очима моима являхуть ми ся». Къ симъ же и ина многа словеса глаголааше, крѣпя я на злыя духы. И тако отпускааше я, радующася и славя бога о таковѣмъ наказании добляго наставника и учителя ихъ.

Как-то однажды отправился великий отец наш Феодосий по какому-то делу к христоробивому князю Изяславу, находившемуся далеко от города. Пришел и задержался по делам до самого вечера. И приказал христоробец, чтобы смог Феодосий поспать ночь, довести его до монастыря на телеге. И уже в пути возница, видя, как одет Феодосий, и подумав, что это бедный монах, сказал ему: «Черноризец! Вот ты всякий день без дела, а я наработался. Не могу на коне сидеть. Но вот что сделаем: я лягу в телегу, а ты можешь и на лошади ехать». Блаженный же Феодосий смиренно поднялся и сел на коня, а тот лег в телегу, и продолжал Феодосий свой путь, радуясь и славя бога. Когда же одолевала его дремота, то сходил с коня и шел рядом с ним, пока не устанет, и вновь садился верхом. Стало рассветать, и начали встречаться вельможи, ехавшие к князю, и, издали узнав блаженного и спешившись, кланялись они блаженному отцу нашему Феодосию. Тогда он сказал отроку: «Вот уже рассвело, чадо! Садись на своего коня». Тот же, видя, как все кланяются Феодосию, пришел в ужас и, вскочив в трепете, сел на коня. Так и продолжали они путь, а преподобный Феодосий сидел в телеге. И все встречные бояре кланялись ему. Так достигли они монастыря, и вот вышли навстречу все монахи и поклонились Феодосию до земли. Отрок же тот испугался еще больше, думая про себя: «Кто же это, что все так поклоняются ему?» А Феодосий, взяв его за руку, ввел в трапезную и велел досыта накормить и напоить и, дав ему денег, отпустил. Все это рассказал братии сам возница, а блаженный никому не обмолвился о случившемся, но все так же постоянно учил братию не зазнаваться, а смиренным быть монаху, и самого себя считать недостойнейшим из всех, и не быть тщеславным, и покорным быть всем. «И когда ходите, – говорил он им, – руки прижимайте к груди, и пусть никто не превзойдет вас в смирении вашем, и кланяйтесь друг другу, как подобает монахам, и не ходите из кельи в келью, но пусть каждый из вас молится в своей келье». Такими вот и иными словами всякий день поучал он их беспрестанно, и если снова

слышал, что кто-либо страдает от наваждения бесовского, то, призвав его к себе, и – так как сам испытал все искушения – поучал его и наказывал, как противостоять дьявольским козням, ни в чем им не уступая, не ослабеть от видений и бесовских напастей и не оставлять своей кельи, но оградить себя постом и молитвой и постоянно призывать бога, чтобы помог он одолеть злого беса. И говорил им: «Все это и со мной бывало прежде. Вот как-то ночью пел я в келье обычные псалмы, и вдруг черный пес встал предо мною, так что не мог я и поклониться. Долго он так стоял предо мною, но как только, им подстрекаем, хотел я его ударить – он тут же невидим стал. Тогда охватил меня страх и трепет, так что хотел я уже бежать оттуда, если бы господь не помог мне. И вот, немного оправившись от страха, начал я прилежно молиться и преклонять беспрестанно колени, и постепенно оставил меня страх, так что с тех пор перестал я бояться бесов, если даже являлись они предо мною». И много другого рассказывал он, укрепляя монахов на борьбу со злыми духами. И так отпускал их, радостных и славящих бога за то, что поучает их мудрый наставник и учитель.

И се исповѣда ми единъ отъ братия, именемъ Иларионъ, глаголя, яко многу ми пакость творяху въ келии зѣлии бѣси. Егда бо ему легышу на ложи своемы, и се множество бѣсовъ пришьдыше и за власы имыше ѿ, и тако пыхающе, влачахути ѿ, и друзии же, стѣну подымыше, глаголаху: «Сѣмо да влечень будеть, яко стѣною подавленъ». И тако по вся нощи творяхуть ему, и уже не могъи тѣрпѣти, шедъ съповѣда преподобному отцю Феодосию пакость бѣсовскую. И хотя отыти отъ мѣста того въ ину келию. То же блаженый моляшети ѿ, глаголя: «Ни, брате, не отходи отъ мѣста того, да не како похваляться тобою злии дуси, яко побѣдивыше тя и бѣду на тя створыше, и оттолѣ паки больше зѣло начьнути ти творити, яко власть приимыше на тя. Нѣ се да молишися богу въ келии своей, да и богъ, видя твое тѣрпѣние, подасть ти побѣду на ня, яко же не съмѣти имъ ни приблизитися къ тебе». Онъ же паки глаголаше ему: «Молю ти ся, отъче, яко отселѣ не могу пребывати въ келии множества ради живущихъ бѣсовъ въ ней». Тѣгда же блаженный, прекрестивы ѿ, таче глагола ему: «Иди и буди въ келии своей, и отселѣ не имуть ти никоея же пакости створити лукавии бѣси, не бо видѣти ихъ имаши». Онъ же, вѣру имъ и поклонивъся святууму, отыде, и тако въ ту нощъ легъ въ келии своей съпа сладько. И отътолѣ проныривии бѣси не съмѣша ни приблизитися къ мѣсту тому, молитвами бо преподобнаго отца нашего Феодосия отъгоними сущи и бѣжаще отыдоша.

А вот что поведал мне один из монахов, по имени Иларион,

рассказывая, как много зла причиняли ему в келье злые бесы. Как только ложился он на своем ложе, появлялось множество бесов и, схватив за волосы, тащили его и пинали, а другие, приподняв стену, кричали: «Сюда волоките, придавим его стеною!» И творили такое с ним каждую ночь, и, уже не в силах терпеть, пошел он к преподобному отцу Феодосию и поведал ему о пакостях бесов. И хотел перейти в другую келью. Но блаженный тот стал упрашивать его, говоря: «Нет, брат, не покидай этого места, а не то станут похваляться злые духи, что победили тебя и причинили тебе горе, и с тех пор начнут еще больше зла тебе причинять, ибо получают власть над тобою. Но молись же богу в келье своей, и бог, видя твое терпение, дарует тебе над ними победу, так что не посмеют и приблизиться к тебе». Монах же снова говорил: «Молю тебя, отче, не могу больше жить в пещере из-за множества бесов, живущих в ней». Тогда блаженный, перекрестив его, снова сказал: «Иди и оставайся в келье своей, и с этих пор не только не причинят тебе никакого вреда коварные бесы, но и не увидишь их более». Поверил он и, поклонившись святому, пошел в свою келью и лег, и выпался сладко в ту ночь. И с тех пор коварные бесы не смели приблизиться к тому месту, ибо отогнаны были молитвами преподобного отца нашего Феодосия и обратились в бегство.

И се паки чърньць Иларионъ съповѣда ми. Бяше бо и книгамъ хытръ псати, сии по вся дъни и нощи писааше книги въ келии у блаженааго отьца нашего Феодосия, оному же псалтырь усты поющю тихо и рукама прядуща вълну или кое ино дѣло дѣлающа. Тако же въ единъ вечеръ дѣлающема има къждо свое дѣло, и се въниде икономъ, глаголя блаженому, яко въ утрии дънь не имамъ купити, еже на ядь братии и на ину потребу. То же блаженыи глагола ему: «Се, яко же видиши, уже вечеръ сущъ, и утрънии дънь далече есть. Тѣмъ же иди и потръпи мало, моляся богу, некъли ть помилуеть ны и попечеться о насъ, яко же самъ хочеть». И то слышавъ, икономъ отъиде. Таче всъставъ блаженыи иде въ келию свою пѣтъ по обычаю обанадесяте псалма. Тако же и по молитвѣ, шьдъ, сѣдѣ дѣлая дѣло свое. И се паки въниде икономъ, то же глаголя. Тъгда отвѣща ему блаженыи: «Рѣхъ ти, иди и помолися богу. Въ утрии дънь шедъ въ градъ и у продающихъ да възьмеши възаймъ, иже ти на потребу братии, и послѣдъ, егда благодѣявшюуму богу, отдамы дългъ от бога, таче вѣрънь есть глаголаи: «Не пьцѣтесе утрѣшимъ, и ть не имать насъ оставити». Таче отшедъшю иконому, и се вълезе свѣтъль отрокъ въ воиньстѣи одении и поклонивъся, и ничьсо же рекьи, и положивъ же на стълпѣ гривну злата,⁶⁹ и тако паки мълча излезе вьнь. Тъгда же въставъ блаженыи и възьмъ злато и съ слъзами помолися въ умѣ своемъ. Таче

вратаря възъвавъ, пыташе ѱ, еда кѣто кѣ воротомъ приходи въ сию ноцѣ. Онъ же съ клятвою извѣщася, яко и еще свѣтѣ затвореномъ сущемъ воротомъ, и оттолѣ нѣсмь ихъ отвръзаль, и никто же приходиль кѣ нимъ. Тѣгда же блаженни, призвавъ иконома, подасть ему гривну злата глаголя: «Чѣто глаголещи, брате Анастасе? Яко не имамъ чимъ купити братии требованія? Нѣ сице шѣдъ купи, еже на потребу братии. Въ утрѣи же паки дѣнь богъ да попечеться нами». Тѣгда же икономъ, разумѣвъ, падъ, поклонися ему. Блаженни же учааше и глаголя: «Николи же не отъчаися, нѣ въ вѣрѣ крѣпяся, всю печаль свою възвѣрзи кѣ богу, яко тѣ попечеться нами, яко же хочеть. И сътвориши братии праздѣникъ великъ дѣнесъ». Богъ же паки не скудно подаваше ему, еже на потребу божествѣнууму тому стаду...

И вот еще что рассказал мне чернец Иларион. Был он искусный книгописец и дни и ночи переписывал книги в келье у блаженного отца нашего Феодосия, а тот тихо распевал псалмы и пряд шерсть или иным чем занимался. Так же вот в один из вечеров заняты они были каждый своим делом, и тут вошел эконо и сказал блаженному, что не на что купить ни еды для братии и ничего другого, потребного им. Блаженный же отвечал ему: «Сейчас, видишь, уже вечер, а до утра далеко. Поэтому иди, потерпи немного, молясь богу: может быть, помилует нас и позаботится о нас, как будет ему угодно». Выслушал его эконо и ушел. А блаженный снова вернулся в свою келью распевать по обычаю двенадцать псалмов. И, помолившись, сел и принялся за свое дело. Но тут снова вошел эконо и опять заговорил о том же. Тогда ответил ему блаженный: «Сказал же тебе: иди и помолись богу. А наутро пойдешь в город и попросишь в долг у продавцов, что нужно для братии, а потом, когда смилуется бог, и отдадим долг, ведь истинны слова: «Не заботься о завтрашнем дне, и бог нас не оставит». Как только вышел эконо, – свет воссиял, и явился отрок в воинской одежде, поклонился Феодосию и, ни слова не говоря, положил на столп гривну золота и также молча вышел. Тогда встал блаженный Феодосий, и взял золото, и со слезами помолился про себя. Тут же позвал он вратаря и спросил его: «Разве кто приходил этой ночью к воротам?» Но тот поклялся, что еще засветло заперты были ворота, и с тех пор не отворял их никому, и никто не подходил к ним. Тогда блаженный позвал к себе эконома и отдал ему гривну золота со словами: «Что скажешь, брат Анастасий? Не на что купить нужное для братии? Так иди же и купи все, что требуется. А наутро бог снова позаботится о нас». Тогда понял все эконо, и пал ниц, и поклонился ему. Блаженный же стал поучать его, говоря: «Никогда не отчаивайся, но будь крепок в вере, обратись с печалью

своей к богу, чтобы он позаботился о нас, как захочет. И ныне устрой для братии великий праздник». Бог же и впредь щедро подавал ему все, что бывало нужно божественному тому стаду...

По сихъ же множащися братии, и нужна бысть славьному отцю нашему Феодосию распространити монастырь на поставление келии, множества ради приходящихъ и бывающимъ мнихомъ. И бѣ самъ съ братиею дѣлая и городя дворъ монастырьскыи. И се же разгражену бывъшую монастырю и онѣмъ не стрѣгущемъся, и се въ едину ночь, тѣмѣ сущи велицѣ, приидоша на ня разбоиници. Глаголааху, яко въ полатахъ църквьныхъ, ту есть имѣние ихъ съкръвено. Да того ради не идоша ни къ одинои же келии, нъ църквѣ устрѣмишася. И се услышаша гласъ поющихъ въ църквѣ. Си же, мнѣвъше, яко братии павечерняя молитвы поющимъ, отъидоша. И мало помѣдливъше въ лѣсѣ, таче мнѣша, яко уже коньчану быти пѣнию, пакы придоша къ църквѣ. И се услышаша тѣ же глас и видѣша свѣтъ пречюднъ въ църквѣ сущъ, и благоухание исхожаше отъ църкве, ангели бо бѣша поюще въ неи. Онѣмъ мнѣщемъ, яко братии полунощное пение съвършающемъ, и тако пакы отъидоша, чающе, донѣдеже сии съконьчаютъ пѣние, и тѣгда, въшѣдше въ църквь, поемлють вся сущая въ ѳ. И тако многашѣды приходящемъ имъ, и тѣ гласъ аньгельскыи слышащемъ. И се годъ бысть утрѣнюуму пѣнию, и пономареви биющю въ било. То же они, отъшѣдше мало въ лѣсѣ и сѣдше, глаголааху: «Чѣто сътворимъ? Се бо мнѣтся намъ, привидение бысть въ църквѣ? Нъ се да егда съберуться вси въ църквь, тѣгда, шѣдше и отъ двѣрии заступивъше, вся я погубимъ и тако имение ихъ възьмемъ». То же тако врагу на то острящю я, хотящю тѣмъ святое стадо искоренити отъ мѣста того. Нъ обаче никако възможе, нъ обаче самъ отъ нихъ побеженъ бысть, богу помогающю молитвами преподобнаго отця нашего Феодосия.

Умножилась числомъ братия, и нужно было отцу нашему Феодосию расширять монастырь и ставить новые кельи: слишкомъ много стало монаховъ и приходящихъ в монастырь. И он самъ с братией строил и огораживал двор монастырский. И когда разрушена была монастырская ограда и не сторожил никто монастырь, то однажды, темной ночью, пришли в монастырь разбойники. Говорили они, что в церкви скрыто богатство монастырское. И потому не пошли они по кельямъ, а устремились прямо к церкви. Но тут услышали голоса поющихъ в церкви. Они, подумавъ, что это братия поетъ вечерние молитвы, отошли. И, переждавъ некоторое время в лесу, решили, что уже окончилась служба, и снова подошли к церкви. И тут услышали те же голоса и увидели чудный свет,

люющийся из церкви, и благоухание из нее исходило, ибо ангелы пели в ней. Разбойники же подумали, что это братия поет полуночные молитвы, и снова отошли, ожидая, когда они окончат пение, чтобы тогда войти в церковь и забрать все, что в ней находится. И так еще несколько раз приходили они и слышали все те же ангельские голоса. И вот уже настал час заутрени, и уже пономарь ударил в било. И разбойники, углубившись немного в лес, присели и стали рассуждать: «Что же будем делать? Кажется нам, что привидение находится в церкви. Но вот что: когда соберутся все в церковь, подойдем и, не выпустив никого из дверей, перебьем всех и захватим их богатства». Это враг их так научал, чтобы изгнать с этого места святое стадо. Но не только этого не смог сделать, но и сам побежден был братией, ибо бог помогал ей по молитвам преподобного отца нашего Феодосия.

Тогда бо зълии ти человеци, мало помудивъше, и преподобьнууму тому стаду събравъшюся въ църквѣ съ блаженымъ наставникъмъ и пастухъмъ своимъ Феодосиемъ и поющемъ утръня псалмы, устръмишася на ня, акы зверие дивии. Таче яко придоша, и се вънезапу чюдо бысть страшно: отъ земля бо възятъся църкы и съ сущиими въ ней възиде на въздусе, яко не мощи имъ дострѣлити ея. Сущей же въ църквѣ съ блаженымъ не разумеша, ни чюша того. Они же, видѣвъше чюдо се, ужасошася и, трепетьни бывъше, възвратишася въ домъ свои. И оттоле умилишася никому же зъла сътворити, яко же и старейшине ихъ съ инѣми тръми пришьдъшемъ къ блаженому Феодосию покаются того и исповѣдати ему бывъшее. Блаженый же, то слышавъ, прослави бога, спасъшааго я от таковья смърти. Онъ же поучивъ я, еже о спасении души, и тако отпусти я, славяща и благодаряща бога о всѣхъ сихъ.

Злодеи подождали немного, пока преподобное стадо соберется в церкви с блаженным наставником и пастухом своим Феодосием и начнет петь утренние псалмы, и бросилась на них, словно дикие звери. Но едва подбежали они, как внезапно свершилось страшное чудо: отделилась от земли церковь вместе со всеми бывшими в ней и вознеслась в воздух, да так, что и стрела не могла до нее долететь. А бывшие с блаженным в церкви не знали об этом и ничего не почувствовали. Разбойники же, увидев такое чудо, пришли в ужас и, трепеща, возвратились к себе домой. И с тех пор в умилении решили никому больше не причинять зла, так что и атаман их с тремя другими разбойниками приходил к блаженному Феодосию покаяться и рассказать ему обо всем, что было. Услышав его, блаженный прославил бога, спасшего их от смерти. А разбойников поучил о спасении души и отпустил их, славящих и благодарящих бога за все, что

случилось с ними.

Сицево же чудо о църкѣви тои и инѣгда паки видѣ единѣ от бояръ христороубця Изяслава. Яздящю тому нѣколи въ ноци на поли, яко 15 поприщъ от монастыря блаженааго. И се видѣ църкѣвь у облака сущю. И въ ужаси бывѣ, погъна съ отрокы, хотя видѣти, кая то есть църкы. И се, яко доиде монастыря блаженааго Феодосия, тѣгда же оному зрящю, съступи църкы и ста на своемъ мѣстѣ. Оному же тѣлькнувьшю въ врата, и вратарю отвѣрьзъшю ему врата, въниде и повѣда блаженому бывшее. И оттолѣ часто приходяше къ нему и насыщался от него духовныхъ тѣхъ словесъ, подаваше же и от имѣния своего на състроение монастырю.

Такое же чудо с той же церковью видел потом и один из бояръ христороубца Изяслава. Как-то ночью ехал он по полю, в 15 поприщах от монастыря блаженного Феодосия. И вдруг увидел церковь под самыми облаками. В ужасе поскакал он со своими отроками посмотреть, что это за церковь. И когда он доскакал до монастыря блаженного Феодосия, то прямо на его глазах опустилась церковь и стала на своем месте. Боярин же постучал в ворота и, когда отпер ему привратник, вошел в монастырь и рассказал о виденном блаженному. И с тех пор часто приходил к нему, и насыщался его духовной беседой, и жертвовал от своего богатства на нужды монастыря.

И се же паки инѣ боляринѣ того же христороубця идьи нѣколи съ князьмъ своимъ христороубцьмъ на ратьныя, хотящемъ имѣ брань сътворити, обѣщася въ умѣ своемъ, глаголя, яко аще възвращюся съдравъ въ домъ свои, то дамъ святѣи богородици въ монастырь блаженааго Феодосия 2 гривнѣ злата, еще же и на икону святыя богородицы вѣнць окую. Таче бывшю сънятию и многомъ от бою оружиемъ падъшемъ. Послѣ же побѣжени бывше ратьнии, си же спасени възвратишася въ дома своя. Боляринѣ же забы, еже дасть святѣи богородици. И се по дньхъ нѣколицѣхъ, съпящю ему въ полудне въ храминѣ своей, и се приде ему глас страшнѣ, именемъ того зовущъ его: «Клименте!» Онѣ же възпрянувъ и сѣде на ложи. Ти видѣ икону святыя богородицы, иже бѣ въ монастыри блаженааго, прѣдъ одрѣмъ его стоящю. И глас от нея исхожааше сице: «Чѣто се, Клименте, еже обѣща ми ся дати, и нѣси ми даль? Нѣ се нынѣ глаголю ти: потыщися съвьршити обѣщание свое!» Си же рекъши, икона святыя богородицы невидима бысть от него. Тѣгда же боляринѣ тѣ, въ страстѣ бывѣ, таче възъмъ, имѣ же бѣ обещалъся, несъ въ монастырь, блаженому Феодосию въдасть, тако же и вѣнць святыя богородицы на иконѣ окова. И се же паки по дньхъ немнозѣхъ умысли тѣ же боляринѣ дати Евангеліе въ монастырь блаженааго. Таче, яко приде къ великууму

Феодосию въ монастырь, имыи подъ пазухою съкръвено святое Евангелие, и по молитвѣ хотящема има сѣсти, оному не еще явивъшю Еуангелия, глагола тому блаженныи: «Първъѣ, брате Клименте, изнеси се святое Еуангелие, еже имаши въ пазусѣ своей и еже обѣщаль еси дати святѣи богородици, ти тѣгда сядемъ». Се слышавъ, онъ, ужасеся о проповедании преподобнааго, не бѣ бо никому же о томъ възвестилъ. И тако изнесъ святое то Евангелие, въдасть блаженному на руцѣ, и тако сѣдъ и духовныя тоя бесѣды насытивъся, възвратися въ домъ свои. И оттоле велику любовь имяаше къ блаженному Феодосию, и часто прихожааше къ нему, и велику пользу приимаше от него.

А как-то некий другой боярин того же христоролюбца Изяслава, отправляясь с князем своим христоролюбцем против вражеской рати, уже изготовившейся к битве, пообещал в мыслях своих: если вернусь домой невредимым, то пожертвую святой богородице в монастырь блаженного Феодосия 2 гривны золота и оклад прикажу сковать на икону святой богородицы. Потом была битва, и многие пали в бою. В конце концов враги были побеждены, а победители благополучно вернулись восвояси. И забыл боярин, что пообещал святой богородице. И вот несколько дней спустя, когда спал он днем в своем доме, вдруг раздался над ним страшный голос, зовущий его по имени: «Климент!» Он же вскочил и сел на ложе. И увидел перед кроватью своей икону святой богородицы, бывшую в монастыре блаженного. И голос от иконы исходил: «Почему же, Климент, не дал ты мне того, что обещал? Ныне же говорю тебе: поспеши выполнить свое обещание!» Изрекла это икона святой богородицы и стала невидимой. Тогда тот боярин, испугавшись, взял, что было им обещано, понес в монастырь и отдал блаженному Феодосию, а также и оклад сковал для иконы святой богородицы. И вот некоторое время спустя задумал тот же боярин принести в дар монастырю блаженного Евангелие. И вот, когда пришел он к великому Феодосию, спрятав Евангелие за пазухой, и после молитвы собрались они сесть, а боярин еще не достал Евангелия, сказал ему вдруг блаженный: «Прежде, брат Климент, достань святое Евангелие, которое у тебя за пазухой и которое пообещал ты в дар святой богородице, а потом уже сядем». Услышав это, ужаснулся боярин прозорливости преподобного, ибо никому не говорил об этом раньше. И достал он святое то Евангелие и отдал блаженному в руки, и так сели они, и, насытившись духовной беседой, возвратился боярин домой. И с той поры полюбил он блаженного Феодосия, и стал часто приходиться к нему, и немалую пользу получал, беседуя с ним.

И егда же сии прихожааху къ нему, то же си и тако по божьствнемь

томъ учении предъставляше тѣмъ трапезу отъ брашнь тѣхъ монастырскихъ: хлѣбъ, сочиво и мало рыбъ. Многашьды же и христороубцю Изяславу и таковыхъ брашнь вѣкушающю, яко же и веселяся, глаголаше блаженому Феодосию: «Се, яко же вѣси, отъче, вѣсѣхъ благыхъ мира сего испълнися домъ мой, то же нѣсмъ тако сладка брашна вѣкушалъ, яко же нынѣ съде. Многашьды бо рабомъ моимъ устроишимъ различная и многоцѣнная брашна, ти не суть така сладка. Нъ молю ти ся, отъче, повѣжь ми, откуда есть сладость си въ брашньнѣ вашемъ?» Тѣгда же богодѣхновенный отъць Феодосии, хотя увѣрити того на любовь божию, глагола ему: «То аще, благии владыко, сия увѣдѣти хочещи, послушай насъ, и повѣдѣ ти. Егда бо братии монастыря сего хотящемъ варити, или хлѣбы печи, или кую ину службу творити, тѣгда пѣрвое шѣдъ единъ отъ нихъ вѣзметъ благословение отъ игумена, таче по сихъ поклонитъся прѣдъ святымъ ольтаремъ три краты до земля, ти тако свѣщю вѣжжеть отъ святаго ольтаря и отъ того огнь вѣзгнѣтитъ. И егда пакы воду вѣливая въ котль, глаголетъ старѣишинѣ: «Благослови, отъче!» И оному рекущю: «Богъ да благословитъ тя, брате!» И тако вся служба ихъ съ благословениедеъ съвършається. Твои же раби, и яко же рече, дѣлають сварящеса и шегдающе и кльнуще другъ друга, многашьды же и биими суть отъ приставникъ. И тако же вся служба ихъ съ грѣхъмъ сътваряється». То же слышавъ, христороубецъ глагола: «По истинѣ, отъче, тако есть, яко же глагола»...

И когда вот так же приходил кто-нибудь к Феодосию, то после духовной беседы угощал он пришедших обедом из припасов монастырских: подавали хлеб, чечевицу и немного рыбы. Не раз вот так же обедал и христороубец Изяслав и весело говорил Феодосию: «Вот, отче, ты же знаешь, что всех благ мира полон дом мой, но никогда я не ел таких вкусных яств, как у тебя сегодня. Слуги мои постоянно готовят разнообразные и дорогие кушанья, и все же не так они вкусны. Прошу тебя, отче, поведай мне, отчего так вкусны яства ваши?» Тогда боговдохновенный отец Феодосий, чтобы укрепить благочестие князя, сказал ему: «Раз уж хочешь узнать это, добрый владыка, так послушай, поведаю тебе. Когда братия монастырская хочет готовить, или хлеба печь, или что другое делать, тогда прежде всего идет один из них и получает благословение от игумена, после этого трижды поклонится перед святым алтарем до земли, и зажжет свечу от святого алтаря, и уже от той свечи разжигает огонь. И потом, когда воду наливает в котел, говорит старшему: «Благослови, отче!» И тот отвечает: «Бог да благословит тебя, брат!» И так все дела их совершаются с благословением. А твои слуги, как известно,

делают все ссорясь, подсмеиваясь, переругиваясь друг с другом, и не раз побиты бывают старшими. И так вся служба их в грехах проходит». Выслушал его христоробец и промолвил: «Поистине так, отче, как ты сказал»...

Се бо приспѣвшю нѣколи празднику Успения прѣсвятыя богородицы, бѣша же и църкѣви творяще праздникъ въ тѣ днь, маслу же не сущю дрѣвяному въ кандила на вѣлияне въ тѣ днь. Помысли строитель църкѣвныи въ сѣмени льнянѣмъ избити масла, и то, вѣлиявше въ кандила, вѣжещи. И въпросивъ о томъ блаженаго Феодосия, и оному повелѣвшю сътворити тако, яко же помысли. И егда въсхотѣ лияти въ кандило масло то, и се видѣ мышь въпадъшу въ не, мъртву плавающу в немъ. Таче, скоро шѣдъ, съповѣда блаженному, глаголя, яко съ вѣсякымъ утвѣрженіемъ бѣхъ покрылъ съсудъ тѣ съ маслѣмъ, и не вѣдѣ, откуда вѣлѣзе гадъ тѣ и утопе. То же блаженныи помысли, яко божие есть сѣмотрение се. Похуливъ же свое невѣръство, глаголя тому: «Лѣпо бы намъ, брате, надежу имѣти къ богу уповающе, яко мощнѣ есть подати намъ на потрѣбу, его же хоцемъ. А не тако, невѣръствовавше, сътворити, его же не бѣ лѣпо. Нѣ иди и пролѣи масло то на землю. И мало потърпимъ, моляще бога, и тѣ иматъ намъ дати въ сии днь до избытка дрѣвянаго масла». Таче уже бѣвшю году вечерньому, и се нѣкто от богатыхъ принесе кърчагу велику зѣло, пѣльну масла дрѣвянаго. Ю же видѣвъ, блаженныи проелапи бога, яко тѣ въскорѣ услыша молитву ихъ. И тако налияша кандила вѣся, и избыся его большая часть. И тако сътвориша на утрѣи днь праздникъ свѣтѣль святыя богородицы...

Настали как-то дни праздника Успения святой богородицы, и надо было праздновать его в церкви, а не хватило деревянного масла, чтобы залить в лампы. И решил экономай добыть масло из льняного семени и, разлив то масло по лампадам, зажечь. И спросил на это разрешения у блаженного Феодосия, и велел ему Феодосий сделать так, как задумал. И когда уже собрался он разливать масло в лампы, то увидел, что мышь упала в сосуд и плавает, мертвая, в масле. Поспешил он к блаженному и сказал: «Уж с каким старанием накрывал я сосуд с маслом, и не пойму, откуда пролез этот гад и утонул!» Но блаженный подумал, что в этом божественная воля. И, укорив себя за неверие, сказал экономай: «Нам бы, брат, следовало возложить надежду на бога, ибо он может подать нам все, чего ни пожелаем. А не так, как мы, потеряв веру, делать то, что не следует. Так иди же и вылей то масло на землю. И подождем немного, помолимся богу, и он подаст нам сегодня деревянного масла с избытком». Уже настал вечер, когда неожиданно какой-то богач принес в монастырь

огромную корчагу, полную деревянного масла. И, увидев это, прославил блаженный бога, так скоро внявшего их молитвам. И заправили все лампы, и осталась еще большая часть масла. И так устроили на следующий день светлый праздник святой богородицы.

Боголюбивый же князь Изяславъ, иже по истинѣ бѣ теплъ на вѣру, яже къ господу нашему Иисусу Христу и къ прѣчистѣи матери его, иже послѣ же положи душу свою за брата своего⁷⁰ по господню гласу, съ любовью имѣя, яко же речеся, не просту къ отцю нашему Феодосию и часто приходя къ нему и духовныхъ тѣхъ словесъ насыщаяся от него. И тако въ единъ от днии пришдѣшу тому, и въ църкви сѣдящема има на божьствнѣи тои бесѣдѣ, и годъ бысть вечернии. Тако же сии христороубецъ обрѣтесе ту съ блаженымъ и съ чьстною братиею на вечернимъ славословии. И абие божию волею дѣждю велику лѣющюся, блаженый же видѣвъ тако належание дѣждю, призвавъ же келаря, глагола ему: «Да приготовиши на вечерю брашна на ядь князю». Тѣгда же приступи къ нему ключарь, глагола: «Господи отче! Меду не имамъ, еже на потрѣбу пити князю и сущимъ съ нимъ». Глагола тому блаженный: «Ни ли мало имаша?» Отвѣща он: «Еи, отче, яко ни мало не имамъ, бѣаше бо, яко же рече, опроверотилъ таковыи съсудъ тѣщъ и ниць положилъ». Глагола тому паки блаженный: «Иди и съмотри истѣе, еда осталось или мало чѣто от него будетъ». Онъ же отвѣщаваше рекыи: «Ими ми вѣру, отче, яко и съсудъ тѣ, въ немъ же таковое пиво, опроверотихъ и тако ниць положихъ». То же блаженный, иже по истина испълненъ духовныхъ благодѣти, глагола тому съ: «Иди по глаголу моему и въ имя господа нашего Иисуса Христа обрящеши медъ въ съсудѣ томъ». Онъ же, вѣру имъ блаженому, отиде и пришдѣ въ храмъ и по словеси святаго отца нашего Феодосия обрѣте бѣчьвъ ту правѣз положену и пълну сущю меду. Въ страѣ же бывъ и въскорѣ шдѣ, съповѣда блаженому бывшее. Глагола тому блаженный: «Мълчи, чадо, и не рѣчи никому же о томъ слова, нѣ иди и носи, елико ти на трѣбу князю и сущимъ съ нимъ; и еще же и братии подай от него, да пють. Се бо благословение божие есть». Таче паки дѣждю прѣставшю, отиде христороубецъ въ домъ свои. Бысть же тако благословение въ дому томъ, яко же на многы дни довьльномъ имъ тѣмъ быти.

Боголюбивый же князь Изяслав, истинно благочестивый в вере к господу нашему Иисусу Христу и к пречистой матери и сложивший впоследствии голову свою за своего брата по призыву господню, как говорят, искренне любил отца нашего Феодосия и часто посещал его и насыщался духовными его беседами. Вот так однажды пришел князь, и

сидели они в церкви, беседуя о божьей, а время было уже вечернее. Так и оказался тот христороубец с блаженным и честной братией на вечерней службе. И вдруг, по воле божьей, пошел сильный дождь, и блаженный, видя, что раздождилось, призвал келаря и сказал ему: «Приготовь ужин для князя». Тогда пришел к нему ключник, говоря: «Господин отец наш! Нет у меня меду для князя и спутников его». Спросил его блаженный: «Нисколько нет?» Он ответил: «Да, отче! Нисколько не осталось, я же говорил, что опрокинул пустой сосуд и положил набок». Блаженный же снова посылает его: «Пойди и посмотри лучше, вдруг осталось что-нибудь или немного наберется». Тот же говорит в ответ: «Поверь мне, отче, что я и сосуд тот, где было питье, перевернул и положил набок». Тогда блаженный, поистине исполненный духовной благодати, сказал ему так: «Иди и по слову моему и во имя господина нашего Иисуса Христа найдешь мед в том сосуде». Он же, поверив блаженному, вышел и отправился в кладовую, и свершилось чудо по слову святого отца нашего Феодосия: стоит опрокинутый прежде бочонок и доверху полон меду. Испуганный ключник тотчас вернулся к блаженному и поведал ему о случившемся. Отвечал ему блаженный: «Молчи, чадо, и не говори об этом никому ни слова, а иди и носи, сколько будет нужно князю и спутникам его; да и братии подай, пусть пьют. Это все – благословение божие». Тем временем дождь перестал, и христороубец отправился к себе домой. И таково было благословение на монастыре том, что и впредь на много дней еще хватило меда.

Въ единъ же паки от дънии от единая вьси приде мьнихъ манастырскихъ къ блаженному отьцю нашему Феодосию, глаголя, яко въ хлѣвинѣ, иде же скоть затваряемъ, жилище бѣсомъ есть. Тѣмъ же и многу пакость ту творять въ немъ, яко же не дадуще тому ясти. Многашьды же и прозвутерь молитву творить и водою святою покрапляя, то же никако; оставаша зѣлии ти бѣзси, творяще муку и доселѣ скоту. Тѣгда же отьць нашъ Феодосии вѣоруживься на ня постѣмъ и молитвою по господню гласу, еже рече: «Съ родъ изгоняться ничимъ же, тѣкъмо молитвою и постѣмъ». Тѣмъ же уповая блаженни, яко иматъ прогнати я от мѣста того, яко же дрѣвле от мѣсильница. И прииде въ село то и вечеръ вьниде единъ въ хлѣвину ту, иде же бѣси жилище имяхуть, и, затворивъ двѣри, ту же прѣбысть до утрѣня, молитву творя. Яко же от того часа не явится бѣсомъ на то мѣсто, се же ни въ дворѣ пакости творити никому же. Молитвами преподобнаго отьца нашего Феодосия, яко се оружиемъ отгнани Быша от вьси тоя. И тако паки блаженни приде въ манастыр свои, яко храбръ сильнъ, побѣдивъ зѣлыя духы, пакостьствующа въ

области его.

Однажды к блаженному отцу Феодосию пришел из некоего села монастырский монах, рассказывая, что в хлеве, где стоит скот, живут бесы. И немало вреда приносят они там, не давая скоту есть. Много раз уже священник молился и кропил святой водой, но все напрасно: остались там злые бесы и по сей день мучают скот. Тогда отец наш Феодосий вооружился для борьбы с ними постом и молитвой, ибо сказал господь: «Ничем не истребится этот род бесовский, только молитвой и постом». Поэтому и надеялся блаженный, что сможет изгнать бесов из хлева, как прежде прогнал из пекарни. И пришел в то село, и вечером, войдя один в хлев, где обитали бесы, запер двери и молился там до утра. И с тех пор они там больше не появлялись и во дворе никому уже не вредили. Так молитвами преподобного отца нашего Феодосия, словно оружием, изгнаны были бесы из села. И возвратился блаженный в свой монастырь, словно могучий воин, победив злых духов, вредивших в области его.

Паки же нѣколи въ единѣ от дѣши къ сему блаженному и преподобному отцю нашему Феодосию приде старѣи пекущимъ, глаголя, яко муки не имамъ на испечение хлѣбомъ братии. Глагола тому блаженный: «Иди, съглядаи въ сусѣцѣ, еда како мало муки обрящеши въ немъ, донѣдеже паки господь попечеться нами». Онъ же вѣдяшеся, яко и помель бѣ сусѣкъ тѣ и въ единѣ угль мало отрубъ, яко се съ троѣ или съ четверы пригъръщѣ, тѣмъ же глаголаше: «Истину ти вѣщаю, отъче, яко азъ самъ пометохъ сусѣкъ тѣ, и нѣсть въ немъ ничѣсо же, развѣ мало отрубъ въ угльѣ единомъ». Глагола тому отъць: «Вѣру ми ими, чадо, яко мощнѣ есть богъ, и от тѣхъ малыхъ отрубъ напльнннть намъ сусѣкъ тѣ муки, иже яко же и при Илии сътвори вѣдовици оной, умноживъ от единѣхъ пригъръщѣ муки множество, яко же прѣпитатися ей съ чады своими въ гладное врѣмя, донѣдеже гобино бысть въ людѣхъ. Се бо нынѣ тѣ же есть, и мощнѣ есть и тако же и намъ от мала мѣного сътворити. Нѣ иди и съмотри, еда благословление будетъ на сусѣцѣ томъ». То же слышавъ, онъ отъиде, и яко вѣниде въ храмъ тѣ, ти видѣ сусѣкъ тѣ, иже бѣ пьрвѣе тѣщѣ, и молитвами преподобнааго отца нашего Феодосия пльннъ суцѣ муки, яко же прѣсыпатися ей чрѣсь стѣну на землю. Тѣгда же въ ужастн бысть, видя таковое прѣславное чюдо, и въспятнвѣсья, блаженному съповѣда. То же святн къ тому: «Иди, чадо, и не яви никому же сего, нѣ сътвори по обычаю братии хлѣбы. Се бо молитвами преподобнннхъ братнннхъ наша посылла богъ милость свою къ намъ, подая намъ всѣя на потрѣбу, его же аще хоцемъ»...

Некоторое время спустя пришел как-то к блаженному и

преподобному отцу нашему Феодосию старший над пекарями и сказал, что не осталось муки, чтобы испечь для братии хлеба. Ответил ему блаженный: «Пойди посмотри в сусеке, ну, как найдется в нем немного муки, на то время, пока господь снова не позаботится о нас». Тот же помнил, что подмел сусек и замел все отруби в один угол, да и тех немного: с три или четыре пригоршни, и поэтому сказал: «Правду тебе говорю, отче, сам вымел сусек, и нет там ничего, разве только отрубей немного в одном углу». Отвечал ему отец Феодосий: «Поверь мне, чадо, что велик бог и от той пригоршни отрубей наполнит нам сусек мукой, как при Илье превратил одну пригоршню муки во множество, чтобы смогла некая вдовица перебиться с детьми в голодное время, пока не настала пора урожая. Вот так и ныне: сможет бог из малого сделать много. Так пойди же и посмотри, вдруг благословен будет тот сусек». Услышав слова эти, вышел он, и когда приблизился к сусеку, то увидел, что молитвами преподобного отца нашего Феодосия сусек, прежде пустой, полон муки, так что даже пересыпалась она через стенки на землю. Пришел он в ужас, видя такое славное чудо, и, вернувшись, рассказал обо всем блаженному. Святой же ему в ответ: «Иди, чадо, и, не говоря никому, испеки, как обычно, хлеба на братию. Это по молитвам преподобной нашей братии ниспослал нам бог свою милость, подавая нам все, что мы желаем»...

Бысть въ то врѣмя съмятение нѣкако от вселукавааго врага въ трѣхъ князѣхъ, братии сущемъ по плѣти, яко же двѣма брань сътворити на единого старѣишааго⁷¹ си брата, христороубца, иже по истинѣ богоубоубца Изяслава. То же тако же прогнѣнъ бысть от града стольнааго, и онѣма, пришьдѣшема въ градъ тѣ, посылаета же по блаженааго отьца нашего Феодосия, бѣдяща того прити къ тѣма на обѣдѣ и причетатися неправднѣмъ томъ свѣтѣ. То же, иже бѣ испълненѣ духа святаго, преподобнѣи же Феодосии разумѣвъ, еже неправдѣно суще изгнание, еже о христороубци, глаголетъ посыланому, яко не имамъ ити на трапезу Вельзавелину и причаститися брашна того, испълнь суца крѣви и убийства. И ина же многа укоризнѣна глаголавъ, отпусти того, рекыи, яко да възвѣстиши всѣя си пославѣшимъ тя. Нѣ обаче она, аще и слышаста си, нѣ не възмогоста прогнѣватися на нѣ, видѣаста бо правдѣна суца человека божия, ни паки же послушаста того, нѣ устрѣмистася на прогнѣние брата своего, иже от всея тоя области отгнѣнаста того, и тако възвратистася въспять. И единому сѣдѣшю на столѣ томъ брата и отьца своего, другому же възвративъшюся въ область свою.⁷²

Был в то время раздор – по наущению лукавого врага – среди трех князей, братьев по крови: двое из них пошли войной на третьего, старшего

своего брата, христороубца и уж поистине боголюбца Изяслава. И был изгнан он из своего стольного города, а они, придя в город тот, послали за блаженным отцом нашим Феодосием, приглашая его прийти к ним на обед и присоединиться к несправедному их союзу. Но тот преподобный, исполнен духа святого, видя, что несправедливо изгнание христороубца, ответил посланному, что не пойдет на пир Вельзевулов и не прикоснется к тем яствам, исполненным кровию и убийством. И много еще, осуждая их, говорил и, отпуская посланного, наказал ему: «Передай все это пославшим тебя». Они же, хотя и не посмели прогневаться за такие слова на Феодосия, видя, что правду сказал человек божий, но и не послушали его, а двинулись на брата своего, чтобы изгнать его из удела того, и затем вернулись назад. Один из них сел на престоле отца и брата своего, а другой отправился в свой удел.

Тогда же отъць нашъ Феодосии, напълнивсья святаго духа, начать того обличати, яко неправдѣно сѣтворивъша и не по закону сѣдѣша на столѣ томѣ, и яко отъця си и брата старѣишаго прогнѣнавъша.⁷³ То же тако обличаше того, овѣгда епистолия пиша, посылааше тому, овѣгда же вельможамъ его, приходящемъ къ нему, обличаше того о неправдѣнѣмъ прогнѣнании брата, веля тѣмъ повѣдати тому. Се же и послѣ же въписа къ нему епистолию велику зѣло, обличая того и глаголя: «Глас крѣве брата твоего въпиеть на тя къ богу, яко Авелева на Каина». И инѣхъ многыхъ дрѣвнихъ гонитель, и убоиникъ, и братоненавидѣникъ приводя, и притѣчами тому вься, еже о немъ, указавъ и тако въписавъ, посла. И яко тѣ прочте епистолию ту, разгнѣвася зѣло, и яко лвъ рикнувъ на правдѣнааго, и удари тою о землю. И яко же оттолѣ промѣчеся вѣсть, еже на поточение осужену быти блаженому. То же братия въ велицѣ печали Быша и моляху блаженааго остатися и не обличати его. Тоже тако же и от боляръ мѣнози приходяще повѣдахуть ему гнѣвъ княжъ на того суцъ и моляхуть и не супротивитися ему. «Се бо, – глаголааху, – на заточение хочеть тя посѣлати». Си же слышавъ, блаженыи, яко о заточении его рѣша, въздратовася духъмъ и рече къ тѣмъ: «Се бо о семь вельми ся радую, братие, яко ничѣсо же ми блаже въ житии семь: еда благодатьство, имѣнию лишение нудить мя? Или дѣтии отлучению и сель опечалуетъ мя? Ничѣсо же от таковыхъ принесохомъ въ миръ съ, нѣ нази родихомъся, тако же подобаетъ намъ нагомъ проити от свѣта сего. Тѣмъ же готовъ есмь или на сѣмьръть». И оттолѣ начать того укарятти о братоненавидѣнии, жадааше бо зѣло, еже поточену быти.

Тогда же отец наш Феодосий, исполнившись духа святого, стал обличать князя в том, что несправедно он поступил и не по закону сел на

престоле том, изгнав старшего брата своего, бывшего ему вместо отца. И так обличал его, то письма ему посылая, а то осуждал беззаконное изгнание брата перед приходившими к нему вельможами и велел им передать его слова князю. А после написал ему большое письмо, грозя ему такими словами: «Голос крови брата твоего взывает к богу, как крови Авелевой на Каина!» И, приведя в пример многих других древних притеснителей, убийц, братоненавистников и в притчах поступок его изобличив, описал все это и послал. Когда же прочел князь это послание, то пришел в ярость и, словно лев, рыкнув на праведного, швырнул письмо его на землю. И тогда облетела всех весть, что грозит блаженному заточение. Братия же в великой печали умоляла блаженного отступить и прекратить обличения князя. И многие бояре, приходя, говорили о княжеском гневе и умоляли не противиться ему. «Он ведь, – говорили, – хочет заточить тебя». Услышав, что говорят о его заточении, воспрянул духом блаженный и сказал им: «Это очень радует меня, братья, ибо ничто мне не мило в этой жизни: разве тревожит меня, что лишусь я благоденствия или богатства? Или опечалит меня разлука с детьми и утрата сел моих? Ничего из этого не принес я с собой в мир сей: нагими рождаемся, так подобает нам нагими же и уйти из мира сего. Поэтому готов я на смерть». И с тех пор по-прежнему обличал братоненавидение князя, всей душой желая быть заточенным.

Нъ обаче онъ, аще и вельми разгнѣвалься бѣ на блаженааго, нъ не дързну ни единого же зъла и скръбьна сътворити тому, видяше бо мужа преподобна и правдѣна суца его. Яко же прѣже многашьды, его ради, завидяше брату своему, еже такого свѣтильника имать въ области своеи, яко же съповѣдаше, слышавъ от того, чьрноризыць Павль, игумень сыи от единого монастыря, сущиихъ въ области его.

Однако князь, как ни сильно гневался на блаженного, не дерзнул причинить ему ни зла, ни печали, видя в нем мужа преподобного и праведного. Недаром же он прежде постоянно завидовал брату своему Изяславу, что был такой светоч в земле его, как рассказывал слышавший это от Святослава черноризец Павел, игумен одного из монастырей, находившихся в его уделе.

Блаженныи же отць нашъ Феодосии, много молимъ бытъ от братье и от вельможь, наипаче же разумѣвъ, яко ничьсо же успешно сими словесы тому, оставя его, и оттолѣ не укаряше его о томъ, помысливъ же въ себѣ, яко унѣ есть мольбою того молити, да бы възвратилъ брата си въ область свою.

А блаженный отец наш Феодосий после многих просьб братии своей

и вельмож, а особенно видя, что ничего не достиг обличением своим, оставил князя в покое, и с тех пор уже больше не укорял его, решив про себя, что лучше будет умолять его, чтобы возвратил своего брата в принадлежавшую тому область.

Не по мнозѣхъ же дньхъ разумеѣ благии князь тѣ прѣложение блаженааго Феодосия от гнѣва и утѣшение, еже от обличения того, въздрадовася зѣло, издавна бо жадааше бесѣдовати съ нимъ и духовньныхъ словесъ его насытитися. Таче посылаетъ къ блаженому, аще повелитъ тому прити въ монастырь свои или ни? Оному же повелѣвшу тому приити. То же сии, съ радостию въставъ, приде съ боляры въ монастырь его. И великому Феодосию съ братиею ишъдѣшу ис църкѣви и по обычаю сѣрѣтъшю того и поклоньшемася, яко же е лѣпо, къ князю, и тому же цѣловавшю блаженааго. Таче глаголаше се: «Отче, не дѣръзняхъ приити къ тебѣ, помышляя, еда како гнѣваяся на мя и не въпустиши насъ въ монастырь». То же блаженый отвѣща: «Чѣто бо, благии владыко, успѣть гнѣвъ нашъ, еже на дѣръжаву твою? Нѣ се намъ подобаетъ обличити и глаголати вамъ, еже на спасение души. И вамъ лѣпо есть послушати того». И тако же въшъдѣшема въ църкѣвъ и бывши молитвѣ, сѣдоста, и блаженому Феодосию начьнѣшю глаголати тому отъ святыхъ кънигъ, и много указавшю ему о любви брата. И оному паки многу вину износящю на брата своего, и того ради не хотящю тому съ тѣмъ мира сѣтворити. И тако же паки по мнозѣи тои беседѣ отъиде князь въ домъ свои, славя бога, яко съподобися съ таковымъ мужьмъ бесѣдовати, и оттолѣ часто приходяше къ нему и духовнаго того брашна насыщаяся паче меду и сѣта: се же суть словеса блаженааго, яже исходяхуть от медоточньныхъ устѣ тѣхъ. Многашъды же великий Феодосий къ тому хожаше, и тако въспоминаше тому страхъ божи и любовь, еже къ брату.

Некоторое время спустя заметил благой тот князь, что утих гнев Феодосия и что перестал тот обличать его, и обрадовался, ибо давно жаждал побеседовать с ним и насытиться духовной его беседой. Тогда посылает он к блаженному: разрешит ли он прийти к себе в монастырь или нет? Феодосий же велел ему прийти. Обрадовался князь и прибыл с боярами в монастырь. И великий Феодосий с братией вышли из церкви и, как положено, встретил его и поклонился, как подобает кланяться князю, а князь поцеловал блаженного. Потом же сказал он: «Отче! Не решался прийти к тебе, думая, что гневаешься на меня и не вступишь в монастырь». Блаженный же отвечал: «А может ли, благой владыка, совладать гнев наш с властью твоей? Но подобает нам обличать вас и говорить о спасении души. А вам должно послушать это». И так вошли они в церковь и после

молитвы сели, и начал блаженный Феодосий говорить словами Священного писания, и не раз напоминал ему о братолюбии. Тот же снова возлагал всю вину на брата своего и из-за этого не хотел с ним примириться. И после долгой беседы вернулся князь домой, славя бога за то, что сподобился беседовать с таким мужем, и с тех пор часто приходил к нему и насыщался душевной пищей, более чем медом и сытой, таковы были слова блаженного, исходившие из медоточивых уст его. Много раз и Феодосий посещал князя и напоминал ему о страхе божьем и о любви к брату.

И въ единъ от дънии шьдъшо къ тому благому и богоносному отцю нашему Феодосию, и яко вниде въ храмъ, иде же бѣ князь сѣдя, и се видѣ многы играюща прѣдъ нимъ: овы гусльня гласы испущающемъ, другыя же оръганьныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ,⁷⁴ и тако въсѣмъ играющемъ и веселящемся, яко же обычаи есть прѣдъ князьмъ. Блаженны же, бѣ въскраи его сѣдя и долу нича и яко малы въсклонився, рече къ тому: «То будетъ ли сице на ономъ свѣтѣ?» То же ту абие онъ съ словьмъ блаженааго умилися и малы просльзиси, повелѣ тѣмъ прѣстати. И оттолѣ, аще коли приставите тыя играти, ти слышааше блаженаго пришьдъша, то повелѣвааше тѣмъ прѣстати от таковыя игры.

Однажды пришел к князю благой и богоносный отец наш Феодосий и, войдя в палаты, где сидел князь, увидел множество музыкантов, играющих перед ним: одни брэнчали на гуслях, другие гремели в органы, а иные свистели в замры, и так все играли и веселились, как это в обычае у князей. Блаженный же сел рядом с князем, опустив очи долу, и, приклонившись, спросил у него: «Вот так ли будет на том свете?» Тот же умилится словам блаженного и прослезился и велел прекратить музыку. И с тех пор, если, пригласив к себе музыкантов, узнавал о приходе блаженного, то приказывал им прекратить игру.

Многашды же паки, егда възвѣстяхуть приходъ тому блаженаго, то же, тако ишьдъ, того сѣрѣташе, радуяся, прѣдъ дверьми храму, и тако внидоста оба въ храмъ. Се же, яко же веселяся, глаголаше преподобьному: «Се, отъче, истину ти глаголю: яко аще Быша ми възвѣстили отця въетавъша от мъртвыхихъ, не быхъ ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоємъ. И не быхъ ся того тако боялъ или сумьнѣлъ, яко же преподобьныя твоя душа». Блаженны же то же: «Аще тако боишися мене, то да сътвори волю мою и възврати брата своего на столъ, иже ему благовѣрьныи отць свои прѣдасть». Онъ же о семь умълече, не могъи чьто отвѣщати къ симъ, тольми бо бѣ и врагъ раждьгль гнѣвъмъ на брата своего, яко ни слухьмъ хотяше того слышати.

И много раз впоследствии, когда сообщали князю о приходе блаженного, то он выходил и радостно встречал его перед дверями хоромов своих, и так оба входили в дом. Князь же как-то сказал преподобному с улыбкой: «Вот, отче, правду тебе говорю: если бы мне сказали, что отец мой воскрес из мертвых, и то бы не так обрадовался, как радуюсь твоему приходу. И не так я боялся его и смущался перед ним, как перед твоей преподобной душой». Блаженный же отвечал: «Если уж так боишься меня, то исполни мою волю и возврати своему брату престол, который передал ему благоверный отец». Промолчал князь, не зная, что отвечать, так ожесточил его враг против брата, что и слышать о нем не хотел.

Отец же наш Феодосий бѣ по вся дѣни и ноци моля бога о христороубци Изиславѣ, и еще же и въ ектении веля того поминати, яко стольному тому князю и старѣишу всѣхъ, сего же, яко же рече, чрѣсь законъ сѣдѣшу на столѣ томъ, не веляше поминати въ своемъ монастыри. О семь же едва умоленъ бывъ отъ братиѣ, повелѣ и того съ нимъ поминати, обаче же пьрвое христороубца ти тѣгда сего благаго.

А отец наш Феодосий дни и ночи молил бога за христороубца Изяслава и в ектении велел упоминать его как киевского князя и старшего надо всеми, а Святослава – как мы говорили, против закона севшего на престол, – не велел поминать в своем монастыре. И едва умолила его братья, и тогда повелел поминать обоих, однако же первым – христороубца, потом же и этого, благаго.

Великий же Никонъ, видѣвъ таковое съмятение въ князихъ суще, отъиде съ инѣма дѣвѣма чьрноризьцема въ прѣжереченьти островъ, иде же бѣ манастырь съставиль,⁷⁵ и блаженному Феодосию мьного того моливъшу, яко да не разлучитися има, донѣдеже еста въ плъти, и не отходити ему от него. Обаче онъ не послушавъ его о томъ, нь, яко же рече, отъиде въ свое мѣсто.

Великий Никон, видя княжеские распри, удалился с двумя черноризцами на прежде упомянутый остров, где в прошлом основал монастырь, хотя много раз умолял его блаженный Феодосий не разлучаться с ним, пока оба живы, и не покидать его. Но не послушал его Никон и, как мы сказали, ушел на свое прежнее место.

Тѣгда же отец наш Феодосий, напълнивъся духа святааго, начатъ благодатию божиею подвизатися, яко же въселити тому въ другое мѣсто, помагающе тому святому духу, и църквь же велику каменiemъ възградити въ имя святаго богородица и приснодѣвья Мариа. Пьрвѣи бо църкьви древянѣ сущи и малѣ на приятие братии.

Тогда же отец наш Феодосий, исполненный духа святого, задумал по благодати божьей переселиться на новое место и, с помощью святого духа, создать большую каменную церковь во имя святой богородицы и приснодевы. Марии. Старая же церковь была деревянной и не могла вместить всей братии.

Въ начаткъ же таковаго дѣла събърся множество людии, и мѣсто на възгражение овѣмъ ова кажющемъ, инѣмъ же ино, и всѣхъ не бѣ подобно мѣсто княжю полю, близъ прилежащу. И се по строю божию бѣ благии князь Святославъ туда минуя и, видѣвъ многъ народъ, въпроси, чѣто творять ту. И яко же увѣдѣвъ и съвративъ коня, приѣха къ нимъ, и, яко от бога подвиженъ, показа тѣмъ мѣсто на своемъ поли, веля ту възградити таковую църквь. Се же яко же и по молитвѣ тому самому начаткъ копанию положити. Бѣаше же и самъ блаженый Феодосий по всьа дъни съ братиену подвизаяся и тружая о възгражении таковаго дому. Обаче аще и не съвръшии его живъ сы, нъ се и по съмърти того, Стефану приемъшу игуменьство и богу помагающю тому молитвами преподобнаго отъца нашего Феодосия, съвръшено дѣло и домъ съграженъ. Ту же братии преселивъшемъся, и онъдеже малу ихъ оставъшу и съ тѣми прозвутеру и диякону, яко же по всьа дъни и ту святая литургия съвръшается.

Собралось множество людей на закладку церкви, и одни указывали одно место, где построить ее, другие – другое, и не было места лучше, чем на находящемся вблизи княжеском поле. И вот, по воле божьей, проезжал мимо благой князь Святослав и, увидев множество народа, спросил, что здесь происходит. А когда узнал, то повернул коня и подъехал к ним и, словно богом подвигнут, показал им на то самое место на своем поле, веля здесь и построить церковь. И тут же, после молитвы, сам первый начал копать. И сам блаженный Феодосий каждый день трудился с братией, строя здание это. Но, однако, не закончил его при жизни, а после смерти его, при игуменстве Стефана, с божьей помощью по молитвам отца нашего Феодосия, закончено было дело и построено здание. Переселилась туда братия, а на прежнем месте осталось их немного, и с ними – священник и дьякон, так что всякий день и здесь совершалась святая литургия.

Се же житие преподобнаго и блаженааго отъца нашего Феодосия, еже от уны вѣрсты до съде от многаго мало въписахъ. Къто бо довъльнь вься по ряду съписати добрая управления сего блаженааго мужа, къто же възможеть по достоянию его похвалити! Аще бо искушюся достойно противу исправленю его похвалити, нъ не възмогу – грубъ сы и

неразумичьнъ.

Вот какова жизнь преподобного и блаженного отца нашего Феодосия, которую – от юных лет и до старости – описал я вкратце. А кто сможет по порядку описать все мудрое управление этого блаженного мужа, кто сможет похвалить его по заслугам! Хотя и пытаюсь я воздать достойную хвалу делам его, но не смогу – невежда я и неразумен.

Многашьды же сего блаженнаго князи и епископи хотѣша того искусити, осияюще словесы, нъ не възмогша и акы о камыкъ бо приразивъшеся отскакаху, ограженъ бо бѣ върою и надежею, еже къ господу нашему Иисусу Христу, и въ себе жилище святааго духа сътвори. И бысть въдовицямъ заступникъ и сирымъ помощникъ и убогимъ заступникъ и, съпроста рещи, вся приходящая, уча и утѣшая, отпуцааше, убогимъ же подавая, еже на потрѣбу и на пищу тѣм.

Много раз князья и епископы хотели искусить того блаженного, в словопрении одолеть, но не смогли и отскакивали, словно ударившись о камень, ибо огражден он был верой и надеждой на господа нашего Иисуса Христа, и святой дух пребывал в нем. И был он заступник вдовиц и помощник сирот, и нищих заступник, и, попросту говоря, всех приходивших к нему отпускал, поучив и утешив, а нищим подавал, в чем нуждались они и на пропитание.

Мнози же того от несмыслъныхъ укаряхуть, то же сии съ радостию та приимаше, се же, яко же и от ученикъ своихъ многашьды укоризны и досажения тому приимати, нъ обаче онъ, бога моля за вся, прѣбываше. И еще же и о худости ризнѣи мнози от невѣглас, усмихающеся тому, ругахуться. Онъ же и о томъ не поскърьбѣ, нъ бѣ радуяся о поругании своемъ и о укоризнѣ и вельми веселяся, бога о томъ прославляше.

Многие из неразумных укоряли его, но с радостью сносил он все попреки, как сносил не раз укору и досаждения от своих учеников, все равно, однако, молясь за всех богу. И еще многие невежды, насмехаясь над ветхими ризами, издевались. И об этом он не печалился, но радовался и поруганию и укоризнам, и в веселье великом славил за это бога.

Яко же бо аще кѣто не зная того, ти видяше ѿ въ такой одежи суца, то не мьняше того самого суца блаженааго игумена, нъ яко единого от варящихъ. Се бо и въ единъ днь идуцю тому къ дѣлателемъ, иде же бѣша църквъ зижющеи, сѣрѣте и того убога въдовиця, яже бѣ от судии обидима, и глагола тому самому блаженому: «Чьрьноризьче, повѣжь ми, аще дома есть игумень вашъ?» Глагола тои блаженый: «Чѣто трѣбуеши от него, яко тѣ чловѣкъ есть грѣшнъ?» Глагола тому жена: «Аще грѣшнъ

есть, не вѣмь, тѣкѣмо се вѣмь, яко многы избави от печали и напасти и сего ради и азъ придохъ, яко да и мнѣ поможетъ, обидимѣ сущи бес правды от судии». Таче блаженныи увѣдѣвъ, яже о неи, съжалиси, глагола той: «Жено! Нынѣ иди въ домъ свои, и се, егда придетъ игумень нашъ, то же азъ възвѣщю ему, еже о тебѣ, и тѣ избавить тя от печали тоя». То же слышавъши, жена отъиде въ домъ свои, и блаженныи иде къ судии и, еже о ней, глаголавъ тому, избави ту от насилия того, яко же тому посълавъшю възвратити тои, имъ же бѣ обидя ю.

Когда кто-нибудь, не знающий Феодосия, видел его в такой одежде, то не мог и подумать, что это и есть тот самый блаженный игумен, а принимал его за повара. Так вот однажды шел он к строителям, возводившим церковь, и встретила его нищая вдова, обиженная судьей, и обратилась к самому блаженному: «Черноризец, скажи мне, дома ли игумен ваш?» Спросил и ее блаженный: «Что ты хочешь от него, ибо человек он грешный?» Отвечала ему женщина: «Грешен ли он, не знаю, но только знаю, что многих избавил он от печалей и напастей, того ради и я пришла, чтобы и мне помог, ибо обижена я судьей не по закону». Тогда, расспросив обо всем, пожалел ее блаженный и сказал ей: «Иди сейчас домой, и когда придет игумен наш, то расскажу ему о тебе, и избавит он тебя от печали». Услышав это, женщина отправилась домой, а блаженный пошел к судье и, поговорив с ним, избавил ее от притеснений, так что судья сам послал вернуть ей то, что отнял.

Тако же сии блаженныи отъць нашъ Феодосиии многымъ заступникъ бысть прѣдъ судьями и князи, избавляя тѣхъ, не бо можахуть ни въ чемъ прѣслушати его, вѣдуще и правдѣна и свята. Не бо его чьстяху чьстныхихъ ради пѣрътъ, или свѣтълыя одежа, или имѣния ради мѣноаго, нѣ чистаго его ради жития и свѣтълыя душа, и поучение того многыхъ, яже кыпяхуть святымъ духомъ от устъ его. Козлины бо тому бѣахуть, яко многоцѣнная и свѣтълая одежа, власяница же, яко се чьстная и цесарьская багряница, и тако, тѣмъ величался, ходяше и житиемъ богоугодно поживь.

Вот так блаженный отец наш Феодосий заступался за многих перед судьями и князьями, избавляя их, ибо не смел никто его ослушаться, зная праведность его и святость. И чтили его не ради дорогих нарядов или светлых одежд и не ради великого богатства, но за непорочную его жизнь, и за светлую душу, и за многие поучения, кипящие святым духом в устах его. Козлиная шкура была ему многоценной и светлой одеждой, а власяница – почетной багряницей царской, и, в них оставаясь великим, богоугодно провел он дни свои.

И уже на коньць жития прѣшьдѣ, прѣже увѣдѣвъ, еже къ богу, свое отшѣствие и днь покоя своего, правдѣнымъ бо съмърть покои есть.

И вот настал конец жизни его, и уже заранее узнал он день, когда отойдет к богу и настанет час успокоения его, ибо смерть – покой для праведника.

Тгда же уже повелѣ събрати всю братию и еже въ селѣхъ или на ину кую потрѣбу шли и, вся съзъвавъ, начатъ казати тиуны, и приставники, и слугы, еже прѣбывати комуждо въ порученѣи ему службѣ съ всякимъ прилежаниемъ и съ страхомъ Божиимъ, въ покорении и любви. И тако пакы вся съ слъзами учаше, еже о спасении души и богоугоднѣмъ житии и о пощении, и еже къ църкви тѣщание, и въ той съ страхомъ стояние, и о братолюбии, и о покорении, еже не тѣкмо къ старѣшинамъ, нѣ и къ съвѣрьстнымъ себѣ любовь и покорение имѣти. Глаголавъ, отпусти я, самъ же, влѣзъ въ келию, начатъ плакаться, бия въ пьрси своя, припадая къ богу и моляся ему о спасении души, и о стадѣ своемъ, и о мѣстѣ томъ. Братия же, ишдѣше внѣ, глаголаху къ себѣ: «Чѣто убо сии сицево глаголетъ? Егда, кѣде отшѣдѣ, съкрытися хочеть въ таинѣ мѣстѣ, ти жити единъ и намъ не вѣдущемъ его». Яко же многашдѣ въсхотѣ тако сътворити, нѣ умоленъ бываше о томъ от князя и от вельможъ. Братии о томъ паче молящися. И тако же и ту тако тѣмъ мнящемъ.

Тогда повелел он собрать всю братию и тех, кто в села ушел или по каким иным делам, и, созвав всех, начал наставлять тиунов, и приставников, и слуг, чтобы каждый исполнял порученное ему дело со всяческим прилежанием и со страхом Божиим, с покорностью и любовью. И опять поучал всех со слезами о спасении души, и о жизни богоугодной, и о посте, и о том, как заботиться о церкви и стоять в ней с трепетом, и о братолюбии, и о покорстве, чтобы не только старших, но и сверстников своих любить и покоряться им. Поучив же, отпустил их, а сам вошел в келью и начал плакать и бить себя в грудь, кланяясь богу и молясь ему о спасении души, и о стаде своем, и о монастыре. Братия же, выйдя на двор, стала говорить промеж себя: «Что такое он говорит? Или уйдя куда-нибудь, хочет скрыться в неизвестном месте и жить один без нас?» Ибо не раз уже собирался он так сделать, но уступал мольбам князя и вельмож и особенно мольбам братии. И теперь они подумали о том же.

Таче по сихъ блаженаго зимѣ възгрозивъши и огню уже лютѣ распальшу и, и не могши къ тому ничѣто же, възлеже на одрѣ, рекъ: «Воля божия да будетъ, и яко же изволися ему о мнѣ, тако да сътворитъ! Нѣ обаче молю ти ся, владыко мои, милостивъ буди души моей, да не

съръщеть ея противныхъ лукавство, нъ да примутъ ю ангели твои, проводяще ю сквозъ проньръство тьмьныхъ тѣхъ мытарьствъ, приводяще ю къ твоего милосърдья свѣту». И си рекъ, умълече, къ тому не могли ничто же.

А блаженный тем временем трясся в ознобе и пылал в жару и, уже совсем обессилев, лег на постели своей и промолвил: «Да будет воля божья, что угодно ему, то пусть и сделает со мной! Но, однако, молю тебя, владыка мой, смилуйся над душой моей, пусть не встретит ее коварство дьявольское, а примут ее ангелы твои и сквозь препоны адских мук приведут ее к свету твоего милосердия». И, сказав это, замолк, и говорить уже не в силах.

Братии же въ велицѣ скърби и печали сущемъ его ради. Потомъ онъ 3 дъни не може ни глаголати къ кому, ниже очию провести, яко многымъ мнѣти, яко же уже умрѣтъ, тькъмо же малы видяхуть ѿ еже сущю душу въ немъ. Таче по трьхъ дньхъ въставъ, и братии же въсеи събравъшися, глагола имъ: «Братие моя и отци! Се, яко уже вѣмъ, врѣмя житию моему коньчавається, яко же яви ми господь въ постыное врѣмя, сущю ми въ пещерѣ, изити от свѣта сего. Вы же помыслите въ себѣ, кого хотите, да азъ поставлю и вамъ въ себе мѣсто игумена?» То же слышавъше, братия въ велику печаль и плачь въпадоша, и по сихъ излѣзыше вьнъ и сами въ себѣ съвѣтъ сътвориша, и яко же съ свѣта въсѣхъ Стефана игумена въ себѣ нарекоша быти, деместика суца църкъвьнааго.

Братия же была в великой скорби и печали из-за его болезни. А потом он три дня не мог ни слова сказать, ни взглядом повести, так что многие думали уже, что он умер, и мало кто мог заметить, что еще не оставила его душа. После этих трех дней встал он и обратился ко всей собравшейся братии: «Братья мои и отцы! Знаю уже, что истекло время жизни моей, как объявил мне о том господь во время поста, когда был я в пещере, что настал час покинуть этот свет. Вы же решите между собой: кого поставить вам вместо меня игуменом?» Услышав это, опечалились братья и заплакали горько, и потом, выйдя на двор, стали совещаться между собой и по общему согласию порешили, чтобы быть игуменом у них Стефану, регенту церковному.

Таче паки въ другъи днь блаженни отць нашъ Феодосии, призвавъ всю братию, глагола имъ: «Чьто, чада, помыслите ли въ себѣ, еже достоину быти въ вас игумену?» Они же вси рекоша, яко Стефану достоину быти по тебѣ игуменьство прияти. Блаженни же, того призвавъ и благословивъ, игумена имъ въ себе мѣсто нарече. Оны же много поучивъ, еже покарятися тому, и тако отпусти я, нарекъ имъ днь

прѣставления своего, яко въ субботу, по възити сълнца, душа моя отлучиться от тѣлесе моего. И пакы же призывавъ Стефана единого, учааше ѱ, еже о паствѣ святааго того стада, не бо и не отлучашеся от него, служа тому съ сѣмѣреніемъ, бѣ бо уже болѣзнию лютою одѣржимъ.

На другой день блаженный отец наш Феодосий, снова призвав к себе всю братию, спросил: «Ну, чада, решили вы, кто достоин стать вашим игуменом?» Они же все отвечали, что Стефан достоин принять игуменство после Феодосия. И блаженный, призвав Стефана к себе и благословив, поставил его вместо себя игуменом. А братию долго поучал слушаться его и отпустил всех, назвав им день смерти своей: «В субботу, после восхода солнца, покинет моя душа тело мое». И, снова пригласив к себе одного Стефана, поучал его, как пасти святое то стадо, и тот уже больше не отлучался от него и смиренно прислуживал Феодосию, ибо становилось тому все хуже.

И яко же пришьдѣши суботѣ и дѣни освитающу, посѣлавъ блаженни призва вѣсю братию, и тако по единому вѣся цѣлова, плачущася и кричаща о разлучении таковааго имѣ пастуха. Блаженни же глагола имѣ сице: «Чада моя любимая и братия! Се бо и утробою вѣся вы цѣлую, яко отхожю къ владыцѣ, господу нашему Иисусу Христу. И се вамѣ игуменъ, его же сами изволисте. Того послушайте, и отьца того духовьнааго себѣ имѣйте, и того боитесь, и по повелѣнию его вѣся творите. Богъ же, иже вѣся словѣмъ и прѣмудростию сътвори, тѣ васѣ благослови и сънабѣди от проныривааго без бѣды, и неподвижиму и твѣрѣду, яже къ тому вѣру вашю да съблюдетъ въ единоумии и въ единой любви до послѣдьяаго издыхания вѣкупѣ суще. Даи же вамѣ благодать, еже работати тому бесприрока, и быти вамѣ въ единомѣ тѣлѣ и единѣмъ духомъ въ сѣмѣреніи сущемъ и въ послушаниі. Да будете съвѣршени, яко же и отьць вашъ небесьни съвѣршенъ есть. Господь же буди съ вами! И о семѣ же молю вы и заклинаю: да въ ней же есмѣ одежи нынѣ, въ тои да положите мя тако въ пещерѣ, иде же постыныя дѣни прѣбываахъ, ниже омываите убогааго моего тѣла, и да никъто же от людии мене, нѣ вы едини сами да погребете въ прѣжереченѣмъ мѣстѣ тѣло се». Си же слышавъше братия от устѣ святааго отьца плачь и слъзы изъ очию испущааху.

Когда же настала суббота и рассвело, послал блаженный за всей братией и стал целовать их всех, одного за другим, плачущих и вопиющих, что разлучаются с таким пастырем. А блаженный им говорил: «Чада мои любимые и братия! Всем сердцем прощаюсь с вами, ибо отхожу к владыке, господу нашему Иисусу Христу. И вот вам игумен, которого сами пожелали. Так слушайте же его, и пусть будет он вам отцом духовным, и

бойтесь его, и делайте все по его повелению. Бог же, тот, кто все сотворил словом своим и премудростью, пусть благословит вас, и защитит от лукавого, и сохранит веру вашу нерушиму и тверду в единомыслии и взаимной любви, чтобы до последнего дыхания были вы вместе. Да будет на вас благодать – служить богу безупречно, и быть всем как одно тело и одна душа в смирении и послушании. И будьте же вы совершенны, как совершенен и отец ваш небесный. Да пребудет господь с вами! И вот о чем прошу вас и заклинаю: в какой одежде сейчас я, в той и положите меня в пещере, где провел я дни поста, и не обмывайте ничтожное тело мое, и пусть никто из людей, кроме вас самих, не хоронит меня на месте, которое я вам указал». Братья же, слыша слова эти из уст святого отца, плакали, обливаясь слезами.

Блаженные же паки угъшая глаголаше: «Се обѣщаюся вамъ, братия и отъци, аще и тѣльмь отхожу от васъ, нъ духомъ присно буду съ вами. И се, елико же васъ въ монастыри семь умреть, или игуменьмь къде отсыланъ, аще и грѣхы будетъ кто сътвориль, азъ имама о томъ прѣдъ богъмь отвѣцати. А иже отъидеть кто о себѣ от сего мѣста, то же азъ о томъ орудия не имама. Обаче о семь разумѣите дързновение мое, еже къ богу: егда видите вся благая умножающаяся въ монастыри семь, вѣдите, яко близъ владыки небесьнааго ми сущю. Егда ли видите скудѣние суще и всѣмь умаляющесе, тгда разумѣите, яко далече ми бога быти и не имуща дързновения молитися къ нему».

А блаженный снова утешал их, говоря: «Вот обещаю вам, братья и отцы, что хотя телом и отхожу от вас, но душою всегда буду с вами. И знайте: если кто-либо из вас умрет здесь, в монастыре, или будет отослан куда-нибудь, то если и грех какой совершит, все равно буду я за того отвечать перед богом. А если же кто по своей воле уйдет из монастыря, то до такого мне дела нет. И из того разумеите вы дерзновенье мое перед богом: если видите, что процветает монастырь наш, знайте, что я возле владыки небесного. Если же когда-либо увидите оскудение монастыря и в нищету впадет он – значит, далек я от бога и не имею дерзновенья ему молиться».

Таче и по глаголѣхъ сихъ отпусти я вѣнь вся, ни единого же у себе оставивъ. Единъ же от братиѣ, иже вьсегда служааше ему, малу сътвори скважню, съмотряше ею. И се блаженный вьставъ и ниць легъ на колѣну, моляше съ слъзами милостивааго бога о спасении душа своя, вся святаыя призывая на помощь и наипаче же – святую владычицю нашу богородицю, и тою господа бога спаса нашего Иисус Христа моля о стадѣ своемъ и о мѣстѣ томъ. И тако паки по молитвѣ възлеже на мѣстѣ своемъ

и, мало полежавъ, таче възрєвъ на небо, и великъмъ гласъмъ, лице весело имыи, рече: «Благословенъ богъ, аще тако есть то: уже не боюся, нъ паче радуяся отхожу свѣта сего!» Се же, яко же разумѣти есть, яко обавление нѣкое видѣвъ, сице издрече. Яко по томъ опрятавъся и нозѣ простъръ, и руцѣ на пьрьсѣхъ кръстообразнѣхъ положъ, прѣдасть святую ту дупло въ руцѣ божии и прѣложися къ святымъ отцемъ.

После этих слов отослал всех от себя, никого у себя не оставив. Лишь один монах, который всегда служил Феодосию, проделав дырочку небольшую, следил через нее. И вот встал блаженный и склонился ниц, моля со слезами милостивого бога о спасении души своей, всех святых призывая на помощь, а всего более – святую владычицу нашу богородицу, и молил ее именем господа бога, спасителя нашего Иисуса Христа о стаде своем и монастыре. И снова, помолившись, лег на постель свою и, немного полежав, вдруг взглянул на небо и воскликнул громко с радостным лицом: «Благословен бог, что так свершилось: вот уже не страшно мне, но радуюсь я, что отхожу от света сего!» И можно думать, что сказал он так, увидев явление некое, потому что потом выпрямился, вытянул ноги, и руки крест-накрест сложил на груди, и предал святую душу свою в руки божьи, и приобщился к святым отцам.

Тогда же братья сътвориша надъ нимъ плачь великъ и тако, възъмше того, понесоша въ църквь, и по обычаю святое пѣшиє сътвориша. Тогда же, акы нѣ от коего божьствѣнааго явления, подвижєся вѣрньныхъ множьство, и съ усърдиємъ сами придоша и бѣша прѣдъ враты сѣдяще и ожидающе, донѣдеже блаженааго изнесутъ. Благовѣрньныи же князь Святославъ бѣ не далече от монастыря блаженааго стоя, и се видѣ стълпъ огньнъ, до небесе сущъ надъ монастырьмъ тѣмъ. Сего же инъ никъто же видѣ, нъ тѣкъмо князь единъ, и яко же от того разумѣти проставление блаженааго, и глагола суцимъ съ нимъ: «Се, яко же мню, дньсь блаженый Феодосии умьре». Бѣ бо прѣже того дьне былъ у него и видѣлъ болєсть его тяжьку суцю. Таче посълавъ и увѣдѣвъ истѣе прѣставление, плакася по томъ много.

Тогда горько плакали братья над телом его, а потом, подняв, понесли его в церковь и отпели, как подобает по обычаю. И тут же, словно по какому божественному указанию, собралось отовсюду множество благочестивых, и с готовностью пришли и уселись перед воротами, ожидая, когда вынесут блаженного. А благоверный князь Святослав, который находился недалеко от монастыря блаженного, вдруг увидел, что огненный столп поднялся до неба над тем монастырем. И никто больше этого не видел, только князь один, и поэтому догадался он, что

преставился блаженный, и сказал окружавшим его: «Вот сейчас, как мне кажется, умер блаженный Феодосий». Был он незадолго перед тем у Феодосия и видел его тяжелую болезнь. Тогда, послав и услышав, что и вправду преставился он, горько о нем заплакал князь.

Братии же врата затворивъшемъ и никого же пустящемъ по повелѣнью блаженааго, и бѣша присѣдяще надъ нимъ и ожидающе, донѣдеже разидуться людие, и тако того погребуть, яко же самъ повелѣ. Бѣша же и боляре мнози пришъли, и ти прѣдъ враты стояще. И се по съмотрению божию пооблачилось небо, и съниде дѣждь. То же ти тако разбѣгошася. И абие пакы дѣждь прѣста и сълнце вьсия. И тако того несъше въ прѣжереченую пещеру, положиша ѿ, и запечатлѣвъше и отъидоша, и безъ брашна вьсь днь прѣбъша.

Братия же заперла ворота и никого не пускала, как велел блаженный, и сидела над телом его, ожидая, когда разойдутся люди, чтобы тогда и похоронить его, как он сам повелел. И немало бояр пришло и стояло перед воротами. И вот по велению божьему затянуло небо облаками, и пошел дождь. И разбежались все люди. И тотчас же снова перестал дождь, и засияло солнце. И так отнесли Феодосия в пещеру, о которой говорили мы прежде, и положили его, и, запечатав гроб, разошлись, и весь день пребывали без пищи.

Умрѣтъ же отьць нашъ Феодосии въ лѣто 6000 и 582, мѣсяца маия въ 3, въ субботу, яко же прорече самъ, вьсиявьшоу сълнцю.

Умер же отец наш Феодосий в год 6582 (1074) месяца мая на 3 день, в субботу, как и сам предсказал – после восхода солнца.

Поучение Владимира Мономаха

Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева

Азь худый, дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, наречный въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимирь,⁷⁶ отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы...⁷⁷ и хрестьяныхъ людей дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ отъ всѣхъ бѣдъ! Сѣдя на санех,⁷⁸ помыслихъ в души своей и похвалихъ бога, иже мя сихъ днєвъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто,⁷⁹ слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ему же любя дѣтий моихъ, а приметъ ѣ в сердце свое, и не лѣнитися начнеть тако же и тружатися.

Я, смиренный, дедомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ, нареченный в крещении Василиемъ, русскимъ именемъ Владимиръ, отцомъ возлюбленнымъ и матерью своею из рода Мономахов... и хрестиянскихъ ради людей, ибо сколько ихъ соблюлъ по милости своей и по отцовской молитве отъ всехъ бѣдъ! Сидя на саняхъ, помыслилъ я в души своей и воздалъ хвалу богу, который меня до этихъ днєвъ, грѣшнаго, сохранилъ. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтеся, но кому изъ детей моихъ она будетъ любя, пусть приметъ ее в сердце свое и не станетъ лѣниться, а будетъ трудиться.

Первое, бога дѣля и душа своя, страхъ имѣйте божий в сердце своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохрихтаются, но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпицю си молвиль.

Прежде всего, бога ради и души своей, страхъ имейте божий в сердце своемъ и милостыню подавайте неоскудную, – это ведь начало всякаго добра. Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а такъ скажутъ: на дальнемъ пути, да на саняхъ сидя, безлѣпицу молвилъ.

Усрѣтоша бо мя слы отъ брата моего⁸⁰ на Волзѣ, рѣша: «Потѣснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича⁸¹ и волость ихъ отънимемъ; иже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ». И рѣхъ: «Аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступите».

Ибо встретили меня послы отъ братьевъ моихъ на Волге и сказали: «Поспѣши къ намъ, и выгонимъ Ростиславичей и волость ихъ отънимемъ; если же не поидеши с нами, то мы – сами по себе будемъ, а ты – самъ по себе». И отвѣтилъ я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И отрядивъ я, возьмъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня:⁸²

«Векую печалуеши, душе? Векую смущаеши мя?» и прочая. И потомъ собрах словца си любая, и складохъ по ряду, и написах. Аще вы послѣдняя не любя, а передняя приимайте.

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и переписал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? Уповаи на бога, яко исповѣмся ему». «Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ беззаконье, зане лукавнующи потребятся, терпящии же господя, – ти обладають землею». И еще мало, – «И не будетъ грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящеть. Кротции же насладить землю, насладятся на множествомъ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчетъ на нь зубы своими; господь же посмѣется ему и прозритъ, яко придетъ день его. Оружья извлекоша грѣшници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемъ. Оружье ихъ внидетъ в сердца ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа. Яко мышца грѣшныхъ скрушится, утверждаетъ же праведныя господь. Яко се грѣшници погыбнуть; праведныя же милуя и даетъ. Яко благословящии его наслѣдятъ землю, кленущии же его потребятся. От господя стопы челоуѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбѣется, яко господь подьемлетъ руку его. Унь бѣхъ, и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милуетъ и в заимъ даетъ праведный, и племя его благословлено будетъ. Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка».

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешных. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет господь. Ибо грешники погыбнут, – праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянущие же его

истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и займы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир, и отгони зло, и живи во веки веков».

«Внегда стати челоуѣкомъ, убо живы пожерли ны Быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй мя, боже, яко попра мя челоуѣкъ весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющиса со мною с выше». «Возвеселится праведник, и егда видит мечь; руцѣ свои умыеет в крови грѣшника. И рече убо челоуѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо богъ судяй земли». «Изми мя от врагъ моихъ, боже, и от встающих на мя отъими мя. Избави мя от творящих безаконье, и от мужа крови спаси мя; яко се уловиша душу мою». «И яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость». «Яко лучши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. Тако благословлю тя в животѣ моемъ, и о имени твоємъ въздѣю руцѣ мои». «Покры мя от сонма лукаваго и от множества дѣлающих неправду». «Възвеселитесь вси праведнии сердцемъ. Благословлю господа на всяко время, воину хвала его», и прочая.

«Помилуй меня, боже, ибо попрал меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: «Если есть награда праведнику – значит, есть бог, творящий суд на земле». «Освободи меня от врагов моих, боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плачь, а наутро радость» «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю господа во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Яко же бо Василий учаше,⁸³ собрав ту уноша, душа чисты, нескверныи, тѣлеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово господне: «Яди и питью бесъ плица велика быти, при старых молчати, премудрыхъ

слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншими любовь имѣти; без луки бесѣдующе, а много разумеѣти; не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, не обило смѣятися, срамлятися старѣйших, к женам нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ, пребѣгати; не стрѣкати учить легких власти, ни в кую же имѣти, еже от всѣх честь. Аще ли кто васъ может инѣмъ услѣти, от бога мзды да чаеть и вѣчных благъ насладится». «О Владычице богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего» в пустошнѣмъ семь жити.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово господне: «Еде и питью быть без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не много смеяться, стыдиться старших, с непутевыми женщинами не беседовать и избегать их, глаза держа книзу, а душу ввысь, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научися, вѣрный человекъ, быти благочестию дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу поработенье, гнѣву погубленье, помысль чисть имѣти, понужаяся на добрая дѣла, господа ради; лишаемъ – не мсти, ненавидимъ – люби, гонимъ – терли, хулимъ – моли, умертви грѣхъ». «Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицу. Придѣте, да сождемъся, глаголетъ господь. Аще будутъ грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я», и прочее. «Восияетъ весна постная и цвѣтъ покаянья; очистимъ себе, братья, от всякоя крови плотскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопыюще рцѣмъ: «Слава тобѣ, человекѣколюбче!»

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смиренню, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, господа ради; лишаемый – не мсти, ненавидимый – люби, гонимый – терпи, хулимый – моли, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите, да соединимся, говорит господь. Если будут грехи ваши как обогранные, – как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и

цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец!»»

Поистинѣ, дѣти моя, разумеите, како ти есть челоѡколюбецъ богъ милостивъ и премилостивъ. Мы, челоѡвѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хоцемъ ѿ пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а господь нашъ, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и паки и до живота нашего. Яко отецъ, чадо свое любя, бѣя, и паки привлачить ѣ к собѣ, тако же и господь нашъ показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися.

Поистине, дети мои, разумеите, что человеколюбецъ бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить, кровь его пролить вскоре. А господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превьше разумения нашего терпит, так и во всю жизнь нашу. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствія небесного не лишиться.

А бога дѣля не лѣнитесь, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣль тѣхъ: не бо суть тяжька; ни одиночство, ни чернечство, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малым дѣломъ уллучити милость божью.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они. Ни затворничеством, ни монашеством, ни недоеданием, которые иныя добродетельныя претерпевают, но малым делом можно получить милость божию.

«Что есть челоѡвѣкъ, яко помниши ѿ?» «Велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя, никак же разумъ челоѡвѣческъ не можетъ исповѣдати чюдес твоихъ; и паки речемъ: велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли». Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоя и твоих великих чюдес и доброт, устроеных на семь свѣтѣ: како небо устроено, как ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма, и свѣт, и земля на водах положена, господи, твоимъ промыслом! Звѣрье разноличнии, и птица и рыбы украшено твоимъ промыслом, господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создавъ челоѡвѣка, како образи разноличнии въ челоѡвѣчскихъ лицих, – аще и весь

миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лицъ образом, по божии мудрости. И сему ся подивуемы, как птица небесныя изъ ирья идуть,⁸⁴ и первое, въ наши руце, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, божиршь повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля. Все же то даль богъ на угодые чловѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, иже та угодыя створилъ еси чловѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, господи: егда повелиши, то вспоють, и чловѣкы веселятъ тебе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣють. «А благословенъ еси, господи, и хваленъ зѣло!» Всяка чюдеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ. «Да иже не хвалить тебе, господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя отца и сына и святаго духа, да будетъ проклятъ».

«Что такое человек, как помыслишь о нем?» «Велик ты, господи, и чудны дела твои. Разум человеческий не может постигнуть чудеса твои». И снова скажем: «Велик ты, господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет? И земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Звери различные и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица, – если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, господи: когда повелишь, то запоют и людей веселятъ; а когда не повелишь им, то, и имея язык, онемеют. «И благословен, господи, и прославлен зело!» Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. «И кто не восхвалит тебя, господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя отца и сына и святого духа, да будет проклят!»

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественная, похвалите бога, давшаго нам милость свою: а се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: еще не всего примете, то половину.

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите бога, подавшего нам милость свою: а то, дальнейшее, – это моего собственного

слабого ума наставление. Послушайте меня: если не все примете, то хоть половину.

Аще вы богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣх своих, рекуще: яко же блудницу и разбойника и мытаря помиловаль еси, тако и нас грѣшных помилуй! И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнетъ не мочи, а трижды. А того не забываете, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночным поклоном и пѣннем челоуѣкъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ челоуѣкъ избываетъ. Аще и на кони ѣздяче не будетъ ни с кым орудья, аще инѣх молитвъ не умѣете молвити, а «господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣх лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю, ездя.

Если вам бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, – если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, – нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильным погубити челоуѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его. Аще будетъ повинень смерти, а душа не погубляйте никакая же хрестьяны. Рѣчь молвяче, илихо и добро, не кленитесь богомъ, ни хреститесь, нѣту бо ти нужна никоея же. Аще ли вы будете крестъ целовати к братьи или к кому, а ли управивъше сердце свое, на нем же можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступим, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы, и игумены... с любовью взимайте от них благословенье, и не устраняйтесь от них, и по силѣ любите и набдите, да примете от них молитву... от бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рцѣм: смертни есмы, днесъ живи, а заутра в гробъ; се все, что ны еси вдаль, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний. И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам ни дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни

спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои тоже ляжите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавшѣ лѣнощами, внезапно бо человѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдиша и пьянства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть. Куда же поидете, иде же станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или соль, аще не можете даромъ, – брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы. И человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ божий имѣйте выше всего.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но молвите: смертны суть; сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чти, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряжайте и ночью, расставив охрану со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своимъ землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы

не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напойте и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. А вот вам и основа всему: страх божий имейте превьше всего.

Аще забываете сего, а часто прочитайте: и мне будет бе-сорома, и вамъ будет добро.

Если будете забывать это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Его же умеючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, яко же бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ,⁸⁵ в томъ бо честь есть от инѣхъ земель. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить. Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть васъ солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшеть блаженный и вси добрии мужи свершении. Заутреню отдавше богови хвалу, и потомъ солнцю вѣсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити бога с радостью и рече: «Просвѣти очи мои, Христе боже, иже даль ми еси свѣтъ твой красный!» И еще: «Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своих покаявсья, оправдивъ животь», тако похвалю бога и сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловь ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от бога присужено полудне. О ть чина бо почиваетъ и звѣрь, и птици, и челоуѣци.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь – как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мати: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене, воздавши богу хвалу, и потом на рассвете, увидев солнце восходящее, с радостью прославьте бога и молвите: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой дивный!» И еще: «Господи, умножь годы мои, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в

полдень назначено богом; по этому установленью почивают ведь и звери, и птицы, и люди.

А се вы поведаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ,⁸⁶ посла мя отецъ, а самъ иде Курьску; и паки 2-е к Смолинску со Ставомъ с Гордятичемъ,⁸⁷ той паки и отъиде к Берестию⁸⁸ со Изяславомъ, а мене посла Смолинску, то и-Смолинска идохъ Володимерю.⁸⁹ Тое же зимы той посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху ляхове пожгли, той ту блюдь городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю,⁹⁰ а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю – на Сутейску⁹¹ мира творить с ляхы. Оттуда паки на лѣто Володимерю опять.

А теперъ поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курьску. И затем снова ходил я к Смоленску со Ставом Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску, а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье двое братьев на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир – в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса,⁹² ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородское.⁹³ Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

Затем послал меня Святослав в Польшу; ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль, и опять в Туров.

И Святославъ умре,⁹⁴ и язъ паки Смолинску, а и-Смолинска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помочь.⁹⁵ А на лѣто со отцемъ подѣ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подѣ Полтескъ, – ожьгъше Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьскъ,⁹⁶ воюя, та Чернигову. И паки, и-Смолинска къ отцю приходх Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах ѣ к собѣ на обѣдъ со отцемъ в Черниговѣ, на Краснѣмъ дворѣ,⁹⁷ и вдахъ отцю 300 гривен золота. И паки и-Смолинска же пришедъ, и проидох сквозѣ половечьскыи вой, бьяся, до Переяславля, и отца налѣзохъ с полку пришедше. То и паки ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ битъся Чернигову с Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга.⁹⁸ И паки идохом Переяславлю, и стахом во

Обровѣ.⁹⁹

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной – Глебу в помощь. А летом с отцом – под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною, и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира прогнанный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеславъ Смолнескъ ожже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолинскѣ. Тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожска,¹⁰⁰ та на Дрюютьскѣ воюя, та Чернигову.

И Всеслав Смоленск пожег, – а я с черниговцами верхом с поводными конями помчался, но не застал... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною, и опять в Чернигов.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Деснѣ изымахом князи Асадука и Саука,¹⁰¹ и дружину ихъ избиша. И на заутреѣ за Новымъ Городом¹⁰² разгнахомъ силны вой Белкатгина,¹⁰³ а семечи и полонъ весь отяхом.¹⁰⁴

А в ту зиму повоевали половцы Стародубъ весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А въ вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту¹⁰⁵ и на сына его, и ко Корьдну,¹⁰⁶ ходихъ 1-ю зиму. И паки по Изяславичихъ¹⁰⁷ за Микулинъ,¹⁰⁸ и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкупляться на Броды.¹⁰⁹

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходил первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну – к Ярополку на совещание в Броды.

Том же лѣтѣ гонихом по половычихъ за Хороль,¹¹⁰ иже Горошинъ¹¹¹ взяша.

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѣвичи, к Мѣньску: изѣхахом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами-читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.

В ту зиму ходили к Ярополку на совещание в Броды и союз великий заключили.

И на весну посади мя отецъ в Переяславли передъ братьею, и ходихом за Супой.¹¹² И ѣдучи к Прилуку¹¹³ городу, и срѣтоша ны внезапно половецкыѣ князи, 8 тысячь, и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхом услали напередъ на повозѣхъ, и внидохом в городъ; только семцю яша одного живого,¹¹⁴ ти смердъ нѣколько, а наши онѣхъ боле избиша и изымаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожинъ день, идохом к Бѣлѣ Вежи,¹¹⁵ и богъ ны поможе и святая богородица: избихом 900 половець, и два князя яхом, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

И весной посадил меня отецъ в Переяславле выше всей братии и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город. Только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и те, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, бог нам помог и святая богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, двух Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потомъ на Святославль¹¹⁶ гонихом по половцих, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ¹¹⁷ по половцих. И паки на той сторонѣ у Красна половци побѣдихом; и потомъ с Ростиславомъ¹¹⁸ же у Варина¹¹⁹ вежѣ взяхом. И потомъ ходивъ Володимерю,¹²⁰ паки Ярополка посадих, и Ярополкъ умре.¹²¹

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи захватили. И затем ходили во Владимир, опять Ярополка там посадил, и

Ярополк умер.

И паки по отни смерти¹²² и при Святополцѣ, на Стугнѣ бившеся съ половци до вечера, бихом – у Халѣпа,¹²³ и потомъ миръ створихом с Тугорканомъ и со инѣми князи половечьскими; и у Глѣбовы чади¹²⁴ пояхом дружину свою всю.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потомъ Олегъ на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимъ 8 дний о малу греблю, и не вдадуче внити имъ въ острогъ; съжаливѣси хрестьяныхъ душъ и сель горящихъ и монастырь, и рѣхъ: «Не хвалитися поганым!» И вдахъ брату отца его мѣсто, а самъ идох на отца своего мѣсто Переяславлю. И выидохом на святаго Бориса день¹²⁵ ис Чернигова, и ѣхахом сквозѣ полкы половчскиѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами. И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ. Богъ и святой Борисъ не да имъ мене в користь, – неврежени доидохом Переяславлю.

И потом Олег на меня пришел со всеми половцами к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог. Сжалился я над христианскими душами и селами горящими и монастырями и сказал: «Пусть не похваляются язычники!» И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святаго Бориса день из Чернигова и ехали сквозъ полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах. Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды прияхом от рати и от голода. И идохом на вои ихъ за Римовъ,¹²⁶ и богъ ны поможе: избихом я, а другия поимахом.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и бог нам помог, перебили их, других захватили.

И паки Итлареву чадъ избиша, и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомъ.¹²⁷

И вновь Итлареву чадъ перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И Стародубу идохом на Олга, зане ся бѣше приложилъ к половцем. И на Богъ идохом, с Святополком на Боняка за Рось.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с

половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка за Рось.

И Смолинську идохом, с Давыдомъ смирившеся. Паки идохом другое с Вороницѣ.¹²⁸

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торци придоша ко мнѣ, и с половець читѣевичи, идохом противу имъ на Сулу.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потомъ паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. И-Смолинська идох Ростову.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И паки, с Святополком гонихом но Боняцѣ, но ли оли... убиша,¹²⁹ и не постигохом ихъ. И потомъ по Боняцѣ же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму Смолинску идохъ, и-Смоленска по Велицѣ дни выидох; и Гюргева мати умре.¹³⁰

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрѣва мать умерла.

Переяславлю пришедъ на лѣто, собрах братью.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Бонякъ приде со всѣми половци къ Кснятину,¹³¹ идохом за не ис Переяславля за Сулу, и богъ ны поможе, и полькы ихъ побѣдихом, и князи изымахом лѣпшии, и по Рожествѣ створихом миръ съ Аепою, и поимъ у него дчерь, идохом Смоленську. И потомъ идох Ростову.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску, и потом пошел к Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на половци на Урубуну¹³² с Святополком, и богъ ны поможе.

Придя из Ростова, вновь пошел на половец на Урубуну со Святополком, и бог нам помог.

И потомъ паки на Боняка к Лубьну, и богъ ны поможе.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и бог нам помог.

И потомъ ходихом к Воиню¹³³ с Святополком; и потомъ паки на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ, и богъ ны поможе.

И потомъ ходили к Воиню со Святополком, и потомъ снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и бог нам помог.

И к Выреви¹³⁴ бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти ѿ ко Ромну¹³⁵ идох со Ольгомъ и з дѣтми на нь, и они очутивше бѣжаша.

И к Вырю пришли было Аепа и Бонякъ, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потомъ к Мѣньску ходихом на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ, и богъ ны поможе, и створихом свое мышленое.

И потомъ к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потомъ ходихом къ Володимерю на Ярославця,¹³⁶ не терпяче злѣбъ его.

И потомъ ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А и-Щернигова до Кыева нестишьды ѣздих ко отцю, днемъ есмь переѣздилъ до вечерни. А всѣхъ путей 80 и 3 великих,¹³⁷ а прока не испомню менших. И мировъ есмь створилъ с половечьскими князи безъ одного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ. И пустилъ есмь половечскихъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Осеня братьѣ 4, а всѣхъ лѣпшихъ князей инѣхъ 100. А самы князи богъ живы в руцѣ дава: Коксусь с сыномъ, Акланъ, Бурчевичъ, Таревьскый князь Азгулуй,¹³⁸ инѣхъ кметий молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметахъ в ту рѣчку въ Салню. По чередамъ избъено не съ 200 в то время лѣпшихъ.

А из Чернигова в Киев около ста разъ ездилъ к отцу, за одинъ день проезжая, до вечерни. А всего походовъ было восемьдесятъ и три великихъ, а остальныхъ и не упомню меньших. И мировъ заключилъ с половецкими князьями безъ одного двадцать, и при отце и безъ отца, а раздаривалъ много скота и много одежды своей. И отпустилъ изъ оковъ лучшихъ князей половецкихъ столько: Шаруканевыхъ двухъ братьевъ, Багубарсовыхъ трехъ, Осеневыхъ братьевъ четырехъ, а всего другихъ лучшихъ князей сто. А самихъ князей богъ живыми в руки давалъ: Коксусь с сыномъ, Акланъ Бурчевичъ, таревский князь Азгулуй, и иныхъ витязей молодыхъ пятнадцать, этихъ я, приведя живыхъ, иссекъ и бросилъ в ту речку Салню. А врозь перебилъ ихъ в то время около двухсотъ лучшихъ мужей.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдохъ в Черниговѣ, а и-Щернигова вышедъ, и до сего лѣта по сту уганивалъ и имъ даромъ всю силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемъ ловилъ есмь всякъ звѣрь.

А вот как я трудился, охотясь: и пока сидел в Чернигове, и из Чернигова выйдя, и до этого года – по сотне загонял и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А се в Черниговѣ дѣяль есмь: конь диких своима рукама связаль есмь въ пущах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того же по ровни ѣздя ималь есмь своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ боль, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома боль. Вепрь ми на бедрѣ мечь оттяль, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь¹³⁹ скочиль ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже, и богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня с бедра меч сорвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул, и бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал – в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створиль, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи,¹⁴⁰ сам твориль, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемъ то, я твориль есмь. И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держаль, и в конюсѣх, и о соколѣхъ, и о ястрябѣх.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал – на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не даль есмь сильным обидѣти, и церковнаго наряда и службы сам есмь приизраль.

Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто, прочеть: не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и, худаго селико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива

мя былъ створилъ, худаго, на вся дѣла чловѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтесе на вся дѣла добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звѣри, и от воды, от коня спадаяся, то никто же вас не можетъ вредитися и убити, понеже не будет от бога повелѣно. А иже от бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но аче добро есть блюсти, божие блюденъе лѣплѣѣ есть чловѣчьскаго.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его, ибо меня, грешного и ничтожного, столько лет хранил от тех смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал, но к любому делу человеческому способным. Прочитав эту грамотку, потщитесь делать всякие добрые дела, славя бога со святыми его. Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам бог пошлет. Ибо если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от бога поведено. А если случится от бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело – остерегаться самому, то божие обережение лучше человеческого.

О многострастный¹⁴¹ и печалны азъ! Много борещися сердцемъ, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣньнѣ суци, помышляю, како стати предъ страшнымъ судьею, каянья и смѣренья не примимши межю собою.

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьей, не покаявшись и не примирившись между собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю», – ложь есть. И паки: «Аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вам отпустить отецъ вашъ небесный». Пророкъ глаголетъ: «Не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящимъ безаконье». «Что есть добро и красно, но еже жити братья вкупѣ!» Но все дьяволе наученъе! то бо были рати при умныхъ дѣдѣхъ наших, при добрыхъ и при блаженныхъ отцихъ наших. Дьяволъ бо не хочет добра роду человеческому, сваживаетъ ны. Да се ти написах, зане принуди мя сынъ мой, его же еси хрстилъ, иже то сѣдитъ близъ тебе, приелалъ ко мнѣ мужъ свой и грамоту, река: «Ладимся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на бога, а стануть си предъ богомъ; а Русьскы земли не погубим». И азъ видѣхъ

смѣренъ сына своего, сжалихси, и бога устрашихся, рекох: онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряеться – на бога укладаетъ; азъ человекъ грешень есмь паче всех человекъ.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», – ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя. Прислал он ко мне мужа своего и грамоту, со словами: «Договоримся и помиримся, а братцу моему божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на бога, когда предстанут они пред богом; а Русскую землю не погубим». И, увидев смирение сына моего, сжалился я и, бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на бога возлагает; я же – человек, грешнее всех людей».

Послушах сына своего, написал ти грамоту: аще ю приимеши с добромъ, ли с поруганьемъ, свое же узрю на твоёмъ писаньи. Сими бо словесы варих тя переди, его же почаяхъ от тебе, смѣреньем и покаянем хотя от бога ветхыхъ своихъ грѣховъ оставления. Господь бо нашъ не человекъ есть, но богъ всей вселенѣ, иже хоцетъ, в мегновеньи ока вся створити хоцетъ, то сам претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть влася, животом владѣя и смертью. А мы что есмы, человекъци грешни и лиси? – днесъ живи, а утро мертви, днесъ в славѣ и въ чти, а завтра в гробѣ и бес памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоего письма. Этими ведь словами предупреджал я тебя, объяснил, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но бог всей вселенной, – что захочет, во мгновение ока все сотворит, – а сам все же претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью всех. А мы что такое, люди грешные и худые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты. Другие собранное нами разделят.

Зри, братъ, отца наю: что взяста, или чим има порты? но токмо оже еста створила души своей. Но да сими словесы, пославше бѣше переди, брат, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое¹⁴² пред тобою, и

бѣше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, яко же агньцю заколену, и рещи бѣше, стояще над ним, вникнущи въ помыслы души своей: «Увы мнѣ! что створих? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзох грѣх собѣ, отцю и матери слезы».

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, пред тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распутившемуся, подобно агньцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетнаго нажил я грех себе, а отцу и матери – слезы!»

И рещи бѣше Давыдскы: «Азъ знаю, грѣх мой предо мною есть воину». Не крове дѣля пролитья, – помазаникъ божий Давыдъ, прелюбодѣянье створивъ посыпа главу свою и плакася горко; во тѣ час, отда ему согрѣшенья его богъ. А к богу бѣше покаяться, а ко мнѣ бѣше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ,¹⁴³ зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да бых обуимъ оплакаль мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя! А бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ с первым сломъ, да с нею кончавъ слезы, посажу на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ древѣхъ желѣючи, а язъ утѣшюся о бозѣ.

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, – в тот час отпустил ему согрешенья его бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, – ибо нет в ней ни зла, ни добра, – чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их за грехи мои. Ради бога, пусти ее ко мне поскорее с первым посланцем, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в боге.

Тѣм бо путем шли дѣди и отци наши: судъ от бога ему пришелъ, а не от тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не занималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Да же еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю», десятью я есмь послалъ.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы так все и уладили. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, оже мужь умерль в полку ти? Лѣпше суть измеряй и роди наши. Да не выискывати было чюжего, – ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо и паропци, да Быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Да еже начнеши каятися богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ соль свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни мѣстникъ. Не хотѣхъ бо крови твоя видѣти у Стародуба: но не дай ми богъ крови от руку твоею видѣти, ни от повелѣнья твоего, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а богъ мя вѣдаетъ и крестъ честный. Оли то буду грѣх створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову, поганых дѣля, а того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и паки е повѣдах, зане чловѣкъ есмь.

Разве удивительно, что муж пал на войне? Умирили так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать худого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдой, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, ибо я человек.

Аще ти добро, да с тѣмъ... али ти лихо е, да то ти сѣдять сынъ твой хрестный с малым братомъ своимъ,¹⁴⁴ хлѣбъ ѣдучи дѣдень,¹⁴⁵ а ты сѣдиши в своемъ¹⁴⁶ – а о се ся ряди; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьскѣй земли. А его же то и хочеши насильем, тако вѣ даяла и у Стародуба и милосердуюча по тебѣ, очину твою. Али богъ послух тому, с братом твоимъ рядилися есвѣ, а не поможетъ рядитися бес тебе. И не створила есвѣ лиха ничто же, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от бога мира узрѣти на оном свете души его!

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты ешь свой хлеб, об этом и рядись. Если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от бога мира не видать душе своей на том свете!

Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по бозѣ, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего.

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На страшнѣй при бесуперник обличаюся, и прочее.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличу, и прочее.

«Премудрости наставниче¹⁴⁷ и смыслу давче, несмысленным казателю и нищим заступниче! Утверди в разумѣ мое сердце, владыко! Ты даже ми слово, отче, се бо устнама моима не възбрани въпити ти: милостиве, помилуй падшаго!» «Упованье мое богъ, прибежище мое Христось, покровъ мой святыи дух». «Надеже и покрове мой, не презри мене, благая! Тебе бо имуще, помощницу в печали и в болезни и от злых всех, и тебе славлю, препѣтая!» «И разумѣйте и видите, яко азъ есмь богъ, испытаяи сердца и свѣдѣй мысли, обличаяи дѣла, опаляяи грѣхы, судяи сиротѣ, и убогу, и нищю». «Всклонися, душе моя, и дѣла своя помысли, яже здѣя, пред очи свои принеси, и капля испусти слезь своих, и повѣжь явѣ дѣянья и вся мысли Христу, и очистися». «Андрѣа честный, отче треблаженный, пастуше Критский! Не престай моляся за ны чтущая тя, да избудем вси гнѣва, и печали, и тля, и грѣха, и бѣдъ же, чтуще память твою вѣрно». Град свой схрани, дѣвице мати чистая, иже о тебѣ вѣрно царствует, да тобою крѣпиться и тобѣ ся надѣеть, побѣждать вся брани, испромѣтает противныя и творить послушанье. «О препѣтая мати, рожышия всѣх святых пресвятаго Слова! Приимши нынѣшнее послушанье, от всякия напасти заступи и грядущия муки к тебѣ вопыющих. Молим ти ся, раби твои, и преклоняем си колѣни сердца нашего: приклони ухо твое, чистая, и спаси ны в скорбех погружающаяся присно, и сблуди от всякого плѣненья вражья твой град, богородице! Пощади, боже, наслѣдья твоего, прегрѣшенья наша вся презри, нынѣ нас имѣя молящих тя, на земли рожышюю тя бе-сѣмене, земную милость, изволивъ обратитися, Христе, в челоуѣчество». Пощади

мя, Спасе, рожься и схрань рожьнюю тя нетлѣнну по рожествѣ, и егда сядеши судити дѣла моя, яко безгрѣшенъ и милостивъ, яко богъ и человеколубецъ. Дѣво пречистая, неискусна браку, богообрадованая, вѣрным направленье! Спаси мя погыбшаго, к Сыну си вопьющи: «Помилуй мя, господи, помилуй; егда хоцещи судити, не осуди мя въ огонь, ни обличи мене яростью си; молит тя дѣва чистая, рожшая тя, Христе, и множество ангель и мученикъ зборъ».

«Премудрости наставник и смысла податель, неразумным учитель и нищим заступник! Утверди в разуме сердце мое, владыка! Дай мне дар слова, отче, устам моим не запрещай взывать к тебе: милостивый, помилуй падшего!» «Упование мое – бог, прибежище мое – Христос, покров мой – дух святой!» «Надежда и защита моя, не презри меня, благая! Тебя имею помощницей в печали, и в болезни, и во всех бедах, и тебя славлю, воспетая!» «Разумейте и узрите, что я бог, испытующий сердца и ведающий мысли, обличающий дела, опаляющий грехи, дающий суд сироте, и убогому, и нищему». «Преклонись, душа моя, и о делах своих помысли, содеянных тобою, глазами своими обозри их, и каплю испусти слез своих, и поведай открыто все дела свои и мысли Христу, и очистись». «Андрей честной, отче преблаженный, пастырь Критский! Не престань молиться за нас, чтущих тебя, да избавимся все от гнева, и печали, и тления, и греха, и бед, чтущие память твою верно». Град свой сохрани, дева-матерь чистая, который царствует честно под твоим покровительством, пусть он тобой укрепляется и на тебя надеется, побеждает во всех битвах, сокрушает врагов и покоряет их. «О воспетая мать, родившая святейшее из святых Слово! Приняв нынешнее приношение, защити нас от всякой напасти и от грядущей муки – к тебе взывающих. Молимся тебе, рабы твои, и преклоняем колена сердца нашего: склони ухо твое, чистая, и спаси нас, вечно в скорбях погруженных, и соблюди от всякого пленения вражеского твой город, богородица! Пощади, боже, наследие твое, прегрешения наши все прости, видя, что мы молимся теперь тебе, на земле родившую тебя без семени, земную милость, изволением своим воплотивший, Христе, в человека». Пощади меня, Спасе, родившийся и сохранивший родившую тебя нетленную по твоём рождении, когда воссядешь судить дела мои, как безгрешный и милостивый, как бог и человеколубец! Дева пречистая, не искушенная браком, богом обрадованная, верующим наставление, спаси меня, погибающего и к сыну твоему вопиющего: «Помилуй меня, господи, помилуй! Если хочешь судить, не осуждай меня на вечный огонь, не обличай меня яростью своею – молит тебя дева чистая, родившая тебя,

Христе, и множество ангелов, и мучеников сонм».

О Христѣ Иисусѣ господѣ нашемъ, ему же подобаеъ честь и слава, отцю и сыну и святому духу, всегда и нынѣ, присно, вѣкъ.

Во имя Христа Иисуса, господа нашего, которому подобаеъ честь и слава, отцу и сыну и святому духу, всегда и ныне и присно во веки!

Девгениево деяние

Подготовка текста, перевод и примечания О. В. Творогова

ДЕЯНИЕ И ЖИТИЕ ДЕВГЕНИЕВО АКРИТА

Преславный Девгений на 12 лето мечем играше, а на 13 лето копнем, а на 14 лето покушашеся вся звери победити и начат прилежно нудити отца своего и стрыв: «Пойдите со мною на ловы». И рече ему отец: «Еще еси, сыну мой, млад, о ловех не молви, понеже жаль ми тебе, млада, нудити». И рече Девгений отцу своему: «Тем, отче, не нуди мене, понеже имам упование на сотворшаго бога, яко несть ми нуды в том, но великое утешение».

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ ДЕВГЕНИЯ АКРИТА

Преславный Девгений на двенадцатом году мечом играл, а на тринадцатом – копьем, а в четырнадцать лет захотел всех зверей одолеть и начал изо дня в день упрашивать своего отца и дядей: «Пойдите со мной на охоту». И сказал ему отец: «Еще молод ты, сын мой, не говори об охоте, боюсь за тебя, юного, что устанешь». Отвечал Девгений отцу своему: «Этим, отец, не пугай меня, так как надеюсь я на бога-творца, что будет мне охота не труд, а великая утеха».

И то слово слышав отец юноши, яко так глаголет юноша, и совокупи вся вои и град весь и рад бысть с ним ехать на лов. И мнози идяху из града того на ловы за ним, зане слышаху Девгениеву дерзость. И вышедше из града на ловы, отец его ловит зайцы и лисицы, и стры его ловят, а Девгений им смеяшеся, и в пустыню вниде, и сниде с коня, яко сокол млады, на божию силу надеясь.

Услышал отец слова, сказанные юношей, и собрал всех воинов и весь город, и рад был поехать с ним на охоту. И многие из того города собрались поохотиться, так как слышали об удали Девгения. И, выехав из города на охоту, стал отец Девгения ловить зайцев и лисиц, с ним и братья его охотятся, а Девгений посмеялся над ними, и заехал в места нехоженые, и соскочил с коня, точно молодой сокол, надеясь на божью силу.

И два медведя по тростию хождаше, и с ними дети их бысть. И очюти медведица юношу, против ему поскочи и хотяше его пожрети. Юноша же еще не учен, како звери бити, и поскочи вборзе, переди ея похвати и согну ея локтями, и все, еже бе во чреве ея, выде из нея, борзо мертва бысть в руку. Други медведь бежаше во глубину тростия того.

И бродили в камыше два медведя, и медвежата с ними. И почуяла медведица юношу, выскочила ему навстречу и хотела его сожрать. А

юноша, не научен еще, как зверей бить, подскочил к ней и, опередив, обхватил ее и сдавил локтями, да так, что все потроха ее вышли наружу, и она тут же издохла в его руках. А другой медведь убежал в камышовые заросли.

И кликну его стрый к нему: «Чадо, стерегись, доколе не скочит на тебе медведь». И Девгений радостен бысть, и поверже свою рогвицу на месте, на нем же стояше, яко скоры сокол, медведя наскочи. И медведь к нему возвратись, разверзь уста своя, хотя его пожрети. Юноша же борзо скочи, и ухвати его за главу, и оторва ему главу, и вборзе умре в руку его. От рыкания ж медведя того и от гласа юноши голк велик побеже.

Тут окликнул Девгения дядя его: «Берегись, чадо, бросится на тебя медведь!» Обрадовался Девгений и, оставив палицу свою там, где стоял, словно быстрый сокол, налетел на медведя. Повернул медведь ему навстречу, оскалил пасть свою, норовя его сожрать. Но юноша стремглав подскочил, схватил его за голову и оторвал голову, и тотчас издох медведь в его руках. А от рева медвежьего и от крика юноши гул по лесу раскатился.

И Амера царь к сыну кликну: «Девгений, сыну мой, стерегись, понеже лось бежит вельми велик, тебе же укрытись негде». То слышав, Девгений поскочи, яко лев, и, догнав лося, похвати его за задние ноги, надвое раздра.

И крикнул сыну Амир-царь: «Девгений, сын мой, берегись: бежит на тебя огромный лось, а тебе негде укрыться». Услышав это, Девгений бросился, точно лев, за лосем, догнал его и, схватив за задние ноги, разорвал надвое.

«О чюдо преславно божиим дарованием! Кто сему не дивится? Какова дерзность явись млада отрочати, кто лося догна быстрее льва! От бога ему надо всем силу имети. Како победи медведи без оружия! О чюдо преславно! Видим юноши 14 лет возрастом суца, но не от простых людей, но от бога есть создан».

«О чудо преславное по божественному дарованию! Кто этому не подивится? Какую удаль проявил молодой отрок, догнав лося, быстрее, чем лев! От бога дана ему сила, чтобы всех одолеть. А как победил медведя без оружия! О чудо преславное! Видим юношу четырнадцати лет, но не простой это человек, а самим богом создан».

Но глаголаше меж собою, и абие зверь, лют зело, из болота выиде, из того же тростия. И узреста юношу, и часто глядаху, дабы не вредил юноши. Девгений ж влечаше лосову главу в правой руке и два медведя убитие, на левой руке – раздраны лось. И стрый рече ему: «Приди, чадо, семо и мертвая та поверги. Зде суть ины живы зверь, понеже то есть не

лось раздрати надвое, то люты лев, с великою обороною итти к нему». Отвещаша юноша: «Господине стрью! надеюсь на творца и на его величие божие и молитву материю, яжь мя породил». И то слово Девгений рече ко стрью, прииде и восхити меч свой в борзе и противу звери поиде. Зверь же обрел юношу к себе идущу и начат рыкати, и хвостом своя ребра бити, и челюсти своя разнем на юношу, и поскочи. Девгени ж удари его мечем во главу и пресече его наполю.

Так говорили между собой, и внезапно свирепый зверь выскочил из болота, из того же камыша. И увидели юношу говорившие и стали следить, как бы не напал на него зверь. А Девгений волочил правой рукой голову лося и двух убитых медведей, а левой разодранного лося. И крикнул ему дядя: «Беги, чадо, сюда и брось этих мертвых. Здесь иной зверь, живой, это не то что лося разорвать надвое: это свирепый лев, осторожно иди к нему». Отвечал ему юноша: «Господин мой, дядя! Надеюсь на творца, и на могущество божье, и на молитву родившей меня матери». И, ответив так дяде, подбежал Девгений, схватил свой меч и пошел навстречу зверю. Зверь же, увидев идущего к нему юношу, зарычал и стал бить себя хвостом по бокам и, разинув пасть свою, прыгнул на него. Но Девгений ударил его мечом по голове и рассек на две половины.

И начат отец его ко стрью глаголати: «Виждь, стрью, величия божия, како рассечен бысть лев, яко же и прежни лось». И борзо поскочиста отец со стрьями и начаста целовати его во усто, и очи, и руце, и глаголаху к нему вси: «Видеще, господине, твоего велегласнаго возраста, и красоты, и храбрѣства, кто не подивится?» Бе бо юноша возрастом вельми леп паче меры, а власы имуще кудрявы и очи вели. Гораздно на нь зрети – лице ж его, яко снег, и румяно, яко червец,¹⁴⁸ брови же черны имяше, перси ж его сажени шире. Видев же отец юношу вельми красна, радовашесь и глагола к нему: «Чадо мое милое, преславны Девгений, зной зол и велик в полудни бысть. Всяки зверь сохранился бяше в пустолесие. Пойдем, чадо, к студеному источнику, измыеши бо лице свое от многого пота и во ины порты облечешися, а рудныя с себе снимеши, понеже от зверинаго пота, и медвежи капани, и лютаго зверя крови порты на тебе орудишась. Измью твои руце и нозе и сам аз».

И начал отец Девгения говорить своему брату: «Видишь, брат мой, какво могущество божье: рассечен и лев, как перед этим лось». И подбежали к Девгению отец и дяди, и начали целовать его в губы, целовать ему глаза и руки, и говорили ему все: «Кто не подивится, господин, стати твоей, красоте твоей и храбрости!» Был же юноша как никто другой статен, волосы у него кудрявые, глаза большие. Любо на него посмотреть:

лицо у него как снег, и румяно, как маков цвет, брови же у него черные, а в плечах – косая сажень. Видя же прекрасного юношу, радовался отец и говорил ему: «Чадо мое милое, славный Девгений, нестерпим зной полуденный. Всякий зверь прячется в чаще. Пойдем же, чадо, к студеному ручью, омоешь лицо свое потное и оденешь на себя другие одежды, а окровавленные с себя снимешь, ибо от звериного пота, и медвежьих потрохов, и крови львиной обагрилось платье твое. А я сам омою руки твои и ноги».

Во источнике бо том свети, а вода яко свеща светится. И не смеяше бо к воде той от храбрых прийтти никто, понеже бяху мнози чудеса: в воде той змей велик живяше.

А в ручье том сияние было и светилась вода, как свеча. И не смел никто из храбрецов подойти к той воде, ибо было там много чудесного: в той воде жил огромный змей.

И пришедши им ко источнику, и седоша около Девгения, и начата мыти лице его и руце. Он же рече: «Руце мои умываете, а еще им калатися». И того слова юноша не скончав, абие змей велик прилете ко источнику, яко человек явись троеглавой, и хотяше людей пожрети. И узре Девгений, и вборзе меч свои похвати, и противо змия поиде, и 3 главы ему отсече, и начат, руки умывати. И вси предстоящи почюдишася такой дерзости, юже юноша показа на лютом звери, и нача хвалу богу воздавати: «О чюдо велие! О вседержителю владыко, создавы человека и велику силу дав ему надо всеми сильными и дивно храбрыми, показал человеки сильнее их».

Придя к ручью, сели все вокруг Девгения и начали омывать лицо его и руки. Он же сказал: «Моете руки мои, а им еще быть грязными». И не успел юноша договорить, как к ручью прилетел огромный змей, точно человек трехглавый, и хотел пожрать людей. Увидев его, Девгений быстро схватил свой меч и вышел навстречу змею, и отсек три головы его, и стал мыть руки. И все спутники юноши удивились такой удали и храбрости его в борьбе со львом и стали славить бога: «О чудо великое! О владыка вседержитель, создавший человека и даровавший ему силу великую на одоление всех сильных и безмерно храбрых».

И начата юношу прилежно целовати и ризы с него совлекоша. Исподни ж Быша хлада ради, а верхни бяху червленны, сухим златом¹⁴⁹ ткани, а предрукавие драгим жемчюгом сажены, а наколенники его бяху драгая паволока, а сапоги его вси златы, сажены драгим жемчюгом и камением магнитом. Острози его виты златом со измарагдом камением.

И начали юношу наперебой целовать и сняли с него одежды. Нижние

же одежды одеты были для тепла, а верхние были багряные и расшиты сухим золотом, а наплечники украшены драгоценным жемчугом, а наколенники его из дорогих паволок, а сапоги его золотые и украшены дорогим жемчугом и камнем магнитом. Шпоры его из витого золота с изумрудами.

И повеле юноша борзо ко граду погнати, да мати его не печалует по нем. И приидоша в дома своя вси и начата веселиться. И радостно пребываша паче всех Девгениева мати, веселяшеся занеже породил сына славнаго и велегласнаго и краснаго.

И велел юноша тотчас скакать к городу, чтобы не тревожилась о нем мать. И вернулись все по домам своим и стали веселиться. И больше всех радовалась мать Девгения, что родила сына такого славнаго, сладкогласнаго и красиваго.

Бысть же Девгениев конь бел, яко голубь, грива же у него плетена драгим камением, и среди камения звонцы златы. И от умножения звонцов, и от камней драгих велелюбезны глас исхождаше на издивление всем. На лядвиях коневых драгою паволокою покрыто летняго ради праха, а узда его бысть златом кована со измарагдом и камением. Конь же его бысть борз и горазд играти, а юноша храбр бысть и хитр на нем сидети. И то видя, чюдидшася, како фарь под ним скакаше, а он велми на нем крепко сидяще и всяческим оружием играше и храбро скакаше.

А конь у Девгения был бел, словно голубь, а в гриву вплетены драгоценные камни, и среди камней – золотые колокольчики. И от камней драгоценных, и от колокольчиков раздавались всем на удивление чудесные звуки. Круп коня от летней пыли покрыт дорогим шелком, а уздечка окована золотом с камнем изумрудом и иными самоцветами. Конь же его быстроногий и гарцует под ним славно, а он сидит на нем ловко и смело. И, видя то, удивлялись все, как скачет под ним конь, а он крепко сидит на нем и разным оружием играет и скачет без страха.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О СВАДЪБЕ ДЕВГЕЕВЕ И О ВСЪХЫЩЕНИИ СТРАТИГОВНЕ

Преславны же Девгени взя молитву у отца своего и у матери своей, и совокупи воя немного, и взя с собою драгоценные порты и звончатые гусли, и всяде на конь свои борзые фарь, и поиде ко Стратигу.¹⁵⁰

О СВАДЪБЕ ДЕВГЕНИЯ И О ПОХИЩЕНИИ СТРАТИГОВНЫ

Преславный Девгений получил благословение у отца своего и у матери своей, собрал небольшое войско и, взяв с собой дорогие одежды и звонкие гусли, сел на своего быстрого коня и поехал к Стратигу.

И доиде сумежия Стратигovy земли. И не доиде до града за пять поприщ, и устави войско свое, и повеле им около себя стражу поставить и крепко имети, а сам поедет ко граду Стратигову. И приедет во грат, во врата града Стратигова, и встретит юношу Стратигова двора, и вопроша его о Стратиге и о сынех его и самой Стратиговне.

И достиг рубежа Стратиговой земли. И, не доехав до города его пяти поприщ, остановил он войско свое и велел вокруг расставить стражу крепкую, а сам поехал в город Стратигов. И приехал в город, въехал в ворота городские, и повстречал юношу – слугу Стратига, и стал расспрашивать его о Стратиге и о сыновьях его и о дочери, Стратиговне.

Отвещав же ему юноша: «Нет господина нашего Стратига царя дома, но в-ыной стране ловы деюша и с четырьмысыны своими. И о Стратиговне вопрошавши, ино, господине, несть таковыя прекрасныя на свете сем. Мнози суть приезжали, а никто в очи ея не видал, занеже Стратиг храбер и силен, и сынове и прочие войско ево, един на сто найдет, а сама Стратиговна мужескую дерзость имеет, иному некому подобна суть, разве тебе».

Отвечал же ему юноша: «Нет господина нашего Стратига-царя дома, охотится он в дальней стране с четырьмя сыновьями своими. А о Стратиговне спрашиваешь, так нет, господин, такой же красавицы во всем свете. Многие приезжали, но никто не видел ее, потому что и Стратиг храбр и могуч, и сыновья его, и все его воины: один против сотни выходит, а сама Стратиговна отважна, как мужчина, и никто, кроме тебя, не может с ней сравниться».

Слышав же Девгени радостен бысть, занеже суть указана ему и написано: прикоснется Стратиговне и жития сего 36 лет.¹⁵¹ И поедет же Девгений градом Стратиговым и приедет ко твору Стратигову, и нача взирати на твор Стратигов.

Услышав это, обрадовался Девгений, потому что было ему предсказано и записано: если женится на Стратиговне, то проживет 36 лет. И поехал Девгений по городу Стратигову, и приехал ко двору его, и стал смотреть на двор Стратигов.

Видев же Стратиговна и прииче ко окну, а сама не показася, Девгени же вспят возвратяся, взирающе на двор. И тогда девая видевши и подивися.

Увидев его, Стратиговна прильнула к окну, но сама не показалась. Девгений вновь возвратился, осматривая двор. Смотрела на него девица и дивилась.

Бе бо время преминуло на ночь, а Девгени поидет во своя шатры, взя с собою юношу того, любовь велику до него имея, совлещи повеле с него

порты худья и облещи в драгия, и сотвори радость велику в ту ночь со своими милостивники. А заутра воста рано и повеле своей дружине имети у себе сторожу и рече им: «Разделитесь на многия пути и друг друга стерегите. Аще к вам приидет Стратиг, аз же не приготовлюсь, и начнет вам пакости творити со многих стран, и бейтесе с ним не ужасно, донеле же аз не приспею».

Но время шло к ночи, и вернулся Девгений в свои шатры, взяв с собою полюбившегося ему юношу, и велел снять с него простые одежды и одеть его во все дорогое, и пировал всю ночь со своими любимыми слугами. А наутро, встав рано, велел своей дружине выставить дозоры и сказал: «Разойдитесь по разным дорогам, но друг друга из вида не теряйте. Если нападет на вас Стратиг и начнет досаждать вам со всех сторон, а я еще не готов буду к бою, то бейтесе с ним в полсилы, пока я не подспею».

То слово изрек, и облечеса во многоценныя ризы, и повеле взяти гусли со златыми струнами, и повеле принять юношу новоприяго, и поехал сам-четверт ко двору Стратигову, и взя гусли, начат играти и нети, понеже дана ему божия помощь, иже имеет всегда на себе. Всегда ему доспеетсе, а прекрасной девице Стратиговне похищенной быти от Девгения, сына Амиро царя.

И, сказав так, оделся в дорогую одежду, и велел захватить с собою златострунные гусли, и с юношей, новым другом своим, поехал сам-четверт ко двору Стратигову, и, взяв гусли, стал играть и петь, ибо во всем ему была божья помощь. Всегда все удастсе ему, а прекрасной девице Стратиговне суждено быти похищенной Девгением, сыном Амира-царя.

И слышавши того гласа дева и прекраснаго играня, бысть ужасна и трепетна, к оконьцу приниче и узре Девгения самого четверта мимо двор едуща. И вселися в ню любовь. И начат звати Кормилицу и рече ей: «Как юноша мимо двор еха и ум ми исхити! И ныне молю ти с всем сердцем прилежно: иди и глаголи к нему предвари». И когда возвратися юноша, и виде кормилица и рече к нему: «Кую дерзость имаши и что есть тебе орудие к сему дому? Но не смеет птица пролетети мимо двора сего: от моей госпожи мнози главы своя положиша». И ответа Девгений: «Кто тя посла глаголати мне?» И рече ему: «Мене посла госпожа моя, прекрасная Стратиговна, жалуючи юность твою, да Быша тебе не вредили». Глагола к ней: «Молви госпоже своей: тако рек Девгений – вборзе приклони лице свое ко оконцу и покажи образа своего велелепного, и тогда уведеашь, чего ради раждающе.¹⁵² Аще ли того не сотворишь, не имаши живота имети себе и вси твои родители». И услышав, девица Стратиговна ко оконцу скоро припаде и начат глаголати к Девгению: «Свете светозарны, о

прекрасное солнце! Жаль ми тебе, господине, аще моей ради любьве хочещи ся погубити, зане ини мнози мене ради главы своя положиша, а не видеви, ни глаголав со мною. А ты кто еси, показав велию дерзость? Отец мой вельми храбр, и братия моя сильни суть, а у отца моего мужие – един от них на 100 наедет. А ты имаши мало с собою вой». Глагола Девгений к девице: «Аще бы я бога не боялся, смерти бы предал тя. Дажь ми ответ вскоре, что имаши на уме: хочещи ли слыти Девгениева Акрита жена или требуеши ему быти раба полоненна?»

И, услышав голос его и звуки прекрасные, испугалась девица, затрепетала и, прильнув к оконцу, увидела, как Девгений сам-четверт проезжает мимо двора. И вселилась в сердце ее любовь. И, позвав кормилицу, сказала она ей: «Как это юноша мимо двора проехал, а сердце мое похитил! И прошу тебя от всего сердца: иди и задержи его своей беседой». И когда снова проезжал юноша мимо двора, увидела его кормилица и обратилась к нему: «Откуда столько дерзости в тебе и что нужно тебе в доме этом? Мимо двора нашего птица пролететь не смеет: из-за моей госпожи многие головы свои сложили». И спросил Девгений: «Кто послал тебя говорить со мною?» Отвечала ему: «Послала меня моя госпожа, прекрасная Стратиговна, жалея юность твою, как бы не причинили тебе зла». Он же сказал ей: «Молви госпоже своей: вот что сказал Девгений – выгляни скорее в окно, покажи лицо свое прекрасное и тогда узнаешь, зачем... Если же этого не сделаешь, то не быть живой ни тебе, ни всему твоему роду». Услышав это, прильнула девица Стратиговна к оконцу и начала говорить Девгению: «Свет светлый, солнце прекрасное! Жаль мне тебя, господин, что можешь погубить себя из-за любви ко мне, ибо многие за меня свои головы сложили, даже не видя меня и словом со мной не перемолвись. А ты кто таков, решившийся на такую неслыханную дерзость? Ведь отец мой безмерно храбр и братья мои могучи, а воины у отца моего – каждый из них может с сотней сражаться. А у тебя с собой мало воинов». Отвечал Девгений девице: «Если бы я бога не боялся, то предал бы тебя смерти. Но ответь мне скорее, что в мыслях у тебя: хочешь стать женой Девгения Акрита или хочешь быть его полонянкой – рабыней?»

Слышав же то, дева слезно отвеца ему: «Аще имаши любовь ко мне велию, то ныне мя исхыти, яко отца моего дома нет, ни сильной моей братии. Или чему ти исхитити мене? Аз сама еду с тобою, токмо в мужескую одежду облецы мя, зане имам мужескую дерзость. Аще путем мя нагонят, то сама оборонюсь. Мнози бо предо мною не успеют ничто же сотворити».

Услышав это, отвечала ему девушка, плача: «Если любишь меня так сильно, то похищай немедля, пока нет дома ни отца моего, ни могучих моих братьев. Да и зачем тебе меня похищать? Я и сама с тобой поеду, только дай мне мужскую одежду, ибо удали я молодецкой. Если нагонят меня по пути, то не дам я себя в обиду. Многие меня одолеть не смогут».

И то слышав, Девгений радостен бысть и рече к девице: «Несть на сердце тако, яко же ты глаголеши, понеже ми есть в том срам от отца твоего и от братии твоей. Начнут глаголати: татьбою приехав, Девгений девицу от нас исхыти. Но сице ти глаголю: повеленное мое сотвори. Когда придет отец твой и братия твоя, скажи им исхищение свое». И рече ей: «Выди пред врата».

Слыша эти слова, обрадовался Девгений и сказал девице: «Не лежит у меня сердце к тому, о чем ты говоришь, ибо покрою я себя позором перед отцом твоим и братьями. Станут говорить: точно вор, Девгений похитил у нас девицу. Но вот что скажу тебе: сделай так, как я повелю. Когда вернется отец твой и братья твои, расскажи им о своем похищении». И позвал ее: «Выйди за ворота».

И поклонися Девгению, и прият Девгений единою рукою, и посади ю на гриве у коня, и начат ю любезно целовати, и ссади ю с коня своего. Девица же не хотяше отлучитися от него, и рече Девгений: «Возвратися и сотвори, яко же ти рекох, до отца твоего пришествия ожидай и мене к себе, пристроившись, стани вне храма пред сеньми».

И поклонилась она Девгению, и, подхватив одной рукой, посадил Девгений ее на холку своего коня и начал ее нежно целовать, а потом снял с коня своего. Девица же не хотела отходить от него, но Девгений сказал: «Возвращайся и сделай так, как я тебе повелел, как вернется отец твой, так жди меня к себе, и будь готова: стань у дома перед сенями».

И тако рек, поцелова ю и поиде от нея. И пусти во град юношу, его же взят пред градом, и приказа ему с вестью быти, как приедет Стратиг. То слово рек, а сам поиде к шатру своему и сотвори радость велию з дружиною своею.

И, сказав так, поцеловал ее и ускакал. И отпустил в город юношу, которого встретил перед воротами, и приказал ему сообщить, когда вернется Стратиг. И, сказав это, направился к шатру своему и стал пировать весело со своей дружиной.

И абие Стратиг с лова приехав, а юноша к Девгению с вестью приспе, и рече Девгению: «Стратиг приеха». И повеле Девгений фара своего борзаго седлати, а сам облечесь во многоценныя ризы и поеха на полубице инаходом, а фара борзаго повеле пред собою вести. И приехав во град,

вседе на фар свой, милостивники пусти пред градом, а сам взят копие и ко двору Стратигову приеха.

Тут возвратился Стратиг с охоты, а юноша поспешил с вестями к Девгению и сказал ему: «Стратиг приехал». И велел Девгений оседлать своего борзого коня, а сам оделся в одежды дорогие и поехал на конеиноходце, а борзого коня повелел вести перед собою. И, въехав в город, сел на коня своего, а любимых слуг своих оставил у городских стен, сам же взял копьё и поехал к двору Стратига.

Она ж дева начат поведати отцу своему, еже ей повеле Девгений. И рече Стратиг: «Ту думу думали мнози храбри, и не збытся». И то слово изрече Стратиг, а славны Девгений приспе. И услышав девица гром фара и глас золотых звонцов и скочи борзо пред сени, где ей Девгений повеле.

Девица же поведала отцу своему, что велел ей сказать Девгений. И ответил Стратиг: «Об этом помышляли многие богатыри, да не вышло». И только сказал те слова, как подоспел славный Девгений. И, услышав топот коня и звон золотых колокольчиков, выскочила девица и стала перед сенями, где Девгений ей повелел.

А Девгений ударив во врата копием, и врата распадашась, и въехав на двор, и начат велегласно кликати, Стратига вон зовы и сильныя его сыны, дабы видели сестры своя исхищение. Слуги же Стратига зовяху и поведа ему, какову Девгений дерзость показа, на дворе стоя без боязни, Стратига вон зовы.

А Девгений ударил в ворота копьем, и рассыпались ворота, и въехал во двор, и начал взывать громогласно, чтобы вышли к нему Стратиг и могучие его сыновья и увидели бы сестры своей похищение. Слуги стали Стратига звать и поведали ему о дерзости Девгения: на дворе стоит без страха и Стратига к себе вызывает.

И слышав Стратиг Девгения, и не ят веры, глаголя сице: «Зде в мой двор птице не смеет влететь, ниже человеку внити». И поиде вон из храма. Девгени же стоя три часы, ожидая его, и не бысть ему никаков ответ, а ини предстоящи не смеяху ничто же глаголати.

И услышал Стратиг голос Девгения, но не поверил, говоря: «Сюда, в мой двор, птица не смеет влететь, не то что человек войти». И вышел из дома своего. А Девгений три часа стоял, ожидая его, и не дождался ответа, а слуги и сказать ничего не посмели.

И повеле Девгений девице преклонитися к себе, и яко орел исхити прекрасную Стратиговну, и посади ю на гриве у борзаго своего фара, и рече Стратегу: «Выеди и отыми дщерь свою прекрасную у Девгения, да не молвиши тако, что пришед татьбою украде». И то слово изрек, и поехав

з двора, сладкую песнь пояху и бога хваля. И ту песнь сконча, и пред град выеде к милостивником своим, и посади девицу на коне иноходом, и поиде к шатром своим.

И приказал Девгений девице подойти к нему, и, как орел, подхватил прекрасную Стратиговну, посадил ее на холку своего борзого коня и крикнул Стратигу: «Выйди, отними дочь свою прекрасную у Девгения, чтобы не сказал, будто я, словно вор, украл ее». И с этими словами поехал со двора, распевая звонкую песню и славя бога. И окончил песню, и выехал за город к любимым слугам своим, и, посадив девицу на коня-иноходца, поехал к шатрам своим.

И шед на гору борзе обозревся, ест ли но нем погоня. И рече девице: «Велика есмь срама добыл, аще не будет по мне погони, хощу возвратися и понос им сотворити». Девгений милостивники нарядив и повеле воем стрещи около девицы, а сам поеде во град ко двору Стратигову. И поеха во двор Стратегов, и удари в сени Стратиговы копием, и сени распадашася, и вси Быша во ужасте во дворе. И начат велегласно кликать, вон зовы Стратига и рече: «О Стратиже преславны, кою дерзость имаши или сынове твои, иже есмь исхитил у тебе тщерь, и не бысть по мне погони от тебе, ни от сынов твоих? И еще возвратихся и понос ти велик сотворих, да не глаголе ши последи, что татьбою пришед, исхити у мене тщерь. Аще имевши мужескую дерзость у себе, и кметы твои, то отыми у мене тщерь свою!» И то слово изрече, и поеха з двора, и возвратись вспять, и кликну велегласно: «Аз еду из града и пожду вас на поле, да не молвите, что пришед и обольстив, побеже от нас».

И, взойдя на гору, тотчас обернулся: нет ли за ним погони? И сказал девице: «Покрою я себя великим позором, если не будет за мной погони, хочу вернуться и им самим бесчестье нанести». И отрядил Девгений своих верных слуг, и повелел воинам стражу нести вокруг девицы, а сам вернулся в город ко двору Стратига. И въехал на двор Стратигов, и ударил копьем в сени дома его, и рассыпались сени, и ужас охватил всех, кто был во дворе. И кликнул Девгений громогласно, вызывая к себе Стратига: «О Стратиг преславный, где же отвага твоя и сыновей твоих, если я похитил твою дочь, но не помчались за мной в погоню ни ты сам, ни сыновья твои? И опять я вернулся, и великое, бесчестье тебе нанес, чтобы не стал ты потом говорить, что, как вор, я пришел и дочь твою похитил. Если же есть мужская отвага в тебе и в воинах твоих, то отними же у меня свою дочь!» И, сказав так, выехал со двора, и опять возвратился, и снова воскликнул громогласно: «Я выеду из города и буду ждать вас в поле, чтобы не сказали потом, что пришел, обманул и бежал от вас».

Услыша Стратиг и зело вострепета и начат кликати сыны своя: «Где суть мои кметы, иже 1000 емлют, а ини и по две и по 5000 и по десяти тысяч? И ныне борзо совокупите их и протъчи сильни вои!»

Услышав эти слова, Стратиг затрясся в гневе и начал звать сыновей своих: «Где же воины мои отборные, из которых каждый тысячу полонит, а иные и по две тысячи, и по пяти, и по десяти тысяч? Так немедля же соберите их и других могучих воинов!»

Девгени же приде к девице и ссади с коня своего и рече девице: «Сяди, обыщи мя, главу мою, дондеже отец твой и братия твоя приидут с вои своими. Аще аз усну, то не мози будити мя ужасно, но возбуди мя тихо». И сяде девица, начат ему искати главу, и Дивгений усне, а девица имея у себе стражу.

А Девгений, приехав к девице и сойдя с коня своего, сказал ей: «Сядь и поищи у меня в голове, пока не придут отец твой и братья твои со своим войском. Если же я усну, то не буди меня, пугая, а буди осторожно». И села девица, и стала искать у него в голове, и уснул Девгений, а девица сон его стерегла.

Стратиг же собрал множество вой своих и кметы своя, и тысящники, и поиде отымати тщерь свою у Девгения. И выехала из града со многими вои своими, и узре девица, и бысть ужасна, и начат будити Девгения тихо, со слезами рекуще так: «Востани! воссия солнце, и месяц просветится. Стратиг бо уже приспе на тя со многими вои своими, а ты еще не собрал своих вои! Как ему даешь надежду тверду?»

Стратиг же собрал множество воинов своих и богатырей своих, и тысячников, и пошел отнимать дочь свою у Девгения. И выехал из города с бесчисленными своими воинами, и увидела их девица, и в ужасе стала будить Девгения, осторожно со слезами говоря ему: «Вставай! Солнце засияло, и месяц засветил. То Стратиг уже пришел на тебя с бесчисленным войском своим, а ты еще своих воинов не собрал! Зачем же вселяешь в него надежду?»

Девгений же восстав рече: «Не требую аз человеческия помощи, но надеюсь на силу Божию». И въеючи, и сяде на борзем своем фаре, и препоясая мечем, и рогвицу свою взял, и начат девицы вопрошати: «Хощеши ли отцу своему и братии живота, или вскоре смерти предам?» И начат девица прилежно молитись: «Господине, богом зданы силою, не предай отца моего смерти, да греха не имаши и поношения от людей, да не глаголют тебе, что тестя убил». И начат ея вопрошати: «Скажи ми отца своего и братию, каковы суть». И начат ему девица глаголати: «На отце моем брони златы и шелом злат с драгим камением и жемчюгом саженом, а

конь его покрыт паволокою зеленою; а братия мои суть в серебряных бронях, токмо шеломы на них златы, а кони их покрыты паволоками червлеными».

Отвечал Девгений, вставая: «Не прошу я помощи от людей, но надеюсь на силу Божию». И вскочил на своего борзого коня, и опоясался мечом, и палицу свою взял, и стал спрашивать у девицы: «Хочешь ли ты, чтобы остались живы отец твой и братья, или я их тотчас смерти предам?» И начала девица его умолять: «Господин, получивший силу от бога, не предай отца моего смерти, не соверши греха, не покрой себя позором в глазах людей, пусть никто не скажет тебе, что ты тестя убил». И начал спрашивать Девгений: «Скажи мне, каковы отец твой и братья?» И стала ему девица говорить: «На отце моем золотые доспехи и шлем золотой, драгоценными камнями и жемчугом осыпан, а конь его под зеленой паволокой; а братья мои в серебряных доспехах, только шлемы у них золотые, а кони под паволоками красными».

И то слышав, Девгений поцеловав ю, и против их поеха, издалече стрети их, и яко дюжи сокол ударися посреди их, и яко же добрый косец траву положи: первое скочи – уби 7000, и абие возвратися – уби 20 000, третий ударися – и Стратига нагна, удари его рогвицею тихо сверх шеломы и с коня сверже. И начат Стратиг молитись Девгению: «Буди тебе радоваться с восхищеною девицею, прекрасною моею дочерью! Подаждь ми живот!» И тут пусти его Девгений, а сынов его превяза, нагнав, и приведе их; а Стратига не вяза. А иных превяза, яко пастух овец пред собою погна, где девица стояще. И узре девица отца и рече: «Аз, отче, преже ти глаголах, ты же мне не ят веры». И повале Девгений своим милостивником Стратиговы вои гнать связаны, а самого Стратига и сынов его особою поняти.

Услышав это, поцеловал ее Девгений, и поскакал им навстречу, и как сильный сокол ударил в середину войска и, как хороший косец траву косит: раз проскакал – убил семь тысяч, назад возвратился – убил двадцать тысяч, третий раз поскакал – Стратига нагнал, ударил его слегка дубинкой по верху шлема и сбросил с коня. И начал Стратиг молить Девгения: «Будь ты счастлив с похищеною девицею, прекрасной моей дочерью! Даруй мне жизнь!» И отпустил его Девгений, а сыновей его, догнав, связал и повел с собой; а Стратига не связывал. А воинов, связав, как пастух стадо овечье, погнал перед собою туда, где стояла девица. И увидела девица отца и сказала: «Вот говорила же я тебе, отец, а ты мне не поверил». И велел Девгений своим слугам подгонять Стратига, и самого Стратига и сыновей его с собой вести.

И бысть Стратиг прискорбен и начат молитися прилежно с сыны своими, глаголюще ему сице: «Яко же еси нас смерти не предал, но живот нам еси даровал, тако же нас и с собою не вози, дай нам свободу». И услышав девица моление отца своего и братии, и начат сама молитися Девгению, глаголюще: «Аз есмь дана богом в руке твои. И по мне паки и над родительми моими имаши власть. Уже бо еси многи вои победил, а отцу моему и братии дай свободу, и не опечали матере моя, воскормивши тебе жену»; И то изрече девица, и послуша ея Девгений и рече Стратигу: «Аз старость твою пощажу, дам ти свободу и сыном твоим, токмо знамение свое возложу на вас».¹⁵³ И рече Стратиг: «Такою нам свободу даеши, аще знамение возложиши?» Девица же и от знамения умоли их у Девгения. И бысть на Стратиге крест злат прадеда его многоценен и у сынов его жуковины многоценны с драгим камением, и жемчугом, и то взят у них за знамения протчаго ради време.

И тогда Стратиг и сыновья его начали в скорби умолять Девгения: «Ты же смерти нас не предал и жизнь нам даровал, так не вози же нас с собою, возврати нам свободу!» И услышала девица мольбы отца своего и братьев и сама начала просить Девгения: «Я богом отдана в руки твои. И ты властелин не только надо мной, но и над близкими моими. Уже многих воинов ты победил, но отцу моему и братьям моим возврати свободу, не причини горя матери моей, вскормившей тебе жену». И как молвила это девица, послушал ее Девгений и сказал Стратигу: «Я старость твою пощажу и дам тебе свободу и сыновей твоих отпущу, только наложу на вас клеймо свое». И взмолился Стратиг: «Какую же свободу нам даруешь, если хочешь клеймом нас запятнать?» Девица же и от клейма вымолила их у Девгения. Был на Стратиге золотой крест прадеда его, бесценный, а у сыновей его пряжки бесценны с жемчугом и драгоценными камнями – все это взял у них Девгений за клеймо и на память о поражении их.

Девгений ж начат их на сватьбу к себе звати. И рече Стратиг: «Несть подобно нам пленником ехати к тебе на сватьбу. Но молю ти ся прилежно и чада моя, не введи нас в срам и чад моих: будущее единой и тщери у матери, яко пленницу хочещи вести. И возвратися в дом мой, и радость ти велию сотворю и свадбу преславную, дары приимеши, с великою честью возвратиши». Услышав же Девгений молбы Стратиговы, возвратися в дом Стратигов с своею обручницею, и три месяца свадбу деяша, и сотвориша радость велию. И прият дары многи Девгений, и все имение, еже было невестьчеге, прият, и кормилица, и слуги, и с великою честью поеха восвоясьт.

И стал Девгений приглашать их на свадьбу. И отвечал Стратиг: «Не

пристало нам, пленникам, ехать к тебе на свадьбу. Но просим тебя я и дети мои, не покрывай нас позором: единственную дочь у матери, словно пленницу, хочешь увезти. Но возвратись в дом мой, и устроим пиры веселые, и сыграем свадьбу преславную, и, дары получив, с великой честью возвратишься». И уступил Девгений мольбам Стратига, и возвратился в дом его со своей невестой, и три месяца свадьбу играли в великой радости. И получил Девгений дары бесчисленные и все, что было приданого у невесты, и кормилицу ее, и слуг ее, и в великой чести поехал восвояси.

Егда же прииде во свою власть, и посла милостивники своя с великою честью с вестью ко отцу своему и матери, повеле пристроить преславную свадьбу. И рече ко отцу своему: «Ты, отче, прежде силен прослыл еси силою и славою, а ныне аз – божиею помощию и твоим благословением и матернею молитвою – что есмь здумал, то ми и збытся. И несть мне противника. Только Стратиг во всех храбрых силен бысть, но, божиею силою, при мне не успе ничто же, и восхитих бо у него тщерь. А ныне, отче, выеди с великою честью противо мене на стретение Стратиговны». И пришед, предстатели отцу его поведаша повеленая Девгением.

Когда же вернулся в свою землю, то послал своих верных слуг с великой пышностью к своему отцу и матери и велел им поведать обо всем, чтобы готовили преславную свадьбу. И сказал так отцу своему: «Ты, отец, прежде прославился силой своею, а теперь я – с божьей помощию и твоим благословением и молитвами матери моей – что задумал, то и сбылось. И нет мне противника. Один Стратиг был сильнее всех богатырей, но, с божьей помощию, и он против меня не устоял, ибо похитил я у него дочь. А теперь, отец, выезжай с великими почестями навстречу мне и Стратиговне». И пришли посланцы его, и поведали отцу все, что велел им сказать Девгений.

И слышав, отец и мати его радости наполнишась, и начата свадьбу готовить, и созваша весь град, и поидоша противу Девгения и Стратиговны, и стретиша их за 8 поприщ от града с великою честью.

И, услышав их, обрадовались отец и мать, и начали свадьбу готовить, и созвали весь город, и вышли, чтобы встретить Девгения и Стратиговну, и встретили их за восемь поприщ от города с великими почестями.

И падоша ниц вси пред Девгением, глаголюще ему тако: «О великое чудо, сотворимое тобою, младым юношем, о дерзость благодатная! Стратига победи и тщерь его исхити!» И рече им Девгений: «Не аз победих Стратигову силу, но божиею силою побежден бысть». И Амира въборзе шурию свою созва, и к Стратигу посла на свадьбу звати, глагола

ему: «Не ленив буди, свату, к нам потрудится, да купно обрадуемся и видимся, и чада наши обрадуются, понеже их бог совокупи без нашего повеления».

И пали все ниц перед Девгением, восклицая: «О великое чудо, совершенное тобой, молодым юношей, о смелость твоя благодатная! Стратига победил и дочь его похитил!» Отвечал им Девгений: «Не я победил силу Стратигову, но божьей силой он побежден». И тотчас созвал Амир шуринов своих, и к Стратигу послал, приглашая его на свадьбу, и так ему говорил: «Не ленись, сват, потрудись приехать, повидаемся мы и порадуемся вместе, и дети наши порадутся, ибо соединил их бог без нашего повеления».

И слышав то, Стратиг радостен бысть, и вборзе скопив весь род свой и многоценное имение, еже дарити зятя мил обо; совокупи же жену и дети своя, посла ко Амирату, свату своему. И слышав Амират царь Стратига к себе грядуща, и с великою честью и з Девгением против его выехаша, и совокупившася с ним на едином месте и начаша ся дарити и по 3 месяцы преславную свадьбу твориша. И даст Стратиг зятю своему 30 фаревь, а покрыты драгими поволоками, а седла и узды златом кованы; и даст ему 20 конюхов, пардусов и соколов 30 с кормилицы своими, и даст ему 20 кожухов, сухим златом шиты, и поволок великих 100; да шатер велик един, шит весь златомь; вмещахуть в нем многия тысящи вои, и ужища у шатра того шелковы, а кольца сребряные; и даст ему икону злату святой Феодор; да 4 копия аравитчих, да меч прадеда своего. А теща даст 30 драгих поволок зеленых, 20 кожухов, шиты сухим златом з драгим камением и жемчюгом, иныя дары многи даст ему. Первы шурин даст ему 80 поясов златокованных, и иныя шурья даша ему многия дары, им же несть числа.

Слышав это, обрадовался Стратиг, и в тот же час собрал всю свою семью, и богатства свои взял, чтобы было чем одарить зятя милого; взял с собой жену и детей своих и поехал к свату своему Амиру. Царь Амир, узнав о приближении Стратига, выехал с Девгением, чтобы встретить его с великими почестями, и, собравшись все вместе, начали друг друга одаривать, и три месяца праздновали славную свадьбу. И подарил Стратиг своему зятю тридцать коней, а покрыты они дорогими паволоками, а седла и уздечки золотом окованы; и подарил ему двадцать конюхов, и тридцать пардусов, и соколов с сокольничими, и двадцать одежд дорогих, шитых сухим золотом, и сто больших паволок, и шатер огромный, весь шитый золотом, а вмещаются в тот шатер многие тысячи воинов, а тяжи у шатра тоже шелковые, а кольца серебряные; и подарил ему икону святого

Федора, окованную золотом, да четыре копья арабских, да меч прадеда своего. А теща подарила ему тридцать дорогих зеленых паволок, двадцать кожухов, сухим золотом шитых, с драгоценными камнями и жемчугом, и другие дары многочисленные. Первый шурина подарил ему восемьдесят поясов, окованных золотом, и другие шурины принесли ему множество даров, которым и числа нет.

Исполнишася 3 месяц, радуящася свадьбе и прият Стратиг велию честь, и жена его, и сынове его, и Амират царь. А Девгений поезде с ним провожения ради, и зря на нь Стратиг радовашесь, и сынове его славу богу воздаяху, иже сподоби им бог такового зятя.

Три месяца веселились на свадьбе, и воздали великие почести и Стратигу, и жене его, и сыновьям, и царю Амиру. А Девгений поехал проводить Стратига, и, глядя на него, радовался тот, а сыновья его богу хвалу возносили, что послал им бог такового зятя.

И проводи Стратига и возвратися Девгений восвоясы и подаст пленником свободу. А самому Филипапе стрью¹⁵⁴ возложи пятно на лице и отпусти его восвоясы, а Максиме подасть свободу своими предстатели. А сам начат жити и ловы десяти со своими предстатели, зане быше охочь един храбровать.

И проводил Стратига, и возвратился домой Девгений, и всех пленников освободил. А самому Филипапе, дяде своему, возложил клеймо на лице и отпустил его восвояси, а Максиме свободу объявил через слуг своих. А сам начал жить-поживать и охотиться со своими слугами, ибо любил он богатырские забавы.

О великое чудо, братие! кто сему не дивиться? си есть не от простых людей, ни от Амира создан, но послан есть от господа. Всем храбрым христианом показась слава его, и явись во всей земли славен бог в мире о Христе Иисусе, господе нашем, ему же слава со отцем и святым духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О великое чудо, братья! Кто этому не дивится? Не простой он человек и не Амира сын, а ниспослан от бога. Всем храбрым христианам служит образцом его слава, и на весь мир прославился он с помощью господа нашего Иисуса Христа, ему и слава с отцом, и святым духом, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

СКАЗАНИЕ, КАКО ПОБЕДИ ДЕВГЕНИЙ ВАСИЛИЯ ЦАРЯ

Некто бысть царь, именем Василий.¹⁵⁵ И слышав о дерзости и о храбрости Девгениеве, бысть яростен зело, и желание имея велие како бы его добыти, зане бо Василий царь всю страну Каппадокейскую стерегл.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК ПОБЕДИЛ ДЕВГЕНИЙ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ

Был некий царь, по имени Василий. И пришел он в ярость, услышав о храбрости Девгения, и загорелся желанием пленить его, ибо сторожил царь Василий всю страну Каппадокийскую.

Вборзе нарядив послы своя, посла грамоту, написав с ласканием, прелестью сице глагола ему: «Девгений славны! Велие желание имам видетися с тобою. А ныне не ленись проидитись к моему царству, зане дерзость и храбрость твоя прослыла по всей вселеней. И любовь вниде в мя велия, видети хощу юность твою». И принесоша от царя Девгению грамоту, и прочет Девгений и разуме, яко прелесно бысть писание к нему.

И тотчас снарядил он послов своих, и отправил Девгению грамоту, а в ней написал, с притворным радушием: «Славный Девгений! Очень хочу повидать тебя. Не поленись же теперь посетить мое царство, ведь удаль и храбрость твоя прогремела по всей земле. И я полюбил тебя всей душой, хочу посмотреть на юность твою». Принесли царскую грамоту Девгению, прочел ее Девгений и понял, что обманывает его царь.

И глагола Девгени к нему: «Аз есмь от простых людей. Не имать царство твое до мене николи же вины, но аще хочешь видетися со мною, поими с собою мало вои и приди на реку Ефрант». Цареве ж своему рцыте: «Что как удумал еси худобу мою видети, немного же поими воин с собою, да не разгневаеши мене, зане юность человеческая на много безумие приводит. Аще аз разгневаюсь, сокрушу вой твои, а сам не возвратишься!»

И ответил Девгений царю: «Я простой человек. Нет твоему царскому величеству никакой нужды во мне, но если хочешь повидать меня, то, взяв с собой немного воинов, приходи на реку Евфрат». И скажите, послы, царю своему: «Если ты хочешь меня, недостойного, видеть, то возьми с собой воинов немного, чтобы не разгневать меня, ибо долго ли в юные годы до безрассудных поступков. А если разгневаюсь я, то и войско твое разобью, и сам живым не вернешься!»

И приеха посол, глаголаше царю вся рекомая Девгением, и услыша царь яростен бысть, вборзе и нарядив и посла к Девгению, глагола ему: «Чадю, не имам понять много вой с собою, только имам юность твою видети царство мое. Иного помышления не имам на сердце».

И передали царю все сказанное Девгением. И, услышав это, пришел в ярость царь, и тотчас же вернул посла к Девгению со словами: «Чадю! Не хочу я брать с собой много воинов, только хочу я, царь, на юность твою полюбоваться, и ничего другого нет у меня на сердце».

Пришед посол царев, глагола Девгению реченая царем, и отвеца Девгений: «Рцы царю своему так: аз не боюсь царства твоего, ни многих

твоих вой, зане упование имели на бога. Не боюсь твоего помысла, но глаголю ти: прииди на реку, глаголемую Ефрант, и там видишишь со мною. Или со многим вой приидеши, да не обрадуешься царству своему, а воинства твоя вся сокрушатся». И пришед посол к Василию царю сказа ему вся реченая Девгением.

Пришел царский посол и передал Девгению сказанное царем, и ответил ему Девгений: «Скажи царю своему так: не боюсь я ни тебя, царь, ни твоих бесчисленных войск, ибо надеюсь на бога. Не боюсь я твоего злого умысла, но говорю тебе: приходи на реку Евфрат и там увидишь со мной. Если же придешь с большим войском, то не обрадуешься тому, что царствуешь, а войско твое все разбито будет». И посол, придя к царю Василию, передал ему слова Девгения.

И слышав царь вборзе повеле собрати вой своя, и совокупися, поиде на место, где Девгений рече. И приеха ко Ефранту реке и постави шатры своя далече от реки. А царев шатер вельми велик бысть, червлен, а верх его шит сухим златом; а нутри шатра многи тысячи вмещахуть вой. А вся воинства сохранена бысть, ови в шатрах, а ини в сокровенном месте. И пребысть царь на реке 6 дней и рече воеводам своим: «Нечто Девгений уведаль и удумал над нами, либо хочет со многими вой быти». То слово изрече Василий царь ужасеся.

Услышав это, царь тотчас же повелел собрать своих воинов и двинулся с войском на место, указанное Девгением. И, приехав к реке Евфрат, расставил шатры вдалеке от берега. А царский шатер был огромен, цветом красный, а верх у него был расшит сухим златом; а внутри шатра размещалось несколько тысяч воинов. И все войско царя было скрыто: одни по шатрам, другие в местах укромных. И стоял царь на реке шесть дней, и сказал воеводам своим: «Узнал что-то о нас Девгений и задумал, либо же сам хочет прийти с большим войском». И, сказав это, затрепетал от страха царь Василий.

Посла Девгений своего предстателя, цареви глаголя: «Дивлюся, како потрудися царь твой к моей худости. Но обычей ти рекох: аще хоцещи видетись со мною, то прииди с малым вой. А се собрал много вой, хотя меня победить, в том есть срам, зане идет слава моя по всей земли и по странам. А ныне как намыслил еси, так и сотвори».

А Девгений прислал слугу своего к царю со словами: «Дивлюсь я, что так потрудился ты, царь, ради меня, ничтожного. Но сказал уже о своем обычае: если хочешь увидеть меня, то приходи с небольшим войском. А ты вот собрал огромное войско, задумав меня победить, но позорно это, так как слава моя разнеслась по всей земле и по всем странам. А сейчас уже

делай так, как задумал».

Рече же Васили царь: «Да кою дерзость имаши, аще противу моего царству не дась ми покорения». И нарядив посла своего, и посла за реку, а Девгениева прият. И пришед царев посол глагола Девгению вся повеленая царем. И отвеща Девгений: «Глаголи царю своему: аще ты надеешься на свою великою силу, аз же имам упование на создаваго бога. Не имать уподобитися сила твоя против божии силы. А уже время дни преминало, а заутра рано исполчевайсь и встани со своею силою великою, да узриши худаго мужа дерзость, како пред тобою восходит, занеже ми есть срам в неисполнении¹⁵⁶ муж служит». И пришед Василиев посол от Девгения глаголы, поведи царю.

Отвечал на это царь Василий: «Как же дерзок ты, если не хочешь мне, царю, покориться!» И, отрядив посла своего, отправил его за реку, а Девгениева посла принял. И пришел царский посол передать Девгению царские слова. И ответил Девгений: «Скажи царю своему: если ты надеешься на свою силу, то я уповаю на бога-создателя. И не может сравниться сила твоя с могуществом божьим. А уже день на исходе, а завтра с утра изготвься к бою и выступай со своими силами несметными, и увидишь, какова удаля ничтожного мужа, который явится перед тобой, а иначе мне стыдно будет...» И пришел царский посол от Девгения, и передал его слова царю.

Царь же вборзе созва бояры своя, начат думати. И отвещаша ему многоимцы: «Во что вменяется царство твое, царю, аще тебе одинаго¹⁵⁷ муже ужаснутись, не видим с ним вои ничто же». И Девгениев посол скочив у них за реку и поведи Девгению вся бывшая у царя.

Царь же спешно созвал бояр своих и стал с ними думу думать. И отвечали ему вельможи: «Чего же стоит власть твоя, царь, если ты одного воина испугался, ведь не видно с ним войск». А Девгениев посол поспешил из-за реки и рассказал Девгению обо всем, что происходило у царя.

И заутра рано исполчиса царь Василий и думаше чрез реку ехати, хотяще, яко зайца в тянате, яти Девгения. Увидев Девгений множество вои исполчено у царя Василия и разуме, яко хотя приехать чрез реку и обойти его. И Девгений ярости исполнись и рече своим предстателем: «Приидите по мне, мало помедливше, аз же прежде вас потруждаюся и послужу царю».

И на другой день с рассветом построил царь Василий войска и собрался переправляться через реку, чтобы изловить Девгения, как зайца в силки. Увидел Девгений, что изготовил царь Василий бесчисленные

войска, и догадался, что хочет он, перейдя реку, его окружить. И, придя в ярость, сказал Девгений слугам своим: «Подоспеете ко мне немного погодя, а прежде я сам потружусь и услужу царю».

И то слово изрек, и подприся копием, и скочи чрез реку, яко дюжи сокол, велегласно кликнув: «Где есть Василий царь, иже имея желание видетись со мною?» И то слово изрек, и воины к нему ударишась, и он копие воткнув, и выняв меч противо вои. И поскочи яко добры жнец траву сечет: перво скочи – 1000 их победы, и возвратись вспять, и поскочи – 1000 победы.

И, сказав эти слова, подперся копьем, и перескочил через реку, словно сильный сокол, и крикнул громогласно: «Где тут царь Василий, что хотел видетись со мною?» Только крикнул он, как бросились на него воины, он же, вонзив копье в землю, с обнаженным мечом бросился им навстречу. Как хороший косарь траву косит: в первый раз прошел – тысячу победил, возвратился назад, еще раз прошел – еще тысячу победил.

Царь же Василий, видев дерзость Девгениеву, вскоре поем с собою мало вои и побеже. И протчих вои Девгений поби, а иныя связа, и кликну за реку предстателем своим: «Приведите ми борзы мой фарь, рекомы Ветр». Они же примчаша ему фарь, и всед на нь, борзо погна Василия, нагна блиско града его, а что было с ним вои, всех победы, а царя самого четверта взят.

Царь Василий, видя отвагу Девгения, с горсткой воинов обратился в бегство. Девгений же оставшихся воинов перебил, а иных связал и крикнул за реку слугам своим: «Приведите ко мне коня моего борзого по кличке Ветер». Они же пригнали к нему коня, и, вскочив на него, помчался Девгений и скоро нагнал царя Василия у стен его города и всех воинов, что были с ним, перебил, а царя и трех спутников его в плен взял.

И... единаго посла от них во град с вестью. Глаголи граждяном: «Выдите против Девгения, днесь подай ми бог царьствовати в вашей области». Они же, слышав его, вси совокупишась, изыдоша пред град битися, чающе, яко с простым человеком битись. Он же посла, глаголя: «Пожалуйте оружия и не разгневайте мене». Они же отвецав ему: «Не имаши противен быти всему граду ты един». И слышав то Девгений разгневась и поскочи на них: овых изби, а иных превяза и даст предстателем своим, и вниде во град и начат царствовать А пленых свободи по мале времени, по Писанию: яко несть раб боле господина своего, ни сын больше отца своего.

И... послал одного из них в город, чтобы сказал горожанам: «Выходите навстречу Девгению, с этого дня даровал ему бог царствовать в

стране вашей». Они же, услышав это, собрались и вышли сразиться с ним перед городом, думая, что бьются с простым человеком. А он послал к ним сказать: «Сложите ваше оружие и не гневите меня». Они же отвечали: «Не можешь же ты один против целого города стать». Услышав их ответ, разгневался Девгений и бросился на них: одних перебил, других связал и передал слугам своим, и в город вошел, и стал там царствовать. А пленных вскоре освободил, как говорится в Писании: «Не может быть раб больше господина своего, а сын больше отца своего».

«А еще ми пребысть 12 лет в животе, а ныне хочу опочинуть, многи победы и брани во юности своей сотворих», – та вся изглаголав отцу своему, посадив его и на престоле царском, и призва пленный своя, дав им свободу. А на Канама со Иаакимом¹⁵⁸ возложи им знамение на лице их и отпусти их в род свой. И род свой призва, и сотвори радость велию, и по многи дни пребысть.

«А еще мне осталось жить двенадцать лет, и хочу теперь отдохнуть, много уже повидал войн и побед за юность свою», – так сказал Девгений отцу своему и посадил его на царском престоле, а пленным своим даровал свободу. А Канаму и Иоакиму клеймо на лицо поставил и отпустил их на родину. И призвал к себе всех родичей своих, и устроил пиры веселые, и провел так многие дни.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово о полку Игореве

Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева

СЛОВО О ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА¹⁵⁹

Не лѣпо ли ны бѣшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстии¹⁶⁰ о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!¹⁶¹

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть начнется же песнь эта по былям нашего времени, а не по замышлению Бояна!

Боянъ бо вѣщии, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу,¹⁶² сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы. Помняшетъ бо, рече, първыхъ временъ усобицѣ. Тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣи, которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу,¹⁶³ храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми,¹⁶⁴ красному Романови Святъславличю.¹⁶⁵ Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣи пуцаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Боян же вещей, если хотел кому песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда пускал десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигали – та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. Боян же, братия, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещице персты на живые струны воскладал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Почнемъ же, братие, повесть сию отъ старого Владимира до нынѣшняго Игоря,¹⁶⁶ иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который скрепил ум волею своею и поострил сердце свое мужеством, исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя

воя прикрыты.¹⁶⁷ И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братие и дружино! луце жь бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону». Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. «Хощу бо, рече, копие приломити¹⁶⁸ конецъ поля Половецкаго, съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону». ¹⁶⁹

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что оно тьмою воинов его прикрыло. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание отведасть Дон Великий заслонило ему предзнаменование. «Хочу, сказал, копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

О Бояне, соловию стараго времени! А бы ты сиа плъкы ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню¹⁷⁰ чресъ поля на горы.

О Боян, соловей старого времени! Вот бы ты походы эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая славу обоих половин этого времени, рыща по тропе Трояна через поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореву, того внуку:¹⁷¹ «Не буря соколы занесе чресъ поля широкая – галици стады бѣжать къ Дону Великому». Чи ли въспѣти было, вѣщеи Бояне, Велесовъ внуче:¹⁷² «Комони ржутъ за Сулою¹⁷³ – звенить слава въ Киевѣ. Трубы трубятъ въ Новѣградѣ,¹⁷⁴ стоять стяжи въ Путивлѣ». ¹⁷⁵ Игорь ждетъ мила брата Всеволода.¹⁷⁶ И рече ему Буи Туръ¹⁷⁷ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи – ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличя! седлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шелома възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють, акы сѣрыи вльци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ».

Так бы пелась тогда песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие – стаи галок несутся к Дону Великому». Или так бы запел ты, вещий Боян, внук Велеса: «Кони ржут за Сулой – звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле». Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый – ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои-то готовы, уже оседланы у Курска. А мои-то

куряне опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наострены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю – славы».

Тогда вступил Игорь князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше, ночь стонущи ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ вѣста,¹⁷⁸ збися Дивъ, кличетъ врѣху древа,¹⁷⁹ велить послушати земли незнаемѣ, Вльзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню,¹⁸⁰ и тебѣ, Тьмутораканьскыи блѣванъ.¹⁸¹ А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому. Кричатъ тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди распущени.

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало, ночь стопами грозы птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутороканский идол. А половцы непроторенными дорогами помчались к Дону Великому. Кричат телеги в полночи, словно лебеди вспугнутые.

Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию, вльци грозу вѣсрожать по яругамъ, орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленья щиты.

А Игорь к Дону войско ведет. Уже беду его подстерегают птицы по дубравам, волки грозу накликают по оврагам, орлы клетком зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земле! Уже за шеломянемъ еси!

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Длъго ночь мръкнетъ. Заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла, щекоть славии успе, говоръ галичь убудися. Русичи великая поля чръленьми щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю – славы.

Долго ночь меркнет. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный уснул, говор галочий пробудился. Русичи великие поля червлеными щитами прегородили, ища себе чести, а князю – славы.

Съ зарания въ пяткъ потопташа поганья плѣкы Половецкыя и, рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты.¹⁸² Орьтьмами и япончицами, и кожухы¹⁸³ начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половѣцкыми. Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка,¹⁸⁴ сребрено стружие¹⁸⁵ – храброму Святъславличю!

Спозаранок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и,

рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. Покрывалами, и плащами, и кожухами стали мосты мостить по болотам и топям, и дорогими нарядами половецкими. Червлёный стяг, белая хоругвь, червлёный бунчук, серебряное древко – храброму Святославичу!

Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетѣло! Не было онъ обиде порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронъ, поганый Половчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ¹⁸⁶ ему слѣдъ править къ Дону Великому.

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далёко залетело! Не было оно в обиду порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный ворон, поганый половец! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след указывает к Дону Великому.

Другаго дни велми рано кровавья зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучя съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца,¹⁸⁷ а въ нихъ трепещуть синии мльнии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шелома Половецкья, на рѣцѣ на Каялѣ,¹⁸⁸ у Дону Великаго.

На другой день спозаранку кровавые зори свет предвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону Великого! Тут копьям преломиться, тут саблям побиться о шелома половецкие, на реке на Каяле, у Дона Великого.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Се вѣтри, Стрибожи внуци,¹⁸⁹ вѣютъ съ моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають, стязи глаголютъ: Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ Рускья плъкы оступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты.

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля прикрывает, стяги говорят: половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлёными щитами.

Ярь Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщещи на вой стрѣлами, гремлещи о шелома мечи харалужными.¹⁹⁰ Камо, Турь, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, – тамо лежать поганья головы Половецкья. Поскепаны саблями калеными шелома Оварьскья¹⁹¹ отъ

тебе, Яр Туре Всеволоде! Кая раны, дорога братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола,¹⁹² и своя милья хоти, красныя Глѣбовны,¹⁹³ свычая и обычая!

Яр Тур Всеволод! Бьешься ты впереди, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, – там лежат поганые головы половецкие. Расщеплены шлемы аварские твоими саблями калеными, Яр Тур Всеволод! Что тому раны, дорогие братья, кто забыл честь и богатство, и города Чернигова отчий золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, свычаи и обычай!

Были вечи Трояни, минула лета Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславличя.¹⁹⁴ Тъи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремя въ граде Тмутороканѣ, той же звонъ слыша давныи великыи Ярославъ, а сынъ Всеволожъ Владимиръ¹⁹⁵ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе,¹⁹⁶ и на Канину¹⁹⁷ зелену паполому постла¹⁹⁸ за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплкъ полелѣя отца своего¹⁹⁹ между угорьскими иноходьцы²⁰⁰ ко святѣй Софии къ Киеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи²⁰¹ сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-Божа внука,²⁰² въ княжихъ крамолахъ вѣци челоуѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть: хотять полетѣти на уедие. То было въ ты рати, и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано! Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копия харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подѣ копыты костыми была посѣяна, а кровию польяна; тугою въздоша по Руской земли!

Были века Трояновы, минули годы Ярославовы, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Вступил в золотое стремя в городе Тмуторокани, а звон тот же слышал давний великий Ярослав, а сын Всеволода Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. А Бориса Вячеславича похвальба на смерть привела, и на Канине зеленый саван постлала за обиду Олега, храброго и молодого князя. С такой же Каялы и Святополк полелеял отца своего между венгерскими иноходцами ко святой Софии к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче заседалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажь-Божьего внука, в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари

покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили. Хотят полететь на поживу! То было в те рати и в те походы, а такой рати не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копыя булатные в поле незнаемом среди земли Половецкой. Черна земля под копытами костью была посеяна, а кровью полита; горем взошли они по Русской земле!

Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ:²⁰³ жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другыи, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста, ту пирь докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

Что мне шумит, что мне звенит издалека рано до зари? Игорь полки заворачивает: жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы! Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не достало; тут пир закончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а древо с тоской к земле приклонилось.

Уже бо, братие, невеселая година вьстала, уже пустыни силу прикрыла. Вьстала обида вь силахъ Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, вьсплескала лебедиными крылы на синѣмь море у Дону, плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганья погыбе, рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати, а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Встала обида в войскахъ Дажь-Божьего внука, вступила девой на землю Троянову, восплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеская, растревожила времена обилия. Борьба князей с поганьими кончилась, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далече заиде соколь, птицъ бья, – къ морю. А Игорева храбраго плъку не крѣсити. За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи вь пламянѣ розѣ.²⁰⁴ Жены Руския вьсплакашась, а ркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою

сдумати, ни очима съгледати, а злата и сребра ни мало того потрепати!» А вьстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастыми. Тоска разлилася по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуце на Рускую землю, ем ляху дань по бѣлѣ отъ двора.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, – к морю! А Игорева храброго полка не воскресить! По нем кликнула Карна, и Желя поскакала по Русской земле, размыкивая огонь людям в пламенном роге. Жены русские заплакались, приговаривая: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни глазами не повидать, а золота и сребра и пуще того в руках не подержать!» И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые сами, с победами нарыскивая на Русскую землю, брали дань по белке от двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ²⁰⁵ грозный великий Киевский грозою, бяшетъ притрепаль своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота. А поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ, выторже, и падесея Кобякъ въ градъ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславли.²⁰⁶ Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкия, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы,²⁰⁷ а веселие пониче.

Так и те два храбрыхъ Святославича, Игорь и Всеволод, уже зло пробудили, которое перед тем усыпил было отец их, Святослав грозный великий киевский, грозою своею, усмирил своими сильными полками и булатными мечами; пришел на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем исторг, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, что потопил богатство на дне Каялы, реки половецкой, русское золото просыпав. Тут Игорь князь пересел из золотого седла в седло рабское. Приуныли у городов забралы, и веселье поникло.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, – рече, – чръною паполомою на кровати тисовѣ,

чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено, сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великыи женчюгъ на лоно,²⁰⁸ и нѣгуютъ мя. Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ.²⁰⁹ Всю ноцъ съ вечера бусови врани възгряху у Плѣсньска²¹⁰ на болони²¹¹ бѣша дебрь Кисаню²¹² и несошася къ синему морю».

А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня, говорил, черным саваном на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, сыпали мне крупный жемчуг из пустых колчанов поганых толковин и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны грядли у Плесньска на лугу, были в дебри Кисаней и понесли к синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полонила. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины желѣзны.²¹³ Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста,²¹⁴ оба багряная стлѣпа погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ,²¹⁵ тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо,²¹⁶ и великое буйство подасть Хинови.²¹⁷ Уже снесеса хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса Дивъ на землю.²¹⁸ Се бо Готския красныя дѣвы²¹⁹ въспѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ, златомъ, поють время Бусово,²²⁰ лелѣють мечь Шароканю.²²¹ А мы уже, дружина, жадни веселия».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум полонило. Вот слетели два сокола с отчего золотого престола добыть города Тмутороканя либо испити шлемом Дона. Уже соколам крылья подсекли саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно ведь было в третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними оба молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла: по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок пардусов, и великое ликование пробудили в хиновах. Уже пала хула на хвалу; уже ударило насилие по свободе; уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, звеня русским золотом, воспевают время Бусово, лелеют мечь за Шарукана. А мы уже, дружина, невеселы».

Тогда великий Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!²²² Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно

одолюте, нечестно бо кровь поганую пролясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моеи сребренеи сѣдинѣ!

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорьъ и Всеволод! Рано начали вы Половецкой земле мечами обиду творить, а себе славы искать. Но без чести вы одолели, без чести кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата скованы и в отваге закалены. Что же сотворили вы моей серебряной седине!

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава,²²³ съ Черниговскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Ольберы.²²⁴ Тии бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: «Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ». А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ, не дастъ гнезда своего въ обиду.²²⁵ Нѣ се зло – княже ми не пособие: наниче ся години обратиша. Се у Римъ кричатъ подѣ саблями Половецкыми, а Володимиръ подѣ ранами.²²⁶ Туга и тоска сыну Глѣбову!»

А уже не вижу власти сильного, и богатаго, и обильного воинами брата моего Ярослава, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Они ведь без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу. Но сказали вы: «Помужествуем сами: прошлую славу себе похитим, а будущую сами поделим». А разве дивно, братья, старому помолодеть? Если сокол в мытехъ бывает, то высоко птиць възбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот зло – князья мне не подмога: худо времена обернулись. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами. Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий княже Всеволоде!²²⁷ Не мыслию ти прелетѣти издавеча, отня злата стола поблюсти?²²⁸ Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногате, а кощеи по резанѣ.²²⁹ Ты бо можеша посуху живыми шереширами²³⁰ стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы.²³¹

Великий князь Всеволод! Не думаешь ли ты прилететь издавеча, отчий золотой престол поблюсти? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы раба по ногате, а раб по резане. Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, буи Рюриче,²³² и Давыде!²³³ Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша?²³⁴ Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата стремя за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

Ты, буйный Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины злачеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными, на поле незнаемом? Вступите же, господа, в золотое стремя за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, буйного Святславлича!

Галичкы Осмомысле Ярославе!²³⁵ Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столе, подперъ горы Угорскыи своими железными плѣки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, отворявши Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями.²³⁶ Стрѣляи, господине, Кончака, поганого кощя, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола салтанов за землями. Стреляй же, господин, Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святславлича!

А ты, буи Романе,²³⁷ и Мстиславе!²³⁸ Храбрая мысль носить ваю умъ на дѣло. Высоко плававши на дѣло въ буести, яко соколь на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буиствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи паворзи²³⁹ подѣ шеломы Латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны – Хинова, Литва, Ятвязи,²⁴⁰ Деремела²⁴¹ и Половци – сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подѣ тьи мечи харалужныи. Нъ уже, княже, Игорю утрьпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони: по Роси²⁴² и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити! Донѣ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань...

А ты, буйный Роман, и Мстислав! Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко взмываешь на подвиг в отваге, точно сокол на ветрах паря, стремясь птицу в смелости одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзи под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны – Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела, и половцы копья свои повергли

и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже успели на брань...

Ингварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи²⁴³ не худа гнезда шестокрилци!²⁴⁴ Не побѣдными жребии собе власти расхытите! Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкии и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича – не худого гнезда соколы! Не по праву побед добыли себе владения! Где же ваши золотые шлемы и копья польские и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Уже бо Сула не течетъ сребренными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовския, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи. И с хотию на кровать, и рекъ:²⁴⁵ «Дружину твою, княже, птицъ крылы приоде, а звери кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго – Всеволода,²⁴⁶ единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресь злато ожерелие.²⁴⁷ Унылы голоси, пониче веселие, трубы трубятъ Городеньскийи.²⁴⁸

Уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет для тех грозных полочан под кликом поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, прибил славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами прибит со своим любимцем, а тот сказал: «Дружину твою, князь, крылья птиц приодели, а звери кровь полизали». Не было тут брата Брячислава, ни другого – Всеволода. Так в одиночестве изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городенские.

Ярославе и вси внуце Всеслави!²⁴⁹ Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣднеи славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которою бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи!

Ярослав и все внуки Всеслава! Уже склоните стяги свои, вложите в

ножны мечи свои поврежденные, ибо лишились вы славы дедов. Своими крамолами начали вы наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеслава. Из-за уособиц ведь пошло насилие от земли Половецкой!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребии о дѣвицю себѣ любу.²⁵⁰ Тѣи клюками подпрѣся о кони и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ,²⁵¹ утрѣже вазни с три кусы: отвори врата Новуграду,²⁵² разшибе славу Ярославу,²⁵³ скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.²⁵⁴

На седьмомъ веке Трояна кинул Всеслав жребий о девице ему милой. Хитростью оперся на коней и скакнул к городу Киеву, и коснулся древком золотого престола киевского. Отскочил от них лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей мглой, урвал удачу в три попытки: отворил ворота Новгороду, расшиб славу Ярославу, скакнул волком до Немиги с Дудуток.

На Немизѣ снопы стелють головами,²⁵⁵ молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны, засеяны костьми русских сынов.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше:²⁵⁶ изъ Києва дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови²⁵⁷ влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша.²⁵⁸ Аще и вѣща душа въ дрѣзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщеи Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленны, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!»

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до петухов дорыскивал Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перерыскивал. Ему в Полоцке позвонили к заутрени рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хоть и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещей Боян еще давно припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать!»

О, стонати Рускои земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князей! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевьскимъ;²⁵⁹ сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии – Давидовы, нѣ розно ся имъ хоботы пашуть.²⁶⁰ Копиа поють!

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне встали стяги Рюриковы, а другие – Давыдовы, но врозь их знамена развеваются. Копья поют!

На Дунаи Ярославнынъ гласъ²⁶¹ слышитъ, зегзицею незнаемъ рано кычетъ: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бегрянъ рукавъ²⁶² въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкой безвестной рано кукует. «Полечу, говорит, кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: «О вѣтрѣ, ветрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычещи Хиновскыя стрѣлки на своєю нетрудною крилцю на моя лады вои? Мало ли ти бѣшетъ горѣ, под облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?»

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты наперекор? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего лады? Разве мало тебе было под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, а ркучи: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозь землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова.²⁶³ Възлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачет на забрале Путивля-города, приговаривая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы ладьи до стана Кобяка. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси, чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводна жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче».²⁶⁴

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и прекрасно, зачем же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло».

Прысну море полунощи; идутъ сморци мѣглами. Игореви князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зари. Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслию поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлурь²⁶⁵ свисну за рѣкою – велить князю разумѣти: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся Половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, въврѣжеся на брѣзь комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влурь влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя брѣзая комоня.

Прыснуло море в полуночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчому золотому престолу. Погасли вечером зори. Игорь спит и не спит: Игорь мыслью поля мерит от великаго Дона до малаго Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой – велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь скакнул горностаем в тростники и белым гоголем на воду, вскочил на борзого коня и соскочил с него серым волком. И помчался к излуцине Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Коли Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, отряхая студеную росу: загнали они своих борзых коней.

Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Рускои земли веселиа!» Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брѣзѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подѣ сѣнию зелену древу. Стрежаше е гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ».²⁶⁶ Не тако ли, рече, рѣка Стugna: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена къ устью, уношу князю Ростиславу затвори.²⁶⁷ Днѣпри темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ.²⁶⁸ Уньша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли прѣклонилося.

Донец сказал: «Князь Игорь! Не мало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!» Игорь сказал: «О Донец! Не мало тебе величия, лелеявшему князя на волнах, стлавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Ты стерег его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями на ветрах». Не такая, сказал, река Стugna: скудную струю имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя

Ростислава заключила. На темном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, и дерево с тоской к земле приклонилось.

А не сороки втроскоташа – на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлькоша, сороки не троскоташа, полозие ползоша²⁶⁹ только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ. Мльвить Гзакъ Кончакови: «Аже соколь къ гнѣзду летитъ, – соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколь къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею».²⁷⁰ И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ».

То не сороки застрекотали – по следу Игоря едут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет возвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, расстреляем соколенка своими злачеными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, и станут нас птицы бить в поле Половецком».

Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы²⁷¹ кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы», – Руской земли безъ Игоря.

Сказали Бонн и Ходына, Святославовы песнотворцы, старого времени Ярославова, Олега-князя любимцы: «Тяжко голове без плеч, беда и телу без головы», – так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небесе – Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поють на Дунаи²⁷² – вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь едетъ по Боричеву²⁷³ къ святѣи Богородици Пирогощей.²⁷⁴ Страны ради, гради весели.

Солнце светится на небе – Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае – вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ – молодымъ пѣти! Слава Игорю Святъславличю, Буи Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганья пльки! Княземъ слава а дружинѣ!

Спев песнь старым князьям, потом молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здрaвы будьтe, князья и дружина, борясь за христиан против полков поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь.²⁷⁵

Древнерусские сборники афоризмов

Подготовка текста, перевод и примечания В. П. Адриановой-Перетц
ИЗ «ПЧЕЛЫ»

Не место добродетели, но добродетель место может украсить.

Копая яму под ближним своим въпадеться в ню.

Луче малое имание с правдою, нежели мьногое богатство бес правды.

Достойна верна друга язва, нежели лобзание врага.

Лучше пища с зельем с любовию и с благодатью, нежели предложен телець со враждою.

Не остави друга древняго, новый бо не будеть ему подобен.

Друга верна несть изьмены и несть меры доброте его.

Не тако огонь жьжет тело, яко же душу разлученье от друга.

Коньяная хьтрость на рати знаеться, а друг верен у беды.

Злато огнем искушаеться, а друг житейскими напастьми.

Истиннаго друга в напастех не бойся.

Друга ищи не мила тебе деющася, ни по тебе молвяща, но крепкаго думцю и полезнаго тебе ищуща и противящася непоставным твоим словом.

Муж обличали луче ест ласкающаго.

Всем угодити люто ест.

Богатым вси человеци друзи.

Того мни друга, иже тебе любить, а не яже окрест тебе.

Не подобаеть поручити чюжих побегшему от своих.

Иже хочет над инем княжити, да учится первие сам собою владети.

Велику власть приимающему велик подобаеть ум имети.

Иже многим страшен, то многих имать боятися.

Не ревнуй велику власть приискавьшему, но добре с похвалою отшедшему.

Люто ест и горко, аще злии над добрыми владеють и несмыслении над умными.

Люто беснующемуся дати ножь остр и лукавому власть и силу.

Власть безумная вина к злу бываеть.

Богатый възглаголеть и вси умолкоша и слово его възвысиша до облак.

Не богатый блажен, но иже богатства не требуеть.

Имения многа детем безумным не пользують.

Уне ест в худы ризы одеваему радоватися, нежели в драгыя с

печалью.

Уча учи нравом, а не словом.

Не сыпати бисера пред свиньями.

Ни в рыбах гласа, ни в ненаказанных добра дела ищи.

Наказание корение имеет горко, а плод сладок.

Ни больного может ицелити золотая кровать, ни несмысленному на ползу слава и богатство.

Лют конь уздою въздержитъся, а скор гнев умом обуздается.

Кротко слово разрушает гнев.

Ни птицы упущены скоро можеша опять яти, ни слова из уст вылетевша възвратити можеша и яти.

Земнаго не сведая и небесных пытаеша.

Яко моль ризе и червь древу тако и печаль мужеву пакоститъ сердцю.

Из одних уст исходитъ благословение и клятва.

Уне есть ногами поткнутися, нежели языком.

Достойно сугубо слышати, а единою молвити.

ИЗ «ПЧЕЛЫ»

Не место может украсить добродетель, но добродетель место.

Копаящийся яму под ближним своим – упадет в нее.

Лучше малое имущество, добытое правдой, чем многое богатство – без правды.

Рана от верного друга достойнее, чем поцелуй врага.

Лучше овощная пища, предложенная с любовью и расположением, чем теленок – с враждой.

Не покидай старого друга, ведь новый не будет похож на него.

Друг верный не изменится – и нет меры доброте его.

Не так огонь жжет тело, как душу разлука с другом.

Умень коня узнается на войне, а верный друг – в беде.

Золото огнем испытывается, а друг – жизненными напастьми.

Истинного друга в напастях не бойся.

Друга ищи не того, кто любезен с тобой, кто с тобой соглашается, а крепкого советника, кто полезного для тебя ищет и противится твоим необдуманном словам.

Муж обличающий лучше льстящего.

Всем угождать – зло.

Богатым все люди друзья.

Того считай другом, кто любит тебя, а не тех, что вокруг тебя.

Не следует поручать чужих тому, кто убежал от своих.

Кто хочет другими управлять, пусть сначала научится владеть собой.

Принимающему большую власть подобает большой ум иметь.

Кто многим страшен, тот будет многих бояться.

Завидуй не тому, кто большой власти добился, а тому, кто хорошо с похвалой покинул ее.

Дурно и огорчительно, когда злые над добрыми властвуют, а глупые над умными.

Опасно дать беснующемуся острый нож, а коварному – власть и могущество.

Безумная власть бывает причиной зла.

Богатый заговорит – и все умолкнут и речь его вознесут до облаков.

Не богатый благоразумен, а тот, кто богатства не требует.

Большое богатство глупым детям не приносит пользы.

Лучше, в худые одежды одеваясь, радоваться, чем в дорогих – печалиться.

Уча учи поступками, а не словами.

Не следует сыпать жемчуг перед свиньями.

Не ищи ни от рыб голоса, ни от ненаученного доброго дела.

Ученье имеет корень горький, а плод сладкий.

Ни больного не может излечить золотая кровать, ни глупому не на пользу слава и богатство.

Злой конь уздой воздержится, а быстрый гнев умом обуздается.

Кроткое слово укрощает гнев.

Ни быстро упущенной птицы не можешь опять поймать, ни слова, вылетевшего из уст, не можешь вернуть.

Не разузнав земного, рассуждаешь о небесном.

Как моль вредит одежде и червь дереву, так печаль – сердцу мужа.

Из одних уст выходит благословение и проклятие.

Лучше ногами споткнуться, чем языком.

Следует дважды слушать, а один раз сказать.

ИЗ «МЕНАНДРА»

Велико есть богатство человеку ум.

Жениться хотя, въпрашаи сусед, тожь ся жени.

Един есть раб во всяком дому – сам господин.

Луче молчати, негли зле глаголати.

Или не твори тайны, или сотворив ти сам веси точию.

Луче сбирати ум, негли богатство лукаво.

Равен ся имей всем, аще и болии еси жизнью.

Печаль умеет ражати человеком болезнь.

Вещати умеют мнози, а разумети не вси.

Мечь язвить тело, а слово зло – ум.
Вино много пиемо мало даеть смыслити.
Несть никое же имение добрее друга.
Не радуйся ины видя в беде.
Отець есть иже въскормит, а не иже родит.
Человеческому уму время бываеть учитель.
Мнози суть у добра житья друзи, а не у беды.
Легчеєсть утешати, негли самому стражащю терпети.
Бываеть другоици молчание луче глаголания.
Богатого вси мнять мудра.
Благодеть приим – помни, а створи – забуди.
Сладко есть издалече моря позоровати.

ИЗ «МЕНАНДРА»

Ум – большое богатство для человека.
Желая жениться, расспроси соседей, а потом женись.
В каждом доме есть один раб – сам хозяин.
Лучше молчать, чем зло говорить.
Или не делай тайны, или, задумав ее, знай ее только сам.
Лучше ум копить, чем богатство лукавое.
Держись со всеми как равный, если в жизни ты и выше.
Печаль рождает людям болезнь.
Рассуждать умеют многие, а понимать – не все.
Меч ранит тело, а злое слово – ум.
Много выпитого вина мало дает понимать.
Нет никакого имущества дороже друга.
Не радуйся, видя других в беде.
Отец тот, кто вскормит, а не тот, кто родит.
Человеческому уму время – учитель.
Много друзей при хорошей жизни, а не в несчастье.
Легче утешать, чем самому терпеть страдание.
Бывает иной раз смолчать лучше, чем сказать.
Богатого все считают мудрым.
Получив добро, помни, а сделав – забудь.
Приятно на море издали смотреть.

ИЗ «ИЗРЕЧЕНИЙ ИСИХИЯ И ВАРНАВЫ»

Бегай похвалы, срамляй же ся укоризны.
Щади беспоставнаго своего языка: многажды бо износить, его же лепотаити.
Мечь погубляеть многы, но не яко язык зол.

Луче есть в утлеи лодьи ездити, нежели зле жене тайны поведати: она бо точию тело потопить, а си всю жизнь погубить. Мутен ум чиста слова не ражаеть.

Бчела на звон летить, а мудрый на полезная словеса течет.

Ленивый горей есть болнаго: болныи бо, аще лежить, то не ясть, а ленивый и лежить и ясть.

Острота оружию на конци, острота же умная в главе.

Всякаго дела коньць пред началом распытай.

Толико точию дай телу, елико же требует, а не елико же похочеть.

Мати зломь леность.

Тогда суд убогым нравится, егда судия убогым не богатиться.

Затчена корчага ти молчалив человек – не ведати что в нем есть.

Ни волк волка, ни змия змии не губить, но человек человека погубляеть.

Рысь пестра извону, а человеци лукави изнутри.

Пьяный горее есть болнаго: он бо на нов месяц беситься, а сеи самохотью по вся дни беситься.

Тщивый преже года състареецца, а без года мучиться.

Иже красен и безумен, то акы паволочито възглавие, соломы наткано.

Муж книжен без ума добра аки слепець есть. Мужь мудр без книг подобен есть оплоту без подпор.

ИЗ «ИЗРЕЧЕНИЙ ИСИХИЯ И ВАРНАВЫ»

Сторонись похвалы, стыдись же укора.

Щади свой (бесцоставный) язык: часто он выдает то, что следует хранить в тайне.

Меч губит многих, но не столько, сколько злой язык.

Лучше в дырявой лодке плыть, чем злой жене сказать тайну: ведь та только тело потопит, а эта всю жизнь погубит.

Мутный ум не родит ясного слова.

Пчела на звон летит, а мудрый на полезные речи спешит.

Ленивый хуже больного: ведь больной, если лежит, то не ест, а ленивый и лежит и ест.

Острота оружия – на его конце, острота же ума – в голове.

Конец каждого дела обдумай перед началом.

Давай телу лишь столько, сколько оно требует, а не сколько захочет.

Мать зла – лень.

Тогда суд бедным нравится, когда судья бедным не обогащается.

Заткнутый сосуд и молчаливый человек – неизвестно что в них есть.

Ни волк волка, ни змея змею не губит, а человек человека погубит.

Рысь пестра извне, а лукавые люди – изнутри.

Пьяный хуже больного: этот ведь на новый месяц бесится, а тот по своей воле каждый день бесится.

Суетный раньше времени состарится, а во всякое время мучится.

Кто красив и глуп, тот похож на изголовье, паволокой покрытое, а соломой набитое.

Муж книжный, но без хорошего ума – как слепой. Муж мудрый не книжный подобен забору без опор.

ИЗ «ПОВЕСТИ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ»

Не буди жесток яко же кость человека, но буди мякоч.

Уне есть со умным камень двигнути, неже с безумьем вино пити.

Не буди сладок без меры, егда когда пожруть тя, не буди без меры горек да не отбежить от тебе друг твои.

Коня не имея, на чюжемь не езд.

Аще кто послушает умна человека, то яко же в день жадания студеные воды напьеться.

Умну мужу речеши слово и победить сердцемь, а безумнаго аще и кнотом бьеши, не вложиши во нь ума.

Мьзда очи ослепляет судиям.

Уне есть послушати пиана мудра, нежели трезва безумна.

Уне есть слеп очима, неже слеп сердцем.

Имя и слава четьнее есть человеку, нежели красота личная.

Уне есть человеку добра смерть, негли зол живот.

Ближнее овчя уне есть негли дал ней вол.

Уне есть един врабьи, иже в руце держиши, негли тысяща птичя, летяща по аеру.

Его же порты светлы, того и речь честна есть.

Уне есть от премудра бьену быти, неже от безумна маслом помазану быти.

ИЗ «ПОВЕСТИ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ»

Не будь твердым, как кость человека, но будь мягким.

Лучше с умным камень поднимать, чем с глупым вино пить.

Не будь сладок без меры, иначе тебя съедят, но и не будь горьким без меры, чтобы не покинул тебя друг твой.

Если не имеешь коня, на чужом не езд.

Послушать умного человека – как при жажде холодной воды напиться.

Умному мужу слово скажешь – и он сердцем примет его, а глупого

если и «кнутом бьешь – не вложишь в него ума.

Мзда глаза слепит судьям.

Лучше послушать пьяного мудрого, чем трезвого глупого.

Лучше слепые глаза, чем слепое сердце.

Имя и слава дороже человеку, чем красивое лицо.

Хорошая смерть человеку лучше дурной жизни.

Близкая овца лучше далекого вола.

Лучше один воробей, которого держишь в руке, чем тысяча птиц, летящих по воздуху.

Чьи одежды светлы, того и речь честна.

Лучше быть побитым мудрым, чем помазанным маслом – глупым.

ИЗ «ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ»

Мир стоит до рати, а рать до мира (1148 г.).

Не идет место к голове, но голова к месту (1151 г.).

Бог бо когда хочеть показнити человека, отиметь у него ум (1172 г.).

Луче есть на своей земле костью лечи, и нежли на чюже славну быти (1201 г.).

Един камень много горньцев избивает (1217 г.).

Еже притчею глаголють книги: не оставлющеса камень на камени (1221 и 1289 гг.).

Не погнетши пчел, меду не едать (1231 г.).

Война без падших мертвых не бывает (1254 г.).

ИЗ «ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ»

Мир держится до рати, а рать – до мира.

Не место украшает человека, а человек место.

Когда бог хочет наказать человека, то лишает его разума.

Лучше на родине костями лечь, чем на чужбине быть почете.

Один камень много горшков перебьет.

Притчею говорят книги: не осталось камня на камне.

Не поморив пчел, меду не есть.

Война без мертвых не бывает.

ИЗ «ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ»

Брань славна луче есть мира студна (1186, 1187, 1239 гг.).

Иде же закон, ту и обид много (1175 г.).

Не в силах бог, но в правде (1263 г.).

ИЗ «ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ»

Лучше добрая война, чем худой мир.

Где закон, там и обид много.

Не в силе бог, а в правде.

Слово Даниила Заточника

Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева

СЛОВО ДАНИЛА ЗАТОЧЕНИКА, ЕЖЕ НАПИСА СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВОЛОДИМЕРОВИЧЮ

Въструбимъ, яко во златокованый трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребренья органы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани въ псалтыри²⁷⁶ и в гуслех. Востану рано, исповѣмъ ти ся. Да разверзу въ притчах гадания моя и провѣщаю въ языцѣх славу мою. Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотою и мудростию.

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА, НАПИСАННОЕ ИМ СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВЛАДИМИРОВИЧУ

Вострубим, как в златокованные трубы, во все силы ума своего, и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью. Восстань, слава моя, восстань в псалтыри и в гуслях. Встану рано и расскажу тебе. Да раскрою в притчах загадки мои и возведу в народах славу мою. Ибо сердце умного укрепляется в теле его красотою и мудростью.

Бысть языкъ мой трость²⁷⁷ книжника скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость. Сего ради покушахся написати всякъ съюзъ сердца моего и разбих злѣ, аки древняя младенца о камень.²⁷⁸

Был язык мой как трость книжника-с скорописца, и приветливы уста мои, как быстрота речная. Того ради попытался я написать об оковах сердца моего и разбил их с ожесточением, как древние – младенцев о камень.

Но боюсь, господине, похулениа твоего на мя.

Но боюсь, господине, осуждения твоего.

Азь бо есмь, аки она смоковница проклятая:²⁷⁹ не имѣю плода покаянию; имѣю бо сердце, аки лице безъ очию; и бысть умъ мой, аки нощныи врань на нырищи, забдѣх; и расыпая животъ мой, аки Ханаонский царь буестию;²⁸⁰ и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона.²⁸¹

Ибо я как та смоковница проклятая: не имею плода покаяния; ибо имею сердце – как лицо без глаз; и ум мой – как ночной ворон, на развалинах бодрствующий; и закончилась жизнь моя, как у ханаанских царей, бесчестием; и покрыла меня нищета, как Красное море фараона.

Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры²⁸² госпожа своя.

Все это написал я, спасаясь от лица бедности моей, как рабыня Агарь

от Сарры, госпожи своей.

Но видих, господине, твое добросердие к собѣ и притекох къ обычной твоей любви. Глаголетъ бо въ Писании: просящему у тебе дай, толкущему отверзи, да не лишень будеши царствія небеснаго; писано бо есть: возверзи на господа печаль свою, и тои тя препитаеть въ вѣки.

Но видел, господине, твое добросердечие ко мне и прибег к всегдашней любви твоей. Ибо говорится в Писании: просящему у тебя дай, стучащему открой, да не отвергнут будешь царствія небеснаго; ибо писано: возложи на бога печаль свою, и тот тебя пропитает вовеки.

Азь бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застении, на ню же ни солнце сияеть, ни дождь идет; тако и азь всѣмъ обидимъ есмь, зане не ограженъ есмь страхом грозы твоеа, яко плодомъ твердым.

Ибо я, княже господине, как трава сорная, растущая под стеною, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не дождит; так и я всеми обижаем, потому что не огражден я страхом грозы твоей, как оплотом твердым.

Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня, но зри на мя, аки мати на младенецъ. Возри на птица небесныа, яко тии ни орють, ни сѣють, но уповають на милость Божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоеа.

Не смотри же на меня, господине, как волк на ягненка, а смотри на меня, как мать на младенца. Посмотри на птиц небесных – не пашут они, не сеют, но уповают на милость Божию; так и мы, господине, ищем милости твоей.

Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣи смолы; кому Лаче озеро,²⁸³ а мнѣ на нем сѣдя плачь горький; и кому ти есть Новъгород, а мнѣ и углы опадали, зане не процвите часть моя.

Ибо, господине, кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озеро, а мне, на нем живя, плач горький; кому Новый Город, а мне и углы завалились, так как не расцвело счастье мое.

Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многообразных брашень. Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обрѣтаются и паки помагагоще подразити нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся. Тѣмъ же не ими другу вѣры, ни надѣися на брата.

Друзья мои и ближние мои отказались от меня, ибо не поставил перед

ними трапезы с многоразличными яствами. Многие ведь дружат со мной, опуская руку со мной в солонку, а в несчастье как враги обретаются и даже помогают поставить мне подножку; глазами плачут со мною, а сердцем смеются надо мной. Потому-то не имей веры к другу и не надейся на брата.

Не лгаль бо ми Ростиславъ князь: лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение;²⁸⁴ тако же и мужеви: лѣпше смерть, ниже продолжень животъ в нищете. Яко же бо Соломонъ рече: ни богатства ми, ни убожества, господи, не дай же ми: аще ли буду богатъ – гордость восприиму, аще ли буду убогъ – помышляю на татбу и на разбой, а жены на блядню.

Не лгал мне князь Ростислав, когда говорил: «Лучше мне смерть, нежели Курское княжение»; так и мужи говорят: «Лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете». Как и Соломон говорил: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, господи: если буду богат, – гордостью вознесусь, если же буду беден, – задумаю воровство или разбой».

Тѣмъ же вопию к тобѣ, одержимъ нищетою: помилуй мя, сыне великаго царя Владимера,²⁸⁵ да не восплачюся рыдая, аки Адамъ рая; пусти тучю на землю художества моего.

Вот почему взываю к тебе, одержим нищетою: помилуй меня, сын великого царя Владимира, да не восплачусь, рыдая, как Адам о рае; пусти тучу на землю убожества моего.

Зане, господине, богат мужъ везде знаем есть и на чюжеи странѣ друзи держить; а убогъ во своей ненавидим ходить. Богат возглаголеть – вси молчат и вознесут слово его до облакъ; а убогии возглаголеть – вси на нь кликнуть. Их же ризы свѣтлы, тѣх рѣчь честна.

Ибо, господине, богатый муж везде ведом – и на чужой стороне друзей держит, а бедный в своей стороне ненавидим ходит. Богатый заговорит – все замолчат и после вознесут речь его до облак; а бедный заговорит – все на него закричат. Чьи ризы светлы, тех и речь честна.

Княже мои, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от усть лвовъ.

Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну из сетей, как птицу из западни, как утенка от когтей ястреба, как овцу из пасти львиной.

Азь бо есмь, княже, аки древо при пути: мнозии бо посѣкають его и на огонь мечють; тако и азь всѣм обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа.

Я ведь, княже, как дерево при дороге: многие обрубают ему ветви и в

огонь мечут; так и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей.

Яко же бо олово гинеть часто разливаемо, тако и человекъ, приемля многия бѣды. Никто же может соли зобати, ни у печали смыслити; всякъ бо человекъ хитритъ и мудритъ о чюжеи бѣди, а о своей не можетъ смыслити. Злато съкрушается огнемъ, а человекъ напастыми; пшеница бо много мучима чистъ хлѣбъ являетъ, а в печали обрѣтаетъ человекъ умъ свръшенъ. Молеве, княжи, ризы ѣдятъ, а печаль человека; печалну бо мужу засышють кости.

Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек – когда он много бедствует. Никто ведь не может ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть; всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а в своей не может смыслить. Злато плавится огнем, а человек напастями; пшеница, хорошо перемолотая, чистый хлеб дает, а человек в печали обретает ум зрелый. Моль, княже, одежду ест, а печаль человека; печаль человеку кости сушит.

Аще кто в печали человека призрит, какъ студеною водою напоить во зноинныи день.

Если кто в печали человеку поможет, то как студеной водой его напоит в знойный день.

Птица бо радуется весни, а младенецъ матери; весна украшаетъ цвѣты землю, а ты оживлявши вся человекы милостию своею, сироты и вдовици, от велможь погружаемы.

Птица радуется весне, а младенец матери; весна украшает землю цветами, а ты оживляешь людей милостию своею, сирот и вдовиц, вельможами обижаемых.

Княже мои, господине! Яви ми зракъ лица своего, яко гласъ твои сладокъ и образ твои красенъ; мед истачають устнѣ твои, и послание твое аки рай с плодом.

Княже мой, господине! Покажи мне лицо свое, ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен; мед источают уста твои, и дар твой как плод райский.

Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлѣбъ ядуца; или пиеши сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрена; егда лежиши на мягких постелях под собольими одѣялы, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми аки стрѣлами сердце пронизающе.

Когда веселишься за многими яствами, меня вспомни, хлеб сухой жующего; или когда пьешь сладкое питье, вспомни меня, теплую воду пьющего в незаветренном месте; когда же лежишь на мягкой постели под

соболями одеялами, меня вспомни, под одним платком лежащего, и от стужи оцепеневшего, и каплями дождевыми, как стрелами, до самого сердца пронзаемого.

Да не будет, княже мои, господине, рука твоя согбена на подание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманиемъ твоего дому истощити. Яко же бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людем.

Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подаяние бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дому не истощить. Как невод не удерживает воды, а только рыб, так и ты, княже, не удерживай злата и серебра, а раздавай людям.

Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являетъ; тако и ты, княже, многими людми честень и славень по всѣмъ странам. Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго²⁸⁶ и показа им множество злата и сребра; они же рѣша: нашъ царь богатѣи тебе не множеством злата, но множеством воя; зане мужи злата добудуть, а златом мужей не добыти. Яко же рече Святославъ князь, сынъ Ольжинъ,²⁸⁷ ида на Царьград с малою дружиною, и рече: братиа! намъ ли от града погинути, или граду от нас пленену быти? Яко же бог повелитъ, тако будетъ: поженет бо единъ сто, а от ста двигается тма. Надѣяся на господа, яко гора Сионъ²⁸⁸ не подвижится въ вѣки.

Паволока, расшитая разноцветными шелками, красоту свою показывает; так и ты, княже, многими своими людми честен и славен во всех странах являешься. Некогда ведь похвалился царь Иезекииль перед послами царя вавилонского и показал им множество злата и серебра; они же сказали: «Наш царь богаче тебя не множеством золота, но множеством воинов; ибо воины золото добудут, а золотом воинов не добыть». Как сказал князь Святослав, сын Ольгин, когда шел на Царьград с небольшою дружиною: «Братья! нам ли от города погибнуть или городу от нас быть пленену?» Как бог повелит, так и будет: погонит один его, а от ста побегут тысячи. Тот, кто надеется на господа, не дрогнет вовек, как гора Сион.

Дивиа за буяном кони паствити,²⁸⁹ тако и за добрымъ князем воевати. Многажды безнарядиемъ полци погибають. Видих: великъ звѣрь, а главы не имѣеть; тако и многи полки без добра князя.

Славно за бугром коней пасти, так и в войске хорошего князя воевать. Часто из-за беспорядка полки погибают. Видел: огромный зверь, а головы не имеет, так и многие полки без хорошего князя.

Гусли бо страются персты, а тѣло основается жилами; дубъ крѣпокъ

множеством кореня; тако и градъ нашъ твоею дръжавою.

Гусли ведь настраиваются перстами, а тело крепится жилами; дуб силен множеством корней, так и град наш – твоим управлением.

Зане князь щедръ отецъ есть слугамъ многиим: мнозии бо оставляють отца и матеръ, к нему прибѣгают. Доброму бо господину служба, дослужится слободы, а злу господину служба, дослужится болшей работы. Зане князь щедръ, аки рѣка, текуща без береговъ сквози дубравы, напаяюще не токмо человекѣки, но и звѣри; а князь скупъ, аки рѣка въ брезѣх, а брезѣи камены: нѣлзи пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладязъ сладокъ при пути напаяетъ мимоходящих; а бояринъ скупъ, аки кладязъ сланъ.

Ибо щедрый князь – отец многим слугам: многие ведь оставляют отца и матеръ и к нему приходят. Хорошему господину служба, дослужится свободы, а злему господину служба, дослужится еще большего рабства. Ибо щедрый князь – как река, текущая без берегов через дубравы, утоляющая жажду не только людей, но и зверей; а скупой князь – как река в берегах, а берега каменные: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить. Боярин щедрый – как колодезь с пресной водой при дороге: многих напаяет; а боярин скупой – как колодезь соленый.

Не имѣи собѣ двора близъ царева двора и не дръжи села близъ княжа села: тивунъ бо его аки огонь трепетицею накладенъ, и рядовичи²⁹⁰ его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искоръ не можеши устеречися и сождения портъ.

Не имей себе двора близ царева двора и не держи села близ княжого села: ибо тиун его – как огонь, на осине разожженный, а рядовичи его что искры. Если от огня и устережешься, то от искр не сможешь устеречься и одежду прожжешь.

Господине мои! Не лиши хлѣба нища мудра, ни вознесе до облакъ богата несмыслена. Нищъ бо мудръ, аки злато в кални судни; а богат красенъ и не смыслить, то аки паволочито изголовие соломы наткано.

Господине мой! Не лиши хлеба мудрого нищего, не вознеси до облакъ глупого богатого. Ибо нищий мудрый – что золото в навозном сосуде, а богатый разодетый да глупый – что шелковая наволочка, соломой набитая.

Господине мои! Не зри внѣшняя моя, но возри внутренняя моя. Азь бо, господине, одѣниемъ оскуденъ есмь, но разумом обилень; унь възрастъ имѣю, а старъ смыслъ во мнѣ. Бых мыслию паря, аки орель по воздуху.

Господине мой! Не смотри на внешность мою, по посмотри, каков я внутри. Я, господние, хоть одеянием и скуден, но разумом обилен; юн возраст имею, а стар смысл во мне. Мыслию бы парил, как орел в воздухе.

Но постави сосуд скуделничъ под лѣпокъ капля языка моего, да накаплютъ ти слажше меду словеса усть моих. Яко же Давид рече: сладка сут словеса твоя, паче меда устомъ моимъ. Ибо Соломонъ рече: словеса добра сладостью напаяютъ душу, покрываетъ же печаль сердце безумному.

Но поставь сосуд гончарный под капельницу языка моего, да накаплет тебе слаще меду слова уст моих. Как Давид сказал: «Сладки слова твои, лучше меда они устам моим». Ибо и Соломон сказал: «Слова добрые сладостью напоятъ душу, покрываетъ же печаль сердце безумного».

Мужа бо мудра посылай и мало ему кажи, а безумнаго посылай, и самъ не лѣнися по немъ ити. Очи бо мудрых желаютъ благых, а безумнаго дому пира. Лѣпше слышати прѣшние умных, нижели наказания безумных. Даи бо премудрому вину, премудрие будетъ.

Ибо мудрого мужа посылай – и мало ему объясняй, а глупого посылай – и сам вслед не ленись пойти. Очи мудрых желаютъ блага, а глупого – пира в доме. Лучше слушать спор умных, нежели указания глупых. Наставь премудрого, и он еще мудрее станет.

Не сѣи бо на бразнах жита, ни мудрости на сердцах безумных. Безумных бо ни сѣютъ, ни орють, ни в житницу собирают, но сами ся родят. Какъ в утель мѣх лити, такъ безумнаго учить; псомъ бо и свиниамъ не надобѣ злато, ни серебро, ни безумному драгии словеса; ни мертвеца росмѣшити, ни безумнаго наказати. Коли пожретъ синица орла, коли камень въсплавлет по водѣ, и коли иметь свиния на бѣлку лаяти, тогда безумныи уму научится.

Не сей на межах жита, ни мудрости в сердцах глупых. Ибо глупых ни сеют, ни жнут, ни в житницу не собирают, но сами себя родят. Как в дырявые меха лить, так и глупого учить; ибо псам и свиньям не нужно ни золота, ни серебра, а глупому – мудрых слов; мертвеца не рассмешишь, а глупого не изучишь. Коли пожрет синица орла, коли поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится.

Или ми речеши: от безумна ми еси молвилъ. То не видал есмь неба польстяна, ни звиздъ лутовяных, ни безумнаго, мудрость глаголющъ. Или ми речеши: сългалъ еси аки песъ. Добра бо пса князи и бояре любят. Или ми речеши: сългалъ еси аки тать. Аще бых украсти умѣлъ, то толко бых к тобѣ не скорбилъ. Дѣвица бо погубляетъ красу свою бляднею, а мужъ свое мужество татбою.

Неужели скажешь мне: от глупости все мне это наговорил? Не видел ты неба холстяного, ни звезд искусственных, ни глупого, говорящего мудро. Неужели скажешь мне: солгал как пес? Но хорошего пса князя и бояре любят. Неужели скажешь мне: солгал как вор? Если бы украсть

умел, то к тебе бы и не взывал. Девица ведь губит красоту свою прелюбодейством, а муж свое мужество – воровством.

Господине мои! То не море топить корабли, но вѣтри; не огонь творить ражежение желѣзу, но надымание мѣшное; тако же и князь не самъ впадаетъ въ вещь, но думци вводитъ. З добрымъ бо думцею думая, князь висока стола добудеть, а с лихимъ думцею думая, меншего лишенъ будетъ.

Господине мой! Ведь не море топит корабли, но ветры; не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами; так и князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаюсь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишен будет.

Глаголетъ бо в мирскихъ притчах: не скоть въ скотѣхъ коза; ни звѣрь въ звѣрехъ ожь; ни рыба въ рыбахъ ракъ; ни потка въ поткахъ нетопырь; не мужъ в мужехъ, иже кимъ своя жена владѣеть; не жена в женахъ, иже от своего мужа блядетъ; не работа в работахъ под жонками повозъ возити.²⁹¹

Говорится ведь в мирскихъ пословицахъ: ни скот в скотахъ коза, ни зверь в зверяхъ еж, ни рыба в рыбахъ рак, ни птица в птицахъ нетопырь, ни муж в мужахъ, если над ним жена властвует, ни жена в женахъ, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работахъ – для женок повоз возить.

Дивнѣи дива, иже кто жену поймаеть злообразну прибытка дѣля.

Дивней дивного, кто в жены возьмет уродину прибытка ради.

Видѣхъ жену злообразну, приничюще к зеркалу и мажущися румянцемъ, и рѣхъ ей: не зри в зеркало, видѣвше бо нелѣпоту лица своего, зане болшую печаль примемши.

Видел жену безобразную, приникнувшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей: «Не смотришь в зеркало – увидишь безобразие лица своего и еще больше обозлишься».

Или ми речеши: женися у богата тѣстя чти великиа ради; ту пии и яжь. Ту лѣпше ми воль буръ вести в дом свои, нѣже зла жена поняти: воль бо ни молвить, ни зла мыслить; а зла жена бѣема бѣсѣтъся, а кротима выситя, въ богатествѣ гордость приемлетъ, а в убожествѣ иныхъ осужаетъ.

Неужели скажешь мне: «Женись у богатого тестя, чести ради великой; у него пей и ешь»? Лучше бы уж мне вола бурого ввести в дом свой, чем злую жену взять: вол ведь не говорит, ни зла не замышляет, а злая жена, когда ее бьешь, бесится, а когда кроток с ней – заносится, в богатстве гордой становится, а в бедности другихъ злословит.

Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бѣсовская. Что есть жена зла? Мирский мятежь, ослѣпление уму, начальница всякой злобѣ, въ церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада от спасения.

Что такое жена злая? Торговка плутоватая, кощунница бесовская. Что

такое жена злая? Людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса, защитница греха, засада от спасения.

Аще который муж смотреть на красоту жены своеа и на я, и ласковая словеса и льстива, а дѣль ея не испытаеть, то даи богъ ему трясцею болѣти, да будеть проклят.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не проверяет, то дай бог ему лихорадкой болеть и да будет он проклят.

Но по сему, братиа, рассмотрите злу жену. И рече мужу своему: господине мой и свѣте очию моею! Азь на тя не могу зрѣти: егда глаголеши ко мнѣ, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тѣла моего, и поничю на землю.

Вот посмотрите, братия, на злую жену. Говорит она мужу своему: «Господине мой и свет очей моих! Я на тебя и взглянуть не могу: когда говоришь со мной, тогда смотрю на тебя, и обмираю, и слабеют все члены тела моего, и опускаюсь на землю».

Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужъ женѣ своей. Жены же у церкви стоите молящися богу и святѣи богородици; а чему ся хотите учить, да учитесь дома у своих мужей. А вы, мужи, по закону водите жены свои, поне же не борзо обрѣсти добры жены.

Послушайте, жены, слова апостола Павла: крест – глава церкви, а муж – жене своей. Жены, стойте в церкви и молитесь богу и святой богородице, а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жен своих, ибо нелегко найти хорошую жену.

Добра жена вѣнец мужу своему и беспечалие; а зла жена лютая печаль, истощение дому. Червь древа тлить, а зла жена домъ мужа своего терять. Лутче есть утли лодии ездѣти, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить. Лѣпше есть камень долоти, нежели зла жена учить; желѣзо уваришь, а злы жены не научишь.

Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалие, а злая жена – горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает. Лучше в дырявой ладѣ плыть, нежели злой жене тайны поведать: дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь.

Зла бо жена ни учения слушаеть, ни церковника чтить, ни бога ся боить, ни люди сѣ стыдить, но всѣх укоряет и всѣх осужаеть.

Ибо злая жена ни ученья не слушает, ни церкви не чтит, ни бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает.

Что лва злѣи в четвероногих, и что змии лютѣи в ползущих по земли? Всего того злѣи зла жена. Нѣсть на земли лютѣи женской злобы. Женою сперва прадѣдъ нашъ Адамъ из рая изгнанъ бысть; жены ради Иосифъ Прекрасный в темници затворенъ бысть;²⁹² жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша,²⁹³ и лви ему ноzi лизаху. О злое, острое оружие диаволе и стрѣла, лѣтящей с чемеремъ!

Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключен; из-за жены пророка Даниила в ров ввергли, где львы ему ноги лизали. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

Нѣ у кого же умрѣ жена; онѣ же по матерных днех нача дѣти продавати. И люди рѣша ему: чему дѣти продаешь? Он же рече: аще будутъ родилися в мать, то, возрошьши, мене продадут.

У некоего человека умерла жена; он же по смерти ее начал продавать детей. И люди сказали ему: «Зачем детей продаешь?» Он же ответил: «Если родились они в мать, то, как подрастут, меня самого продадут».

Еще возвратимся на предняя словеса. Азъ бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философъ научихся, но бых аки пчела, падая по разным цвѣтом, совокупляя медвеный сотъ; тако и азъ, по многим книгамъ исьбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мѣх воды морския.

Но вернемся к прежнему. Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела – припадая к разным цветам, собирает она мед в соты; так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их и собрал, как в мех воды морские.

Да уже не много глаголю. Не отмѣтай безумному прямо безумию его, да не подобенъ ему будеши. Уже бо престану с нимъ много глаголати. Да не буду аки мѣх утель, роня богатство в руци неимущим; да не уподоблюся жорновом, яко тии многи люди насыщают, а сами себе не могут насытитися жита; да не възненавидим буду миру со мною бесѣдою, яко же бо птиця, частяще пѣсни своя, скоро възненавидима бываетъ. Глаголетъ бо в мирских притчах: рѣчь продолжена не добро, добро продолжена паволока.

Скажу не много еще. Не запрещай глупому глупость его, да не уподобишься самому. Не стану с ним много говорить. Да не буду как мех

дырявый, роняя богатство в руки неимущих; да не уподоблюсь жерновам, ибо те многих людей насыщают, а сами себя не могут насытить житом; да не окажусь ненавистным миру многословною своею беседою, подобно птице, частящей свои песни, которую вскоре же ненавидеть начинают. Ибо говорится в мирских пословицах: длинная речь не хороша, хороша длинная паволока.

Господи! Дай же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову и умножи, господи, вся челоѡькы под нози его. Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣк.

Господи! Дай же князю нашему силу Самсона, храбрость Александра, разум Иосифа, мудрость Соломона, искусность Давида и умножь, господи, всех людей под пятою его. Богу нашему слава, и ныне, и присно, и вовеки.

Александрия

Подготовка текста, перевод и примечания О. В. Творогова

КНИГЫ АЛЕКСАНДРЪ, СЛОВ 103

Доблии, мнится быти, и храборъ Александръ Макидонскыи, яко, все сътворивъ, поспѣвающу ему, имея присно къ доброму делу промышление. Толико бо лѣтъ проводи, съ всѣми языки брань творя и биася, яко же не можяху хотящии грады по извѣсту исписати Александра же дѣянния и добраа дѣла души и тѣла его, и, юже въ дѣлѣхъ его, вазнь, и мужество, се уже речемъ, начятокъ от рода его сътворше, и которого бѣ отца сынъ. Блазнять бо ся мнози, глаголюща его сына суца Филипа царя, еже есть не тако. Не того бо есть, но Нектоनावовъ и Филиповы жены Олумпиады.²⁹⁴ Образъ же рожества его не по истиннѣ пишюще сего сына быти.

КНИГА ОБ АЛЕКСАНДРЕ, В НЕЙ ЖЕ 103 ГЛАВЫ

РОЖДЕНИЕ АЛЕКСАНДРА

Кажется нам, что доблестным и храбрым был Александр Македонский, раз во всем сопутствовала ему удача, и всегда он стремился к славным делам. Ведь столько лет провел он в войнах и сражениях с различными народами, что и те, кто хотел бы, не могут их точно перечислить. Так поведаем же о подвигах Александра, и о славных деяниях души его и тела, и о счастье, сопутствовавшем деяниям тем, и о мужестве, начав с рассказа о его происхождении и о том, чьим он был сыном. Многие заблуждаются, называя его сыном царя Филиппа, это не так. Не Филиппа он сын, а Нектонава и Олимпиады, жены Филипповой. И не верно описывают рождение его от Филиппа.

Премудрии же египетскыи, иже Нектонава писавше, глаголють, яко царьскыя чести отпаль есть, силу влѣховную дѣя. И всѣмъ языкомъ одолѣ влѣхвуя, да мирнѣ пребываше. Аще бо коли на нь поидяше сила ратных, да вои ни строяше, ни съсуд ратныи строяше, ни помощникъ собѣ искааше на исплѣчение, но, поставивъ мѣдяницу, творяше влѣхвование въ мѣдяници. И вливаше воду от источника въ мѣдяницу, рукама своима дѣлаше лодкы и человѣци воцана, и покладаше въ мѣдяницу. И облачаашеся въ одежду пророческую, имѣяше въ руцѣ своей палицю евелову, и, сгавъ, призываше мнимыя богы своя, влѣхвуя, и въздушныя духы и преисподняя бѣсы. Влѣхвованиемъ тѣмъ оживяху воцании человѣци, и тако погружахуся лодкы в мѣдяници. И потомъ, погружаемомъ имъ, иже на мори прави корабли погибаху ратных, идущих на нь, зане гораздъ бѣ мужъ влѣховнѣи силѣ велми. Въ мирѣ же скончавше царство.

Мудрецы же египетские, рассказывавшие о правлении Нектонава, говорят, что утратил он достоинство царское, занимаясь волхвованием. И все народы одолел с помощью колдовства и жил в мире. Если же когда и шла на него вражеская рать, то не собирал он воинов, не готовил орудий бранных, не искал союзников в битвах, но, поставив медную лохань, колдовал над ней. И наливал ее водой родниковой, своими руками лепил из воска лодочки и человечков и пускал их в воду. И, облачившись в жреческие одежды, брал в руки эбеновый жезл, и призывал, колдуя, мнимых богов своих, и духов воздуха, и демонов преисподней. И по колдовству его оживали восковые человечки и тонули лодочки в медной лохани. И когда погружались они, то на море погибали настоящие корабли с воинами, шедшими на него, ибо был он весьма искусен в колдовстве. И так мирно царствовал Нектонав.

Времени же доволну бывшу, ексилоратори иицини, тако нарицаеми римляне, еллинскы же расоци, приидоша къ Нектоनावови, облакъ великъ ратных повѣдающе ему, бесчисленых мужъ и храбрых воя, на Египта идуща. И пришедъ къ Нектоनावови воевода его, рече к нему: «Здрав буди, царю! Оставивъ нынѣ мирныя вся образы, на браннаа испльчениа буди готовъ, великъ бо облакъ противных прилежить на нас, не единъ бо языкъ на нь грядеть, но тмы людии. Суть бо идущии на насъ индии, и нокимѣи, оксудорки, ивери, и каухони, пелапи, въспори, вастарни, азани, халуви,²⁹⁵ и елико инѣхъ на вѣсточнѣи странѣ сѣдящихъ языкъ великих, бесчисленыхъ мужъ, храбрыхъ воинъ на Египеть грядуще. И ошибися убо многихъ своихъ умѣнии, блюди!» Воеводѣ си рекъши цареви Нектоनावови, много посмѣявся Нектонавъ, рече къ нему: «Ты убо, добръ и разумнѣ порученую ти стражю блюди, се глаголеши? Ужасенъ же, не яко воинъ глагола: не въ мнозѣ бо народѣ есть сила, но въ проразумѣнии брани. Ибо единъ левъ многы елѣни побѣждаетъ, и единъ волкъ многа стада паствь разлучаетъ. Шедъ же убо, ты съ поручными воины тобѣ свою заповѣдь храни. Словомъ бо единомъ ратныхъ бесчислено множество пучиною покрью». И си рекъ, Нектонавъ отпусти воеводу своего.

Много времени прошло, и вот некие эксплораторы, как их называют римляне, а по-гречески – лазутчики, прибыли к Нектонаву и сообщили, что движутся на Египет полчища врагов – не исчислить мужей и храбрых воинов. И, придя к Нектонаву, сказал воевода его: «Будь здоров, царь! Оставь же мирную жизнь свою, готовься на битву, ибо огромное вражеское войско движется на нас, не один народ, а тысячи тысяч людей. Идут на нас и индийцы, и нокимеи, оксудорки, иберы, и кавконы, и пелапы, боспорцы, бастарны, азаны, халибы и все, сколько есть великих

народов, обитающих на Востоке, бесчисленных храбрых воинов – все движутся на Египет. И не надейся на премудрость свою, берегись!» Сказал так воевода Нектонав, но тот, посмеявшись немало, отвечал ему: «Ты ли это говоришь, так мудро и исправно несущий порученную тебе сторожевую службу? В ужасе говоришь, а не так, как подобает воину: ибо не во множестве воинов сила, а в воинском умении. Ибо лев один одолевает многих оленей, а единственный волк разгоняет несколько пасущихся стад. Так иди же и с данными тебе воинами исполняй свою службу. И по одному слову моему погрузится в пучину бесчисленное множество ратников». И, сказав так, отпустил Нектонав своего воеводу.

Сам же, вставъ, вниде в полату свою и, единъ сѣи, паки то же наченъ дѣяти. И възревъ в мѣдяницу, видѣ боги египетскыя правяща лодия противных варваръ, и воя их тѣми ведоми. Нектонавъ же, влѣхвованиемъ вельми гораздъ сѣи человѣкъ, и обыкнувъ съ боги своими клюдити, увѣдѣвъ от нихъ, яко уже кончина есть царству египетскому. Въземъ злато много, постригъ главу и брану свою и, преобразився во инъ образъ, бѣжа сквозѣ Пулусию²⁹⁶ и, преплувъ, прииде въ Пелу макидонскую.²⁹⁷ И сѣде тамо на единомъ мѣсте, яко врачъ премудръ, многа влѣхвуя звѣздами, яко пророкъ египетскыи. Египтяне же моляхуся богомъ своимъ, яко камо ся есть дѣлъ царь египетскыи, вси бо египтяне повоевани бяху от противных. Суции же въ адутѣ богъ их, нарицаемый Серапионъ, прояви имъ, глаголя: «Се бѣжавый царь паки приидеть въ Египетъ, не старъ сѣи, но унь, и врагы ваша прѣсы побѣдить». И пытаху, что убо хоцетъ быти, реченное к нимъ не разумѣша, написаша даное имъ проявление на стѣнѣ Нектонава больвана.

Сам же, встав, прошел в палату свою и, оставшись один, принялся за обычное дело. Но, взглянув в медную лохань, увидел, что боги египетские сами направляют ладьи враждебных ему варваров и ведут их воинов. Нектонав же, человек в колдовстве искусный и привыкший общаться со своими богами, узнал от них, что пришел конец египетскому царству. И, взяв с собой много золота, остриг голову, бороду сбрил и, облик свой изменив, бежал через Пелусий, откуда же, переплыв море, прибыл в Пеллу македонскую. И поселился там где-то под видом мудрого врача, гадая по звездам, как будто он предсказатель египетский. А египтяне вопрошали богов своих: куда же делся их царь, – ибо побежден был Египет врагами. Обитающий в преисподней бог их, именем Серапис, изрек предсказанье: «Царь ваш бежавший снова вернется в Египет, но не старым, а юным, и разгромит врагов ваших, персов». И вопрошали египтяне, что же случится с ними, ибо не поняли сказанного, и написали данное им пророчество на

основании статуи Нектонава.

И по всеи же Макидонии проелавився Нектонавъ, извѣстѹя всѣмъ волхвованиѣмъ, яко же и царица Олумпиада, слышавши о немъ, прииде к нему нощию, Филипу же, мужю ея, отшедшю на воину. И увѣдѣвши от него, его же искаше, отъиде. И не по мнозѣхъ днѣхъ посла по него, и повелѣ ему внити къ собѣ. Нектонавъ же, видѣвъ ю велми красну сущю, въсхотѣ добротѣ ея. Простеръ руку свою, рече: «Радуися, макидонскаа царица!» Она же рече: «Радуися и ты, добрый пророче, минувъ сяди». И рече ему: «Ты еси, господи, – египетскыи учитель, его же искусивше, обретоша всю правду. И азъ же вѣру яхъ о тобѣ. Коею бо хитростию праваа повѣдаеши?» Онъ же рече: «Многомятежно ремество мое, о царице! Суть бо частнии стражеве, раздрѣшители знамениемъ, податели сномъ, ложеснии баснотворци, ягнячи влѣхвове, рождению влѣхвове». И се рекъ, възрѣ на Олумпиаду злѣ. Рече къ нему Олумпиада: «Пророче! Изъмѣрль еси, виде в мя?» Онъ же рече ей: «Госпоже моя, помянухъ бо вѣсть, даную ми от моихъ богъ, яко подобаеть ти царицю видѣти, да все право ся есть събыло. Да потомъ ключи ми, еже хоцещи». И вложивъ руку за пазуху свою, и выня дщицю, ея же слово указати не можетъ: златомъ и слономъ обложена, имѣюща звѣздъ 7 и чястныи стражъ, солнце же и луну. Солнце же убо хрустально, а луна адаматина, другыи нарицаемыи Зеусъ въздушныи, другыи же Кронъ змиевъ, Афродитъ самѣфирова, Ермия же змарагдинъ, ороскопъ же лугдинъ. Подививши же ся Олумпиада дщицному многоразличию, присѣде къ Нектонаву, повелѣвши всѣмъ отступити, и рече къ нему: «Пророче, поглядаи о моемъ и Филипове рожествѣ». Прослу бо ся бяше о неи, яко же приидеть Филипъ с воины, сию пустити хоцеть, а иную пояти. Нектонавъ же рече къ ней: «Рци свое рожество и Филипово». И что къ тому творить Нектонавъ: прилагаеть и свое рожество къ Олумпиадѣ и лжа рече къ неи: «Нѣсть лжа слухъ, же еси слышала о собѣ. Могу же ти помощи яко пророкъ египетскыи, яко да не изгнана будеши от Филипа». Она же рече: «Како можеша?» Онъ же рече: «Подобаеть ти снитися съ земскытмъ богомъ, и от того зачяти, и родити сынъ, и въскормити, сего же имѣти мѣстника бывающимъ грѣхомъ от Филипа на тя». И рече ему Олумпиада: «С которымъ богомъ?» Онъ же рече: «Съ лувиискымъ Амномъ». И рече ему Олумпиада: «Каковъ есть убо богъ той?» Онъ же рече: «Възрастомъ убо срѣднии, власы имѣя златы, и бруди и браду, рогы имѣя на челе, украшены златомъ. Подобаеть же ти ся устроити, яко царици, его ради. Днесъ бо въ снѣ узриши бога того, съшедша с тобою». Она же рече къ нему: «Аще вижду сонъ сеи, не яко влѣхву, но яко богу поклонюся тобѣ».

А Нектонав прославился на всю Македонию, предсказывая всем будущее, так что даже царица Олимпиада, услышав о нем, посетила его как-то ночью, когда муж ее, Филипп, отправился на войну. И, узнав у него все, что хотела, ушла. А несколько дней спустя послала за Нектонавом и велела ему прийти к ней. Нектонав же, видя ее красоту, воспылал к ней страстью. Простер руку свою, приветствуя: «Радуйся, македонская царица!» Она же сказала: «Радуйся и ты, мудрый пророк, пройди сюда и садись». И продолжала: «Ты, господин, – египетский мудрец; расспросив тебя, узнают всю правду. И я верю тебе. Но каким же способом узнаешь ты истину?» Он же отвечал: «О царица! Все объемлет искусство мое. Есть составители гороскопов, толкователи знамений, толкователи снов, предсказатели судьбы, гадатели по ягням, астрологи, я же все это постиг». И, сказав это, страстно взглянул на Олимпиаду. Она же спросила: «О пророк! Почему замер ты, взглянув на меня?» Отвечал ей Нектонав: «Госпожа моя, вспомнил я возвещенное моими богами, что приведется мне увидеть царицу, и вот сейчас сбылось это. Так спрашивай меня о чем хочешь». И, засунув руку за пазуху, вынул дощечку, которую невозможно описать словами: покрыта она золотом и слоновой костью, а на ней изображены семь звезд и гороскоп, солнце и луна. Солнце хрустальное, луна из стали, одна звезда, называемая Юпитер, из драгоценного камня, а другая – Сатурн – из змеинового, Венера – из сапфира, Меркурий – изумрудный, гороскоп же из белого мрамора. Поразилась Олимпиада многоцветной дощечке и, велев отойти всем, под села к Нектонаву и попросила его: «Погадай, пророк, о моей судьбе и судьбе Филиппа». Ибо прошел слух, что Филипп, вернувшись с войны, хочет прогнать ее и жениться на другой. Нектонав же сказал ей: «Назови: когда ты родилась и когда – Филипп?» И вот что сделал тогда Нектонав: сопоставил свой гороскоп с гороскопом Олимпиады и, обманывая ее, сказал: «Не ложен этот слух, что дошел до тебя. Но, как пророк египетский, смогу я тебе помочь, и не будешь ты изгнана Филиппом». Она же спросила: «Как ты сделаешь это?» Он же отвечал: «Должна ты будешь сойтись с земным богом, и родить от него сына, и вскормить его, и отомстит он Филиппу за все зло, тебе причиненное». И спросила его Олимпиада: «С каким богом?» Он же отвечал: «С ливийским Амоном». И спросила Олимпиада: «А каков тот бог с виду?» Отвечал Нектонав: «Ростом средний, волосы золотые – локоны и борода, а на челе – золоченые рога. Должна же ты встретить его как подобает царице. А сегодня во сне увидишь этого бога с собою». И сказала ему Олимпиада: «Если увижу такой сон, то не как волхву, но как богу тебе поклонюсь».

Изыде же убо от царици Нектонавъ и взя зѣлиа от пустыня, еже знаяше на сътворение сномъ, и се столкъ, създа воскомъ женско тѣло, и написа на немъ имя Алумпиадино. И въжегъ свѣтилникъ от зелии, призываше заклинаа бѣсы, иже бяху на се надобѣ, яко призрѣннѣя творити Алумпиадѣ, и видѣти и в нощи съплетшася с нею Амнона. И въставша от нея, и рекша к ней: «Жено, зачала еси въ чревѣ мужескъ поль, иже будетъ мѣстникъ твои».

И, выйдя от царицы, собрал Нектонав травы, росшия в местах пустынных, которые, как он знал, насылают сны, и растолок их, и слепил из воска женскую фигуру, и написал на ней имя Олимпиады. И сжег ту траву на светильнике и призывал, заклинаая, демонов, которые были ему нужны, чтобы явилось видение Олимпиаде и увидела бы она во сне соединившегося с ней Амона, который, поднявшись, сказал бы ей: «Женщина, зачала в чреве своем отрока, который будет мстителем за тебя».

И въставши же Алумпиада от сна, почюдися. И скоро пославши, приведе Нектонава и рече ему: «Видѣхъ сонъ, его же ми еси реклъ бога Амнона. Но молю ти ся, пророче, да быхъ ся пакы смѣсила с нимъ. Да попецися, коли хочеть снитися съ мною, да и азъ приготовленаа жениху явлюся». Он же рече: «Пръвое убо, царице, яко же еси видѣла, сонъ бѣшетъ. Егда же самъ господскы приидеть к тобѣ орудие сътворити, да аще велить дръжава твоя, мѣсто ми вдаи, гдѣ ми леци, да быхъ ся ему помолилъ о тобѣ». Она же рече: «Се в ложници моеи приими мѣсто. И аще получю от бога сего зачатие, велми тя потщю, яко царя, и сътворю тя акы отца дитяти тому». И рече к ней Нектонавъ: «Увидѣннѣя дѣля твоего, царице, входящю богу, предитеча есть знамение то: аще съдѣяши вечеръ на ложи своемъ и узриши змия плъзуща къ тобѣ, повели всѣмъ сущимъ с тобою отступити. Ты же не угаси свѣща на свѣтилницѣ, его же нынѣ устрою горѣти въ честь богу, яко же видѣ, въдам ти. Но, възлѣзши на царьекыи твои одръ, готова буди и, покрывши лице свое, блюди бога, его же еси видѣла въ снѣ, идуща к тобѣ». Си рекъ, Нектонавъ изыде. Наутрия удавъ ему Алумпиада близъ своя ложица ложе.

И, проснувшись, изумилась Олимпиада. И, тут же послав за Нектонавом, сказала ему: «Видела я во сне того, кого назвал ты богом Амном. Но прошу тебя, пророк, сделай так, чтобы я еще раз сошлась с ним. И постарайся: когда захочет сойтись со мною, то и я предстану, убранная, как перед женихом». Он же сказал: «То, что видела ты прежде, – был сон. Когда же он сам, как повелитель, придет к тебе совершить должное, то, если будет воля твоя, царица, отведи мне место, где лечь,

чтобы смог я ему помолиться о тебе». Она же предложила: «Вот тебе место в спальне моей. И если получу от бога зачатие, то великие почести воздам тебе, словно царю, и будешь ты как отец моему чаду». Нектонав же сказал ей: «А чтобы знала ты, царица, что пришел бог, то будет тебе знамение: когда вечером, сидя на ложе своем, увидишь ползущего к тебе змея, то повели всем оставить тебя одну. И не гаси свечей на светильнике, который зажгу я ныне в честь бога и, как увидишь, оставлю у тебя. Но ложись на свой царский одр, готовься и, покрыв лицо свое, жди, когда придет бог, которого ты видела во сне». И с этими словами ушел Нектонав. А наутро Олимпиада отвела ему ложе близ своей спальни.

Нектонавъ же, одравъ овну младу, главу и лобъ съ рогы, и позлати влъну и рогы, и възложи си на главу, и въземъ скипетръ евеловъ, и ризу бѣлу, и вниде в ложницу, иде же лежаше на одрѣ Илумпиада, покрывшись, и концемъ же ока зряше. И увидѣ идуща, и не убоясь его, того бо чаяше, яко же и въ снѣ видела. Свѣтилници же възгоша, и покры Алумпиа лице свое. Нектонавъ же положи скипетръ, и възлѣзе на одръ ея, и бысть с нею, и рече къ неи: «Пребуди жено! Зачала еси мужескъ полъ, мѣстника твоего хотяща быти и всея вселенныя и миродрѣжца царя». Изыиде Нектонавъ от ложница, и въземъ скипетръ, и съкры вся, яже имѣяше на прелестъ.

Нектонав же, убив молодого барана, взял его рогатую голову, позолотил на ней шерсть и рога, и одел ее себе на голову, и, взяв эбеновый жезл, вошел в белоснежной одежде в спальню, где лежала на постели Олимпиада, накрывшись, но следя за ним краешком глаза. И, увидев идущего, не испугалась, ибо ждала того, кого видела во сне. Зажглись светильники, и скрыла Олимпиада лицо свое. Нектонав же положил жезл, лег в постель ее и, побыв с Олимпиадой, возгласил ей: «О женщина! Зачала ты сына, который отомстит за тебя и станет царем и властителем всей вселенной». И, взяв свой жезл, вышел Нектонав из спальни и спрятал все, с помощью чего обманул Олимпиаду.

Утру же бывшую, вставши Алумпиада, вниде в ложницу, идеже бѣ Нектонавъ, и възбуди его. Онъ же обудився и рече: «Радуися, царице! Что ми повѣдаеши?» Она же рече: «Како ся тебе есть утаило, пророче, азъ дивлюся! Приидеть ли сии богъ къ мнѣ еще, яко велми ми есть любовь?» Онъ же рече к неи: «Послушай, царице! Азь пророкъ есмь божиин. И егда убо хочещи, вѣдай же ми мѣсто се, да пребываю безъ голкы, да творю ему обычную чистоту, и приходити начнетъ к тобѣ, егда хочещи». Она же рече: «Уже мѣсто се будетъ твое». И повелѣ вдати ему ключи в ложница ея. Онъ же, яже имѣяше, положи въ покровеннѣмъ мѣсте и вхожаше к ней,

елижды хотяше Олумпия, мнимъ от нея, яко богъ есть Амнонь. День же от дне нача ей чрево расти, и рече Алумпия къ Нектонавъ: «Аще пришедъ Филипъ обрящет мя непраздну суццю, что реку?» И рече къ ней Нектонавъ: «Никако же бойся, госпоже, о семъ. Поможетъ ти Амнонь богъ, пришед к Филипу въ снѣ, и повѣсть ему бывшее, и тобѣ невиновату сътворитъ къ Филипови». ...

Когда же наступило утро, Олимпиада, встав, прошла в спальню, где находился Нектонав, и разбудила его. Он же, проснувшись, сказал: «Радуйся, царица! Что скажешь мне?» Она же сказала: «Удивляюсь, пророк, что тебе ничего не известно! Придет ли еще ко мне этот бог, ибо очень он мне полюбился?» И сказал ей Нектонав: «Послушай, царица! Я же пророк божий. И если хочешь, то оставь мне то же место, и буду находиться я здесь незаметно и хранить его в чистоте, и начнет приходить к тебе бог, когда только захочешь». Она на то отвечала: «Пусть это место будет твоим». И велела дать ему ключи от своей спальни. Он же, все, что было с ним, положил в тайном месте и приходил к ней, когда хотела того Олимпиада, принимаем ею за бога Амона. И день ото дня стал расти у нее живот, и сказала Олимпиада Нектонавъ: «Если вернется Филипп и увидит, что я беременна, что скажу ему?» И ответил ей Нектонав: «Ничего не бойся, госпожа. Поможет тебе бог Амон, явившись Филиппу во сне и поведав ему обо всем, что было, и оправдает тебя перед Филиппом»...

Пришедъ Филипъ от воины, видѣ жену свою скорбящую велми, и рече къ ней: «Жено! Бывшее о тобѣ не по твоей ся винѣ сътворилъ есть. Тотъ бо грѣхъ чюжь есть, яко же ми есть явило, да ты будеши невиновата. Не все бо мы царь можетъ. Нѣси бо никому же от людии въсхотѣла, ни иному никому же от красныхъ образъ». И се рекъ Филипъ Алумпиаду же веселу сътвори. Алумпия же нача благодать въздаяти пророку, възвѣстившу ему прежде бывшаа Филипови.

Вернувшись с войны и, видя, как печальна Олимпиада, сказал ей Филипп: «Жена! Ведь все, что было с тобой, не по твоей вине совершилось. Как известно мне, это – чужой грех, и ты невиновна. Ибо цари всех сильнее, но сила богов превьше силы царей. И ты полюбила не кого-нибудь из людей, не кого-нибудь из красивых лицом». Сказал так Филипп, и повеселела Олимпиада. И стала она благодарить пророка, возвестившего Филиппу обо всем, что случилось.

И не по мнозѣхъ днехъ Филипъ царь, пребываа съ Алумпиадою, рече къ неи: «Прельстила мя еси, жено, не от бога заченши, но от иного некого. И впадешъ въ руцѣ мои!» Се слышавъ Нектонавъ, вечери велицѣ суци въ полатѣ, и всѣмъ веселящимся съ царемъ Филипомъ, царева ради

пришествия, царю же Филиппу дряхлу суцю, зане непраздна бѣ Алумпиада, жена его, пред всѣми Нектонавъ, сътворивъся змиемъ великымъ, вииде посредѣ полаты и посвиста страшнѣ, яко потрястися основаниемъ полатнымъ. Ядущии же съ царемъ, видѣвше змя, въскочиша ужасни. Алумпиа же, познавши своего жениха, простре десную си руку. Възвед же ся змии, около всѣхъ ходивъ, възыде на лоно Алумпиадѣ и облобыза ю. Знамение любве змии пред видящими творя. Филипу же боявшюся купнѣ и дивящюся и безъ сытости позарующю, преложися змии въ орла и възлѣтѣ и амо же иде. И многу глаголу бывшу. Филипъ от страха разумѣвъ, и рече: «Жено! Знамение о твоеи тузѣ: видѣхъ бога, тобѣ помогающа въ бѣдѣ. Не вѣдѣ же, которыи богъ: показа бо намъ бога Амнона образъ, и Аполлона, и Асклипиа».²⁹⁸ Алумпиа же рече ему: «Яко же ми есть явился тотъ, егда же снидесе съ мною, яко тои есть лувийскый богъ Аммонъ». Филипъ же, се видѣвъ, блажаше себе, хотяи нарицати божие племя, хотящее родитися своя ему жены.

Но некоторое время спустя царь Филипп, будучи с Олимпиадой, сказал ей: «Обманула ты меня, жена: не от бога зачала, а от кого-то другого. И попадешь ты в мои руки!» Узнал об этом Нектонав, и когда в палате был пышный пир, и все веселились с царем Филиппом, празднуя его возвращение, и только сам Филипп был грустен, потому что застал беременной жену свою Олимпиаду, вот тогда и обратился Нектонав в огромного дракона, появился посреди палаты и засвистал так страшно, что дом до основания затрясся. Увидев дракона, повскакивали в ужасе пировавшие с царем. Но Олимпиада, узнав жениха своего, простерла ему навстречу правую руку. И поднялся дракон, и прополз сквозь толпу, и вполз на колени к Олимпиаде и поцеловал ее. Так перед всеми показал дракон свою любовь. А пока Филипп в страхе и изумлении взирал на них, обратился дракон в орла, взлетел и исчез. Лишь тогда и поднялся крик. А Филипп, придя в себя от страха, сказал: «Жена! Это знамение твоей печали: видел я бога, помогающего тебе в беде. Но не знаю, что это за бог: он явился нам в образе Амона, и Аполлона, и Асклепия». Олимпиада же отвечала ему: «Явился мне тот, кто тогда сошелся со мной; это и есть ливийскый бог Амон». Филипп же, узнав об этом, стал гордиться, что будет называться божественным потомство, которое родится у его жены.

Не по колице же днии сѣдящю Филипу негдѣ на царьскомъ мѣсте, множество различныхъ птицъ крѣмяхуся ходяще. И безъ запа текши птица на лоно Филипа царя, снесе яйцо. И свалився съ лона его, паде на земли и разбися. От него же въскочи малъ змииць, и много ходивъ около яйца, паки искаше дну внити, отнюду же изиде. И вложъ главу въ яйцо и умре.

Смяте же ся Филиппъ царь и призва Антифонта некоего, сказателя знамению, и исповѣда ему бывшее. Сказатель же знамению дохновениемъ божиимъ рече къ нему: «Царю! будетъ ти сынъ, иже обыдетъ весь миръ, покоря всѣхъ своею силою, и възвращая же ся въ свое царство малолѣтень умреть. Змии убо царьскыи образъ есть, яице же подобно миру, от него же изыде змии. Обходить убо весь миръ и хотяи внити, отнюду же изыде, не доиде, но умре». Антифонъ же сказа знамение и, даръ въземъ, от царя Филипа отиде.

Несколько дней спустя сидел Филипп на своем царском месте, а вокруг бродило, кормясь, множество различных птиц. И внезапно взлетела птица на колени к царю Филиппу и снесла яйцо. И скатилось оно с колен на землю и разбилося. Из яйца же выполз маленький змееныш и несколько раз прополз вокруг яйца, снова пытаясь забраться туда, откуда вышел. И вложил голову в яйцо и умер. Встревожился царь Филипп и призвал к себе некоего Антифона, толкователя знаменій, и рассказал ему о случившемся. И по божественному вдохновению возвестил ему толкователь знаменій: «Царь! Будет у тебя сын, который обойдет весь мир, всех покоря своей силой, и, возвращаясь в царство свое, умрет молодым. Ибо змея – символ царя, яйцо же, откуда выползла она, подобно миру. Обойдет весь мир и, стремясь возвратиться туда, откуда вышел, умрет, не достигнув того места». Истолковал знамение Антифон и, получив награду, покинул царя Филиппа.

И скончавшюся времени родити Олумпиадѣ, сѣдши на столѣ, на нем же раждають жены, начя болѣти. Пристоя же Нектонавъ, и премѣривъ небесная течения тешаше ю, да бы ся не потщала на рожение, и склонивъ мирскыя стухия влѣхвованиа силою, пытааше настоящаа и рече къ неи: «Жено, въздержися, да побѣдиши настоящаа естеству. Аще бо нынѣ родиши, работяга и планеника родиши». Паки же женѣ въ болѣзни мятущися и уже не могуца потрѣпѣти от великыя болѣзни, Нектонавъ же рече: «Жено, потрѣпи мало: аще бо нынѣ родиши, галинѣ будетъ, нищѣ раждаяися». И нѣкыя притча и добраа словеса Нектонавъ угѣшаа, учаше Алумпиаду. Тотъ свое влѣхвование творя, не дадыше женѣ родити. Паки же съглядавъ небеснаа течениа и мирскаа стухия, и видевъ всего мира посреди небеси суца, и светлость нѣкую узрѣвъ, яко слънѣцю посреди небеси суца, и рече къ Алумпиадѣ: «Уже пусти гласъ къ рожению своему». И самъ же повелѣ ей, да родить, и рече ей: «Царя родиши мирудрѣжца нынѣ». Алумпиа же, болми възпивши, и роди отроча съ доброю чястию. Отрочати же падшю на земли, Быша громи велици и блискании мльниа, яко всему миру подвизатися.

И когда настало время родов Олимпиады, начала мучиться она, сев на скамье, где рожают женщины. А бывший подле нее Нектонав, рассчитав движение звезд небесных, уговаривал ее, чтобы не спешила родить, и, подчинив волшебной силой земные стихии, узнал, что ждет ее, и сказал: «Женщина! Крепись, совладай с природой своей: если сейчас родишь, то родишь раба и пленника». Снова металась женщина от боли и уже была не в силах терпеть страдания, но Нектонав сказал: «Женщина, потерпи немного: если сейчас родишь, то родишь ничтожного человека и нищего». И, утешая притчами и ласковыми словами, наставлял он Олимпиаду. И волхвовал, не давая ей родить. И, снова возрев на движение звезд и на состояние земных стихий и увидев, что над миром, посреди небосвода, разлилось какое-то сияние, словно солнце было в зените, крикнул Олимпиаде: «Пора, воззови к чаду своему!» И сам повелел ей, чтобы родила, и сказал: «Вот теперь родишь царя и властителя мира». Олимпиада же, громко вскрикнув, родила отрока счастливой судьбы. И едва коснулся он земли, как загремели могучие раскаты грома и заблестали молнии, так что весь мир содрогнулся.

Утру же бывшую, видѣ Филипъ отроча, еже роди Алумпия, и рече: «Мыслиль есмь не крѣмити его, яко не от мене ся есть родиль, но понеже вижу, яко сѣмя есть божие, рожество же его боле всего мира, да крѣмимъ си будетъ за память умръшаго ми отрока, родившаго ми ся от прѣвья жены. И да наречется Александръ». И тако рекшу Филипу, всяко прилежание творяху отрочяти, и възложивши вѣнецъ на главу его, поводиша ѿ по всей Макидонии и по всей области его. Възмогшу же Александру, не подобенъ бѣше образомъ къ Филиппу, ни къ своей матери Алумпиадѣ, ни къ отцу своему, но своимъ украшенъ образомъ. Образъ убо имяше челоѣчески, гриву же лвову, очима же розноокъ: десное убо долу зряше, шюее же зекро. Зуби же его оstri, акы змиевы. Подобье же имяше лвово, скоръ, яснъ же бѣше. По лѣтѣхъ же възрастѣ, начя ся учити. Бѣ же ему крѣмилица – сестра Мелантова, пестунъ же и кормилецъ – Леонидъ, учитель же книгамъ – Полуникъ, гудению же – Леукипъ, землемѣрию – Мелепъ, мудростнымъ же словомъ – Аксиаменикъ, философии же – Аристотелись, брань творити – воевода. Александръ же всякому наказанию научився, и звѣздный законъ. Отпускаем же от учения домови, учяше дѣти, с ними же учяшеся, да ся биять, раздѣлившеся, и самъ творяше брани ту. Егда же узряше другую страну побѣжаему сущю, преходяше на ту страну и помогаше имъ, и одолѣваху, и явѣ бѣше, яко того бѣаше побѣда. Сице же Александръ кормимъ бѣше. И съ воины на поле хожаше учится воинскому чину и, с коньныкы примѣшаяся, учяшеся

ездити.

Когда же настало утро, увидел Филипп отрока, рожденного Олимпиадой, и сказал: «Не хотел я воспитывать его, ибо не мой это сын, но так как вижу, что это божественное семя и рождения такого не бывало в мире, то пусть будет воспитан он в память об умершем моем сыне от первой жены. И пусть будет имя ему Александр». И, сказав так, Филипп окружил отрока всяческой заботой, и, возложив на него венец, водил его по всей Македонии и по всем владениям своим. Когда же подрост Александр, то оказалось, что не похож он ни на Филиппа, ни на мать свою Олимпиаду, ни на отца своего, но по-своему был красив. С виду был он как человек, но волосы у него точно львиная грива, а глаза были разные: правый глаз – черный, левый – серый. Зубы у него были остры, как у змеи. Видом же напоминал льва, в движениях быстр и лицом светел. Подрост он немного и начал учиться. Кормилицей его была сестра Меланта, пестун и дядька его был Леонид, грамоте учил его Полиник, музыке – Левкипп, землемерию – Менипп, мудрым речам – Анаксимен, философии – Аристотель, военному делу – воевода. Александр всему этому научился и движения звезд постиг. А возвращаясь после занятий домой, он заставлял мальчиков, с которыми вместе учился, бороться, разделившись на две группы, и сам участвовал в их борьбе. Когда же видел, что побеждаема противная сторона, то переходил на ту сторону и помогал им, и так побеждали они, и было ясно, что это он принес им победу. Вот так и воспитывался Александр. И выезжал с воинами в поле обучаться военному делу, и, смешавшись с конниками, учился верховой езде.

ВОЙНА С ДАРИЕМ

Въставъ Александръ, поиде от Суриа, и срѣтоша Дарѣви сли, носяще къ нему грамоту, чръчегу и мячь, и корстицю съ златомъ. Приим же Александръ грамоту Дариа, царя пръскаго, и разгну, обрѣте написано сице: «Царь царемъ и богомъ сродникъ, и сияя съ слънъцемъ, азъ, самъ богъ, Дарии – Александру, рабу моему, велю тако и заповѣдаю. Възвратися къ родителемъ своимъ, мнѣ же работаа. Лежи же на лонѣ матере своя Алумпиады: тобѣ бо подобаеть еще учитися и ссати матерь. И сего дѣля послалъ ти еемъ мячь, и чръчегу, и крѣтицю злата, да избериши, что мыслиши: мячемъ убо възвѣщаю ти, яко и еще учитися подобаеть, чръчегу же, да с ровнинами своими играеши,²⁹⁹ а не акы старо тѣло понося, прелщаеши уныя и по собѣ водиши, акы старѣи разбоиникомъ, съмуцаа грады. Ни тако сама вселеннаа вся, събравшиися въедино, можетъ раздрушити Пръско царство. Толико бо множество имѣю вои, елико же ни пѣска кто можетъ прочести, злата же и сребра многа, яко испльнити всю

землю. Послахъ же ти злата кръстицю плъну, да аще не имѣши, чимъ кръмити разбоиники, равный тобѣ, вдаси имъ кръмлю, кождо их възможесть въ отъчствие свое възвратитися. Аще ли не послушавши повелѣния моего, послю на тя, да тя имуть воины мои, не акы Филиповъ сынъ покажнень будеши, но акы омѣтникъ распяты будеши».

Отправился Александр в поход из Сирии, и встретили они послов Дария, несших Александру грамоту, плеть, и мяч, и ларец с золотом. Принял Александр грамоту Дария, царя персидского, и, развернув ее, прочитал следующее: «Царь царей и богам сродник, вместе с солнцем сияющий, я, сам бог, Дарий – Александру, рабу моему, так повелеваю и приказываю. Возвращайся к родителям своим, и рабом моим будь. И лежи на коленях у матери своей Олимпиады, ибо тебе еще подобает учиться и сосать материнскую грудь. И поэтому послал тебе мяч, и плеть, и ларец золота, возьми же, сообразив, что к чему: плеть послал, напоминая тебе, что еще должен ты учиться, мяч – чтобы играл со своими сверстниками, а не так, как ты, кичась перед старшими, соблазняешь юных и водишь их за собой, словно разбойничий атаман, тревожа города. Но и вся вселенная, собравшись воедино, не сможет разрушить Персидское царство. Ибо воинов у меня столько, что их, как песок, никто пересчитать не сможет, а золота и серебра столько, что могу им покрыть всю землю. Посылаю тебе ларец, полный золота: если нечем тебе кормить подобных тебе разбойников, то дай им на пропитание, чтобы каждый из них смог вернуться к себе на родину. Если же не слушаешь повеления моего, то пошлю на тебя своих воинов, и схватят они тебя, и будешь казнен не как сын Филиппа, а будешь распят как преступник».

И си наченшу прочитати Александру при всѣхъ воих, и убояшася вси. И разумѣвъ Александръ боязнь их, рече к нимъ: «Мужи макидонстии, дружино моя! Почто ся смягосте, слышавше грамоту Дарьеву, акы право суще клюкаво его писание. И пси бо друзи, велици суще и не могуще, лають велми, да лаяния дѣля явятся акы силни сущи. Тако есть и Дарии: въ дѣлех не могли ничто же, въ писании же мнится быти силенъ, яко же пси лаяниемъ. Но сътворимъ истинну сущу писаниемъ его. Просвѣтихомъ бо ся имъ, да видѣти начнемъ, с кимъ ся хотимъ бити люте, да не побежени бывше посрамимся». И се рекъ, повелѣ и связати посолники Дарьевы и, ведше, распяти. Они же рѣша: «Александрѣ царю! Что зло сътворихомъ тобѣ мы, посолници есмы? Почто велиши намъ злѣ погибнути?» Рече имъ Александръ: «Похулите своего царя Дария, а не мене. Послалъ бо вы есть с тацѣми грамотами не акы цареви, но акы къ начялнику разбоиникомъ. Убити вас хошю, яко пришедъша къ разбойнику челоуѣку, а не акы царю».

Они же рѣша: «Аще и Дарии, не вѣдыи ничто же, написаль есть ти тако, но мы видимъ такъ порядъ и чюемъ, яко умень и великъ царь еси и сынъ царя Филипа. И молим ти ся, владыко великыи царю, вдаи ны животъ». Рече же к нимъ Александръ: «Нынѣ ли есте убояли муки нашея и молитесь, да не умрете. Сего вы дѣля пуцаю. Нѣсть бо того въ мои воли погубити вас, но явити образъ еллинскаго царя и варвара мучителя. Не почаите же вы ничто же зла пострадати от мене, царь бо посолника не убиваетъ».

И когда начал Александр читать грамоту при всех воинах, испугались они. И, видя их страх, обратился к ним Александр: «О, мужи македонские, дружина моя! Почему в смятении вы, услышав грамоту Дарьеву, как будто правдивы лживые его писания? И псы иные, велики ростом, а слабы, громко лают, чтобы по лаю приняли их за сильных. Так же и Дарий: на деле не может ничего, а в писании выглядит могучим, словно те псы лающие. Но поверим, однако, что правдивы его писания, и станет нам ясно, с кем хотим мы жестоко биться, чтобы не осрамылись мы, потерпев от него поражение». И, сказав так, повелел Александр связать послов Дария и повести их на распятие. Они же взмолились: «О царь Александр! Какое зло мы, послы, тебе причинили? За что приказываешь нам погибнуть страшной смертью?» Отвечал им Александр: «Кляните царя своего, Дария, а не меня. Он ведь послал вас с такими грамотами не как к царю, а как к атаману разбойников. И убить вас хочу, потому что пришли не к царю, а к разбойнику». Они же сказали: «Если Дарий, не ведая ничего, и написал тебе так, то мы-то видим порядки твои и понимаем, что ты мудрый и великий царь и сын царя Филиппа. И умоляем тебя, владыка, великий царь, сохрани нам жизнь!» Сказал им на это Александр: «Раз теперь испугались вы мук и взмолились, то не умрете. И поэтому отпускаю вас. Не в моей воле погубить вас: я поступаю как эллинский царь, а не как варвар-мучитель. И не ждите вы от меня никакого зла, ибо царь послов не убивает».

И се Александръ рекъ къ нимъ, повелѣ имъ вечеряти съ собою. Мыслящим же сломъ кълюдити къ Александру, како бы лестию приялъ Дария, и егда ся начнетъ бити с нимъ, и рече имъ: «Не рцѣте ми ничего же. Аще бо бысте отходили от него, увѣдѣлъ бых от васъ, но понеже къ нему идѣте, не хочу, да нѣкто от васъ повѣсть реченнаа Дарьеви, и будете повинни муцѣ. Премлѣкнете убо, да приидемъ без вѣсти». Почтиша же его сли Дарьеви гласы великы и все множество воиское начяша ѿ славити.

И, сказав так, Александр пригласил их поужинать с ним. Задумали послы уговорить Александра, чтобы он хитростью захватил Дария, когда

начнет с ним сражаться. Но ответил он: «Не говорите мне ничего. Если бы вы покинули его навсегда, то расспросил бы у вас обо всем, но поскольку возвратитесь к нему, не хочу: а не то один из вас сообщит о рассказанном Дарию, и будете вы преданы на муки. Так помолчите же, пусть и мы придем неожиданно». И послы Дария громкими кликами превознесли Александра, и все войско стало его славить.

По трехъ же днехъ написа Александръ къ Дарьєви грамоту, юже и прочте прѣдъ своими вои отаи словъ Дарьєвь, и бѣше написание сице: «Царь Александра сынъ Филипа царя и матере Алумпиады, къ цареви царемъ и стльнику бога слънѣца, сияющему съ слънѣцемъ, Дарьєви, великому богу пръскому, радоватися! Срамъ есть толику царю пръскому, толикою силою величающюся и въсходящему съ слънѣцемъ, от смиреннаго раба, нкогого Александра, пастися. Имена божия, въ человѣкы вмѣстившася, велику силу имъ подають и умъ. Како же бесмрътныхъ богъ имена въ тлѣннаа телеса вселятся? Се бо уже и о семь разумѣхомъ, яко ничто же можеша противу намъ, именемъ божиимъ надѣяся и тѣхъ силу на ся въскладаа на земли. Аз же иду на тя съ ратью, яко на смрътна суца, и победенья же часъ от вышняго промысла есть. Почто же ли еси написалъ тако намъ: «И толико злата и сребра имѣю»? Да увѣдѣвше, мы крѣпльше будемъ на брань, да възмемъ мы то. И аз же убо, аще ти одолѣю, славень буду царь, великъ въ еллинѣхъ и варварѣхъ, яко толика царя силна Дария убивъ. Ты же аще мя побѣдиши, ничто же велико сътворилъ еси, разбойника бо побѣдилъ еси, яко же еси писалъ к намъ. Азъ же царя царемъ, Дарья, бога великого, побѣдилъ! Но и чръчегу послалъ ми еси и крѣтицю злата, и то ми еси послалъ, ругаа ми ся, аз же се прияхъ, акы добры вѣсти: мячь убо прияхъ, да своимъ копиемъ и оружиемъ бити начну варвары, и моима рукама въ работу въжену. Чръчегую же образъ ми еси сътворилъ, яко мнѣ есть объдержати весь миръ, бо есть обьль, яко и чръчега. Крѣтицю же злата – велико знамение ми еси приел а ль, покорение бо свое възвѣстилъ ми еси, побежень бивъ мною, дани бо даяти начнеша мнѣ».

Через три дня написал Александр грамоту к Дарию, которую, втайне от послов, прочел перед своим войском, а в грамоте было написано: «Царь Александр, сын Филиппа царя и матери Олимпиады, к царю царей и наместнику бога солнца, сияющему вместе с солнцем, Дарию, великому богу персидскому, – радоваться! Позорно будет, если ты, столь великий царь персидский, такой силой гордящийся и вместе с солнцем восходящий, окажешься в рабстве у смиренного раба, некоего Александра. Имя божества, когда прилагается к человеку, то великую силу и мудрость

ему придает. Но как же имена бессмертных богов могут вселяться в тленное тело? И поэтому понятно нам, что ты сам не в силах нам противиться, надеешься лишь на имя божие и, будучи земным человеком, приписываешь себе силу богов. Я же иду на тебя войной как на простого смертного, а кто победит – это в руках божественного промысла. И зачем же ты написал нам так: «Столько золота и серебра у меня»? Ведь, узнав, мы будем сражаться еще упорней, чтобы овладеть твоим богатством. И если я тебя одолею, то прославлюсь среди эллинов и варваров как великий царь, потому что убью столь могучего царя – Дария. А если ты меня победишь, что же великого будет в победе твоей над разбойником, как ты сам меня называешь? Я же победил царя царей, Дария, бога великого! А плеть и ларец с золотом, что ты мне послал, насмехаясь надо мной, принял я как добрые знамения: плеть я взял в знак того, что своим копьем и мечом начну избивать варваров и своими руками ввергну их в рабство. А мячом предвещаешь, что суждено мне овладеть всем миром, ибо земля кругла, как мяч. И присланный тобой ларец с золотом – великое знамение, возвещаешь им мне о своей покорности и о том, что побежден будешь мною и станешь платить мне дань».

Се прочеть Александръ прѣд вои своими и запечатлѣвъ, и вда посолникомъ Дарьевымъ. И злато, еже бяху принесли, и то вда имъ. Они же, похваливше его великую мудрость, отъидоша и приидоша къ Дарьєви.

Прочел Александр эту грамоту перед своими воинами и, печати к ней приложив, отдал послам Дария. И золото, принесенное ими, отдал им. И они, восхваляя его великую мудрость, отправились в путь и вернулись к Дарию.

Дарии же, прочеть грамоту Александрову, увѣдѣ сущюю в ней силу. И испытавъ извѣстно о мудрости Александровѣ и браннѣи пристрои его, яко препрѣнъ есть от грамоты, написа къ своимъ воеводамъ сице: «Царь Дарии, иже об ону страну Таура³⁰⁰ воеводамъ радоватися! Повѣдають ми въставша на ны нѣкого Александра, Филипова сына. Того убо емше, приведете къ мнѣ, не сътворше тѣлу его ничто же зла, да азъ, съвлекъ с него багряную его ризу³⁰¹ и раны възложивъ на него, послю ѣ въ Македоню, въ отъчество его, къ матери его Алумпиадѣ, вдавъ ему игру, яко же въ Македонии играютъ. И послю с нимъ мужа, всякого цѣломудриа учителя. Лодиа же его погрузите въ морстѣи глубинѣ, воеводы же, ходяцаа по немъ, оковавше, послите к намъ, а прочаа воя послите на Чръмное море, да живутъ тамо. Коня и вся ратныя съсуды вамъ даю и дружинѣ вашей. Здрави же будете!»

Дарий же, прочитав грамоту Александрову, увидел, что силен его

противник. И, расспросив подробно о мудрости Александровой и войске его, так как перечил ему в грамоте Александр, написал своим воеводам так: «Царь Дарий – воеводам, что по ту сторону Тавра, – радоваться! Поведали мне, что напал на нас Александр некий, сын Филиппов. Так схватите же его и приведите ко мне, не причинив ему ни малейшего зла, чтобы я сам, содрав с него багряницу и жестоко его наказав, послал бы его в Македонию, в его отечество, к матери его Олимпиаде, дав ему с собою игру, в которую играют в Македонии. И пошлю я с ним мужа, чтобы научил его всяческой умеренности. А корабли его потопите в пучине морской, а воевод, с ним пришедших, в оковах пришлите к нам, а прочих воинов отошлите на Красное море, пусть и живут там. А коней и все оружие отдаю вам и воинам вашим. Здоровы же будьте!»

Написаша же воеводы Дарьevi сице: «Богу великому и цареви Дарьevi – радоваться! Толикомъ языкомъ пришедшимъ на ны, дивимся, како есть утаило тебе досѣлѣ. От тѣхъ же послахомъ и к тобѣ, яже уловихомъ кромѣ дружины ходяща, не смѣвше их прежде тебе истязати. Въскорѣ убо прииди съ великою силою, да не планни будемъ». Сию же грамоту приимъ Дарии въ Вавилонѣ въ Прьсидѣ и прочеть, въсписа имъ сице: «Царь царемъ, великъ богъ Дарии, всѣмъ царемъ и воеводамъ – радоваться! от мене никоея же надежда почающе, величество мужества вашего покажите. Рѣка бо есть пришла на вы и сътворила есть въ васъ гльку, въ могущихъ угасити огонь? И мужа честны нравы не могоста показати? Убиень ли есть кто от васъ на плѣку? Что ся домьшлю о васъ, иже мое царство придръжащи, вину прикладающе о мужи разбойницѣ, не хотяще его яти? Нынѣ убо, яко же рекли есте, азъ, шедъ, иму его».

Воеводы же отвечали Дарию так: «Богу великому и царю Дарию – радоваться! Столько народов пришло на нас, и удивляемся, что тебе еще не известно об этом. Посылаем тебе несколько пленных, изловили мы их, бродивших в стороне от своих полков, но не посмели без тебя пытатъ их. Приходи же скорее с великими силами своими, а не то и мы пленены будем». Получил Дарий эту грамоту в Вавилоне, в Персии, и, прочитав, написал им в ответ: «Царь царей, великий бог Дарий, всем царям и воеводам – радоваться! От меня ничего не ждите, а покажите величие своего мужества. Что за зверь напал на вас и поверг вас в смятение, вас, способных угасить молнии? Где же ваше достоинство, мужи? Разве убит кто из вас в битве? Что подуматъ мне о вас, стерегущих мое царство, если боитесь разбойника и не хотите его пленить? Но теперъ, раз просите меня, я пойду и пленю его».

И слышавъ бо Дарии близъ суца Александра, събра воя близъ рѣкы,

нарицаемья Пинариа,³⁰² и написавъ, посла къ Александрови тако: «Царь царемъ, великыи богъ Дарии, языкомъ господинъ, къ Александру. Грады губя, мнѣль еси утаити имене Дарьева, его же и бози почли суть собѣ стльника быти? И не добра тя мню суца, отаи царствующа въ Макидонстѣи странѣ, безъ моего повелѣнія, но и прошелъ еси землю и въ градѣхъ чуждыхъ себе еси прозвалъ царемъ, събравъ мужа подобны собѣ, не имуща надежда. И възимаеши грады худы, яже азъ, присно говѣя обладати, не хотяхъ многымъ от них, акы отмѣтны имѣя. Ты же дани еси в нихъ испросилъ имати, и велиши убо намъ тацѣмъ же быти, акы же и си. И мѣста, яже еси приалъ, не хвалися имѣти, злѣ убо ся еси домыслилъ о семь. Пръвое убо длъженъ еси былъ безумие свое исправити и приити къ мнѣ, къ господину своему Дарию, а не събирати разбоиничя силы. Написалъ ти есмь приити поклонитися Дарьеви царю, ты же иногo безумия дръжишися. И умучю тя убо смрътию неизреченною, пуще же тебе и иже с тобою постражуютъ, иже суть не дали смыслити. Клену же ти ся богомъ великымъ, моимъ отцемъ, не помнѣти ми, яже еси съдѣялъ, аще ми ся поклониши».

И, услышав, что уже близко Александр, собрал Дарий войско свое у реки, называемой Пинар, и послал Александру такую грамоту: «Царь царей, великий бог Дарий, повелитель народов, к Александру. И ты, губя города, думаешь затмить имя Дария, кого и боги почтили быть своим сопрестольником? Уже в том не вижу добра, что ты царствуешь в Македонской стране тайно, без моего на то повеления, а ты еще и осмелился пойти по земле и в чужих городах себя царем именуешь, собрав подобных себе мужей, которым уже нечего терять. И захватываешь слабые города, которыми я никогда не стремился обладать, считая многие из них того недостойными. А ты дань требуешь у них и грозишь, что и мы будем твоими данниками. И все, что ты захватил, не надейся удержать, напрасно ты об этом задумал. А прежде всего должен ты повиниться в безумии своем и прийти ко мне, господину своему Дарию, а не собирать разбойничьих шаек. Писал я тебе, чтобы пришел ты, поклонился царю Дарию, а ты в безумии своем пребываешь. И предам тебя мукам и смерти неизреченной, а еще больше, чем ты, пострадают твои соратники, раз не посоветовали тебе одуматься. Но клянусь богом великим, отцом моим, что не попомню тебе зла, если только мне покоришься».

Александру же, приимшо грамоту Дарьеву и прочетшо, не раждизашеся о грѣдыхъ словесехъ Дарьевыхъ, нѣ посмѣявся. Дарии же, съвокупивъ силу многу, поиде съ дѣтми своими, и съ женою, и съ матерью своею. Бяху же о немъ нарицаемии бесмъртни 10 тысящъ, сего дѣля

нарицахуся бесмъртни, яко число их бѣше всегда плно въ убиеныхъ мѣсто. Александръ же, прошедь Киликиискыи Тавръ, прииде въ Тарсъ,³⁰³ въ киликиискую митрополию, и видѣвъ Впату рѣку наводнившюся, самъ же ся бѣ въспотѣлъ от пути, и съволкъ и съ себе броня, измывся в рѣцѣ и намръзесе зимою, въ злу бѣду впаде, одва ся извълекова.

Александр же, получив грамоту от Дария и прочитав ее, не разъярился от гордых слов его, а посмеялся над ними. Дарий же, собрав огромные силы, пошел на него с детьми своими, и с женой, и с матерью своей. Были же с ним 10 тысяч воинов, называемых «бессмертными», ибо число их всегда дополняли вставшие на место убитых. Александр же, перейдя Киликийский Тавр, пришел в Тарс, в Киликийскую область, и, разгоряченный с дороги, увидев полноводную реку Ипату, снял с себя доспехи, и, искупавшись, продрог в холодной воде, и заболел, и едва его излечили.

Извлековавши же его бѣ Филиппъ от славныхъ лечецъ.³⁰⁴ Исцѣлѣвъ же, поиде на Дария. Дарии же на наричемемъ мѣстѣ вся воя строяше. Разгнѣва же ся Александръ, устрѣмися на брань и исплъчися на Дария. Сущии же о Дарии, видѣвше Александра, съ силою идуща на нь и убояшася. На ней же странѣ слышаша Александра, и ту постави колесница и всю бранную пристрою. Ставшима обѣма странама на браннѣмъ съступѣ, и не вда Александръ ни единому плъку приступити къ нимъ, ни проехати, ни причати их. И въсѣдъ Александръ на конь, повелѣ въструбити бранныи глас. И велику кличу бывшю въ воих, и бысть велика брань между има, и биющеса гоняху, ово на сю страну, ово на ону. Обои убо побѣжающеса расхожахуся. Сущии же о Александръ вѣтискаху суца о Дарии далѣ, и велми я крошаху, язвяще. Падаху другъ на друга въ множествѣ вои. Ничто же бѣше ту видѣти, но токмо коня, лежаща на земли, и мужа избѣены, не бѣше же како познати ни прѣсянина, ни макидонянина, ни болярина, ни пѣша, ни конника. Въ велицѣ прасѣ не видѣти бо бѣше ни неба, ни земли от многы крови. И то же само слъньце, съжаливси о бывшихъ и не могъи зрѣти толика зла, пооблачися. Сѣчи же велицѣ бывши, побегоша прѣси, бѣше же с ними Амутъ Антиохиискы, боляринъ макидонскыи, иже бѣжалъ къ Дарѣви въ прѣваа лѣта. Вечеру же бывшто, Дарии, убоявся, поиде преди. Всѣми же бѣ знаема побеженаа его колесница. Онъ же остави колесницу и, всѣдъ на конь, бѣжа. Александръ же, чтяше Дария, хотяше и яти, да ни от кого же убиенъ будетъ, и гнаше по немъ, хотя и спасти. Колесницу убо, и жену его, и дщерь, и матерь Дарѣву 7-десять врѣсть гнавъ, Александръ прия. Самого же Дария ноцъ спасе, имѣя бо на то конь добръ, и тѣмъ убѣже гонимаго. Александръ же

постигъ Дарьевъ товаръ, вселися во нь. Побѣдивъ Дария и противныя и толики славы сподобися, ничего же грѣда не створи, но убиенныя прѣсы повелѣ погребати, мать же Дарьеву, жену и дѣти съ собою приведе честию, тако же и прочаа плѣбники словесы утѣши.

Излечил же его Филипп – один из лучших врачей. Выздоровев, двинулся Александр на Дария. А Дарий построил войска свои на упомянутом месте. В гнѣве устремился Александр в бой и напал на Дария. Бывшие же с царем, увидев, что движется на них Александр со всеми силами, испугались. И поставили колесницы с боевыми орудиями там, где, по их сведениям, был Александр. И когда стали войска друг против друга, не дал Александр ни одному из полков ни подойти к своим воинам, ни прорвать их ряды, ни нанести им урона. Тут, вскочив на коня, велел Александр протрубить боевой сигнал. И воскликнули громко оба войска, и началась жестокая битва, и, сражаясь, то одни преследовали противника, то другие. И, неся большие потери, вновь расходились. Но воины Александра далеко погнали воинов Дария, и жестоко крушили их, и рубили. И падали друг на друга бесчисленные воины. Ничего не было видно вокруг: только лежащие на земле кони да убитые мужи, – и невозможно было узнать ни перса, ни македонянина, ни боярина, ни пешего, ни конника. В густой пыли не видно было неба и земли, залитой кровью. И даже само солнце, скорбя о погибших и не в силах видеть эту сечу, скрылось в облаках. После долгой битвы побежали персы, а с ними и Аминт Антиохийский, македонский боярин, перешедший в прошлом к Дарию. Вечером же и Дарий в страхе обратился в бегство. И всем была известна колесница побежденного, и, бросив ее, вскочил он на коня и ускакал. Александр же, чтя Дария, хотел его взять в плен, чтобы никто не убил его, и гнался за ним, желая его спасения. И, преследуя его семьдесят верст, захватил колесницу Дария, и жену его, и дочь, и мать. А самого Дария спасли ночь и хороший конь, поэтому и ускользнул он от преследователя. Александр же, достигнув стана Дария, расположился в нем. Но и одолев Дария и своих врагов, завоевав великую славу, не допустил Александр никаких жестокостей: велел похоронить убитых персов, а мать Дария, жену и детей его с почестями привел с собой, также и остальных пленников утешил словом.

Убиенных же прѣсъ бѣ множество много зѣло. Макидонъ же убиенныхъ пещецъ 5 сотъ, коньникъ же 60 къ сту, язвенныхъ же двѣсте и 50, а противныхъ двѣ тмѣ, плѣбникъ же бѣше мужии 4 тысящи.

И было убито великое множество персов. У македонян было убито пятьсот пеших, а конников сто шестьдесят, ранено двести пятьдесят

воинов, а врагов было перебито двадцать тысяч и пленено четыре тысячи.

Дарии же, бѣжавъ и спасень бывъ, събирати начя болшую силу и написа къ княземъ и языкомъ сущимъ подъ нимъ, да с великою силою приидуть к нему...

Дарий же, спасшись бегством, начал собирать огромное войско, и написал князьям своим и народам, им подвластным, чтобы пришли к нему с великими силами...

АЛЕКСАНДР ИДЕТ ПОСЛОМ К ДАРИЮ

Александръ же, силу многу имѣя, прииде въ Пръскую страну. Стѣны же града того высоки суци, макидономъ явѣ ся сътвориша. Помысли убо нѣчто мудрый Александръ, и ту пасомаа стада пригнавъ, от дрѣва вѣтвь отсѣкъ, привяза къ хвостомъ их, и въ слѣдъ по воехъ погнаша стада. Влекоми же по земли вѣтви, въздвизаше же ся прѣсть и всхожаше прахъ до Олумпа, яко же прѣсомъ, съ града зрящимъ, мнѣти, яко мнози суть воины безъ числа. Вечеру бывшю, повелѣ привязати къ рогомъ стада того ложъ и свѣща въжещи, да горять. Бяше бо мѣсто то поле, и бяшетъ видѣти все то поле, акы огнемъ зажещи, и убоявшеса прѣси. Пришедъ убо близъ града пръскаго яко пяти днищъ,³⁰⁵ искати начя Александръ, кого бы послалъ къ Дарьеви, възвѣщаа ему: «Коли ся хоцещи с нами съступити на брань?»

Александр с огромным войском пришел в Персию. И со стен персидского города хорошо было видно македонян, И вот что придумал мудрый Александр: велел он, пригнав пасшиеся поблизости стада, привязать к хвостам животных срубленные с деревьев ветви и погнать стада следом за воинами. Волочились ветви по земле, и поднималась пыль до самого Олимпа, так что персы, смотревшие с городских стен, подумали, что видят бесчисленное множество воинов. А вечером повелел привязать к рогам – в том же стаде – факелы и свечи и зажечь, чтобы светились. Было это на поле, и казалось, будто все поле горит огнями, и напал страх на персов. И после пяти дней движения по Персии стал искать Александр, кого бы послать к Дарию, возвещая ему: «Когда хочешь сразиться с нами?»

Въ ту же ночь леже Александръ спати и видѣ въ снѣ Амьмона стояща в него въ образѣ Ермовѣ,³⁰⁶ имѣюще вѣнецъ, и хламиду,³⁰⁷ и палицю, и макидонескъ плащъ, и глаголюща к нему: «Чядо Александре! Егда будетъ врѣмя помощи, буду с тобою. Ты убо аще послещи сла къ Дарьеви, предасть тя. Ты же самъ собѣ буди соль и иди, въземъ образъ, яко же видиши мя имуща». Александръ же рече ему: «Грозно ми есть, царю сущю, самому словъ быти». «Но бога помощника имѣя, не наследѣши

ничего же зла», – рече Александру. Примим же Александръ сию вѣсть, вѣтавъ, радуяся и сповѣда всѣмъ бояромъ своимъ. Они же съвѣщаша с нимъ сего не сътворити.

В ту же ночь лег Александр спать и увидел во сне Амона, стоящего перед ним в образе Гермеса, в венке и в хламиде, в македонском плаще и с палицей. И сказал ему Амон: «Чадо Александр! Когда нужна тебе будет помощь – буду с тобой. Если отправишь посла к Дарию, то предаст он тебя. Так будь же ты сам своим послом и отправься к Дарию в том виде, в каком видишь меня». Александр же сказал ему: «Страшно мне, царю, самому идти послом». – «Но с помощью бога не попадешь в беду», – ответил тот Александру, Услышав это, проснулся, радостный, Александр и поведал обо всем боярам своим. Но они не советовали ему так поступать.

Поемъ же съ собою воеводу, именовемъ Еумила, и с нимъ три коня, и абие поиде. И приде къ рѣцѣ, нарицаемѣи Страгъга. Си же рѣка помръзла есть, зимѣ сущи, и ходить по ней скоти и колесница, и потомъ по днехъ раздрушается и бываетъ глубока и быстра. Обрѣте убо помръзшю рѣку Александръ и въземъ образъ, в нем же видѣ Амьмона, всѣдъ на конь, на нем же бѣ волюя глава,³⁰⁸ и преиде единъ. Еумиль же ся маляше ему, да бы пришелъ с нимъ, да будетъ ему въ помощь на бѣдѣ. Глагола ему Александръ: «Сдѣ пребуди съ двѣма жребцема, имѣю бо помощника, рекша ми: «Сии образъ въземъ и иди единъ». Бяше же рѣка въ широту врьсты единой, и прешедъ Александръ, идяшетъ путемъ и прииде близъ вратъ прѣскихъ. Сущи же ту стражие, видѣвше его въ такомъ образе, мняху его бога, пытаху же у него: «Кто еси?» Рече же имъ Александръ: «Дарьеви прѣдставите мя, тому повѣмъ, кто есмь». Въне же бѣ Дарии на высокихъ мѣстехъ, гребля копаа и покрывая прѣстию, акы уроды творя макидоны.³⁰⁹

Отправился вскоре Александр, взяв с собой воеводу Евмила и с ним трех коней, и подъехал к реке, называемой Странга. Было холодно, и река замерзла, и ходил по льду скот и ездили на колесницах, а потом, через несколько дней, она вскрылась и вновь стала глубокой и быстрой. Найдя же реку замерзшей, Александр облачился в одежду, в которой видел Амона, сел на коня с воловьей головой и отправился в путь. Евмил упрашивал Александра, чтобы тот разрешил сопровождать его и помочь ему в случае беды. Но Александр ответил: «Оставайся здесь с двумя жеребцами, ибо помогает мне тот, кто сказал: «Прими вид мой и иди один». Река же была шириной около версты, пересек ее Александр и поехал дорогой, пока не достиг ворот персидского города. Стражники,

увидев его в таком одеянии, приняли его за бога и спросили: «Кто ты?» Александр же сказал им: «Проведите меня к Дарию. Тому и скажу, кто я». Дарий же, стоя на холме, следил, как копают ямы и прикрывают их сверху землей, готовя козни для македонян.

Събрашася на дивное видѣние Александрово. Дарии же малы не поклонися ему, мнѣвъ его бога суца, от Алумпия пришедша и въ варварскую одежду облѣкшася. Сѣдѣше Дарии въ вѣнци, иже бѣ с каменiemъ многоцѣннымъ, в ризѣ чръвленѣ, яже бѣ вавилоньскы тканя златымъ пряденом, и въ багрѣ царьстѣмъ, и въ сапозѣхъ златыхъ, с каменiemъ дѣланы до лысту его. Скипетра обаполы его, плъци же тмами около его. Дарии же въпрошаше: «Кто еси?», видѣвъ его въ образе ходѣща, его же нѣсть видѣлъ николи же. Александръ же рече ему: «Аггелъ есмь Александра царя». И рече ему Дарии: «Да почто еси пришелъ к намъ?» Александръ же рече: «Азь ти поведаю, яко zde суцу Александру. Коли ся хоцещи съвокупити на брань, вѣдаи убо, царю Дарии, яко царь поздыся на брань уже явился естъ противнымъ, яко страшиву душу имать на брань. Да уже не брезе, но повѣжь ми, коли хоцещи на брань съвокупитися?» Дарии же, разгнѣвався, рече къ Александру: «К тобѣ ли съвокуплю брань, ли къ Александрови? Тако бо ся еси разъгрози, акы самъ сы Александръ, и дръзо ми отвѣщаеши, яко мнѣ противень сѣи. Нынѣ убо обычную трапезу вечеряи съ мною, яко же и тои Александръ вечерю сътвори сломъ моимъ». И тако рекъ Дарии, дръжа за руку Александра, и веде ѿ въ полату свою. И се же знамение добро имяше Александръ, за руку приведенъ от врага, и пришедъ внутрь полаты его, абие възлѣже пръвѣе Александръ на вечери Дарьевѣ.

Собрались все подивиться на Александра. Сам Дарий едва не поклонился ему, приняв его за бога, спустившегося с Олимпа и облекшегося в варварскую одежду. Сидел же Дарий в короне, украшенной многоцветным камением, в пурпурной одежде, вытканной, по вавилонскому обычаю, золотыми нитями, в царской багрянице, в золотых сапогах, украшенных драгоценными камнями до самых колен. По бокам его были скипетры, и бесчисленное множество воинов стояло вокруг. Спросил Дарий у Александра, кто он, ибо никогда не видел подобного одеяния. Александр ответил ему: «Я вестник царя Александра». И спросил его Дарий: «Зачем же ты пришел к нам?» Александр отвечал: «Я сообщаю тебе, что недалеко находится Александр. И если собираешься встретиться с ним в бою, то знай, царь Дарий, что тот, кто последним приходит на поле битвы, тем самым уже показывает противнику свою трусость. Так помни об этом и поведай мне, когда хочешь выйти на битву?» В гневѣ

воскликнул Дарий: «С тобой ли встречу в битве или с Александром? Ты так угрожаешь мне, будто сам и есть Александр, и отвечаешь мне так дерзко, словно ты мой противник. Но сегодня поужинай со мной по обычаю, ибо и Александр устраивал пир моим посланцам». И, сказав так, взял Дарий за руку Александра и повел его в свою палату. И принял Александр за доброе знамение, что врагом веден за руку, и, придя в палату его, первым возлег на пиршестве Дариевом.

Пръси же, зряще Александра, дивляхуся, яко малъ бяше тѣломъ, но не вѣдяху, яко въ малѣ съсудѣ чясти небесныя бѣ слава. Пиющим же имъ чясто въ чяшехъ, Александръ промысль сътвори сице: елико аще чяша възимааше, в нѣдра собѣ вѣкладаше. Видящей же его повѣдаша Дарьєви. Въставъ же, Дарии рече: «О, храбре! На что се ты вѣкладаеши в нѣдра своя, на вечери възлежа?» Се же слышавъ, Александръ рече: «Великый царю! Егда вечерю творить Александръ велможамъ своимъ и воеводамъ, даруетъ имъ чяша. И мняхъ ты такого суца, ак же есть онъ, сего дѣля сътворихъ и азъ сице». Словом же Александровымъ и пръси удивишася, присно бо притчя, аще иматъ вѣру, въ лжи си творить слышащаа. Многу же убо мльчанню бывшю, Парагъгисъ нѣкто именемъ, сыи игемонъ въ Персидѣ, навади Александра, видѣлъ бо бѣ въ истинну Александра въ лицѣ, егда бо прииде пръвое въ Пельлу макидонскую, посланъ от Дариа на дань, възбраненъ от Александра бывъ, сего знаше. И рассмотрѣвъ помалу Александра рече въ собѣ: «Се есть Филиповъ сынъ. Атце образъ свои есть измѣнилъ, мнози бо челоуѣци от рѣчи познаваеми бывають, аще и въ тмѣ приходит!». И тако увѣрився от своей съвѣсти, яко се есть самъ Александръ, приклонився къ Дарию, рече ему: «Великый царю всея земля, Дарии! Сии солникъ Александръ есть, царь макидонскый, Филиповъ сынъ». Дарии же и вси пиюще с нимъ пиани бяху вси велми. Слышавъ же Александръ словеса Парагъгова, реченаа къ Дарьєви на вечери, и разумѣвъ, яко познанъ, прельстив всѣхъ, изиде. И имѣя въ пазусѣ своей чашу злату, и изииде таи, и всѣдъ на конъ, яко убѣжати бѣды. И обрѣтъ въ врагѣхъ персенина одинаго стража, и убивъ его, изииде из града.³¹⁰ И увѣдѣвъ же Дарии посла пръсы съ оружиемъ, яти хотя Александра. Александръ же лагодя коневи, правляше ему путь,³¹¹ бяше бо полуноци, и тма бысть велика. Мнози же по немъ гоняху и не постигоша, друзии бо путемъ гнаша, инии же въ тмѣ и падаху въ дебри. Александръ же бѣ, акы звѣзда, съ небеси сияющи, единъ ида и бежа, ни въ что же мняше пръсы. Дарии же тужаше, на одрѣ своемъ сѣдя. По семъ же видѣ нѣчто знамение: икона бо Ксеръкса царя³¹² внезапно спаде от стлѣпа, ю же Дарии любляше велми, яко прекрасна бѣ писаниемъ.

Персы же, глядя на Александра, удивлялись его небольшому росту, но не ведали, что в небольшом сосуде скрыта небесная сила. И когда пили они чашу за чашей, Александр нечто придумал: всякий раз, выпивая чашу, клал он ее за пазуху. Видевшие это, сказали Дарию. И, встав, спросил Дарий: «О храбрый! Зачем же ты во время пира прячешь чаши себе за пазуху?» Услышав это, сказал Александр: «Великий царь! Когда Александр устраивает пир для вельмож и воевод своих, то дарит им чаши. Я подумал, что и ты таков, как он, и поэтому так поступаю». Удивились персы словам Александра, ибо справедлива поговорка: «Если уж поверил кто кому, то и ложь его примет за правду». Замолчали все. По вот некто Парангис, вельможа персидский, узнал Александра, ибо запомнил его лицо еще с тех пор, когда, посланный Дарием за данью, приходил в Пеллу македонскую и был прогнан Александром. И, рассмотрев мало-помалу Александра, подумал он про себя: «Это же Филиппов сын. Хотя и изменил он свой облик, но многих людей можно узнать по голосу, даже если они приходят во тьме». И так, убедившись в своей догадке, что это и есть сам Александр, наклонился к Дарию и сказал ему: «Великий царь всей земли, Дарий! Этот посол – сам Александр, царь македонский, сын Филиппов». Но Дарий и все пировавшие с ним были сильно пьяны. Александр же, услышав, что сказал Парангис Дарию на пиру, понял, что узнали его, и, обманув всех, вышел. И вышел незаметно с золотой чашей за пазухой и сел на коня, чтобы избежать беды. И застал в воротах одного стража-перса, и, убив его, выехал из города. Узнав об этом, Дарий послал за ним вооруженных персов, чтобы схватить Александра. Александр же помогал коню, освещая ему путь факелом, ибо было уже около полуночи, и стояла полная темнота. Многие гнались за ним и не смогли догнать, одни скакали по дорогам, другие же – в темноте и падали в овраги. Александр же, сверкая как звезда на небе, мчался один, нисколько не опасаясь персов. А Дарий горевал, сидя на своей постели. И увидел такое знамение: упало внезапно со столба изображение царя Ксеркса, которое Дарий очень любил за его красоту.

Александръ же, спасень бывъ нощию, приидѣ бѣжа на рѣку Гагину. Яко же прииде, пришедшю коневи къ брѣгу и преднии нозѣ поставльшю на сусѣ, раздрушися рѣка от слъньчьныя теплоты, и конь протруячаше убо, восхищенъ водою,³¹³ Александра извергъ на сухо. Прѣси, гоняще Александра, приидоша къ рѣцѣ, уже прошедшю Александру, и не могла преити, възвратишася, рѣка бо непроходима бяше всѣмъ челоуѣкомъ. Прѣси же повѣдаша Дарѣви Александрово вазньство. Дарии же, дивяся преславному знамению, дряхль бысть велми. Александръ же, пѣшь шедъ

от рѣкы, обрѣте Еумила, с нимъ же оставилъ два коня, и исповѣда ему бывшаа вся.

Александра же выручила ночная темнота: доскакал он до реки Странги. И когда уже пересек ее, и достиг его конь берега, и уже поставил на землю передние ноги, то от солнечного тепла разрушился лед, и обессилевший конь, выбросив Александра на сушу, был унесен водой. Персы же, преследуя Александра, примчались к реке, когда он уже переправился, и повернули назад, не сумев через нее перебраться, ибо река была непреодолима для людей. И поведали персы Дарию об удаче Александра. А Дарий пребывал в глубокой печали, пораженный удивительным знамением. Александр же, идя пешком от реки, встретил Евмила, с которым оставил двух коней, и рассказал ему о всем происшедшем...

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА ОЛИМПИАДЕ

По сих же написа Александръ къ матери своей Алумпиадѣ: «Сладцѣи моеи матери радоватися! И Аристотелю, честному моему учителю, радоватися! Добрѣ умыслихъ написати вамъ о уставлении моемъ, бывшимъ противу Дарьevi. Слышахъ о немъ, яко съ многими царьми и боляры естъ на Исаковѣ луцѣ, прияхъ козы многы, и привязавъ свѣща къ рогомъ ихъ, и изгнахъ ноцію. Они же, видѣвше насъ, на бѣжение устрѣмишася, мнѣвше, яко мнози суть вой. И тако побѣду на нихъ сътворихъ, иде же градъ създахъ, имя ему сътворивъ Козии, въ Исаковѣ луцѣ създахъ градъ Александрию, иже на Исонѣ.³¹⁴ Оттуду же пакы поидохъ по пути Арменскыя страны, иде же естъ источникъ Еуфрата и Тигры. И оставленъ же бывъ Дарии, убиенъ бысть от Виса и от Ариовръзана, мидскыхъ старость.³¹⁵ Азь же печалень быхъ о немъ, побѣдивъ бо его, не хотяхъ его погубити, но имѣти его подъ моимъ царствомъ. Дышюща же его достигъ, съвлекся съ своея хламиды, покрыхъ его. Потом же озрѣвся на безвѣстную чясть, на подлежащее указание, проводихъ Дария и честь велику сътворихъ на исходъ живота его, и повелехъ обрѣзати носы и уши стрегущимъ гробъ его по обычаю пръскому.

После всех этих событий написал Александр матери своей Олимпиаде: «Сладостной матери моей – радоваться! И Аристотелю, почтенному учителю моему, – радоваться! Хорошо, что надумал я написать вам о борьбе моей с Дарием. Услышал я, что стоит он возле Исакова залива со многими царями и вельможами, и, собрав множество коз и привязав свечи к рогам их, погнал стадо ночью. Персы же, увидев нас, обратились в бегство, подумав, что у нас множество воинов. И так

одолея я их, и на том месте основал город, назвав его Козым, а у Исакова залива основал город Александрию, стоящий на Иссе. Оттуда же снова двинулся в путь по Армении, где находятся истоки Тигра и Евфрата. И покинут был всеми Дарий, и убит Бессом и Набарзаном, мидийскими вельможами. Огорчился я, ибо, и победив его, не хотел убивать, а лишь хотел иметь его в своей власти. И застал я его еще дышавшим и, сняв с себя хламиду, накрыл его. Потом же, подумав о неисповедимой судьбе, проводил Дария и оказал ему великие почести при погребении, и велел, по местному обычаю, обрезать носы и уши персам, сторожившим его гроб.

Оттуда же, приимъ многы вожда, въсхотѣхъ внити въ заднюю страну пустыня въ слѣдъ звѣздныхъ коль. Туземци же глаголаху, яко въ странахъ тѣхъ дивии челоуѣци суть и звѣрие зли и дивни. Азъ же паче видѣти въсхотѣхъ страну ту и челоуѣкы ты. Приидохъ же на мѣсто нѣкоторое пропастно, идѣ же бѣ пропасть велика и глубока, юже прѣидохъ осмью дѣни, видяще пустаа мѣста и звери инакы, ово инакы роды. Пришедше же нѣ на которое мѣсто въ 9 часъ, обрѣтохомъ лѣсъ густъ, нарицаемый Анафиетъ, имѣюще яблока всѣми лици. Бяху же в томъ лѣсе челоуѣци велми велици, имѣющи въ высоту лакоть 24, имеюще шия длгы и руки, беруще овощъ. Иже поидоша на ны, азъ же велми начахъ тужити, видѣхъ такы челоуеки. Повелѣхъ же, да ми имуть от них. Устрѣмившимъ же ся намъ на ня съ кличяниемъ и трубами, и, видѣвше насъ, побегоша. Убихом же от нихъ 300 и 32. От нихъ же нашихъ вои убиша 100 и 60 и 3. Пребывахом же, ядуще овощъ. Тои бо бяхе единъ.

Оттуда же, взяв с собой многих проводников, захотел я проникнуть в глубину неведомых земель, в направлении созвездия Воз. Местные жители рассказывали, что в тех землях живут дикие люди и диковинные свирепые звери. Мне же тем более захотелось увидеть и земли те и тех людей. И достиг некоего места, обильного пропастями, где было ущелье широкое и глубокое, и, перейдя его за семь дней, увидел неведомые места и зверей различных пород. Однажды в девятом часу достигли мы густого леса, называвшегося Анафиет, в котором росли разнообразные яблоки. И жили в том лесу люди гигантского роста, в высоту двадцать четыре локтя, с длинными шеями и руками, и питались они плодами. И напали они на нас, я же встревожился немало, видя таких гигантов. И велел схватить кого-либо из них. Бросились мы на них с криками и под звуки труб, а они, увидев нас, обратились в бегство. Убили мы триста тридцать два человека, а они убили сто шестьдесят трех наших воинов. Мы же остались тут, питаюсь плодами, а другого ничего не было в той земле.

Оттуда же отшедше, приидохом на нѣкую страну травну, идѣ же бяху

человѣци дивии, подобни суще величиємъ къ влатомъ, обли, и космати, чръмни, обличие имуще лвово. Друзии же, нарицаемии охлоти, не имѣюще власъ, въ высоту имуще 4 лактеи, прѣкы же двухъ. И приидоша же къ намъ, кожами пропоясани, крѣпци велми, готови суще на брань без копии и безъ стрѣль, но колиемъ биахуся съ вои и убита многы. Воемъ же гыблющимъ, повелѣхъ възгнѣтити огонь и огнемъ братися с ними. И тако изгорѣша силнии мужи. И от вой же погыбѣ мужии 70 и 2. И повелѣхъ съжещи а огнемъ, и оставльшаа кости их нести въ домъ их. Они же исчезоша. Въ утрии же день въсхотѣхомъ внити въ вртпы их, и обрѣтохомъ въ входѣхъ дверных привязаны звѣри, яко пси, великы и пестри, длѣготу имуще лактии 4 и очеса три. Видѣхомъ тамо бѣлохы скачуща яко и жабы. Пришедъше же оттудѣ, приидохомъ на нѣкаа мѣста, идѣ же источникъ течяше великою водою. И повелѣхъ ту плѣкъ сътворити и въоружитися, помня трудъ яблокоядецъ. Потом же въ девятыи часъ и десятыи явися намъ мужъ космать, яко вепрь. И ужасохомся, видѣвше такова животна. И повелѣхъ яти и. Он же, ятъ бывъ, безъ студа зряше на ны. И повелѣхъ съволокъше жену привести къ нему, дабы ея въсхотѣлъ. Онъ же, въсхытивъ ю и оттекъ кромѣ, нача ясти. Текшимъ же воемъ яти его, поторта языкомъ своимъ, и слышавше прочий от рода его изыдоша на ны из блата, мужии до десяти тысящъ, а насъ бяше 4 тмы. И повелѣ зажещи ихъ блато. И, увидѣвше огонь, бѣжаша. Гнавше по нихъ, связахомъ от нихъ 4 ста мужии, иже не имуще чесо ясти, изъмроша. И бяху же в нихъ смыслъ не человѣчь, но лаяху, яко пси.

Двинувшись оттуда в путь, вступили мы в некую степную страну, где жили дикие люди, ростом подобные великанам, коренасты, косматы, краснокожи, видом похожие на львов. Другие же, называемые охлотами, были безволосые, высотой в четыре локтя, а толщиной в два. И пришли на нас, опоясаны кожами и могучи, готовые биться без копьев и без стрел. И одними кольями бились с нами и убили многих. И, видя, что гибнут воины, повелел я разжечь огонь и огнем сражаться с ними. И так сгорели могучие люди. У нас же погибло семьдесят два воина. И повелел трупы сжечь, а оставшиеся кости их отнести в их дома. Люди же те исчезли. На другой день захотели мы войти в пещеры их и увидели привязанных возле входов огромных пестрых зверей, похожих на псов, но в длину по четыре локтя и с тремя глазами. Видели там и скачущих блох, размером с жабу. Возвратившись оттуда, пришли мы на некое место, где протекал полноводный поток. И тотчас велел я воинам изготовиться и вооружиться, помня нападение яблокоядцев. Некоторое время спустя, в девятом часу или десятом, явился к нам мужчина, косматый, как вепрь. Ужаснулись мы,

видя такое чудовище. И повелел я его изловить. Он же, схваченный, смотрел на нас без смущения. И велел я, раздев женщину, подвести ее к нему, чтобы он ее пожелал. А он, оттащив ее в сторону, начал пожирать. Когда же бросились на него воины, то залопотал по-своему, и, услышав его, вышел на нас из болота весь род его – мужей около десяти тысяч, а нас было сорок тысяч. И повелел я зажечь болото их. И, увидев огонь, обратились они в бегство. Преследуя их, связали мы четыреста мужей, но все они умерли без пищи. И разум у них был не человеческий, а лаяли, как псы.

Отшедше же оттудѣ, приидохомъ на рѣку нѣкую, и повелѣхъ во емъ испльчитися ту, и въоружишася по обычаю. И бяше же при рѣцѣ древо, и купно солнцю въсходящю, и дрѣво растяше до шестаго часа, от 7-маго часу исчезаху, яко же не видѣти их отинудъ. Слезы же имяху, яко же прѣскыи пепель, воню же велми сладку и добру. Повелѣхъ бо сѣщи дрѣво, губами собирати слезу. Внезапу же събирающеи бѣеми бяху от бѣсовъ невидимых, и бѣемых лопоть слышати бяше и раны по плещема видяхомъ, бьющихъ же не видѣхомъ. Глас же нѣкакъ прихожаше, глаголя: «Не достойно сѣщи, ни събирати. Аще ли не престанете, да будутъ вси вои нѣми». Азъ же убояхъся, повелѣхъ ни сѣчи, ни събирати от нихъ. Бяше же в рѣцѣ камение чрѣно, иже ся прикосняше къ камени сему, такыи же образъ приимаше. Бяху же змиевъ в рѣцѣ мнози, и рыбы мнози инакы родом, яже огнемъ не печяхуся, но въ кладежнѣ водѣ студнѣ. Единъ убо от воинъ, приимъ, измывъ и вложи въ сосудъ и остави, и обрѣте рыбу сварену. Бяху же на рѣцѣ птица, подобны нашимъ птицамъ, их же приближишася къ огню паки исхожааше от него.

Покинув то место, пришли мы к некоей реке, и велел я воинам изготовиться к бою, вооружившись, как обычно. И были возле реки той деревья, и когда всходило солнце, то начинали расти деревья и росли до шестого часа, а в седьмом часу исчезали, так что снова их не было видно. И сок тех деревьев имел запах сладкий и приятный, как у персидского перца. И повелел я рубить деревья и губками собирать их сок. Но внезапно собиравшие сок были избиты невидимыми бесами, и были слышны крики избиваемых и видны раны на их плечах, а кто бьет – не было видно. И донесся чей-то голос: «Не смеее ни рубить, ни сок собирать! Если же не перестанете, то будут все воины немymi». Я же испугался и велел, чтобы не рубили деревья и не собирали их сок. В реке же были черные камни, и тот, кто прикасался к такому камню, сам становился черным. Было в реке и немало змей, и много рыб такой породы, что варились не на огне, а в холодной колодезной воде. Один из воинов, поймав и помыв рыбу,

положил в сосуд и оставил так, а нашел ее уже сваренной. Были же на реке и птицы, похожие на наших птиц, которые, влетая в огонь, вылетали из него живыми.

Въ утрии же день идяхомъ и блудяхомъ. глаголаху же ми вождеве, яко не вѣмы, камо идемъ, владыко, царю Александре! Обратимся, да не въ горшаа мѣста впадемъ. Азь же не хотяхъ възвратитися. Срѣтаху же насъ звѣрие мнози о шести ногъ, и о трехъ очесѣхъ, и о пяти очесехъ, имущъ дълготу 10 лакоть, и инаци звѣрие мнози, да друзии убо бѣгаху, инии же приходяху къ намъ. Придохомъ же на некако мѣсто песочно, иде же изидоша звѣрие, подобни дивиимъ осломъ, имущъ дълготу по 20 лакоть, не имѣяху же по два ока, но по шести, двѣма же толико глядаху. Не бяху же люти, но кротци. Иныи многы убиша вои стрелами. Оттуду же пошедше, приидохомъ на нѣкако мѣсто, иде же бяху человѣци безглавни, глаголюще же человѣческимъ своимъ языкомъ, космати, ходяше въ кожахъ, рыбоядци. Ловяще рыбы от моря, прилежащаго в них, и приношаху к намъ. Друзии же от земля приношаху нудна, яже бяху въ тягости гривень 25.³¹⁶ Вормоны же многы и великы видѣхомъ ходяща по земли. Друзи же наши веляху, да ся быхомъ обратили, но азь не хотяхъ, хотя видѣти конецъ земли.

На другой день шли мы и блуждали. И говорили мне проводники: «Не знаем, куда идем, владыка царь Александр! Вернемся, а не то попадем в места пострашнее этих». Я же не хотел возвращаться. Встречались нам и многочисленные шестиногие звери с тремя глазами, и звери с пятью глазами, длиной в десять локтей, и иные различные звери; и одни убегали от нас, а другие подходили к нам. Пришли мы в некую песчаную землю, где повстречались нам звери, похожие на диких ослов, длиной по двадцать локтей, и было у них не по два глаза, а по шесть, но видели только двумя. И были они не злы, а кротки. И многих других зверей убили воины стрелами. И, выйдя оттуда, пришли мы в страну, где обитали безголовые люди, говорившие на своем человеческом языке; были они волосаты, одевались в шкуры и питались рыбой. Ловили же рыбу они в море, возле которого жили, и приносили нам. Другие же приносили добытые в земле грибы, весом до двадцати пяти гривен. Видели мы и немало гигантских чудовищ, бродящих по земле. И то одни, то другие советовали мне вернуться, но я не соглашался, мечтая увидеть конец земли.

Оттудѣ убо шедше по пустыни, приидохомъ на море, к тому не видяще ничто же, ни птица, ни звѣри, но токмо небо и земля. Сльнѣца же уже не видѣхомъ, но въздухъ почерненъ до десятого дне. Пришедше же не в кое мѣсто помория, и шатры наша и плѣкы наша поставиша, и влѣзохомъ

в лодьи, и преехавомъ в нѣкъи островъ морскыи, недалече сушь от земля. В нем же слышахомъ рѣчь чловѣческу, еллинскимъ языкомъ, глаголющих же не бѣ видѣти. Нѣцци же от воинъ, искочивыи из лодьи, пребрѣдша на островъ, и абие каркину излѣзшю, вѣвлекоша ю въ воду. И, убоявшеся, обратихомся на землю.

Оттуда, пройдя по пустыне, пришли мы к морю, и не увидели там ничего: ни птиц, ни зверей – только небо и землю. Уже не видно было и солнца, вот уже десять дней, как шли мы во мраке. Придя же в приморскую страну, расставили свои шатры и расположили воинов, и, сев в лодки, переправились на некий остров, находившийся недалеко от берега. Доносились оттуда голоса людей, говоривших по-гречески, но самих их не было видно. Несколько воинов, выскочив из лодки, добрались до берега, но вдруг появились раки и увлекли их в воду. И в страхе вернулись мы на землю.

И паки пошедше, приидохомъ за два дни въ страну, иде же слънъце не сияет, ту убо есть земля блаженныхъ.³¹⁷ И хотящю ми видѣти и исписати мѣста та, начах поимати свои ми рабы и поити къ нимъ. Калисфень³¹⁸ же, мой другъ, съвѣщася съ мною, да иду съ 40-ми дружины и съ стомъ отрокъ, и съ воины тысящу и 200. Вне же по пути узрѣхомъ ослица, имуща жребята, обуяты воискомъ плѣкомъ. И тако внидохомъ въ путь темныи врѣсть 15, и видѣхомъ нѣкако мѣсто, и бѣ на немъ источникъ светель, его же вода заблищася, аки молния. Възалкавъ же ся, въсхотех прияти хлѣба и призвахъ повара, и рѣхъ ему: «Приготови ны влагу». Он же, примъ икру, и иде къ свѣтлomu источнику омыти икру, и абие намокши в водѣ, оживѣ икра и избѣжа от руку повара, бѣ же вся земля та водна. Поваръ же бывшаго не повѣда.

И снова двинулись в путь, пришли через два дня в страну, где не светит солнце, ибо находится здесь земля блаженных. А так как захотел я увидеть и описать эти места, то начал собирать слуг своих, кто пошел бы вместе со мной. А Каллисфен, мой друг, посоветовал мне, чтобы взял я с собой сорок телохранителей, и сотню оруженосцев, и тысячу двести воинов. Вблизи дороги увидели мы ослиц с ослятами, и окружили их наши воины. И вошли мы во мрак, и прошли в полной тьме верст пятнадцать, и увидели светящийся ручей, вода которого блистала, как молния. Проголодавшись, захотел я хлеба и, подозвав повара, сказал ему: «Приготовь нам попить». Он же, взяв икру, пошел к светящемуся источнику, чтобы вымыть ее, но как только намокла икра, то ожила и ускользнула из рук повара, ибо повсюду текла вода. Повар же не поведал мне о случившемся.

Паки же шедше версть 30, к тому поидохомъ, видѣвше зарю безъ слънѣца и без луны и без звѣздъ. И видѣхъ два птича летяща, имуща обличив человекеско, елинъскимъ языкомъ свыше зваста: «Почто ходиши по земли единаго бога, Александре! Възвратися, окаанне, на мѣста блаженныхъ и не можеша вѣстипити! Възвратися убо, о человекѣ, и по вданѣи тобѣ земли ходи, труда себѣ не твори». Трепетен же бывъ, добрее начахъ слушати гласа, данаго ми от птиць. Другыи же птичь паки провѣща елинъскимъ языкомъ: «Молить ти ся, – рече, – вѣсточнаа страна и Порово царство побѣдою покоритися». И си рекъ птичь възлѣте. Азъ же умилихся; и држа ослица, вожда наша, предзряще на кола паки звѣзднаа, и двѣма межи десятема днии изидохомъ противу гласу жребятину и матеръ их. Мнози же от вои взяша, каждо еже обрѣтъ. И пришедшимъ къ свѣту намъ, обрѣтше злато чисто въземъше. Тогда же и поваръ исповѣда, како оживе икра. Аз же разгнѣвахся, мучихъ его».

И снова прошли мы тридцать верст, двигаясь в том направлении, где виднелась заря без солнца, и без луны, и без звезд. И увидел я двух летящих птиц с человеческими лицами, и кричали они с высоты погречески: «Зачем, Александр, ходишь ты по земле, одному богу принадлежащей? Возвратись, окаянный, не смеешь вступить ты на землю блаженных! Возвратись же, о человек, и ходи по отведенной тебе земле, не накликай на себя несчастья!» Затрепетал я и стал внимательней слушать, что говорили мне птицы. А вторая из них опять возвестила мне погречески. «Зовет тебя, – сказала, – восточная страна, и царство Пора тебе в боях покорится». И, сказав это, взлетела птица. Опечалился я; и, следуя за ослицами, нашими проводниками, и снова смотря на созвездие Воз, через двадцать два дня вышли мы на голоса жеребят вместе с их матерями. Многие же воины взяли с собой, кто что нашел. И когда вышли на свет, то увидели, что вынесли чистое золото. Тогда и повар рассказал мне, как ожила икра. Я же разгневался и наказал его».

По сихъ же всѣхъ поемъ Александръ силы своя, поиде на Пора, царя индиискаго.³¹⁹ Многу же пустыню прошедше и мѣста и безводна и пропадна, глаголааху старѣишины воиския къ воемъ: «Доволѣте намъ до Прѣсиды и имѣти рать, и побѣдити Дария, яко емлюща дань на елинѣхъ. Что же нынѣ творимъ, идуще на Инду, на звѣринаа мѣста, не приближающихся къ Еладѣ? И аще есть Александръ храборъ своимъ великимъ умениемъ и хочеть покорити варварския языки, почто мы ходимъ по немъ? Единъ да ходитъ и биется». Се же слышавъ, Александръ, отлучивъ прѣския воя и макидонския, и инѣхъ елинъ, и рече макидономъ и елиномъ: «Мужи воистии и поборници, макидони и вси силнии

еллинстии! Си бо пръсяне врази ваши суть и мои. И нынѣ почто ропщете? Уже уредили мя есте одинаго ходити на брань битися съ врьвары? Се же убо вамъ въспомяну, яко же оны ратныя азъ единъ побѣдихъ, елико хощу взяти от пръсь, пакы единъ побѣжю. Мое бо едино помышление душа ваша дръзы сътвори на противныя. Убоявшимся противу Дарьеву множеству, не азъ ли прѣд вои яздохъ противу ратнымъ, не азъ ли самъ собѣ быхъ соль и внидохъ къ Дарьеву, не отложих ли бѣды? Но се буди, яко умыслили есте ити въ Макидонию едини, и спасите сами себе и не окладайте ничто же другъ на друга. Да увѣсте, яко ничто же могутъ вои кроме ума царева». Тако рекшу Александру, моляхуся ему, да бы оставилъ гнѣвъ: «Имѣи ны съ собою поборники до конца!»...

После всего этого собрал Александр свои войска и пошел на Пора, царя индийского. И когда прошли они через многие места пустынные и безводные и обильные пропастями, то стали говорить воеводы воинам: «Должны мы были воевать с персами и победить Дария, потому что собирал он дань с элинов. Но зачем мы сейчас идем в места звериные, на индийцев, живущих вдали от Эллады? И если Александр гордится своим великим, искусством и хочет покорить варварские народы, то мы-то зачем ходим за ним? Пусть один ходит и сражается». Услышав их ропот, Александр отделил персидских воинов от македонян и иных греков и обратился к македонянам и грекам: «Мужи-воины и помощники мои, македоняне и все могучие воины греческие! Ведь персы – это враги ваши и мои. И почему же ныне ропщете? Уже порешили вы, что я один буду выходить на битву и сражаться с варварами? Так я напому вам, что и всех остальных врагов победил я один, и все, что захочу отнять у персов, также один добуду. Лишь только воля моя придала вашим душам смелость в борьбе с врагами. Когда испугались вы огромного войска Дария, то не я ли сражался с врагами впереди всех? Не я ли сам был своим послом и ходил к Дарию, не я ли спас вас от беды? Но пусть будет так, как задумали: идите одни в Македонию, спасайте себя, но не надейтесь ни в чем друг на друга. И увидите, что ни на что не способны воины без мудрого царя». Когда сказал все это Александр, взмолились воины, чтобы не гневался он: «Будем мы всегда твоими помощниками!»...

Поръ же... събра множество варваръ, и слоны, и ины звѣри многы, иже помогаху индомъ. И яко же пришедъ близъ макидони и пръсы, видѣвъ Александръ плѣкъ Поровъ, и убояся не множества же вои, но множества звѣрии. Видѣвъ бо странное съполчение звѣрино, удивися; съ челоуѣкы бо имяше брань творити, а не съ звѣрми. Пакы же Александръ сътворися собѣ сломъ и вниде въ градъ, иде же бысть Поръ, въ воинстѣмъ образѣ. Инди

же, видѣвше его, абие поставиша ѿ прѣд Поромъ царемъ. И рече ему Поръ: «Каковъ есть Александръ?» Онъ же рече: «Живъ и здравъ есть, и жадаеть видѣти такого царя Пора». И шедъ съ Александромъ показа ему звѣрии множество и рекъ къ Александру: «Шедъ, повѣждь Александрови, яко азъ подобныя ти звѣри поставлю на брань».

Пор же... собрал множество варваров, и слонов, и множество других зверей, помогавших индийцам. И когда македоняне и персы приблизились к Пору, и увидел Александр его войско, то испугался не многочисленных полков, а бесчисленных зверей. Глядя на устрашающие звериные полчища, пришел он в замешательство, ибо умел воевать с людьми, но не со зверями. И снова Александр стал своим посланником и, под видом воина, вошел в город, где находился Пор. Индийцы, увидев его, тотчас отвели его к царю. И спросил его Пор: «Как поживает Александр?» Он же отвечал: «Жив и здоров и жаждет видеть могучего царя Пора». И повел Пор Александра и показал ему множество зверей и сказал: «Иди и поведай Александру, что я вот таких зверей выпущу в битву».

Отшедъ же Александръ от Пора и, видѣвъ испльчение звѣриное и испытавъ свои умъ, и великъ собѣ помысль сътворивъ, что же потомъ сътвори, умникъ: елико имяше мѣдяныхъ болванъ, постави ѿ прѣди, и повелѣ воемъ, да их ражгутъ велми. Яко быти мѣди присно огнемъ, и повелѣ имъ поставити прѣди, яко стѣну прѣдъ полкомъ войскомъ. И въструбиша въ бранный гласъ, абие же Поръ повелѣ пустити звери. Звѣрие же, устремление имуще, поскакаху и приимахуся за болваны, и абие уста ихъ изъжегошася, и к тому не прикоснутися никому же. Тако же убо устремление звѣриное устави умныи Александръ. Прѣсы же премогаху инды и прогнаша их стрѣлами и на конѣхъ. Многа же бяше брань убивающихъ и о убиваемыхъ. Паде же Александровъ конь, на нем же бѣ волюя глава, изнемогъся силою. И сему бывшу, и небрегъ о брани Александръ. 20 днии пребываше, биющеся между собою, убоявше же ся о Александрѣ сами ся предаяху индѣяном.

Возвратился Александр от Пора и, вспоминая виденные им полчища зверей, стал размышлять, и пришла ему на ум хорошая мысль, которую потом и осуществил, мудрый: велел он воинам своим раскалить на огне все бывшие у него медные статуи. И когда стала медь горяча, как огонь, повелел воинам расставить их перед своими полками. И затрубил в боевые трубы, и тотчас же Пор приказал выпустить зверей. Звери же, устремившись навстречу, подскочили к статуям и принялись за них, и тотчас же обожгли себе пасти, так что ни к кому уже больше не прикасались. Вот так отразил мудрый Александр нападение зверей. Персы

же одолели индийцев и погнали их, стреляя и преследуя на конях. И жестокой была схватка убивающих и убиваемых. Пал же от изнеможения и Александров конь, на котором была воловья голова. И не смог Александр участвовать дальше в битве. Двадцать дней длилось сражение, и испугались воины Александра, и стали сдаваться индийцам.

Разумевъ же Александръ, яко хотять я предати, повелѣ престати брани, и рече къ Порови царю, глаголя: «Се нѣсть царева сила, еже гиблють вои межю нами, но се есть доблестъ его телеси, да, почивающимъ воемъ, сами ся снидевѣ битися о царстве». Радъ же бысть Поръ и обѣщася къ Александру, яко битися самѣма, видя тѣло Александрово не домагающе къ своему тѣлу. Бяше бо Поръ пяти лакоть, Александръ же ни трехъ. Ста убо обоє множество на позоры Пора и Александра. Голка же убо внезапу сътворися въ воехъ Пора царя. Поръ, уполошився, возвратися въспять видѣти, что есть голка. Александръ же, уврѣдивъ Пора в нозѣ, поскочи на нь, и удари Пора копиемъ у бокъ и абие уби его.³²⁰ И начяшеса убо обои вои битися между собою. Александръ же рече къ индомъ: «О, оканнии инди! С кым ся биете? А царь вашъ убиенъ есть!» Они же рѣша: «Бьемся, да не пленени будемъ». Александръ же рече къ нимъ: «Престанте, не биитесь, и обратившеса, идѣте въ свои градъ свободни. Не вы бо есте дрѣзнули приити на моя воя, но Поръ». Се же рече, вѣдыи, яко не могут ся вои его бити съ инды...

Александр же, узнав, что его хотят предать, велел прекратить битву, и обратился к царю Пору со словами: «Не в этом могущество царское, что гибнут воины наши, а вот в чем его доблестъ: пусть воины отдыхают, а мы сами сойдемся биться за царство». Обрадовался Пор и пообещал Александру бороться с ним, видя, что Александр слабее его телом. Был Пор ростом в пять локтей, Александр же меньше трех. Оба войска стояли и смотрели на Пору и Александра. И внезапно поднялся шум в войсках царя Пора. Встревоженный Пор обернулся назад, чтобы увидеть причину шума. Александр же, ранив Пору в ногу, набросился на него и пронзил его копьем в бок и тут же убил. И снова сошлись в битве оба войска. Александр же обратился к индийцам: «О окаянные индийцы! С кем же вы бьетесь? Ведь ваш царь убит!» Они же отвечали: «Бьемся, чтобы не оказаться в плену». Александр же сказал им: «Перестаньте, не сражайтесь и возвращайтесь свободно в свой город. Ведь не вы дерзнули напасть на моих воинов, а Пор». А говорил так, зная, что не могут его воины биться с индийцами.

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА

Антипатру³²¹ же въставно на Алумпиаду, матеръ Александрову,

сътвори на ней ему же хотяше. Мати же Александрова многожды написа ему о Антипатрѣ. Тужаше мати о Александре и хотящи ей прѣйти на ону страну, възбраняше ей Антипатрѣ. Александрю же приемшу грамоты матере своя Алумпиады и увѣдѣвъ от нихъ наставшую печаль матери своеи, посла къ Антипатру, именемъ Картерика въ Македонию, да будетъ ей печяльникъ. Разумѣвъ же Антипатрѣ умышление Александрово и пришествие Картерево и видѣ воины, вратившаася от Александра в Македонию и въ Фесалию, оного дѣла убояся зѣло, и помысли о прелестнѣмъ убийствѣ на Александра, бояся, от нихъ же съдѣя Алумпиадѣ, егда како всажень будетъ въ темницу, слышалъ бо бѣ Александра, яко сътворилься есть велми гордѣ бывающихъ дѣла от него дѣянии.

Перестал Антипатр подчиняться Олимпиаде, матери Александра, и поступал с ней по своему произволу. Олимпиада же не раз жаловалась сыну на Антипатра. И скучала она по сыну, и хотела приехать к нему, но не пускал ее Антипатр. Александр же, получив письма от матери своей Олимпиады и узнав из них о печалях матери своей, послал к Антипатру в Македонию Картера, чтобы стал он заступником Олимпиаде. Антипатр же, узнав о замысле Александра и о приходе Картера и видевоинов Александра, возвращающихся в Македонию и Фессалию, испугался и задумал тайно убить Александра, боясь, что будет посажен в темницу за все зло, причиненное им Олимпиаде, ибо слышал, что разгневан Александр его поступками.

И се размысливъ, устрои зелие на убиство, его же не трѣпяше судина мѣдянаа, ни стѣклянаа, ни глиненаа, но абие расфѣдашеся. Въ оловянь убо съсудѣ вложи зелие Антипатрѣ, и покрывъ другимъ судномъ железнымъ,³²² и вда сыну своему, и посла въ Вавилонъ къ Илу, чръпцю Александра царя, съглаголався с нимъ о лютости зѣлия и смрътоноснѣи силѣ.

И, поразмысливъ, приготовил смертельный яд, от которого трескалась любая посуда: и медная, и стеклянная, и глиняная. И поместил Антипатр тот яд в оловянный сосуд и, покрыв другим сосудом, железным, отдал сыну своему, и послал того в Вавилон, к Иолу, виночерпию царя Александра, объяснив ему, как страшен тот яд и смертелен.

Пришедъ же сынъ Антипатровъ въ Вавилонъ, съглаголався съ Иломъ, черъпцемъ Александровътмъ, отаи о даянии зелѣинемъ. Илу печалну суцю от Александра, прежде бо того съгрѣшившу Илови, Александрю палицею ударившу Ила въ главу и уязви его злѣ. Тѣм же Иуль гнѣваася на Александра, поспѣшникъ бысть сынови Антипатрову на безаконие. Прия же съ собою Иуль мидянина нѣкоего, бѣнаго с нимъ, съвѣщаша же ся о

собѣ, како Быша Александрови вдали зелие пити. Въ един же от днии почивающю Александру от великыя вечера, наутрия прииде къ нему мидянинъ нѣкыи, моля его, да бы пришелъ въ домъ его. И увѣщанъ бысть Александръ молениемъ его, прииде на вечерю. Възлегшася съ царемъ Александромъ хотящей быти зелиемъ убоиное съвѣщание. Пердика же, Потоломѣи, и Елки, и Лусимахъ, и Еумении, и Клеадръ³²³ и сего не вѣдяху. Друзии вси, възлежаще съ Александромъ, причястници бяху незаконному дѣйствию зелиину и съвѣщалися бяху и съ Иуиломъ, чернцемъ Александровымъ, ратившеся между собою, ждаху бо имѣнию Александрову. Александру же възлегшю съ ними, принесе ему чяшу безъ льсти. Слову же внесену бывънно мѣста того ради уже минувшу голѣму чясу, вда Иуль Александрови другую чяшу, имуще зелие. Приемъ же Александръ повѣсти дѣя и пивъ, внезапу възпи, яко стрѣлою устрѣленъ въ утробу. Мало же врѣмя преждавъ и болѣзнь претръпѣвъ, иде къ дверемъ и повелѣ суцимъ на вечери пребывати.

Прибыл сын Антипатра в Вавилон и тайно сговорился с Иолом, виночерпием Александровым, о данном ему яде. Иол же был обижен на Александра, ибо незадолго перед тем в чем-то провинился, и Александр сильно его ранил, ударив палицей по голове. За это и гневался Иол на Александра и поэтому стал соучастником Антипатрова сына в его незаконном деле. Привлек к себе Иол и некоего мидянина, побитого вместе с ним, и стали они совещаться о том, как дадут Александру яд выпить. И вот однажды, когда отдыхал Александр после пышного пира, пришел к нему утром мидянин, приглашая его в свой дом. И, уступив его уговорам, пришел к нему Александр на вечерний пир. И възлегли с царем Александром те, кто собрались отравить его ядом, а Пердикка, Птолемеи, и Олкиас, и Лисимах, и Евмении, и Клеадр не знали об этом. Все же остальные, възлежавшие с Александром, были участниками заговора и уже совещались с Иолом, виночерпием Александра, и ссорились друг с другом, деля Александрово наследство. И когда възлег с ними Александр, поднес Иол ему чашу без обмана... Уже прошло немало времени, когда подал Иол Александру другую чашу, с ядом. Взял ее Александр и, беседавая, отпивал из нее, как вдруг вскрикнул, точно стрела пронзила ему живот. Переждал он некоторое время и, превозмогая боль, пошел к выходу, веля всем оставаться на пиру.

Они же, не дождавше, абие разидошася съ вечера, вне же глаголаху о бывшемъ. Александръ же, въ собѣ тужя, рече: «О, Раксано!³²⁴ Мало мнѣ даруи себе сама». И тою поддръжимъ отиде въ полату свою и леже. Дни же бывшю повелѣ Пердику и Птолемеови и Лусимаху внити къ собѣ, рече,

да инъ никто же не видеть с ними, дондеже напишетъ о собѣ. Внезапу же от македонъ бысть вопль и истечение на дворъ полаты Александровы, и хотяща убити стража телеси его, аще имъ не покажутъ царя. Александрю же въпрошавшю о голцѣ, приступи к нему Пердикъ и повѣда ему, что глаголють макидонѣ. И повелѣ Александръ взяти одръ его и поставити на единомъ мѣсте висоцѣ, да вся сила воискаа мимоходящи видить его, и другими дверми исходятъ. Сътворившю же Пердикови повелѣнное ему от Александра царя, въсходяще макидони едни видяху его, и не бѣ, иже не плакаша его, толика царя Александра на одрѣ лежаща напылы мрътва. Мужъ же нѣкый от нихъ, видѣниемъ убо красенъ, простецъ же, пришедъ къ Александрову одру, рече: «На добро убо, Александре царю, Филипъ, отецъ твои, владѣль есть, на добро же и ты, царю. Ты убо прѣдъваряеши нас: добрѣ же бы и намъ с тобою умрѣти, сътворишему макидонъ великую свободу». Александръ, прослезився, простре десную руку явлению творя мольбы.

Но они, не задерживаясь более, разошлись с пира, повсюду беседуя о случившемся. Александр же, скрывая страдания, попросил жену: «О Роксана! Помогни мне немного». И, опираясь на нее, прошел в свою палату и лег. На следующий день он позвал к себе Пердикку, Птолемея и Лисимаха, попросив, чтобы никто больше не входил к ним до тех пор, пока он не составит завещания. Но внезапно македоняне ворвались с громкими криками на двор перед палатами Александра и грозили перебить его телохранителей, если им не покажут царя. Александр спросил о причине шума, и Пердикка, подойдя к нему, рассказал о требовании македонян. Тогда Александр приказал поставить свое ложе на возвышении, так, чтобы все македонские воины могли, проходя мимо, увидеть его и выйти другими дверями. Исполнил Пердикка повеление Александра, и только одни македоняне могли, поднявшись в палату, повидать его, и не было среди них никого, кто не плакал бы о нем, столь великом царе Александре, который теперь, полумертвый, лежал на одре. И один македонянин, прекрасный собой, но не знатный родом, воскликнул, подойдя к ложу Александра: «О царь Александр! На славу нашу владел нами Филипп, отец твой, и ты, царь, принес нам славу. Но опередил ты нас: лучше бы и нам умереть с тобой, с тем, кто принес нам, македонянам, великую свободу!» Прослезился Александр и, словно в мольбе, простер к нему правую руку.

И повелѣ внити памятописцю и рече о Роксанѣ, женѣ своей: «Аще ми будетъ от Раксаны, моя жены, сынъ, тои да будетъ царь македономъ, аще дщи, да сътворять, его же хотять царя». Се же рекшю Александрю и ина

многа, бысть на въздусъ мъгла, и явися велика звѣзда, исходящи съ небеси на море, и съ нею орелъ. И кумиръ вавилоньскый, нарицаемый Дни, подвижеся. Звѣзда же пакы възыде на небеса, и абие уснѣ Александръ вѣчнымъ сномъ.

И велел войти писцу и сказал о Роксане, жене своей: «Если будет у меня от Роксаны, жены моей, сын, то пусть будет он царем македонянам, если же дочь, то пусть поставят себе царем, кого захотят». И долго еще говорил Александр, как вдруг потемнело вокруг, появилась огромная звезда, катившаяся с неба на море, и с нею орел. И зашатался кумир вавилонский, называемый Зевс. А звезда снова вознеслась на небо, и тогда почил Александр вечным сном.

Пръси же сваряхуся съ македоны, хотяще възвратити Александра. Македони же крепляхуся, везти хотяще въ Македонию. Рече же имъ Филипъ Птоломѣи: «Есть влъхвование вавилонскаго Дия, у того убо приимемъ вестъ о телеси Александровѣ кдѣ будетъ положити». И повѣдаша имъ Диево възвѣщание сице: «Азь повѣдѣ кличное всѣмъ: есть градъ въ Египтѣ, именовъ Мемфъ. И тамо положити сего». Вѣсти же бывши, никто же къ тому не рече ничто же, но оставиша Птоломѣя везти его въ градъ Мемфъ, сминою повить, въ оловянѣ кръстѣ. Птоломѣи же, възложивъ на кола, повезѣ от Вавилона въ Египетъ. Слышавше же мемфиане изыдоша противу и внесоша тѣло Александрово въ градъ. Рече же начяльникъ пророкомъ того святия: «Того здѣ не положите, но въ градѣ, иже есть въ Ракодидѣ³²⁵ сздалъ. Иде же бо аще будетъ тѣло се, устанка не имаеть градъ, бранми и ратми смущаемъ». Птоломѣи же абие повезе его въ Александрию и сътвори гробъ въ святии, нареченнѣмъ Тѣло Александрово, и ту положи мощи Александровы.

И заспорили персы с македонянами, ибо каждый хотел в своей земле похоронить Александра. Македоняне упорствовали, желая отвезти его в Македонию. И сказал им Филипп Птолемей: «Есть оракул Зевса Вавилонского, у него и узнаем, где положить тело Александра». И поведали им такое пророчество Зевсово: «Я возвещаю всем: есть город в Египте, называемый Мемфис, там и положите тело его». Получив такое пророчество, никто не посмел возразить, и поручили Птолемею отвезти тело Александра в Мемфис, умастив его мирром, в оловянном гробу. Птолемей же, поставив гроб на колесницу, повез его из Вавилона в Египет. Услышав об этом, жители Мемфиса вышли ему навстречу и внесли тело Александра в город. И сказал старший из пророков святилища: «Положите его не здесь, а в городе, им созданном, – в Ракотиде. И где будет лежать его тело, тому граду не страшны будут ни войны, ни рати». Тогда

Птолемей повез тело Александра в Александрию и воздвиг гробницу в святилище, называемом Тело Александрово, и здесь положил его мощи.

Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году

Подготовка текста, перевод и примечания О. В. Творогова

Въ лѣто 6712. Царствующю Ольксе въ Цесариградѣ, въ царствѣ Исаковѣ, брата своего, его же слѣпивъ, а самъ цесаремъ ста.³²⁶ А сына его Олексу затвори въ стѣнахъ высокыхъ стражею, яко не вынидетъ. И временомъ минувъшемъ, и дѣръзну Исакъ молитися о сыну своемъ, дабы его испустилъ ис твѣрди прѣдъ ся. И умоли брата Исакъ, и прияста извѣщение съ сыномъ, яко не помыслити на царство, и спущенъ бысть ис твѣрди прѣдъ ся. И умоли брата Исакъ, и прияста извѣщение съ сыномъ, яко не помыслити на царство, и спущенъ бысть ис твѣрди и хожашеть въ своеи воли. Цесарь же Олькса не печяшеса о немъ, вѣря брату Исакови и сынови его, зане прияста извѣщение. И потомъ Исакъ помысливъ, и въсхотѣ царства, и учяшеть сына, посылая потаи, яко «добро створихъ брату моему Олѣксѣ, от поганыхъ выкупихъ его, а онъ противу зло ми възда: слѣпивъ мя, царство мое възя». И въсхоте сынъ его, яко же учашеть его, и мышляшья, како ему изити из града³²⁷ въ дальняя страны и оттолѣ искати царства. И вѣвѣденъ бысть въ корабль, и въсаженъ бысть въ бочку, имущи 3 дна при единѣмъ конци, за нимъ же Исаковиць сѣдѣше, а въ другомъ конци вода, иде же гвоздъ: нѣлзѣ бо бяше инако изити из града. И тако изиде из Грѣчьскѣи земли. И, увѣдавъ, цесарь посла искать его. И начаша искати его въ мнозѣхъ мѣстѣхъ, и внидоша въ тѣ корабль, иде же бяшеть, и вся мѣста обискаша, а из бѣчькѣ гвозды вынимаша, и видеше воду текущую, идоша прочь, и не обрѣтоша его.

В год 6712 (1204). Царствовал Алекса в Царьграде, в царстве Исаака, брата своего, ослепив которого, стал он сам цесарем. А сына его, Алексу, держал под стражей в заточении, за высокими стенами, чтобы не убежал. И через некоторое время решился Исаак просить за сына своего, чтобы выпустил его из темницы на свободу. И упросил Исаак брата, и поклялся ему вместе с сыном, что не помыслят они о царстве, и выпущен был сын из темницы, и стал жить на свободе. Цесарь же Алекса не остерегался его, веря брату Исааку и сыну его, ибо дали ему обещание. Потом же Исаак, поразмыслив, снова захотел царствовать и стал подстрекать сына своего, посылая к нему тайно: «Я, мол, добро сделал брату своему Алексе, выкупив его у поганых, а он отплатил мне злом: ослепив меня, завладел моим царством». И согласился сын с отцом, и стали размышлять они, как бы бежать Алексе из города в дальние страны и оттуда добиваться престола. И приведен он был на корабль, и посажен в бочку, имевшую с

одного конца три дна, там, где сидел Исаакович, а с другого конца, где затычка, была налита вода: ибо нельзя было иначе бежать из города. И так покинул он греческую землю. И, узнав об этом, цесарь послал искать его, и стали искать его повсюду, и пришли на тот корабль, где он был, и все на нем обыскали, и из бочек повыбивали затычки, но, видя, что течет вода, ушли, так и не найдя его.

И тако изиде Исаковичъ, и приде къ нѣмьчскому цесарю Филипови, къ зяти и къ сѣстрѣ своей.³²⁸ Цесарь нѣмечьскый посла к папѣ въ Римъ, и тако увечаста, яко «не воевати на Цесарьградъ, нѣ яко же рече Исаковицъ: «Всѣ град Костянтинъ хотять моего царства», – тако же посадыче его на прѣстолѣ, поидете же къ Иерусалиму, въ помощь;³²⁹ не въсхотять ли его, а ведете ѿ опять къ мнѣ, а пакости не дейте Грѣчьской земли».

И так бежал Исаакович, и прибыл к немецкому цесарю Филиппу, к зятю своему, и к сестре своей. А цесарь немецкий послал к папе в Рим, и так они повелели: «Не воюйте с Царьградом, но так как говорит Исаакович: «Всѣ град Константина хочет, чтобы я царствовал», то, посадив его на престоле, отправляйтесь дальше, в Иерусалим, на помощь; а если не примут его, то приведете его обратно ко мне, а зла не причиняйте земле греческой».

Фрязи³³⁰ же и вси воеводы ихъ възлюбиша злато и срѣбро, иже мѣняшеть имъ Исаковицъ, а цесарева велѣния забыша и папина. Първое, пришьдыше въ Судъ, замкы желѣзныя разбиша,³³¹ и приступивыше къ граду, огонь въвергоша 4-рь мѣсть въ храмы. Тъгда цесарь Олькса, узъревъ пламень, не створи брани противу имъ. Призвавъ брата Исака, его же слѣпи, посади его на прѣстолѣ, и рече: «Даже еси, брат, тако створиль, прости мене, а се твое царство», – избѣжа из града. И пожьжень бысть град и церкви несказыны лѣпотою, имъ же не можемъ числа съповѣдати. И святое Софие притворъ погорѣ, иде же патриарси вси написани, и подрумье и до моря, а семо по Цесаревъ затворъ³³² и до Суда погорѣ. И тъгда погна Исаковицъ по цесари Олексѣ съ фрягы, и не постиже его и възвратися въ град, и съгна отця съ прѣстола, а самъ цесаремъ ста: «Ты еси слепъ, како можеша царство държати? Азь есмь цесарь!» Тъгда Исакъ цесарь, много съжаливъси о градѣ и о царствѣ своемъ и о граблении монастырьскихъ, еже даяста фрягомъ злато и срѣбро, посуленое имъ, разболѣвъся, и бысть мнихъ, и отъиде свѣта сего.

Фряги же и все полководцы их думали лишь о золоте и серебре, обещанном им Исааковичем, а что велели им цесарь и папа, то забыли. Придя в Суд, прежде всего разбили железные цепи и, подступив к городу, в четырех местах подожгли храмы. Цесарь же Алекса, увидев пожары, не

стал сопротивляться врагам. Призвал он к себе брата Исаака, им же ослепленного, посадил его на престоле и сказал: «Даже если и ты это сделал, брат, – прости меня, вот твое царство», – и бежал из города. И пострадали от пожара город и церкви несказанной красоты, которых нам и не перечислить. И сгорел притвор у святой Софии, где изображены все патриархи, и ипподром – до самого моря, а там и до Цесарева затвора и до Суда все сгорело. И тогда погнался Исаакович с фрягами за цесарем Алексой, но не догнал его, и возвратился в город, и согнал отца с престола, а сам стал цесарем: «Ты, мол, слепой, как же сможешь управлять государством? Я буду цесарем!» Тогда цесарь Исаак, скорбя о городе, и о царстве своем, и о разграблении монастырей, откуда брали золото и серебро для расплаты с фрягами, разболелся и постригся в монахи, и покинул этот свет.

По Исаковѣ же смерти людие на сына его вѣсташа про зажъжение градное и за пограбление манастырское. И събрачеса чернь, и волочаху добрые мужи, думающе с ними, кого цесаря поставятъ. И вси хотяху Радиноса. Онъ же не хотяше царства, нъ крѣяшеса от нихъ, измѣнивъся въ чърны ризы. Жену же его, имъше, приведоша въ святую Софию и много нудиша ю: «Повѣжь намъ, кде есть муж твой?» И не сказа о мужи своемъ. Потомъ же яша человѣка, именемъ Николу воина,³³³ и на того възложиша вѣнць бес патриарха, и ту бысть с немъ въ святки Софии 6 днии и 6 нощии.

После смерти Исаака народ восстал против сына его, возмущенный сожжением города и разграблением монастырей. И собралась чернь, и призвали к себе знатных людей, советуясь с ними, кого царем поставить. И все стояли за Радиноса. Но он не хотел царствовать и, скрывшись от них, постригся в монахи. Жену же его схватили, и привели в святую Софию, и долго требовали у нее: «Скажи нам, где муж твой!» И не сказала она о муже своем. Потом привели воина, по имени Никола, и его венчали на царство без патриарха, и шесть дней и шесть ночей совещались в святой Софии.

Цесарь же Исаковиць бѣшетъ въ Влахернѣ,³³⁴ и хотяше въвести фрягы отаи бояръ въ град. Бояре же, увѣдавъше, утолиша цесаря, не дата ему напустити фрягъ, рекуче: «Мы с тобою есмь». Тъгда бояре, убоявъшеса въвѣдения фрягъ, съдумавъше съ Мюрчюфломъ, яша цесаря Исаковиця, а на Мюрчюфла вѣнць възложиша.³³⁵

А цесарь Исаакович был во Влахерне и хотел, втайне от бояр, ввести в город фрягов. Но бояре, узнав об этом, не дали ему впустить фрягов в город, успокаивая его: «Мы за тебя». А потом испугались бояре, что

войдут фряги в город, и, посовещавшись с Мурчуфлом, схватили цесаря Исааковича, а Мурчуфла венчали на царство.

А Мюрчюфла бѣше высадиль ис тѣмнице Исаковиць, и прияль извѣщение, яко не искати подѣ Исаковицемъ царства, нѣ блюсти подѣ нимъ. Мюрчюфль же посла къ Николѣ и къ людѣмъ въ святую Софию: «Язъ яль врага вашего Исаковиця, язъ нашъ цесарь; а Николѣ даю пѣрвыи въ боярехъ, сложи съ себе вѣнць», И вси людие не даша ему сложити вѣнця, нѣ боле заклѣшася: кто отступитъ от Николы, да будетъ проклятъ. Того же дне, дождавъше noci, разбѣгошася вси, а Николу яша, и жену его я Мюрчюфль, и вѣсади я въ тѣмницу, и Ольксу Исаковиця утвѣрди въ стѣнехъ, а самъ цесаремъ ста Мюрчюфль феуларя въ 5 день, надеяся избити фрягы.

Мурчуфла того Исаакович освободил из темницы, взяв с него клятву, что не будет он добиваться престола, а будет ему помогать. Мурчуфл же послал к Николе и к народу в святую Софию сказать: «Схватил я врага вашего, Исааковича, я ваш царь, а Никола будет у меня первым сановником, но пусть сложит царский венец». И все люди не давали ему отречься от престола и, напротив, заклинали: «Кто отступится от Николы, да будет проклят!» Однако в тот же день, дождавшись noci, разбежались все, а Николу схватили, и жену его захватил Мурчуфл, и посадил их в темницу, и Алексу Исааковича заточил, а сам Мурчуфл стал царем в пятый день февраля, надеясь перебить фрягов.

Фрязи же, уведавъше ята Исаковиця, воеваша волость около города, просяче у Мюрчюфла: «Дай нам Исаковиця, от поидемъ къ нѣмечьскому цесарю, отнеле же есме послани, а тебе царство его». Мюрчюфль же и вси бояре не даша его жива, и уморивъше Исаковиця, и рекоша фрягомъ: «Умърль есть; придете и видите и». Тѣгда же фрязи печальни бивъше за прѣслушание свое: не тако бо бѣ казалъ имъ цесарь нѣмѣчьскый и папа римьскый, яко же си зло учиниша Цесарюграду. И рѣша сами к собе вси: «Оже намъ нѣту Исаковиця, с нимъ же есме пришли, да луче ны есть умрети у Цесаряграда, нежели съ срамомъ отъйти». Оттоль начаша строити брань къ граду.

Фряги же, узнав, что схвачен Исаакович, стали грабить окрестности города, требуя у Мурчуфла: «Выдай нам Исааковича, и поидем к немецкому цесарю, кем и посланы мы, а тебе – царство Исааковича». Мурчуфл же и бояре не выдали его живым, а умертвили Исааковича и сказали фрягам: «Умер он, приходите и увидите сами». Тогда опечалились фряги, что нарушили заповедь: не велели им цесарь немецкий и папа римский столько зла причинять Царьграду. И пошли среди них разговоры:

«Раз уж нет у нас Исааковича, с которым мы пришли, так лучше умрем под Царьградом, чем уйдем от него с позором». И с той поры начали осаду города.

И замыслиша, яко же и прѣже, на кораблихъ раями на шыглах,³³⁶ на иныхъ же кораблихъ исыциниша пороки и лѣствнця, а на инѣхъ замыслиша съвѣшивати бѣчкы чересъ град, накладены смолины. И лучины зажгыше, пустиша на хоромы, яко же и прѣже пожгоша градъ. И приступиша къ граду априля въ 9 день, въ пяткъ 5 недѣли поста, и не успѣша ничто же граду, нѣ фрягъ избиша близъ 100 муж. И стояша ту фрязи 3 дни; и въ понедельник Вербной недѣли³³⁷ приступиша къ граду, солнцю въсходящю, противу святому Спасу, зовемьи Вергетис, противу Испигасу, сташа же и до Лахерны.³³⁸ Приступиша же на 40 корабль въ великихъ; бяху же изременани межи ими, в нихъ же людье на конихъ, одени в брѣне и коне ихъ.³³⁹ Инии же корабле ихъ и галѣе ихъ стояху назаде, бояшеса зажжения, яко же и преѣже бяхуть грѣцн пустили на не 10 кораблевъ съ огньмъ, и въ пряхъ извеременивъше погодѣ вѣтра, на Василиевъ день полуноци, и не успеха ничто же фрязьскымъ кораблемъ: вѣсть бо имъ баше даль Исаковицъ, а грѣкомъ повеле пустити на корабле на не; тѣмъ же и не погорѣша фрязи.³⁴⁰

И пустились на хитрости, как и раньше: приготовили к штурму корабельные реи, а на других кораблях установили тараны и лестницы, а с третьих приготовились метать через городскую стену бочки со смолой. И зажгли лучины на бочках, и метали их на дома, и, как прежде, зажгли город. И пошли на приступ в девятый день апреля, в пятницу пятой недели поста, но ничего не достигли, и было убито около ста фрягов. И стояли здесь фряги три дня, и в понедельник вербной недели на восходе солнца приступили к стенам напротив святого Спаса, называемого Вергетис, и против Испигаса и далее до самой Влахерны. Подошли же на сорока больших кораблях, среди которых были и дромоны, а в них – люди на конях, и сами в доспехах и кони их. Другие же корабли и галеи фряги поставили позади, опасаясь быть подоженными, как в прошлом, когда пустили греки на них десять кораблей с огнем, установив паруса на попутный ветер, в ночь на Васильев день, но не смогли причинить вреда фряжским кораблям: Исаакович посоветовал грекам пустить корабли на фрягов, а сам предупредил тех об этом, поэтому и не сгорели фряжские корабли.

И тако бысть взятие Цесаряграда великого: и привлеце корабль къ стенѣ градинѣи вѣтръ, и Быша скалы ихъ великыя чрѣсъ град, а нижнее скалы равно забороломъ;³⁴¹ и бяхуть съ высокыхъ скалъ на градѣ грѣкы и

варягы каменiemъ и стрѣлами и сулицами, а съ нижнихъ на град сълѣзоша; и тако взяша град. Цесарь же Мюрчюфоль крѣпляше бояры и все люди, хотя ту брань створити с фрягы, и не послушаша его: побѣгоша от него вси. Цесарь же побеже от них, и угони е на Коннемъ тѣргу, и многа жалова на бояры и на все люди. Тѣгда же цесарь избеже изъ града, и патриархъ и вси бояре.

И вот как был взят Царьград великий: пригнало ветром корабль к городской стене, и были огромные лестницы на нем выше стен, а короткие – на уровне заборол, и стреляли фряги с высоких лестниц по грекам и варягам, оборонявшим городские стены, камнями, и стрелами, и сулицами, а с коротких перелезли на стену, и так овладели городом. Цесарь же Мурчуфл воодушевлял бояр и всех людей, надеясь дать отпор фрягам, но не послушали его и разбежались все. Тогда бежал цесарь от фрягов, но они настигли его на Конном рынке, и горько сетовал он на своих бояр и народ. И бежал цесарь из города, а с ним патриарх и все бояре.

И внидоша въ град фрязи вси априля въ 12 день, на святого Василия Исповедника, въ понедельник, и сташа на мѣсте, иде же стояша цесарь грѣчьскыи, у святого Спаса, и ту сташа и на ночь. Заутра же, солнчу въсходящую, внидоша въ святую Софию, и одѣраша двѣри³⁴² и расѣкоша, а онболь окованъ бяше весь сребромъ, и столпы сребрьные 12, а 4 кивотъныя, и тябло³⁴³ исѣкоша, и 12 креста, иже надъ олтаремъ бяху, межи ими шишки, яко дрѣва, вышъша муж, и преграды олтарьныя межи стѣлпы, и то все сребрьно. И тряпезу чюдъную одѣраша, драгыи камень и велии жъньчюг, а саму невѣдомо камо ю дѣша. И 40 кубъковъ великыхъ, иже бяху прѣдъ олтаремъ, и понекадѣла и свѣтилна сребрьная, яко не можемъ числа повѣдати, съ праздничьными съсуды бесцѣньными поимаша. Служебное Еуангелие и хресты честьныя, иконы бесцѣньныя – все одраша. И подъ тряпезою³⁴⁴ крѣвь наидоша 40 кадие чистаго злата, а на полатѣхъ и въ стѣнахъ и въ съсудохранильници не вѣде колико злата и сребра, яко нету числа, и бесцѣньныхъ съсудъ. То же всѣ в единой Софии сказахъ, а святую Богородицу, иже на Влахѣрнѣ, иде же святыи духъ съхожаше на вся пятницѣ, и ту одраша. Инѣхъ же церквии не можетъ человѣкъ сказати, яко бе-щисла. Дигитрию же чюдъную, иже по граду хожаше, святую богородицу,³⁴⁵ съблюде ю богъ добрыми людьми, и ныне есть, на ню же надѣмъся. Иные церкви въ градѣ и вѣнѣ града, и монастыри въ градѣ и вѣнѣ града пограбиша все, имъ же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати. Черньче же и чернице и попы облупиша и нѣколико ихъ избиша, грѣкы же и варягы изгнаша изъ града, иже бяхуть остави.

И вступили фряги в город в двенадцатый день апреля, на праздник

святого Василия Исповедника, в понедельник, и расположились на том месте, где недавно еще стоял греческий цесарь – у святого Спаса, – и тут простояли всю ночь. А наутро, с восходом солнца, ворвались фряги в святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром, и двенадцать столпов серебряных и четыре киотных; и тябло разрубили, и двенадцать крестов, находившихся над алтарем, а между ними – шишки, словно деревья, выше человеческого роста, и стену алтарную между столпами, и все это было серебряное. И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг, а сам неведомо куда дели. И похитили сорок сосудов больших, что стояли перед алтарем, и паникадила, и светильники серебряные, которых нам и не перечислить, и бесценные праздничные сосуды. И служебное Евангелие, и кресты честные, и иконы бесценные – все ободрали. И под трапезой нашли тайник, а в нем до сорока бочонков чистого золота, а на полатях и в стенах и в сосудохранильнице – не счесть сколько золота, и серебра, и драгоценных сосудов. Это все рассказал я об одной лишь святой Софии, но и святую Богородицу, что на Влахерне, куда святой дух нисходил каждую пятницу, и ту всю разграбили. И другие церкви; и не может человек их перечислить, ибо нет им числа. Одигитрию же дивную, которая ходила по городу, святую богородицу, спас бог руками добрых людей, и цела она и ныне, на нее и надежды наши. А прочие церкви в городе и вне города и монастыри в городе и вне города все разграбили, и не можем ни их перечесть, ни рассказать о красоте их. Монахов и монахинь и попов обокрали, и некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали их города.

Се же имена воеводамъ ихъ: 1 маркосъ от Рима, в градѣ Бърне, иде же бе жил поганый злыи Дедрикъ.³⁴⁶ А 2-и кондофъ Офланъдръ.³⁴⁷ А 3 дужь слепии от Маркова острова Венедикъ.³⁴⁸ Сего дужа слѣпилъ Мануиль цесарь;³⁴⁹ мнози бо философи моляхуться чесареви: аще сего дужа отпустиши съдрава, ть много зла створить твоему царству. Царь же не хотя его убити, повелѣ очи ему слѣпити стькломъ, и быста очи ему яко невреженѣ, нъ не видяше ничего же. Съ же дужь много брании замышляше на град, и вси его послушаху, и корабли его велиции бяхуть, с нихъ же градъ възяша. Стоянья же фряжска у Цесаряграда от декабря до априля, доколь городъ възяшь. А мѣсяца маия въ 9 поставища цесаря своего лагина кондо Фларенда своими пискупът, и власть себе раздѣлиша: цесареви град, а маркосу судъ, а дужеве десятина. И тако погыбе царство богохранимаго Костянтиняграда и земля Гречьская въ свадѣ цесаревъ, ею же обладают фрязи.

А вот имена полководцев их: первый – маркиз из Рима, из города Вероны, где жил когда-то язычник жестокий Теодорих. А второй граф Фландрский. А третий – дож слепой с острова Марка, из Венеции. Этого дожа ослепил цесарь Мануил, ибо многие мудрые убеждали цесаря: если отпустишь этого дожа невредимым, то много зла принесет твоему царству. Цесарь же не захотел его убить, но повелел ослепить его стеклом, и были глаза его неповрежденны, а перестал он видеть. Этот дож много войн замышлял на город, и все его слушались, и ему принадлежали огромные корабли, с которых был взят город. А стояли фряги у Царьграда с декабря по апрель, когда и взяли город. А в мае, девятого числа, поставили цесарем своего латиняна графа Фландрского по решению своих епископов, и власть между собой поделили: цесарю город, маркизу Суд, а дожу – десятина. И так погибло царство богохранимого города Константина и земля греческая от распрей цесарей, и обладают землей той фряги.

Киево-Печерский патерик

Подготовка текста и примечания Л. А. Дмитриева. Перевод М. А. Викторовой

ПОСЛАНИЕ СМИРЕННАГО ЕПИСКОПА СИМОНА
ВЛАДИМЕРЬСКАГО И СУЗДАЛЬСКАГО К ПОЛИКАРПУ,
ЧЕРНОРИЗЫЦЮ ПЕЧЕРЬСКОМУ

...Пишетъ бо ми княгини Ростиславляя Верхослава,³⁵⁰ хотящи ты поставлена быти епискупомъ или Новугороду на Антониево мѣсто, или Смоленську на Лазарево мѣсто, или Юрьеву на Олексѣево мѣсто, и аще ми, рече, и до тысячи сребра расточити тебѣ ради и Поликарпа. И рѣх ей: «Дыщи моа Анастасие! Дѣло не богоугодно хочещи сътворити, но аще бы пребыл в монастырѣ неисходно, с чистою съвѣстію, в послушании игумении и всей братии, трѣзвѣся о всѣх, то не токмо бы в святительскую одѣжю оболчен, но и вышняго царствиа достоин бы был».

ПОСЛАНИЕ СМИРЕННОГО ЕПИСКОПА СИМОНА
ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО К ПОЛИКАРПУ, ИНОКУ
ПЕЧЕРСКОМУ

...Пишет ко мне княгиня Ростиславова, Верхуслава, что она хотела бы поставить тебя епископом или в Новгород, на Антониево место, или в Смоленск, на Лазарево, или в Юрьев, на Алексеево. «Я, говорит, готова хотя до тысячи серебра издержать для тебя и для Поликарпа». И я сказал ей: «Дочь моя Анастасия! Дело не благоугодное хочешь ты сотворить. Если бы пребыл он в монастыре неисходно, с чистой совестью, в послушании игуменами всей братии, в совершенном воздержании, то не только облекся бы в святительскую одежду, но и вышнего царства достоин бы был».

Ты же, брате, епископству ли похотѣл еси? Добру дѣлу хочещи, но послушай Павла, глаголюща к Тимофѣю,³⁵¹ и, почет, разумѣши, аще еси что от того исправил, какову епископу подобает быти. Но аще бы ты был достоин таковаго сана, то не бых тебѣ пустил от себѣ, но своима рукама съпрестолника ты себѣ поставил бых в обѣ епископии, Владимерю и Суждалю, яко же князь Георгий³⁵² хотѣл, но аз ему възбраних, видя твое малодушие. И аще мене преслушаешися, каковѣи любо власти въсхощещи или епископъству или игуменьству повинешися, буди ти клятва, а не благословение, и к тому не внидеши в святое и честное место, в нем же еси остриглься. Яко съсуд непотрѣбен будещи, и извержен будещи вон и плакатися имаши послѣжде много без успѣха. Не то бо есть съврѣшение,

брате, еже славиму быти от всѣх, но еже исправити житие свое и чиста себѣ съблюсти. От того, брате, Печерскаго монастыря пречистыа богоматере мнози епископи поставлени Быша, яко же от самого Христа, бога нашего, апостоли в всю вселенную послани Быша, и яко свѣтила свѣтлаа освѣтиша всю Русскую землю святым крещениемъ. Пръвый – Леонтий, епископ Ростовскый,³⁵³ великий святитель, его же бог прослави нетлѣниемъ, и се бысть пръвый престолник, его же невѣрнии много мучивше и бивше, и се третий гражанин бысть Рускаго мира, с онема варягома³⁵⁴ венчася от Христа, его же ради пострада. Илариона же митрополита и сам чел еси в «Житии святаго Антониа»,³⁵⁵ яко от того пострижен бысть и тако священства сподоблен. По сем же: Николае и Ефрем – Переяславлю, Исаиа – Ростову, Герман – Новуграду, Стефан – Владимерю, Нифонт – Новуграду, Марин – Юрьеву, Мина – Полотьску, Никола – Тьмутороканю, Феоктист – Чернигову, Лаврѣнтей – Турову, Лука – Белуграду, Ефрѣм – Суждалю. И аще хочещи вся увѣдати, почти лѣтописца стараго Ростовскаго: есть бо всѣх болии 30, а иже потом и до нас грѣшных, мню, близ 50.

А ты, брат мой, не епископства ли захотел? Доброе дело! Но послушай, что Павел апостол говорит Тимофею. Прочитавши, ты поймешь, исполняешь ли ты сколько-нибудь то, что подобает епископу. Да если бы ты был достоин такого сана, я от себя не отпустил бы тебя, но своими руками поставил бы сопрестольником себе в обе епископии: во Владимир и в Суздаль. Так князь Георгий и хотел; но, видя твое малодушие, я воспрепятствовал ему в этом. И если ты ослушаешься меня, захочешь власти, сделаешься епископом или игуменом, – проклятие, а не благословение будет на тебе! И после того не войдешь ты в святое и честное место, в котором постригся. Как сосуд непотребный будешь, извержен ты будешь вон, и после много плакаться будешь без успеха. Не в этом только совершенство, брат мой, чтобы славили нас все, но чтоб исправить житие свое и чистым себя соблюсти. Как от Христа, бога нашего, во всю вселенную посланы были апостолы, так из Печерскаго монастыря пречистой богоматери многие епископы поставлены были и, как светила светлые, осветили всю Русскую землю святым крещением. Первый из них – великий святитель Леонтий, епископ Ростовский, которого бог прославил нетлением; он был первый на Руси святитель, которого, после многих мучений, убили неверные. Это третий гражданин Русскаго мира, с двумя варягами увенчанный от Христа, ради которого пострадал. Об Иларионе же митрополите ты и сам читал в «Житии святаго Антониа», что им он пострижен был и так святительства сподобился.

Потом были епископами: Николай и Ефрем – в Переяславле, Исаия – в Ростове, Герман – в Новгороде, Стефан – во Владимире, Нифонт – в Новгороде, Марин – в Юрьеве, Мина – в Полоцке, Николай – в Тмуторокани, Феоктист – в Чернигове, Лаврентий – в Турове, Лука – в Белгороде, Ефрем – в Суздале. Да если хочешь узнать всех, читай старую Ростовскую летопись: там их всех более тридцати; а после них и до нас, грешных, будет, я думаю, около пятидесяти.

Разумей же, брате, колика слава и честь монастыря того, и постыдѣвсья, покайся и изволи си тихое и безмятѣжное житие, к нему же господь призвал тя есть. Аз бы рад оставил свою епископию и работал игумену в том святемъ Печерскомъ монастырѣ. И се же глаголю ти, брате, не сам себѣ величаа, но тебѣ възвѣщаа. Святительства нашего власть сам вѣси. Кто не вѣсть мене, грешнаго епископа Симона и сиа съборныа церкви, красоты Владимирьския, и другиа Суждальския церкви,³⁵⁶ юже сам създах? Колино имѣета градов и сел! И десятину събирають по всей земли той. И тѣмъ всѣмъ владѣеть наша худость. И сиа вся бых оставил, но вѣси, какова велиа вещь духовнаа и нынѣ обдержити мя, и молюся господеву, да подасть ми благо врѣмя на правление. И съвѣсть тайнаа господь, – истинно глаголю ти: яко всю сию славу и честь въскорѣ яко кал вменил бых, аще бы ми трескою торчать за враты или сметьем помятену быти в Печерскомъ монастырѣ и попираему челоуѣки, или единому быти от убогихъ пред враты честныа тоа лавры и сътворитися просителю, – то лучши бы ми врѣменныа сиа чти. Един день в дому божиа матере паче 1000 лѣт, и в нем изволил бых пребывати паче, нежели жити ми в селех грѣшничих. И въистину глаголю ти, брате Поликарпе, гдѣ слыша сих дивнѣйши бывших в том в святѣмъ монастыре Печерскомъ чудес? Что же ли блаженѣйшихъ сихъ отцев, иже в конецъ вселенныа просиаша подобно лучамъ солнечнымъ? О нихъ же достовѣрно повѣдаю ти настоящимъ писаниемъ к симъ же, иже тебѣ реченнымъ. И се тебѣ, брате, скажу, что ради мое тѣцание и вѣра к святому Антонию и Феодосию.

Разумей же, брат мой, какова слава и честь монастыря того! Устыдись, и покайся, и возлюби тихое и безмятежное житие, к которому господь призвал тебя. Я бы рад был оставить свою епископию и служить игумену в том святомъ Печерскомъ монастыре. И говорю я это, брат мой, не для того, чтобы величать самого себя, а чтобы только возвестить тебе об этом. Святительства нашего власть ты сам знаешь. Кто не знает меня, грешнаго епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владимира, и другой, суздальской церкви, которую я сам создал? Сколько они имеют городов и сел! И десятину собирают на них по всей земле той. И всем этим

владеет наше смирение. А между тем все это оставил бы я; но ты знаешь, как велико дело духовное, и теперь я весь отдался ему и молю господя, чтоб дал он мне время успешно исполнить его. Но ведает господь тайное, – истинно говорю тебе: сейчас же всю эту славу и честь за ничто вменил бы, лишь бы колом торчать за ворагами, валяться сором в Печерском монастыре, чтобы люди попирали меня, или сделаться одним из убогих, просящих милостыню у ворот честной лавры. Это лучше было бы для меня временной сей чести; больше желал бы я провести один день в дому божией матери, чем жить тысячу лет в селениях грешников. Поистине говорю тебе, брат Поликарп: где слышал ты о таких дивных чудесах, какие творились в святом Печерском монастыре, – о таких блаженных отцах, которые, подобно лучам солнечным, просияли до конца вселенной? К тому, что ты уже слышал от меня, я приложил к настоящему своему писанию достоверную о них повесть. И вот теперь скажу тебе, брат мой, почему я имею такое усердие и веру к святым Антонию и Феодосию.

О СВЯТЪМ АФОНАСИИ ЗАТВОРНИЦИ, ИЖЕ УМЕР И ПАКЫ В ДРУГОЙ ДЕНЬ ОЖИВЕ И ПРЕБЫСТЬ ЛѢТ 12

Бысть убо и се в том же святѣм монастырѣ. Брат един, живый свято и богоугодно житие, имянемъ Афонасие, болѣв много, умре. Два же брата отръше тѣло его мертво, отъидоста, увивыше его, яко же подобает мертваго. По прилучаю же пришедше нѣции и видѣвше того умерыша, отъидоша. Пребысть же мертвый всь день не погребен: бѣ бо убог зѣло – не имѣа ничто же мира сего, и сего ради небрегом бысть. Богатым бо всяк тщится послужити и в животѣ и при смерти, да наслѣдитъ что.

О СВЯТОМ АФАНАСИИ ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ СВОЕЙ СМЕРТИ СНОВА ОЖИЛ И ЖИЛ ПОТОМ ДВЕНАДЦАТЪ ЛЕТ

Вот что еще случилось в том святом монастыре. Брат один, именем Афанасий, проводивший жизнь святую и богоугодную, после долгой болезни умер. Два брата отерли мертвое тело, увили, как подобает, покойника и ушли. Заходили к нему некоторые другие, но, видя, что он умер, также уходили. И так покойник оставался весь день без погребения: был он очень беден, ничего не имел от мира этого и потому был в небрежении у всех. Богатым только всякий старается послужить, как в жизни, так и при смерти, чтобы получить что-нибудь в наследство.

В ноци же явися нѣкто игумену, глаголя: «Человек божий сей два дъни имать непогребен, ты же веселишися». Увѣдев же игумен о сем, в утрий день с всею братиею приде к умерышему, и обретоша его сѣдяща и плачуща. Ужасошася, яко видѣвше того оживыша, и въпрошаху того,

глаголюще: «Како оживѣ?» или: «Что видѣ?» Сий же не отвещеваше ничто же, точию: «Спаситесь!» Они же моляхуся ему слышати что от него, да и мы, рече, пользуемся. Он же рече к ним: «Аще вы реку, не вѣруете ми». Братиа же к нему с клятвою рѣша, яко «сохраним все, еже аще речеши нам». Он же рече им: «Имѣйте послушание в всем к игумену, и кайтесе на всяк час, и молитесь господу Иисусу Христу, и пречистой его матери, и преподобным отцемъ Антонию и Феодосию, да скончаєте живот свой здѣ и с святыми отци погребены быти сподобитесе в пещерѣ. Се бо боли всех вещей три сиа вещи суть, аще ли кто постигнетъ сиа вся исправити по чину, точию не възносятся. И к тому не въпрошайте мене, но молю вы ся, простите мя». Шед же в пещеру, заградив о себѣ двѣри, и пребысть, не глаголя никому же ничто же, 12 лѣт. Егда же хотяше преставитися, призвав всю братию, тоижде им глаголаше, еже и испрѣва, о послушании и о покаянии, глаголя: «Блажен есть, иже здѣ сподобивыйся положен быти». И сие рек, почи с миром о господѣ.

Ночью же явился некто игумену и сказал: «Ты веселишься, а человек божий этот второй день лежит без погребения». Узнавши об этом, игумен утром того же дня пошел со всей братией к умершему, и нашли его сидящим и в слезах. И ужаснулись все, видя, что он ожил, и спрашивали его: «Как ты ожил?» или: «Что видел?» Он не отвечал ничего и только повторял: «Спасайтесь!» Братия же умоляла его ответить. «Чтобы и нам было то на пользу», – говорили они. Он же сказал им: «Не поверите вы, если я скажу вам». Братия же поклялась ему: «Соблюдаем все, что бы ты ни сказал нам». Тогда он сказал: «Имейте во всем послушание к игумену, пребывайте во всякое время в покаянии, молитесь господу Иисусу Христу, и пречистой его матери, и преподобным отцам Антонию и Феодосию, чтобы здесь окончить вам жизнь и сподобиться погребения в пещере, со святыми отцами. Вот три самые полезные вещи, если только исполните все это по чину, не возносите только! Теперь не спрашивайте меня более, но молю вас, простите меня». И пошел в пещеру, заложил за собою дверь и пробыл в этой пещере двенадцать лет, никогда не говоря ни с кем. Когда же пришло время кончины его, он призвал всю братию, повторил им то, что говорил прежде о послушании и о покаянии, и сказал: «Блажен, кто сподобится быть здесь положенным». И почил с миром о господе.

И бѣ нѣкто брат един, боля лядвиами от лѣт мног. И принесен бысть надо нь. Обоим же тѣло блаженнаго и исцелѣ, от того часа и дажде до дъне смерти своеа ника ко же поболѣв лядвиами, ниже иным чим. И сему исцѣлѣвшему имя Вавила. И той сказа братии сицѣ: «Лежащу ми, рече, и въпиющу от болѣзни, и абие вниде сий блаженный, глаголя ми: «Прииди,

исцѣлю ти». Аз же хотя того въпрошати, когда и коли сѣмо прииде, он же абие невидим бысть». И оттоле разумеша вси, яко угоди господеви: никогда же бо изыде и виде солнце в 12 лѣт, и плачяся не преста день и ночь, ядыше бо мало хлѣба, и воды пооскуду пиаше и то чрес день. И се слышах от того Вавилы, исцеленнаго им.

Был же между братии некто, уже много лет страдавший болью в ногах. И принесли его к умершему. Он же обнял тело блаженного и исцелился, и с того времени и до самой смерти никогда уже не болели у него ни ноги, ни что другое. Имя этому исцелевшему – Вавила. Он так рассказывал братии: «Лежал я и стонал от боли; вдруг вошел этот блаженный и сказал мне: «Приди, я исцелю тебя». Только что хотел я его спросить, когда и как он пришел ко мне, – он тотчас сделался невидим». И уразумели все, что угодил Афанасий господу: двенадцать лет не выходил он из пещеры, не видел солнца, плакал беспрестанно день и ночь, ел только хлеб, пил воду, – и то мало и через день. О чуде же этом слышал я от самого Вавилы, которого он исцелил.

Аще ли кому неверно мнится се написание, да почтеть житиа святых отец наших Антония и Феодосия, начальника руским мнихом, и тако да вѣруеть. Аще ли ни тако пременится, неповинни суть: подобает бо збытися притчи, реченной господѣм: «Изыде сѣати сѣмени своего. Ово паде при пути, и другое паде в тернии» – иже печалми житейскими подавляются. О них же пророк рече: «Одебелѣ сердце людей сих, ушима тяжко слышаша». Другой же: «Господи, кто вѣрова слуху нашему?»

Если кому покажется невозможным то, что я пишу, пусть почитают жития святых отцов наших Антония и Феодосия, основателей русского монашества, и тогда уверуют. Если же и тогда не поверят, не их вина: должно сбыться притче, сказанной господом: «Вышел сеятель сеять семя свое, иное упало при пути, другое в терние» – иже заботами житейскими подавлены. О них пророк сказал: «Окаменело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат». И еще: «Господи, кто поверит слышанному от нас?»

Ты же, брате и сыну, сим не въслѣдуй. Не тѣх бо ради пишу сие, но да тебе приобрящу. Свѣт же ти даю: благочестиемь утвердися в святѣм том монастырѣ Печерском, не въсхощеши власти – ни игуменьства, ни епископства. И довлѣет ти к спасению, иже коньчати жизнь свою в немь. Вѣси сам, яко могу сказати всѣх книг подобная, уне ми тебѣ полѣзная, еже от того божественнаго и святаго монастыря Печерскаго съдѣаннаа и слышанная от многих мало сказати...

Ты же, брат и сын мой, не следуй их примеру. Не тех ради пишу это, но да тебя приобрету. Совет даю тебе: утвердись благочестием в том

святом монастыре Печерском, не желай власти – ни игуменства, ни епископства. Довольно тебе для спасения окончить жизнь в монастыре том. Ты сам знаешь, что много подобного могу я рассказать тебе от всех книг, но полезнее будет для тебя, если я скажу тебе немного из многого, слышанного мной о деяниях иноков того божественного и святого монастыря Печерского.

О ДВОЮ БРАТУ, О ТИТЕ ПОПЪ И ЕВАГРИИ ДИАКОНЪ, ИМЕВШИМ МЕЖУ СОБОЮ ВРАЖДУ

Два брата бѣста по духу, Евагрий диакон, Тит же поп. Имяста же любовь велику и нелицемѣрну межи собою, яко всѣмъ дивитися единоумию их и безмѣрней любви. Ненавидяй же добра диавол, иже всегда рыкаеть, яко лев, ища кого поглотити, и сътвори им вражду. И такую ненависть вложи има, яко в лице не хотяху видѣти друг друга и уклоняхуся друг от друга. Многожды братиа моливше ею, еже смиритися има межи собою, они же ни слышати хотяху. Егда же стояше Евагрий в церкви, идущу Титови с кадиллом, отбѣгаше Евагрий фимиана; егда же ли не бѣгаше, то преминоваше его Тит, не покадив. И пребыста много врѣмя в мрацѣ грѣховнемъ; Тит убо служаше, прощения не възмя, Евагрий же комкаше гнѣваеся. На се врагу вѣоружившу их.

О ДВУХ ВРАЖДОВАВШИХ МЕЖДУ СОБОЮ БРАТЬЯХ, ТИТЕ ПОПЕ И ЕВАГРИИ ДЪЯКОНЕ

Были два брата по духу, дьякон Евагрий и поп Тит. И имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную, так что все дивились единомудушию их и безмерной любви. Ненавидящий же добро дьявол, который всегда ищет, как лев рыкающий, кого поглотить, посеял вражду между ними. И такую ненависть вложил он в них, что они уклонялись друг от друга и не хотели один другого в лицо видеть. Много раз братия молила их примириться между собой, но они и слышать не хотели. Когда Тит шел с кадиллом, Евагрий отбегал от фимиана; когда же Евагрий не отбегал, Тит проходил мимо него, не покадив. И так пробыли они многое время во мраке греховном; приступали к святым тайнам – Тит не прося прощения, а Евагрий гневаясь. До того вооружил их враг.

Нѣкогда же сему Титу разболѣвшуся вельми и, уже в нечаании лежащу, и нача плакатися своего лишения и посла с молениемъ ко дьякону глаголя: «Прости мя, брате, бога ради, яко без ума гнѣвахся на тя». Сей же жестокими словесы проклинаше его. Старци же тии, видевше Тита умирающа, влечаху Евагрия нуждею, да проститься с братом. Больной же, видѣв брата, мало възклонься, паде ниць пред ногама его, с слезами глаголя: «Прости мя, отче, и благослови!» Он же, немилостивый и лютый,

отвръжесе пред всѣми нами, глаголя: «Николи же хошу с ним прощения имѣти, ни в сий вѣк, ни в будущей». И истръгься от рук старецъ тѣх, и абие падесе. И хотѣвшим нам въставити его, и обретохом его уже умерьша. И не могохом ему ни руки протягнути, ни уст свѣсти, яко давно уже умерьша. Больный же скоро въстав, яко николи же болѣв. Мы же ужасохомся о напрасней смерти его и о скором исцѣлении сего, и много плакавше, погребохом Евагриа, отвръстѣ имый уста и очи, и руцѣ растяженѣ.

Однажды сильно разболелся этот Тит и, будучи уже при смерти, стал сокрушаться о своем прегрешении и послал к дьякону с мольбой: «Прости меня бога ради, брат мой, что я напрасно гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы же, видя, что Тит умирает, насильно повлекли Евагриа, чтобы помирить его с братом. Увидавши его, больной приподнялся немного, пал ниц к ногам его и со слезами сказал: «Прости и благослови меня, отец мой!» Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми нами, говоря: «Никогда не захочу помириться с ним, ни в этом веке, ни в будущем». И тут Евагрий вырвался из рук старцев и вдруг упал. Мы хотели поднять его, но увидали, что он уже мертв. И не могли мы ему ни рук сложить, ни рта закрыть, как у давно умершего. Больной же тотчас встал, словно никогда и болен не был. И ужаснулись мы внезапной смерти одного и скорому исцелению другого. Со многим плачем погребли мы Евагриа. Рот и глаза у него так и остались открыты, а руки растянуты.

Въпросихом же Тита, что се сътворися. Тит же сказаше нам, глаголя: «Видѣх, рече, ангелы отступльша от менѣ и плачюшася о души моей, бѣси же радующесе о гневѣ моемъ, и тогда начах молити брата, да простит мя. Егда же его приведосте ко мне, и видѣх ангела немилостива, дрѣжаща пламенное копие, и егда же не прости мя, удари его, и падесе мертв, мнѣ же подасть руку и въстави мя». Мы же, сиа слышавше, убояхомся бога, рѣкшаго: «Оставьте, и оставятся вам». Рече бо господь: «Всяк, гнѣваяся на брата своего без ума, повинен есть суду». Ефрем³⁵⁷ же: «Аще кому случится в враждѣ умрети, и неизмолим суд обрящють таковии».

Тогда спросили мы Тита: «Как все это случилось?» И он рассказал нам: «Видел я ангелов, отступивших от меня и плачущих о душе моей, и бесов, радующихся моему гневу. И тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я увидел ангела немилостивого, державшего пламенное копьё, и когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот пал мертвый. Мне же ангел подал руку и поднял меня». Услышавши это, убоялись мы бога, сказавшего: «Прощайте, и прощенье

получите». Господь сказал: «Всякий, гневающийся, на брата своего напрасно, подлежит суду». То же говорит и Ефрем: «Если кому случится умереть во вражде, того ожидает суд неумолимый».

Аще ли же сий, святых ради Антония и Феодосия, отрады не примешь, – лютоѣ челоуѣку тому, сицевою страстию побежену быти!

И если этот Евагрий не получит отрады, ради святых Антония и Феодосия, – горе лютое ему, побежденному такую страстью!

От неа же и ты, брате, блюдися, да не дай же мѣста гневливому бѣсу, ему же бо кто повинется, тому и поработится; но скоро пад поклонися враждующему на тя, да не предан будещи ангелу немилостиву, да и тебѣ съхранит господь от всякаго гнѣва. Той бо рече: «Да не зайдетъ солнцѣ в гневѣ вашемъ». Тому слава с отцемъ и с святымъ духомъ нынѣ и присно, и в вѣкы.

Берегись от нее и ты, брат, и не дай места бесу гнева: кто раз послушается его, тот и поработится ему; но скорее поиди и поклонись враждующему с тобой, да не предан будещь ангелу немилостивому. Да сохранит тебя господь от всякаго гнева. Он (апостол его) сказал: «Солнце да не зайдет во гневѣ вашемъ». Слава ему с отцомъ и святымъ духомъ ныне, и присно, и вовеки!

О СОЗДАНИИ ЦЕРЬКВИ СВЯТЫЯ БОГОРОДИЦА ПЕЧЕРСКЫЯ

Прииду же и на другая сказания, да увѣдятъ вси, яко самого господа промыслом и волею, того пречистыя матери молитвою и хотѣнием создася и свершися боголѣпная и великая церькы святыя Богородица Печерская, анхимандрития всея Русьскыя земля, еже есть лавра святаго Феодосья.

О СОЗДАНИИ ПЕЧЕРСКОЙ ЦЕРКВИ СВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Теперь перейду и к другим сказаниям. Да знают все, что самого господа промыслом и волею и его пречистой матери молитвою и хотением создалась и совершилась благолепная и великая Печерская церковь пресвятой богородицы – архимандрития всей Русской земли, лавра святого Феодосия.

Бысть в земли Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепаго, иже отбеже от златыя луды, биася плѣкомъ по Ярославѣ с лютымъ Мстиславомъ.³⁵⁸ И сему Африкану бяху два сына: Фрианд и Шимон. По смерти же отцю ею изгна Якун обою брату от области ею. Приде же Шимон к благовѣрному князю нашему Ярославу. Его же примь, в чести имяше и дасть его сынови своему Всеволоду, да будет старей у него. Приа же велику власть от Всеволода. Вина же бысть такова любви его к святому тому мѣсту.

Был в земле Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепого, того,

который в бегстве потерял золотую луду, когда воевал с Ярославом против лютого Мстислава. У этого Африкана было два сына – Фрианд и Шимон. По смерти брата Якун изгнал обоих племянников из их владений. И пришел Шимон к благоверному нашему князю Ярославу. Этот принял его, держал в чести и отдал сыну своему Всеволоду, сделав старшим при этом князе. И принял Шимон великую власть от Всеволода. Причина же любви Шимона к святому монастырю Печерскому вот такая.

При благоверномъ и великомъ князи Изяславѣ в Киеве половцемъ ратию пришедшимъ на Рускую землю в лѣто 6576, и изыдоша сие трие Ярославичи в сретение имъ – Изяслав, Святослав и Всеволод,³⁵⁹ имый с собою и сего Шимона. Пришедшимъ же имъ к великому и святому Антонию молитвы ради и благословенна, старецъ же отвръзъ неложнаа своа уста и хотящую имъ быти погыбель ясно исповедаше. Сий же варягъ пад на ногу старцу и молящеся сохранену ему быти от таковыа бѣды. Блаженный же рече тому: «О чадо! яко мнози падутъ остриемъ меча, и бежащимъ вамъ от супостатъ вашихъ попрани и язвени будете, и в водѣ истопитесь. Ты же, спасень бывъ, здѣ имашаи положенъ быти в хотящей создатися церкви».

Во время княжения в Киеве благоверного и великого князя Изяслава пришли половцы на Рускую землю в 6576 (1068) году, и трое Ярославичей – Изяслав, Святослав и Всеволод – пошли навстречу им, взяв с собой и этого Шимона. Когда же пришли они к великому святому Антонию для молитвы и благословения, старецъ отверзъ неложные свои уста и ясно предсказал ожидающую их погыбель. Варягъ же этот упал в ноги старцу и молил сказать, как убережеться ему от такой беды. И сказал ему блаженный: «Сын мой! Многие падутъ от острия меча, и когда побежите вы от супостатовъ вашихъ, будутъ вас топтать, наноситьъ вамъ раны, топить в воде. Но ты спасешься, и положатъ тебя в церкви, которая здесь будетъ создана».

Бывшимъ же имъ на Алтѣ,³⁶⁰ сосупишася плъци обои, и божиимъ гневомъ побѣжени бысть христиане и бѣжащимъ имъ, убьени Быша и воеводы с множествомъ вои. Егда же сосупишася ту же и Шимонъ лежаше язвен посрѣди ихъ. Възрѣвъ же горѣ на небо и видѣ церковь превелику, яко же прежде видѣ на мори. И въспомяну глаголы Спасовы и рече: «Господи, избави мя от горкиа сиа смерти молитвами пречистыа твоеа матере и преподобную отцу Антониа и Феодосия!» И ту абие нѣкая сила изятъ его из среды мертвыхъ, и абие исцѣлѣ от ран и вся своа обрѣтъ цѣлы и здравы.

И вот на реке Альте вступили в бой полки, и по божию гневу побеждены были христиане и бежали; воеводы их со множествомъ воиновъ пали в битве. Тут же, посреди ихъ, лежалъ и раненый Шимон. Взглянул он на небо и увидел церковь превеликую – ту самую, какую он уже прежде

видел на море. И вспомнил он слова Спасителя и сказал: «Господи! Избавь меня от горькой смерти молитвами пречистой твоей матери и преподобных Антония и Феодосия!» И вот вдруг некая сила исторгла его от мертвецов: он исцелился он ран и всех своих нашел целыми и здоровыми.

Паки възвратися к великому Антонию, сказа ему вещь дивну, тако глаголя: «Отець мой Африкан съдѣла крест и на немъ изобрази богомужное подобие Христова написаниемъ вапным, нов дѣлом, яко же латина чтут, велик дѣломъ, яко 10 лакот. И сему честь творя, отець мой възложи пояс о чреслѣх его, имущъ вѣса 50 гривен злата, и венець злат на главу его. Егда же изгна мя Якун, стрый мой, от области моеа, аз же взях пояс с Иисуса и венець с главы его. И слышах глас от образа, обративъся ко мнѣ и рече ми: «Никако же, человекче, сего възложи на главу свою, неси же на уготованное мѣсто, идѣ же зиждется церковь матери моеа от преподобнаго Феодосиа. И тому в руцѣ вдаждь, да обѣсит над жрътовником моим». Аз же от страха падохся, оцепнѣвъ лежах аки мертв. И въстав, скоро внидох в корабль. И плвуцимъ намъ, бысть буря велиа, яко всѣмъ намъ отчаятися живота своего. И начях въпити: «Господи, прости мя, яко сего ради пояса днесь погибаю, понеже изях от честнаго твоего и человекopodobнаго ти образа». И се видѣх церковь горѣ и помышляхомъ: «Каа си есть церковь?» И бысть свѣше глас к намъ глаголяй: «Еже хочет създатися от преподобнаго в имя божиа матери. В ней же и ты имаши положен быти. И яко же видѣхомъ величествомъ и высоту: размѣривъ поясомъ тѣмъ златымъ 20 вширѣ и 30 вдолже, в высоту стѣны с верхомъ 50». Мы же вси прославихомъ бога и утѣишхомся радостию великою зѣло, избывше грѣкыа смерти. Се же и донынѣ не свѣдя, гдѣ хочет създатися показанная ми церкви на мори и на Алтѣ, и уже ми при смерти сущу, дѣндеже слышах от твоих честных у стен, яко здѣ ми положену быти, в хотящей създатися церкви».

Тогда, вернувшись к блаженному Антонию, он рассказал ему дивные вещи. «Отец мой Африкан, – говорил он, – сделал крест и на нем изобразил подобие Христа – образ новой работы, как чтут латиняне, величиной локтей в десять. Воздавая честь образу этому, отец мой возложил на чресла его пояс, весом в пятьдесят гривен золота, и на голову венец золотой. Когда же дядя мой Якун изгнал меня из владений моих, я взял пояс с Иисуса и венец с головы его. И услышал я голос от образа; он сказал мне: «Никогда не клади этот венец на свою голову, а неси его на приготовленное для него место, где устроится преподобным Феодосием церковь во имя матери моей. Отдай его в руки Феодосию, чтобы он

повесил его над моим жертвенником». Я упал, оцепенев от страха, и лежал, как мертвый. Вставши же, я поспешно взошел на корабль. И когда плыли мы, поднялась великая буря, так что все отчаялись за свою жизнь. И начал я кричать: «Господи, прости меня! Я умираю теперь за этот пояс, за то, что взял его от честного твоего и человекоподобного образа». И вот увидел я в облаках церковь и подумал: «Что это за церковь?» И был к нам голос свыше: «Та, которую построит преподобный во имя божией матери. В ней ты положен будешь. Ты видишь ее величину и высоту: если измерить ее тем золотым поясом, то в ширину она будет в двадцать раз, в длину – в тридцать, в вышину стены и с верхом пятьдесят». Мы же все прославили бога и утешились радостью великой, что избавились от горькой смерти. Вот и до сих пор не знал я, где построена будет церковь, показанная мне на море и на Альте, когда я лежал при смерти. И вот теперь слышал я из твоих честных уст, что я буду положен в церкви, которая здесь создастся».

И иземь, дасть пояс златый, глаголя: «Се мѣра и основание, сий же вѣнец да обѣшен будет над святою трапезою». Старец же похвали бога о семь, рекъ варягови: «Чадо! Отселе не наречется имя твое Симон, но Симон будет имя твое». Призвав же Антоний блаженнаго Феодосия, рече: «Симоне сий хочет въздвигнути таковую церковь», и дасть ему пояс и венецъ. И оттоле великую любовь имяше к святому Феодосию, подавъ ему имѣннѣя многа на възграждение монастырю.

И, вынув золотой пояс, он отдал его блаженному Антонию, говоря: «Вот мера и основа, а вот венец: пусть будет он повешен над святым престолом». Старец же восхвалил бога за это и сказал варягу: «Сын мой! С этих пор не будешь ты называться Шимоном, но Симон будет имя твое». Призвав же Феодосия, он сказал: «Вот какую церковь хочет въздвигнуть этот Симон». И отдал в руки его пояс и венец. С тех пор великую любовь имел Симон к святому Феодосию и давал ему много имения на устройство монастыря.

Нѣкогда же сему Симонови пришедшу к блаженному и по обычней бесѣде рече ко святому: «Отче, прошу у тебе дара единаго». Феодосий же рече к нему: «О чядо, что просит твое величество от нашего смиренна?» Симон же рече: «Велика, паче и выше моеа силы требую аз от тебе дара». Феодосий же рече: «Свеси, чадо, убожество наше, иже иногда многажды и хлѣбу не обрѣстися в дневную пищу; иного же не свѣмь, что имѣю». Симон же глагола: «Аще хочещи, подаси ми, можещи бо по даннѣй ти благодати от господа, еже именована ты преподобным. Егда бо снимах вѣнецъ с главы Иисусовы, той ми рече: «Неси на уготованное мѣсто и

вдаждь в руцѣ преподобному, иже зижет церковь матери моеа». И се убо прошу у тебе: да ми даси слово, яко да благословит мя душа твоя яко же в животѣ, тако и по смерти твоей и моей». И отвѣща святыи: «О Симоне, выше силы прошение, но аще узриши мя отходяща отсуду свѣта сего и по моему отшествию сию церковь устроенну и уставы преданныя свршатся в той, извѣстно ти буди, яко имам дрзновение к богу. Нынѣ же не свѣмь, аще приата ми есть молитва». Симон же рече: «От господи свѣдѣтельствован еси, сам бо от пречистых уст образа его слышахъ о тебѣ. И сего ради молю ти ся: яко же о своихъ чръноризцѣхъ, тако и о мнѣ грѣшнемъ помолися, и о сыну моему Георгии, и до послѣднихъ рода моего». Святыи яко обещахъ и рече: «Не о сихъ единехъ молю, но и о любящихъ мѣсто сие святое мене ради». Тогда, Симон, поклонися до земли, и рече: «Не изыду от тебе, отче, аще написаниемъ не извѣстиши ми». Принуженъ же бывъ, любве его ради преподобный, и пишетъ тако глаголя: «В имя отца и сына и святаго духа...», иже и доннынѣ влагаютъ умершему в руку такую молитву. И оттолѣ утвердися такое написание полагати умершимъ, прѣжде бо сего ин не сотвори сицевыя вещи в Руси. Пишетъ же и сие в молитвѣ: «Помяни мя, господи, егда приидеши в царствии си! И въздати хотя комуждо по дѣломъ его, тогда убо, владыко, и раба своего Симона и Георгия сподоби одесную тебе стати в славе твоей и слышати благый твой глас: «Приидѣте, благословеннии отца моего, наследуйте уготованное вамъ царство искони мира». И рече Симон: «Рци же и к симъ, отче, и да отпустятся грѣси родителма моима и ближнимъ моимъ». Феодосий же, въздвигъ руци свои, и рече: «Да благословитъ тя господь от Сиона, и узрите благаа Иерусалиму во вся дни живота вашего и до послѣднихъ рода вашего!» Симон же приимъ молитву и благословение от святаго, яко нѣкый бисеръ многоцѣнный и даръ, иже прежде бывъ варягъ, нынѣ же благодатию христовою христианинъ. Наученъ бывъ святымъ отцемъ нашимъ Феодосиемъ, оставивъ латинскую буестъ и истиннѣ вѣровавъ в господи нашего Иисуса Христа и со всѣмъ домою своимъ, яко до 3000 душъ и со ерѣи своими, чюдес ради бывающихъ от святаго Антониа и Феодосиа. И сий убо Симонъ пръвый положенъ бысть в той церкви. Оттоле сынъ его Георгий велику любовь имѣаше ко святому тому мѣсту. И бысть посланъ от Володимера Мономаха в Суждальскую землю сий Георгий, дасть же ему на руцѣ и сына своего Георгия. По лѣтахъ же мнозѣхъ сѣдѣ Георгий Владимировичъ в Киевѣ,³⁶¹ тысяцькому³⁶² же своему Георгиеви, яко отцу, предасть землю Суждальскую.

Однажды пришел Симон к блаженному и после обычной беседы сказал святому: «Прошу у тебя одного дара». Феодосий же сказал ему:

«Сын мой, что же просит твое величие от нашего смирения?» Симон же: «Великого, выше силы моей прошу я дара». Феодосий же: «Ты знаешь, сын мой, наше убожество: часто хлеба недостает в дневную пищу; а другого не знаю, и есть ли у меня что-нибудь». Симон же: «Если хочешь, можешь дать мне по данной тебе благодати от господа, который назвал тебя преподобным. Когда я снимал венец с главы Иисуса, он сказал мне: «Неси на приготовленное для него место и отдай в руки преподобному, который построит церковь матери моей». Вот чего прошу я у тебя: дай мне слово, что благословит меня душа твоя как при жизни, так и по смерти моей и твоей». И отвечал святой: «Симон, выше силы прошение твое. Но если по моем отшествии церковь эта устроится и уставы и предания мои будут в ней соблюдаться, то пусть будет тебе известно, что я имею дерзновение у бога. Теперь же не знаю, будет ли принята моя молитва». Симон же сказал: «Господь свидетельствовал о тебе, я сам слышал это из пречистых уст образа его. И потому молю тебя: как о своих чернецах, так и обо мне, грешном, помолись, и о сыне моем Георгии, и до последних рода моего». Святой же обещал ему это и сказал: «Не о своих чернецах одних я молюсь, но и обо всех, любящих ради меня это святое место». Тогда Симон поклонился до земли и сказал: «Отец мой! Не выйду от тебя, если не удостоверишь меня писанием». Феодосий понужден был сделать это за любовь его и написал так: «Во имя отца и сына и святого духа...» – ту молитву, которую и доныне влагают в руку покойнику. Это с тех пор утвердился обычай класть такое письмо с умершими; прежде никто не делал этого на Руси. И это было написано в молитве: «Помяни меня, господи, когда приидешь во царствие твое! И когда будешь воздавать каждому по делам его, тогда сподоби, владыко, рабов своих, Симона и Георгия, стать на правую твою сторону в славе твоей и слышать твой благой глас: «Приидите, благословенные отца моего, наследуйте царство, уготованное вам». Симон же попросил: «Прибавь к этому, отец мой, чтобы отпустились грехи родителям моим и ближним моим». Феодосий же, воздев руки к небу, сказал: «Да благословит тебя господь от Сиона и да видите вы красоты Иерусалима все дни жизни вашей и до последнего рода вашего!» Как некий бесценный дар принял от святого благословение и молитву Симон, прежде варяг, теперь же, по божьей благодати, правоверный христианин. Научен он был святым отцом нашим Феодосием, и чудес ради, бывших от святых Антония и Феодосия, оставил латинскую ересь и истине уверовал, со всем домом своим, со всеми священниками своими, душ около трех тысяч. Этот Симон был первый положен в той церкви. С тех пор и сын его Георгий великую любовь имел

к святому тому месту. Этого Георгия послал Владимир Мономах в Суздальскую землю и отдал на руки ему сына своего Юрия. Спустя много лет сел Юрий в Киеве; тысяцкому же своему Георгию Симоновичу, как отцу, поручил область Суздальскую.

...

И се сказаша нам блаженнии ти черноризьци. Быста два мужа нѣкаа от великих града того, друга себѣ, Иоанн и Сергей. Сиа приидоста во церковь богонареченную и видѣста свѣт паче сълнца на иконѣ чюдней богородичинѣй, и в духовное братство приидоста.

...

И вот что еще рассказывали нам блаженные те чернецы. Были в городе два знатных человека, Иоанн и Сергей. Были они друзья между собой. Однажды пришли они в Печерскую церковь, богом созданную, и увидели свет, ярче солнечного, на чудной иконе богородицыной, и вступили в братство духовное.

И по мнозѣх же лѣтех Иоанн разболѣвся, остави сына своего Захарию, 5 лѣт суца. И призва игумена Никона и раздаа все имѣние свое нищимъ, и часть сыновну дасть Сергию, 1000 гривен сребра и 100 гривен злата. Предасть же и сына своего Захарию, юна суца, на съблюдение другу своему, яко брату вѣрну, заповедав тому, яко: «Егда возмужаетъ сын мой, дайжде ему злато и сребро».

Спустя много лет разболелся Иоанн; а у него оставался пятилетний сын Захария. И вот больной призвал игумена Никона и отдал ему все свое имущество для раздачи нищим, а сыновнюю часть, тысячу гривен серебра и сто гривен золота, дал Сергию и самого малолетнего сына своего, Захарию, отдал на попечение другу своему, как брату верному, и завещал ему: «Когда возмужает сын мой, отдай ему золото и серебро».

Бывшу же Захарии 15 лет, въсхотѣ взяти злато и сребро отца своего у Сергия. Сий же, уязвен быв от диавола и мнѣв приобрѣсти богатество и хотѣ живот с душою погубити. Глаголетъ юноши: «Отець твой все имѣние богови издал, у того проси злата и сребра, той ти длъжен есть, аще ты помилуеть. Аз же не повинен есмь твоему отцу, ни тебѣ ни в единомъ златницѣ. Се ти сътворил отець твой своимъ безумиемъ! Раздаа все свое в милостыню, тебе же нища и убога оставил». Сиа же слыша, юноша начя плакаться своего лишения. Посылает же юноша с молбою к Сергию, глаголя: «Дай же ми половину, а тебѣ половина». Сергей же жестокыми словесы укаряше отца его и того самого. Захария же третиа части проси, таче десятиа. Видѣв же себе лишена всего, глаголетъ Сергию: «Прииди и клени ми ся в церьквии Печерьской прѣд чюдною иконою богородичиною,

идѣ же и братство взя с отцемъ моим». Сей же иде в церковь и ста пред иконою богородичиною, отвѣща и кленьйся, яко не взях 1000 гривен сребра, ни 100 гривен злата, и хотѣ цѣловати икону, и не възможе приблизитися ко иконѣ. И исходящу ему из двѣрий, и начя въпити: «О святаа Антоние и Феодосие! не велита мене погубити ангелу сему немилостивому, молита же ся святѣй богородици, да отженет от мене многиа бѣсы, им же есмь предан! Возмѣте же злато и сребро запечатленно в клети моей». И бысть страх на всѣх. И оттолѣ не дадяху клятися тою иконою никому же. Пославше же, взяша сосуд запечатан, и обрѣтоша в немъ 2000 гривен сребра и 200 гривен злата: та бо усугуби господь отдатель милостивымъ. Захариа же дасть все игумену Иоанну, да растрошит, яко же хоцет. Сам же постригся, скончя живот свой ту. Сим же серебром и златом поставлена бысть церкви святого Иоана Предтечи, уту же на полати възсходятъ, в имя Иоанну болярину и сыновѣ его Захарии, ею же бысть злато и сребро...

Когда стало Захарии пятнадцать лет, захотел он взять у Сергия золото и серебро отца своего. Сергей же, подстрекаемый дьяволом, задумал приобрести богатство и жизнь с душою погубить. Он сказал юноше: «Отец твой все имение отдал богу, у него и проси золото и серебро: он тебе должен; может быть, и помилует. А я ни твоему отцу, ни тебе не должен ни одной златницы. Вот что сделал с тобой отец твой по безумию своему! Все свое имущество роздал, а тебя оставил нищим и убогим». Выслушав это, юноша стал тужить о своей утрате и стал молить Сергия: «Отдай мне половину, а себе возьми другую». Сергей же жестокими словами укорял отца его и его самого. Захария просил третьей части, даже десятой. Наконец, видя, что он лишен всего, сказал Сергию: «Приди, поклянись мне в Печерской церкви перед чудотворной иконой богородицыной, где ты вступил в братство с отцом моим». Сергей пошел в церковь и перед иконой богородицы поклялся, что не брал ни тысячи гривен сребра, ни ста гривен злата, хотел поцеловать икону, но не мог приблизиться к ней; пошел к двери и вдруг стал кричать: «О святые Антоний и Феодосий! Не велите убивать меня этому ангелу немилостивому, молитесь святой богородице, чтобы она прогнала бесов, которые напали на меня! Возьмите золото и серебро: оно запечатано в клети моей». И страх напал на всех. С тех пор никому не давали клясться той иконой. Послали в дом к Сергию, взяли сосуд запечатанный и нашли в нем две тысячи гривен сребра и двести – злата: так удвоил господь богатство за милость к нищим. Захария же отдал все деньги игумену Иоанну, чтобы употребил их как хочет; сам же постригся в Печерском монастыре, где и жизнь кончил. На

серебро же и золото это поставлена была церковь святого Иоанна Предтечи (где всход на хоры), в память боярина Иоанна и сына его Захарии, так как на их золото и серебро была она поставлена.

ВТОРОГО ПОСЛАНИЯ, ЕЖЕ КО АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРЬСКОМУ АКИНДИНУ О СВЯТЫХ БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЕЦЬ ПЕЧЕРЬСКИХ, СПИСАНО ПОЛИКАРПОМ, ЧЕРНОРИЗЦЕМЪ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРЬСКАГО МОНАСТЫРЯ

Господу поспешествующу и слову утверждающу, к твоему благоумию, пречестный архимандрите всеа Руси, отче и господине мой Акиндине. Подай же ми благоприатнаа твоа слуха, да в ня възглаголю дивных и блаженных мужь житиа, дѣяния и знамениа, бывших в святемь семь монастырѣ Печерскомь, еже слышах о них от епископа Симона Владимирьскаго и Суздальскаго, брата твоего, черноризца бывшаго того же Печерьскаго монастыря, иже и сказа мнѣ грешному о святѣмь и велицемь Антонии, бывшаго начальника руским мнихом, и о святѣмь Феодосии, и иже по них святых и преподобных отець житиа и подвигы, скончавшихся в дому пречистыа божиа матере. Да слышитъ твое благоразумие моего младоумиа и несъвършена смысла. Въспросил мя еси нѣкогда, веля ми сказати о тѣх черноризець съдѣанная. Совѣдый мою грубость и неизящное нрава, иже всегда с страхом в всякой повести бесѣдую пред тобою, – то како могу ясно изрещи сътвореннаа ими знамениа и чюдеса преславнаа! И мало нѣчто сказах ти от тѣх преславных чудес, а множайшаа забых от страха, стыдяся твоего благочестиа, неразумно исповѣдах. Понудихся писаниемь извѣстити тебѣ, еже о святых и блаженных отець печерьских, да и сущии по нас черноризци увѣдятъ благодать божию, бывшу в святѣмь сем мѣсте и прославить отца небеснаго, показавшаго таковыа свѣтилники в Рустѣй земли, в Печерьском святѣмь монастырь...

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРСКОМУ АКИНДИНУ О СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ИНОКАХ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ, НАПИСАННОЕ ПОЛИКАРПОМ, ИНОКОМ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

С помощью господа, утверждающего слово, к твоему благоумию обращу его, прелестный архимандрит всеа Руси, отец и господин мой Акиндин. Приклони же ко мне благосклонный твой слух, и я стану говорить тебе о жизни, деяниях и знамениях дивных и блаженных мужей, что жили в этом святом монастыре Печерском. Слышал я о них от брата твоего, Симона, епископа Владимирского и Суздальского, инока в прошлом того же Печерского монастыря. Он рассказывал мне, грешному, о

великом Антонии, основателе монашества на Руси, и о святом Феодосии, и о жизни и подвигах других святых и преподобных отцов, почивших здесь, в дому пречистой божьей матери. Пусть послушаем твое благоразумие моего несовершенного разума. Некогда ты спрашивал меня и велел рассказывать о деяниях тех иноков. Но ты знаешь мою грубость и дурной обычай: о чем бы ни была речь, всегда со страхом беседовать перед тобою. Мог ли я ясно рассказывать тебе о всех чудесах их и знамениях! Кое-что из тех преславных чудес я рассказал тебе, но гораздо больше забыл от страха и рассказывал неразумно, стыдясь твоего благочестия. И вот решил я писанием известить тебя о святых и блаженных отцах печерских, чтобы и будущие после нас чернецы узнали о благодати божьей, бывшей в этом святом месте, и прославили отца небесного, показавшего таких светильников в Русской земле, в монастыре Печерском.

О СВЯТЕМЪ ГРИГОРИИ ЧЮДОТВОРЦИ

Сей блаженный Григорий прииде ко отцю нашему Феодосию в Печерський монастырь и от него научен бысть житию чернеческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добродѣтелямъ. Молитве же паче прилежаше и сего ради приат на бесы побѣду, еже и далече сущим им вопити: «О Григорий, изгониши ны молитвою своею!» Имѣаше бо блаженный обычай по всяком пѣнии запрещалныа творити молитвы.

О СВЯТОМ ГРИГОРИИ ЧУДОТВОРЦЕ

Этот блаженный Григорий пришел в Печерский монастырь к отцу нашему Феодосию и от него научился житию иноческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добродетелям. Особенное прилежание имел он к молитве и за то получил победу на бесов, так что и издали вопили они: «Гонишь ты нас молитвою своею, Григорий!» У блаженного был обычай после каждого пения творить запретительные молитвы.

Не терпя же старый враг прогнания от него, не могый чим инемъ житию его спону сътворити, и научи злыа челоуѣкы, да покрадутъ его. Не бе бо иного ничто же имѣа развѣ книг. В едину же ноць приидоша татие и стрежаху старца, да егда изыдетъ на утренюю, шедше възмутъ вся его. Ощутив же Григорий приход их; и всегда бо по вся ноци не спаше, но поаше и моляшесе беспрестани посреди кѣлиа стоа. Помоли же ся и о сих, пришедших красти: «Боже! Дай же соя рабом твоим, яко утрудиса, всуе врагу угажающе». И спаша 5 дъней и 5 ноцей, дѣндеже блаженный, призвав братию, възбуди их, глаголя: «Доколе стржете всуе, покрасти мя хотяще, уже отъидета в дома своа». Въставшю же, и не можаху ходити: бяше бо изнемогли от глада. Блаженный же, дав им ясти, и отпусти их. Се увѣдав градський властелин и повеле мучити татий. Стужив же сий

Григорие, яко его ради предани суть. И шед, дасть книги властѣлину, татие же отпусти. Прочиа же книги продав, и раздасть убогим, рек тако: «Да не како в беду въпадуть хотящій покрасти а». Рече бо господь: «Не съкрывайте себѣ съкровища на земли, идѣ же татие подкопывают и крадут; съкрывайте же себѣ съкровища на небесех, идѣ же ни тля тлеть, ни татие крадут. Иде же бо, рече, съкровище ваше, ту и сердца ваша». Татие же ти, покаашася чюдеси ради бывшаго на них, и к тому не възвратишася на прѣваа дѣла своа, но пришедше в Печерський монастырь, въдашася на работу братии.

Наконец не стерпел древний враг изгнания своего от инока и, не имея возможности чем-либо иным ему повредить, научил злых людей обокрасть его. Он же не имел ничего, кроме книг. Однажды ночью пришли воры и стерегли старца, чтобы, когда он пойдет к заутрене, войти и взять все его имущество. И ощутил Григорий приход их; он обыкновенно целые ночи проводил без сна, пел и молился беспрестанно, стоя среди кельи. И теперь помолился он о тех, кто пришел обокрасть его: «Боже! Дай сон рабам твоим: утрудились они, даром угождая врагу». И спали они пять дней и пять ночей, пока блаженный, призвав братию, не разбудил их, говоря: «Долго ли будете вы стеречь напрасно, думая обокрасть меня! Идите теперь по своим домам». Они встали, но не могли идти: так изнемогли от голода. Блаженный дал им поесть и отпустил. Узнал об этом властелин города и велел мучить воров. И затужил Григорий, что из-за него осуждены они. Он пошел, отдал властелину свои книги, а воров отпустил. Другие же книги блаженный продал, а деньги роздал убогим. «Чтобы, – говорил он, – опять кто-нибудь не впал в беду, думая украсть их». Господь сказал: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Где, сказано, сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Чудо же, бывшее с ворами, привело их к покаянию, и они более не возвращались к прежним делам, но, пришедши в Печерський монастырь, стали служить братии.

Имеаше же сей блаженный мал оградаецъ, идѣ же зѣлие сѣаша и древа плодовита. И на се паки приидоша татие. И егда взяша на своа бремя, хотящеи отъити и не възмогаша. И стоаша два дъни неподвижими и угнетаеми бремены. И нача въпити: «Господине Григорие, пусти ны! Уже покаемся грѣхов своих и к тому не сътворим сицевыи вещи». Слышавше же черноризци, и пришедше яша их, и не могаста съвести их от мѣста того. И въпросиша их: «Когда сѣмо приидоста?» Татие же рѣша: «Два дъни и две нощи стоим здѣ». Мниси же рѣша: «Мы всегда сдѣ выходяще,

не видѣхом вас здѣ». Татие же рѣша: «Аще быхом мы видѣли вас, то убо молилися бы вам с слезами, дабы нас пустил. Се уже изнемогше, начахом выпити. Нынѣ же молитесь старьца, да пустить нас». Григорий же пришел и глагола им: «Понеже праздни пребываете весь живот свой, крадуще чужаа труды, а сами не хотяще тружати, нынѣ же стойте ту праздни прочаа лѣта, до кончины живота своего». Они же с слезами моляху старьца к тому не сътворити им таковаа съгрѣшения. Старець же умилился о них и рече: «То аще хотите дѣлати и от труда своего инѣх питати, то уже пуцу вы». Татие же с клятвою рѣша: «Никако же преслушаемся тебѣ». Григорий же рече: «Благословен бог! Отселе будете работающе на святую братию, и от своего труда на потрѣбу их приносите». И тако отпусти их. Татие ти скончаша живот свой в Печерском монастырѣ, оград предрѣжаще. Их же, мню, исчадиа и донынѣ суть.

Имел этот блаженный Григорий маленький огородец, где росли посеянные им овощи и плодовые деревья. И опять пришли воры. Взяли они на плечи ношу, хотели идти – и не могли. И стояли они два дня неподвижно под тяжестью этой ноши. Наконец начали они кричать: «Господин наш Григорий, пусти нас! Мы не будем больше делать так и покаемся в грехах своих». Услышали это монахи, пришли и схватили их, но не могли свести с места. И спросили они воров: «Когда пришли вы сюда?» Воры же отвечали: «Мы стоим здесь два дня и две ночи». Монахи же сказали: «Как же так! Мы постоянно ходим здесь, но вас здесь не видели». Воры же сказали: «Если бы и мы вас видели, то со слезами молили бы отпустить нас. Но вот мы уже изнемогли и начали кричать. Попросите теперь старца, чтобы он отпустил нас». Тогда пришел Григорий и сказал им: «Так как вы всю жизнь праздны, крадете чужие труды, а трудиться не хотите, то теперь стойте здесь праздно и прочие годы, до конца жизни». Они же со слезами молили старца, обещая, что не сотворят в другой раз такого греха. Умилился старец и сказал: «Если хотите работать и от труда своего других кормить, – я отпущу вас». Воры поклялись, что не ослушаются его. Тогда Григорий сказал: «Благословен господь бог! Отныне будете работать на святую братию: приносить от труда своего на нужды ее». И отпустил их. Воры же эти окончили жизнь свою в Печерском монастыре, ходя за огородом. Потомки их, думаю я, живут еще и донныне.

Иногда же паки придоша трие нѣции, хотяще искусити сего блаженнаго. И два от них молиста старьца, ложно глаголюще: «Сий друг нашъ есть, и осуженъ есть на смерть. Молимъ же тя, подѣйся избавить его, дай же ему чимъ искупитися от смерти». Григорий же възплакався

жалостию, провидѣ бо о нем, яко приспѣ конецъ житию его, и рече: «Люте челоуѣку сему, яко приспѣ день погыбели его!» Они же рѣша: «Ты же, отче, аще даси что, то сий не умреть». Се же глаголаху, хотяще у него взяти что, да разделять себѣ. Григорий же рече: «И аз дам, а сий умреть!» И въпроси их: «Коею смертию осуженъ есть?» Они же рѣша: «На дрѣвѣ повешенъ хоцетъ быти». Блаженный же рече им: «Добре судисте ему. Заутра бо сий повѣсится». И паки сниде в погребъ, идѣ же молитву творяше, да не како ум ему слышитъ земнаго что, ниже очи его видѣта что суетныхъ. И оттуду изнесе оставшаа книги дасть им, рекъ: «Аще не угодно будетъ, възвратите ми». Они же, возьмше книги, начата смѣтиса, глаголюще: «Продавше сиа, и разделимъ себе». Видевъши же дрѣвеса плодовита, и рѣша к себе: «Приидемъ в сию ночь и объемлемъ плоды его». Наставши же ноци, приидоша сие трие и запроша мниха в погребѣ, идѣ же бѣ моляся. Един же, его же рѣша на дрѣве повесити, възлѣз горѣ и нача торѣгати яблока. И яся за вѣтвь – оной же отломльишися, а сии два устрашивъшися отбегоша; сий же летя, ятсѣ ризою за другую вѣтвь и, не имѣя помощи, удависѣ ожерелиемъ. Григорий же бо запреи бѣ, и не обретесѣ приити к сущей братии в церковь. Изъшедше же вон из церкви, и вси видѣвше челоука, висяща мертва, и ужасошасѣ. Поискавши же Григориа и обретоша его в погребѣ затворена. Изъшедше же оттуду, блаженный и повелѣ сняти мертваго, и к другомъ его глаголаше: «Како се убо збыстсѣ ваша мысль! Богъ бо не поругаемъ бываетъ. Аще бысте мя не затворили, то азъ пришедъ снялъ быхъ его с дрѣва, и не бы сей умерлъ. Но понеже врагъ вы научилъ хранити суетнаа лжею, тѣмъ же милость свою оставили есте». Слышавше же ругатели та събытие словесъ его и пришедше же падоша на ногу его, просяще прощениа. Григорий же осуди ихъ в работу Печерьскому монастырю, да к тому тружающесѣ, свой хлѣбъ ядятъ и довольни будутъ и инехъ напитати от своихъ трудовъ. И тако тии скончаша животъ свой, и с чады своими работающе в Печерьскомъ монастырѣ рабомъ пресвятыа богородица и ученикомъ святаго отца нашего Феодосиа.

В другой разъ опять пришли трое к блаженному, думая искусити его. Двое из нихъ, указывая на третьяго, молили старца: «Вотъ это другъ нашъ, и осужденъ онъ на смерть. Молимъ тебя, избавь его; дай ему чемъ откупиться от смерти». И говорили они это ложно. Заплакалъ Григорий от жалости, провидя, что приспелъ конецъ жизни его, и сказалъ: «Горѣ этому челоуку! Приспелъ день погыбели его!» Они же сказали: «Но если ты, отецъ нашъ, дашь что-нибудь, то онъ не умретъ». Говорили же они это, чтобы взять у него что-нибудь и разделить между собой. Григорий же сказалъ: «Я дамъ, а онъ все же умретъ!» Потомъ спросилъ ихъ: «На какую смерть онъ осужденъ?» Они отвечали:

«Будет повешен на дереве». Блаженный сказал им: «Верно присудили вы ему. Завтра он повесится». И сошел в пещеру, где обыкновенно молился, чтобы не слышать ничего земного и очами не видеть ничего суетного. И вынес оттуда оставшиеся книги и дал им, сказав: «Если не понравятся, – возвратите». Они же, взяв книги, стали смеяться и говорили: «Продадим их, а деньги разделим». И увидели они плодовые деревья и решили: «Придем нынче ночью и оберем плоды его». Когда настала ночь, пришли эти трое и заперли инока в пещере, где он был на молитве. Один же из них, тот, о котором они говорили, что его повесят, влез на верх дерева и начал обрывать яблоки. Ухватился он за одну ветку – ветка обломилась; те двое испугались и побежали; а он, летя вниз, зацепился одеждою за другую ветку и, не имея помощи, удавился ожерельем. Григорий же был заперт и не мог даже прийти к братии, бывшей в церкви. Когда стали выходить из церкви, иноки увидали человека, висящего на дереве, и ужас напал на них. Стали искать Григория, и нашли его запертым в пещере. Вышедши оттуда, блаженный велел снять мертвого, друзьям же его сказал: «Вот и сбылась ваша мысль. Бог поругаем не бывает. Если бы вы не затворили меня, я пришел бы и снял его, и он бы не умер. Но так как враг научил вас покрывать суетное ложью, то бог и не помиловал вас». Ругатели же те, видя, что сбылось слово его, пришли и упали ему в ноги, прося прощенья. И Григорий осудил их на работу Печерскому монастырю, чтобы теперь трудясь ели они хлеб свой и других бы питали от своих трудов. И так они и с детьми своими кончили жизнь в Печерском монастыре, служа рабам пресвятой богородицы и ученикам святого отца нашего Феодосия.

Подобно же и се сказати о нем, юже претерпѣ блаженный страсть смертную. Нѣкаа убо вещь монастырскаяа приключися – от падения животнаго осквернену быти съсуду; и сего ради сий преподобный Григорий сниде ко Днепру по воду. В той же час приспѣ князь Ростислав Всеволодичь, хотя ити в Печерский монастырь молитвы ради и благословенна, бѣ бо идый противу ратным половцемъ с братом своим Владимиром. Видѣвъши же отроци его старца сего, начата ругатися ему, метающе словеса срамнаа. Разумѣв же мних всѣх при смерти суца, и нача глаголати: «О чада! Егда бѣ трѣбе умиление имѣти и многы молитвы искати от всѣх, тогда же вы паче злое творите, яже богови неугодна суть. Но плачитесь своеа погыбели и кайтесе своих съгрѣшений, да поне отраду примите в Страшный день. Уже бо вы и постиже суд, яко вси вы в воде умрете и с князем вашим». Князь же, страха божиа не имѣа, ни на сердци себѣ положи сего преподобнаго словес, мнѣв его пустошь глаголюща, яже

пророчествовавшие о немъ, и рече: «Мнѣ ли повѣдавши смерть от воды, умѣющему бродити посреди ея!» И тогда разгнѣвався князь, повелѣ связати ему руцѣ и нозѣ и камень на выю его обѣсити, и въврещи в воду. И тако потоплен бысть. Искавше же его братиа два дѣни и не обретоша. В третій же день приидоша в кѣлию его, хотяще взяти оставшаа его, и се мертвый обретесе в кѣлии связан, и камень на выи его, ризы же его еще бяху мокры, лице же бѣаше свѣтло, сам же аки жив. И не обретесе кто принесый его, но и кѣлии заключеннѣ сущи. Но слава о семъ господу богу, творящему дивна чюдеса своих ради угодник. Братиа же изнесше тѣло его и положиша в печерѣ честнѣ, иже за многа лѣта пребысть цело и нетлѣнно.

Следует еще рассказать о том, как претерпел он, блаженный, муку смертную. Случилось в монастыре, что осквернился сосуд от падения в него какого-то животного; и по этому случаю блаженный Григорий пошел к Днепру за водой. В то же время проходил здесь князь Ростислав Всеволодич, шедший в Печерский монастырь для молитвы и благословения. Он с братом своим Владимиром шел в поход против воевавших с Русью половцев. Увидали княжеские слуги старца и стали ругаться над ним, говоря срамные слова. Инок же, провидя, что близок их смертный час, сказал им: «О дети мои! Когда бы вам нужно было иметь умиление и многих молитв искать ото всех, вы зло делаете. Не угодно богу это. Плачьте о своей погибели и кайтесь в согрешениях своих, чтобы хотя в Страшный день принять отраду. Суд уже постиг вас: все вы и с князем вашим умрете в воде». Князь же, страха божия не имея, не положил себе на сердце слов преподобного, а подумал, что лишь пустотные речи – пророчества его, и сказал: «Мне ли предсказываешь смерть от воды, когда я плавать умею!» И рассердился князь, велел связать старцу руки и ноги, повесить камень на шею и бросить в воду. Так потоплен был блаженный Григорий. Братия же два дня искала его и найти не могла. На третий же день пришли в его келью, чтобы взять оставшееся после него имущество. И вот в келье нашли блаженного, связанного, с камнем на шее; одежды его были еще мокры, лицо же было светло, и сам он был как живой. И не знали, кто принес его, а келья была заперта. Слава господу богу, творящему дивные чюдеса ради угодников своих! Братия же вынесла тело блаженного и честно положила его в пещере. И многие годы пребывает оно там цело и нетленно.

Ростислав же непщевав вины о грѣсѣхъ и не иде в монастырь от ярости. Не въсхотѣ благословения, и удалися от него; възлюби клятву, и прииде ему. Владимиръ же прииде в монастырь молитвы ради. И бывшим им у

Треполя и полкома снемъшимася, и побегоша князи наши от лица противных. Владимиръ же прееха реку молитв ради святых и благословения. Ростислав же утопе³⁶³ с всеми своими вой, по словеси святого Григория.

Ростислав же не счел за вину греха своего и от ярости не пошел в монастырь. Не захотел он благословения, и оно удалилось от него; возлюбил проклятие, и проклятие пало на него. Владимир же пришел в монастырь для молитвы. И когда были они у Треполя и после битвы побежали князья наши от лица врагов, – Владимир благополучно переправился через реку, молитв ради и благословения святых; Ростислав же, по слову святого Григория, утонул со всем своим войском.

«Им же бе, – рече, – судом судите, судиться вам, в ню же меру мирите, възмѣряться вам»...

«Каким, сказано, судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить».

О ПРОХОРЕ ЧЕРНОРИЗЦИ, ИЖЕ МОЛИТВОЮ В БЫЛИИ, ГЛАГОЛЕМЪЙ ЛОБЕДА, ТВОРЯШЕ ХЛѢБЫ И В ПОПЕЛУ СОЛЬ

Яко же изволися челоѡколюбцу богу о своей твари: на всяка времена и лѣта промышляя роду челоѡческому и полѣзная даруа, ожидая нашего покаяния. Наводить на ны овогда глад, овогда же рати за неустроение сущаго властелина. Сим бо приводит владыка наш челоѡческое нерадение на добродѣтель, на память дѣл неподобных, ибо дѣлающе злая и неподобная дѣла предани будутъ злым и немилостивым властѣлином грѣх ради наших. Но ни тии убѣжать суда: суд бо без милости не сътворшему милости.

О ЧЕРНЕЦЕ ПРОХОРЕ, КОТОРЫЙ МОЛИТВОЮ ИЗ ЛЕБЕДЫ ДЕЛАЛ ХЛЕБЫ, А ИЗ ПЕПЛА СОЛЬ

Такова воля челоѡколюбца бога о своем творении: во все времена и лета промышляет он о роде челоѡческом и подает ему полезное, ожидая нашего покаяния. Наводит он на нас иногда голод, иногда рати за неустроенье властелина; но этим владыка наш приводит только наше нерадение на добродетель, на память дел греховных: делающие злые дела бывают преданы за грехи свои злым и немилостивым властелинам. Но и эти последние не избегнут суда: суд без милости тому, кто сам не творит милости.

Бысть убо в дни княжения Святополча в Киевѣ.³⁶⁴ Много насилия людемъ сътвори Святополк, дома бо сильных до основания без вины искоренив и имѣния многих отъем. И сего ради попусти господь поганым силу имѣти над нимъ, и Быша брани многы от половець, к сим же и

усобица бысть в та времена и глад крѣпок и скудета велиа при всем в Руской земли.

Было это в дни княжения Святополка в Киеве; много насилия делал людям этот князь, без вины искоренил до основания многих знатных людей и имение у них отнял. И за то попустил господь, чтобы неверные имели силу над ним: многие войны были от половцев. Были в те времена усобицы и голод сильный, и во всем была скудость в Русской земле.

Бысть же в дни тьи прииде нѣкий человекъ от Смоленска к игумену Иоанну, хотя быти мних, его же и постриг, Прохора того имянова. Сий же убо Прохор черноризецъ вдасть себѣ в послушание и въздержание безмѣрное, яко хлѣба себѣ лишив. Събираетъ убо лобеду и своима рукама стирая хлѣб себѣ творяше и сим питашеся. И се приготавлиаше до года, и в преидушее лѣто то же приготавлиаше, яко доволну ему быти без хлѣба всь живот свой. И виде господь трѣпѣние его и великое въздержание, преложи ему горестъ ону на сладость, и по печали бысть ему радость, по реченному: «Вечерь въдворитъся плачь, и заутра радость». И сего ради прозван бысть Лобедник, ибо николи же хлѣба вкуси, развѣ просфуры, ни овоща никакова же, ни питаа, но точию лобѣду, яко же и выше речеся, И сий не поскорбѣ николи же, но всегда работаше господеву радуася; и не устрашися николи же находящиа рати, зане бысть житие его, яко единому от птицъ: не стяжа бо сел, ни житница, идѣ же събереть благаа своа. Сий не рече, яко же богатый: «Душе! Имаши многа благаа, лежаще на многа лѣта, яжъ и пей, веселися». Иного бо не имяше, развѣ точию лобеду, но се приготавлиаше токмо на приидушее лѣто, глаголаше же к себѣ: «Человѣче! В сию ноць душу твою истяжутъ от тебѣ аггели, а яже приготавлианна лобеда кому будетъ?» Сий дѣлом исполъни слово господне реченное, еже рече: «Възрите на птица небесны, яко не сѣють, ни жнутъ, ни в житница събирають, но отецъ вашъ небесный питаеть их». Сим ревнуай сий преподобный Прохор легко преходя путь, идѣ же бо бываше лобеда, то отгуду на свою раму, яко на крилу, в монастырь приношаше, на свою кормлю готовляше. На неораннѣй земли ненасеаннаа пища бываше ему.

В те дни пришел некто из Смоленска к игумену Иоанну, желая быть иноком. Игумен постриг его и назвал Прохором. Этот чернец Прохор предал себя на послушание и такое безмерное воздержание, что даже хлеба себя лишил. Он собирал лебеду, растирал ее своими руками и делал из нее хлеб; им и питался. И заготавлиал он себе ее на год, а на следующее лето собирал новую лебеду. И так всю жизнь свою довольствовался он лебедой вместо хлеба. Видя же терпение его и великое воздержание, бог превратил ему горечь в сладость, и была ему радость после печали, по

сказанному: «Вечером приходит плач, а наутро торжество». И прозвали его Лебедником, потому что, как сказано выше, он питался одной лебедой, не употребляя ни хлеба, кроме просфоры, ни овоща никакого, ни питья. И никогда не роптал он, но всегда с радостью служил господу; ничего не пугался, потому что жил, как птица: не приобретал ни сел, ни житниц, где собрать добро свое, не говорил, как тот богач евангельский: «Душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись». Не имел он ничего, кроме лебеды, да и ту заготавливал только на год, говоря себе: «Прохор! В эту ночь ангелы возьмут от тебя душу твою; кому же останется приготовленная тобою лебеда?» Он на деле исполнял слово господя, который сказал: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, но отец ваш небесный питает их». Им подражая, легко проходил он путь до того места, где росла лебеда, и оттуда на своих плечах, как на крыльях, приносил ее в монастырь и заготавливал в пищу. На непаханной земле несеяный хлеб был ему.

Гладу же велику приспѣвшу и смерти належащии глада ради бывающа на вся люди. Блаженный же дѣло свое съдрѣжаше, събираа лобеду. И сего видѣвъ нѣкий человек събирающа лобеду, начат и той събирати лобеду себе же ради и домашних своих, да темь препитаются в гладное время. Сему же тогда блаженному паче умножашеся лобеду на пищу, и болий труд творяше себѣ в тѣи дни: собираа таковое зѣлие, яко же и прежде рѣх, и своима рукама стираа, творяше хлѣбы и раздаваше неимущим и от глада изнемогающим. Мнози же бяху тогда к нему приходяще в гладное врѣмя, он же всѣм раздаваше. И всѣмь сладко являшеся, яко с медом суще. А не тако хотѣти кому хлѣба, яко же от руку сего блаженнаго сътворенное от дивиаго зѣлия приати. Кому бо дааше с благословениемъ, то свѣтел и чист являшеся и сладок бываше хлѣб; аще ли кто взимаше отай, обреташеся хлѣб яко пельнь.

Настал великий голод, и смерть налегла на всех людей. Блаженный же продолжал дело свое, собирая лебеду. Увидел это один человек и тоже стал собирать лебеду для себя и для домашних своих, чтобы пропитаться ею в голодное время. И в те дни принял блаженный Прохор на себя еще больший труд: собирал это зелье и, растирая, как я говорил, в своих руках, делал из него хлебы, которые раздавал неимущим, изнемогавшим от голода. Многие в это голодное время приходили к нему, и он всех оделял. И сладко, как с медом, было для всех то, что он давал. Никому так пшеничного хлеба не хотелось, как этого хлеба, приготовленного руками блаженного из дикого зелья. И если он сам давал с благословением, то светел и чист, и сладок бывал этот хлеб; если же кто брал тайком, то был

он горек без меры, как полынь.

Нѣкто бо от брата втайнѣ украд хлѣб, и не можаше ясти, зане обретаешя в руку его, яко пельнь, и горек паче мѣры являешя. И се сътворися многажды. Стыдяше же ся, от срама не могый повѣдати блаженному своего съгрѣшения. Гладен же быв, не могый трѣпѣти нужда естественна, видя смерть пред очима своима, и приходит к Иоанну игумену, исповѣда ему събывшееся, прощения прося о своемъ съгрѣшении. Игумен же, не вѣровав реченным, повелѣ иному брату се сътворити, – втайнѣ хлѣб взяти, да разумѣють истинно, аще тако есть. И принесену бывшу хлѣбу, и обретешя тако же, яко же и крадый брат повода, и не можаше никто же вкусити его от горести. Сему же сущю еще и в руках его, посла игумен испросити хлѣб. «Да от руку его, – рече, – возьмете, отходяще же от него, и другой хлѣб украдите». Сима же принесенома бывши, украденый же хлѣб пред ним премѣнися: и бысть яко прѣсть горек, акы прѣвый; а взятый хлѣб от руку его – акы мед, и светел явися, И сему чудеси бывшу прослу таковый мужь всюду. И многы прекормив алчныа и многим на пользу быв.

Некто из братии потихоньку украл хлеб, но не мог его есть: горек, как полынь, был он в руках его. И так повторялось несколько раз. Но стыдился брат, от срама не мог открыть блаженному своего греха. Однако, будучи голоден, видя смерть перед глазами, он пришел к игумену Иоанну и, прося прощения в своем грехе, исповедал ему случившееся с ним. Игумен не поверил тому, что он говорил, и, чтобы узнать, подлинно ли это так, велел другому брату сделать то же, – взять хлеб тайно. Принесли хлеб, и оказалось то же, что говорил укравший брат: никто не мог есть его горечи ради. Держа этот хлеб в руках, игумен послал попросить хлеб у Прохора. «Один хлеб, – сказал он, – возьмите из рук его, а другой, уходя, тайно возьмите». Когда принесли игумену хлебы, украденный изменился пред его глазами: сделался на вид как земля и горек, как и первый; а взятый из рук блаженного был светел и сладок, как мед. После такого чуда повсюду прошла слава об этом муже. И многих голодных прокормил он и многим был полезен.

Егда же Святоплѣк с Давидом Игоревичем рать зачастую про Василкову слепоту, его же ослепи Святоплѣк, послушав Давида Игоревича, с Володарем и с самѣм Васильком.³⁶⁵ И не пустиша гостей из Галича, ни людей з Перемышля, и не бысть соли в всей Руской земли. Сицеваа неуправления Быша, к сему же и граблениа незаконнаа, яко же пророк рече: «Сънѣдающи люди моа в хлѣба мѣсто, господа не призваша». И бѣ видѣти тогда люди сущаа в велицей печали и изнемогших от глада и от

рати, и не имяху бо ни пшеница, ниже соли, чим бы скудость препроводити.

Тогда Святополк с Володарем и с Васильком пошел ратью на Давыда Игоревича за Василька, которого ослепил Святополк, послушав Давыда Игоревича. И не стали пускать купцов из Галича и людей из Перемышля, и не было соли во всей Русской земле. Начались грабежи незаконные и всяческое неустройство. Как сказал пророк: «Съедающие народ мой, как едят хлеб, не призывающие господа». И были все в великой печали, изнемогали от голода и войны, не имели ни жита, ни даже соли, чем бы исполнить скудость свою.

Блаженный же тогда Прохор имѣа кѣлию свою. И събра множество попела от всѣх кѣлий, не вѣдуцу сего никому же. И се раздаваше приходящим, и всѣмъ бываше чиста соль молитвами его. И елико раздаваше, толико паче множася. И ничто же взимаа, но туне всѣмъ подаваше, елико кто хоцеть, и не токмо монастырю доволно бысгь, но и мирскаа чада к нему приходяще, обильно възимаху на потрѣбу домом своим. И бѣ видѣти торжище упражняемо, монастырь же полон приходящих на приятие соли. И от того въздвижеса зависть от продающих соль, и сътвориса им неполучение желаниа. Мнѣвше себѣ в тыа дни богатество много приобрести в соли, бысть же им о томъ печаль велиа: юже бо прежде драго продаваху, по двѣ головажне на куну, нынѣ же по 10 и никто же възимаше. И въставше вси продающий соль, приидоша ко Святополку и навадиша на мниха, глаголюще, яко: «Прохор чернецъ, иже есть в Печерском монастырѣ, отъят от нас богатество много: даетъ соль всѣмъ к нему приходящим невъзбранно, мы же обнищавомъ». Князь же, хотя им угодити, двое же помыслив в себѣ: да сущую молву в них упразднить, себѣ же богатество приобретаеть. Сию мысль имѣа в умѣ своемъ, съвѣщав с своими съвѣтници, – цѣну многу соли, да емь у мниха, продавца ей будеть. Тогда крамольником тѣмъ обещавается, глаголя: «Вас ради пограблю черныца», – крыа в себѣ мысль приобретения богатства. Сим же хотя мало угодити им, паче же многу спону им творя, – зависть бо не вѣсть предпочитати, еже полѣзно есть творити. Посылаеть же князь да возмутъ соль всю у мниха. Привезѣне же бывши соли, и приидѣ князь хотя видѣти ю, и с тѣми крамольники, иже навадиша на блаженнаго, и видѣвше вси, яко попел видѣти очима. Много же дивишася: что се будеть? и недоумѣахуса. Извѣстно же хотяху увѣдети, что се будеть таковое дѣло, обаче же повелѣ ю съхранити до 3 днй, да разумѣють истинно. Нѣкоему же повелѣ вкусити, и обретеса попел в устѣх его.

Блаженный Прохор имел тогда свою келью. И собрал он изо всех

келий множество пепла, но так, что никто этого не знал. И раздавал он этот пепел приходящим к нему, и всем, по молитве его, превращался он в чистую соль. И чем больше он раздавал, тем больше у него оставалось. И ничего не брал за это блаженный, а всем даром давал, сколько кому нужно, и не только монастырю было довольно, но и мирские люди приходили к нему и брали обильно, сколько кому надо. Торжище опустело, а монастырь был полон приходящими за солью. И пробудило это зависть в продававших соль, потому что не получали они, чего желали. Они думали приобрести в это время большое богатство от соли, и вот если они прежде продавали по две меры соли за куну, то теперь и десяти мер за эту цену никто не брал. И сильно печалились они о том. Наконец поднялись все продававшие соль и, придя к Святополку, стали наущать его против инок, говоря: «Прохор, чернец Печерского монастыря, отнял у нас многое богатство: дает соль всем, кто к нему приходит, никому не отказывает, и мы от того обнищали». Князю хотелось угодить им, и помыслил он, во-первых, прекратить ропот между ними, а во-вторых, себе богатство приобрести. Положил он со своими советниками, что цена на соль будет высокая, и сам князь, отняв соль у инок, будет продавать ее. Крамольникам этим он сказал: «Вас ради пограблю чернеца», – а сам таил мысль о приобретении богатства себе. Он хотел угодить им и только больше вреда сделал: ибо зависть не умеет предпочитать полезного вредному. И князь послал взять у инок всю соль. Когда привезли ее, он с теми крамольниками, которые наущали его против блаженного, пошел посмотреть ее. И увидели все перед глазами своими пепел. Много дивились все и недоумевали: что бы это значило? Чтобы узнать подлинно, князь велел спрятать на три дня привезенное из монастыря, но наперед велел отведать – и на вкус был пепел.

Приходящим же по обычаю множество народа хотяще же взимати соль у блаженнаго. И увѣдѣвше пограбление старче, възвращающесе тѣма рукама, проклинаяще сътворшаго сие. Блаженный же тѣм рече: «Егда иссыпана будетъ, и тогда шедше разграбите ю». Князь же, дрѣжав ю до трех днѣх, повелѣ нощию изсыпати ю. Изсыпану же бывшу попелу, и ту абие прѣложися в соль. И се увѣдавше граждане, пришедше разграбиша соль. И сему дивному чюдеси бывшу, ужасесе сътворивый насиліе: не могый же съкрыти вещи, зане пред всѣм градом сътвориися. И нача испытовати, что есть дѣло сие. Тогда сказаща князю ину вещь, еже сътвори блаженный, – кормя лобедою множество народа и в устѣх их хлѣб сладок бываше; нѣкоторыи же взяша един хлѣб без его благословеніа, и обретесе, яко прѣсть и горек, акы пельнь в устех их. Си слышав князь,

стыдѣвса о створеннем, и шед в монастырь к игумену Иоанну, покаася к нему. Бѣ бо прежде вражду имѣа на нь, зане обличаше его несытства ради богатства и насилия ради. Его же ем, Святоплѣк в Туров заточив, аще бы Владимиръ Мономах на сего не востал, его же убояся Святоплѣк встаниа на ся, скоро възврати с честью игумена в Печерский монастырь. Сего же ради чюдеси велику любовь нача имѣти к святѣй Богородици и к святым отцемъ Антонию и Феодосию. Черноризца же Прохора оттоле вельми чтяше и блажаше, ведый его в истину раба божиа суца. Дастъ же слово богови к тому не сътворити насилия никому же. Еще же и се слово утверди к нему князь, глаголя: «Аще убо аз, по изволению божию, прежде тебѣ отъиду свѣта сего, и ты своима рукама в гроб положи мя, да сим явится на мнѣ безлобие твое. Аще ли ты прежде мене преставишия и пойдеши к неумытному Судии, то аз на раму своею в пещеру внесу тя, да того ради господь прощение подасть ми о многосътвореннѣмъ к тебѣ грѣсѣ». И сие рек, отъиде от него. Блаженный же Прохор многа лѣта пожив в добре исповѣдании, богоугодным, чистым и непорочным житиемъ.

К блаженному же, по обычаю, приходило множество народа за солью. И все узнали, что старец пограблен, и, возвращаясь с пустыми руками, проклинали того, кто это сделал. Блаженный же сказал им: «Когда выбросят ее, вы придите и соберите себе». Князь продержал три дня и велел выбросить пепел ночью. Высыпали пепел, и он тотчас превратился в соль. Граждане же, узнав об этом, пришли и собрали ее. От такого дивного чуда ужаснулся сотворивший насилие: не мог он скрыть перед всем городом всего того, что было. И стал он разузнавать, что бы это значило. Тогда рассказали князю, как блаженный кормил лебедой множество народа и как ели они из рук его сладкий хлеб; когда же некоторые взяли у него один хлеб без его благословения, то оказался он как земля на вид, а на вкус горек, как полынь. Услышавши это, устыдился князь сделанного им, пошел в монастырь к игумену Иоанну и принес ему покаяние. Прежде он имел вражду к нему. Игумен обличал его за ненасытную жадность к богатству, за насилие. Святополк тогда схватил его и заточил в Турове; но восстал на него Владимир Мономах, и он, испугавшись этого, скоро с честью возвратил Иоанна в Печерский монастырь. Теперь же ради такого чуда князь стал иметь великую любовь к обители пресвятой Богородицы и к святым отцам Антонию и Феодосию. И чернеца Прохора он с этих пор весьма почитал и ублажал, так как знал его за истинного раба божия. И дал он слово богу не делать более никому насилия, и старцу дал он крепкое слово. «Если, сказал, по изволению божию я прежде тебя отойду из этого мира, то ты положи меня в гроб своими руками, и да явится в этом твое

беззлобие. Если же ты прежде меня преставишься и пойдешь к неподкупному Судии, то я на своих плечах внесу тебя в пещеру, чтобы господь подал мне прощение в великом грехе моем перед тобой». С этими словами князь пошел от блаженного. Он же прожил еще много лет в добром исповедании, богоугодной, чистой и непорочной жизнью.

По сем же разболишься святыи, князю тогда на войнѣ сущу. Тогда святыи наречение посылаетъ к нему, глаголя яко: «Приблизися час исхода моего от тѣла. Да аще хочещи, прииди, да прощение възмевѣ. И скончаеши обѣщание свое – да приимеши отдание от бога и своима рукама вложиши мя в гроб. Се бо ожидаю твоего прихода, да аще умѣдлиши и аз отхожу, да не тако исправит ти ся брань, яко пришедшу ти ко мнѣ». И сиа слышав, Святоплѣк в той час воа распустив и прииде к блаженному. Преподобный же много поучив князя о милостынѣ, и о будущемъ судѣ, и о вечней жизни, и о будущей муцѣ; дав ему благословение и прощение, и цѣловав вся сущаа с княземъ и, въздѣв руцѣ горѣ, предасть дух. Князь же, взем святаго старца, несе ѥ в пещеру, и своима рукама в гроб вложи. И по погребении блаженнаго поиде на войну и многу побѣду сътвори на противныа агаряны, и взя всю землю их и приведе в свою землю их.³⁶⁶ И се бо бысть богом дарованная победа в Руской земли по проречению преподобнаго. И оттоле убо Святополк, егда исхождаше или на рать, или на ловы, и прихождаше в монастырь с благодарениемъ поклонялся святѣй богородици и гробу Феодосиеву, и вхождаше в пещеру к святому Антонию и блаженному Прохору, и всѣмъ преподобным отцем поклоняся, и исхождаше в путь свой. И тако добре строашеся богом набдимое княжение его. Сам бо свѣдѣтель быв ясно, исповѣдаа чюдеса бо и знамения, яже Быша преславнаа Прохора же и инех преподобных. С ними же буди всѣм нам получитьи милость о Христе Иисусѣ господѣ нашем. Ему же слава с отцемъ и с сыномъ нынѣ, присно.

Наконец разболелся он. Князь тогда на войне был, и святой послал объявить ему: «Близок час исхода моего из тела. Приди, если хочешь, проститься со мной. И обещание исполнишь ты – своими руками положишь меня в гроб, и прощение примешь от бога. Не медли: я отхожу и вот только ожидаю твоего прихода. Если ты придешь ко мне, война будет для тебя успешнее». Услышав это, Святополк тотчас же распустил свои войска и пришел в монастырь. Блаженный же Прохор много поучал князя о милостыне, о будущем суде, о вечной жизни, о будущей муке; потом дал ему благословение и прощение, простился со всеми бывшими с князем и, воздев руки к небу, испустил дух. Тогда князь взял тело святого старца, понес в пещеру и вложил своими руками в гроб. После же погребения он

пошел на войну и великую победу одержал над врагами своими, агарянами, и взял всю землю их и множество пленников. И была это в Русской земле богом дарованная победа, предсказанная блаженным. С тех пор Святополк, шел ли на войну, или на охоту, всегда приходил в монастырь поклониться иконе пресвятой богородицы и гробу Феодосиеву, потом входил в пещеру для поклонения святому Антонию, блаженному Прохору и всем святым отцам, и тогда уже шел в путь свой. И берег бог княжение его. Сам будучи свидетелем, он открыто возвещал о преславных чудесах и знамениях Прохора и других святых. Да получим и мы с ним милость о Христе Иисусе, господе нашем! Ему же слава и отцу и сыну ныне и присно.

Слово о погибели Русской земли

Подготовка текста, перевод и примечания Ю. К. Бегунова

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУСКЫЯ ЗЕМЛИ ПО СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА³⁶⁷

О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озеры многими, удивлена еси рѣками и кладязьми мѣсточестными, горами крутыми, холми высокими, дубровами частыми, польми дивными, звѣрьми разноличными, птицами бещисленными, города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными и князми грозными, бояры честными, вельможами многими – всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрная вѣра хрестияньская!

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА

О светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами дивишь ты: озерами многими, дивишь ты реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, боярами честными, вельможами многими, – всего ты исполнена, земля Русская, о правоверная вера хрестиянская!

Отселѣ до угор,³⁶⁸ и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи³⁶⁹ и от ятвязи до литвы, до немецъ, от нѣмецъ до корѣлы, от короли до Устьяга,³⁷⁰ где тамо бяху тоймичи³⁷¹ погании за Дышючим морем,³⁷² от моря до болгар,³⁷³ от болгар до буртас,³⁷⁴ от буртас до чермис,³⁷⁵ от чермис до морѣдвѣ, – то все покорено было богом крестияньскому языку поганьскыя страны: великому князю Всеволоду,³⁷⁶ отцу его Юрью, князю Кыевскому,³⁷⁷ дѣду его Володимеру и Манамаху,³⁷⁸ которым то половьци дѣти своя полошаху в колыбѣли. А литва из болота на свѣт не выныкываху. А угры твердыху каменныи города железными вороты, абы на них великыи Володимер тамо не възѣхал. А нѣмци радовахуся, далече будуче за синим морем.³⁷⁹ Буртаси, черемиси, веда и морѣдва бортьничаху³⁸⁰ на князя великого Володимера. И кюр Мануил Цесарегородскыи³⁸¹ опас имѣя, поне и великыя дары посылаше к нему, абы под ним великыи князь Володимер Цесарягорода не взял.

Отсюда до венгров, и до поляков, и до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев и до немцев, от немцев до корелы, от корелы до

Устюга, где живут тоймичи поганые, и за Дышащим морем, от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы – то все покорил бог народу христианскому поганые страны: великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, и деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели. А литва из болота на свет не показывалась. А венгры каменные города укрепляли железными воротами, чтобы на них великий Владимир не ходил войной. А немцы радовались, что они далеко за синим морем. Буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на князя великого Владимира. И сам господин Мануил Цареградский, страх имея, затем и великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьграда его не взял.

А в ты дни болѣзнь крестияном от великаго Ярослава, и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава,³⁸² и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго.³⁸³

А в те годы – беда христианам от великаго Ярослава и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя Владимирского.

Житие Александра Невского

Подготовка текста, перевод и примечания Ю. К. Бегунова

ПОВѢСТИ О ЖИТИИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВѢРНАГО И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ОЛЕКСАНДРА

О господе нашемъ Исусѣ Христѣ, сыне божии. Аз худый и многогрѣшный, мало съмысля, покушаюся писати житие святого князя Олександра, сына Ярославля, а внука Всеволожа. Понеже слышах от отецъ своих, домочадецъ и самовидецъ есмь възраста его, рад бых исповѣдал святое и честное и славное житие его. Но яко же Приточник³⁸⁴ рече: «В злохытру душу не внидетъ прѣмудрость: на высокихъ бо краихъ есть, посреди же стезь стояше, при вратѣхъ же сильныхъ присѣдитъ». Аще и грубъ есмь умомъ, но молитвою святыа богородица и поспѣшениемъ святого князя Олександра начатокъ положю.

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

По воле господа нашего Иисуса Христа, сына божьего, я, ничтожный и многогрешный, мало смысля, пытаюсь описать житие святого князя Олександра, сына Ярослава, внука Всеволода. Так как слышал от отцов своих и сам был домочадцем и очевидцем жизни его, то рад был поведать о святой и благородной и славной его жизни. Но как Приточник говорит: «В лукавую душу не войдет премудрость: становится она на высоких местах, стоит же посреди дорог, у ворот могущественных мужей садится». Хотя и прост я умом, но молитвою святой богородицы и помощью святого князя Олександра начало положу.

Съи бѣ князь Олександръ богом рожен от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же и кротка, князя великаго Ярослава и от матере Феодосии. Яко же рече Исая пророк:³⁸⁵ «Тако глаголетъ господь: «Князи аз учиняю, священни бо суть, и аз воюю я». Воистинну бо без божия повелѣния не бѣ княжение его. Но и възраст его бе паче инѣх человек, и глас его – акы труба в народѣ, лице же его – акы лице Иосифа, иже бѣ поставил его египетскый царь втораго царя в Египтѣ.³⁸⁶ Сила же бе его – часть от силы Самсоня.³⁸⁷ И дал бѣ ему бог премудрость Соломоню, храборство же его – акы царя римскаго Еуспасиана,³⁸⁸ иже бѣ плѣнил всю землю Иудейскую. Инѣгдѣ исполчися к граду Атапату³⁸⁹ приступити, и ишедше гражане, побѣдиша плѣкъ его, и остася един и възврати к граду силу их к вратом градным, и посмѣяся дружинѣ своей, и укори я, рек: «Остависте мя единого». Тако же и сий князь Олександр – побѣжая, а не

побѣдим.

Князь этот Александр по божьей воле родился от отца милостилюбивого и человеколюбивого и, более того, кроткого князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как говорит Исая пророк: «Так говорит господь: я ставлю князей, ибо они священны, и я руковожу ими». Воистину так: без божия повеления не было бы княжения его. Но и ростом он был выше других людей, и голос его – как труба в народе, лицо же его – как лицо Иосифа, которого поставил египетский царь вторым после себя человеком в Египте. Сила же его была частью силы Самсона. И дал ему бог премудрость Соломона, а храбрость его – как у царя римского Веспасиана, который пленил всю землю Иудейскую. Некогда, во время осады города Иоатапаты, вышли горожане и победили войско его, и остался Веспасиан один и прогнал к городу, к городским воротам, войско их и посмеялся над дружиной своей, и укорил ее, говоря: «Оставили меня одного». Также и этот князь Александр, побеждая, сам был непобедим.

И сего ради некто силен от Западной страны,³⁹⁰ иже нарицаются слуги божия, от тех прииде, хотя видѣти дивный возраст его, яко же древле царица Ужская³⁹¹ приходи к Соломону,³⁹² хотящи слышати премудрость его. Тако и сей, именем Андрѣяшъ,³⁹³ видѣв князя Олександра и възвратися к своим, рече: «Прошед страны и языки, не видѣх такового ни в царех царя, ни в князех князя».

Ради князя Александра и пришел некто знатный от Западной страны, от тех, что зовут себя «слуги божии», желая повидать его в расцвете сил так же, как в древности царица Ужская приходила к Соломону, желая наслушаться мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреяш, увидев князя Александра, возвратился к своим и сказал: «Прошел я много стран и видел многие народы, но не встретил ни такого царя среди царей, ни князя среди князей».

Се же слышав король части Римскыя от полунощныя страны³⁹⁴ таковое мужество князя Олександра, и помысли в себѣ: «Пойду и плѣню землю Олександрову». И събра силу vsлю, и наполни корабля многы полков своих, подвижеса в силѣ тяжцѣ, пыхая духом ратным. И прииде в Неву, шатаяся безумием, и посла слы своя, загордѣвса, в Новѣгород, к князю Олександрю, глаголя: «Аще можеша противитися мнѣ, то се есмь уже здѣ, пленяя землю твою».

Прослышав же о таком мужестве князя Александра, король римской веры из Полуночной страны подумал: «Пойду и завоюю землю Олександрову». И собрал войско великое и наполнил многие корабли полками своими, устремился в силе великой, кипя духом ратным. И

пришел к Неве, влекомый безумием, и послал послов своих, возгордившись, в Новгород, к князю Александру, говоря: «Если можешь, то сопротивляйся мне, – я уже здесь и беру в плен землю твою».

Олександр же, слышав словеса сии, разгорѣся сердцем, и вниде в церков святыя Софьи,³⁹⁵ и, пад на колѣну пред ольтарем, нача молитися с слезами: «Боже хвальный, праведный, боже великий, крѣпкий, боже превѣчный, сотворивый небо и землю и поставивый предѣлы языком, повелѣ жити, не прѣступая в чужую часть». Въсприим же псаломъскую пѣснь, рече: «Суди, господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щит, стани в помощь мнѣ». И, скончав молитву, встав, поклонися архиепископу. Архиепископ же Спиридон³⁹⁶ благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утер слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: «Не в силѣ бог, но в правде. Помянем Пѣснотворца,³⁹⁷ иже рече: «Сии в оружии, а сии на конѣх, мы же во имя господа бога нашего призовемъ, тии Бѣша и падоша, мы же вѣстахом и прости быхом». И си рѣкъ, поиде на ны в малѣ дружинѣ, не съждався с мною силою своею, но уповая на святую Троицу.

Александр же, услышав слова эти, распалился сердцем, и вошел в церковь святой Софьи и, упав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, боже великий, крепкий, боже превечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы народам, ты повелел жить, не вступая в чужие пределы!» И, вспомнив псаломскую песнь, сказал: «Суди, господи, обидящим меня и побори борющихся со мной, возьми оружие и щит, восстань на помощь мне». И, окончив молитву, встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же Спиридон благословил его и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы, начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе бог, а в правде. Помянем Песнотворца, который сказал: «Иные – с оружием, а иные – на конях, а мы имя господа бога нашего призовем, они поколебались и пали, мы же восстали и стоим прямо». И, сказав это, пошел на них с небольшой дружиной, не дожидаясь многих войск своих, но уповая на святую Троицу.

Жалостно же бѣ слышати, яко отецъ его, честный Ярослав Великий,³⁹⁸ не бѣ ведал таковаго вѣстания на сына своего милаго Олександра, ни оному бысть когда послати вѣсть к отцю: уже бо ратнии приближишася. Тѣм же и мнози новгородци не совокупилися бяху, понеже ускори князь пойти.

Скорбно же было слышать, что отец его благородный Ярослав Великий не знал о нападении на сына своего, милого Александра, не было у Александра времени послать вѣсть к отцю, ибо уже приближались враги.

Потому и многие новгородцы не успели присоединиться к нему: так спешил князь выступить.

И поиде на ня в день въскресения, иуля в 15, на память святых отец 600 и 30 бывшаго собора в Халкидоне и святою мученику Кирика и Улиты, имѣяше же вѣру велику к святыма мученикома Бориса и Глѣба.³⁹⁹

И пошел на них в день воскресения, иуля 15, в день памяти шестисот тридцати святых отцов бывшего в Халкидоне собора и святых мучеников Кирика и Улиты, имея же веру великую во святых мучеников Бориса и Глеба.

И бѣ нѣкто мужь старѣйшина в земли Ижерстей, именем Пелгуй.⁴⁰⁰ Поручена же бысть ему стража морская. Въсприят же святое крещение и живяше посреди рода своего, погана суца. Наречено же бысть имя его в святѣм крѣщении Филип. И живяше богоугодно, в среду и пяток пребываше в алчбѣ. Тѣм же сподоби его бог видѣти видѣние страшно в тѣй день. Скажем вкратцѣ.

И был некий муж, старейшина земли Ижорской, по имени Пелгуй. Поручен же был ему морской дозор. Восприял же святое крещение и жил среди рода своего, который оставался в язычестве. Наречено же было имя ему в святом крещении Филипп. И жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу. Поэтому и удостоил его бог увидеть необыкновенное видение в тот день. Расскажем об этом вкратце.

Увѣдав силу ратных, иде противу князя Олександра, да скажет ему станы и обрытѣя их. Стоящю же ему при край моря, стрегущю обою пути, и пребысть всю ночь в бдѣнии. И яко же нача въсходити солнце, слыша шум страшен по морю и видѣ насад един гребущь, посреди же насада стояста святая мученика Бориса и Глѣба в одеждах чръвленных и бѣста руцѣ держаста на раму. Гребцы же сѣдяху, акы мглою одѣни. Рече Борис: «Брате Глѣбе, вели грести, да поможем сроднику своему Олександру». Видѣв же таковое видѣние и слышав таковой глас от мученику, стояше трепетен, дѣндеже насад отъиде от очию его.

Разведав о силе войска, он пошел навстречу князю Александру, чтобы рассказать князю о станах их и об укреплениях. Когда стоял Пелгуй на берегу моря и стерег оба пути, он не спал всю ночь. И когда же начало восходить солнце, он услышал на море страшный шум и увидел ладью, плывущую по морю, а посредине ладьи – святых мучеников Бориса и Глеба, стоящих в одеждах багряных и держащих руки на плечах друг друга. А гребцы сидели, словно окутаны облаком. И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру». Увидев такое видение и услышав слова мученика, стоял Пелгуй, потрясенный,

пока ладья не скрылась с глаз его.

Потом скоро поѣха князь Олександр. Он же, видѣв князя Олександра радостныма очима, исповѣда ему единому видѣние. Князь же рече ему: «Сего не рцы никому же».

Вскоре после этого приехал князь Александр. Пелгуй же взглянул радостно на князя Александра и поведал ему одному о видении. Князь же ему сказал: «Об этом не рассказывай никому».

Оттолѣ потщався наѣха на нь в 6 час дне.⁴⁰¹ И бысть сѣча велика над Римляны,⁴⁰² и изби их множество бесчислено от них, и самому королю възложи печать на лице острымь своим копиемь.⁴⁰³

После того решился напасть на них в шестом часу дня. И была сеча великая с латинянами, и перебил их бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем.

Здѣ же явишася в полку Александровѣ 6 мужь храбрых, иже мужествоваша с ним крѣпко.

Здесь же в полку Александровом отличились шесть мужей храбрых, которые крепко бились вместе с ним.

Един – именем Гаврило Олексичь. Съи наѣха на шнек и, видѣв королевича мча под руку, възѣха по доскѣ, по ней же възсхожаху, и до самого корабля. И втекоша пред ним в корабль, и паки обратившеся, свергоша его з доски с конем в Неву. Божию милостию изыде оттолѣ неврежден, и паки наѣха, и бися с самѣм воеводою посредѣ полку их.

Один – по имени Гаврило Олексич. Этот напал на судно и, увидев королевича, которого тащили под руки, въехал по мосткам, по которым всходили, до самого корабля. И побежали все перед ним на корабль, затем обернулись и сбросили его с мостков с конем в Неву. Он же с божьей помощью оттуда выбрался невредимым и снова напал на них, и бился крепко с самим воеводою, окруженным воинами.

Другий – новгородец, именем Збыслав Якунович, наѣха многожды на полк их и бѣяшется единѣм топором, не имѣя страха в сердцы своем. И паде нѣколько от руки его, и подивишася силѣ его и храбрѣству.

Другой – новгородец, по имени Сбыслав Якунович, не раз нападавал на войско их и бился одним топором, не имея страха в сердце своем. И многие пали от руки его и подивились силе его и храбрости.

Третий – Ияков, полочанин, ловчий бѣ у князя. Съи наехав на полк с мечем и мужествова, и похвали его князь.

Третий – Ияков, полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на врагов с мечом и мужественно бился, и похвалил его князь.

Четвертый – новгородец, именем Миша. Съи пѣш с дружиною своею

натече на корабли и погуби три корабли Римлян.

Четвертый – новгородец, по имени Миша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля латинян.

Пятый – от молодых людей, именем Сава. Съй наѣхав на шатер великий, златоверхий и посѣче столп шатерный. Полцы же Олександрови, видѣвше падение шатерное, возрадовашася.

Пятый – из младшей дружины, по имени Савва. Этот напал на большой, златоверхий шатер и подрубил столб шатерный. Воины же Александровы, увидев падение шатра, обрадовались.

Шестой – от слуг его, именем Ратмир. Съй бися пѣш, и обступиша его мнози. Он же от многих ран пад, скончася.

Шестой – из слуг его, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и окружило его много врагов. Он же от многих ран упал и скончался.

Си вся слышахом от господина своего Олександра и от инѣх, иже в то время обрѣтошася в той сѣчи.

Обо всем этом слышал я от господина своего Олександра и от других, кто в то время участвовал в той сече.

Бысть же в то время чудо дивно, яко же в древняя дни при Езекеи цари, егда прииде Сенахирим, царь асурийск, на Иерусалим, хотя плѣнити святы град,⁴⁰⁴ и внезапу изыде ангел господень и изби от полка асурийска сто восемьдесят пять тысящ. И въставше утро, обрѣтоша вся трупия их мертва. Тако же бысть и при побѣдѣ Олександрови, егда побѣди короля обонпол рѣкы Ижеры, идѣ же бѣ непроходно полку Олександрову. Здѣ же обрѣтоша многое множество избѣеных от ангела божия. Останов же их побѣже, и трупия мертвых своих наметаша корабля и потопиша в мори. Князь же Олександр возвратися с побѣдою, хваля и славя имя своего творца.

Было же в то время чудо дивное, как в древние времена при Езекии царе, когда пришел Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, стремясь захватить святой город, и внезапно появился ангел господень и перебил 185 000 воинов ассирийских. И когда наступило утро, нашли их трупы. Так же было и после победы Александра, когда победил короля: на другом берегу реки Ижоры, где полки Александра не могли пройти, нашли многое множество врагов, перебитых ангелом божиим. Оставшиеся бежали, а трупы погибших своих набросали в корабли и потопили в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего творца.

В второе же лѣто по возвращении с побѣдою князя Олександра приидоша паки от Западныя страны и возградиша град в отечествѣ

Олександровѣ.⁴⁰⁵ Князь же Олександро воскорѣ иде и изверже град их из основания, а самѣх извѣша, а овѣх с собою поведе, а инѣх, помиловав, отпусти: бѣ бо милостив паче мѣры.

На следующий год после возвращения князя Александра с победой пришли опять те же от Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр немедля вышел и срыл город их до основания, а самих их – одних повесил, а других с собою повел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был он милостив свыше меры.

По побѣдѣ же Олександровѣ, яко же побѣди короля, в третий год, в зимнее время, поиде на землю Немецкую в велицѣ силѣ,⁴⁰⁶ да не похвалятся, ркуще: «Укорим словенский язык ниже себе».

На третий год после победы Александра над королем в зимнее время пошел Александр на землю Немецкую с большим войском, чтобы не похвалялись они, говоря: «Подчиним себе словенский народ».

Уже бо бѣше град Плесков взят, и тиуни их посажени.⁴⁰⁷ Тѣх же князь Олександро изыма, град Плесков свободи от плѣна. А землю их повоева и пожже, и полона взя бес числа, а овѣх иссече. Инии же гради совокупишася нѣмечьстии⁴⁰⁸ и рѣша: «Пойдем и победим Олександра и имем его рукама».

Ведь уже взяли город Псков и тиунов своих посадили. Тиунов князь Александр схватил, город Псков освободил от пленения. А землю их разорил и пожже, и пленных взял без числа, а других порубил. Иные же немецкие города заключили союз и решили: «Пойдем и победим Александра и возьмем его руками».

Егда же приближишася ратнии, и почюша я стражие Олександрови. Князь же Александр оплѣчися, и поидоша противу себе, и покриша озеро Чюдское обои от множества вои. Отец же его Ярослав прислал бѣ ему брата меньшаго Ондрѣя на помощь в множествѣ дружинѣ.⁴⁰⁹ Тако же и у князя Олександра бѣше множество храбрых, яко же древле у Давыда царя⁴¹⁰ силнии, крѣпции. Тако и мужи Олександрови исполнишася духом ратным: бяху бо сердца их, акы сердца лвом, и рѣша: «О, княже наш честный! Нынѣ приспѣ врѣмя нам положиги главы своя за тя». Князь же Олександро, воздѣв руцѣ на небо, и рече: «Суди ми, боже, и разсуди прю мою от языка велерѣчна и помози ми, боже, яко же древле Моисѣви на Амалика и прадѣду моему Ярославу на окааннаго Святополка».⁴¹¹

Когда же приблизились враги, узнали об этом дозорные Александра. Князь же Александр построил полки и пошел навстречу, и покрылось озеро Чудское множеством воинов той и другой стороны. Отец же его Ярослав прислал к нему на помощь младшего брата Андрея с большой

дружиной. У князя Александра было так же много храбрых мужей, как в древние времена у Давида царя было сильных и крепких воинов. Так и мужи Александровы исполнились духа ратного, ибо сердца их были как у львов, и сказали они: «О княже наш славный! Ныне настало нам время положить свои головы за тебя». Князь же Александр, воздев руки к небу, воскликнул: «Суди меня, боже, и рассуди распрю мою с народом велеречивым и помоги мне, боже, как ты помог в древние времена Моисею победить Амалика и прадеду моему Ярославу победить окаянного Святополка».

Бѣ же тогда субота, въсходящю солнцю, и съступишася обои. И бысть сѣча зла⁴¹² и труск от копий ломления и звук от сѣчения мечнаго, яко же и езеру померзъшю двигнутися; и не бѣ видѣти леду: покры бо ся кровию.

Была же тогда суббота. Когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была злая сеча, и раздавался такой треск от ломающихся копий и звон от мечей, будто замерзшее озеро двинулось, и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

Си же слышах от самовидца, иже рече ми, яко видѣх полкъ божий на въздусъ, пришедши на помощь Олександрови. И тако побѣди я помощью божиею, и даша ратнии плеча своя и сѣчахуть я, гоняще, аки по аеру, и не бѣ камо утещи. Зде же прослави бог Олександра пред всѣми полкы, яко же Исуса Наввина у Ерехона.⁴¹³ А иже рече: «Имем Олександра руками», сего дасть ему бог в руцѣ его. И не обрѣтесе противник ему в брани никогда же.

И слышал я это от очевидца, который мне рассказал, что видел воинство божье в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил их помощью божьей, и обратились враги в бегство, и гнали и секли их воины Александровы, словно неслись они по воздуху; и некуда было тем бежать. Здесь же прославил бог Александра перед всеми полками, как Исуса Наввина у Иерихона. А того, кто говорил: «Поймаем Александра руками», – предал бог ему в руки. И не нашлось никого, кто мог бы воспротивиться ему в битве.

И возвратися князь Олександр с побѣдою славною. И бяше множество много полоненых в полку его, и ведяхуть я босы подле коний, иже именуют себе божи риторы.

И возвратился князь Александр с победою славною. И шло многое множество пленных в войске его, вели босыми возле коней тех, кто называл себя «божи рыцари».

И яко же приближися князь к граду Плескову, игумени же и Попове в ризах со кресты и весь народ срѣтоша ѿ пред градом, подающе хвалу

богови и славу господину князю Олександру, поюще пѣснь: «Пособивый, господи, кроткому Давыду побѣдiti иноплемьники и вѣрному князю нашему оружию крестным и свободити град Плесков от иноязычник рукою Олександровою».

И когда подошел князь к городу Пскову, игумены и попы в ризах с крестами и весь народ встретили его перед городом, воздавая хвалу богу и славу господину князю Олександру, воспевая песнь: «Помог ты, господи, кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему силою креста освободить город Псков от иноязычных рукою Александровою».

О, невѣгласи плесковичи! Аще сего забудете и до правнучат Олександровых, и уподобитесь жидом, их же препита господь в пустыни манною и крастелми печеными, и сих всѣх забыта и бога своего, изведшаго я от работы изъ Египта.

О неразумные псковичи! Если забудете об этом и до правнуков Александровых, то уподобитесь тем иудеям, которых накормил господь в пустыне манною и жареными перепелами и которые обо всем этом забыли, как забыли и бога, освободившего их из египетской неволи.

И нача слыти имя его по всѣм странам и до моря Египетскаго,⁴¹⁴ и до гор Араратских, и обону страну моря Варяжскаго, и до великаго Рима.

И прославилось имя его по всем странам и до моря Египетского, и до гор Араратских, и по обе стороны моря Варяжского и до великого Рима.

В то же время умножися языка Литовскаго и начата пакостити волости Олександровѣ. Он же, выездя, и избиваше я. Единою ключися ему выехать, и побѣди 7 ратий единѣм выездом, множество князей их изби, а овѣх рукама изыма; слугы же его, ругающесе, вязяхуть я к хвостом коней своих. И начата оттолѣ блюстися имени его.

В то же время умножился народ литовский, и начали разорять волости Александровы. Он же, выехав на них, стал избивать их. Случилось ему однажды выехать на врагов, и побил он семь полков ратных за один выезд, множество князей их избил, а других взял в плен, слуги же его, издеваясь, привязывали литовцев к хвостам своих коней. И стали они с тех пор бояться имени его.

В то же время бѣ некто царь силен на Вѣсточнѣй странѣ,⁴¹⁵ ему же бѣ бог покорил языки многы, от вѣстока даже и до запада. Тѣй же царь, слышав Олександра тако славна и храбра, посла к нему послы и рече: «Олександре, вѣси ли, яко бог покори ми многыя языки? Ты ли един не хочещи покоритесе силе моей! Но аще хочещи съблюсти землю свою, то

скоро прииди к мнѣ, и да узриши честь царства моего».

В то же время был некий сильный царь в Восточной стране, которому бог покорил многие народы от востока и до запада. Тот царь, прослышав, что Александр столь славен и храбр, послал к нему послов и приказал сказать: «Александр, разве ты не знаешь, что бог покорил мне многие народы? Ты один не хочешь покориться силе моей! Но если хочешь уберечь землю свою, то немедля приходи ко мне, чтобы увидеть славу царства моего».

Князь же Олександро прииде во Володимер по умертвии отца своего в силѣ велицѣ. И бысть грозен приезд его, и промчеса вѣсть его и до устья Волги. И начаша жены моавитьскыя⁴¹⁶ полошати дѣти своя, ркуще: «Олександро князь ѣдет».

Князь же Александр пришел во Владимир после смерти отца своего с большим войском. И был грозен приезд его, и промчалась весть об этом до самого устья Волги. И стали жены моавитские пугать детей своих, говоря: «Александр князь едет!»

Съдумав же князь Александр, и благослови его епископ Кирил, и поиде к цареви, в Орду. И видѣв его царь Батый, и подивися, и рече вельможам своим: «Воистинну ми скажете, яко нѣсть подобна сему князя». Почѣстив же ѿ честно, отпусти ѿ.

Задумал же князь Александр поехать к царю в Орду, и благословил его епископ Кирил. И, увидев его, царь Батый подивился и сказал вельможам своим: «Правду мне говорили, что нет князя, подобного ему». Воздав же достойные почести ему, отпустил его.

По сем же разгшѣвася царь Батый на брата его меньшаго, на Ондрѣя, и посла воеводу своего Невруя⁴¹⁷ повоевати землю Суждальскую. По плѣнении же Невруеве князь великий Александр церкви въздвигну, грады исполньни, люди распуженыя събра в дома своя. О таковых бо рече Исая пророк: «Князь благ в странах – тих, увѣтлив, кроток, сѣмѣрен, – по образу божию есть», не внимая богатства и не презря кров праведничю, сиротѣ и вдовици вправду судяй, милостилюбець, а не златолюбець, благ домочадцемъ своим и вѣнѣшним от стран приходящимъ кормитель. На таковыя бог призирает на мир щедротами: бог бо мира не аггелом любит, но человеком си щедря ущедряеть, учит и показывает на мирѣ милость свою.

Потом разгневался царь Батый на брата его младшего, на Андрея, и послал воеводу своего Невруя разорить землю Суздальскую. После Невруева нашествия князь великий Александр церкви восстановил, города отстроил, людей разбежавшихся собрал в дома их. О таких говорит Исая пророк: «Князь хороший в странах – тих, приветлив, кроток, смирен и тем

богу подобен», не ищет богатства и не чуждается праведной жизни, сирот и вдовиц судит по правде, любит милость, а не злато, добр к домочадцам своим и гостеприимен к приходящим из других стран. Таковых бог наделяет при жизни своими милостями, ибо бог хочет благополучия не для ангелов, но для людей, которых так щедро награждает, учит и являет в мире милость свою.

Распространи же бог землю его богатством и славою, и удолжи бог лѣта ему.

Наделил же бог землю его богатством и славою, и продлил бог лета его.

Нѣкогда же приидоша к нему послы от папы, из великого Рима, ркуще: «Папа наш тако глаголет: «Слышахом тя князя честна и славна, и земля твоя велика. Сего ради прислахом к тобѣ от двоюнадесят кординалу два хитрейшая – Галда да и Гѣмонта, да лослушаеши учения их о законѣ божии».

Некогда же пришли к нему послы от папы из великого Рима, говоря: «Папа наш так сказал: «Слышал я, что ты князь достойный и славный и что земля твоя велика. Того ради прислал я к тебе от двенадцати кардиналов двух умнейших – Галда и Гемонта, чтобы ты послушал учение их о законе божьем».

Князь же Олександр, здумав с мудреци своими, въсписа к нему и рече: «От Адама до потопа, от потопа до разделения язык, от разѣмѣшениа язык до начяла Авраамля, от Авраама до проитиа Иисраиля сквозе Чермное море, от исхода сынов Иисраилев до умертвия Давыда царя, от начала царствия Соломона до Августа царя, от начала Августа и до Христова рожества, от рожества Христова до страсти и воскресения господня, от въскресения же его и до възшествия на небеса, от възшествия на небеса до царства Константинова, от начала царства Костян-тинова до перваго собора, от перваго собора до седмаго – сии вся добрѣ съвѣдаем, а от вас учения не приемлем». Они же възвратишася въсвоеси.

Князь же Александр, посоветовавшись со своими мудрецами, написал ему, так говоря: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до Авраама, от Авраама до прохода Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида царя, от начала царствования Соломона до Августа царя, от власти Августа и до Христова рождества, от рождества Христова до страдания и воскресения господня, от воскресения же его и до восшествия на небеса, от восшествия на небеса до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого – обо

всем этом хорошо знаем, а от вас учения не приемлем». Они же возвратились восвояси.

И умножишася дни живота его в велицѣ славѣ. Бѣ бо иерѣлюбонецъ и мьнихолубецъ и нищяя любя, митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки самого Христа.

И приумножились дни жизни его в великой славе, так как князь Александр любил иереев, и монахов, и нищих, митрополита же и епископов чтил и слушался их, как самого Христа.

Бѣ же тогда нужда велика от иноплеменник: и гоняхут христиан, веляще с собою воинствовати. Князь же великий Олександро поиде к цареви, дабы отмолити людии от бѣды тоя.

Было же тогда большое насилие от иноплеменников: сгоняли христиан, приказывая им ходить в походы. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отмолить людей от той беды.

А сына своего Дмитрия посла на Западныя страны,⁴¹⁸ и вся полькы своя посла с нима, и ближних своих домочадецъ, рекши к ним: «Служите сынови моему, акы самому мнѣ, всѣм животом своим».

А сына своего Дмитрия послал на Западные страны, и все полки свои послал с ним, и ближних своих домочадцев, говоря им: «Служите сыну моему, как мне самому, всей жизнью своей!»

Поиде князь Дмитрий в силѣ велицѣ, и плени землю Нѣмецкую, и взя град Юрьев, и възвратися к Новугороду с многым полоном и с великою корыстию.

Пошел князь Дмитрий с большим войском и пленил землю немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился к Новгороду со множеством пленников и с большой добычею.

Отец же его князь великий Александр изыде от иноплеменник и доиде Новагорода Нижняго и ту пребыв мало здрав, и, дошед Городца, разболѣся.

Отец же его, великий князь Александр, возвращаясь от иноплеменников, остановился в Нижнем Новгороде, и здесь был недолго здоров, а дойдя до Городца – разболелся.

О, горѣ тебе, бѣдный человече! Како можеша написати кончину господина своего! Как не упадетя ти зѣници вкупѣ с слезами! Како же не урвется сердце твое от корения! Отца бо оставити человек может, а добра господина не мощно оставити: аще бы лѣзѣ, и в гроб бы лѣзл с ним!

О, горе тебе, бедный человек! Как сможеша описать ты кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как же не разорвется сердце твое от плача! Отца человек может покинуть, а

доброто господина невозможно покинуть, если бы мог, и в гроб бы лег с ним!

Пострада же богови крѣпко, оставив же земное царство и бысть мних: бѣ бо желание его паче мѣры аггельскаго образа. Сподоби же его бог и болший чин приати – скиму. И так богови дух свой предасть, с миром скончася месяца ноября в 14 день, на память святого апостола Филиппа.

Великий же князь Александр, ревнуя господу крепко, оставил земное царство и стал монахом, ибо было его самым большим желанием принять ангельский образ. Сподобил же его бог и высший чин принять – схиму. И так господу дух свой предав, с миром скончался месяца ноября в 14 день, в день памяти святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирил глаголаше: «Чада моя, разумѣйте, яко уже зайде солнце земли Сужьдольской! Уже бо не обрящется таковый князь ни един в земли Суждальстей!» Иерѣи и диаconi, черноризцы, нищии и богатии, и вси людие глаголааху: «Уже погыбаемь!»

Митрополит же Кирилл говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской! Уже не найдется ни один подобный ему князь в земле Суздальской!» Иереи и дьяконы, черноризцы, нищие и богатые, и все люди говорили: «Уже погибает!»

Святое же тѣло его понесоша к граду Володимерю. Митрополит же с чином церковным, вкупѣ князи и бояре, и весь народ, малии и велиции, срѣтоша ѿ в Боголюбивѣм с свѣщами и с кандилы. Народи же съгнатахутся, хотяще прикоснутися честнѣм одрѣ святого тѣла его. Бысть же вопль и кричание, и туга тяжка, якова же нѣсть бывала тако, яко и земли потрястися.

Святое же тело его понесли к граду Владимиру. Митрополит же с чином церковным, вместе с князьями и боярами, и весь народ от мала до велика встретили тело в Боголюбове со свечами и кадилами. Народ же толпился, желая прикоснуться к честному одру, на котором лежало его святое тело. Был же крик, и плач, и стон такой, какого еще никогда не бывало – так что земля содрогнулась.

Положено же бысть тѣло его в Рожестве святѣя богородица, в архимандритѣ велицѣй,⁴¹⁹ месяца ноября в 23 день, на память святого отца Амфилохия.

Положено же было тело его в церкви Рождества святой богородицы, в архимандритѣ великой, месяца ноября в 23 день, в день памяти святого отца Амфилохия.

Бысть же тогда чудо дивно и памяти достойно. Егда убо положено бысть святое тѣло его в раку, тогда Савастиян иконом и Кирил митрополит

хотеста розъяти ему руку, да вложита ему грамоту душевную. Он же сам, акы жив суци, распростер руку свою и взят грамоту от руки митрополита. И прият же я ужась, и едва отступиша от раку его.

Было же тогда чудо дивное, достойное памяти. Когда положено было святое тело его в гроб, Севастьян эконоом и Кирилл митрополит хотели разжати ему руку, чтобы вложить в нее духовную грамоту. Он же сам, как живой, протянул руку и взял грамоту из рук митрополита. И объял их ужас, и едва отступили от гробницы его.

Се же бысть слышано всѣм от господина митрополита и от иконома его Савастияна.⁴²⁰

Об этом все услышали от господина митрополита и от эконома его Севастьяна.

Кто не удивится о сем, яко тѣлу бездушну суцю и везому от далних град в зимное время! И тако прослави бог угодника своего. Богу же нашему слава, прославленому святая своя в веки веком. Аминь.

Кто ли не удивится тому, если был он мертв и тело было привезено издалека в зимнее время! И так прославил бог угодника своего. Богу же нашему слава, прославившему святых своих во веки веков. Аминь.

Повесть о разорении Рязани Батыем

Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева

В лѣто 6745. В фторое на десят лѣто по принесении чудотворнаго образа ис Корсуня⁴²¹ прииде безбожный царь Батый на Русскую землю со множество вой татарскими, и ста на рѣце на Воронеже⁴²² близ Резанския земли. И присла на Резань⁴²³ к великому князю Юрью Ингоревичю Резанскому⁴²⁴ послы бездѣльны, просяща десятины въ всем: во князех и во всяких людех, и во всем. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский приход безбожнаго царя Батыа, и воскорее посла в град Владимир к благоверному к великому князю Георгию Всеволодовичю Владимирскому,⁴²⁵ прося помощи у него на безбожнаго царя Батыа, или бы сам пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирской сам не пошел и на помощь не послал, хотя о собе сам сотворити брань з Батыем. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский, что нѣсть ему помощи от великаго князя Георгия Всеволодовича Владимирскаго, и вскоре посла по братью свою по князя Давида Ингоревича Муромского, и по князя Глѣба Ингоревича Коломенского,⁴²⁶ и по князя Олга Краснаго,⁴²⁷ и по Всевалада Проньского,⁴²⁸ и по прочии князи. И начаша совещевати, яко нечистиваго подобает утоляти дары. И посла сына своего князя Федора Юрьевича Резанскаго⁴²⁹ к безбожному царю Батыю з дары и молении великиими, чтобы не воевал Резанския земли. Князь Федор Юрьевич прииде на реку на Воронеже к царю Батыю, и принесе ему дары и моли царя, чтобы не воевал Резанския земли. Безбожный царь Батый, лстив бо и немилосерд, приа дары, охапися лестию не воевати Резанския земли. И яряся-хваляся воевати Русскую землю. И нача просити у рязаньских князей тщери или сестры собѣ на ложе. И нѣкий от велмож резанских завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича Резанскаго, яко имѣет у собе княгиню от царьска рода, и лѣпотою-тѣлом красна бѣ зело. Царь Батый лукав есть и немилостив в невѣрии своем, пореваем в похоти плоти своя, и рече князю Федору Юрьевичю: «Дай мнѣ, княже, вѣдети жены твоей красоту». Благовѣрный князь Федор Юрьевич Резанской и посмѣяся, и рече царю: «Не полезно бо есть нам християном тобѣ нечестивому царю водити жены своя на блуд. Аще нас приодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши». Безбожный царь Батый возяряся и огорчися, и повелѣ вскорѣ убити благовѣрнаго князя Федора Юрьевича, а тѣло его повелѣ поврещи зверем и птицам на разтерзание; и инех князей, нарочитых людей воиньских побиль.

В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа из Корсуня пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, во всяких людях и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингваревичем Муромским, и за князем Глебом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать – как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю, но только похвалялся и грозился повоевать всю Русскую землю. И стал у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе просить. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что имеет князь Федор Юрьевич Рязанский княгиню из царского рода и что всех прекраснее она телом своим. Царь Батый лукав был и немилостив, в неверии своем распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый оскорбился и разъярился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

И единь от пѣстун князя Федора Юрьевича укрыся именем Апоница, зря на блаженое тѣло честнаго своего господина горько плачущися, и видя

его никим брегома, и взя возлюбленаго своего государя, и тайно сохрани его. И ускори к благовѣрной княгине Еупраксѣе, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый убий благовѣрнаго князя Федора Юрьевича.

И один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, укрылся и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина. И увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная княгиня Еупраксѣа стоаше в превысоком храме своемъ и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича, и услыша таковыа смертноносныя глаголы, и горести исполнены, и абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваном на средю земли, и заразися до смерти. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич убиение возлюбленаго сына своего блаженаго князя Федора, инѣх князей, нарочитых людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакаться, и с великою княгинею,⁴³⁰ и со прочими княгинями, и з братею. И плакашеса весь град на многъ час. И едва отдохнув от великаго того плача и рыдания, и начаша совокупляти воинство свое, и учредиша. Князь великий Юри Ингоревич, видя братию свою и боляръ своих и воеводе храбрыи мужественны ѣздяше, и воздѣ руцѣ на небо со слезами и рече: «Изми нас от враг наших, боже. И от востающих нань избави нас, и покрый нас от сонма лукавнующих, и от множества творящих безаконие. Буди путь их тма и ползок». И рече братии своей: «О господня и братиа моа, аще от руки господня благая прияхом, то злая ли не потерпим! Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за свята божиа церкви, и за вѣру христьянскую, и за очину отца нашего великаго князя Ингоря Святославича».⁴³¹ И поидоша в церковь пресвятыя владычицы богородици честнаго ея Успения. И плакася много пред образом пречистыа богородици и великому чудотворцу Николе и сродником своим Борису и Глѣбу.⁴³² И дав последнее целование великой княгини Агрепѣне Ростиславне, и прием благословение от епископа и от всего священнаго собора. И поидоша против нечестиваго царя Батыя, и стретоша его близ придел резанских. И нападоша нань, и начата битися крепко и мужественно, и бысть сѣча зла и ужасна. Мнози бо силнии полки падоша Батыеви. Царь Батый, и видяше, что господство резанское крѣпко и мужественно бьяшеса, и возбояся. Да противу гнѣву божию хто постоит! А Батыеве бо и силе велице и тяжце, един бьяшеса с тысящей, а два со тмою. Видя князь великий убиение брата

своего князя Давида Ингореви́ча, и воскри́чала: «О брати́е моя́ милая! князь Дави́дъ, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем!» И пресе́доша с коня на кони, и начата битися прилѣжно. Многя сильныя полны Батыевы прое́ждя, храбро и мужественно бѣяшеся, яко всѣм полком татарскимъ подивитися крѣпости и мужеству резанскому господству. И едва одолѣша их сильныя полки татарскыя. Ту убиен бысть благовѣрный князь великии Георгий Ингореви́ч, брат его князь Давид Ингореви́ч Муромской, брат его князь Глѣбъ Ингореви́ч Коломенской, брат их Всеволод Проньской, и многая князи мѣсныя и воеводы крѣпкыя, и воинство: удалцы и резвцы резанскыя. Все равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возвратися вспять: все вкупе мертвыи лежаша. Сиа бо наведе бог грех ради наших.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое – князя Ивана Федоровича, и как услышала она смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингваревич об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, князя Федора, и многих князей, и лучших людей и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, стал собирать воинство свое и расставлять полки. И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и бестрепетно скачущих, воздел руки к небу и сказал со слезами: «Избавь нас, боже, от врагов наших, и от поднимающихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок». И сказал братии своей: «О государи мои и братия! Если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли? Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганных быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святыя божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича». И пошел в церковь Успения пресвятой владычицы богородицы, и плакал много перед образом пречистой, и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошел против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских, и напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных

полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и непреоборимы; один рязанец бился с тысячей, а два – с десятью тысячами. И увидел князь великий убиение брата своего, князя Давыда Ингваревича, и воскликнул в горести души своей: «О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем!» И пересели с коня на конь и начали биться упорно; через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно биясь, так что всем полкам татарским подивиться крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Убит был благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие князья местные и воеводы крепкие и воинство: удальцы и резвцы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Сие все навел бог грех ради наших.

А князя Олга Ингваревича яша еле жива суца. Царь же, видя свои полны мнозии падоша, и нача велми скръбѣти и ужасатися, видя своя силы татарския множество побьеных. И начаша воевати Рязанскую землю, и веля бити, и сѣчи, и жещи без милости. И град Прънескъ,⁴³³ и град Бѣл,⁴³⁴ и Ижеславец⁴³⁵ розари до основания, и все люди побита без милости. И течаше кровь христьянекая, яко река сильная, грѣх ради наших.

А князя Олега Ингваревича захватили еле живого. Царь же, увидев многие свои полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск, и град Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христьянская, как река сильная, грех ради наших.

Царь Батый и видя князя Олга Ингваревича велми красна и храбра, и изнемогаючи от великих ран, и хотя его изврачевати от великих ран и на свою прелесть возвратити. Князь Олег Ингваревич укори царя Батыа, и нарек его безбожна, и врага христьянска. Окаяный Батый и дохну огнем от мерскаго сердца своего, и въекоре повелѣ Олга ножи на части роздробити. Сий бо есть вторый страстоположник Стефан,⁴³⁶ приа венець своего страдания от всемилостиваго бога, и испи чашу смертную своєю братею ровно.

И увидел царь Батый Олега Ингваревича, столь красивого и храброго,

изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тех ран и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан, принял венец страдания от всемилостивого бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

Царь Баты окаянный нача воевати Резанскую землю, и поидоша ко граду к Резани. И обступиша град, и начата битися неотступно пять дней. Батыево бо войско пременишася, а граждане непременно бьшася. И многих граждан побита, а инѣх уазвиша, а инии от великих трудов изнемогша. А въ шестый день рано приидоша погании ко граду, овии с огни, а инии с пороки, а инѣи со тмочисленьтми лѣствицами, и взяша град Резань месяца декабря 21 день. И приидоша в церковь собрѣную пресвятыя Богородици, и великую княгиню Агрѣпѣну мать великаго князя, и с снохами и с прочими княгинями мечи исекоша, а епископа и свящеиическый чин огню предаша, во святѣй церкви пожегоша, а инѣи мнози от оружия падоша. А во граде многих людей, и жены, и дѣти мечи исекоша. И иных в рѣцѣ потопиша, и ерѣи черноризца до останка исекоша, и весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродник их киевское и черьниговское⁴³⁷ поимаша. А храмы божиа разориша, и во святых олтарех много крови пролиаша. И не оста во граде ни единъ живых: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Нѣсть бо ту ни стонюща, ни плачюща – и ни отцу и матери о чадах, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертви лежаща. И сиа вся наиде грех ради наших.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов и ран изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город – одни с огнями, другие со стенобитными орудиями, а третьи с бесчисленными лестницами – и взяли град Рязань месяца декабря в 21 день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великаго князя, со снохами и прочими княгинями посекали мечами, а епископа и священников огню предали – во святой церкви пожгли, а иные многие от оружия пали. И во граде многих людей, и жен, и детей мечами посекали, а других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекали, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и

сродников рязанских князей – князей киевских и черниговских – захватили. А храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось во граде ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего – ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

Безбожный царь Батый и видя велие пролитие крови христианския, и возярия зело, и огорчися, и поиде на град Суздаль и Владимирь,⁴³⁸ и желая Рускую землю поплентити, и вѣру христианскую искоренити, и церкви божии и до основания разорити.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на Суздаль и на Владимир, собираясь Рускую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви божии до основания разорить.

И тѣкий от велмож рязанских именем Еупатий Коловрат⁴³⁹ в то время был в Чернигове со князем Ингварем Ингваревичем,⁴⁴⁰ и услыша приход зловѣрнаго царя Батыя, и иде из Чернигова с малою дружиною, и гнаша скоро. И приѣха в землю Резаньскую, и видѣ ея опустѣвшую, грады разорены, церкви пожены, люди побѣены. И пригна во град Резань и видѣ град разоренъ, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побѣены и посѣчены, а ины позжены, ины в рецѣ истоплены. Еупатий воскрича в горести душа своя и распалаяся в сердцы своем. И собра мало дружины: тысящу семсотъ человек, которых бог соблюде Быша внѣ града. И погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздалстей, и внезапно нападоша на станы Батыевы. И начата сѣчи без милости, и сметоша яко всѣ полкы татарскыя. Татарове же стаха, яко пьяны, или неистовы. Еупатию тако их бѣяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля татарскыя мечи и сѣчаша их. Татарове мняша, яко мертви востаха. Еупатий силныя полкы татарскыя проеждя, бѣяше их нещадно. И ездя по полком татарским храбро и мужественно, яко и самому царю возбоятися.

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался во град Рязань и увидел город разорен, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распалаяся в

сердце своем. И собрал небольшую дружину – тысячу семьсот человек, которых бог соблюл вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устранился.

И едва поимаша от полку Еупатиева пять человекъ воиньских, изнемогших от великих ран. И приведоша их къ царю Батыю. Царь Батый нача вопрошати: «Коеа вѣры еста вы, и коеа земля, и что мнѣ много зла творите?» Они же рѣша: «Вѣры хрис-тианскыя есве, раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Еупатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя силна царя почтити и честна проводить, и честь тобѣ воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу – рать татарскую». Царь же подивися ответу их мудрому. И посла шурича своего Хостоврула⁴⁴¹ на Елупатиа, а с ним силныя полкы татарскыя. Хостовруль же похвалися пред царем, хотя Еупатиа жива пред царя привести. И ступишася силныя полкы татарскыя, хотя Еупатиа жива яти. Хостовруль же съехася съ Еупатием. Еупатей же исполин силою и разсѣче Хостоврула на полы до седла. И начаша сѣчи силу татарскую, и многих тут нарочитых багатырей Батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше. Татарове возбожася, видя Еупатиа крѣпка исполина. И навадиша на него множество пороков, и нача бити по нем ис тмочисленых пороков, и едва убиша его. И принесоша тѣло его пред царя Батыа. Царь Батый посла по мурзы, и по князи, я по санчакбѣи,⁴⁴² и начаша дивитися храбрости, и крепости, и мужеству резанскому господству. Они же рекоша царю: «Мы со многими цари, во многих землях, на многихъ бранех бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, ни отци наши возвестиша нам. Сии бо люди крылатыи, и не имеюще смерти: тако крѣпка и мужественно ездя, бьяшеся един с тысящею, а два со тмою. Ни един от них может съехати жив с побоища». Царь Батый и зря на тело Еупатиево, и рече: «О Коловрате Еупатие! гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною, да многих богатырей сильной орды побил еси, и многие полкы падоша. Аще бы у меня такой служиль, – держал бых его против сердца своего». И даша тѣло Еупатиево его дружинѣ останочной, которые поиманы на побоище. И веля их царь Батый отпустить, ни чем вредити.

И едва поймали татары из полка Евпатьяева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батью, а царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, рабы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу-рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпагием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на-полы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам отсекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество орудий для метания камней, и стали бить по нему из бесчисленных камнеметов, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батью. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями, – и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали царю приближенные: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно на конях бьются – один с тысячею, а два – с десятью тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал Батый, глядя на тело Евпатьяево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, – держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватили на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингоревич в то время был в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского⁴⁴³ богъм соблюден от злаго того отметника врага христьянскаго. И прииде из Чернигова в землю Резанскую во свою отчину, и видя ея пусту, и услыша, что братья его всѣ побиены от нечестиваго законопреступника царя Батыа, и прииде во град Резань и видя град разорен, а мать свою, и снохи своа, и сродник своих, и множество много мертвых лежаща, и град разорень, церкви позжены и

все узорочье в казне черниговской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грѣх ради наших, и жалостно возкричаша, яко труба рати гласподавающе, яко сладкий арган вещающи. И от великаго кричания, и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертвь. И едва отльеяша его и носяша по вѣтру. И едва отдохну душа его в нем.

Князь Ингварь Ингваревич был в то время в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского, сохранен богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым, законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разорен, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингваревич великую последнюю погибель за грехи наши и жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как орган звучащий. И от великаго того кричания и вопля страшнаго пал на землю, как мертвый. И едва отлили его и отходили на ветру. И с трудом ожила душа его в нем.

Кто бо не заплачетца толика погибели, или хто не возрыдает о селице народе людей православных, или хто не пожалит толико побито великих государей, или хто не постонет таковаго пленения.

Кто не восплачется о такой погибели? Кто не возрыдает о стольких людях народа православного? Кто не пожалеет стольких убитых государей? Кто не застонет от таково пленения?

Князь Ингварь Ингоревич, разбирая трупиа мертвых, и наиде тѣло матери своей великия княгини Агрепены Ростиславны, и позна снохи своя, и призва попы из веси, которых бог соблюде, и погребе мать свою, и снохи своа плачем великим во псалмов и пѣсней мѣсто: кричаше велми и рыдаше. И похраняше прочна трупиа мертвых, и очисти град, и освяти. И собираше мало людей, и даша им мало утешения. И плачаша безпрестано, поминая мать свою и братию свою, и род свой, и все узорочье резанское – вскоре погibe. Сиа бо вся наиде грѣх ради наших. Сий бо град Резань и земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видѣти – токмо дым и пепел, а церкви всѣ погорѣша, а великая церковь внутрь погоре и почернѣша. Не един бо сий град пленень бысть, но и инии мнози. Не бѣ бо во граде пѣниа, ни звона, в радости мѣсто всегда плач творяще.

И разбирал трупы князь Ингварь Ингваревич, и нашел тело матери своей великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал снох своих, и

призвал попов из сел, которых бог сохранил, и похоронил мать свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных. И сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, почистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и утешил их. И плакал беспрестанно, поминая мать свою, и братию свою, и род свой, и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по грехам нашим. Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее – только дым, земля и пепел. А церкви все погорели, и великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот град пленен был, но и иные многие. Не стало во граде ни пения, ни звона; вместо радости – плач непрерывный.

Князь Ингварь Ингоревич поиде и гдѣ побьени Быша братья его от нечестиваго царя Батыя: великий князь Юрьи Ингоревич Резанской, брат его князь Давид Ингоревич, брат его Всеволод Ингоревичъ и многиа князи мѣсныя, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалцы и резвцы, узорочие резанское. Лежаша на земли пуге, на травѣ ковыле, снѣгом и ледом померзоша, ни ким брегома. От зверей телеса их снѣдаема, и от множества птиц разѣстерзаемо. Всѣ бо лежаша, купно умроша, едину чашу пища смертнугу. И видя князь Ингварь Ингоревич велия трупиа мертвых лежаша, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перьси свои рукама бичуеще, и ударяшеся о земля. Слезы же его от очию, яко потокъ, течаше и жалосно вещающии: «О милая моа братья и господие! како успе животе мои драгии! Меня одинаго оставшла в толице погибели. Про что аз преже вас не умрох? И камо заидесте очию моею, и где отошли есте сокровища живота моего? Про что не промолвите ко мнѣ, брату вашему, цвѣты прекрасныи, винограде мои несозрѣлыи? Уже не подасте сладости души моей! Чему, господине, не зрите ко мнѣ – брату вашему, не промолвите со мною? Уже ли забыли есте мене брата своего, от одинаго отца роженаго, и единые утробы честнаго плода матери нашей – великие княгини Агрепѣны Ростиславне, и единым сосцом воздоеных многоплоднаго винограда? И кому приказали есте меня – брата своего? Солнце мое драгое, рано заходящее, месяци красныи, скоро изгибли есте, звѣзды восточныи, почто рано зашли есте! Лежите на земли пуге, ни ким брегома, чести – славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша. Гдѣ господство ваше? Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пуге, зрак лица вашего изменися во истлѣнии. О милая моя братиа и дружина ласкова, уже не повеселюся с вами! Свѣте мои драгии, чему помрачилися есте? Не много нарадовахся с вами! Аще услышит богъ

молитву вашу, то помолитесь о мнѣ, о брате вашем, да вкупе умру с вами. Уже бо за веселие плач и слезы придоша ми, а за утѣху и радость сетование и скръбь яви ми ся! Почто аз не преже вас умрох, да бых не видѣл смерти вашей, а своей погибели. Не слышите ли бѣдных моих словес жалостно вещающа? О земля, о земля, о дубравы, поплачите со мною! Како нареку день той, или како воспишу его – в он же погипе толико господарей и многие узорочье резанское храбрых удалцев. Ни един от нихъ возвратися вспять, но вси рано умроша, едину чашу смертную пиша. Се бо в горести души моя язык мой связается, уста загражаются, зрак опусмеваает, крѣпость изнемогает».

И пошел князь Ингварь Ингваревич туда, где побиты были от нечестивого царя Батыя братия его: великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингваревич, брат его Всеволод Ингваревич, и многие князья местные, и бояре, и воеводы; и все воинство, и удалцы, и резвцы, узорочье рязанское. Лежали они все на земле пuste, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувutie, никем не блюдомые. Звери тела их поели, и множество птиц их потерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингваревич великое множество тел лежащих, и воскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками и падал на землю. Слезы его из очей как поток текли, и говорил он жалостно: «О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные, и меня одного оставили в такой погибели? Почему не умер я раньше вас? И как закатились вы из очей моих? И куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои незрелые? Уже не подарите сладость душе моей! Почему не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною? Ужели забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей – великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единою грудью многоплодного сада вскормленного? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее! Месяц мой красный! Скоро погибли вы, звезды восточные; зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые; чести-славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где власть ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселюся с вами! Светочи мои ясные, зачем потускнели вы? Не много порадовался с вами! Если услышит бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я вместе с вами.

Уже ведь за веселием плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей погибели? Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! О дубравы! Поплачьте со мною! Как назову день тот и как опишу его, в который погибло столько государей и многое узорочье рязанское – удальцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все рано умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает».

Бысть убо тогда многи туги и скорби, и слез, и воздыхание, и страха, и трепета от всѣх злых, находящих на ны. Великий князь Ингварь Ингоревич воздѣ руцѣ на небо со слезами возва, глаголаша: «Господи, боже мой, на тя уповах, спаси мя, и от всѣх гонящих избави мя. Пречиста владычице богородице Христа бога нашего, не остави мене во время печали моея. Великие страстотерпыи сродники наши Борис и Глѣбъ, буди мнѣ помощники, грешному, во бранех. О братие моа и господие, помогайте мнѣ во святых своих молитвах на супостаты наши – на агаряне⁴⁴⁴ и внуци измаительска рода».

Было тогда много тоски, и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех тех злых, которые напали на нас. И воздел руки к небу великий князь Ингварь Ингоревич и воззвал со слезами: «Господи боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонящих избавь меня. Пречистая мать Христа, бога нашего, не оставь меня в печали моей. Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах. О братия мои и воинство, помогайте мне во святых ваших молитвах на врагов наших – на агарян и род Измаила».

Князь Ингварь Ингоревич начаша разбирати трупие мертвых, и взя тѣло братьи своей, и великаго князя Георгия Игоревича, и князя Давида Ингоревича Муромского, и князя Глѣба Ингоревича Коломенского, и инех князей мѣсных – своих сродниковъ, и многих боярь, и воевод, и ближних знаемых, принесе их во град Резань, и похраняше их честно, а инех тут на мѣсте на пуге собираше и надгробное пѣша. И похраняше князь Ингварь Ингоревич, и поиде ко граду Пронску, и собра раздроблены уды брата своего благовѣрнаго и христоролюбиваго князя Олга Ингоревича и несоша его во град Резань, а честную его главу сам князь велики Ингвар Ингоревичи до града понеси, и дедова ю любезно, положиша его с великим князем Юрьем Игоревичем во единой раце. А братью свою князя Давида Ингоревича, да князя Глѣба Ингоревича положиша у него близ гроба их во единой рацѣ. Поиде же князь Ингвар Ингоревичъ на реку на

Воронеж, иде убьен бысть князь Федор Юрьевич Резанской, и взя честное тѣло его, и плакася над ним на долгъ час. И принесе во область его к великому чудотворцу Николе Корсунскому, и его благовѣрную княгиню Еупраксѣю, и сына их князя Ивана Федоровича Посника во едином мѣстѣ. И поставиша над ними кресты камены. И от сея вины да зовется великий чудотворецъ Николае Заразский, яко благовѣрная княгиня Еупраксѣа и с сыном своим князем Иваном сама себе зарази.

И стал разбирать князь Ингварь Ингваревич тела мертвых, и взял тела братьев своих – великого князя Юрия Ингваревича, и князя Давыда Ингваревича Муромского, и князя Глеба Ингваревича Коломенского, и других князей местных – своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, пошел князь Ингварь Ингваревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христоролюбивого князя Олега Ингваревича, и повелел нести их во град Рязань. А честную главу его сам князь великий Ингварь Ингваревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингваревичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингваревича да князя Глеба Ингваревича, положил в одном гробу близ могилы их. Потом пошел князь Ингварь Ингваревич на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского. И похоронил его вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте «заразила» (разбила).

Сии бо государи рода Владимира Святославича – сродника Борису и Глебу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговьского.⁴⁴⁵ Бяше родом христоролюбивый, братолюбивый, лицом красны, очима светлы, взором грозны, паче мѣры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим привѣтливый, к церквам прилѣжны, на пированье тщывы, до осподарьских потех охочи, ратному дѣлу велми искусны, к братье своей и ко их посол ником величавы. Мужествен умъ имѣяше, в правде-истине пребывае, чистоту душевную и телесную без порока соблюдае. Святаго корени отрасли, и богом насажденаго сада цвѣты прекрасныи. Воспитани быша въ благочестии со всяцем наказании духовнем. От самых

пелень бога возлюбили. О церквах божиих велми печашеся, пустотных бесѣд не творяще, срамных человек отвращашеся, а со благыми всегда бѣсѣдоваша, божественных писаниих всегода во умилении послушаше. Ратным во бранех страшена ивляшеся, многия враги, востающи на них, побеждаша, и во всех странах славна имя имяша. Ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у нихъ многи взимаша. А по браце целомудрено живяста, смотряющи своего спасения. В чистой совести, и крѣпости, и разума предержа земное царство и к небесному приближался. Плоти угодие не творяще, соблюдающи тѣло свое по браце греху непричасна. Государьский сан держа, а посту и молитве прилежаста; и кресты на рамѣ своем носяща. И честь и славу от всего мира приимаста, а святыя дни святаго поста честно храняста, а по вся святыя посты причащаста святых пречистых бесмертных таин. И многи труды и побѣды по правой вѣре показаста. А с погаными половцы часто бѣяшася за святыя церкви, и православную вѣру. А отчину свою от супостат велми безлѣности храняща. А милостину неоскудно даяше, и ласкою своею многих от невѣрных царей, детей их и братью к собѣ приимаста, и на вѣру истинную обращаста.⁴⁴⁶

Те государи из рода Владимира Святославича – отца Бориса и Глеба, внуки великого князя Святослава Ольговича Черниговского. Были они родом христороубивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на пирование скоры, до государских потех охочи, ратному делу искусны, и перед братией своей и перед их послами величавы. Мужественный ум имели, в правде-истине пребывали, чистоту душевную и телесную без порока соблюдали. Отрасль они святого корени и богом насажденного сада цветы прекрасные! Воспитаны были в благочестии и во всяческом наставлении духовном. От самых пленок бога возлюбили. О церквах божиих усердно пеклись, пустых бесед не творили, злонравных людей отвращались, и с добрыми только беседовали, и божественные писания всегда с умилением слушали. Врагам в сражениях страшными являлись, многих супостатов, поднимавшихся на них, побеждали и во всех странах имена свои прославили. К греческим царям великую любовь имели и дары от них многие принимали. А в браке целомудренно жили, помышляя о своем спасении. С чистой совестью, и крепостью, и разумом держали свое земное царство, и к небесному приближаясь. Плоти своей не угождали, соблюдая тело свое после брака непричастным греху. Государев сан держали, а к постам и молитвам были прилежны и кресты на груди своей

носили. И честь и славу от всего мира принимали, а святые дни святого поста честно хранили и во все святые посты причащались святых пречистых и бессмертных тайн. И многие труды и победы по правой вере показали. А с погаными половцами часто бились за святые церкви и православную веру. А отчину свою от врагов безленостно оберегали. И милостыню неоскудную давали и ласкою своею многих из неверных царей, детей их и братьев к себе привлекали и к вере истинной обращали.

Благовѣрный во святом крещении Козма сяде на столе отца своего великаго князя Ингоря Святославича. И обнови землю Резаньскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришелцы утѣши, и люди собра. И бысть радость християном, их же избави богъ рукою своею крѣпкою от безбожнаго зловѣрнаго царя Батыя. А Кир Михайло Всеволодовича Пронского⁴⁴⁷ посади на отца его отчине.

Благоверный князь Ингварь Ингваревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великаго князя Ингваря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость християнам, которых избавил богъ рукою своею крепкою от безбожнаго и зловернаго царя Батыя. А господина Михаила Всеволодовича Пронского посадил на отца его отчине.

Сказание об Индийском царстве

Подготовка текста, перевод и примечания Г. М. Прохорова

Аз есмь Иоанн царь и поп, над цари царь, имѣю под собою 3000 цареи и 300. Аз есмь поборник по православной вѣрѣ Христовѣ. Царство мое таково: итти на едину страну 10 месяцъ, а на другую немощно доитти, занеже тамо соткнуся небо з землю. Есть у мене в единой странѣ люди нѣмы, а в ыной земли люди рогаты, а в ыной странѣ люди трепяцдци, а иныя люди 9-ти сажен, иже суть волотове, а иныя люди четвероручны, а иныя люди о шести рук, а иныя у мене земля, в ней же люди пол пса да пол человека, а иныя у мене люди в персах очи и рог, а во иной земли у мене люди верху рты великы, а иныя у мене люди скотьи ноги имѣюще. Есть у мене люди пол птицы, а пол человека, а иныя у мене люди глава песья; а родятся у мене во царствии моем звѣрие у мене: слоновы, дремедары, и коркодилы и велбуди керно. Коркодил звѣрь лютъ есть, на что ся разгнѣваетъ, а помочится на древо или на ино что, в тои час ся огнем сгорить. Есть в моей земли пѣтухи, на них же люди яздять. Есть у меня птица ногои, вѣет себѣ гнездо на 15 дубов. Есть в моем царствии птица финикс, свиваетъ себѣ гнѣздо на новъ месяцъ и приносить от огня небеснаго и сама зажигаетъ гнѣздо свое, а сама ту тоже сгараеть; и в том же пепелѣ заражается червь, и опернатѣеть, и потом та же птица бываетъ едина, болѣ того плода нѣтъ тои птицы, 500 бо лѣтъ живетъ. А посреди моего царства идетъ рѣка Едем из рая, в той рѣцѣ емлють драгии камень акинѣ и самфир, и памфир, и измарагд, сардик и аспид, тверд же и аки уголь горящъ. Есть камень кармакаул, тои же камень господин всем камением драгим, в ноци же свѣтитъ, аки огонь горить. Есть у мене земля, в ней же трава, ея же всяк звѣрь бѣгаетъ, а нѣтъ в моеи земли ни татя, ни разбоиника, ни завидлива человека, занеже моя земля полна всякого богатства. А нѣтъ в моеи земли ни ужа, ни жабы, ни змеи, а хотя и воидеть, ту и умреть. Есть у мене земля, в ней же ражается перецъ, вси люди по то ходять. Опроче всѣхъ есть у нас море пѣсочное езеро, да николи же не стоить на едином мѣстѣ; отколѣ ветер потянетъ, ино поидеть вал, и восходятъ те валы на брег за 300 верст. Того же моря не преходить никаков человек, ни кораблем, ни которым промыслом. И за тѣм морем не вѣдает никаков человек, есть ли тамо люди, нѣтъ ли, и с того моря в нашу землю текут реки многи, в них же рыбы сладкы, и посторонь того моря за 3 дни суть горы высокы, от них же течеть рѣка каменна, валится камение великое и малое по себѣ 3 дни. Идет же то камение в нашу землю в то море пѣсочное, и покрывають

валове моря того и́. Близ тоя рѣкы едино днище есть горы пусты высокы, их же верха человеку не мощно дозрѣти, и с тѣх гор течеть река под землю не велика; но во едино время разступается земля над рѣкою тою, и кто узрѣв да борзо воскочить в рѣку ту, того ради да бы ся о нем земля не сосупи, а что похватить и вынесет борзо, оже камень, тои драгии камень видится, а яже пѣсок похватить, то великы женчюг возмется. Та же рѣка течеть в великую рѣку, люди же тоя земли ходять на устье рѣкы, а емлють драгии камень четьи и женчюг, а кормять свои дѣти сырыми рыбами, и понируют в рѣку ту инья на 3 месяца, а инья на 4-ре месяца, ищутъ камения драгаго. За тою рѣкою едино днище есть горы высокы и толсты, не лзѣ на них человеку зрѣти. И с тѣх гор пылаеть огонь по многим местом, и в том огни живут черви, а безо огня не могут жити, аки рыбы без воды, и тѣ черви точать ис себе нити аки шиду, и в тѣх нитех наши жены дѣлають нам порты, и тѣ порты коли ся изрудять, водою их не мьют, вергутъ их в огонь, и како разгорятъ, ини чисти будутъ. Есть у мене во иной странѣ звезда именем Лувияарь.

Я – Иоанн, царь и поп, над царями царь. Под моей властью 3300 царей. Я поборник по православной вере Христовой. Царство же мое таково: в одну сторону нужно идти 10 месяцев, а до другой дойти невозможно, потому что там небо с землею встречается. И живут у меня в одной области немые люди, а в другой – люди рогатые, а в иной земле – трехногие люди, а другие люди – девяти сажен, это великаны, а иные люди с четырьмя руками, а иные – с шестью. И есть у меня земля, где у людей половина тела песья, а половина человечья. А у других моих людей очи и рот в груди. В иной же моей земле у людей сверху большие рты, а другие мои люди имеют скотьи ноги. Есть у меня люди – половина птицы, половина человека, а у других людей головы собачьи. Родятся в моем царстве звери: слоны, дромадеры, крокодилы и двугорбые верблюды. Крокодил – лютый зверь: если он, разгневавшись на что-нибудь, помочится – на дерево или на что-либо иное, – тотчас же оно сгорает огнем. Есть в моей земле петухи, на которых люди ездят. Есть у меня птица ног, она вьет себе гнездо на 15 дубах. Есть в моем царстве птица феникс; в новолунье она свивает себе гнездо, приносит с неба огонь, сама сжигает свое гнездо и сама здесь тоже сгорает. А в этом пепле зарождается червь; потом он покрывается перьями и становится единственной птицей, другого плода у этой птицы нет. А живет она 500 лет. Посреди же моего царства течет из рая река Эдем. В той же реке добывают драгоценные камни: гиацинт, сапфир, памфир, изумруд, сардоникс и яшму, твердую и как уголь сверкающую. Есть камень кармакаул; этот камень – господин

всем драгоценным камням, ночью он светится, как огонь. Есть у меня земля, а в ней трава, которую всякий зверь избегает. И нет в моей стране ни вора, ни разбойника, ни завистливого человека, потому что земля моя полна всякого богатства. И нет в моей земле ни ужа, ни жабы, ни змеи, а если и появляются, сразу умирают. Есть у меня земля, где родится перец; за ним все люди ходят. Помимо же всего прочего есть у нас песчаное море. Оно никогда не стоит на одном месте: откуда подует ветер, оттуда идет вал; и находят те валы на берег за 300 верст. Этого моря не может перейти никакой человек – ни на корабле, ни иначе как. А есть ли за тем морем люди или нет – никто не знает. Из этого моря в нашу землю текут многие реки, в которых водится вкусная рыба. В стороне от этого моря, в трех днях пути, находятся высокие горы, с которых течет каменная река: большие и малые камни валятся сами по себе 3 дня. Идут же те камни в нашу землю, в то море песчаное, и покрывают их валы этого моря. Вблизи от той реки, на расстоянии одного дня пути, есть пустынные высокие горы, вершины которых невозможно человеку увидеть. И с тех гор течет под землю небольшая река. В определенное время земля расступается над этой рекой, и если кто, увидев это, быстро – так, чтобы земля над ним не сомкнулась, – прыгнет в ту реку, схватит что попало и сразу же вынесет, то камень оказывается драгоценным камнем, а песок – крупным жемчугом. Эта река течет в большую реку; люди той земли ходят на устье реки и собирают драгоценные камни и отборный жемчуг. А детей своих они кормят сырыми рыбами. В ту реку ныряют некоторые на три месяца, некоторые на четыре, ищут камни драгоценные. В одном дне пути за той рекой есть высокие и мощные горы, на которые человеку нельзя смотреть. В этих горах по многим местам пылает огонь, и в том огне живут черви, а без огня они не могут жить, как рыбы без воды. И те черви точат из себя нити, как шелк, а из тех нитей наши жены делают нам одежду. И когда та одежда загрязнится, водою ее не моют: бросают в огонь; и как только раскалится, вновь становится чистой. Есть у меня в иной стране звезда именем Лувиярь.

А егда пойдем на рать, кому хотим болшеи работѣ предати, идуть пред мною и несутъ ту 20 крестов и 20 стягов. Тѣ же кресты и стязи велици злати с драгими каменми и с великими женчюги здѣлани, в ноц же свѣтять аки в день. Тѣ же кресты и стязи идуть на 20-ти колесницах и 6-ти, а у который же колесница служатъ по 100 тысящѣ конник, а по 100 тысящѣ пѣшие рати опричь тех, который на нас брашно везуть. А коли пойдем к нарочиту мѣсту на бои, ини несутъ пред мною един крест древян, на нем же изображено господне распятие, того ради да быхом

поминали господню страсть и распятие. Сторонь того креста несут блюдо злато велико, на нем же едина земля; на землю зряще, поминает, яко от земля есми создани и паки в землю поити имамы. А се с другую страну блюдо несут другое злато, на нем же драгии камень и четеи женчюг, на н же зряще величается наше господство. Идутъ же пред мною 3 проповѣдници, возглашаютъ велиим гласом. Един вопиеть: «Се есть царь царем, господь господем», а другии вопиеть: «Силою крестною а божиею благодатью и помощию». А третии вопиеть умилным гласом, яко от земля есмы сътворени и в землю паки поити имамы. И паки же престанем глаголати. О силѣ же не глаголю, яко же бо рекох.

А если идем на войну, когда хотим кого-нибудь покорить, предо мною идут и несут 20 крестов и 20 стягов. А кресты те и стяги большие, сделаны из золота с драгоценными камнями и с крупными жемчужинами, ночью же светятся, как и днем. Кресты эти и стяги везут на 26 колесницах. А у каждой колесницы служат по 100 тысяч конников и по 100 тысяч пешего войска, не считая тех, кто за нами везет пищу. А когда идем к назначенному месту на бой, другие люди несут предо мною один деревянный крест с изображением распятия господня, – чтобы мы вспоминали господни страдания на кресте. Рядом с крестом несут большое золотое блюдо, а на нем – одна земля: на землю глядя, вспоминаем, что из земли мы созданы и в землю же уйдем. А с другой стороны несут другое золотое блюдо с драгоценным камнем на нем и отборным жемчугом: их вид возвеличивает наше государство. И идут предо мною 3 проповедника, громко восклицая. Один возглашает: «Это – царь царей, господин господ»; другой продолжает: «Силою крестною, божиею благодатью и помощию». А третий восклицает умильным голосом, что из земли мы сотворены и в землю же уйдем. Впрочем, довольно об этом говорить. О войске же не говорю, так как уже сказал.

Двор у мене имѣю таков. 5 ден ити около двора моего, в нем же суть полаты многы златыя и сребренныя и древяни изнутри украшены, аки небо звѣздами, а покровены златом. И в той полатѣ огонь не горить; аще ли внесуть, в той час огонь погаснетъ. Есть у мене иная полата злата на осмидесять столпов от чистаго злата, а всякий столп по 3 сажени в толстоту, а 80 саженеи в высоту. В той же полатѣ 50 столпов чистаго злата, на всех же столпех по драгому камени. Камень самфир имать свѣт бел, камень тонпаз аки огонь горить. В той же полатѣ есть столпа два: на едином столпѣ камень, имя ему троп, а на другом столпѣ камень, имя ему кармакаул, в нощи же свѣтитъ камень тои драгии, аки день, а в день, аки злато, а оба велики, аки корчаги. В той же у мене полатѣ огонь не горить;

аще внесуть, то борзо погаснетъ; развѣ бо той огонь горитъ, иде же идетъ из древа негнеющаго, имя древу тому шлема. Того мира вливають в паникадила и зажигають, ино той огонь горитъ, и тѣм миром в которую версту помажется человек, стар или молод, болѣ того не старѣется, а очи его не болятъ. Та же полата выше всѣх полат. Верху тѣх полат учинена два яблока златы, в них же вковано по великому камню самфиру, того ради, дабы хоробрость наша не оскудѣла. Суть бо 4 камени на столпѣх того ради, дабы потворници не могли чаров творити над нами. Есть у мене иная полата злата велика, как очима видети, на столпѣх златых; два велики камени кармакаул в нощи свѣтять в той же полатѣ у мене.

Двор у мене таков, что 5 дней надо идти вокруг него. А в нем много палат золотых, серебряных и деревянных, изнутри украшенных, как небо звездами, и покрытых золотом. В одной палате огонь не горит; если внесут, сразу же погаснет. Есть у мене другая палата золотая на восьмидесяти столбах из чистого золота; а каждый столб по три сажени в ширину и 80 сажений в высоту. В этой палате 50 столбов чистого золота, и на всех столбах по драгоценному камню: камень сапфир цвета белого и камень топаз как огонь горит. В той же палате есть два столба, на одном из которых камень, называемый троп, а на другом камень, называемый кармакаул. Ночью же светит тот драгоценный камень, как день, а днем – как золото. А оба велики, как корчаги. В той палате у мене огонь не горит: если внесут, то быстро погаснет. Только тот огонь горит, который от дерева негниющего. Имя древу тому шлема. Миром из этого дерева вливают в паникадила и зажигают; тот огонь горит. И если тем миром помажется человек какого бы то ни было возраста, старый или молодой, после того не старится и глаза его не болят. Та же палата выше всех палат. Вверху тех палат устроены два золотых яблока, а в них вковано по большому камню сапфиру – для того, чтобы не оскудела наша храбрость. И четыре камня находятся на столбах для того, чтобы чародейки не могли чар творить над нами. Есть у мене другая золотая палата на золотых столбах, столь высокая, сколько можно глазами обозреть; два больших камня кармакаула ночью светят у мене в той палате.

А обѣдаютъ со мною на трапезѣ по вся дни 12 патриархов, 10 царей, 12 митрополитов, 45 протопопов, 300 попов, 100 диаконов, 50 пѣвцев, 900 крилосников, 365 игуменов, 300 князей; а во зборной моеи церкви служатъ 300 игуменов да 65, да 50 попов, да 30 диаконов, и обѣдаютъ со мною; а столничаютъ у мене и чаши подають 14 цареи да 40 королей, да 300 бояръ; а поварню мою вѣдаютъ два царя да два короля опроче бояръ и слуг. Тѣ же цари и короли быв, да прочь ѣдутъ, и инья приѣжчаютъ.

А обедают со мной за столом каждый день 12 патриархов, 10 царей, 12 митрополитов, 45 протопопов, 300 попов, 100 дьяконов, 50 певцов, 900 клиросников, 365 игуменов, 300 князей. А в соборной моей церкви служат 365 игуменов, 50 попов и 30 дьяконов, и все обедают со мною. А стольничают у меня и чаши подают 14 царей, 40 королей и 300 бояр. А поварней моей ведают два царя и два короля, помимо бояр и слуг. Одни цари и короли, побыв, прочь едут, а иные приезжают.

А еще у мене лежит апостол Фома.

А еще у меня лежат мощи апостола Фомы.

Есть у мене земля, в ней же суть люди, очи у них в челех. Есть у мене полата злата, в ней же есть зеркало праведное, стоит на 4-рех столпѣх златых. Кто зреть в зеркало, тои видить своя грѣхи, яже сътворил от юности своя. Близ того и другое зеркало цкляно. Аще мыслить зло на своего господаря, ино в зеркалѣ том зримо лице его блѣдо, аки не живо. А кто мыслить добро о осподарѣ своем, ино лице его в зеркалѣ зримое, аки солнце. А во дворѣ моем церкви 150, ины сътворены богом, а ины руками человеческими.

Есть у меня земля, а в ней люди, у которых очи во лбу. Есть у меня палата золотая, а в ней – правдивое зеркало; оно стоит на 4-рех золотых столбах. Кто смотрит в зеркало, тот видит свои грехи, какие сотворил с юности своей. Вблизи того зеркала есть другое, стеклянное. Если мыслит кто-нибудь зло на своего господина, то лицо его в том зеркале выглядит бледным, как будто мертвым. А кто хорошо думает о господине своем, то лицо его в зеркале сияет, как солнце. А во дворце моем 150 церквей; одни сотворены богом, а другие человеческими руками.

Сказание о Соломоне и Китоврасе

Подготовка текста и перевод Г. М. Прохорова. Примечания Я. С. Лурье

СКАЗАНИЕ О ТОМ КАКО ЯТ БЫЛ КИТОВРАС СОЛОМОНОМ

Егда же здаше Соломон святая святых, тогда же бысть потреба Соломону вопросити Китовраса. Осочиша где живеть, рекоша в пустыни далней. Тогда мудростию своею замысли Соломон сковати уже желѣзно и гривну желѣзну, написа же на ней во имя божие заречение. И посла же болярина лучшего с отроки и веляше вести вино и мед, и руна овчья с собою взяша. Приидоша к мѣсту его, ко трем кладязем его, а его туто нѣт. По указанию Соломоню и волияша в кладязи тѣ вино и мед, и заткаша устия кладязем руны овчьми; налияша же два кладязя вина, а третии меду, а сами съхранишась таино и зряху ис таи, оже приити ему воды пити ко кладязем. И прииде абие, и приник к водѣ, нача пити, и рече: «Всяк, пия вино, не умудряеть». Яко же перехотѣ воды, и рече: «Ты еси вино, веселящее сердце человеком». И выпил всѣ 3 кладязи. И хотѣ поспати мало, и разня его вино, и уснув твердо. Болярин же, пришед, искова его твердо по шии, по рукам и по ногам. И очютився, хотя крянутися, и рече ему болярин: «Господине, Соломон имя господне со запрѣщением написа на веригах нынѣ на тебѣ». Он видѣ на себѣ и поиде кроток во Иерусалим ко царю.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК БЫЛ ВЗЯТ КИТОВРАС СОЛОМОНОМ

Когда Соломон строил святые святых, тогда понадобилось ему посоветоваться с Китоврасом. Донесли ему, где тот живет, сказали – в дальней пустыне. Тогда мудрый Соломон задумал сковать железную цепь и железный обруч, а на нем написал заклятие именем Божиим. И послал первого из своих бояр со слугами и велел им везти с собой вино и мед и взять овечьи шкуры. Пришли к месту Китовраса, к трем колодцам его, но его там не было. И по наказу Соломона влили в те колодцы вино и мед, а сверху затянули их овечьими шкурами. В два колодца налили вино, а в третий мед; сами же, спрятавшись, смотрели исподтишка, не идет ли он пить воду к колодцам. И вот он пришел, приник к воде, начал пить и сказал: «Всякий, вина выпив, мудрее не станет». Но расхотелось ему пить воду, и он сказал: «Ты – вино, веселящее людям сердце», – и выпил все три колодца. И захотел немного поспать, и разобрало его вино, и он уснул крепко. Боярин же, подойдя, крепко сковал его по шее, по рукам и по ногам. И, проснувшись, он хотел рвануться, но боярин сказал ему:

«Господин, Соломон имя господне с заклѣтием написал на веригах, которые теперъ на тебе». Он же, увидев их на себе, кротко пошел в Иерусалим к царю.

Нрав же его бѣше таков: не ходяшетъ путем кривым, но правым, и во Иерусалим пришед, трѣбляхут путь пред ним и полаты рушаху, не ходя бо криво. И приидоша ко вдовицѣнѣ храмине, и вытекши вдвица и взопи, глаголя, молящися Китоврасу: «Господине, вдовица есмь убога. Не оскорби мя!» Он же огну ся около угла, не соступяся с пути, и изломи си ребро. И рече: «Язык мякок кость ломить». Ведом же сквозѣ торг, и слыша мужа рекуща: «Не ли черви на 7 лѣт?», и рассмѣяся Китоврас. И видѣ другаго мужа ворожаща и посмѣяся. И видѣ свадьбу играющую и восплакася. И видяще мужа на пути блудяща кромѣ пути и наведе и на путь.

Нрав же его был такой: не ходил он путем кривым, но – только прямо; и когда пришли в Иерусалим, расчищали перед ним путь и рушили дома, ибо он не ходил в обход. И подошли к дому вдовы, и выбежала вдова и закричала, умоляя Китовраса: «Господин, вдова я убогая. Не обижай меня!» Он же изогнулся около угла, не сходя с пути, и сломал себе ребро. И сказал: «Мягкий язык кости ломает». Когда вели его через торг, то, услышав, как один человек говорил: «Нет ли башмаков на семь лет?», Китоврас рассмеялся. И, увидев другаго человека ворожащего, засмеялся, а увидев свадьбу справляемую, заплакал. Увидев же на дороге человека, блуждающего без дороги, он направил его на путь.

И приведоша его в двор царев. В первом же дни не ведоша его к Соломону, и рече Китоврас: «Чему мя не зоветъ к себѣ царь?» Рѣша ему: «Перепил есть вечер». Взя же Китоврас камень и положи на камени. И повѣдаша Соломону творение Китоврасово, и рече царь: «Велит ми пити питие на питье». Во други же день не зва его к себѣ царь, и рече: «Чему не ведете мя ко царю, и почто не вижю лица его?», и рѣша: «Немогаетъ царь, им же вчера много ѣл». Сня же Китоврас камень с камени.

И привели его во двор царев. В первый день не повели его к Соломону, и спросил Китоврас: «Почему не зовет меня к себе царь?» Сказали ему: «Он вчера перепил». Китоврас же взял камень и положил на другой камень. Соломону рассказали, что сделал Китоврас, и царь сказал: «Велит мне пить питье на питье». И на другой день не позвал его к себе царь; и Китоврас спросил: «Почему не ведете меня к царю и почему я не вижу лица его?» И сказали: «Недомогает царь, оттого что вчера много ел». Китоврас же снял камень с камня.

В 3 же день рѣша: «Зовет тя царь». Он же умѣря прут четырех локот и вниде пред царя, и поклонися, и поверже прут пред царем молча. Царь же

мудростию своею протолкова прут боляром своим, и рече: «Область ти дал есть вселенную, и не насытился еси, изымал еси мене». И рече ему Соломон: «Не на потребу свою приведох тя, но на вопрос очертании святая святых приведох тя по повелѣнию господню, яко не повелѣно ми есть тесати камени желѣзом».

На третий день сказали: «Зовет тебя царь». Он же измерил прут в четыре локтя, вошел к царю, поклонился и молча бросил прут перед царем. Царь же по мудрости своей разъяснил боярам своим, что означает прут, и поведал: «Дал тебе бог во владение вселенную, а ты не насытился, поймал и меня». И сказал Соломон Китоврасу: «Не по прихоти своей привел тебя, но по повелению господню, чтобы спросить, как строить святое святых, так как не позволено мне тесать камни железом».

И рече Китоврас: «Есть нготь птица мал во имя шамир. Хранит же коготь дѣтки во гнѣздѣ своемъ на горѣ каменнѣи в пустыни далнѣи». Соломон же посла боярина своего со отроку своими по наказанию Китоврасову ко гнѣзду. Китоврас же вда бѣлое стекло боярину, наказа его съхранитись от гнѣзда: «Яко вылетит кокот, замажи стеклом сим гнѣздо». Боярин же поиде ко гнѣзду, оли в нем птенци мал и, кокот же бѣ летѣл по кормлю. И заложил стеклом устье гнѣзду. Мало же поостояша и кокот прилетѣ, хотѣ влѣсти в гнѣздо, куренци писках у сквозѣ стекло, а он к ним не умѣет влѣсти. А си сохранишась в таинѣ. Сохранил бо и бяше нѣ, на коемъ, и принесе ѿ к гнезду и положи ѿ на стеклѣ, хотя е рассадити. Они же кликнута, и отпусти. И взял же их боярин принесе к Соломону.

И сказал Китоврас: «Есть птица малая кокот по имени шамир. Детей же кокот оставляет в своем гнезде на горе каменной в пустыне дальней». Соломон же по указанию Китовраса послал боярина со своими слугами ко гнезду. А Китоврас дал боярину белое стекло и наказал спрятаться у гнезда: «Когда вылетит кокот, замажь этим стеклом гнездо». Боярин пошел ко гнезду; а в гнезде – маленькие птенцы, кокот же улетел за кормом. Он заложил стеклом устье гнезда. Немного подождал. И прилетел кокот, захотел влезть в гнездо, птенцы пищат за стеклом, а он к ним не может добраться. А люди спрятались. Он же принес к гнезду то, что прятал где-то, и приложил к стеклу, пытаясь его рассадить. Люди же крикнули, и птица выронила острие. И, взяв его, боярин принес к Соломону.

Бысть же Соломон вопрошая Китовраса: «Почто ся еси расмѣял мужу прашащу черви на 7 лѣт?» – «Видѣх на нем, – рече Китоврас, – яко не будетъ до 7 дни жив». Посла же царь испытати, и бысть тако. И рече Соломон: «Почто еси расмьялся мужю ворожащу?» Отвѣща Китоврас и

рече: «Он повѣдаше людем скровная, а сам не вѣдя крова под собою со златом». И рече Соломон: «Шедше испытайте». И испыташа и бысть тако. И рече царь: «Почто еси плакал видѣв свадьбу?», и рече: «Съжалихси, яко жених той не будет жив до 30 дни». Испыта же царь и бысть тако. И рече царь: «Почто мужа пьяна наведе на путь?» Отвѣща Китоврас и рече: «Слышах с небесе, яко вѣрен есть муж той, а достоинь послужити ему».

Потом спросил Соломон Китовраса: «Почему ты рассмеялся, когда человек спрашивал башмаки на семь лет?» – «Видел по нему, – отвечал Китоврас, – что не проживет и семи дней». Царь послал проверить, и оказалось так. И спросил Соломон: «Почему ты рассмеялся, когда человек ворожил?» Отвечал Китоврас: «Он рассказывал людям о тайном, а сам не знал, что под ним – клад с золотом». Сказал Соломон: «Пойдите и проверьте». Проверили – и оказалось так. И спросил царь: «Почему плакал, увидев свадьбу?» И сказал Китоврас: «Опечалился, потому что жених тот не проживет и тридцати дней». Проверил царь – и оказалось так. И царь спросил: «Зачем пьяного человека вывел на дорогу?» Ответил Китоврас: «Слышал я с небес, что добродетелен тот человек и следует ему послужить».

Бысть же у Соломона Китоврас до свершения святая святых.

Пробыл Китоврас у Соломона до завершения святого святых.

Бысть егда нача молвити Соломон Китоврасу: «Нынѣ видѣх, яко сила ваша яко человеческа, и нѣсть вашия силы бол ши нашаия силы, и яко ях тя». И рече ему Китоврас: «Царю, аще хочещи видѣти силу мою, да соими с мене уже, даи же ми жуковину свою с руки, да видиши силу мою». Соломон же сня с него уже желѣзное и дасть ему жуковину. Он же пожре и простре крыло свое, и заверже, и удари Соломона, и заверже и на конец земля обѣтованная. Увѣдаша же мудреци его и книжници, взыскаша Соломона.

Однажды Соломон сказал Китоврасу: «Теперь я убедился, что сила твоя – как и человеческая, и не больше твоя сила нашей силы, ибо поймал я тебя». И ответил ему Китоврас: «Царь, если хочешь узнать мою силу, сними с меня цепи и дай мне свой перстень с руки, тогда увидишь силу мою». Соломон снял с него железную цепь и дал ему перстень. А он проглотил перстень, простер крыло свое, размахнулся и ударил Соломона, и забросил его на край земли обетованной. Узнали об этом мудрецы и книжники и разыскали Соломона.

Всегда же обхожааше страх Китоврашь в нощи. Царь же сътвори одр и повелѣ стояти 60 отроком сильным с мечи около. Потому же молвится в Писаних: «Одр Соломонь, 60 отрок храбрых от израилтян и от страны

нощны».

По ночам Соломона всегда охватывал страх к Китоврасу. И царь соорудил ложе и повелел 60 сильным юношам кругом стоять с мечами. Потому и говорится в Писании: «Ложе Соломона, и охрана из 60 юношей храбрых из израильтян и из стран северных».

Наставление тверского епископа Семена

Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева

СЕМЕНА ЕПИСКОПА ТФЪРЪСКАГО НАКАЗАНИЕ

Костянтин князь полотский нарицаемый Безрукий, у собе в пиру хотя укорити тивуна своего нѣочемь, рече епископу пред всѣми: «Владыко, кдѣ быти тивуну на ономь свѣтѣ?» Семен епископ отвѣчалъ: «Кдѣ и князю!» Князь же, не улюбивъ того, молвить епископу: «Тиунъ неправду судить, мзду емлетъ, люди продаетъ, мучить, лихое все дѣеть; а язь что дѣю?» И рече епископ: «Аже будетъ князь добръ, богобоин, жалуеть людей, правду любить, – исбираеть тиуна или коего волостеля – мужа добра и богобоина, страха божия полна, разумна, праведна, по закону божию все творяща, и суд вѣдуща. И князь в рай, и тивун в рай. Будеть ли князь без божия страха, христьян не жалуеть, сирот не милуетъ, и вдовицами не печалуеть, – поставляеть тивуна или коего волостеля – человека зла, бога не боящася и закона божия не вѣдуще, и суда не разумѣюще, толико того дѣля, абы князю товара добывал, а людей не щадить. Аки бѣшена челоуѣка пустилъ на люди, дав ему мечъ, – тако и князь, дав волость лиху челоуѣку губити люди. Князь во ад и тиун с нимъ во ад!»

НАСТАВЛЕНИЕ ТВЕРСКОГО ЕПИСКОПА СЕМЕНА

Полотский князь Константин, прозванный Безруким, собираясь укорить у себя на пиру за что-то своего тиуна, сказал при всех епископу: «Владыко, где будет тиун на том свете?» Епископ Семен отвечал: «Где и князь!» Князь же, рассердившись, говорит епископу: «Тиун неправедно судит, взятки берет, имущество людей с торгов продает, мучит, злое все делает, а я тут при чем?» И говорит епископ: «Если князь хороший, богобоязненный, людей бережет, правду влюбит, то выбирает тиуном или иным начальником человека доброго и богобоязненного, исполненного страха божия, разумного, праведного, творящего все по законам Божиим и судить умеющего. Тогда князь – в рай, и тиун – в рай. Если же князь лишен страха божия, христиан не бережет, сирот не милует и вдовиц не жалеет, то ставит тиуном или начальником человека злого, бога не боящегося, закона божия не знающего, судить не умеющего, – только для того, чтобы добывал князю имущество, а людей не щадил. Как взбесившегося человека напустил на людей, вручив ему меч, – так и князь, дав округу злому человеку, губит людей. Тут и князь в ад, и тиун с ним в ад!»

Триста лет московской литературы

Задонщина

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРЕЕ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО КНЯЗЕ ВЛАДИМЕРЕ АНДРЪЕВИЧЕ, ЯКО ПОБЪДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ

Князь великий Дмитрий Иванович⁴⁴⁸ с своим братом, с князем Владимиром Андръевичем,⁴⁴⁹ и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича.⁴⁵⁰ Вѣдомо нам, брате, что у быстрого Дону царь Мамай⁴⁵¹ пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залѣскую землю.⁴⁵² Пойдем, брате, тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися русь православная.⁴⁵³ Взыдем на горы Киевския и посмотрим славного Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя⁴⁵⁴ – поганые татаровя, бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ⁴⁵⁵ одолѣша род Афѣтов. И оттоля Руская земля сѣдит невесела, а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаючи: князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатество, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру християньскую.

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО, КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ АНДРЕЕВИЧЕ, КАК ПОБЕДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ

Великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича. Поведали нам, брат, что царь Мамай пошел на Русь, стоит уже у быстрого Дона, хочет идти к нам в землю Залесскую. Пойдем, брат, в северную сторону – удел сына Ноева Афета, от которого пошел православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. А затем посмотрим на земли восточные-удел сына Ноева Сихма, от которого пошли хинове – поганые татары, басурманы. Вот они га реке на Каяле и одолели род Афетов. С той поры невесела земля Русская; от Калкской битвы до Мамаева побоища тоской и печалью покрывлась, плачет, сыновей своих поминая – князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили дома свои, и богатство, жен и детей, и скот свой, и, заслужив честь и славу мира сего, головы свои положили за землю за Русскую и за веру християнскую.

Преже восписах жалость земли Руские и прочее от кних приводя.

Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю.

Сначала описал я жалость Русской земли и все остальное из книг взяв, а потом написал жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андреевичю.

Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребий и воздадим поганому Момаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его князю Владимиру Андрѣевичю. И рцем таково слово: лудчи бо нам, брате, начати повѣдати иными словесы о похвальных сих о нынешних повѣстех о полку великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича, а внуки святаго великаго князя Владимира Киевскаго.⁴⁵⁶ Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лѣт времена, похвалим вѣщаго Бояна, горазда гудца в Киеве. Тот бо вѣщий Боян⁴⁵⁷ воскладоша гораздыя своя персты на живыя струны, пояше руским князем славы: первую славу великому князю Киевскому Игорю Рюриковичю,⁴⁵⁸ вторую – великому князю Владимиру Святославичю Киевскому, третью – великому князю Ярославу Володимировичю.⁴⁵⁹

Сойдемся, братья и друзья, сыновья русские, сложим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны – в удел Симов, и восхвалим победу над поганым Мамаем, а великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, прославим! И скажем так: лучше, братья, поведать не привычными словами о славных этих нынешних рассказах про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святаго великого князя Владимира Киевскаго. Начнем рассказывать о их деяниях по делам и по былям... Вспомним давние времена, воздадим похвалу вещему Бояну, прославленному гуслиарю киевскому. Ведь тот вѣщий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, славы пел русским князьям: первую славу великому князю Киевскому Игорю Рюриковичю, вторую – великому князю Владимиру Святославичю Киевскому, третью – великому князю Ярославу Владимировичю.

Аз же помяну резанца Софония⁴⁶⁰ и восхвалю пѣснеми и гусленными буйными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, а внуки святаго великого князя Владимира Киевскаго. И пѣние князем руским за вѣру христианьскую.

Я же помяну рязанца Софония, и восхвалю песнями, под звонкий наигрыш гусельный, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата

его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоем князей русских, постоявших за веру христианскую!

А от Калатские рати до Мамаева побоища 160 лѣт.

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет.

Се бо князь великий Дмитрий Иванович и брат его князь Владимир Андрѣевичъ помолися богу и пречистой его матери, истезавше ум свой крѣпостию, и поостриша сердца свои мужеством, и наполнишася ратного духа, уставиша собѣ храбрѣя полъкы в Руской землѣ и помянуша прадеда своего великого князя Владимира Киевскаго.

И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его Владимир Андреевич, помолясь богу и пречистой его матери, укрепив ум свой силой, закалив сердца свои мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрѣе полки в Русской земле, помянув великого прадеда своего – князя Владимира Киевского.

Оле жаворонок, лѣтняя птица, красных дней утѣха, возлѣти под синие облакы, посмотри к силному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю. Ци буря соколи зонесет из земля Залѣския в полѣ Половецкое.⁴⁶¹ На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, трубы трубят на Коломнѣ, бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дону великого на брезѣ. Звонят колоколы вѣчныя в Вѣликом Новгородѣ, стоят мужи навгородцкие у святыя Софии,⁴⁶² а ркучи тако: «Уже нам, брате, не поспѣть на пособѣ к великому князю Дмитрею Ивановичю». И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшася. То ти были не орли слѣтѣшася, выехали посадники из Великого Новагорода а с ними 7000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его князю Владимиру Андрѣевичю на пособе.

О жаворонок, летняя птица, радостных дней утѣха, взлети к синим облакам, взгляни на могучий город Москву и прославь великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича. Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое! Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, встали стяги русские на берегу великого Дона. Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, собрались мужи новгородские у святой Софии, и так говорят: «Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичю?» И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись – выехали посадники из Великого Новгорода, а с ними семь тысяч войска, на помощь к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату

его, князю Владимиру Андреевичу.

К славному граду Москвѣ съехались вси князи руские, а ркучи таково слово: «У Дону стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи,⁴⁶³ между Чуровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свой нашей славѣ».

К славному городу Москве съехались все русские князья и говорят такие слова: «У Дона стоят татары поганые, Мамай царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым, хотят реку перейти и отдать жизнь свою во славу нашу».

И рече князь великий Дмитрей Иванович: «Брате князь Владимир Андрѣвич, пойдем тамо, укупим животу своему славы, учиним землям диво, а старым повесть, а хмолодым память, а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за веру крестьянскую».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою миру на диво, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!»

И рече им князь великий Дмитрей Иванович: «Братия и князи руские, гнѣздо есмь великого князя Владимира Киевскаго, не в обиде есмь были по рожению ни соколу, ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю».

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья мои, князья русские, все мы гнездо великого князя Владимира Киевскаго! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!»

О соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, выщекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею,⁴⁶⁴ да Дмитрею Вольнскому.⁴⁶⁵ Тѣ бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и ведомы полководцы, под трубами повити, под шеломы възлелѣаны, конецъ копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовской земли.

О соловей, летняя птица, вот бы ты, соловей, славу спел великому князю Дмитрию Ивановичу, и брату его князю Владимиру Андреевичу, и двум братьям Ольгердовичам из земли Литовской – Андрею и Дмитрию, да и Дмитрию Вольнскому! Ведь эти-то – сыны Литвы храбрые, кречеты в ратное время! Полководцы они славные, под звуки труб вспеленуты, под шлемами възлелѣаны, с конца копья вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвяше Андрѣй Олгордович своему брату: «Брате Дмитрей, сами есмя собѣ два брата, сынове Олгордовы, а внуки есмя Едимантовы, а правнуки есми Сколомендовы. Збѣрем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на свои борзи комони, и посмотрим быстрого Дону, испиемь шеломом воды, испытаем мечев своих литовских о шелома татарские, а сулиц немецких о боеданы бусорманские».

Молвит Андрей Ольгердович брагу своему: «Брат мой, Дмитрий, два брата мы, сыновья Ольгердовы, внуки Гедиминовы, правнуки Сколомендовы. Соберем, брат, милых панов удалой Литвы, храбрых удальцов, сядем на своих борзых коней и посмотрим на быстрый Дон, зачерпнем шлемом воды донской, испытаем свои мечи литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!»

И рече ему Дмитрей: «Брате Андрѣй, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича. Уже бо, брате, стук стучит и гром грѣмит в каменом граде Москвѣ. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремит, – стучит сильная рать великаго князя Дмитрея Ивановича, гремят удальцы руские злачеными доспѣхи и черлеными щиты. Сѣдлай, брате Андрѣй, свои борзи комони, а мои готови – напреди твоих осѣдлани. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полков, колько, брате, с нами храбрые литвы. А храбрые литвы с нами 70 тысяч окованные рати».

И отвечает ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю Русскую, за веру христианскую и за обиду великаго князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит и не гром гремит, то стучит могучая рать великаго князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы – раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и посмотрим свои полки – сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами – семьдесят тысяч латников».

Уже бо, брате, возвеша сильнии вѣтри с моря на уст Дону и Непра, прилелѣяша великиа тучи на Рускую землю, из них выступают кровавые зори, а в них трепещут синие молнии. Быти стуку и грому великому на речке Непрядве,⁴⁶⁶ между Доном и Непром, пасти трупы человеческому на поле Куликовѣ, пролится крови на речке Непрядвѣ!

Вот уже, брат мой, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли тучи огромные на Русскую землю; проступают из них кровавые зори и трепещут в них синие молнии. Быть стуку и грому

великому у речки Непрядвы, меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими полю Куликову, течь кровью Непрядве реке!

Уже бо въскрипѣли телегы между Доном и Непром, идут хинове на Русскую землю. И притѣкоша сѣрые волцы от уст Дону и Непра ставъши воют на рекѣ, на Мечи, хотят наступити на Рускую землю. То ти были не сѣрые волцы, – приидоша поганые татаровя, хотят пройти воюючи всю Рускую землю.

Вот уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идет хинова на Русскую землю! Набежали серые волки с устья Дона и Днепра, воют стаями у реки у Мечи, хотят кинуться на Русь. То не серые волки – пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю!

Тогда гуси возготаша и лѣбѣди крылы всплескаша. То ти не гуси возготаша, ни лѣбѣди крылы всплескаша, но поганый Мамай пришел на Рускую землю и вои своя привел. А уже бѣды их пасоша птицы крылати, под облакы летают, вороны часто грают, а галици свои рѣчи говорить, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на кости брешут.

Тогда гуси заготали и лебеди бьют крыльями. Нет, то не гуси заготали и не лебеди крыльями восплескали: это поганый Мамай пришел на Русскую землю и войска свои привел. А уж беды их подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему галдят, орлы клекочут, волки грозно воют и лисицы брешут – кости чуют.

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала.⁴⁶⁷

Русская земля, ты теперъ как за царем Соломоном побывала!

А уже соколи и кречати, белозерские ястреби рвахуся от золотых колодиц ис камена града Москвы обриваху шевковья опутины, взвиваючися под синия небеса, звонечи злаченными колоколы на быстром Дону, хотят ударити на многие стады гусинья и на лебединья, а богатыри руския удальцы хотат ударити на великия силы поганого царя Мамаю.

А уже соколы и кречеты и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стаи гусинья и лебединья, – то богатыри и удальцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамаю.

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь воступив во золотое свое стрѣмя, и взял свой мечь в правую руку, и помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно на встоцѣ сияет и путь повѣдает, а Борис и Глѣб⁴⁶⁸ молитву воздают за сродники своя.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, взял свой меч в правую руку, помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно с востока сияет и путь указывает, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимир Андрѣевич полки пребирает и ведет к Великому Дону. И молвяше брату своему великому князю Дмитрею Ивановичю: «Не ослабляй, брате, поганым татаровям. Уже бо поганые поля русские наступают и вотчину нашу отнимают».

Что шумит, что гремит рано пред рассветом? Князь Владимир Андреевич полки расставляет и введет их к великому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не поддавайся, брат, поганым татарам – ведь поганые уже поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!»

И рече ему князь великий Дмитрий Ивановичь: «Брате Владимир Андрѣевичь, сами себѣ есми два брата, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены 70 бояринов, и крѣпцы бысть князи бѣлозѣрстии Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитрий Вольньской, да Тимофей Волуевичь, да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь, а вою с нами триста тысящ окованные рати. А воеводы у нас крепкия, а дружина свѣдома, а под собою имѣем боръзья комони, а на собѣ злаченни доспехи, а шелома черкасские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряские, а мѣчи булатные; а пути им сведоми, а перевозки им изготовлены, но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую. Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собѣ чести и славного имени».

Отвечает ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич! Два брата мы, внуки великаго князя Владимира Киевскаго. Воеводы у нас уже назначены – семьдесят бояр, и отважны князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, да и Микула Васильевич, да и оба брата Ольгердовичи, да и Дмитрий Вольньский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович, а воинов с нами – триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, дружина испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, шлемы черкасские, щиты московские, сулицы немецкие, кинжалы фряжские, мечи булатные; а дороги разведаны, переправы подготовлены, и рвутся все головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Как живые трепещут стяги, жаждут воины себе

чести добыть и имя свое прославить».

Уже бо тѣ соколи и кречати и бѣлозерскыя ястреби за Дон борзо перелѣтѣли и ударилися на многие стада на гусиные и на лѣбѣдиные. То ти Быша ни соколи ни кречети, то ти наехали русские князи на силу татарскую. Треснута копия харалужная, звенят доспехи злаченныя, стучат щиты черленыя, гремят мечи булатныя о шеломы хиновские на полѣ Куликове на рѣчке Непрядвѣ.

Уже те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон быстро перелетели и ринулись на несметные стаи гусиные и лебединые. То ведь были не соколы и не кречеты, – то налетели русские князья на силу татарскую. Затрещали копыя каленые, зазвенели доспехи золоченые, застучали щиты червленые, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом, на речке Непрядве.

Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью их земля пролита бысть. Сильнии полки ступишася вмѣсто и протопташа холми и луги, и возмутишася рѣки и потоки и озера. Кликнуло Диво⁴⁶⁹ в Руской земли, велит послушати грозным землям. Шибла слава к Желѣзным Вратам, и к Ворнавичом, к Риму и к Кафе по морю, и к Торнаву, и оттолѣ ко Царюграду⁴⁷⁰ на похвалу руским князем: Русь великая одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля засеяны, и кровью их земля полита. Могучие рати сошлись тут и потоптали холмы и луга, и замутили реки, потоки и озера. Кликнуло Диво в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам и к Ворнавичу, к Риму и к Кафе по морю, и к Тырнову, а оттуда к Царьграду на похвалу князьям русским: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликове, на речке Непрядве.

На том полѣ силнии тучи ступишася, а из них часто сияли мольньи и гремѣли громаы велицыи. То ти ступишася русские сынове с погаными татарами за свою обиду. А в них сияли доспѣхы злаченые, а гремѣли князи русские мечьми булатными о шеломы хиновские.

На том поле грозные тучи сошлись. Часто сверкали в них молнии и гремели громаы могучие. То ведь сразились сыны русские с погаными татарами, чтоб отомстить за свою обиду. Сверкают их доспехи золоченые, гремят князья русские мечами булатными по шлемам хиновским.

А билися из утра до полудни в субботу на Рожество святѣй богородицы.

А бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой

богородицы.

Не тури возрыкали у Дону великаго на полѣ Куликове. То ти нѣ тури побѣждени у Дону великаго, но посѣчены князи руские и бояры и воеводы великаго князя Дмитрея Ивановича, побѣждени князи бѣлозерстии от поганых татар: Федор Семеновичь да Семен Михайловичь, да Тимофѣй Волуевичь, да Микула Васильевич, да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь и иная многая дружина.

Не туры рыкают у Дону великаго на поле Куликове. То ведь не туры побиты у Дону великаго, а посечены князья русские и бояре и воеводы великаго князя Дмитрия Ивановича. Полегли сраженные татарами князья белозерские Федор Семенович, и Семен Михайлович, и Тимофей Волуевич, и Микула Васильевич, и Андрей Серкизович, и Михайло Иванович, и много других из дружины.

Пересвѣта⁴⁷¹ чернеца брянскаго боярина на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣт чернец великому князю Дмитрею Ивановичю: «Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым быти от поганых татар!» Тако бо Пересвѣт поскакивает на своем борзом конѣ, а злаченным доспѣхом посвѣчивает. А иные лѣжат посечены у Дону великаго на брезѣ.

Пересвета-чернеца, из брянских бояр, призвали на поле брани. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Лучше нам порубленными быть, чем в плен попасть к поганым татарам!» Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золоченым доспехом сверкая, а уже многие лежат посечены у Дона великаго на берегу.

Лепо бо есть в то время и стару помолодиться, а молоду плечь своих попытать. И молвяше Ослябя⁴⁷² чернец своему брату Пересвѣту старцу: «Брат Пересвѣте, вижу на телѣ твоём раны тяжкие, уже, брате, лѣтъти главе твоей на траву ковыль, а чаду моему Иякову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове на речке Непрядве за вѣру крестьяньскую и за землю за Рускую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича».

Подобало в то время старому помолодеть, а молодому плечи свои развернуть. И говорит чернец Ослябя своему брату Пересвету-чернецу: «Брат Пересвет, вижу на теле твоём раны тяжкие, уже катиться, брат, твоей голове с плеч на траву ковыль, и моему сыну Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликове, на речке Непрядве за веру христианскую, за землю Русскую и за обиду великаго князя Дмитрия Ивановича».

И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличут, но толко часто вороны грают, трупу ради человеческого. Грозно бо бяше и жалостно тогда слышати, занеже трава кровию пролита

бысть, а дрeвеса тугою к земли приклонишася.

И в ту пору по Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь все вороны грают над трупами человеческими. Страшно и жалостно о том времени слышать: трава кровью полита была, а деревья от печали к земле склонились.

И воспѣли бѣше птицы жалостные пѣсни. Восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избивенных. Микулина жена Васильевича Марья рано плакаша у Москвы града на забралах, а ркучи тако: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеша в землю Половецкую. Прилѣлѣи моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ. А Тимофѣева жена Волуевича Федосья тако же плакашася, а ркучи тако: «Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животѣ». А Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: «Се уже обѣмя нам солнце померкло в славном граде Москвѣ, припахнули к нам от быстрого Дону полоняныя вѣсти,⁴⁷³ носяще великую бѣду, и выседоша удальцы з борзых коней на суженое мѣсто на полѣ Куликове на речки Непрядве».

И воспели птицы жалостные песни – восплакались княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на заборолѣ стен московских, так причитая: «О Дон, Дон, быстрая река! Прорыл ты каменные горы и течеша в землю Половецкую. Прилелей моего господина Микулу Васильевича ко мне». А жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже веселье мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего государя Тимофея Волуевича живым!» А Андреева жена Марья да Михайлова жена Оксинья на рассвете плакали: «Вот уже нам обеим померкло солнце в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона полонянные вести, неся великую печаль: повержены наши удальцы с борзых коней на суженом месте на доле Куликове, на речке Непрядве».

А уже Диво кличет под саблями татарскими, а тѣм русским богатырем под ранами.

А Диво уже кличет под саблями татарскими, а русские богатыри – изранены.

Туту щурове рано воспѣли⁴⁷⁴ жалостные пѣсни у Коломны на забралах, на воскресение, на Акима и Аннин день. То ти было не щурове рано воспѣша жалостныя пѣсни восплакались жены коломенские, а ркучи тако: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси залелѣяла мужей наших на насъ в землю Половецкую». А ркучи тако: «Можеш ли, господине князь великий, веслы Нѣпр зоградити, а Дон шоломы вычръпати, а Мечу рѣку

трупы татарскими запрудити? Замкни, государь князь великий, Окѣ рекѣ ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не ѣздили. Уже мужей наших рать трудила».

На рассвете щуры воспели жалостные песни у Коломны на забралах городских стен, в воскресенье, в день Акима и Анны. То ведь не щуры рано воспели жалостные песни – заплакались жены коломенские, так причитая: «Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла на своих волнах ты мужей наших от нас в землю Половецкую?» Причитали они: «Можешь ли ты, господин князь великий, веслами Днепр загородить, Дон шлемами вычерпать, а реку Мечу запрудить татарскими трупами? Замкни, государь князь великий, Оке-реке ворота, чтобы больше поганые татары к нам не ходили. Уже ведь мужья наши от ратей устали!»

Того же дни в субботу на Рожество святая богородицы исекша христиани поганые полки на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ.

В тот же день субботний, на Рождество святой богородицы посекли христиане поганые полки на поле Куликове, на речке Непрядве.

И нюкнув князь Владимир Андрѣевичъ гораздо, и скакаше по рати во полцех поганых в татарских, а злаченым шеломом посвѣчиваючи. Грѣмят мечи булатные о шеломах хиновские.

И, кликнув громко, князь Владимир Андреевич поскакал со своей ратью на полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские.

И восхвалит брата своего великого князя Дмитрея Ивановича: «Брате Дмитрий Ивановичъ, ты еси у зла тошна времени железное забороло. Не оставай князь великий с своими великими полкы, не потакай крамолником. Уже бо поганые татары поля наша наступают, а храбрую дружину у нас истеряли, а в трупи челоуѣчье борзи кони не могут скочити, а в крови по колѣно бродят. А уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьянская. Не оставай, князь великий, с своими бояры».

И воздал похвалу он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Брат Дмитрий Иванович, в злое время горькое ты нам крепкий щит. Не уступай, князь великий, со своими великими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей много побили – столько трупов человеческих, что борзые кони не могут скакать: в крови по колѣно бродят. Жалостно, брат, видеть столько крови христианской! Не медли, князь великий, со своими боярами».

И рече князь великий Дмитрий Ивановичъ своим боярам: «Братия бояра и воеводы и дѣти боярские, то ти ваши московские слаткие мѣды и

великие мѣста. Туто добудѣте себе мѣста и своим женам. Туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы и дети боярские! Тут вам не ваши московские сладкие меды и великие места. Добывайте на поле брани себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой чести добыть».

И рече князь великий Дмитрей Иванович: «Господи боже мой, на тя уповах, да не постыжуся в вѣк, ни да посмѣют ми ся враги моя мнѣ». И помолился богу и пречистой его матери и всѣм святым его и прослезился горко и утер слезы.

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора вовеки, да не посмеются надо мной враги мои!» И помолился он богу и пречистой его матери и всем святым, и прослезился горко, и утер слезы.

И тогда аки соколы борзо полѣтѣша на быстрый Донь. То ти не соколи полѣтѣша: поскакивает князь великий Дмитрей Иванович с своими полки за Дон со всею силою. И рече: «Брате князь Владимир Андрѣевич, тут, брате, испити медовыа чары повѣденые, наеждаем, брате, своими полки сильными на рать татар поганых».

И тогда как соколы стремглав полетели на быстрый Дон. То не соколы полетели: поскакал князь великий Дмитрий Иванович за Дон со своими полками, со всеми воинами. И говорит: «Брат князь Владимир Андреевич, тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападём, брат, своими сильными полками на рать татар поганых».

Тогда князь великий почал наступати. Гремят мѣчи булатные о шеломах хиновские. И поганые покрывша главы своя руками своими. Тогда поганые борзо вспять отступиша. И от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут, а поганые бѣжать, а русские сынове широкие поля кликом огородиша и злаченными доспѣхами осветиша. Уже бо ста тур на боронь.

Тогда начал князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. Прикрыли поганые головы свои руками; дрогнул враг. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, бегут поганые, а русские сыновья широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур на бой!

Тогда князь великий Дмитрей Иванович и брат его князь Владимир Андреевич полки поганых вспять поворотили и нача их бити и сечи горазно тоску им подаваше. И князи их падоша с коней, а трупми татарскими поля насеяша и кровию их реки протекли. Туто поганые разлучишася розно и побѣгше неуготованными дорогами в Лукоморье,

скрегчюще зубами своими, и дерущи лица своя, а ркуче: «Уже нам, брате, в земли своей не бывати и детей своих не видати, а катун своих не трепати, а трепати нам сырая земля, а целовати нам зелена мурова, а в Русь ратию нам не хаживати, а выхода нам у русских князей не прашивати». Уже бо вьстонала земля татарская, бѣдами и тугою покрывшася; уныша бо царем их хотѣние и княземь похвала на Рускую землю ходити. Уже бо веселие их пониче.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых вспять поворотили и начали их бить и сечь жестоко, тоску на них наводя. И князья их с коней низвергнуты, и трупами татарскими поля усеяны, а реки кровью их потекли. Тут поганые рассыпались в смятении и побежали непроторенными дорогами в Лукоморье, скрежещут они зубами своими, раздирают лица свои, так причитая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю и целовать зеленую мураву, а в Русь ратью нам не хаживать и даней нам у русских князей не испрашивать». Застонала земля татарская, бедами и горем наполнившаяся; пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже нет веселья в Орде.

Уже бо русские сынове разграбиша татарские узорочья и доспехи, и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие, камки, насычеве везут женам своим. Уже жены русские восплескаша татарским золотом.

Вот уже сыны русские захватили татарские наряды, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и убранства дорогие, тонкие ткани и шелка везут женам своим. И вот уже русские красавицы забряцали татарским золотом.

Уже бо по Руской земле простресе веселие и буйство. Вознесесе слава руская на поганых хулу. Уже бо вержено Диво на землю. И уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича по всем землям текут. Стрѣляй, князь великий, по всѣм землям, стрѣляй, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамайя хиновина за землю Рускую, за вѣру христьяньскую. Уже поганые оружия своя повергоша, а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы их не трубят, и уныша гласи их.

Уже всюду на Русской земле веселье и ликованье. Вознеслась слава руская над хулой поганых. Уже низвергнуто Диво на землю, а гроза и слава великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям текут. Стреляй, князь великий, по всем

землям, рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамаева-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали и головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и примолкли голоса их.

И отскочи поганый Мамай от своей дружины серым волком, и притече к Кафе граду. Молвяше же ему фрязове: «Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю? То ты была орда Залтская. А не бывати тебе в Батые царя. У Батые царя было четьреста тысяць окованные рати, а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил бог Рускую землю за своя согрешения. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, з девятью ордами и 70 князьями. А нынче ты, поганый, бежишь сам-девят в Лукоморье, не с кем тебе зимы зимовати в поле. Нечто тебе князи русские гораздо подчивали, ни князей с тобою, ни воевод! Нечто гораздо упились у быстрого Дону на поле Куликове на траве ковыле! Побежи ты, поганый Мамай, от нас по задлещью».

И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги: «Что же это ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю? Ведь побил тебя орда Залесская. А не бывать тебе Батыем царем: у Батые царя было четьреста тысяч латников, и полонил он всю землю Русскую от востока и до запада. Наказал тогда бог Рускую землю за ее грехи. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девят в Лукоморье – не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, крепко тебя князья русские потчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дону на поле Куликове, на траве ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!»

Уподобилася еси земля Руская милому младенцу у матери своей: его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милуют его. Тако господь бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича меж Дона и Непра, на поле Куликове, на речке Непрядве.

Как милый младенец у матери своей земля Русская: его мать ласкает, а за драку лозой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и господь бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, между Доном и Днепром, на поле Куликове, на речке Непрядве.

И стал великий князь Дмитрей Ивановичь съ своим братом с князем Владимиром Андреевичем и со остальными своими воеводами на костях

на полѣ Куликове на речкѣ Непрядвѣ. Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотри, иже лѣжат трупы крестьянские акы сѣннии стоги у Дона великого на брѣзе, а Дон река три дни кровию текла. И рече князь великий Дмитрий Иванович: «Считайтесь, братия, колько у нас воевод нѣтъ и колько молодых людей нет».

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликове, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было смотреть: лежат трупы христианские как сѣнные стога у Дона великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайтесь, братья, скольких у нас воевод нет и скольких молодых людей?»

Тогда говорит Михайло Ондрѣевичь московскій боярин князю Дмитрию Ивановичю: «Господине князь великий Дмитрий Ивановичь, нѣту туту у нас сорока боярин больших москѡвских, да 12 князей белозерских, да 30 бояринов посадников новгородцких, да 20 бояринов коломенских, да 40 бояринов переяславских, да полу 30 бояринов костромских, да пол 40 бояринов володимерских, да 50 бояринов суздальских, да 70 бояринов резанских, да 40 бояринов муромских, да 30 бояринов ростовских, да трех да 20 бояринов дмитровских, да 60 бояринов звенигородцких, да 15 бояринов углецьких. А изгибло нас всей дружины пол 300 000. И помилова бог Рускую землю, а татар пало безчислено многое множество».

Тогда отвечает Михайло Андреевич, московскій боярин, князю Дмитрию Ивановичю: «Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет у нас сорока бояр больших московских, двенадцати князей белозерских, тридцати бояр – новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, пятидесяти бояр суздальских, семидесяти бояр рязанских, сорока бояр муромских, тридцати бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр звенигородских, пятнадцать бояр угличских. А погибло у нас всей дружины двести пятьдесят тысяч. И помиловал бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество».

И рече князь великий Дмитрий Ивановичь: «Братия, бояра и князи, и дѣти боярские, то вам сужено мѣсто меж Доном и Непром, на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ. И положили есте головы своя за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую. Простите мя, братия, и благословите в сем вѣце и в будущем. И пойдѣм, брате, князь Владимир Андрѣевичь, во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядѣм, брате, на своем

княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Братия, бояре и князья и дети боярские, то вам суженое место между Доном и Днепром, на поле Куликове, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этой жизни и будущей. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю, к славному городу Москве, и сядем, брат, на своем княжении, чести, брат, добыли и славного имени!»

Богу нашему слава.

Богу нашему слава.

Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому

Выписано из послания иеромонаха Епифания, писавшаго к некоему другу своему Кириллу:

Выписано из послания иеромонаха Епифания, писавшего к некоему другу своему Кириллу:

Юже некогда видел еси церковь Софийскую цареградскую,⁴⁷⁵ написану в моей книзе во Евангелии, еже гречески речется Тетроевангелие,⁴⁷⁶ нашим руским языком зовется Четвероблаговестие. Прилучи же ся таковому граду списати в нашей книзе сицевым образом. Поне же егда живях на Москве, иде же бяше тамо муж он живый, преславный мудрок, зело философ хитр, Феофан, гречин, книги изограф⁴⁷⁷ нарочитый и живописецъ изящный во иконописцех, иже многи различные множае четверодесятчисленных церквей каменных своею подписал рукою, яже по градом, елико в Константине граде и в Халкидоне,⁴⁷⁸ и в Галафе,⁴⁷⁹ и в Кафе,⁴⁸⁰ и в Велицем Новгороде, и в Нижнем. Но на Москве три церкви подписаны: Благовещения святыя богородицы,⁴⁸¹ Михайло святой, одну же на Москве.⁴⁸² В Михайле святом на стене написа град,⁴⁸³ во градце шаровидно подробну написавый; у князя Владимира Андреевича⁴⁸⁴ в камене стене саму Москву такоже написавый; терем у князя великого незнаемою подписью и страннолепно подписаны; и в каменной церкви во святом Благовещении корень Иессеев⁴⁸⁵ и Апоколипсий⁴⁸⁶ также исписавый. Сия же вся егда назнаменующе ему или пишущу, никогда же нигде ж на образцы видяще его когда взирающе, яко же нецьи наши творят иконописцы, иже недоумения наполнишася присно приницающе, очима мещуще семо и овамо, не толма образующе шарми, елико нудяхуся на образ часто взирающе; но мняшеся яко иному пишущу рукама убо изобразуя писаше, ногама же бес покоя стояше, языком же беседа с приходящими глаголаше, а умом дальная и разумная обгадываше; чювственныма бо очима разумныма разумную видяше доброту си. Упредивленный муж и пресловущий великую к моей худости любовь имеяше; тако и аз уничиженный к нему и неразумный дерзновение множае стяжах, учащах на беседу к нему, любях бо присно с ним беседовати.

Ты видел некогда церковь Софийскую Цареградскую, представленную в моей книге – Евангелии, именуемом по-гречески Тетроевангелием, на нашем же русском языке – Четвероблаговестием. Вот каким образом случилось, что город этот был написан в нашей книге.

Когда я был в Москве, жил там и преславный мудрец, философ зело искусный, Феофан Грек, книги изограф опытный и среди иконописцев отменный живописец, который собственною рукой расписал более сорока различных церквей каменных в разных городах: в Константинополе, и в Халкидоне, и в Галате, и в Кафе, и в Великом Новгороде, и в Нижнем. Но в Москве им расписаны три церкви: Благовещения святой богородицы, святого Михаила и еще одна. В церкви святого Михаила он изобразил на стене город, написав его подробно и красочно; у князя Владимира Андреевича он изобразил на камерной стене также самую Москву; терем у великого князя расписан им неведомою и необычайною росписью, а в каменной церкви святого Благовещения он также написал «Корень Иесеев» и «Апокалипсис». Когда он все это рисовал или писал, никто не видел, чтобы он когда-либо смотрел на образцы, как делают это некоторые наши иконописцы, которые от непонятливости постоянно в них всматриваются, переводя взгляд оттуда-сюда, и не столько пишут красками, сколько смотрят на образцы. Он же, кажется, руками пишет изображение, а сам на ногах, в беспрестанной ходьбе, беседует с приходящими, а умом обдумывает высокое и мудрое, острыми же очами разумными разумную видит доброту. Сей дивный и знаменитый муж питал любовь к моему ничтожеству; и я, ничтожный и неразумный, возмев большую смелость, часто ходил на беседу к нему, ибо любил с ним говорить.

Аще бо кто или в мале или на мнозе сотворит с ним беседу, то не мощно еже не почудитися разуму и притчам его и хитростному строению. Аз видя себе от него любима и неоскорбляема и примесих к дерзости безстудство и понудих его рекий: «Прошу у твоего мудролюбия, да ми шарми накартаеши изображение великия оная церкви святыя Софии, иже во Цареграде, юже великий Иустиниан царь⁴⁸⁷ воздвиже, ротуюся и уподобився премудрому Соломону; ея же качество и величество нецыи поведаша яко Московский Кремль внутреградия и округ коло ея и основание и еже обходиши округ ея; в ню же аще кто странен внидет и ходити хотя без проводника, без заблужения не мощи ему вон излести, аще и зело мудр быть мнится, множества ради столпотворения и околостолпия, сходов и восходов, преводов и преходов, и различных полат, и церквей, и лествиц, и хранильниц, и гробниц, и многоименитых предград и предел, и окон, и путей, и дверей; впазов же и изпазов и столпов каменных вкупе. Написа ми нарицаемаго Иустиниана, на коне седяща и в руце своей десницы медяно держаща яблоко,⁴⁸⁸ ему же рекоша величество и мера, полтретя ведра воды вливаются, и сия вся

предиреченная на листе книжном напиши ми, да в главизне книжной положу и в начало поставлю и донели же поминая твое рукописание и на таковой храм взирая, аки во Цареграде стояще мним».

Сколько бы с ним кто ни беседовал, не мог не подивиться его разуму, его притчам и его искусному изложению. Когда я увидел, что он меня любит и что он мною не пренебрегает, то я к дерзости присоединил бесстыдство и попросил его: «Прошу у твоего мудролюбия, чтобы ты красками написал мне изображение великой этой церкви, святой Софии в Цареграде, которую воздвиг великий царь Юстиниан, в своем старании уподобившись премудрому Соломону. Некоторые говорили, что достоинство и величина ее подобны Московскому Кремлю, – таковы ее окружность и основание, когда обходишь вокруг. Если странник войдет в нее и пожелает ходить без проводника, то ему не выйти, не заблудившись, сколь бы мудрым ни казался он, из-за множества столпов и околостолпий, спусков и подъемов, переводов и переходов, и различных палат и церквей, лестниц и хранильниц, гробниц, многоразличных преград и приделов, окон, проходов и дверей, входов и выходов, и столпов каменных. Упомянутого Юстиниана напиши мне сидящего на коне и держащего в правой своей руке медное яблоко, которое, как говорят, такой величины и размера, что в него можно влить два с половиной ведра воды. И это все вышесказанное изобрази на книжном листе, чтобы я положил это в начале книги и, вспоминая твое творение и на такой храм взирая, мнил бы себя в Цареграде стоящим».

Он же мудр мудре и отвеча ми: «Не мощно есть, рече, того ни тебе улучшить, ни мне написать; но обаче докуки твоя ради мало нечто аки от части вписую ти, и то же не яко от части, но яко от сотыя части, аки от многа мало, да от сего маловиднаго изображеннаго пищемага нами и прочая большая имаши навьцати и разумети». То рек, дерзостне взял кисть и лист, и написа наскоре храмовидное изображение⁴⁸⁹ по образу сущия церкви во Цареграде, и вдаде ми.

Он же, мудрец, мудро ответил мне. «Невозможно, – молвил он, – ни тебе того получить, ни мне написать, но, впрочем, по твоему настоянию, я малую часть от части ее напишу тебе, и это не часть, а сотая доля, от множества малость, но и по этому малому изображению, нами написанному, остальное ты представишь и уразумеешь». Сказав это, он смело взял кисть и лист и быстро написал изображение храма, наподобие церкви находящейся в Цареграде, и дал его мне.

От того листа нужда бысть и прочим иконописцем московским, яко мнози бяху у когождо преписующе себе, друг пред другом ретующе и от

друга приемлюще. Последи же всех изволися и мне, аки изографу написати четверообразне; поставихом таковый храм в моей книзе в четырех местех: 1) в начале книги в Матфееве евангелии, идеже столп Юстиниана иде же Матфея евангелиста образ бе; 2) же храм в начале Марка евангелиста; 3) же пред началом Луки евангелиста; 4) же внегда начатися Иоаннову благовестию; 4 храмы, 4 евангелиста написашася, иже некогда видел еси, внегда бежах от лица Едегеева на Тверь, устрашихся, паче же всех, у тебе преупокоих претружение мое, и тебе возвестих печаль мою, и тебе явствовах все книжие мое, елицы от разсеяния и от расточения ошашася у мене. Ты же тогда таковый храм написанный видел, и за 6 лет вспомянул ми в минувшую зиму сию своим благоутробием. О сих до зде. Аминь.

От того листа была великая польза и прочим московским иконописцам, ибо многие перерисовали его себе, соревнуясь друг с другом и перенимая друг у друга. После всех решился и я, как изограф, написать его в четырех видах, и поместил этот храм в своей книге в четырех местах: 1) в начале книги в Евангелии от Матфея, – где столп Юстиниана и образ евангелиста Матфея; 2) храм в начале Евангелия от Марка; 3) перед началом Евангелия от Луки и 4) перед началом Евангелия от Иоанна; четыре храма и четырех евангелистов написал. Их-то ты и видел, когда я, устрашась, бежал от Едигея в Тверь и у тебя нашел покой и тебе поведал мою печаль и показал все книги, которые остались у меня от бегства и разорения. Тогда ты и видел изображение храма этого и через шесть лет в прошлую зиму напомнил мне о нем по своей доброте. Об этом довольно. Аминь.

Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на беса

СЛОВО 2-Е О ТОМ ЖЕ О ВЕЛИКОМ СВЯТИТЕЛИ ИОАННЕ АРХИЕПИСКОПЕ ВЕЛИКОГО НОВАГРАДА, КАКО БЫЛ В ЕДИНОЙ НОЩИ ИЗ НОВАГРАДА ВО ИЕРОСАЛИМ ГРАД И ПАКЫ ВОЗВРАТИСЯ В ВЕЛИКИЙ НОВЪГРАД ТОЕ ЖЕ НОЩИ

Понеже несть се достойно молчанию предати, еже бог сотвори святителем своим Иоанномъ. Многажды же бывает со искушением над святыми попущением божиим, да болма прославятся и просветятся, яко злато искушено. Прославляюща мя, рече, прославлю. Дивен бо есть бог во святых своих. Бог прославляв святыя своя. И паки рече Христос: «Се дах вам власть над духы нечистыми».

СЛОВО ВТОРОЕ О ТОМ ЖЕ О ВЕЛИКОМ СВЯТИТЕЛЕ ИОАННЕ, АРХИЕПИСКОПЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА, КАК ОН ЗА ОДНУ НОЧЬ ПОПАЛ ИЗ НОВГОРОДА ВО ИЕРУСАЛИМ-ГРАД И СНОВА ВОЗВРАТИЛСЯ ТОЙ ЖЕ НОЧЬЮ В ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Нельзя забвению предать то, что случилось однажды по божьему изволению со святителем Иоанном. Нередко попущением божьим выпадает испытание и святым, да еще больше прославятся и просияют, как золото отполированное. Прославляющего меня, говорит господь, и я прославлю. Дивен бог святыми своими; сам господь святых своих прославляет. И еще сказал Христос: «Дал я вам власть над духами нечистыми».

В един убо от дний святому по обычаю своему в ложницы своей молитвы нощныя совершающу. Имеяше же святыи сосуд с водою стоящ, из него же умывашеся. И слыша в сосуде оном некотораго поропщюща в воде, и прииде скоро святыи и уразуме бесовское мечтание. И сотвори молитву, и огради сосуд крестом и запрети бесу. Хотяще бо пострашити святаго, но приразився твердому адаманту, твердаго же адаманта не поколеба и сам вселукавый сотресе.

Однажды святой по своему обычаю творил ночные молитвы в ложнице своей. Здесь у святаго и сосуд с водой стоял, из которого он умывался. И вот, услышав, что кто-то в сосуде этом в воде плещется, быстро подошел святой и догадался, что это бесовское наваждение. И, сотворя молитву, осенил сосуд тот крестным знаменем, заключив беса. Хотел бес постращать святаго, но налетел на несокрушимую твердыню и твердыни этой поколебать не смог, а сам лукавый был сокрушен.

И не на долгый час не могый терпети бес, нача вопити: «О люте

нужди сея! Се бо огнем палим есмь: не могу терпети; скоро испусти мя, святче божий!» Святой же рече: «Кто еси ты и како семо прииде?» Дьявол же рече: «Аз есмь бес лукавый, и приидох смутити тя. Мнях бо яко человек устрашишися, и от молитвы упразднишися, ты же мя зле заключив в сосуде сем. Се бо яко огнем палим зило, горе мне окаянному! како прелстихся, како внидох семо, недоумевся! Ныне же пусти мя, рабе божий, и отселе не имамъ приити семо!» И надолзе вопиющу неприазненому, свитый же рече: «Се за дерзость твою повелеваю ти: сее нощи донеси мя из Великого Новаграда в Иеросалим град, и постави мя у церкви, идеже гроб господень, и из Еросалима града сее же нощи в келии моей, в ню же дерзнул еси внити. И аз тя испущу». Бес же всячески обещася сотворити волю святого, токмо, рече: «Испусти мя, рабе божий, се бо люте стражду».

И не в силах терпеть долго, начал бес вопить: «О, горе мне лютое! Как в огне горю, не могу терпеть, выпусти меня поскорее, праведник божий!» Святой же спросил: «Кто ты таков и как попал сюда?» Дьявол ответил: «Я бес лукавый, пришел, чтобы смутить тебя. Надеялся я, что ты, как обычный человек, испугаешься и молиться перестанешь. Ты же меня, на мое горе, заключил в сосуде этом. И вот как огнем палим я нестерпимо – горе мне, окаянному! Зачем польстился, пришел сюда, не понимаю! Отпусти меня, раб божий, а я больше никогда к тебе не приду!» И сказал святой беспрерывно вопившему дьяволу: «За дерзость твою повелеваю тебе: сей же ночью отвези меня на себе из Великого Новгорода в Иерусалим-град, к церкви, где гроб господень, и в сию же ночь из Иерусалима – назад, в келию мою, в которую ты дерзнул войти. Тогда я освобожу тебя». Бес клятвенно обещал исполнить волю святого, только умолял: «Выпусти меня, раб божий, страдаю люто!»

Святой же запретив бесу, испусти ѱ, рек: «Да будеши яко конь уготовлен, предстояй пред кельею моею, да имам на тя вьсести, и совершити желание свое». Бес же изыде яко тма из сосуда, и ста яко конь пред кельею святого, яко же тебе святому. Святой же, изыде ис келья, и вьоружи себе крестом, и вседе на нь, и обретесе тоя нощи во Иеросалиме граде близ церкви святого Вьскресения, иде же гроб господень и часть животворящаго древа. Бесу же запрети, да не отидеть от места того. Бес же стоя, никако же могий двигнутися с места, дондеже святой прииде к церкви святого Воскресения. И ста пред дверми церковными, и преклонив колени, помолися, и отверзошася двери церковныа сами о себе, и свечи и паникадила в церкви и у гроба господня вьзьжгошася. Святой же благодарствене моля бога, и пролиа слезы, и поклонися гробу господню и облобыза ѱ, тако же и животворящему древу, и всем святым образом и

местомъ, иже суть в церкви. Изыде из церкви, совершив желание свое, и паки двери церковныа о собе затворишася. И обрете святыи беса стояща на том месте, идеже повеле ему, яко коня уготовлена. И вседе на нь святыи, и обретесе тое же нощи в Великом Новеграде в келии своей.

Тогда святой, заклиав беса, выпустил его и сказал: «Превратись в коня оседланного и встань перед кельею моею, а я сяду на тебя, и ты исполнишь волю мою». Бес черным дымом вышел из сосуда и встал конем перед кельею Иоанна, как приказал ему святой. Иоанн же, выйдя из кельи, перекрестился и сел на него, и очутился той же ночью в Иерусалиме-граде, около церкви святого Воскресения, где гроб господень и часть от животворящего креста господня. Беса же заклиав, чтобы не мог с места того сойти. И бес стоял, не смея сдвинуться с места, покуда Иоанн ходил в церковь святого Воскресения. Подошел Иоанн к дверям церковным и, преклонив колени, помолился, и сами собой открылись двери церковные, и зажглись свечи и паникадила в церкви и у гроба господня. Святой возблагодарил в молитве бога, прослезился и поклонился гробу господню и облобызал его, поклонился он также и животворящему кресту и всем святым иконам и местам церковным. Когда вышел он из церкви, осуществив мечту свою, то двери церковные снова сами собой затворились. И нашел святой беса, стоящего конем оседланным, на том месте, где повелел. Сел на него Иоанн и той же ночью оказался в Великом Новгороде, в келье своей.

И отходя бес ис келии святого, и рече: «Иоанне! ты мя потруди во единой нощи донести себе из Великого Новаграда во Иеросалим град, и тое же нощи из Еросалима града в Великий Новъград. Се бо запрещением твоим, яко узами неразрешенно держимъ бых и бедне сего претерпех. Ты же да не повеси никому же збывшаяся о мне. Аще ли исповеси, аз же имам на тя искушение навести. Имаши бо яко блудник осужен быти, и много поруган быти, и на плот посажен на реце рекомом Волхове». Сиа же блядущу лукавому, святыи же сътвори крестное знамение, и исчезе бес.

Когда уходил бес из кельи святого, то сказал: «Иоанн! Замучил ты меня: в одну ночь заставил донести себя из Великого Новгорода в Иерусалим-град и в ту же ночь из Иерусалима-града в Великий Новгород. Это ведь заклятием твоим, как цепями, был я крепко связан и все, бедный, перенес. Смотри же не рассказывай никому о случившемся со мной. Если же расскажешь, то я тебя оклеветчу. Будешь тогда как блудник осужден, и поруган, и на плот тебя посадят и пустят по реке Волхову». Так пустословил лукавый. Святой перекрестил его, и исчез бес.

Некогда же святому, яко же имеяше обычай, упражняющуся в

духовней беседе с честными игумены и со искуснейшими иереи и з богобоязливými мужи, и учение свое простирающе, и святых жития сказующу, еже на ползю людем. Людем же послушающим в сладость святаго учения: не ленив бо бяше еже учити люди. Тогда же глагола, яко о ином некотором сказуа, еже збысться на нем. «Аз, рече, вем такова человека бывша во единой нощи из Великого Новаграда во Иеросалиме граде, и поклонився гробу господню, и пакы возвратившася тое же нощи в Великий Новьград». Игуменом же, иереом и всем людем удивльшимся о сем.

Однажды Иоанн, как это было в его обычае, вел душеспасительную беседу с честными игуменами, и с многоразумными иереями, и с богобоязненными мужами, поучая и рассказывая о жизни святых, для пользы душевной людем. Они же в сладость слушали поучения святаго: не ленился он учить людей. И поведал он тогда, как-будто о ком-то другом рассказывая, что с ним самим случилось. «Я, говорил, знаю человека, который за одну ночь успел попасть из Новгорода Великого в Иерусалимград, поклонился там гробу господню и той же ночью вернулся в Великий Новгород». Игумены, иереи и все люди подивились этому.

И от того времени попущением божиимъ нача бес искушение наводити на святаго. Народи убо града того многожды видяху яко жену блудницу текущу ис келии святаго: бес бо преображашеся в жену. Народи же не ведяху, яко бес есть мечтуа, но весьма мняху жену блудницу и соблажняхуся о сем. Иногда же и начальници града того, приходяще в келию святаго, благословенна ради, видять мониста девичья лежаща, и сандалиа женьская, и рубища, и о семь оскорбляхуся, недоумеюще что рещи. Вся же си бес мечтуа показовааше им, да востануть на святаго, и возглаголють неправедная, и изженуть.

И вот, с того дня божиим попущением начал бес клевету возводить на святаго. Жители того города часто видели, как из кельи святаго выходила блудница: это бес преображался в женщину. Горожане же не знали, что это бесовское наваждение, а были уверены, что это на самом деле уличная женщина, и впадали в заблуждение. Случалось также, что начальники города, приходя в келью святаго для благословения, видели там мониста девичьи, и обувь женскую, и одежду, и негодовали на это, не зная, что и сказать. А все это бес наваждением своим показывал им, чтобы восстали на святаго, неправедно осудили его и изгнали бы.

Народи же они с начальники своими советовавше, рекоша к себе: «Неправедно есть таковому святителю быти на апостольском престоле, блуднику сущу: идемь и изженемь ѱ!» О таковых бо людех Давид

рече:⁴⁹⁰ «Немы да будут устны льстивыа, глаголющая на праведнаго безаконие гордынею и уничиждением, понеже они мечтанию бесовьскому веры имше, имуще же яко и жидовьскую соньмицю». На подлежащее же возвратимся.

Посоветовавшись с начальниками своими, горожане порешили между собой: «Не подобает такому святителю, блуднику, быть на апостольском престоле – идем и изгоним его!» О таких людях Давид сказал: «Пусть онемеют уста льстивые, в гордыне изрекающие ложь о праведнике, потому что они поверили бесовскому наваждению, как некогда еврейский народ». Но возвратимся к нашему рассказу.

И пришедше народи к келии святого, бес же потече народом зрящим во образи отроковицы, яко ис келии святого. Народи же восклицаша да изымають еа. И не можаху, гнавше доволно. Святыи же слышав молву народа у келии своей и изыде к ним и рече: «Что есть, чада?» Они же изглаголаша ему вся, яже видеша, святого же глаголом не внимаху, и осудиша его яко блудника. И имше его нудма, поругашася ему и, недоумеваху что быша сотворили ему, и умыслиша тако: «Посадим его на плот на реку на Волхов, и да выпловеть из града нашего вниз по реце». И выведоша святого и целомудренаго великаго святителя божиа Иоанна на Великий мост,⁴⁹¹ еже есть на рецы на Волхове и, низвесивше святого, на плот посадиша. И збысться лукаваго диавола мечьтание. Диавол же нача сему радоватися, но божиа благодать преможе, и святого вера к богу и молитвы.

Когда пришел народ к келье святого, то бес перед глазами всех побежал в образе девицы, будто из кельи святого. Люди закричали: «Ловите ее!» Но хоть и долго гнались, не смогли поймать. Святой же, услышав говор людской у кельи своей, вышел и спросил: «Что случилось, дети мои?» Они же рассказали все, что видели, и, не внимая оправданиям святого, осудили его как блудника. Схватили его, и надругались над ним, и, не понимая, что творят, понося святого, порешили: «Посадим его на плот на реке Волхове – пусть выплывет из нашего города вниз по реке». И вывели святого и целомудренного великого святителя божьего Иоанна на Великий мост, что на реке Волхове, и, опустив святого с моста, на плот посадили. Так сбылось предсказание лукаваго дьявола. Возрадовался нечистый, но божья благодать и вера святого в бога и молитвы пересилили.

И егда посажен бысть святитель божий Иоанн на плот, на реце на Волхове, и поплоче плот вверх реки, никим же пореваем, на нем же святыи седяше, противу великие быстрины, еже есть у Великого мосту, к святого Георгия монастырю.⁴⁹² Святыи же моляшеся о них, глаголя: «Господи! не

постави им греха сего: не ведут бо, что творять!» Дьявол же виде, посрамися и возрыда.

Когда посадили божьего святителя Иоанна на плот на Волхове, то поплыл плот против самой быстрины, которая как раз у Великого моста, никем не подталкиваемый, вверх по реке, к монастырю святого Георгия. Святой же молился о новгородцах, говоря: «Господи! Не вмени им это во грех: ведь сами не ведают, что творят!» Дьявол же, виде это, посрамился и возрыдал.

Народи же, видевшие таково чудо, растерзаху ризы своа и возвращахуся, рекуще: «Согрешихом, неправедное содеяхом – овци сии пастыря осудихом. Се бо видим яко от бесовскаго мечтания сие сотворися нам!» И шедше скоро в великую Премудрость божию,⁴⁹³ и повелеша священному собору, иереом и диаконом, со кресты пойти вверх по берегу реки Волхова ко святаго Георгия монастырю, и молити святаго, дабы возвратился на престол свой. Священный же собор со тщанием взяша честный крест и икону святости богородици, яко же лепо бе, и поидоша по берегу реки Волхова, вослед святаго, моляще его, дабы ся возвратился на престол свой. Тако же и народи они, иже прежде ков на святаго воздвигше, текуще по берегу реки Волхова к святаго Георгия монастырю, умильне глас испущающе, глаголаху: «Возвратися, честный отче, великий святителю Иоанне, на престол свой, и не остави чад своих сирых, и не помяни, еже согрешихом к тебе!» И предвариша святаго и носящих иереов честный кресты близ святаго Георгия монастыря яко пол-поприща, и сташа, преклоняюще главы своа до земля, моляще святаго и слезы проливающе, тако же глаголюще, яко же рехом: «Возвратися, честный отче, пастырю наш, на престол свой; грех бо наш пред нами есть всегда; пред тобою согрешихом, и дьявола лукаваго мечтанием прелстихомся. Тако сотворити дерзнухом, яко убо безответне прощения просим, но обаче и благословения твоего сподоби нас!» И ина многа глаголаху, моляще святаго. Не скоро бо пловяше святыи на плоте оном противу великия быстрины, но яко некоторою божественною силою носим благоговейно и честно, не бо предваряше носящих честныа кресты по берегу, но равно пловяше с носящими иереи и диаконы честныа кресты. И егда священный собор с честными кресты приидоша к месту, иде же народи они стояще бяху, и начаша вкупе болма молити святаго, дабы возвратился на престол свой. Святыи же послуша моления их, яко по воздуху носим, ко берегу приплоче и, востав с плота, сниде на брег. Народи же, видевшие, радовахуся, яко умолиша святаго возвратитися, и плакахуся, еже согрешиха к святому, прощения просяще.

Люди, узрев такое чудо, стали рвать одежды на себе и говорили: «Согрешили мы, несправедно поступили – осудили овцы пастыря своего. Теперь-то видим, что бесовским наваждением все произошло!» Побежали в великую Софию Божию и велели священному собору – иереям и дьяконам – идти с крестами вверх по берегу реки Волхова к монастырю святого Георгия и умолить святого, чтобы возвратился на престол свой. Священники взяли честный крест и икону святой богородицы, как подобает, и пошли по берегу Волхова вослед за святым, моля его, чтобы возвратился на престол свой. Так же и те люди, которые прежде на святого клевету возводили, шли по берегу Волхова к монастырю святого Георгия и с мольбой просили: «Возвратись, честный отче, великий святитель Иоанн, на престол свой, не оставь чад своих осиротевшими, не поминай наше согрешение перед тобой!» И, обогнав святого и крестный ход, остановились за пол-поприща до монастыря святого Георгия, и, кланяясь до земли и проливая слезы, умоляли Иоанна, повторяя: «Возвратись, честный отче, пастырь наш, на престол свой! Пусть грех наш падет на нас – прельстились кознями лукавого дьявола и согрешили перед тобой. За дерзость свою прощения просим, не лиши нас благословения своего!» И многое другое говорили, умоляя святого. Тихо плыл Иоанн на плоте своем против сильного течения, как будто некоей божественной силой несло его благоговейно и торжественно, чтобы не обогнать крестного хода, – наравне с несущими честные кресты иереями и дьяконами плыл он. Когда священный собор с честными крестами подошел к тому месту, где стоял народ, то все вместе стали еще горячее молить святого, чтобы возвратился он на престол свой. Святой, вняв мольбе их, словно по воздуху несомый, приплыл к берегу и, поднявшись с плота, сошел на берег. Люди, видевшие все это, радовались, что умолили святого возвратиться, и плакали о своем согрешении перед ним, прощения прося.

Беззлобивая же она душа прощения сподобляет их. Мнози же от них на носе падающе, слезами обливаху носы его; друзии же ризами знаменовавхуся святого. И, спроста рещи, друг друга утесняху, хотяху поне видети святого. Святой же благословяше их. И тако поиде с кресты чудоносивый архиерей Божий Иоанн в святого Георгия монастырь, и со священным собором молебная съвершающе пения. И множество народа воследующим и глаголющим: «Господи, помилуй!»

Он же, беззлобная душа, простил их всех. Одни из них в ноги падали ему, обливая их слезами, другие прикладывались к ризам святого. И, попросту сказать, теснились и толкали друг друга, чтобы хоть увидеть святого. Святой же благословлял всех. И пошел чудотворец архиерей

божий Иоанн с крестным ходом в монастырь святого Георгия, совершая молитвенные пения со священным собором. И множество народа следовало за ними, восклицая: «Господи, помилуй!»

Архимандриту же и иноком монастыря того не ведущимъ, яко архиерей божий Иоанн грядеть в монастырь. В то же время во святого Георгия монастыри бе некий человек яко урод ся творя, прозорлива же дара имеа от бога благодать. Сей скоро притече к архимандриту монастыря того, толкый в двери келиа его, и глаголя: «Изыди противу великаго святителя божиа Иоанна, архиепископа Великого Новаграда, сей грядеть к нам в монастырь». Архимандрит же усумнеся, и посла видети. Послании же шедше увидеша от народа ту суцгаго вся бывшая яже о святемъ, и скоро возвратившеся возвестивше архимандриту. Архимандрит же повеле в тяжкая звонити. И шедшимся иноком великиа тоя лавры, и взявше честныя кресты, и изидоша из монастыря противу святителя божиа Иоанна. Святыи же видеv, кождо благословяше их, и прииде в монастырь, и вшед в церковь святого великомученика Христова Георгия, со архимандритом монастыря того, и со всем священным собором, и со иноческим чином, и со множеством народа. И молебнаа совершив, и тако с великою честью возвращается на престол свой в Великий Новъград.

Архимандрит же и иноки того монастыря не знали, что в монастырь грядет архиерей божий Иоанн. А в те времена в монастыре святого Георгия жил некий человек, юродивый, получивший от бога благодать прозорливости. Сей человек пришел к архимандриту монастыря и, постучав в дверь его кельи, сказал: «Иди, встречай великаго святителя божьего Иоанна, архиепископа Великого Новгорода, – грядет он к нам в монастырь». Архимандрит не поверил и послал посмотреть. Посланные же пошли и узнали от людей все случившееся со святым и, быстро вернувшись, рассказали архимандриту. Архимандрит повелел в большие колокола звонить. И собрались иноки этой великой лавры, взяли честные кресты и пошли из монастыря навстречу святителю божьему Иоанну. Святой же, увидев их, благословил каждого и, придя в монастырь, вошел в церковь святого Христова великомученика Георгия с архимандритом монастыря того, со всем священным собором и иноками, и со всем множеством народа. И, совершив молебен, с великой честью вернулся на престол свой в Великий Новгород.

Сиа же сам о себе исповеда священному собору и прочим людемъ: како хотяше его бес пострашити, и како был в Иеросалиме граде во единой ноци из Великого Новаграда, и вся, яже сбысться ему, по ряду сказа, яко же преди речеса. И учаше их святыи, глаголя: «Чада! со испытанием всяко

дело творите, да не прелщени будете диаволом. Да некогда з добродетелию злобу приплетену обрящете, и суду божию повинни будете: страшно бо есть впасги в руце бога живаго!» И о сем мало да премолчим.

Все это о себе рассказал он сам священному собору и другим людям: как его бес хотел пострацать, как он побывал за одну ночь в Иерусалиме-граде и вернулся назад в Новгород, и все, что случилось с ним, подробно поведал, как это выше рассказано. И поучал их святой, говоря: «Дети мои! любое дело творите, сначала проверив все, чтобы не оказаться прельщенными дьяволом. А то может случиться, что с добродетелью зло переплетется, тогда виновны будете перед божьим судом: ведь страшно впасть в руки бога живого!» Но об этом пока многого говорить не будем.

Князь же и начальници града того, советовавше со множеством народа, поставиша крест камен на том месте на берегу, иде же приплоче святой, иже и до ныне стоит во свидетельство преславному чудеси сему святого, и в наказание соньмицы Великого Новаграда, да паки тако не дерзають скоро без испытанна святителя осуждати и изженути. О святых бо своих Христос рече: «Блажении изгнани правды ради, яко техъ есть царство небесное! А иже святыя изганяють бес правды, кый ответ имуть?»

Князь и начальники города, посоветовавшись со всем народом, поставили крест каменный на том месте на берегу, куда приплыл святой. И крест этот и ныне стоит во свидетельство преславного чуда этого святого и в назидание всем новгородцам, чтобы не дерзали сгоряча и необдуманно осуждать и изгонять святителя. Ибо сказал Христос о святых своих: «Блаженны изгнанные правды ради, потому что им принадлежит царство небесное! А те, которые изгоняют святых несправедливо, что смогут ответить на том свете?»

Житие Михаила Клопского

О ЖИТЬИ СВЯТОГО МИХАЙЛА, ХРИСТА РАДИ УРОДИВАГО

Прихождение Михайла, уродиваго Христа ради ко святей Троицы на Клопъско при Феодосии, наречением на владычество.⁴⁹⁴

О ЖИТИИ СВЯТОГО МИХАИЛА, ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВОГО

Приход Михайла, Христа ради юродивого, в Клопский монастырь святой Троицы при игумене Феодосии, избранном позже на владычный стол.

А пришел канун дни честнаго Рождества Иоанна в ночь.⁴⁹⁵ И поп Макарий покадив во церкви на девятой песни да пошел в келию. И прииде в келию, аже келиа отомчена. И он войде в келию, аже старец сидит на стуле, а пред ним свеща горит. А пишет, сидя, деяния святого апостола Павла, плавание. И поп воспятился, да пошел в церковь уполошився. Да пришед да сказал Феодосию игумену и чернцом.

А пришел в Иванову ночь. Поп Макарий, покадив в церкви на девятой песне, пошел в келью. Пришел к келье – а келья открыта. Вошел он в келью, а там старец сидит на стуле, горит перед ним свеча, а он переписывает деяния святого апостола Павла – рассказ о плавании. Поп, перепугавшись, попятился и вернулся в церковь. Пришел и рассказал о незнакомце игумену Феодосию и инокам.

И игумен Феодосие взяв крест и кадило да прииде в келию и с чернцы, аже сенцы заперты. И он посмотрил в окно в келию, аже старець сидя пишет. И игумен сотвори молитву: «Господи Исусе Христе, сыне божие, помилуй нас грешных!» И он против сотворил молитву тако же. И игумен 3-жды створил молитву и он противу тако же сотворил 3-жды молитву, против игумена Феодосиа.

Игумен Феодосий, взяв крест и кадило, пошел к келье с братиею, а сенцы в келью уже заперты. И он заглянул в окно кельи – старец сидит и пишет. Тогда игумен сотворил молитву: «Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас, грешных!» А незнакомец в ответ сотворил эту же молитву. И игумен трижды творил эту молитву, и трижды пришелец отвечал Феодосию той же молитвой.

И Феодосий молвит ему: «Кто еси ты, человек ли еси или бес? Что тебе имя?» И он ему отвеца те же речи: «Человек ли еси или бес? Что ти имя?» И Феодосей молвит ему в другие и въ третее те же речи: «Человек ли еси или бес, что ти имя?» И Михайла противу того те же речи в другие и в третье: «Человек ли еси или бес?»

Вот Феодосий молвит ему: «Кто ты – человек или бес? Как твое имя?» А он ему в ответ те же слова: «Человек ты или бес? Как твое имя?» И Феодосий во второй и третий раз повторил свой вопрос: «Человек ты или бес? Как твое имя?» И во второй и третий раз Михайла отвечал одно и то же: «Человек ты или бес?»

И повеле игумен Феодосей у кельи и у сенець верх содрати да у кельи дверь выломити. Да влещи игумен в келию, да почал келию кадит темьяном, да старца того почал кадити. И он от темьяна закрывается, а крестом знаменается. И игумен воспроси его Феодосей: «Как еси пришел к нам и откуда еси? Что еси за человек? Что имя твое?» И старец ему отвеча те же речи: «Как еси к нам пришел? Откуда еси? Что твое имя?» И не могли ся у него имени допытати.

Тогда игумен Феодосий велел в келье и в сенцах крышу разобрать и в келье дверь выломать. Вошел игумен в келью, начал келью фимиамом кадить и старца стал кадить. А тот от фимиама прикрывается, а сам осеняет себя крестным знамением. И спросил его игумен Феодосий: «Как ты пришел к нам, откуда ты? Что ты за человек? Как имя твое?» А старец отвечал его же словами: «Как ты пришел к нам? Откуда ты? Как твое имя?» Так и не могли допытаться о его имени.

И Феодосей молвить старцам таково слово: «Не бойтесь, старци, бог нам послал сего старца».

И Феодосий молвил старцам: «Не бойтесь, старцы, бог нам послал этого старца».

И потом позвонили обеднюю, и поп к церкви Макарей. И начали обеднюю пети. И где пришло ся пети «Единородный», аже старец в церковь. И он почал пети «Единородный сын и блажен», «Апостол», и все обеденне пети почал и до конца. И поп, отпев обедню, да к Феодосию к ыгумену с проскурою. И Феодосий, взяв проскуру, да даст старцу, да молвит Феодосей старцу: «Пойди к нам, старец, в трапезу хлеба ясти!» И он с ними в трапезу пошел. И отьятши хлеба да Феодосей рече ему: «Буди у нас, старець, живи с нами». А сам Феодосей ввел его в келию.

Потом позвонили к обедне, и поп Макарий пошел в церковь. Начали служить обедню. И когда запели «Единородный», видят – старец тот в церковь вошел и тоже начал петь «Единородный сын и блаженный» и «Апостол» и всю обедню пел до конца. Когда поп кончил обедню, то подошел с просвирой к Феодосию игумену. И Феодосий, взяв просвиру, дал ее старцу, да молвил ему: «Иди, старец, к нам в трапезную хлеб есть». И он пошел со всеми в трапезную. А когда поели, то Феодосий сказал ему: «Оставайся у нас, старец, живи с нами». И сам Феодосий ввел его в келью.

И по мали времени рече Михайло Феодосью игумену: «Будут у нас гости». И рече ему Феодосей: «Сыну, что за гости будут?» И он не отвеща ему ничто же. И поиде Феодосей игумен и старец ис церкви от обедни, обедню певши, аж стоят на монастыре три мужи. И Феодосей игумен подасть им проскуру, ино два взяли проскуру, а один не взял. И старец рече Феодосию: «Зови их хлеба ясти, зане же издалеча пришли». И рече Феодосей: «Пойдем, дети, в трапезу хлебов ясти». И отвеща един от них: «Есть, отче, у нас иные друзи нам товарищи». И рече Феодосей игумен и Михайла: «Един от вас шедши позови и тех друзей, да вместе емы». И призва, шед, един от них. Аже их идет 30 в доспесех со оружьи и з сулицами.

Прошло немного времени, и говорит Михайла игумену Феодосию: «Будут к нам гости». Спрашивает его Феодосий: «Сын мой, что за гости будут?» А он ничего не ответил. Пошли Феодосий игумен и старец из церкви от обедни, отпев обедню, а на монастырском дворе стоят трое неизвестных. Игумен Феодосий дал им по просвире: двое взяли, а один не взял. И говорит старец Феодосию: «Зови их хлеб есть – ведь они издалека пришли». И Феодосий сказал: «Пойдем, дети, в трапезную поедим хлеба». А один из них ответил: «С нами, отче, есть еще люди, наши товарищи». Тогда Феодосий игумен и Михайла говорят: «Пусть кто-нибудь из вас пойдет да позовет остальных – поедим все вместе». Один из них пошел и позвал остальных. А их идет тридцать человек, все в доспехах, с оружием и сулицами.

И вошли в трапезу хлеба ясти. И рече им Феодосей и Михайло: «Сядите, дети, хлебов ясти». И седши все яли хлеба, а два не ели. И рече им Михайло: «Не збудетца ваше, почто есте пришли!» И разболелися в тый час оба, которые не яли хлеба. И восташа от трапезы, прославиша бога и святую Троицу. И даша един от них 100 бел⁴⁹⁶ на трапезу, а молвя таково слово: «Поберегите, отче, товарищев наших, мы от вас с миром идем!» И лежаша болны пять ден. И един болен вельми, желаше в черньци. А Феодосей не смея пострищи. И рече Михайло Феодосью: «Пострижи, отче, брат нам будеть!» И постригоша его, и даша имя ему Ерофей. А другаго отпустиша здрава и рече ему: «Иди молви своим другом: по ся места не украдите и не разбийте, останете своих грехов».

Вошли в трапезную хлеб есть. Феодосий и Михайла говорят им: «Садитесь, дети, хлеб есть». Все сели за столы и поели, а двое не стали есть. Тогда сказал им Михайла: «Не сбудется ваш умысел, с которым вы сюда пришли!» И сразу же худо стало тем двоим, которые не ели. Встали все от трапезы, прославляя бога и святую Троицу, а один из гостей дал сто

бел на трапезу и молвил: «Позаботьтесь, отцы, о наших товарищах – а мы от вас с миром пойдем!» И лежали двое больных пять дней. И один из них, сильно занемогший, захотел постричься в чернецы. Но Феодосий не смел постричь его. Тогда сказал Михайла Феодосию: «Постриги, отче, братом нам будет». И постригли его и нарекли в монашестве Ерофеем. А другого, когда поправился, отпустили, и Михаил сказал ему: «Иди да передай своим друзьям, чтобы с этой поры они больше не грабили и не разбойничали, оставили бы свои грехи».

И по том времени приехал князь Костянтин⁴⁹⁷ и з женою причащаются и монастырь кормити на Преображение господне. И заставили его книгу чести Иева праведнаго⁴⁹⁸ за обедом... И князь слышав голос его да посмотрив в очи, и познал его. Да молвит ему: «А се Михаил, Максимов сын». И он противу молвить князю: «Бог знает». И Феодосей игумен ему молвит: «Чему, сынько, имени своего нам не скажешь?» И он молвит противу: «Бог знает». И с тех мест сказал свое имя – Михайло. И почали его звати Михайлом. И князь молвить игумену и старцам: «Поберегите его – нам человек той своитин». И с тех мест поча игумен старца беречи его.

Вскоре после этого, на Преображение господне, приехал причащаться и монастырь кормить князь Константин с женою. За обедом Михаила заставили читать книгу Иова праведного. И князь, услышав голос старца, посмотрел ему в лицо и узнал его. Говорит он ему: «Да ведь это Михаил, Максимов сын». А тот молвил князю в ответ: «Бог знает». Тогда Феодосий сказал: «Почему, сынок, своего имени нам не назовешь?» А он в ответ: «Бог знает». И с той поры назвал свое имя – Михайла. И начали называть его Михаилом. Князь же сказал игумену и старцам: «Вы берегите его – этот человек нам родня». С тех пор игумен начал заботиться о старце.

И тогда в Веряжи вся вода высохла. И бысть суша по три лета. И поиде понамарь по водицу к церкви, аже Михайла пишет на песку: «Чашу спасения прииму, имя господне призову. Ту будет кладяз неисчерпаемый». И понамарь, как обедню отпели, сказал игумену Феодосию. И поиде игумен с Михайлом на берег. И посмотрит игумен, аже написано на песку, и спросит игумен у Михайла: «Что, Михайло, написано на песку?» И Михайло молвит: «Написано на песку – чашу спасения прииму, имя господне призову. Ту будет кладяз неисчерпаемый». И створи игумен и Михайла молитву. И покопа мало – поиде вода опругом. И явился кладяз неисчерпаемый и до сего дни.

Случилось – в Веряже вся вода высохла. Была засуха три года подряд. Раз пошел понамарь за водой для церкви, видит – Михаил пишет на песке:

«Чашу спасения приму, имя господи призову. Тут будет источник неисчерпаемый». И пономарь, как обедню отпели, рассказал об этом игумену Феодосию. Пошел игумен с Михаилом на берег, посмотрел он, что написано на песке, и спросил у Михаила: «Что, Михайла, написано на песке?» А Михайла отвечает: «На песке написано – чашу спасения приму, имя господи призову. Тут будет источник неисчерпаемый». Сотворили молитву игумен с Михаилом. Покопали немного – и ударила вода ключом. Так до сих пор на этом месте бьет источник неиссякаемый.

Того же лета глад бысть по всей земли Новгородской, и прискорбен бысть Феодосей игумен з братьею. И рече Михайло Феодосью: «Не скорби, отче, бог препитал четьредесять мужь тысящ в пустыни, развее жен и детей». И умоли Михайло у Феодосья игумена и у старцов, повеле рожь варити в котле и давати спутником. И начаша старци роптати на Феодосья и на Михайла. И Феодосей и Михайло так рькли: «Пойдем в житници, посмотрим». И обретоша всяких благых житници полны – не убы ничто же. И повелеша боле варити рожь, раздаяти народу безъбранна. И прославиша бога и святую Троицу и угодников его.

В том же году голод был по всей Новгородской земле. Опечалился игумен Феодосий и вся братия. А Михайло говорит Феодосию: «Не скорби, отче, бог наплат сорок тысяч человек в пустыне, не считая женщин и детей». И умолил Михайла игумена Феодосия и старцев, чтобы повелели рожь в котле варить да давать странникам. И начали старцы роптать на Феодосия и на Михаила. Тогда Феодосий с Михаилом сказали: «Пойдем в житници и посмотрим». И нашли в житницах всего в изобилии – ничего не убавилось. После этого повелели еще больше варить рожь и раздавать народу безотказно. И прославили бога, и святую Троицу, и угодников его.

По времени же не мале прииде князь Костянътин Дмитриевич в монастырь ко Троице святой на Клопско в Лазореву субботу печален, благословится у игумена Феодосия и у Михайла. А говорит Феодосью игумену и старцу Михайлу: «Ныне печален есмь – братья мои не дадут мне вотчины».⁴⁹⁹ И отвеца ему Михайло: «Княже, не печалуй, будеши на своей вотчине – за мало время братья по тебя пришлють. Помолися, княже, святой Троице, постави храм камен, а святая Троица уготовает тебе храм божий на небесех противу того».

Некоторое время спустя пришел в Клопский Троицкий монастырь, в Лазореву субботу, опечаленный князь Константин Дмитриевич, прося благословения у игумена Феодосия и у Михаила. Говорит он игумену Феодосию и старцу Михайлу: «Печален я ныне – братья мои не отдадут

мне вотчины». А Михаил ответил ему: «Князь, не горюй, будешь на своей вотчине – в скором времени пришлют за тобой братья. Послужи, князь, святой Троице, построй храм каменный, а святая Троица за это уготовит тебе храм божий на небесах».

И спроси князь игумена Феодосья: «Отче, ест ли таковы мастера? Хошу храм поставити камен живоначальныя Троицы себе на память и своим родителем». И посла Феодосей по мастера, и призва мастера Ивана, и Клима, и Олексея. И рече князь мастером: «Поставите ми храм камен живоначальныя Троица, а обложаем такову, как Никола на Лятки?»⁵⁰⁰ И рекоша ему мастера: «Можем, господине князь, тебе служить, как нам бог поможет и живоначальная Троица». И урядися князь с мастера и даст им задатку тритцат рублев, а опосле им взяти сто рублев да по однорятки.⁵⁰¹ А хлеба им ясти в трапезе, опричи наймитов.

И спросил князь у игумена Феодосия: «Отче, есть ли такие мастера? Хочу каменный храм поставить живоначальной Троице на свое поминовение и своих родителей». Тогда послал Феодосий за мастерами и позвал мастеров Ивана, Клима и Алексея. Спрашивает князь мастеров: «Построите мне храм каменный живоначальной Троицы, такой же, как церковь Николы на Лятке?» Мастера ему ответили: «Можем, господин князь, тебе послужить с помощью божьей и живоначальной Троицы». И подрядил князь мастеров; дал в задаток им тридцать рублей, а потом им получить сто рублей и по однорядке, и хлеб им есть монастырский, без наймитов.

И основаша храм в лето 6931-е⁵⁰² апреля 22 на память преподобнаго отца нашего Феодора Секиота. И свершиша церковь до рамени. И возиша камень. И воста бурно дыхание, яко же в размышленья Быша им – не мощи возити камени водою, а мастерам не мощи на церкви стояти. Негде чего добыти стало – погодие велико. А стояло погодие две недиле. И мастера хотели проч побежать. И князь почал скорбити, что церков не совершена, занеже ему на Москву ехати. И Михайла князю молвит: «Княже, не скорби! Бог даст утре тишину». И бысть утре тишина. И рече Михайло мастером: «Помолитесь богу – бог составляет храм невидимою силою». И по глаголанию Михайлову дал бог ветер покосен: по камень поедут – ветер, а с камением взад – и ветер по них же.

Заложили храм в 6931 (1423) году, 22 апреля, в день памяти преподобного отца нашего Феодора Секиота. И уже возвели стены в рост человека. А камень возили водой. Вдруг поднялся такой сильный ветер, что все призадумались: и камень водой везти нельзя, и мастерам на церкви не устоять. Нигде ничего не достанешь – такая непогода. И стояло

ненастье две недели. Тогда мастера решили уйти. Князь стал тужить, что церковь не достроена, а ему уже в Москву ехать. И Михайла говорит князю: «Князь, не тужи! Бог даст наутро тишину». И утром стало тихо. А Михайла говорит мастерам: «Помолитесь богу – бог возводит храм незримой силой». И, как предсказал Михаил, дал бог благоприятный ветер: за камнем поедут – по ветру, назад с камнем – ветер тоже попутный.

И приехал князь Костяньтин на свершение храму со княинею и з бояры, и съ едением и с питием – рад бысть вельми. А совершен бысть храм живоначальная Троица в лето 6932-е, сентября 24 на память святыя первомученицы Феклы и благословеньем игумена Феодосья и молитвами и молением угодника Христова Михайла.

Приехал князь Константин с угощением и питием на завершение храма с княгиней и с боярами, рад был очень. А окончен был храм живоначальной Троицы в 6932 (1424) году 24 сентября, в день памяти святой первомученицы Феклы, благословением игумена Феодосия и молитвами и молением Христова угодника Михаила.

И рече князь Костянтин игумену Феодосью и старцу Михайлу: «Вашими, отче, молитвами пришла ми весть от старейших братьи – дают ми вотчину мою». И отвеца ему Феодосей и Михайло: «Едеши, чадо, с миром и примуть тя любезно. Не забуди, чядо, дому божия и храму живоначальная Троица, и нас, своих нищих». И рече им князь: «До живота своего не забуду дому божия и храму живоначальная Троицы и вас, своих нищих богомолцов!» И поехал князь на Москву к братии, и приняли его с честью.

Говорит князь Константин игумену Феодосию и старцу Михайлу: «Вашими, отцы, молитвами пришла ко мне весть от старших братьев – дают мне вотчину мою». Феодосий и Михайла в ответ ему: «Поезжай, чадо, с миром – примут тебя с любовью. Не забудь, чадо, дома божьего и храма живоначальной Троицы, и нас, своих нищих». И сказал князь: «До конца жизни своей не забуду дом божий и храм живоначальной Троицы и вас, своих смиренных богомольцев!» И поехал князь в Москву к братьям, и приняли его с честью.

И прорече Михайла Феодосью игумену: «Выти тебе на владычстве, и сведуть тя на сени нареченным на владычстве, и поживеши на владычстве три годы».⁵⁰³ А в то время немогл владыка Иоан⁵⁰⁴ три годы, и взяша мужа честна у Спаса на Хутыни на владычество Семена.⁵⁰⁵ И сведоша его на сени и бысть три годы не поставлен. И постави его митрополит и бысть 3 годы. И потом сведоша Феодосия на сени, мужа

честна, по проречению Михайлову и по жребию на владычество. И поживе на владычестве 3 годы и потом сведоша его с сеной боари и послаша его в монастырь. И поживе в монастыре два годы при Ефимии. И после Феодосиа сведоша мужа честна на сени Омельяна, нареченаго на владычество Еуфима.⁵⁰⁶

Предсказал Михаил Феодосию игумену: «Быть тебе на владычестве, и введут тебя во владычен двор, избранным на владычество, и пробудешь владыкой три года». А в то время болел владыка Иоанн три года, и избрали на владычество честна мужа из Спасо-Хутынского монастыря Семена. Ввели его во владычен двор, и три года владычествовал без посвящения, а потом посвятил его митрополит, и владычествовал еще три года. После него по жребию ввели во владычен двор Феодосия, мужа честна, как предсказал Михаил. На владычестве пробыл он три года, а потом свели его с владычного двора бояре и отослали в монастырь. И прожил он еще в монастыре при Евфимии два года: Евфимия, так нарекли на владычестве мужа честного Емельяна, ввели во владычен двор после Феодосия.

И погыбе из монастыря олень. И Михайла с ним. И пребысть Михайла и олень три недели неведомо где. И преставися Феодосей канун Покрова дни,⁵⁰⁷ и послаша ко владыки Еуфимию проводить Феодосиа, и он не поехал. 3 дни лежа не похоронен. И люди добры скопяся из города, игумены и попы и понесут Феодосиа ко гробу хоронити, посмотрят, аже идет Михайла, а олень за ним, а не привязан ничим – только у Михайла мошок в руке, а он за мошком идет. И положиша Феодосиа в гроб и погребоша честно.

Раз исчез из монастыря олень – и Михайла с ним. Три недели неведомо где пропадали и Михайла и олень. А в это время, накануне Покрова, преставился Феодосий. Послали за владыкой Евфимием, чтобы проводил Феодосия, а тот не поехал. Три дня лежал игумен непогребенным. Тогда собрались люди добрые из города, и понесли игумены и попы Феодосия к могиле, хоронить, смотрят – идет Михайло, а за ним олень, ничем не привязан: только у Михаила клочок мха в руке, и олень за мхом тянется. И положили Феодосия в могилу, и погребли с честью.

И хватя старцы Михайла на Святой недели,⁵⁰⁸ аже его в монастыри нету. И явися в городе у святой Софеи в притворе. И позна его посадник Григорей Кирилович⁵⁰⁹ по заутрени, да молвит Михайлу: «Ежь хлеба с нами в одном месте». И он молвит: «Бог знает». И пристави к нему человека. И хватится, ажь Михайла не бывало. И пойде поп к церкви к обедней, на Клопско, аже Михайла стоять в притвори у церкви. Братья

пошли ис церкви в трапезу хлеба ести. Мало хлеба отъали, аже посадник человека прислал на Клопъско смотрити Михайла – есть ли в монастыре, аже он в монастыри.

Как-то хватились старцы Михаила на Святой неделе, а его в монастыре нет. Он же в это время появился в городе, в притворе святой Софии. Узнал его посадник Григорий Кириллович, как кончилась заутреня, и говорит Михаилу: «Вкуси хлеба с нами вместе». А он в ответ: «Бог знает». Посадник приставил к нему человека, и тот не успел спохватиться, а Михаила как не бывало. В Клопском же монастыре пошел поп в церковь служить обедню, смотрит – в притворе стоит Михайла. Пошли иноки из церкви в трапезную хлеб есть. Немного поели, а посадник в Клопский монастырь человека прислал посмотреть – в монастыре ли Михайла, а он уже в монастыре.

И бысть налога на монастырь от посадника от Григорья от Кириловича. И приедет Григорей Кирилович на монастырь на Велик день⁵¹⁰ к церкви, к обедни, святей Троицы. Игумен, отпев обедню, да вышел ис церкви игумен и посадник. И посадник удержа игумена на монастыри и старцов. И посадник рече игумену: «Не пускайте вы коней да и коров на жар,⁵¹¹ то земля моя. Ни по реки по Веряжи, ни по болоту, ни под двором моим не ловите рыбы. А почнете ловить, и аз велю ловцем вашим руки и ноги перебить». И Михайла рече посаднику: «Будешь без рук и без ног сам, и мало не утонешь в воде!»

И рассердился на монастырь посадник Григорий Кириллович. Приехал он в монастырь в Великий день на обедню в церковь святой Троицы. Игумен, отпев обедню, вышел из церкви, а посадник с ним. Остановил посадник игумена и старцев на дворе, говорит: «Вы не пускайте коней и коров на жары – это моя земля. И в реке Веряже, и по болоту, и около двора моего рыбу не ловите. А если начнете ловить, то я повелю рыбакам вашим руки и ноги перебить». Михаил же посаднику в ответ: «Сам останешься без рук и без ног и едва не потонешь!»

И послал игумен и Михайла ловцев на реку ловить и на болота. И вышел посадник на реку, аже ловци волокуть тоню. И он пошел к ним, к реки, да и в реку за ними сам сугнал, да ударил рукою, да хотел в другорят ударить, так мимо ударил да пал в воду и мало не утоп. Люди подняли пришед его да повели, ано ни рук ни ног у него по пророчеству Михайлову.

Послали игумен и Михайла рыбаков ловить рыбу на реку и на болота. И посадник пошел на реку, а рыбаки как раз тянут сети. Побежал он к ним, к реке, да в реку сам за ними погнался, ударил кого-то рукой, хотел второй

раз ударить, но промахнулся, упал в воду и едва не утонул. Подоспевшие люди подняли его, повели, а у него, по пророчеству Михаила, и руки и ноги отнялись.

И привезли его на монастырь порану. И Михаила не велел его на монастырь пущати, ни кануна⁵¹² приимати, ни свещи, ни проскуры. И рече Михайла: «Ни корми ни пои ты нас, а нас не обиди». И игумен и братья в сумнении бысть, что не приали кануна, ни проскуръ. И они поехали проч з грозою: «Мы ся пожалуем владыце и Великому Новгороду, что вы за посадника не хотите молебну пети, да проскур и канона не приимаете». И пошли к владыце жаловатися и к Новгороду Яков Ондрианов, Фефилат Захарьин, Иоан Васильев. И посла владыка своего протопопа и протодиакона к Михайле и к игумену: «Пойте за посадника молебен да обедню!» И Михайла рече протопопу и протодиакону: «Молим бога о всем миру, не токмо о Григории. Поездишь по монастырем, попросишь у бога милости!»

Рано утром привезли его в монастырь. Но Михаил не велел его в монастырь впускать, и не брать от него ни кануна, ни свечи, ни просвиры. И сказал Михаил: «Не корми, не пои ты нас, только не обижай». Игумен же и братия в сомнении были, не приняв от посадника ни кануна, ни просвир. А привезшие посадника поехали прочь, угрожая: «Мы пожалуемся владыке и Великому Новгороду, что вы не захотели за посадника молебен петь и ни просвир, ни кануна не принимаете». И пошли Яков Андреев, Феофилат Захарьин, Иоан Васильев жаловаться владыке и Новгороду. Владыка послал своих протопопа и протодьякона к Михаилу и к игумену, повелевая: «Пойте молебен и обедню за посадника!» А Михаил сказал протопопу и протодьякону: «Молим бога о всех людях, не только о Григории. Пусть он поедит по монастырям и попросит прощения у бога!»

И поехал посадник по монастырем да почал давати милостыню и по всем по городцким церквам. Ездил год по монастырем да полтора месяца, нигде себе милости не обрел, ни в коем монастыри. И приехав послал к владыце: «Не обрел еси себе помощи в монастырех». «И ты ныне, чадо, поеди в монастырь святыя Троица да попроси милости у святыя Троица да у старца у Михайла». И послал владыка своих попов да и посадника. Приехал, да велил молебен пети да обедню. Да внесли посадника в церковь на ковре и прекреститися не может. И начата молебен пети святыя Троица. И дойде до кондака⁵¹³ и он почал рукою двигати, а год весь да полтора месяца ни рукою, ни ногою не двигал. И пошли с Евангелием на выход, и он прекрестился да сел. И дойде до переноса,⁵¹⁴ и он, востав на

ноги, стоял до конца. И, отпев обедню, пошли в трапезу, обед поставя. И посадник рече: «Святая братья, хлеб, осподо, да соль!» И Михайла рече против того: «Еже уготова бог любящим его и заповеди его хранящим». И рече Михайла: «Зачинающему рат – бог его погубит!» И бысть с тех мест добрь до Михайла и до монастыря.

Поехал посадник по монастырям и по всем городским церквам и стал давать милостыню. Ездил он так по монастырям год и полтора месяца, но ни в одном монастыре не обрел себе исцеления. И, вернувшись, послал сказать владыке: «Не обрел я себе помощи в монастырях». А владыка: «Чадо, теперь поезжай ты в монастырь святой Троицы да попроси милости у святой Троицы и у старца Михаила». И своих попов послал владыка с посадником. Когда приехали они, то Михаил повелел молебен петь и обедню. Внесли посадника в церковь на ковре, а он даже перекреститься не может. Стали молебен петь святой Троице. Когда дошли до кондака, то начал рукой шевелить, а целый год и полтора месяца ни рукой, ни ногой не двигал. Когда пошли с Евангелием на выход, то перекрестился и сел. А когда дошли до переноса, то, встав на ноги, стоял до конца службы. Отпев обедню, пошли в трапезную, где посадник обед поставил. И посадник сказал: «Святая братия, хлеб да соль вам, отцы!» Михайла же ответил на это: «Уготовил господь любящим его и заповеди его хранящим». И еще сказал Михаил: «Кто зачинает рать – бог того погубит!» С тех пор стал посадник добр и к Михаилу и к монастырю.

И бысть брань о земли Олферью Ивановичу с Ываном Семеновичем с Лошинским.⁵¹⁵ И прорече Михайла Олферию Ивановичу: «И будешь без рук, и без ног, и нем!» И пришедши Олферей Иванович к церкви святей Богородицы в Курецко⁵¹⁶ и молвит: «Брате Иоан, то земля моя!» Да по руки ударив, да рукавицею ударив в землю. И по рукавицю наклонился, ино у него рука, и нога, и язык проч отнялися, и не говорить.

Поспорили из-за земли Олферий Иванович с Иваном Семеновичем Лошинским. И предсказал Михайла Олферию Ивановичу: «Будешь ты без рук и без ног и онемеешь!» Вот пришел Олферий Иванович к церкви святой Богородицы в Курецке да говорит: «Брат Иван, здесь моя земля!» Ударили по рукам и Олферий Иванович рукавицей оземь. Наклонился за рукавицей, а у него рука и нога и язык отнялись, и не говорит.

А иное проречение, – Микифору попу. Панагею⁵¹⁷ украл, и он молвит, Михайло, Микифору попу: «Будеши похаб!» И с тех мест у попа ни ума, ни памяти. И повеле Михайло горн роскопати, аж панагея в горну.

А вот другое предсказание – Никифору попу. Украл поп панагию, и Михаил говорит ему: «Ума лишишься!» И после этого у попа ни ума, ни

памяти. Велел Михаил в печи золу раскопать, а там панагия.

А иное. Бысть налога монастырю от Еуфимья владыки от Перваго: захотел куны взять. И взяша конь ворон из монастыря. И Михайло владыце рече: «Мало поживеши. Останется все!» И с тех мест разболеся владыка и преставился.

И еще. Пришла беда монастырю от владыки Евфимия Первого – захотел деньги с монастыря получить. И взял из монастыря коня вороного. А Михайло владыке сказал: «Мало тебе жить – все останется!» И с тех пор разболелся владыка и преставился.

И в та же лета возвели владыку Еуфимья Другово⁵¹⁸ на сени. И поживе 3 годы нареченым, а не поставленным. И прииде владыка Еуфимей на Клопско кормить манастыря. И седячи владыка за столом да молвит: «Михайлушко, моли бога о мне, чтобы было свершение от князя великого». И у владыки в руках ширинька. И Михайла торг ширинку из рук вон у владыки да на голову: «Доездиши в Смоленско и поставят тя владыкою». И ездил владыка въ Смоленско и стал владыкою. И приехав владыка опять, и к Михайлу: «Бог мене свершил и митрополит». И Михайла владыке молвит: «И позовут тя на Москву, и тебе ехати, и добьешь челом князю великому и митрополиту».

В те годы ввели во владычен двор владыку Евфимия Второго. Владычествовал он три года избранным, но не посвященным. Раз пришел владыка в Клопский монастырь братию кормить. Вот, сидя за столом, владыка и говорит: «Михайлушка, моли бога за меня, чтобы было от великого князя согласие на посвящение». А в руках у владыки платок. Михайла хватъ из рук владыки платок и на голову ему: «Поедешь в Смоленск, и там посвятят тебя во владыки». И ездил владыка в Смоленск и получил там посвящение. Приехал он снова к Михайлу: «Бог меня посвятил и митрополит». А Михаил владыке молвит: «Еще позовут тебя в Москву, и тебе придется ехать и бить челом великому князю и митрополиту».

И приехал тогда князь Дмитрий Юрьевич⁵¹⁹ в Новъгород, и приехал на Клопско к Михайлу благословится. И рече: «Михайлушко, бегаю своей отчине и збили мя с великого княжения!» И Михайла рече ему: «Всяка власть дается от бога». И князь восприси: «Михайлушко, моли бога, чтобы мне досягнути своей отчине – великого княжения». И Михайла рече ему: «Княже, досягнеши 3-лакотнога гроба!» И князь, того не рядячи, да поехал досягать великого княжения. И Михайла рече: «Всуде тружаешься, княже, чего бог не даст». И не бысть божиа пособия князю. И в то время спросили у Михайла: «Пособил бог князю Дмитрею?» И Михайла рече: «Заблудили

наши!» И они записали тот день. Аж так ся и было. Опять прибег в Великий Новгород. И приехал князь на Клопско монастыря кормить, на Троецкой недели в пяток, и у Михайла благословится. И накормил и напоил старцов. И Михайлу дал шубу, с себе снем. И почали князя проводить с монастыря, и Михайла князя за голову погладить, да молвит: «Княже, земля вопиет ти!» И трижды молвить. И молвит князь: «Михайлушко, хочю во Ржову ехати Костянтинову на свою вотчину». И рече ему Михайло: «Княже, не исполниши желания своего». Аже князь канун Ильина дни преставися.

Приехал в ту пору в Новгород князь Дмитрий Юрьевич и пришел в Клопский монастырь у Михаила благословится. Говорит он: «Михайлушка, скитаюсь вдали от своей вотчины – согнали меня с великого княжения!» Михайла ему в ответ: «Всякая власть дается от бога». Попросил князь: «Михайлушка, моли бога, чтобы мне добиться своей вотчины – великого княжения». И Михаил ответил ему: «Князь, добьешься трехлокотного гроба!» Но князь, не вняв этому, поехал добиваться великого княжения. Тогда Михайла сказал: «Всуе стараешься, князь, – не получишь, чего бог не даст». И не было божьей помощи князю. Спросили в то время у Михаила: «Пособил бог князю Дмитрию?» И Михаил сказал: «Впустую проплутали наши!» Записали день тот. И так оно и оказалось. Опять прибежал князь в Великий Новгород. На Троицкой неделе в пятницу приехал он в Клопский монастырь братию кормить и у Михаила благословится. Накормил и напоил старцев, а Михаилу пожаловал шубу со своего плеча. Когда стали князя провожать из монастыря, то Михаил погладил князя по голове, приговаривая: «Княже, земля по тебе стонет!» Да трижды так молвил. А князь говорит: «Михайлушка, хочю ехать во Ржев, на свою вотчину». И сказал Михаил: «Княже, не исполнишь желания своего». И накануне Ильина дня князь преставился.

Преехал посадник Иван Васильевич Немир⁵²⁰ на монастырь. А Михайло по монастырю ходит. И Михайло въспросил посадника: «Что ездиди?» И посадник отвеща ему: «Был есми у пратеци своей, у Ефросеньи, да приехал есми у тебя благословитца». И Михайло рече ему: «Что твоя, чядо, за дума, з жонками думаешь?» И посадник рече ему: «Будет у нас князь великий на лето, да хочеть воевать землю, а у нас есть князь Михайло литовьской». ⁵²¹ И отвеща ему Михайло: «То у вас не князь – грязь! Пошлите послы к великому князю да добивайте челом. И не уйте князя: будеть с силами к Новугороду, и не будеть вам божия пособия, и станеть князь великий в Бурегах, и распустит силу свою на Шолоне, и попленил ноугородцов многих, иных на Москву сведеть, а иных

присечет, а иных на окуп даст. А Михайло князь о вас не станет, вам помочи от него не будет. И послати вам преподобнаго отца владыку да посадники, да добивати челом. И ему челобитье принимать, да и куны изъемлет. Да по мале времени князь великий опять будеть, да город возьмет, да всю свою волю учинить, да бог даст ему». И збысться тако.

Приехал в монастырь посадник Иван Васильевич Немир, а на монастырском дворе Михаил ему встретился. Спрашивает Михаил посадника: «Чего ездешь?» Посадник ему отвечает: «Был у пратеци своей, у Ефросиньи, да приехал к тебе благословиться». И Михайла сказал ему: «Что у тебя, чадо, за дума, что с бабами советуешься?» Посадник же в ответ: «Летом придет на нас князь великий, хочет подчинить себе землю нашу, но у нас есть князь Михаил Литовский». И ответил ему Михайла: «То у вас не князь – грязь! Пошлите лучше послов к великому князю и бейте ему челом. А не умолите князя, придет он с силами к Новгороду, и не будет вам помочи от бога, станет князь великий в Бурегах и пустит силу свою по Шелоне и многих новгородцев покорит: одних в Москву уведет, других казнит, а с иных откуп возьмет. А Михаил князь вас бросит, и помочи вам от него не будет. А потом пошлете вы преподобнаго отца владыку да посадников бить челом великому князю. И он челобитье ваше примет, и откуп с вас возьмет. И вскоре князь великий опять придет, и город возьмет, и все учинит по своей воле, и бог поможет ему». Так все и сбылось.

А Михайлово житье в животе своем. Жил себе в кельи один. Ни постели, ни озголовья не имел, ни платна, ни одежды, а лежал себе на песку. А келью топил калом коневым. А житья его в монастыре 40 лет да четыре лета. А по вся недили вкушаше единою от хлебе и от воде.

Вот каково было житье Михаила при жизни земной. Жил в келье один. Ни постели, ни изголовья, ни подстилки, ни одеяла не имел, а спал на песке. Келью топил конским навозом. Прожил в монастыре сорок четыре года, а питался каждый день только хлебом и водой.

И разболелся Михайла месяца декабря в Савин день, ходя к церкви. А стоал на правой стороне у церкви, на дворе, против Феодосиева гроба. А почали говорити ему игумен и старцы: «Чему, Михайло, не стоишь в церкви, а стоишь на дворе?» И он им рече: «Ту аз хочу полежати!»

В декабре месяце на Савин день разболелся Михаил, но в церковь продолжал ходить. А стоял справа у церкви, на дворе, против могилы Феодосия. Стали говорить ему игумен и старцы: «Почему, Михайла, стоишь не в церкви, а на дворе?» И он им ответил: «Хочу я тут лечь!»

А дары взял на Феодосиев день на своих ногах. Да взял с собою

кадилницу да темъан, да шол в келию. И послал к нему игумен ести и пити от трапезы. И они пришли, ажно келья заперта. И они отперли, ажно темъан ся курит, а его в животе ниту. И почали места искати, земля меръзла, где его положити. И помянуша черньци игумену: испытай того места, где стоял Михайла. И оне того места досмотриша, аже земля тала. И они погребоша его честно у живоначалныя Троицы, месяца генваря в 11 день на память преподобнаго отца нашего Феодосия Ерусалимского.

На Феодосиев день Михаил сам принял святые дары и, взяв с собою кадилницу и фимиам, пошел в келью. Послал игумен ему от трапезы еды и питья. И когда пришли к нему, то келья была закрыта. Открыли келью – и фимиам еще курился, а он был уже мертв. Стали искать место, где похоронить его, – земля сильно промерзла. Тогда напомнили чернецы игумену – «посмотри то место, где стоял Михаил». Попробовали, а земля в этом месте талая. И погребли Михаила честно у церкви живоначальной Троицы в 11 день января месяца, в день памяти преподобного отца нашего Феодосия Иерусалимского.

Некто христоробец, Михайла Марков сын, имеа любовь Христову к рабу Михайле. И поехал за море в корабли с товаром с Кольваня.⁵²² И бысть ему на мори буря велика. 6 дний корабль носило, и бысть корабленик и Михайла в тугы и в печали великой. И воспомянув Михайла Марков сын раба божиа Михайла: «Господине, рабе божий, помози ми!» И усмотри купец Михайла, аже раб божий Михайла за корму же держитъ. И бысть тишина велика. И махнет рукою, и поступи корабль. И паде Михайла купец ниць и к тому не виде раба божиа Михайла. И поехала без пакости. И приехала домов и обложиша гроб камен. И до сего дни.

Некий христоробец, Михаил Марков сын, имел любовь во Христе к рабу божьему Михаилу. Поехал он из Кольвани за море в корабле с товаром. И случилась на море сильная буря. Шесть дней носило корабль, и затужили и кормчий и Михаил. Тогда помянул Михаил Марков сын раба божьего Михайла: «Господине, раб божий, помоги мне!» И увидел купец Михаил, что раб божий Михайла держит корабль за корму. И наступила тишина. Махнул святой рукою, и корабль поплыл. Михаил купец упал ниц, и не стало видно раба божьего Михаила. И поплыли дальше беспрепятственно. И, приехав домой, поставил купец каменную гробницу Михаилу, и стоит она до сих пор.

Сказание о Дракуле воеводе

Бысь в Мунтьянской земли⁵²³ греческия веры христианин воевода именовем Дракула влашеским языком, а нашим дьявол.⁵²⁴ Толико зломудр, яко же по имени его, тако и житие его.

Был в Мунтьянской земле воевода, христианин греческой веры, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему – Дьявол. Так жесток и мудр был, что, каково имя, такова была и жизнь его.

Приидоша к нему некогда от турьскаго поклицарие⁵²⁵ и, егда внидоша к нему и поклонилшась по своему обычаю, а кап своих з глав не сняша, он же вопроси их: «Что ради тако учинисте, ко государю велику приидосте и такову срамоту ми учинисте?» Они же отвещаша: «Таков обычай наш, государь, и земля наша имеет». Он же глагола им: «И аз хочу вашего закона потвердити, да крепко стоите». И повеле им гвоздием малым железным ко главам прибити капы и отпусти их, рек им: «Шедше скажите государю вашему: он навик от вас ту срамоту терпети, мы же не навыхом, да не посылает своего обычая ко иным государем, кои не хотят его имети, но у себе его да держит».

Однажды пришли к нему послы от турецкого царя и, войдя, поклонились по своему обычаю, а колпаков своих с голов не сняли. Он же спросил их: «Почему так поступили: пришли к великому государю и такое бесчестие мне нанесли?» Они же отвечали: «Таков обычай, государь, в земле нашей». А он сказал им: «И я хочу закон ваш подтвердить, чтобы следовали ему неуклонно». И приказал прибить колпаки к их головам железными гвоздиками, и отпустил их со словами: «Идите и скажите государю вашему: он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, и пусть не посылает свой обычай блюсти у других государей, которым обычай такой чужд, а в своей стране его соблюдает».

Царь же велми разсердити себе о том и поиде воинством на него и прииде на него со многими силами. Он же, собрав елико имеаше у себе войска, и удари на турков ноцию, и множество изби их. И не возможе противу великого войска малыми людьми и възвратися. И кои с ним з бою того приидоша, и начат их сам смотрити; кой ранен спереди, тому честь велию подаваше и витязем его учиняше, коих же сзади, того на кол повеле всажаги проходом, глаголя: «Ты еси не муж, но жена». А тогда, коли поиде на туркы, тако глагола всему войску своему: «Кто хочет смерть помышляти, той не ходи со мною, остани zde». Царь же, слышав то, поиде прочь с великою срамотою, безчисленно изгуби войска, не сме на него

пойти.

Царь был очень разгневан этим, и пошел на Дракулу войной, и напал на него с великими силами. Дракула же, собрав все войско свое, ударил на турок ночью и перебил множество врагов. Но не смог со своей небольшой ратью одолеть огромного войска и отступил. И стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы: кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи того производил, а кто в спину, – того велел сажать на кол, говоря: «Не мужчина ты, а баба!» А когда снова двинулся против турок, то так сказал своим воинам: «Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь остается». Царь же, услышав об этом, повернул назад с великим позором, потеряв без числа воинов, и не посмел выступить против Дракулы.

Царь же поклицаря посла к нему, да ему дась дань. Дракула же велми почести поклицаря оного, и показа ему все свое имение, и рече ему: «Аз не токмо хочу дань давати царю, но со всем своим воинством и со всею казною хочу к нему ити на службу, да како ми повелит, тако ему служу. И ты возвести царю, как пойду к нему, да не велить царь по своей земли никоего зла учинити мне и моим людем, а яз скоро хочу по тебе ко царю ити, и дань принесу и сам к нему прииду». Царь же, услышав то от посла своего, что Дракула хочет приити к нему на службу, и посла его почести и одари много. И велми рад бысь, бе бо тогда ратуяся со восточными. И посла скоро по всем градом и по земли, да когда Дракула пойдет, никоего ж зла никто дабы Дракуле не учинил, но еще и честь ему воздавали. Дракула же поиде, събрався с всем воинством, и приставове царстии с ним и велию честь ему воздаваху. Он же преиде по земли его яко 5 дни, и внезапно вернуса, и начат пленити градове и села, и множество много поплени и изсече, овых на колие сажуху турков, а иных на полы пресекая и жжигая, и до ссущих младенець. Ничто ж остави, всю землю ту пусту учини, прочих же, иже суть християне, на свою землю прегна и насели. И множество много користи взем, возвратись, приставов тех почтив, отпусти, рек: «Шедше повеете царю вашему, яко же видесте: сколько могох, толико есмь ему послужил. И будет ему угодна моя служба, и аз еще хочу ему тако служити, какова ми есть сила». Царь же ничто ж ему не може учинити, но срамом побежен бысь.

И отправил царь к Дракуле посла, требуя от него дани. Дракула же воздал послу тому пышные почести, и показал ему свое богатство, и сказал ему: «Я не только готов платить дань царю, но со всем воинством своим и со всем богатством хочу ийти к нему на службу, и как повелит мне, так ему служить буду. И ты передай царю, что, когда пойду к нему, пусть

объявит он по всей своей земле, чтобы не чинили зла ни мне, ни людям моим, а я вскоре вслед за тобою пойду к царю, и дань принесу, и сам к нему прибуду». Царь же, услышав все это от посла своего, что хочет Дракула прийти к нему на службу, послу его честь воздал и одарил его богато. И рад был царь, ибо в то время вел войну на востоке. И тотчас послал объявить по всем городам и по всей земле, что, когда пойдет Дракула, никакого зла ему не причинять, а, напротив, встречать его с почетом. Дракула же, собрав все войско, двинулся в путь, и сопровождали его царские приставы, и воздавали ему повсюду почести. Он же, углубившись в Турецкую землю на пять дневных переходов, внезапно повернул назад и начал разорять города и села, и людей множество пленил и перебил, одних – на колья сажал, других рассекал надвое или сжигал, не щадя и грудных младенцев. Ничего не оставил на пути своем, всю землю в пустыню превратил, а всех, что было там, христиан увел и расселил в своей земле. И возвратился восвояси, захватив несметные богатства, а приставов царских отпустил с почестями, напутствуя: «Идите и поведайте царю вашему обо всем, что видели. Сколько сил хватило, послужил ему. И если любя ему моя служба, готов и еще ему так же служить, сколько сил моих станет». Царь же ничего не смог с ним сделать, только себя опозорил.

И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив. Аще ль велики болярин, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатство имел бы кто, не может искупиться от смерти, и толико грозен бысь. Источник его и кладязь на едином месте, и к тому кладязу и источнику пришли путие мнози от многих стран, и прихождаху людие мнозии, пияху от кладязя и источника воду, студена бо бе и сладка. Он же у того кладязя на пустом месте постави чару велию и див ну злату; и хто хотяще воду пити, да тою чарою пиет, на том месте да поставит, и, елико оно время пребысь, никто ж смеаше ту чару взяти.

И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что если кто совершит какое-либо преступление, украдет, или ограбит, или обманет – не избегнуть тому смерти. Пусть будет он знатный вельможа, или священник, или монах, или простой человек, пусть он владеет несметными богатствами, все равно не откупится он от смерти. Так грозен был Дракула. Был в земле его источник и колодец, и сходились к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить из того колодца родниковую воду, ибо была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя был он в безлюдном месте, поставил

большую золотую чару дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чары и ставил ее на место. И сколько времени прошло – никто не посмел украсть ту чару.

Единою ж пусти по всей земли свое веление, да кто стар, иль немощен, иль чим вреден, иль нищ, вси да приидут к нему. И собращась бесчисленное множество нищих и странных к нему, чающе от него великия милости. Он же повеле собрати всех во едину храмину велику, на то устроену, и повеле дати им ясти и пити доволно; они ж ядше и возвеселишась. Он же сам приде к ним и глагола им: «Что еще требуете?» Они же вси отвещаша: «Ведает, государю, бог и твое величество, как ты бог вразумит». Он же глагола к ним: «Хотите ли, да сотворю вас беспечалны на сем свете, и ничим же нужни будете?» Они же чающе от него велико нечто и глаголаша вси: «Хощем, государю». Он же повеле заперети храм и зажещи огнем, и вси ту изгореша. И глаголаше к бояром своим: «Да весте, что учиних тако: первое, да не стужают людем и никто ж да не будеть нищ в моей земли, но вси богати; второе, свободих их, да не стражут никто ж от них на сем свете от нищеты иль от недуга».

Однажды объявил Дракула по всей земле своей: пусть придут к нему все, кто стар, или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать их всех в построенном для того хороме и велел принести им вдоволь еды и вина. Они же пировали и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: «Чего еще хотите?» Они же все отвечали: «Это ведомо богу, государь, и тебе: что тебе бог внушит». Он же спросил их: «Хотите ли, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?» Они же, ожидая от него великих благодетий, закричали разом: «Хотим, государь!» А Дракула приказал запереть хором и зажечь его, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: «Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людем, и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдают они на этом свете от нищеты или болезней».

Единою ж приидоша к нему от Угорскыя земли два латинска мниха милостыни ради. Он же повеле их развести разно, и призва к себе единого от них, и показа ему округ двора множество бесчисленное людем на колех и на колесех, и вопроси его: «Добро ли тако сътворих, и како ти суть, иже на коллии?» Он же глагола: «Ни, государю, зло чиниши, без милости казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на колъи мученици суть». Призвав же и другаго и вопроси его тако же. Он же отвеща: «Ты, государь,

от бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своим делом въсприали». Он же призвав первого и глагола к нему: «Да почто ты из монастыря и ис келии своя ходиши по великим государем, не зная ничто ж? А ныне сам еси глаголал, яко ти мученици суть. Аз и тебе хочу мученика учинити, да и ты с ними будеши мученик». И повеле его на кол посадити проходом, а другому повеле дати 50 дукат злата, глаголя: «Ты еси разумен муж». И повеле его на возе с почестием отвести и до Угорския земли.

Пришли как-то к Дракуле два католических монаха из Венгерской земли собирать подаяние. Он же велел развести их порознь, позвал к себе одного из них и, указав на двор, где виднелось множество людей, посаженных на кол или колесованных, спросил: «Хорошо ли я поступил, и кто эти люди, посаженные на колья?» Монах же ответил: «Нет, государь, зло ты творишь, казня без милосердия; должен государь быть милостивым. А те на кольях – мученики!» Призвал Дракула другого и спросил его о том же. Отвечал тот: «Ты, государь, богом поставлен казнить злодеев и награждать добродетельных. А люди эти творили зло, по делам своим и наказаны». Дракула же, призвав первого монаха, сказал ему: «Зачем же ты вышел из монастыря и из кельи своей и ходишь по великим государям, раз ничего не смыслишь? Сам же сказал, что люди эти – мученики, вот я и хочу тебя тоже мучеником сделать, будешь и ты с ними в мучениках». И приказал посадить его на кол, а другому велел дать пятьдесят золотых дукатов, говоря: «Ты мудрый человек». И велел его с почетом донести до рубежа Венгерской земли.

Некогда ж прииде купец гость некий от Угорския земли в его град. И по его заповеди остави воз свой на улице града пред полатою и товар свой на возе, а сам спаше в полате. И пришед некто, украде с воза 160 дукат злата. Дракула же глагола ему: «Поиди, в сию ночь обрящещи злато». И повеле по всему граду искати татя, глаголя: «Аще не обрящется тать, то весь град погублю». И повеле свое злато, нес, положити на возе в нощи и приложи един златой. Купец же встав, и обрете злато, и прочет единою и дващи, обреташесь един лишний златой, и шед к Дракуле, глагола: «Государю, обретох злато, и се есть един златой не мой, лишний». Тогда же приведоша и татя оного и с златом. И глагола купцю: «Иди с миром; аще бы ми еси не поведал злато, готов бых и тебе с сим татем на кол посадити».

Однажды прибыл из Венгерской земли купец в город Дракулы. И, как принято было у Дракулы, оставил воз свой на городской улице перед домом, а товар свой – на возу, а сам лег спать в доме. И кто-то украл с воза

160 золотых дукатов. Купец, придя к Дракуле, поведал ему о пропаже золота. Дракула же отвечал: «Иди, этой же ночью найдешь свое золото». И приказал по всему городу искать вора, пригрозив: «Если не найдете преступника, весь город погублю». И велел той же ночью положить на воз свое золото и добавить один лишний дукат. Купец же наутро, встав, обнаружил золото и пересчитал его и раз, и другой, все выходило, что один дукат лишний. И, придя к Дракуле, сказал: «Государь, нашел золото, но вот один дукат не мой – лишний». В это время привели и вора с похищенным золотом. И сказал Дракула купцу: «Иди с миром! Если бы не сказал мне о лишнем дукате, то посадил бы и тебя на кол вместе с этим вором».

Аще жена кая от мужа прелюбы сътворит, он же веляше срам ей вырезать, и кожу содрати, и привязати ея нагу, и кожу ту на столпе среди града и торга повесити, и девицам, кои девства не сохраняют, и вдовам тако ж, а иным сосца отрезаху, овым же кожу содравше со срама ея, и, рожен железен разжегши, вонзаху в срам ей, и усты исхожаше. И тако привязана стояше у столпа нага, дбндеже плоть и кости ей распадутся иль птицам в снедь будет.

Если какая-либо женщина изменит своему мужу, то приказывал Дракула вырезать ей срамное место, и кожу содрать, и привязать ее нагую, а кожу ту повесить на столбе, на базарной площади посреди города. Так же поступали и с девицами, не сохранившими девственности, и с вдовами, а иным груди отрезали, а другим сдирали кожу со срамных мест, или, раскалив железный прут, вонзали его в срамное место, так что выходил он через рот. И в таком виде, нагая, стояла женщина, привязанная к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся кости или не расклюют ее птицы.

Единою ж яздыщу ему путем и узре на некоем сиромaxe срачицю издрану худу и въпроси его: «Имаши ли жену?» Он же отвеща: «Имам, государю». Он же глагола: «Веди мя в дом твой, да вижду». И узре жену его младу сущу и здраву и глагола мужу ея: «Не си ли лен сеял?» Он же отвеща: «Господи, много имам лну». И показа ему много лну. И глагола жене его: «Да почто ты леность имееш к мужу своему? Он должен есть сеяти и орати и тебе хранити, а ты должна еси на мужа своего одежду светлу и лепу чинити, а ты и срачици не хоцещи ему учинити, а здрава суща телом. Ты еси повинна, а не мужь твой: аще ль бы муж не сеял лну, то бы муж твой повинен был». И повеле ей руце отсеци и труп ея на кол всадити.

Однажды ехал Дракула по дороге и увидел на некоем бедняке ветхую и разодранную рубашку и спросил его: «Есть ли у тебя жена?» – «Да,

государь», – отвечал тот. Дракула повелел: «Веди меня в дом свой, хочу на нее посмотреть». И увидел, что жена бедняка молодая и здоровая, и спросил ее мужа: «Разве ты не сеял льна?» Он же отвечал: «Много льна у меня, господин». И показал ему множество льна. И сказал Дракула женщине: «Почему же ленишься ты для мужа своего? Он должен сеять, и пахать, и тебя беречь, а ты должна шить ему нарядные праздничные одежды. А ты и рубашки ему не хочешь сшить, хотя сильна и здорова. Ты виновна, а не муж твой: если бы он не сеял льна, то был бы он виноват». И приказал ей отрубить руки, и труп ее воздеть на кол.

Некогда ж обедоваше под трупием мертвых человек, иже на колие сажены, множество бо округ стола его; он же среди их ядяше и тем услажашесь. Слуга ж его, иже пред ним ясти ставляше, смраду оного не моги терпети и заткну нос и на страну главу свою склони. Он же вопроси его: «Что ради тако чинишь?» Он же отвеща: «Государю, не могу смрада сего терпети». Дракула же ту и повеле его на кол всадити, глаголя: «Тамо ти есть высоко жити, смрад не может тебе доити».

Как-то обедал Дракула среди трупов, посаженных на кол, много их было вокруг стола его. Он же ел среди них и в том находил удовольствие. Но слуга его, подававший ему яства, не мог терпеть трупного смрада и заткнул нос и отвернулся. «Что ты делаешь?» – спросил его Дракула. Тот отвечал: «Государь, не могу вынести этого смрада». Дракула тотчас же велел посадить его на кол, говоря: «Там ты будешь сидеть высоко, и смраду до тебя будет далеко!»

Иногда же прииде от угорского короля Меттеаша⁵²⁶ апоклисарь до него, человек не мал болярин, в лясах родом. И повеле ему сести с собою на обеде среди трупия того. И пред ним лежаше един кол велми дебел и высок, весь позлащен, и вопроси апоклисаря Дракула: «Что ради учиних сей кол тако? Повеж ми». Посол же той велми убося и глаголя: «Государю, мнит ми ся тако: неки великий человек пред тобою согрешити, и хочещи ему почтену смерть учинити паче иных». Дракула же глаголя: «Право рекл еси; ты еси велика государя посол королевскы, тебе учиних сей кол». Он же отвеща: «Государю, аще достойное смерти соделал буду, твори еже хочещи. Праведный бо еси судия; ты не повинен моей смерти, но аз сам». Дракула же расмияся и рече: «Аще бы ми еси не тако отвещал, воистину бы был еси на сем коле». И почти его велми и, одарив, отпусти, глаголя: «Ты вправду ходи на поклисарство от великих государей к великым государем, научен бо еси с государьми великыми говорити, прочий же да не дерзнуть, но первое учими будуть, как им с государьми великыми беседовати». Таков обычай имеша Дракула: отколе к нему

прихождаше посол от царя или от короля неизящен и не умеаше против кознем его отвещати, то на кол его всажаше, глаголя: «Не аз повинен твоей смерти – иль государь твой, иль ты сам. На мене ничто же рци зла. Аще государь твой, ведая тебе малоумна и не научена, послал тя есть ко мне, к великоумну государю, то государь твой убил тя есть; аще ль сам дерзнул еси, не научився, то сам убил еси себя». Тако поклисарю учиняше кол высок и позлащен весь, и на него всаждаше, и государю его те речи отписоваше с прочими, да не шлет к великоумну государю малоумна и ненаучена мужа в посольство.

Пришел однажды к Дракуле посол от венгерского короля Матьяша, знатный боярин, родом поляк. И сел Дракула с ним обедать среди трупов. И лежал перед Дракулой толстый и длинный позолоченный кол, и спросил Дракула посла: «Скажи мне: для чего я приготовил такой кол?» Испугался посол тот немало и сказал: «Думается мне, государь, что провинился перед тобой кто-либо из знатных людей и хочешь предать его смерти более почетной, чем других». Дракула же отвечал: «Верно говоришь. Вот ты – великого государя посол, посол королевский, для тебя и приготовил этот кол». Отвечал тот: «Государь, если совершил я что-либо, достойное смерти, – делай как хочешь. Ты судья справедливый – не ты будешь в смерти моей повинен, но я сам». Рассмеялся Дракула и сказал: «Если бы ты не так ответил, быть бы тебе на этом коле». И воздал ему почести, и, одарив, отпустил со словами: «Можешь ходить ты послом от великих государей к великим государям, ибо умеешь с великими государями говорить, а другие пусть и не берутся, а сначала поучатся, как беседовать с великими государями». Был такой обычай у Дракулы: когда приходил к нему неопытный посол от царя или от короля и не мог ответить на коварные вопросы Дракулы, то сажал он посла на кол, говоря: «Не я виноват в твоей смерти, а либо государь твой, либо ты сам. Если государь твой, зная, что неумышленно ты и неопытен, послал тебя ко мне, многомудрому государю, то твой же государь и убил тебя. Если же ты сам решился идти, неученый, то сам же себя и убил». И так готовил для посла высокий позолоченный кол и сажал его на кол, а государю его посылал грамоту с кем-либо, чтобы впредь не отправлял послом к многомудрому государю глупого и неученого мужа.

Учиниша же ему мастера бочки железны; он же насыпа их злата, в реку положи. А мастеров тех посети повеле, да никто ж увести съделаннаго им окаанства, токмо тезоимениты ему диавол.

Изготовили мастера для Дракулы железные бочки, а он наполнил их золотом и погрузил в реку. А мастеров тех велел казнить, чтобы никто не

узнал о его коварстве, кроме тезки его – дьявола.

Некогда же поиде на него воинством король угорскы Маттеашь; он же поиде против ему, и сретесе с ним, и ударишась обои, и ухватиша Дракулу жива, от своих издан по крамоле.⁵²⁷ И приведен бысь Дракула ко кралю, и повеле его метнути в темницу. И седе в Вышеграде на Дунай, выше Будина 4 мили,⁵²⁸ 12 лет. А на Мунтьянской земли посади иного воеводу.⁵²⁹

Однажды пошел на него войной венгерский король Матьяш. Выступил Дракула ему навстречу, сошлись, и сразились, и выдали Дракулу изменники живым в руки противника. Привели Дракулу к королю, и приказал тот бросить его в темницу. И провел он там, в Вышеграде на Дунае, в четырех верстах выше Вуды, двенадцать лет. А в Мунтьянской земле король посадил другого воеводу.

Умершу же тому воеводе, и краль пусти к нему в темницу, да аще восхоцет быти воевода на Мунтианской земли, яко же и первие, то да латиньскую веру примет, аще ль же ни, то умрети в темници хоцеть. Дракула же возлюби паче временнаго света сладость, нежели вечнаго и бесконечнаго, и отпаде православия, и отступи от истинны, и остави свет, и приа тму. Увы, не возможе темничныя временныя тяготы понести, и уготовася на бесконечное мучение, и остави православную нашу веру, и приат латыньскую прельсть. Крал же не токмо дасть ему воеводство на Мунтьянской земли, но и сестру свою родную дасть ему в жену, от нея же роди два сына. Пожив же мало яко 10 лет,⁵³⁰ и тако скончася в той прельсти.

Когда же тот воевода умер, послал король к Дракуле в темницу сказать, что если хочет он, как и прежде, быть в Мунтьянской земле воеводой, то пусть примет католическую веру. Если же не согласен он, то так и умрет в темнице. И предпочел Дракула радости суетного мира вечному и бесконечному, и изменил православию, и отступил от истины, и оставил свет, и вверг себя во тьму. Увы, не смог перенести временных тягот заключения, и отдал себя на вечные муки, и оставил нашу православную веру, и принял ложное учение католическое. Король же не только вернул ему Мунтьянское воеводство, но и отдал в жены ему родную сестру, от которой было у Дракулы два сына. Прожил он еще около десяти лет и умер в ложной католической вере.

Глаголют же о немь, яко, и в темници седя, не остася своего злаго обычая, но мышы ловя и птици на торгу покупая, и тако казняше их, ову на кол посажаше, а иной главу отсекаше, а со иныя перие оципав, пускаше. И научися шити и тем в темници кормляшесь.

Рассказывали о нем, что и сидя в темнице не оставил он своих жестоких привычек: ловил мышей или птиц покупал на базаре и мучал их – одних на кол сажал, другим отрезал голову, а птиц отпускал, выщипав перья. И научился шить, и кормился этим в темнице.

Егда же краль изведе его ис темници, и приведе его на Будин, и дасть ему дом в Пещи противу Будина, и еще у краля не был, случися некоему злодею уйти на его двор и съхранися. Гонящий же приидоша и начата искати и найдоша его. Дракула же востав, взем меч свой, и скочи с полаты, и отсеке главу приставу оному, держащему злодея, а злодея отпусти; прочий же бежаша и приидоша к биреву и поведаша ему бывшее. Бирев же с всеми посадники иде ко кралю, жалуяся на Дракулу. Корол же посла к нему, вопрошая: «Что ради таково зло учини?» Он же тако отвеца: «Зло никое ж учиних, но он сам себе убил; находя разбойнически на великаго государя дом, всяк так погибнет. Аще ли то ко мне пришел бы явил, и аз во своем дому нашел бы того злодея, или бы выдал, или просил его от смерти». Кралю же поведаша. Корол же нача смеяться и дивитись его сердцю.

Когда же король освободил Дракулу из темницы, привели его в Буду, и отвели ему дом в Пеште, что против Буды, но еще не был допущен Дракула к королю. И вот тогда случилось, что некий разбойник забежал во двор к Дракуле и спрятался там. Преследователи же стали искать здесь преступника и нашли его. Тогда Дракула вскочил, схватил свой меч, выбежал из палат, отсек голову приставу, державшему разбойника, а того отпустил. Остальные обратились в бегство и, придя к судье, рассказали ему о случившемся. Судья же с посадниками отправился к королю с жалобой на Дракулу. Послал король к Дракуле, спрашивая: «Зачем же ты совершил такое злодеяние?» Он же отвечал так: «Никакого зла я не совершал, а пристав сам же себя убил: так должен погибнуть всякий, кто, словно разбойник, врывается в дом великого государя. Если бы он пришел ко мне и объявил о произошедшем, то я бы нашел злодея в своем доме и либо выдал его, либо просил бы его помиловать». Рассказали об этом королю. Король же посмеялся и удивился его нраву.

Конец же его сице:⁵³¹ живяше на Мунтианской земли, и приидоша на землю его турци, начата пленити. Он же удари на них, и побегоша турци. Дракулино же войско без милости начата их сеци и гнаша их. Дракула же от радости възгнав на гору, да видить, како секуть турков, и отторгься от войска; ближнии его, мнящись яко турчин, и удари его один копием. Он же виде, яко от своих убиваем, и ту уби своих убийць мечем своим, его же многими копии сбодоша, и тако убиен бысь.

Конец же Дракулы был таков: когда был он уже в Мунтянской земле, напали на землю его турки и начали ее разорять. Ударил Дракула на турок, и обратились они в бегство. Воины же Дракулы, преследуя их, рубили их беспощадно. Дракула же в радости поскакал на гору, чтобы видеть, как рубят турок, и отъехал от своего войска. Приближенные же приняли его за турка, и один из них ударил его копьем. Дракула, видя, что убивают его свои же, сразил мечом своих убийц, но и его пронзили несколькими копьями, и так был он убит.

Король же сестру свою взял, и со двема сынми, в Угорскую землю на Будин. Един при краве сыне живет, а другой был у Варадинского бископа⁵³² и при нас умре, а третьяго сына, старейшего, Михаила⁵³³ тут же на Будину видехом, от царя турскаго прибег ко кравлю; еще не женився, прижил его Дракула с единою девкою. Стефан же молдовский⁵³⁴ з кравевои воли посади на Мунтянской земли некоего воеводскаго сына, Влада⁵³⁵ именовем. Высь бо той Влад от младенства инок, потом и священник и игумен в монастыри, потом ростригся и сел на воеводство и женился, понял воеводскую жену, иже после Дракулы мало побил и убил его Стефан воловьскы, того жену понял. И ныне воевода на Мунтянской земли Влад, иже бывы чернец и игумен.

Король же взял сестру свою с двумя сыновьями в Венгерскую землю, в Буду. Один сын при короле живет, а другой был у Варданского епископа и при нас умер, а третьего сына, старшего, видели тут же в Буда – бежал он к королю от турецкого царя; еще не будучи женат, прижил этого сына Дракула с одной девкой. Стефан же молдавский по королевской воле посадил в Мунтянской земле некоего воеводскаго сына по имени Влад. Был тот Влад с юных лет монахом, потом – священником и игуменом, а потом расстригся и сел на воеводство. И женился он на вдове воеводы, правившего некоторое время после Дракулы и убитого Стефаном молдавским, вот на его вдове он и женился. И ныне он воевода в Мунтянской земле, тот Влад, что был чернец и игумен.

В лето 6994 февраля 13 прежь писал, та же в лето 6998 генваря 28 вдругье переписях, аз грешны Ефросин.⁵³⁶

В год 6994 (1486) февраля в 13 день списал я это впервые, а в году 6998 (1490) января в 28 день еще раз переписал я, грешный Ефросин.

Повесть о Басарге

СЛОВО О ДИМИТРИИ КУПЦЕ ЗОВОМОМ ПО РЕКЛУ БАСАРЪГЕ, КИЕВЛЕНИНЕ, И О МУДРОМ И О БЛАГОРАЗУМНОМ СЫНЕ ЕГО, ОТРОЧАТИ ДОБРОМУДРОМ СМЫСЛЕ

Бысть некто купец богат зело в Руской земли во граде Киеве, именем зовом Димитрий Басарга. Ему же некогда прилучися отплыти от славнаго Царяграда. И бысть с ним рабов немало. И взя с собой единароднаго сына своего, еще млада суца – возрастом седми лет. И пловяху же ему по морю, и внезапно восташа ветр велий, и понесоша корабль по морю, и отбиша вся правления корабля. И носивши корабль по морю 30 дней. Купец же Дмитрей воздев руце на небо и нача молитися богу и испусти слезы от очию потоки немалый з детищем своим и со отроки своими. И внезапно узреша град велик издалече стоящ, и возрадовася купец радостию великою и обратиша корабль ко берегу, ко пристанищу градскому. И видехом у пристанища того 300 и 30 кораблей стояща, и удивишася купец Дмитрей тому, что много кораблей стоит: «Мню, яко земля та богата есть и купцы в ней торгуют». И сниде с корабля купец Дмитрей и поиде во град. И стретоша его гражане и рече ему: «Откуда еси, купче, прииде, и ис которого царствия, и коей еси ты веры?» И купец тако рече: «Аз есмь, господия, веры руской, верую во единого бога, отца и сына и святаго духа, а урожением града Киева». И рекоша ему граженя: «Брате купче, единой еси веры с нами – руской. Толке за наше согрешение послал бог нам царя законопреступника ельнинския⁵³⁷ веры и томит нас, хочет привлещи ко своей вере. Видиш ли, купче, приходят купцы изо всех стран, хотят торговать в сем царстве всякими товары. И царь им велит 3 загатки отгонуть. И оне не могут ни единой загатки отгонуть. И сих ради загадок купцы все сядят в темницы. И заповедывает царь – не велит на торг никому хлебов петчи, дабы гладом измерли». Купец же Дмитрей, слышав тако от гражан и возвратися скоро на корабль свой, хотя отплыть от града того. И приде на корабль свой, ажно на корабли стоят стражи царевы, занеже закон царев есть: как придет корабль ис которого царства и царь им велит стрещи корабль, чтобы не отшел не обявися царю тому.

Купец же Дмитрей, взял дары великия, и поиде к царю, а царю тому имя Несмиян Гордяич. И приде купец Дмитрей, ста пред царем и рече: «Государь царь Несмиян Гордяич: купчишко пришло из Руской страны, чтобы ты, государь, дары принял, а торговать велел во своем царстве всякими товары». И рече царь купцу: «Буди, купче, ныне ко мне обедать, а

дары у тебя возму по времени же». Приде купец к царю обедать и яко же пообеда у царя, и рече царь купцу: «Купче! коей ты веры?» И купец рече ко царю: «Аз есмь, царю, веры русской, верую во единого бога, отца и сына и святого духа». И рече царь купцу: «Аз чаял – единой веры со мной и единого бога, и хотел тебе область дать, и торговать велел бы во своем царстве всякими товары, и з дары и с проводники отпустить тебя хотел во твою землю. А нынеча сказываешь про себя – не моя веры, но руския. И ныне же ти ведомо буди, купче, – отгадай ми сегодня загадку, что аз тебе загону. Аще ли ты отгадаешь, и аз тебе другую загону. Аще ли и ты отгадаешь, и яз тебе и третью загону. Аще ли и ты отгадаешь, то аз тебе велю торговать во своем царстве всякими товары, и з дары и с проводники отпустить ты имам во твою землю. Аще ли загадок моих не отгадаешь и ты пребывай в моей вере, аз тебе воздам великую честь и торговать велю во своем царстве всякими товары, и з дары и с проводники отпущу ты во твою землю. Аще ли загадок моих не отгадаешь и в вере моей не пребываешь, то ведомо ти буди, купче, – велю главу твою мечем усекнуть, а товар твой повелю на себя взять». Купец же Дмитрий став на долг час, пониче лицом на землю, не имея что отвещать царю. И рече купец к царю: «Яко же годе, царю, твоей державе, тако и будет. Дай мне сроку на 3 дни подумать, а в 4 день приду к тебе да отгадаю твои загадки». Царь же даде ему сроку на 3 дни.

И прииде купец Дмитрий на корабль свой плача и рыдая, чая от царя смерти приять. А сын его играет на карабли, на древце ездит: рукой за конец держит, а другой рукой плеткой побивает, а мнит, яко на коне ездит, яко же подобает детям игры творити. Детище же, виде отца своего велми печалня, и отложи игру свою, и скоро тече ко отцу своему и рече: «Что ты вижу, отче мой, велми печалня и изнемогающа? Кое зло прилучися тебе на сем царстве?» Рече отец сыну своему: «Чадо мое милое! Ты играет по-детски, а отцовы печали не ведаешь. Не веси ли, чадо мое милое, что ми царь отвечал смертный час? А ответу не имам дать и не вем как пособить». И рече детище отцу своему: «Отче, скажи мне, что тебе царь извечал и какую речь говорил тебе. Яз помогу ти». И рече отец к сыну своему, вздохнув из глубины сердца своего: «Тебе ли, чадо мое, помочи мне? А ты отроча младо еще. Аз и свершен муж, а смысла не знаю, что ми царю отвечать, а ты ли, что хочещи царю отвечать и смыслить?» И рече детище отцу своему: «Отче мой, скажи мне, что тебе царь извечал и какую речь поведал тебе. Яз помогу ти. Ведомо же ти буди, отче: конь на рати познаваетца, а милый друг у беды помогает. И ты, отче, скажи ми, младому своему отрочати, что тебе царь извечал. Аще ли, отче, не

поведаешь мне, то сам от царя смерть примеш, а меня погубиш!» Слышав же отец от сына своего мудрую речь и рече се: «Сыну мой, то печаль и рыдание имам от царя: царь мне велел у себя 3 загатки отгадать. А тех ради 3-х загадок триста и 30 купцев сядят в темнице, терпят глад и наготу и скорбь имени ради Христова. И заповедывает царь не велит на торг хлеба петчи, дабы голодом измерли. И яз, страха ради царева, взя сроку на 3 дни, а в четвертый день хочет главу мою мечем усекнуть, а товар мой на себя взять». И рече детище отцу своему: «Прости мя, отче, пред собой глаголати. Безумных мужей рыдание твое: един хочешь печаль свою утаить, а мне, отрочати своему, не поведаешь. Аз, отче, помогу ти. И ты, отче мой, молися богу, а не тужи: аз за тебя загатки у царя отгадаю! Возверзи на господина печаль свою и той ты препитаешь!» Детище же взял игру свою и нача играть. Отец же его малу утеху прием от сына своего и рече в себе: «Сын мой меня тешит, а что ему младому отрочати учинить?» И плакася купец Дмитрей всю 3 дни.

И уже светающе четвертому дни, и призва сына своего и рече: «Се, сыну мой, тот день приде, коего просих у царя. Что ми велит пред царем говорить?» И рече сын отцу своему: «Пойдем, отче, пред царя, возьмем с собой единого раба. Воля господня да будет; яко же и бысть, тако же и будет. Буди имя господне благословенно от ныне и до века!» Отец его дивися разумному ответу сына своего и помышляше в себе, глаголя: «Господи, что се будет?» И поиде купец Дмитрей ко царю с сыном своим и с рабом и ста пред царем. И рече царь купцу: «Се, купче, тот день приде, коего просил у меня. Отгадай три загатки мои!» И рече сын купцев ко царю: «Дай мне, царю, испить. Яз тебе загатки отгону». И рече царь детищу: «Не подобает тебе загатки мои отгадовать. Аз велю купцу сему отгадывать». И рече детище к царю: «Яз сего купца сын едиnorodный и превозлюбленный, аз за отца своего загатки отгадаю». Царь же наля чашу златую меду и даст детищу. Детище же даст отцу своему. Отец же испив чашу и хотя отдать царю. И детище же рече отцу своему: «Не отдавай, отче мой, чаши сия, но скры в недра своя,⁵³⁸ занеже цареву даяние не отходит вспят!» Отец же послушав сына своего и съкры чашу в недра своя. Царь же наля другую чашу и даст детищу. Детище же испив чашу и скры в недра своя. Тако же и рабу повеле скрыть в недра своя. И рече детище: «Цареву даяние не ходит вспят».

И рече царь детищу: «Тебе глаголю, детище, загатку мою: много ли того или мало от востока и до запада? Скажи мне». И рече детище ко царю: «Загатку твою отгадаю: тово, царю, ни мало ни много – день с нощию. Солнце пройдет в круг небесный от востока и до запада единым

днем, а нощию единою пройдет от севера и до юга. То тебе, царю, моя отгатка». И удивися царь тому разумному ответу его, что ему добре разумно отвечал. И царь налил чашу меду и даст купцу, тако же и сыну его и рабу. Детище же и те повеле скрыть в недра своя и рече: «Царево даяние не отходит вспять!» И рече царь детищу: «Другую загатку во утрешний день отгадай, а ныне мы повеселимся». Почтив же царь купца и сына его и раба и отпусти их.

На утрие же царь повеле собрать ипаты и тироны,⁵³⁹ и князи, и бояре и весь град на предивное чюдо, что седми лет детище царева загатки отгадывает. Царь же сидя за столом среди царского своего двора. Купец же Дмитрий приде ко царю с сыном своим и с рабом и ста у престола царева и поклонистася все три равно до земли. И рече царь детищу: «Младый отрок, а разумом смыслен! Отгадай ми сегодня другую загатку: что днем десятая часть в миру убывает, а нощию десятая часть в миру прибывает?» И рече детище ко царю: «Государь царь, той твои загатки младых отроков. А сих ради словес твоих 300 и 30 купцев сидят в темнице, терпят глад и скорбь и наготу имени ради Христова! То, царю, днем десятая часть в миру убывает – солнцем воды усыхает из моря и из рек и из озер; а нощию десятая часть в мир прибывает – ино та часть воды исполняется, занеже солнцу зашедшу и несияющу. То тебе, царь, другая моя отгатка». Диви же ся царь разумному его ответу, что ему разумно отвечал.

И рече царь детищу: «Младый отрок, а разумом смыслен! Отгадай ми сегодня третью загатку, чтобы ся аз поганой не смеялся вам христианом!» И рече детище ко царю: «Тое загатки не отгадаю, потому что мало людей у тебя, не перет кем сказать. И ты, царю, дай мне сроку на пять дней, а в 6 день повели проповедником⁵⁴⁰ кликать по всем торгом, дабы шли на царев двор ипаты и тироны, князи и бояре, и всякия люди: мужи и жены и девицы. А вам гражданам добро будет». И царь даде ему сроку на 5 день.

А в 6 день велел проповедником кликать по всем торгом, дабы шли на царев двор ипаты и тироны, и князи и бояре и весь град. И снидеса весь град на царев двор. Царь же, сидя на престоле своем царском, в руке держит жезл, а в другой меч, хотя главу купцу и сыну и рабу их усекнуть. И приде купец с сыном своим и с рабом на царев двор и ста у престола царева и поклонистася царю все три равно до земли. И рече царь детищу: «Младый отрок, а разумом смыслен! Отгадай ми сегодня третью загатку, чтобы ся поганой не смиялся вам христианом». И рече детище царю: «Ты еси, царю, велик и высоко седиши на престоле своем, а яз есмь отрок млад, стою у престола твоего. И аз тебе скажу, и ты молвишь: «Не дослышал». И ты, царю, сойди с престола своего да пусти меня на престол

свой и дай мне одеяние свое царское и венец, и жезл, и меч своими руками. И яз тебе отгадаю загадку твою третьюю». Царь же слышав от отрока и ста во иступлении ума своего и оцепенеша кости его. И ступиша с престола своего и пусти детище на престол и даст ему одеяние свое и венец, и жезл, и меч своими руками. А рече в себе царь: «Аз его тещу, а что ему свести⁵⁴¹ младому отрочати?» А не ведает того, яко бог власть дает комуждо хочет. И бысть голка велика во дворе царском: народом хотяще видети чудо, что будет. И рече детище ко царю: «Повели, царю, молчать народом». И повеле царь молчати. И бысть тишина и молчание во дворе велие народом. И возопи отрок велиим гласом и глаголя: «Ипаты и тироны, князи и бояре и вси людие гражданае – мужие и жены и девицы! В котораго бога хотите веровать?» И рекоша вси единым гласом и глаголя: «Хотим веровать во отца и сына и святаго духа. Помози нам!» Детище же извлек меч и отсече главу царю и рече ему: «Се ти, царю, третьяя моя отгатка: не смейся поганой нам христьяном!»

И бысть голка велика на дворе царском народом. Детище же рече и веле им молчать. И бысть тишина велия во дворе. И рече детище: «Ипаты и тироны, князи и бояре и вси граженя, мужие и жены и девицы! Кого себе царем поставите?» И возопиша вси людие единогласно рекуще: «Ты нас избавил от сего мучителя, ты у нас и царем буди!» И детище же глаголя к народом: «Коли есте меня произволили над собой царем быть, но не вашим произволением, но божиим строением все збысться. Аще бог по нас, кто на ны! Десница твоя, господи, прославися, десная ти рука сокруши враги! Аще бы не господь предал сего гонителя младому отрочати, то како мощно зрети на таковое величество и гордость? Царь бо имянуем есть и все царство покоренно ему суть; ныне же господь предал в руке наши. Возвеличим господа и прославим милосердие его, давшаго нам победу на враги наша. Избавил есть господь отца моего и меня единороднаго сына отцу моему и раб наших от лютаго сего мучителя и от горкия смерти, и вас милостию своею господь посети и не отторг сущия веры христьянския. Но всем нам подобает славить святую Троицу, отца и сына и святаго духа!» И воскликнуша вси единым гласом и с великой радостью и рекоша: «О, милосердие владычне! Много лет государю нашему новому царю Борзосмыслу⁵⁴² Дмитриевичю!» И дивишася вси великой его мудрости и младости.

И рече новый царь Борзосмысл Дмитриевич: «Взыщите ми патрарха!» И они же ему рекоша: «Патрарх наш и учитель гоним бысть злым нашим гонителем и мучителем и богоотступником царем в заточение». И повеле царь вскоре патрарха из заточения вон выпустить,

да благословится от него на царство и примет свой престол. Яко же и первые начнет люди учить закону господню и по заповедям Божиим ходить. И бысть радость велия во царствие том и дивишася вси разуму и словеси его. Они же с радостию великою, – ипаты и тироны, князи и бояре, – послаша множество посланников. И взыскаша патриарха в заточении и сказаша вся по ряду патриарху, иже содеяшася во царствии том и как послал по него новый царь Борзосмысл. Патриарх же слышав и прослезися и руже возде на небо и рече: «О владыко! Что ти воздам милосердию твоему, иже нам даровал еси в последняя лета наша. Не предал еси нас беззаконному царю, избавил еси царство и люди от горкаго сего мучителя!» И поиде патриарх с посланники во царство с великою радостию, и возвестиша царю приход патриархов. Царь же повеле всему царству встретить патриарха с великою честью со кресты и со иконами и с клиросы⁵⁴³ и всему народу. И вси стретоша патриарха с великою честью. Патриарх же поклонися новому царю Борзосмыслу и рече: «Тебе повеле господь царствовати!» И поклонися весь град со слезами и рече: «Много лет государю нашему Борзосмыслу Дмитриевичю! Тебя господь послал избавить нас и град наш от горкия смерти от сего мучителя!» И дивися патриарх возрасту и смыслу его. И вниде патриарх во церковь и сотвори молитву, яко же подобает патриархом; и постави патриарх над царем на главе турей рог с маслом деревяным; и воскипе рог на нем, и благослови его патриарх на царство. Людие же вси воскликнуша от мала и до велика: «Много лет государю нашему царю Борзосмыслу Дмитриевичю!» Царь же сотвори в той день пиршество велие и созва патриарха и все множество людей, ипаты, и тироны, князи и бояре.

И повеле царь привести царицу прежняго царя и рече ей: «Есть ли у тебя сын или дочь?» И рече ему царица: «Нет у меня сына, столке есть у меня едина дочь красна и мудра, а возрастом еще седми лет». И рече ей царь: «В котораго бога хотите веровать?» И рече ему царица: «Дай мне, царю, сроку на седмь дней, а в восьмый день приду да скажу тебе». Царь же даде ей сроку на седмь дней. И в восьмый день приде царица и со дщерию пред царя и поклонися царю и рече: «Хотим веровать богу твоему!» Царь же повеле патриарху крестити царицу и со дщерию ея и вскоре венчася царь со тою девицей. И бысть радость паче велия во царствии том.

И повеле царь привести купцев тех ис темниц. И приведенным им бысть пред царя. И зря на них царь и удивися: бысть лица их, аки земля, а тело их прилпе к костем, власы же их обростоша до раму,⁵⁴⁴ брады же их, аки стрелы по перею лежаша от глада и от наготы, и ризы их

распадошася. И расплакался царь на них смотрячи, и учреди их царь у себя по три дни, и раздав им имения их и отпусти их коегождо во свою землю с миром. Купцы же поидоша во свою землю, славяще бога и молящеся богу за царя Добросмысла.

Повеле же царь от темниц замки поснимать, а сидящая в темницах и в заточении и во юзах повеле всех свободить и милостыню дал им доволню и свободы всех. И рече царь отцу своему: «Отче мой! Избавил нас бог и пречистая богмати от напрасныя смерти. Восприими, отче мой, умиление и слезы от избавления душ наших в день Страшнаго суда христова, яко да избавил нас господь геоны огненный. И восприими, отче мой, болярство во царствии моем и боли доволно о мире всего мира и о благостоянии святых божиих церквах, чтобы нам господь подал свыше победу видимыя и невидимыя враги наша сопротивныя и возвысил бы господь бог десницу нашу над бусорманы!» И разосла царь во все окрестный царства гонцы с листы, чтобы в его царство со всех государств ехали купцы на караблех со всякими товары да торговали в его царстве безо всякия пакости и прекословия всякими товары.

И отпустиша царь отца своего во свою землю и повеле привести мать свою и сродник своих. Отец же его скоро и не замедлив сяде на корабль свой и поиде во свою землю. И приде купец Дмитрий во свою землю и росказа жене своей и сродцам о избавлении смерти своей и сына своего и вся бывшая по ряду и как сын его Добросмысл Дмитриевич царство правит. Мати же его слышавши сия и наполнися радости великия. И собра весь род свой и поиде во царство сына своего Добросмысла Дмитриевича, славяще бога и пречистую богоматерь. И приде отец царев и мати во царство сына своего и ста на пристанище морстем. И возвестиша граженя царю, что приехал отец его и мати и сродники и ста у пристанища. Царь же возрадовася отцову приезду и матери своей и сродником и учини им стречю с великою честью. Сам же царь Добросмысл встретил отца своего и мать и сродников своих во дворе царском. И бысть радость велия и брак честен.

И начаша купцы многия приходить ко царству его на кораблех со многими товары. И вся суть учинишася во царствии его и обогате царство велми всякими узорочии, златом и серебром и камением драгим и многоценным жемчюгом. И начаша царь Добросмысл Дмитриевич править царство свое во благоденьствии и в тишине и во всяком исправлении безо всякого мятежа. И бысть царства его 60 седмь лет и пять месяц. И по преставлении своем приказа царство свое править брату своему Кирьяку Дмитриевичю, а старейшинство приказа дяде своему Василию Кудрявцу.

В славу и похвалу божию и пречистыя богородицы всегда и ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Повесть о Петре и Февронии Муромских

ПОВЕСТЬ ОТ ЖИТИЯ СВЯТЫХ НОВЫХ ЧЮДОТВОРЕЦ МУРОМСКИХ БЛАГОВЕРНАГО И ПРЕПОДОБНАГО И ДОСТОХВАЛНАГО КНЯЗЯ ПЕТРА, НАРЕЧЕННАГО ВО ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ДАВИДА, И СУПРУГИ ЕГО БЛАГОВЕРНЫЙ И ПРЕПОДОБНЫЙ КНЯГИНИ ФЕВРОНИИ, НАРЕЧЕННЫЯ ВО ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ЕФРОСИНИИ. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ.

Се убо в Русийстей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бе самодержавствуяи благоверный князь, яко поведаху,⁵⁴⁵ именем Павел. Искони же ненавидяи добра роду человеческому, диявол всели⁵⁴⁶ неприязненаго летящаго змия к жене князя того на блуд. И являшеся ей яко же бе естеством, приходящим же людям являшеся своими мечты,⁵⁴⁷ яко же князь сам сядяше з женою своею. Теми же мечты многа времена преидоша, жена же сего не таяше, но поведаше князю мужеву своему вся ключаяся⁵⁴⁸ ей, змий же неприязнивый осиле над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сотворити, но недоумеяшеся. И рече жене си: «Мыслю, жено, но недоумею, что сотворити неприязни тому. Смерть убо не вем,⁵⁴⁹ каку нанесу на нь. Аще бо глаголет к тебе какова словеса, да вступиши его лестию и о сем: вест ли сей неприязнивый духом своим, от чего ему смерть хочет быти. Аще ли увеси,⁵⁵⁰ нам поведаеши, свободишися не токмо в нынешнем веце злаго его дыхания и сипения и всего скаредия,⁵⁵¹ еже смрадно есть глаголати, но и в будущий век нелицемернаго судию Христа милостива себе сотвориши!»

Жена же мужа своего глагол в сердцы си твердо приимши, умысли во уме своем: «Добро тако быти».

Во един же от днии неприязнивому тому змию прилетевшу к ней, она же добру память при сердцы имея, глагол лестию предлагает к неприязни той, глаголя многия инья речи, и по сих с почтением воспросив его хваля, рече бо, яко «много веси,⁵⁵² и веси ли кончину си,⁵⁵³ какова будет и от чего?» Он же неприязнивый прелестник прельщен добрым прелщением от верныя жены, яко непщева⁵⁵⁴ тайну к ней изрещи, глаголя: «Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча!»⁵⁵⁵

Жена же, слышав такую речь, в сердцы си твердо сохрани и по отшествии неприязниваго того поведи князю мужеву своему, яко же рекл есть змий. Князь же то слышав, недоумеяшеся, что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча.

Имеяше же у себе приснаго брата, князя именем Петра. Во един же от

днии призва его к себе и начат ему поведати змиевы речи, яко же рекл есть жене его. Князь же Петр слышав от брата своего, яко змий нарече тезоименита ему исходатая смерти своей, нача мыслити, не сумняся мужествене, како бы убити змия. Но и еще в нем беаше мысль, яко не ведьи Агрикова меча.

Имеяше же обычай ходити по церквам уединялся. Бе же вне града церковь в женьстем монастыри Воздвижение честнаго и животворящаго креста. И прииде к ней един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: «Княже! Хочещи ли да покажу ти Агриков мечь?»

Он же хотя желание свое исполнити рече: «Да вижу, где есть!» Рече же отроча: «Иди вслед мене». И показа ему во олтарней стене межи камения скважню, в ней же лежаще мечь. Благоверный же князь Петр взял мечь той и прииде и поведат брату своему. И от того дни искаше подобна⁵⁵⁶ времени да убьет змия.

По вся же дни ходя к брату своему и к сносе⁵⁵⁷ своей на поклонение. Ключи же ся ему приити во храмину ко брату своему. И в том же часе шед к сносе своей во храмину и виде брата своего сидяща у нея. И паки пошед от нея, встрече некоего от предстоящих брату его и рече ему: «Изыдох бо от брата моего к сносе моей, брат же мой оста в своем храме. Мне же, не косневшу ни камо⁵⁵⁸ же, вскоре пришедшу в храмину к сносе моей и не свем чюждуся,⁵⁵⁹ како брат мой напредь мене обретется в храме у снохи моей?» Той же человек рече ему: «Никако же, господи, по твоём отшествии не изыде брат твой из своея храмины!»

Он же разуме быти пронырьству лукаваго змия. И прииде к брату и рече ему: «Когда семо прииде? Аз бо от тебе изыдох, и нигде же ничесо же помедлив, приидох к жене твоей в храмину и видех тя с нею сидяща и почюдихся,⁵⁶⁰ како напредь мене обретется. Приидох же паки семо, нигде же ничесо же помедлив, ты же, не вем како мя предтече,⁵⁶¹ напредь мене zde обретется». Он же рече: «Никако же, брате, из храма сего по твоём отшествии не изыдох и у жены своя никакже бе». Князь же Петр рече: «Се есть, брате, пронырьство лукаваго змия: да тобою ми ся кажет,⁵⁶² аще не бых хотел убити его,⁵⁶³ яко непщюя тебе⁵⁶⁴ своего брата. Ныне убо, брате, отсюда никамо же иди, аз же тамо иду братися со змием, да негли божию помощию убьен будет лукавый змий сей».

И взял мечь, нарицаемый Агриков, и прииде в храмину к сносе своей, и виде змия зраком аки брата си, и твердо уверися, яко несть брат его, но прелестный змий, и удари его мечем. Змий же явися яков же бяше естеством и нача трепетатися и бысть мертв и окропи блаженнаго князя Петра кровию своею. Он же от неприязнивыя тоя крови острупе, и язвы

Быша, и прииде на нь болезнь тяжка зело. И искаше во своем одержании⁵⁶⁵ от мног врачей исцеления, и ни от единого получи.

Слышав же, яко мнози суть врачеве в пределех Рязаньския земли, и повеле себе тамо вести, не бе бо сам мощен на кони седети от великия болезни. Привезен же бысть в пределы Рязаньския земли и послав синклит свой искати врачей.

Един же от предстоящих ему юноша уклонися в весь, нарицающуюся Ласково. И прииде к некоего дому вратом и не виде никого же; и вниде в дом и не бе кто бы его чюл; и вниде в храмину и зря видение чюдно: седяше бо едина девица и ткаше красна,⁵⁶⁶ пред нею же скача заец.

И глаголя девица: «Нелепо есть быти дому без ушии и храму безо очию!» Юноша же тоя глагол не внят во ум, рече девици: «Где есть человек мужеска полу, иже zde живет?» Она же рече: «Отец мой и мати моя поидоша взаим⁵⁶⁷ плакати, брат же мой иде чрез ноги в нави⁵⁶⁸ зрети».

Юноша же той не разуме глагол ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобну чюдеси и глаголя к девици: «Внидох к тебе и вижу тя делающу и видех заець пред тобою скача и слышу от устну твоею глаголы странны некаки и сего не вем,⁵⁶⁹ что глаголеши. Перьвое бо рече: «Нелепо есть быти дому без ушию и храму без очию». Про отца же твоего и матерь рече, яко «идоша взаим плакати», брата же своего глаголя «чрез ноги в нави зрети». И ни единого слова от тебе разумех». Она же глаголя ему: «Сего ли не разумевши! Прииде в дом сий и в храмину мою вниде и виде мя седящу в простоте.⁵⁷⁰ Аще бы был в дому наю⁵⁷¹ пес и чюв тя к дому приходяща, лаял бы на тя: се бо есть дому уши. И аще бы было в храмине моей отроча и виде тя к храмине приходяща, сказало бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отдай матерь и брата, яко отец мой и мати моя идоста взаим плакати – шли бо суть на погребение мертваго и тамо плачют, и егда же по них смерть приидет, инии по них учнут плакати: сей есть займованный плачь. Про брата же ти глаголах, яко отец мой и брат мой древолазцы суть, в лесе бо мед от древия емлют. Брат же мой ныне на таковое дело иде, яко же лести на древо в высоту чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сей живота гоньзнет. Сего ради рех, яко иде чрез ноги в нави зрети».

Глаголя ей юноша: «Вижу тя девице мудру сущу. Повеждь ми имя свое». Она же рече: «Имя ми есть Феврония». Той же юноша рече к ней: «Аз есмь муромскаго князя Петра служаи ему. Князь же мой имеа болезнь тяжку и язвы. Оструплени бо бывшу ему от крови неприязниваго летящаго свирепаго змия, его же есть убил своею рукою. И в своем одержании

искаше исцеления от мног врачей и ни от единого получи. Сего ради семо повеле себе привести, яко слыша zde многи врачеве. Но мы не вемы, како именуются, ни жилищ их вемы, да того ради вопрошаем о нею». Она же рече: «Аще бы кто требовал князя твоего себе, могл бы уврачевати». Юноша же рече: «Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себе? Аще кто уврачует, то князь мой даст ему имения много. Но скажи ми имя врача того, кто есть и камо есть жилище его». Она же рече: «Да приведеш князя твоего семо. Аще будет мяжкосерд и смирен во ответех, да будет здрав!»

Юноша же той скоро возвратися ко князю своему и поведа ему все подробну, еже виде и еже слыша от девицы. Благоверный же князь Петр рече: «Да везете мя, где есть девица».

И привезоша его в дом той, в нем же есть девица. И посла⁵⁷² к ней отрок своих, глаголя: «Повежь ми, девице, кто есть, хотя мя уврачевати? Да уврачует мя и возмет имения много». Она же не обинуяся⁵⁷³ рече: «Аз есмь хотяи врачевати, но имения не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быта супруга ему, не тебе ми есть⁵⁷⁴ врачевати его».

И пришед человек той, поведа князю своему, яко же рече девица. Князь же Петр яко не брегии⁵⁷⁵ словеси ея и помысли: «Како князю суцу древолазца дщи пояти себе жену?» И послав к ней рече: «Рцыте ей, что есть врачевство ея, да врачует. Аще ли у врачует, имам пояти ю себе жену!»

Пришедше же реша ей слово то. Она же взем сосудец мал, почерпе кисляжди⁵⁷⁶ своя и дунув на ню и рече: «Да учредят князю вашему баню и да помазуют сим по телу своему, иде же суть струны и язвы, и един струп да оставит не помазан. И будет здрав!»

И принесоша к нему такое помазание. И повеле учредите баню. Девицу же хотя во ответех искусцти, аще мудра есть, яко же слыша о глаголах ея от юноши своего. Посла к ней со единым от слуг своих едино повесмо⁵⁷⁷ лну, рек: «Аще сия девица хочет ми супруга быти мудрости ради и аще мудра есть, да в сием лну учинит мне срацицу⁵⁷⁸ и порты и убрусець⁵⁷⁹ в годину,⁵⁸⁰ в ню же аз в бани пребуду».

Слуга же принесе к ней повесмо лну и дав ей и княже слово сказа. Она же рече слуге: «Взыди на пещь нашу и снем з гряд поленце, снеси семо». Он же послушав ея снесе поленце. Она же отмерив пядию, рече: «Отсеки сие от поленьца сего». Он же отсече. Она же глагола: «Возми сий утинок⁵⁸¹ от поленьца сего и шед даждь князю своему от мене и рци ему: в кий час се повесмо очешу, а князь твой да приготовит ми в сем утинце

стан и все строение, ким сочтетца полотно его». Слуга же принесе ко князю утинок поленца и речь девичю сказа. Князь же рече: «Шед, рци девици, яко невозможно есть в такове мале древце и в таку малу годину сицева строения сотворити!» Слуга же пришед сказа ей княжу речь. Девица же отрече: «А се ли возможно есть человеку мужеска возраста в едином повесме лну в малу годину, в тоже пребудет в бани, сотворити срачицу и порты и убрусец?» Слуга же отиде и сказа князю. Князь же удивлься ответу ея.

И по времени князь Петр иде в баню мытися и повелением девицы помазанием помазуя язвы и струпы своя. И един струп остави не помазан по повелению девици. Изыдеже из бани ничто же болезнено пострада. На утрие же узре все тело здраво и гладко, разве единого струпа, иже бе не помазан по повелению девици. И дивляшеся скорому исцелению. Но не восхоте пояти женою себе отечества ея ради⁵⁸² и посла к ней дары. Она же не прият.

Князь же Петр поеха во отчину свою, град Муром, здравьствуяи. На нем же бе един струп, еже бе не помазан повелением девичим. И от того струпа начата мнози струпы расходитися на теле его от перьваго же дни, в онь⁵⁸³ же поехал во отчину свою. И бысть оструплен многими язвами, яко же бе и первие.

И паки возвратися на готовое исцеление к девицы. Яко же приспе в дом ея, со студом посла к ней, прося врачевания. Она же ни мало гневу подержав рече: «Аще будет ми супружник, да будет уврачеван». Он же с твердостью слово дав ей, якоимать пояти ю в жену себе. Сия же паки, яко же и преже то же врачевание, дасть ему, еже преди писах. Он же вскоре исцеление получи и поят ю в жену себе. Таковою же виною бысть Феврония княгини.

Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста во всяком благочестии, ничто же от божиих заповедей преступающе.

По малех же днех преди реченный князь Павел отходит от жития сего, благоверный же князь Петр по брате своем един самодержец бывает граду Мурому.

Княгини же его Февронии боляре его не любляху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ея ради, богу же прославляюще добраго ради жития ея.

Некогда бо некто от предстоящих ей прииде к благоверному князю Петру навади⁵⁸⁴ на ню, яко «от коегождо, – рече, – стола своего бес чину исходит: внегда бо стати ей, взимае в руку свою крохи, яко гладна!» Благоверный же князь Петр хотя ю искусити, повеле да обедует с ним за

единым столом. И яко убо скончавшуся обеду, она же яко же, обычай имеяше, взял от стола в руку свою крохи. Князь же Петр приим ю за руку и, развед, виде ливан добровонный и фимиян. И от того дни остави ю к тому не искушати.

По мнозе же времени приидоша к нему боляре его, с яростию рекуще: «Хощем вси праведно служити тебе и самодержцем имети тя, но княгини Февронии не хощем, да государствует женами нашими. Аще ли хощеши самодержець быти, да будет ти ина княгини, Феврония же, взял богатство доволно себе, отидет, амо же хощет!» Блаженный же князь Петр, яко же бе ему обычай ни о чесом же ярости имея, но со смирением отвеща: «Да глаголита Февронии, и яко же речет, то да слышим».

Они же неистовии наполнившеся безстудиа⁵⁸⁵ и умыслиша, да учредят пир. И сотвориша. И, егда уже Быша весели, начата простирати безстудныя своя глаголы, аки пси лающе, отнемлюще у святых божий дар, его же бог и по смерти неразлучна обещал есть. И глаголаху: «Госпоже княгини Февроние! Весь град и боляре глаголют тебе: даждь нам, его же мы у тебе просим!» Она же рече: «Да возмета, его же просита!» Они же яко единеми усты реша: «Мы убо, госпоже, вси князя Петра хощем, да самодержествует над нами. Тебе же жены наша не хотят, яко господствуеши над ними. Возмем богатство доволно себе, отидеши, амо же хощеши!» Она же рече: «Обещахся вам, яко елика аще просита, приимета. Аз же вам глаголю: дадите мне, его же аще воспрошу у ваю».⁵⁸⁶ Они же злии ради Быша, не ведуще будущаго, и глаголаша с клятвою, яко «аще речеши, единою бес прекословия возмещи». Она же рече: «Ничто же ино прошу, токмо супруга моего князя Петра!» Реша же они: «Аще сам восхощет, ни о том тебе глаголем». Враг бо наполни их мысли, яко аще не будет князь Петр, да поставят себе иного самодержцем: кииждо бо от боляр во уме своем держаше, яко сам хощет самодержець быти.

Блаженный же князь Петр не возлюбил временнаго самодержества, кроме божиих заповедей, но по заповедем его шествуя, держашеся сих, яко же богогласный Матфей в своем благовестии вещает, рече бо, яко «иже аще пустит жену свою, разве словеси прелюбодейнаго, и оженится иною, прелюбы творит». Сей же блаженный князь по Евангелию сотвори: о держании своем яко уметы вмени,⁵⁸⁷ да заповеди божия не разрушит.

Они же злочестивии боляре даша им суды на реце, – бяше бо под градом тем река, глаголемая Ока. Они же плывуще по реце в судех. Некто же бе человек у блаженныя княгини Февронии в судне, его же и жена в том же судне бысть. Той же человек, приим помысл от лукаваго беса, воззре на святую с помыслом. Она же, разумев злии помысл его, вскоре

обличи и́, рече бо ему: «Почерпи убо воды из реки сея с сию страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему испити. Он же пит. Рече же паки она: «Почерпи убо воды з другую страну судна сего». Он же почерпе. И повеле паки испити. Он же пит. Она же рече: «Равна ли убо си вода есть, или едина слаждьши?» Он же рече: «Едина есть, госпоже, вода». Паки же она рече: «Сице едино естество женское. Почто убо свою жену оставя, чюжия мыслиши?» Той же человек уведе, яко в ней есть прозрения дар, бояся к тому таковая помышляти.

Вечеру же приспевшу, начаша ставитися на брег. Блаженный же князь Петр яко помышляти начат: «Како будет, понеже волею самодержавства гоньзнув?» Предивная же княгини Феврония глагола ему: «Не скорби, княже, милостивый бог, творець и промысленик всему не оставит нас в нищете быти!»

На брезе же том блаженному князю Петру на вечерю⁵⁸⁸ его ядь готовляху. И потче⁵⁸⁹ повар его древца малы, на них же котлы висяху. По вечери же святая княгини Феврония ходящи по берегу и видевши древца тья, благослови, рекши: «Да будут сия на утрие дровие велие, имуще ветви и листвие».

Еже и бысть. Воставше убо утре обретоша тоя древца великое дровие, имуще ветвие и листвие. И яко же уже хотяху рухло людие их вметати в суды со берега, приидоша же велможы от града Мурома, рекуще: «Господи княже! От всех велмож и от всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сирых, но возвратиши на свое отечествие. Мнози бо велможа во граде погибоша от меча, кийждо бо их хотя державствовать, самися убита. И оставиши вси со всем народом молим тя, глаголюще: господи княже, аще и прогневахом тя и раздражихом тя, не хотяще, еже княгини Февронии господарствовать женами нашими, ныне же со всеми дома своими раби ваю есмы, и хоцем и любим и молим, да не оставиши нас раб своих!»

Блаженный же князь Петр и блаженная княгини Феврония возвратишася во град свой. И бяху державствующе во граде том, ходяще во всех заповедех и оправданиих господних бес порока, в молбах непрестанных и милостынях и ко всем людем под их властью сущым, аки чадолюбивый отець и мати. Беста бо ко всем любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабления, ни богатства тленнаго щадяще, но в бога богатеюще. Беста бо своему граду истинная пастыря, а не яко наемника. Град свой истинною и кротостию, а не яростию, правяще. Странныя⁵⁹⁰ приемлюще, алчным насыщающе, нагия одевающе, бедныя от напастей избавляюще.

Егда же приспе благочестное преставление ею,⁵⁹¹ умолиша бога да во един час будет преставление ею. И совет сотвориша, да будут положена оба во едином гробе, и повелеша учредити себе во едином камени два гроба, едину токмо преграду имуще меж собою Сами же во единое время облекостася во мнишеския ризы. И наречен бысть блаженный князь Петр во иноческом чину Давид, преподобная же княгини Феврония нареченна бысть во иноческом чину Ефросиния.

В то же время преподобная Феврония, нареченная Ефросиния, во храм пречистыя соборныя церкви своими руками шияше воздух, на нем же бе лик святых. Преподобный же и блаженный князь Петр, нареченный Давид, прислав к ней глаголя: «Сестро Ефросиние! Хочу уже отити от тела, но жду тебе, яко да купно отидем». Она же рече: «Пожди, господине, яко да дошью воздух во святую церковь». Он же вторицею посла к ней глаголя: «Уже бо мало пожду тебе». И яко третицею посла к ней, глаголя: «Уже бо хочу преставитися и не жду тебе». Она же остаточное дело воздуха того шьяше, уже бо единого святого риз не дошив, лице же нашив и воста и вотче⁵⁹² иглу свою в воздух и преверте нитию, ею же шиаше. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнем.⁵⁹³ И, помолившеся, предаста вкупе святыя своя душа в руце божии месяца июня в 25 день.

По преставлении же ею хотеста людие, яко да положен будет блаженный Петр внутрь града у соборныя церкви пречистыя Богородици, Февронию же вне града в женьстем монастыри у церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста, рекуще, яко «во мнишестем образе негодно есть положити святых в едином гробе». И учредиша им гробы особныя и вложыша телеса их в ня: святого Петра, нареченнаго Давыда, тело положыша во особый гроб и поставиша внутрь града в церкви святыя Богородици до утрия, святыя же Февронии, нареченныя княгини Ефросинии, тело положиша во особый гроб и поставиша вне града в церкви Воздвижения честнаго креста. Общый же гроб, его же сами повелеша истесати себе во едином камени, оста тощ⁵⁹⁴ в том же храме Пречистыя соборныя церкви, иже внутри града.

На утрие же воставше людие и обретоша гробы их особныя тщи, в ня же их вложыста. Святая же телеса их обретошася внутрь града в соборной церкви пречистыя Богородица в едином гробе, его же сами себе повелеша истесати. Людие же неразумнии, яко же в животе о них мятущеся, тако и по честнем ею преставлении: паки преложыша я во особныя гробы и паки разнесоша. И паки наутрии обретошася святии в едином гробе. И к тому не смеяху прикоснутися святым их телесем и положыста я в едином гробе, в

нем же сами повелеста, у соборныя церкви Рожества пресвятыя богородица внутрь града, еже есть дал бог на просвещение и на спасение граду тому: иже с верою пририщуце⁵⁹⁵ к мощем их, неоскудно исцеление приемлют.

Мы же по силе нашей да приложим хваление има.

Радуйся, Петре, яко дана ти бысть власть убити летящаго змия! Радуйся, Февроние, яко в женьстей главе святых муж мудрость имела еси! Радуйся, Петре, яко струпы и язвы на теле своем нося, доблествене скорби претерпел еси! Радуйся, Февроние, яко от бога имела еси дар в девственей юности недуги целити! Радуйся, Петре, яко заповеди ради божия самодержавства волею отступи, еже не оставити супруги своя! Радуйся, дивная Февроние, яко твоим благословением во едину ноць малое древне велико возрасте и изнесоша ветви и листвие! Радуйтася, честная главо, яко во одержании ваю в смиреннии и в молитвах и в милостыни без гордости пожиста; тем же Христос дарова вам благодать, яко и по смерти телеса ваю неразлучно во гробе лежаще, духом же предстоита владыце Христу! Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление с верою к вам приходящым невидимо подаета!

Но молит вы, о преблаженная супруга, да помолитесь о нас, творящих верою память вашу!

Да помянета же и мене прегрешнаго, списавшаго сие, елико слышах; неведьи, аще инии суть написали, ведуще паче мене. Аще бо и грешен есмь и груб, но на божию благодать и на щедроты его уповая и на ваше моление ко Христу надеяся, трудихся мыслыми. Хотя вы на земли хвалами почтити, и не у хвалы коснухся. Хотех вам ради вашего смиреннаго самодержавства и преподобьства по преставлении вашем венца плести и не уплетения коснухся. Прославлени бо есте на небесех и венчани истинными нетленными венцы от общаго владыки Христа. Ему же подобает всяка слава, честь и поклонение со безначальным его отцем купно и с пресвятым и благим и животворящим духом, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Спор жизни со смертью

ПОВЕСТЬ И СКАЗАНИЕ О ПРЕНИИ ЖИВОТА СО СМЕРТИЮ И О ХРАБРОСТИ ЕГО И О СМЕРТИ ЕГО

Человек некий ездяше по полю чисту и по раздолию широкому, конь под собою имея великою крепостию обложен, зверовиден, а мечь имея у себе вельми остр обоюду, аки лед видением, а змиино имея жало, рассекая железо и великое твердое камение, оболчен⁵⁹⁶ во оружие твердо. И многия полки человек той побивая, и многия сильныя цари прогоняя и побежая, и многия сильныя богатыри побивая, имея в себе велию силу и храбрость, и разума исполнен и всякия мудрости; и помышляше в себе, глаголя высокая и гордая словеса: «Если убо на сем свете, на всей подьнебесней кто бы могл со мною битися или противу мене стати, – царь, или богатырь, или зверь сильный?» И сице помышляше в себе и глаголаше: «Аще бы был аз на облацех небесных, а в земли бы было колце утвержено, и аз бы всею землею подвизал». И бысть абие в велице високоумии. И внезапно же прииде к нему смерть, образ имея страшен, а обличие имея человеческо – грозно же видети ея и ужасно зрети ея; и оружия носяше с собою много на человека учинены: мечи, ножи, пилы, рожны⁵⁹⁷, серпы, сечива,⁵⁹⁸ косы, бритвы, уды,⁵⁹⁹ теслы⁶⁰⁰ и иная многа незнаемая, иже кознодействует⁶⁰¹ различно на разрушение человека. Узрев же ея, храбрый той воин устращися велми, и душа его смиренная ужасеся и уды⁶⁰² его вострепеташа вси, вмале же укрепися и рече ей: «Кто еси, лютый зверю? Страшный образ твой человекъ есть и страшен велми».

Рече же ему смерть: «Пришла еси к тебе, а хочу тя взяти».

Рече ей удалый воин: «Аз не слушаю тебе, а тебе не боюся».

Рече же ему смерть: «Человече суетне, о чем ты мене не боиши? Се бо вси цари, и князи, и святители мене боятся, аз еси велми славна на земли».

Рече же ей живот: «Аз еси силен и храбр, и на ратех многия полки побиваю, а от тех ни един человек не может со мною битися, ни противу мене стати, а ты како ко мне едина пришла еси? И хочещи ко мне приблизитися, а оружия с собою носиши много; видишися ты мне не удала и состарелася еси многолетною старостию, а конь у тебе аки много дней не едал и изнемог гладом, токмо в нем кости да жилы; аз тебе глаголю кротостию и старость твою почитаю: отиди скоро от мене, бежи, доколе не поткну ты мечем моим».

Рече же ему смерть: «Аз есть ни силна, ни хороша, ни красна, ни

храбра, да сильных, и хороших, и красных, и храбрых побораю, да скажу ти, человеце, послушай мене: от Адама и до сего времени сколько было богатырей сильных, никто же смел противу мене стати. Хотела бых того, кто бы противу мене стал и брался бы со мною, но несть: ни царь, ни князь, ни богатыри, ни всякий человек, ни жены, ни девицы, никто же смел со мною братися, – ни юн, ни стар. Царь Александр был Макидонский храбр и мудр, и Самсон был сильный, и он говорил тако: аще бы было колце вделано в землю, и аз бы всем светом поворотил, да и тот не смел спиратися со мною; а во Алевите был Акирь Премудрый,⁶⁰³ и тот со мною спиратися не смел же; тех аз всех взяла, яко единого от убогих сирот. Был царь пророк Давид и сын его царь Соломон⁶⁰⁴ премудр, и хитр, и мудр был, не было такова мудреца во всей поднебесной, и тот не смел со мною спиратися и противу мене стати, и того аз взяла. Аще ты, человеце, не ведаеш, кто есмь аз, аз есмь смерть».

Услышав же то, человек той сия зело устращися сердцем своим и ужасеся умом своим, глагола ей: «Госпоже моя, добрая и славная смерть! понеже человек есмь храбр, а мечь у мене, госпоже, велми остр, токмо битися я с тобою не хочу, но хочу с тобою, госпоже, мир великий имети: ты, госпоже, смерть зовешися, аз есмь живот именуюсь. Что всуе хочещи посети мене? Ничто же пред тобою вем себе преступивши или которую тебе сотворша досаду. Есть, госпоже, у мене богатства много – и злата, и сребра, и бисера многоценнаго множество; возми у мене, госпоже моя, что хочещи, токмо смирися со мною и не дей мене к тому и буди ми, госпоже моя, друг любимый, и отиди, госпоже моя, от мене с честью великою, дбндеже не прогневаюся на тя, и отбежи, госпоже, от мене скоро, дбндеже не возгорится ярость моя на тя».

Рече же ему смерть: «О человеце суетне, что всуе сия глаголы безумныя глаголеши, а не поможет ти ничто же: ни слава, ни богатство, ни сила, ни храбрость. Аз убо от тебе не отиду, а тебе от себе не отпущу, но хочу убо ты ногою моею запяты⁶⁰⁵ и на земли ты хочу простерти, яко же и всех человек. Аз есмь ни посулница: и богатства не збираю, ни краснаго портища не ношу, а земныя славы не ищу, занеже не милостива есмь издетска и не повадилась есмь никого же миловать, ни милую, ни наравлю никому: как прииду, так и возму, но токмо жду от господа бога повеления, как господь повелит в мегновении ока возму, в чем ты застану, в том ти и сужду».

Рече же живот: «Госпоже моя смерть, покажи на мне милость свою, отпусти мя ко отцу моему духовному, да покаюся ему, елико согреших».

Рече же ему смерть: «Никако же, человеце, не отпущу ты ни на един

час. Тем вы прельщаетесь, глаголюще: завтра ся покаю, и бес покаяния наипаче согрешаете, а мене забываете, а ныне как аз пришла, так и возму. Ко всем моя любовь равна есть: какова до царя, такова и до нища, и до святителя, и до простых людей. Да аще бы аз богатство собирала, ино бы не было и места, где ми его класти, понеже, человеце, прихожу аз, аки тать в нощи, безвесно. Слышал ли еси во Евангелии господа глаголюща: блюдитесь вы на всяк час смерти, не весть бо ни един от вас, когда приидет смерть, приходит смерть аки тат, смерть вам грамоты не пошлет, ни вести не подаст. Господь бог тебе не стерпе, ниже помилова. от мене же милости никто не ищи, аще кто ищет и не обрящет».

И тако его поверже с коня на землю, дондеже предаст дух свой богу. Тако сконча воин жизнь свою. Ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Первое послание Ивана Грозного А. М. Курбскому

ЦАРЕВО ГОСУДАРЕВО ПОСЛАНИЕ ВО ВСЕ ЕГО РОССИЙСКОЕ ЦАРСТВО НА КРЕСТОПРЕСТУПНИКОВ ЕГО, НА КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРЬСКОВО С ТОВАРИЩИ О ИХ ИЗМЕНЕ

...

Яко же и выше рех, какова злая пострадах от юности моя даже и доселе, пространнейшее изобличити. Се убо являет (аще убо и юн еси сих лет, но обаче ведети можеш): егда божиими судьбами отец наш, великий государь Василей,⁶⁰⁶ пременив порфиру ангельским прменением,⁶⁰⁷ тленное все и мимотекущее земное царство оставил, прииде на небесная во онь век нескончаемый, предстояти царю царем и господину государем, мне же оставшу со едиnorodным братом, святопочившим Георгием,⁶⁰⁸ мне убо трею лет суцу, брату же моему лета единого, родительнице же нашей, благочестивой царице Елене,⁶⁰⁹ в сицевых бедне во вдовстве оставше, яко же во пламени отовсюду пребывающы, ово убо от иноплеменных язык от круг преседающих, брани непременительныя приемлюще ото всяких язык, литаонских,⁶¹⁰ и поляков, и Перекопи, Надчитархана,⁶¹¹ и от нагаи, и от Казани, ово же от вас изменников беды и скорби разными виды приемлюще, яко же подобен тебе, бешеной собаке, князь Семен Бельской да Иван Ляцкой⁶¹² оттекоша в Литву и камо не скакаша бесящеса? И во Царьград, и в Крым, и в Нагаи, и отовсюду на православия рати воздвизающе; и ничто же успеха: богу заступающе, и пречистые богородицы, и великим чудотворцом, и родителей наших молитвами и благословением, вся сия яко же Ахитофель совет разсыпаса.⁶¹³ Тако же потом дядю нашего, князя Ондreja Ивановича, изменники на нас подъяша,⁶¹⁴ и с теми изменники пошел было к Новгороду (и которых хвалиши! доброхотных нам и душу за нас полагающих называешь!) и те в те поры от нас были и отступили, а к дяде нашему ко князю Андрею приложилися, а в головах⁶¹⁵ твой брат, князь Иван князь Семенов сын, князь Петрова Лвова Романовича и иные многие. И тако з божиею помощию тот совет не совершися. Ино то ли их доброхотство, которых ты хвалишь? Тако ли душу свою за нас полагают, еже нас хотели погубити, а дядю нашего воцарити? Потом же, изменным обычаем, недругу нашему литовскому почяли отчину нашу отдавати, грады Радогощ, Стародуб, Гомей:⁶¹⁶ и тако ли доброхотствуют? Егда несть во своей земли, кем погубити от земля и славу в прелесть вселити,⁶¹⁷ тогда ко иноплеменным примешаются любовию, точию да погубят безпамятно!⁶¹⁸

Тако же изволися судьбами Божиими быти, родительницы нашей благочестивей царицы Елене преити от земнаго царствия на небесное;⁶¹⁹ намъ же со святопочившым братом Георгием сиротствующим родителей своих и ни откуду же промышления человеческого приемлюще, токмо на божье милосердие уповающе и на пречистую богородицы на милость, и на всех святых молитвы и на родителей своих благословение упование положихом. Мне же осмому лету от рожения тогда преходящу и тако подвластным нашим хотение свое уллучившим, еже царство безо владетеля обретоша, нас убо, государей своих, никоего промышления доброхотнаго не сподобиша, сами же ринушася богатству⁶²⁰ и славе, и тако наскочиша друг на друга. И елика тогда сотвориша! Колико бояр, и доброхотных отца нашего и воевод избиша! И дворы, и села, и имения дядь наших восхитиша и водворишася в них! И казну матери наша перенесли в Большую казну и неистово ногами пихающе и осны⁶²¹ колюще, а иное же и себе разделиша. А дед твой Михайло Тучков то и творил. И тако князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в бережение учинилися,⁶²² и тако воцаришася; а тех всех, которые отцу нашему и матери нашей главные изменники, ис понимания повыпускали и к себе их примирили. А князь Василей Шуйской на дяди нашего княж Андрееве дворе Ивановича учял жити, и на том дворе, сонмищем иудейским, отца нашего да и нашего дьяка ближняго Федора Мишурина изымав, позоровав,⁶²³ убили; и князя Ивана Федоровичя Бельского и иных многих в розная места заточиша, и на церковь вооружишася, и Данила митрополита,⁶²⁴ сведши с митрополии, в заточение послаша; и тако свое хотение во всем уллучиша,⁶²⁵ и сами убо царствовати начяша. Нас же, со единокровным братом, святопочившим Георгием, пигати начяша, как иностранных, или убо якоубожайшую чядь.⁶²⁶ Таковая же тогда пострадах во одеянии и в алчбе! Во всем воли несть, но вся не по своей воли и не по времени юности. Едино воспомянути: нам бо во юности детская играющим, а князь Иван Васильевич Шуйской сидит на лавке, локтем опершися об отца нашего постелю, ногу положи на стул, к нам же не приклоняся не токмо яко родительски, но ниже властельски, рабское же ниже начяло обретеса. И таковая гордения хто может понести? Какое же исчести таковая многая бедне страдания, еже во юности пострадах? Многажды поздно ядох не по своей воли. Что же убо о казнях родительского ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением, будто детям боярским жалованье, а все себе у них поимаша во мздоимание; а их не по делу жалуючи, верстая⁶²⁷ не по достоинству; а казну деда и отца нашего безчисленну себе поимаша; и тако в той нашей казне исковаша

себе сосуды златые и сребряные и имя на них родителей своих возложиша, будто их родительское стяжание; всем люд ем ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйсково шуба была мухояр⁶²⁸ зелен на куницах, да и те ветхи; и коли бы то их была старина, и чем было сосуды ковати, ино лутче шуба переменить, да в ысходке⁶²⁹ суды ковати. А о казнах наших дядей глаголати, но все себе восхитиша. По сем же на грады и на села наскочиша, и тако горчайшим мучением многообразными виды имения ту живущих без милости пограбиша. Соседствующим же от них напасти хто может исчести? Подовласных же всех аки рабы себе сотвориша, рабы же свои аки вельможа сотвориша; правити же мнящися и строити,⁶³⁰ и вместо сего неправды и неустроения многая устроиша, мзду же безмерную ото всяких собирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще.

И тако им на много время жившим, мне возрастом телом преспевающе⁶³¹ и не восхотех под властью рабскою быти, и того для князя Ивана Васильевичя Шуйсково от себя отослал на службу, а у себя велел еси быти болярина своему князю Ивану Федоровичю Бельскому.⁶³² И князь Иван Шуйской, приворотя к собе всех людей и к целованию привед, пришед ратию к Москве,⁶³³ а болярина нашего князя Ивана Федоровичя Бельсково и иных боляр и дворян переимали советники его Кубенские и иные, до его приезду, да сослав его на Белоозеро и убили, да и митрополита Иоасафа с великим безчестием с митрополии согнаша.⁶³⁴ Таж князь Андрей Шуйской со своими единомысленники, пришед к нам в ызбу в столовую, неистовным обычаем перед нами болярина нашего Федора Семеновичя Воронцова изымавши позоровав, вынесли из избы да убить хотели. И мы послали к ним митрополита Макария, да боляр своих Ивана да Василья Григорьевичев Морозовых своим словом, чтоб его не убили, и оне едва по нашему слову послали его на Кострому; а митрополита затеснили и манатью на нем со источники⁶³⁵ изодрали, и боляр в хребет толкали. Ино и то ли доброхотны, что боляр наших и угодных нам супротивно нашему повелению переимали и побили и разными муками и гонении мучити? И тако ли годно и за государей своих душу полагают, еже к нашему государьству ратью приходити и перед нами сонмищем имати, и с нами холопу со государем ссылатися, и государю у холопа выпрашивать? Тако ли пригоже прямая служба? Воистинну вся вселенная посмиется, видя такую правду. А о гонении же что и глаголати, каковы тогда случишася? От преставления матери нашея и до того времени шесть лет и пол⁶³⁶ не престаша сия злая!⁶³⁷

Нам же пятагонадесят⁶³⁸ лета возраста преходящим, и тако сами яхомся строити свое царство,⁶³⁹ и по божии милости благо было началось

строити. Понеже грехом человеческим, повсегда божию благодать раздражающим, и тако случися грех ради наших, божию гневу разпростершуся, пламени огненному царствующий град Москву попалившу,⁶⁴⁰ наши изменные бояре, от тебе же нарицаемая мученики (их же имена волею прему),⁶⁴¹ аки время благополучно своей изменной злобе уллучиша, наустиша⁶⁴² народ художайших умов, будто матери нашей мать, княгина Анна Глинского, с своими детьми и людьми сердца человеческая выимали и таким чяродейством Москву попалили; да бутто и мы тот совет ведали: и тако тех изменников научением боярина нашего князя Юрья Васильевича Глинского, воскричав, народ иудейским обычаем, изымав его в пределе великомученика Дмитрия Селунского, выволокси, в соборной и апостольской церкви пречистыя Богородицы против митрополичья места, безчеловечно убиша и кровию церковь наполниша, и вывлекши его мертва в передние двери церковные, и положиша на торжище, яко осуженника. И сие убийство во церкви всем ведомо, а яко же ты, собака, лжеш!⁶⁴³ Нам же тогда живущим во своем селе Воробьева,⁶⁴⁴ и те изменники наустили были народ и нас убити за то, что бутто мы князь Юрьеву мать, княгину Анну, и брата его князя Михаила у себя хороним от них. Тако же убо смеху подлежит сия мудрость! Про что убо нам самим царству своему запалителем быти? Толика убо стяжания, прародителей наших благословение, у нас погибоша, еже ни во вселенной обрестися не может. Кто же безумен или яр таков обрящется, разгневался на рабы, да свое стяжание погубити? И он бы их и палил, а себе бы уберег. Во всем наша собачья измена обличаетца. Како же на такую высоту, еже Иван святой, водою кропити?⁶⁴⁵ Си убо безумие явьственно. И тако ли доброхотно подобает нашим бояром и воеводам нам служити, еже такими собраниями собацкими, без нашего ведома, бояр наших побивати, да еще и в черте кровной на мя.⁶⁴⁶ И тако ли душу свою за нас полагают, еже нашу душу от мира сего желаючи на всяк час во он век препустити?..

Послание Ивана Грозного Василию Грязному

ОТ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИИ ВАСИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧЮ ГРЯЗНОМУ ИЛЪИНУ

Что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон,⁶⁴⁷ – ино было, Васюшка, без путя среди крымских улусов не заезжати; а уже заехано – ино было не по объезному спати: ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы – ажно крымцы самого тебя в торок ввязали.⁶⁴⁸ Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньем шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас, дрочон,⁶⁴⁹ умеют ловити да так не говорят, дошедши до чюжей земли, да пора домов! Только б таковы крымцы были, как вы, жонки, – ино было и за реку не бывать, не токмо что к Москве.⁶⁵⁰

А что сказываешься великой человек – ино что по грехом моим учинилось (и нам того как утаити?), что отца нашего и наши князи и бояре нам учили изменяти, и мы и вас, страдников, приближали,⁶⁵¹ хотячи от вас службы и правды. А помянул бы ти свое величество и отца своего в Олексине – ино таковы и в станицах езживали, а ты в станице у Пенинского⁶⁵² был мало что не в охотникех с собаками, и прежние твои были у ростовских владык служили. И мы того не запираемься, что ты у нас в приближенье был. И мы для приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а доселева такие по пятидесят рублей бывали; а ста тысяч опричь государей ни на ком окупу⁶⁵³ не емлют, а опричь государей таких окупов ни на ком не дают. А коли б ты сказывался молодой человек – ино б на тебе Дивея⁶⁵⁴ не просили. А Дивея сказывает царь, что он молодой человек, а ста тысяч рублей не хочет на тебе мимо Дивея: Дивей ему ста тысяч рублей лутчи, а за сына за Дивеева дочь свою дал, а нагайской князь и мурзы ему все братья;⁶⁵⁵ у Дивея и своих таких полно было, как ты, Вася. Оприч было князя Семена Пункова не на кого менять Дивея; ано и князя Михаила Васильевича Глинского⁶⁵⁶ нечто для присвоенья менять было; а то и в нынешнее время неково на Дивея менять. Тебе, вышедчи ис полону, столько не привесть татар, ни поймать, сколько Дивей кристьян пленит. И тебя, ведь, на Дивея выменити не для кристьянства – на кристьянство:⁶⁵⁷ ты один свободен будешь, да приехав по своему увечью лежать станешь, а Дивей приехав учнет воевати да неколко сот кристьян лутчи тебе пленит. Что в том будет прибыток?

Коли еси сулил мену не по себе и писал и что не в меру, и то как дати? То кристьянству не пособити – разорить кристьянство, что неподобною мерою зделать. А что будет по твоей мере мена или окуп, и

мы тебя тем пожуем. А буает станишь за гордость на кристьянство – ино
Христос тебе противник!

А. М. Курбский история о великом князе московском

Тогда зачался нынешний Иоанн⁶⁵⁸ наш и родилася в законопреступлению и во сладострастию лютость, яко рече Иоанн Златоустый⁶⁵⁹ в слове о жене злой, ему ж начало: днесь нам Иоанново преподобие⁶⁶⁰ и Иродова лютость⁶⁶¹ егда возвещалась, смутились и внутренние,⁶⁶² сердца вострепетали, зрак помрачился, разум притупился, слух скутался, и прочее. И аще святые великие учителя ужасалися, пишуще от мучителей на святых дерзаемые,⁶⁶³ кольми паче нам, грешным, подобает ужасатися, таковую трагедию возвещати! Но послушание вьсе преодолевает, паче же стужения,⁶⁶⁴ або докучания ради вашего частого. Но и сие к тому злomu началу еще возмогло, понеже остался отца своего зело млад, аки дву лет; по немногих летех и матери ему умре; потом питаша⁶⁶⁵ его величье гордые паны, по их языку боярове, его на свою и детей своих беду, ретящеся⁶⁶⁶ друг пред другом, ласкающе и угождающе ему во всяком наслаждении и сладострастию.

Егда же начал приходити в возраст, аки лет в дванадесять,⁶⁶⁷ и впредь что творил, умолчю иные и иные, обаче же возвещу сие. Начал первые безсловесных⁶⁶⁸ крови проливати, с стремнин высоких мечюще их, а по их языку с крылец, або с теремов, тако же и иные многие неподобные дела творити, являющи хотящее быти немилосердное произволение⁶⁶⁹ в себе, яко Соломон глаголет: «Мудрый, – рече, – милует души скотов своих, тако ж и безумный биет их нещадно»;⁶⁷⁰ а пестуном ласкающим,⁶⁷¹ попускающе сие и хваляще, на свое горшее⁶⁷² отрока учаще. Егда же уже приходяще к пятнадцатому лету⁶⁷³ и вящей, тогда начал человек ураняти.⁶⁷⁴ И собравши четы юных около себя детей и сродных оных предреченных сигклитов, по стогнами по торжищам начал на конех с ними ездити и всенародных человек, мужей и жен, бити и грабити, скачюще и бегающе всюду неблагочинне. И воистину, дела разбойнические самые творяще, и иные злые исполняше, их же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателем же всем таковое на свою беду восхваляющим: «О храбр, глаголюще, будет сей царь и мужествен!» Егда же прииде к седьмомунадесять лету,⁶⁷⁵ тогда те же прегордые сигклитове начаше подущати⁶⁷⁶ его и мстити им свои недружбы,⁶⁷⁷ един против другаго; и первые⁶⁷⁸ убиша мужа пресильнаго, зело храбраго стратига и великородного, иже был с роду княжат литовских, единоколенен⁶⁷⁹ кролеви польскому Ягайлу, именем князь Иван Бельский, иже не токмо быв мужествен, но и в разуме мног и в священных писаниих в некоторых

искусен.

По мале же времени, он же сам повелел у бити такожде благородное едино княжа, имянем Андрея Шуйского,⁶⁸⁰ с роду княжат суждальских. Потом, аки по двух летех, убил трех великородных мужей: одинаго, ближняго сродника своего, рожденнаго с сестры отца его, князя Иоанна Кубенского, яже был у отца его великим земским маршалком;⁶⁸¹ а был роду княжат Смоленских и Ярославских, и муж зело разумный и тихий, в совершенных уже летех; и вкупе побиени с ним предреченные мужие, Феодор и Василий Воронцовы,⁶⁸² родом от Немецка языка, а с племени княжат Решских. И тогда же убиен Феодор, глаголемый Невежа, зацный⁶⁸³ и богатый землянин.⁶⁸⁴ А мало пред тем, аки за два лета, удавлен от него князя Богдана сын Трубецкого, в пятнадцати⁶⁸⁵ летех младенец, Михаил имянем, с роду княжат литовских; и потом, памятались, того ж лета убиени от него благородные княжата: князь Иоанн Дорогобужский, с роду великих княжат тверских, и Феодор,⁶⁸⁶ единочадый сын князя Иоанна, глаголемаго Овчины, с роду княжат торуских и оболенских, яко ягнцы неповинно заколены, еще в самом наусии.⁶⁸⁷ Потом, егда начал всякими безчисленными злостями превосходити, тогда господь, усмиряюще лютость его, посетил град великий Москву презельным огнем,⁶⁸⁸ и так явственне гнев свой навел, аще бы по ряду писати, могла бы повесть целая быти або книжица; а пред тем, еще во младости его, безчисленными плененьми варварскими, ово от царя Перекопскаго,⁶⁸⁹ ово от татар нагайских, сиречь заволских,⁶⁹⁰ а наипаче и горши всех от царя Казанского, сильнаго и можнаго мучителя христианского [яже подо властию своею имел шесть языков различных], ими же безчисленное и неисповедимое пленение и кровопролитие учинял, так, иже уже было все пусто за осмнадцать миль до Московского места. Тако же и от Перекопского, або от Крымскаго царя, и от нагаи вся Резанская земля, аже по самую Оку реку, спустошена; а внутрь человекоугодником, со царем младым, пустошащим и воюющим нещадно отечество. Тогда ж случилось, после того предреченнаго пожару, презельного и воистинну зело страшного, о нем же никто же сумнитца рещи явственный гнев божий – а что ж тогда бысть?

Бысть возмущение велико всему народу,⁶⁹¹ яко и самому царю утещи от града со своим двором его; и в том возмущению убиен от вой его князь Юрий Глинский⁶⁹² от всего народа, и дом его весь разграблен; другие же вой его, князь Михаил Глинский, который был всему злому начальник, утече, и другие человеко-угодницы сущие с ним разбегошеся...

Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году

В лета 7078-го⁶⁹³ году, генваря во 2 день, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа России самодержец, ходил со гневом на Великий Новъград, и на архиепископа Пимина, и на его владычных бояр, и на изящных⁶⁹⁴ именитых людей, и на всех градцких жителей.

Посещением и изволением и наказанием вседержителя господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, за умножение беззакония нашего и богомерских противных грех, иже умножися велия злоба греховная в человецех: братоненавидение, всякое преступление, вражда, ненависть, хищение, неправды – за сия неприязненная дела и беззакония, по пророческому писанию, приходит с небеси гнев божий на сыны противныя и на всяко нечестие; всячески убо наказующу нас всещедрому человеколюбцу господу богу своими щедротами и милосердием, иногда гладом и мором, сиречь смертною появою,⁶⁹⁵ иногда пожаром, иногда безбожных сопостат находении страшных, горчая же того междуусобные брани, кровопролития и много находящая роду человеческому; и святым божиим церквам от злословения богу оскудение и презрение, запустение сирским жителством живущим,⁶⁹⁶ домом разрушение до основания, градом и всем живущим в нем конечная погибель до основания.

Таково убо бысть во дни наша велие потрясение, и поколебание, труса и падение, яко во время мимошедшее и в предния роды человеческия не бысть, ни отцы наши таковаго возвестиша нам, иже бысть в Росийской земли, в богоспасаемом преименитом и славном граде, их же око не виде и ухо не слыша и на сердца человеческая взыти не может, иже сотвори всещедрый господь праведным своим судом на град отец наших за беззакония наша и велия прегрешения, наущением и злоумышлением богоотступников, злых обаявых⁶⁹⁷ человек, хищников, от действия неприязненаго сопостата диявола, иже влагающих во уши цареvy неприязненыя глаголы на архиепископа новгородцкого Пимена, и на его владычных⁶⁹⁸ бояр, и на изящных именитых человек, жителей градцких, о предании града иноплеменником.⁶⁹⁹ И от сих неистовых ложных глагол ожесточи бог сердце благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю, всеа России самодержцу, великим гневом и неукротимою яростию и великим озлоблением на Великий Новъград, на свою ему государеву царскую державу, и на вся люди, живущия во граде.

От всемирнаго создания лета 7078-го, генваря во 2 день, в

понедельник, на память иже во святых отца нашего Селивестра, папы Римскаго, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич, всеа Росии самодержец, посла в Великий Новъград наперед перед собою, изгоном,⁷⁰⁰ предний полк своих государевых бояр, и воевод, и князей, и дворян, и детей боярских, и всяких воинских людей велие и безчисленное множество. Они же приехаша в Великий Новъград по повелению благочестиваго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, всеа Росии самодержца, около Великаго Новаграда учиниша великия сторожы и крепкия заставы со всяцем утверждением. И повелеша на заставах стражем крепко стрещи всех живущих во граде, кабы ни один человек из града не убежал. А иные государевы князи и дети боярские того же государева перваго полку разъехашася по всем монастырем, иже есть около Великаго Новаграда, и монастыри запечаташа и церковные казны, а игуменов и черных⁷⁰¹ священников и дияконов, и соборных старцов изо всех новгородцких монастырей собраша и привезоша с собою вместе в Великий Новъград, числом их яко до пятисот старцов и больши, и всех их поставиша на правеже до государева приезде. А иные дети боярские того же государева перваго полку собраша всего Новаграда от всех церквей попов и дияконов и поставиша их на правежы, и раздаваху их по десяти человек за пристава,⁷⁰² и повелеваху их держати приставом крепко во узах железных, и повелеша бити их приставом из утра и до вечера на правежи, до искупа, безщадно, а доправити повеле государь на них по двадцати рублев по новгородцкому их числу, как у них в Новегороде число денгам держит. А иные дети боярские от того государева перваго полку по всему Великому Новуграду по улицам во всех градцких приходех церкви и подцерковные⁷⁰³ и домовые полаты у всех именитых людей Великаго Новаграда и со всем именем их запечаташа, и многие стражи поставиша стрещи крепко до государева приезде. А иные дети боярские того же государева перваго полку повелением государевым во всем Великом Новеграде гостей и приказных государевых людей именитых переимаша и роздаваху их по приставом, и повелеша приставом держати их крепко во оковах железных, а дома их и вся имения их запечаташа, и жены и дети их повелеша стражем твердо блюсти их до государева приезде.

И того же 7078-го лета, генваря в 6 день, на праздник Богоявления господа нашего Иисуса Христа приехал в Великий Новъград благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич, всеа Росии самодержец, а с ним сын его государев, благоверный царевич князь Иван Ивановичь, и с ним, государем, многое безчисленное множество полков, князей и бояр, и детей боярских и прочих воинских людей, да с

ним з государем полторы тысящы стрелцов; и приехал государь в Великий Новьград и ставь со всею силою на Торговой стороне, на месте нарицаемом Городищи,⁷⁰⁴ от посаду Новаграда две версты. И назавтрия приезду своего государева, в субботу, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич, всеа Росии самодержец, повеле игуменов и попов черных, и дияконов и старцов соборных, да которые прежде государева приезду в первом полку иманы из монастырей и поставлены на правежи, повеле избивати их на правежи палицами насмерть, и, убив их всех, повеле кождо их во свой монастырь развозити и погребати. А в воскресение господне, генваря в 8 день, государь поехал со всеми своими полки к соборной велицей церкви ко Премудрости божия Софеи слушати обедни, и стретил его, государя, по закону царьскому, со кресты и чюдотворными иконы, архиепископ Пимин Новгородский со всем священным собором на Волховском мосту Великом, у Черного креста.⁷⁰⁵ И по обычаю царьскому хотящу архиепископу Пимину государя царя и великаго князя Ивана Васильевича и сына его благовернаго царевича князя Ивана Ивановича крестом оградити.⁷⁰⁶ И государь царь и великий князь Иван Васильевич и сын его царевичь князь Иван ко кресту ко архиепископу не пошли. И говорит государь царь и великий князь архиепископу Пимину: «Ты, злочестиве, в руце своей держиши не крест животворящий, но вместо креста оружие, и сим бо оружием хочещ уязвити царьское сердце наше своим неистовым зломыслиением и с своими злотворцы и единомысленники, града сего жители. И хочете царския державы вотчину нашу, сей великий богоспасаемый Новьград предати сопостатом нашим, иноплеменником, королю литовскому Жигимонту Августу.⁷⁰⁷ И отселе впереди не си убо наречешися пастырь и учитель и сопрестольник великия соборная апостольския церкви Премудрости божии Софеи, но волк, и хищник, и губитель, и изменник, и нашему царьскому багру досадитель».

И таковая государь яростная словеса изглаголав, повелевает архиепископу со кресты итти в соборную церковь Премудрости божии Софии и литоргисати⁷⁰⁸ со всем священным собором. А сам государь благоверный царь и великий князь Иван Васильевич и со благоверным царевичем со князем Иваном Ивановичем, и со всеми своими государевыми полчаны⁷⁰⁹ поиде во след святых и животворящих крестов и святых честных и чюдотворных икон в церковь Премудрости божии Софии. И в соборной церкви Премудрости божии литоргию божественную государь отслушал. И после обедни государь пошел ко архиепископу Пимину в столовую полату, за стол, хлеба ясти, со всеми своими князи и

боляры и дети боярскими и со всеми воинскими людми. И как государь сел за стол, начат государь ясти, и вскоре нечто помедли, и возопи гласом велием съ яростию к своим князем и бояром, по обычаю, ясаком⁷¹⁰ царьским тотчас повеле государь архиепископу казну и весь двор его владычень, со всеми обиходы, и все полаты и келии пограбити, и бояр ево владычных и всех слуг его повеле переимати и за приставы отдавати до своего государева указу. А самого владыку архиепископа Пимина ограбить повеле, за приставы его отдать и крепко повеле его стрещи, и давати повеле ему из казны на всяк день за корм по две денги на день.⁷¹¹ А дворецкому своему, Лву Андреевичу Салтыкову, и протопопу Евъстафию⁷¹² и прочим своим бояром повеле государь итти в соборную и великую церковь Премудрость божию Софию, взяти повеле ризную казну, и прочия драгия освященныя церковныя вещи, и святыя иконы чудотворныя корсунския⁷¹³ писма греческих живописцев. Прочее же повелевает им государь по всему Великому Новуграду, во всех святых божиих церквах, имати церковныя казны, и святыя честныя божественныя драгия чудотворныя иконы, и ризы, и колокола. И около всего Великого Новаграда, во всех монастырех, повеле государь имати во всех церквах такоже и церковныя казны, и иконы драгия греческия, сиречь корсунския, и ризы драгия, и прочая драгия освященныя церковныя вещи и колокола.

Таже благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевичу всеа России самодержец, и с сыном своим со благоверным царевичем князем Иваном Ивановичем седе на судище, иде же государь приехал, стал на Городищи. И повеле государь приводити из Великого Новаграда владычных бояр и иных многих служивых людей, и детей боярских, и гостей, и всяких градцких и именитых изрядных людей, и жен их и детей пред себя, и повеле государь их пред собою горце и люте и безчеловечне различными муками мучити. И во мнозех неисповедимых, горких и различных муках повеле государь телеса их некоею составною мудростию огненою подъжигати, иже именуемаго подъжаром,⁷¹⁴ и своим государевым детем боярским повелевает государь тех мученых и поджареных людей за руки и за ноги и за власы опако вязати различно тонкими ужьщи,⁷¹⁵ и привязывати их повеле по человеку с камнем и повеле их быстро за санми влещи на Великий Волховский мост и метати с мосту в реку Волхов. А жен их, мужеск и женеск пол младенцы, и сущии млеком питаемии, и всяк возраст повеле государь привозити их на Великий Волховский мост и возводити их на высоту, иже ту устроено место, и вязаху за руце и за нозе опако назад, младенцев к матерем своим и вязаху, и с великия высоты повеле государь метати их в воду, в реку в

Волхов. А иные в те поры государевы люди, и дети боярские, и воинские люди в малых судах ездяху по реце Волхове, со оружием, и с рогатыни, и с копии, и з багры, и с топоры, и которые люди, мужы и жены и всяк возраст, из глубины речной и вверх на воду спловет, и они прихватывают багры, и тех людей копии и рагатынями прободаючи, и топоры секуще и во глубину речную без милости сурово погружающе, предаху их горцей смерти. И бысть убо такового неизповедимаго кровопролития человеческому роду, грех ради наших, неукротима ярость царева по вся дни, безпрестани, яко до пяти седмиц и болши, и на всяк убо день ввергнут и потопят в воде человек всякаго возраста числом яко до тысящы, а иногда и до полуторы тысящ.⁷¹⁶ А тот убо день облегчен и благодарен, иже ввергнут в воду до пятисот или до шестисот. И по скончании убо того благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии самодержец, с своими государевыми людми, со князи, и боляры, и з детми боярскими, и с прочими воинскими людми, начат ездити около Великого Новаграда по честным и великим монастырем, и тамо повеле в монастырех грабити церковный и монастырские казны, и кельи, и служебный монастырские дома, и всякие обиходы, в житницах хлеб всякой, стоячей в скирдах и на полях немолоченой хлеб повеле огнем сожигати, а скот их всякой, и лошади и коровы, повеле посекаати. И по сих благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии самодержец, приехал из монастырей в Великий Новъград, и повеле по всему Новуграду, по всем торговым рядом, и по всем улицам, и в ленивых торжках,⁷¹⁷ у градских торговых людей и в лавках всякой товар грабити, и торговые анбары и лавки повеле разсекати и до основания разсыпати. И потом государь благоверный царь и великий князь со всеми своими людми и со всеми воинскими полки начат ездити по всему Новуграду и по всем посадом, и повеле государь у всех градских жителей во всех домех их имения грабити, а самих людей и жен их, безпощадно, без останков, всех грабити, и дворы их и хоромы ломати, а окна и ворота вскоре повеле без милости высекати. А в те поры государь, во время градскаго грабежу, иных государевых своих людей разсылат около Великаго Новаграда на все четыре стороны, на всякую новгородцкую пятину,⁷¹⁸ по станом и волостям и по усадищем боярским и по поместьям, и по всем местом около Великаго Новаграда верст за двести и за полтретьяста⁷¹⁹ и болши, и повеле дома их всячески разхищати и скоты убивати у всяких людей, без пощаденья, чей кто не буди, без разсуждения. И бысть убо того неисповедимаго колебания и великаго падения, труса и кровопролития человеческому роду в Великом Новеграде и по окрестных странах около

Великого Новаграда безпрестани шесть недель, грех ради наших. И того же 78-го года, месяца февраля в 3 день, на другой недели Великаго поста, в понедельник, заутра повеле государь оставших новгородцов жителей из всякой улицы по лутчему человеку поставити пред себя. Они же стаха пред царем с трепетом, дряхли⁷²⁰ и унылы, отчаяшеса живота своего, Быша яко мертви, видяще неукротимую ярость цареву. И благочестивый и христоролюбивый государь царь и великий князь Иван Васильевич, всеа России самодержец, возрев на них милостивым и кротким оком, издаст им государь царское милостиво слово и сказа им сице: «Мужие, жителие сего Великого Новаграда, вси, иже ныне оставшии во граде! Молите всемилостиваго и всещедроваго человеколюбиваго господа бога и пречистую его богоматерь владычицу богородицу и всех святых его о нашем благочестивом царском державстве, и о чадах моих, благоверных царевичах, о Иване, о Феодоре, и о всем нашем христоролюбивом воинстве, чтобы нам господь бог подаровал свыше победу и одоление на вся видимыя и невидимыя враги наша и супостаты. А судит бог общему изменнику вашему и моему владыке новгородскому Пимину, и его злым советником и единомыслеником, ненавидям рода человеческого взыщется проливаемая кровь на тех изменниках. И вы о всем ныне не скорбите, живите во граде сем благодарив, и яз вам во свое место оставлю царского правителя во граде, боярина своего и воеводу князя Петра Даниловича Пронского». И сия глаголы изрече и отпусти их с миром во своя дома. А сам благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич и с сыном своим благоверным царевичем со князем Иваном Ивановичем и со всею своею силою пошел из Великого Новаграда во Псков. А владыку Новгородскаго архиепископа Пимина, и попов и дияконов, которые не искупилися от правезу, а прочих досталних⁷²¹ новгородцов опалных людей повеле государь отсылати за приставы в Олександрову слободу,⁷²² до своего царева приезде. И как государь приехал из Пскова в богоспасаемый град Москву, и повеле со владыки цовгородскаго Пимина сан сняти и в заточение послати в монастырь, он же тамо вскоре не по мнозе времени преставися благодарив. А прочих оставших новгородцов, опалних людей, повеле государь на Москве казнити смертною казнию, главы их отсекати. И тако тии ту скончашася. А иных мнозе испытани,⁷²³ повеле государь по иным городам разсылати на жителство.

Се же бысть все неизреченными судьбами и наказанием вседержителя господа бога нашего в великом сем богоспасаемом Новеграде и всем живущим в нем за грехи наша и прочему человеческому роду на уверение.⁷²⁴ Аминь.

Век перелома

Сказание Авраамия Палицына

ИСТОРИЯ В ПАМЯТЬ СУЩИМ ПРЕДЪИДУЩИМ РОДОМ, ДА НЕ ЗАБВЕНА БУДУТ БЛАГОДЕЯНИЯ, ЕЖЕ ПОКАЗА НАМ МАТИ СЛОВА БОЖИЯ, ВСЕГДА ОТ ВСЕЯ ТВАРИ БЛАГОСЛОВЕННАЯ ПРИСНОДЕВАЯ МАРИЯ, И КАКО СОВЕРШИ ОБЕЩАНИЕ К ПРЕПОДОБНОМУ СЕРГИЮ, ЯКО НЕОТСТУПИНО БУДУ ОТ ОБИТЕЛИ ТВОЕЯ

И ныне всяк возраст да разумеет и всяк да приложит ухо слышать, киих ради грех попусти господь бог наш праведное свое наказание и от конец до конец всея Росия, и како весь словенский язык возмутися, и вся места по Росии огнем и мечем поядены Быша.

Сему же сказанию начало сицево.

Благочестивому и храброму во царех великому князю Ивану Васильевичю, всеа Росии самодержцу, дошедшу кончины лет, его же скипетра и всея державы и восприимник бысть сын юнейший Феодор Ивановичь.⁷²⁵ И той убо не радя о земном царьствии мимоходящем, но всегда ища непремяемаго, его же и видя око зрящее от превьшщих небес, дает по того изволению немятежно земли Росийстей пребывание. В славе же его вознесся брат царицы его Ирины, яко же и Иосиф во Египте,⁷²⁶ и толико знаменит бе, яко и от Перских царей, и от Италии, и от всего запада приносящей дары чесныя царю Феодору Ивановичю и тому Борису⁷²⁷ равноподобную царстей чести дарования приношаху. Но аще и разумен бе в царских правлениих, но писания божественнаго не навьк и того ради в братолюбствии блажен бываше.⁷²⁸

Великаго убо царя Феодора брата Дмитрия Ивановича,⁷²⁹ не единоматерьня, отделиша всех началнейших велмож росийских советом на Угльчъ, да в своем пространстве с материю си пребывает. Сему же царевичю Димитрею естеством возрастающу, и братне царство и величество слышащу, и от ближних си смущаему за еже не вкупе пребывания з братом, и часто в детьских глумлениих глаголет и действует нелепо о ближнейших брата си,⁷³⁰ паче же о сем Борисе. И врази суще и ласкатели, великим бедам замышленицы, в десятирицу лжи составляюще, с сими подходят велмож, паче же сего Бориса, и от многия смуты ко греху низводят, его же, краснейшаго юношу, отсылают, нехотяща, в вечный покой.⁷³¹ Память же его великою кровию неповинною во всей Росии торжествовася. Се первый грех да разумеется, таже по сем и другой: ни во что же положиша сю кровь неповинную вся Росия. Но се всяк глас

просторечие: «Кто убо в деле, той и в ответе; уже тому бог судил быти».

И по тому же и царю святому Феодору, пременившу земное царство на небесное, от многих же правление держащих в Росии промышляется быти царем вышепомянутый Борис. Он же, или хотя, или не хотя, но вскоре на се не подадеса, и отрицался много, и достойных на се избирати повелевая; сам же отшед в великую лавру матери слова божия, воспоминаемаго чудеси Смоленския иконы, Девичия монастыря;⁷³² и ту сестре си царице Ирине, уже иноке Александре, служаше. От народнаго же множества по вся дни принужаем бываше к восприятию царствия и молим от многих слез, но никако же прекланяшеса. Таже что? Просто тую вси церковницы, повелением патриаршим со всем освященным собором, приемлют убо икону матери всех бога...⁷³³ И нескверныя и неблазныя⁷³⁴ и нетленныя пречистыя царицы воображение всех з богом пред тленным человеком стоит на умоление, и похвально церковницы и вси вельможие глаголют: «Се сий образ матери божии тебе ради изнесохом и тебе ради толик путь шествова царица»... Двигнут бысть той образ нелепо, двигнута же и Росия бысть нелепо.

Венчаваему же бывшу Борису рукою святейшаго отца Иева,⁷³⁵ и во время святыя литургия стоя под того рукою, – не вемы, что ради, – испусти сиец глагол, зело высок и богомерзостен: «Се, отче великий патриарх Иов, бог свидетель сему, никто же убо будет в моем царствии нищ или беден». И тряся верх срачицы⁷³⁶ на себе и глаголя: «И сию последнюю разделю со всеми!» Словесе же сего никто недоумевся⁷³⁷ взбранити, но вси такающе⁷³⁸ и истину глаголюща ублажающе.

Двоелетному же времени прешедшу, и всеми благинями Росия цветяше. Царь же Борис о всяком благочестии и о исправлении всех нужных царству вещей зело печашеса, по словеси же своему, о бедных и нищих крепце промышляше и милость к таковым велика от него бываше, злых же людей люте изгубляше. И таковых ради строений всенародных всем любезен бысть.

И оставшее же племя царя блаженнаго Феодора⁷³⁹ начат нелюбити ради смущения своих си ближних и мало по малу начат и к смерти на сих поучатися... По сих же убо изгнании и инех многих их ради погуби, се же мышляше да утвердит на престоле по себе семя свое. Рабом же на господий толико попусти клеветати, яко и зрети не смеюще на холопей; и многим рабом имения государьская отдая, и велики дары доводцом⁷⁴⁰ от него бываху. С великим же опасением и отец с сыном глаголаше, и брат з братом, и друг з другом, и по беседе речей закленающеса страшными клятвами, еже не поведать глаголемых ни о велице, ни о мале деле или

вещи...

О начале беды во всей России

...Тогожде лета 7111,⁷⁴¹ и за всего мира безумное молчание, еже о истинне к царю не смеюще глаголати о неповинных погибели, омрачи господь небо облаки, и толико дождь пролился, яко вси человецы во ужасть впадоша. И преста всяко дело земли, и всяко семя сеянное, возрастши, разседеса⁷⁴² от безмерных вод, лиемых от воздуха, и не обвея ветр травы земныя за десять седмиц дней, и прежде простертия серпа поби мраз сильный всяк труд дел человеческих в полях и в виноградах и яко от огня поядена бысть вся земля. Году же сему прешедшу, ох, ох, горе, горе всякому естеству воскличющу, и во второй злейши бысть, такожде и в третье лета...

Мнози же тогда от ближних градов и весий пририщуце⁷⁴³ к царствующему граду, препитатися хотяще от милостыни царевы. И кто сея беды изглаголет? Славе велицей проходяще о милостыни, и от неразумия всяк, кто иже от места своего двигнувшись, погибаше: сребряницу⁷⁴⁴ бо едину взяв или две, чим препитатися? – И шестма убо или боле не мощно единому человеку в день припитатися; кольми же паче жену и чада и род имущему к довлению се.⁷⁴⁵ По отцех бе богоносных речению, мнози тогда ко второму идолослужению обратишася, и вся имущей сребро, и злато и сосуды и одежда отдаяху на закупы, и собираху в житница своя вся семяна всякаго жита, и прибытков восприемаху десятирицею и вящши. И во всех градах во всей Росии и велико торжество сребролюбное к бесом бываше. Мнози бо имущей к разделению к братии не преклаияхуся, но зряще по стогнам града царствующаго от глада умерших, и ни во что же вменяху. И не толико бревн и дров на возилех,⁷⁴⁶ яко же мертвых нагих телес всегда влечаще по всему граду...

В тая же лета мнозии имущей глаголаху к просящим: «Не имамы ничто же». Во время же пленения от всех окольних язык, наипаче же от своих, то обретеса бесчислено расхищаемо всякого хлеба, и давняя житницы не истощены, и поля скирд стояху, гумна же пренаполнены одоней и копон и зародов,⁷⁴⁷ до четырехнадесять⁷⁴⁸ лет от смятения во всей Русской земле, и питахуся вси от поль старыми труды: орание⁷⁴⁹ бо и сеятва и жатва мятяшеса,⁷⁵⁰ мечю бо на выи у всех всегда надлежашу. Се убо да разумеетса грех всей Росии, чесо ради от прочих язык пострада: во время бо искушения гнева божея не пощадеша братию свою, и жита и благая своя заключиша себе и врагу человекоубийце. И яко же мы не пощадехом, тако и нас не пощадеша врази наши.

О зачале разбойничества и борех во всей Росии

...Во время же великаго глада сего озревшеся⁷⁵¹ вси, яко не мощно питати многую челядь, и начаша рабов своих на волю отпускати, и инии убо истинно, инии же и лицемерством: истинствующей убо с написанием и за утверждением руки своя, лицемерницы же не тако, ино токмо из дому изгонит. А аще х кому прибегнет, той зле продаваем бываше и много снос и убыток платяше. Инии же ради воровства нигде не приемлемы бываху, инии же от неразумия и без ремества погибаху, и инии срама ради скончавахуся бедне, за отечества ради. Мнози же и имуще, чем препитати и на много время домашних своих, но восхотевше многа богатства притяжать и того ради челядь свою отпускающе; и не токмо челядь, но и род и ближних своих не пощадеша и голодом скончающихся туне презреша. Бяше же и се зло во многих: лето убо все тружуются, зиму же и главы не имеют где подклонить; и паки в лето, и не хотя, в делех страждут. В сицевых же озлоблениях разлучахуся мужа от жены, и брат от брата, и отец от чад, и друг от друга. Еще же зло на зло прилагаху мнози: не токмо у рабов своих, но у поселян, данных им в поместьях, емлюще у них жены и дочери и сестры на постели скверныя, и тии токмо въздыхающе, плакати же и не смеяху, вещати же и не помышляюще: смерть бо предо очима лежаше. Дома же великих боляр, зле от царя Бориса распуженных, вси рабы распущены быша; заповедь же о них везде положена бысть, еже не принимать тех опальных боляр слуги их никому же. Инии же и сами поминающе благодеяние господей своих, и в негодовании на царя пребывающе, но времени ждуще, зле распыхахуся и тако люте скончавахуся. И иже от сих каково хто ремество имеюще, тии кормящеся; инии же от родителей своих питахуся. А иже на конех играющей, сии к велику греху уклоняхуся и к толику, якова же не бысть в Росии от начала благочестия: во грады бо вышереченныя украйныя⁷⁵² отхождаху; и аще и не вкупе, но боле двадесяти тысяць сицевых воров обретшеся по мнозе времени во осаде в сидении в Колуге и в Туле⁷⁵³ кроме тамошних собравшихся старых воров.

Царь же Борис, хотя ползу сотворити питаемым от царьских его сокровищ, дабы на время оскудети неких, инех же бы препитати бедных... Се же неразумно содея: подаемую убо пшеницу от царьских житниц в приношении безкровныя жертвы всех благих подателю, повеле вместо ея рож дати на приношение богу. Но аще и не по повелению его, но – на грех велик житодавця простершеся – худу бо зело и гнилу даяху. Инем же и далече в селех от царьветвующаго града повелеваху имать, но и то по велице мзде дающе, и многу скорбь на пути приемлюще, и безо мзды царьских жалований никако же никому не мощно възпряти. Да никто же

сему буди смеяться. Не гордости ли се исполнено и небрежения о бозе!.. Се же творяше царь Борис, боясь врагов окольних.

Держащаго же языки словом веления своего не бояся, и почитая и любя иноязычников паче священноначальствующих; вельможи же его от иноземцов подсмеваеми бываху.

Погорде же в своей земли сына и дщерь браку совокупити, но их же языков любяше, к тем и о сватовстве посла. И от Датский земли государича⁷⁵⁴ привед, хотя дщерь свою дати за нь, но всесильный смертию пресече гордых смысл. Тако же сыну невесту изводи от Татарских царств привести, из Хвалис,⁷⁵⁵ и тамо не мало от православных зле погибоша от кумык и от черкас в проходех нужных⁷⁵⁶ реками возле моря Хвалицкаго; и то не збысть же ся. Се же мысляше, да от востока сущих невестою, от запада же зятем примиреть к себе, и дабы царство свое укрепити и изшедших от чресл его на престоле своем утвердити, окольним же противником страшну быти.

Творимо же се бе во время великаго того глада, но ничто же о гладе всемирном не разсудив, яко на толико время простресе, и киих ради грех наказание сицево от содетеля всех бысть; но промышляше от прочих соседствующих ему стран славну и почитаему быти, еже бысть...

Оскверни же злосмрадным прибытком вся дани своя: корчемницы бо, пьянству и душегубству и блуду желателіе, во всех градах в прекуп высок воздвигшие цену кабаков, и инех откупов чрез меру много бысть; наипаче же грабя дома и села бояр и велмож и много людей. И собирая того ради да тем милостыню творит и церкви строит, и смешав клятву з благословением, и одоле злоба благочестию. И таковых ради всех дел, их же сотвори, Борис в ненависть бывает всему миру, но отай уже и вси поношаху его ради крови неповинных и разграблений имений и нововводимых дел...

И егда рекохом «мир и утвержение» о управлении Бориса и по апостола гласу, внезапно «приде на нас всегубительство»: не попусти убо содержай вся словом никого же от тех, их же стрегийся Борис царь, и не воста на него ни от вельмож его, их же роды погуби, ни от царей странских,⁷⁵⁷ но кого бог попусти. Смеху достойно сказание, плача же велика дело.

О розстриге Григории

Некто чернец Григорий имянем, от рода Отрепьевых, сей юн еще навыче⁷⁵⁸ чернокнижею и прочем злым, той же, отшед от Росии, вселься в пределех королевства Польскаго и, тамо живя, составляше ложная писания,⁷⁵⁹ и посылая повсюду, проповедавая, жива царевича Димитрия себе

нарицая. Сам же от места на место преходя и крыяшеса, и мятяше⁷⁶⁰ в двою государству всеми людми. За се же яшася⁷⁶¹ крепце вси они вышепомянутии бегуны, северских и полских градов жителие, вечный холопи московский, им же доиде время по их вражию изволению; и прежде убо мало-мало прилагахуся; весь от веси, таже и град от града, дондеже и вси погибоша... Четвертую бо часть вселенная, всю Европию в два лета послании своими прельсти, и папа же римский всему Западу о нем восписа, изгнана того суца от отечества являше, и польскому кралю вси на месть за него повелеша строитися...⁷⁶²

Но или убо тако, или не тако о обою сию царю, о Борисе и о чернцѣ Григории, знаменано, но в вещех совершися дело. Царь бо Борис, аще и не от него убиен бысть, но во время неправдою замышленого состава⁷⁶³ его скорою смертию посечен бысть. И вси, на них же надеяшеса, з домом его разсеяни быта. Той же чернец по его смерти возшед на царство его, нарицаяся Димитрий, от многих же знаем, яко Григорий чернец. Хотя же укрепитися на Росии царем, и собирает весь род убиеннаго царевича Димитрия и инех многих, царем Борисом развейных; и, еще и не превед, тех всех прельсти имением к суетствию своему. Прельстися же и мати царевича Димитрия, инока Марфа,⁷⁶⁴ Нагих родом, бывшая жена царя Ивана Васильевича всеа Руси, и нарицает того врага сына своего суца. И тогда не токмо же род его галичане вси обличаху, но и мати его, Богданова жена Отрепьева, вдова Варвара, и з сыном своим, с его з Григоревым братом, и з дядею родным, с Смирным Отрепьевым, такожде обличаху, и дядя его в Сибирь сослан, много прием озлобления. Мученицы же новии явльшеса тогда дворянин Петр Тургенев да Федор Колачник: без боязни бо того обличивше, им же по многих муках главы отсекоша среди царствующаго града Москвы. Той же Федор, ведом к поселению, вопияше всему народу: «Се прияли есте образ антихристов и поклонистеса посланному от сатаны, и тогда уразумеете о нем, егда вси от него погибнете». Москвичи же ему смеяхуся и поделом суд тому смертный судяще. Тако же и Петрову казнь ни во что же вмениша. И вскоре по них и князь Василей Иванович Шуйской на плаху судися,⁷⁶⁵ его же усрамившеса поляки и у ростриги едва испросше от поселения.

Потом же советом его злым покоршеса вси и с патриархом Игнатием,⁷⁶⁶ митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и весь первоначальствующий священный чин, и князи, и бол яре со всеми началствующими воем⁷⁶⁷ и приложиша к воровской грамоте руки, и послы избравше, послаша в королевство Польское, просяще у пана Сердамирсково дочери тому ростриге в жену⁷⁶⁸ и истинно

свидетельствуют о нем в тех писаниих, яко праведно сын царя Ивана Васильевича. А вси знающе, яко Григорий чернец, наипаче же Пафнотей, митрополит Крутицкий:⁷⁶⁹ при нем бо в Чюдове монастыре два лета на крылосе стоял и у патриарха у Иова боле года во дворе был, служа писмом патриарху, и за свое воровство от него збежа в Литву. И яко же колесница фараоновы⁷⁷⁰ неволею связашася на пагубу, такожде и все Российское государство в безумство дашася; и возлюбивше вси лесть, и доныне всем то и есть.

Совершенное же лукавство той окаянный розтрига Григорий сам усоветова с Сердамирским, егда бысть в Полше еще, в дому его питаяся; по его же злому умыслу ятся пути;⁷⁷¹ взял дщерь свою Маринку и привел с собою на брак незаконный пиршественников 6000 избраного воинства, иже никогда же таковы гости в Москве прежде сего не слышашася. И взяты Быша вси дома великия на панов не токмо у простых чади, но и у вельмож, и у властей, и у нарицаемых ложных родителей у Нагих; и во всех крепких местех и в домех еретическое насилование вселися.

Кривоверию же рачитель рострига того же бояся, еже над Борисовым родом содеяся, и в хождении и исхождении дома царьскаго и по граду всегда со многим воинством яздыше; преди же и зади его во бронех текуще с протазаны и с алебарды и со иными многими оружии. Един же он токмо посреде сих; велможе же и бояре далече беяху от него, и бяше страшно всем видети множество оружий блестящих. Немец же и литву хранители и страже постави себе и всем крепостем царскаго дома. Зерньщиком же толико попусти играти и воровати,⁷⁷² яко и в самех царьских полатах пред ним бесящася. Не ведь⁷⁷³ же, каковыя ради радости, не токмо иже по повелению его, весь синклит, но и простыи сущии вси, яко женихи и от конца до конца улиц в злате и в серебре и в багрех странских ходяще, веселяхуся. Пред лицом же его камением многоценным и бисером драгим украсившейся служаху, и не хотяше никого же видети смиренно-ходящих. Поляком же вся сокровища царьская древняя истоци, и еретическое же семя лютори, воду черплюще, ношаху серебряными сосуды, и в банях мьющася от золотых и серебряных сосудов.

От злых же врагов, казаков и холопей, вси умнии токмо плачюще, накиновением⁷⁷⁴ же ни мало не смеюще рещи нелепо о вразех божиих, и о том ростриге, и о делех их: аще бо на кого нанесут, яко розтригою нарицает того, – и той человек неведом погибаше. И во всех градах российских и в честных монастырех и мирстии и иночествующей мнози погибоша: ови заточением, овем же рыба утроба вечный гроб бысть...

О совете Розстригине, како было ему погубити московских бояр

Враг же той рострига умысли съ еретики посети всякого чина, от велмож и до простых начальствующих, сицевым образом: хотяше окаяный, игру зделати за враты Стретенскими, к Напрудному на поли, и тешитися из наряду⁷⁷⁵ пушачнаго; и егда же изыдут вси людие на то позорище,⁷⁷⁶ и тогда врата граду затворити при срои⁷⁷⁷ и побити всех. Но лютый сей совет его прежде двою день срока увѣден бысть, и по десятих днех несвойственнаго брака⁷⁷⁸ сам окаянный зле скончася,⁷⁷⁹ год препровадив царствуя, повествуя же о себе – на тридесят и четыре лета жития си...

От каковых зол избави нас господь!.. Того ради и нам подобаше, сия зрящим, внимати и за неизмерную владычню милость благодарити его; да, благодарствуем, паче щедроты его на нас изливает. Мы же, росияне, душевное око несмотрительно имуще и паче волов упрямы обычаем: тии бо ясли господина своего разумеют и питающему повинуются, мы же промышляющаго нами небрежем, и того ради болий грех сами на ся влечем, и вскоре безумству нашему возмездие даровася.

О царе Василии Шуйском

По убиении же розстригине в четвертый день малыми некими от царских полат излюблен бысть царем Василей Ивановичь Шуйской и возведен бысть во царский дом, и никим же от велмож не пререкован,⁷⁸⁰ ни от прочего народа умолен. И устройся Росия вся в двоемыслие: ови убо любяще, ови же ненавидяще его...

Кто же тоя беды изречет, еже содеяся во всей Росии? На единой бо трапезе сядяще в пиршествах во царствующем граде; по веселии же овии убо во царския полаты, овии же в Тушинския таборы прескакаху.⁷⁸¹ И разделишася надвое вси человецы, вси, иже мысляще лукавые о себе: аще убо взята будет мати градов Москва, то тамо отцы наши и братия, и род и друзи, – тии нас соблюдут; аще ли мы соодолеем, то такожде им заступницы будем. Польския же и литовския люди и воры-казаки тем перелетом ни в чем ни вероваху и, яко волца надо псами, играху, и инех искушающе, инеми же вместо щитов от меча, и от всякого оружия, и от смертнаго поядения защищахуся; и бяше им стена тверда – злокозньство изменник...

И пременишася тогда жилища человеческая на зверская: дивие бо, некроткое естество, медведи, и волцы, и лисицы, и зайцы, на градская и на пространная места прешедше, тако же и птицы слетшие, на велицей пищи, на трупе человеческом вселишася; и звери и птица в главах и в чревах и в трупех человеческих гнезда содеяша. Горы бо могли тогда явишася побьенных по правде и не по правде ратовавшихся, их же нелеть⁷⁸² изрещи подробну, но мало токмо помянута, яже Быша бо и на прошествии

от Тулы в Колугу и под Кромами, и на Восме под Коширою, и под Орлом, и под Нижним Новым градом. И крыяхуся тогда человецы в дебри непроходимыя, и в чащи темных лесов, и в пещеры неведомыя, и в воде между кустов отдыхаяще и плачущеся к содетелю,⁷⁸³ дабы ночь сих объяла и поне мало бы отдохнути на сусе.⁷⁸⁴ Но ни ночь, ни день бегающим не бе покоя и места ко скрытию и к покою, и вместо темныя луны многия пожары поля и леса освещаваху ноцию, и никому же не мощно бяше двинутися от места своего: человецы, аки зверей, от лес исходящих ожидаху. И оставиша тогда злодеи за зверми гонбу и женуце за своею братиею и со псы, аки лютых зверей, пути пытаху. И существенныя⁷⁸⁵ звери човеков бегающих поядаху, и произволителныя⁷⁸⁶ не естеством, но нравом, такожде поядаху. И звери убо едину смерть дающе, сии же и телесную и душевную. Попусти же, господь наш и бог, праведный гнев свой на нас: не токмо злых сих врагов, но и зверие пакости деяху. Нигде бо християне, земледелцы и вси, бегающе и не могуще жит семенных всяких сокрыта, и везде от ям звери ископаваху далече. Тако же и казаки и изменники, идеже что останется таковых жить, то в воду и в грязь сыплюще и конми топчюще, – се же едино милосердие творяще. Идеже не пожгут домов, или не мощно взята множества ради домовных потреб, то все колюще мелко и в воду мещуще; входы же и затворы всякие отсекающе, дабы никому же не жительствовати ту. Но звери убо со птицы плоть человеческу ядуще, человецы же з бесы и душа и телеса погубляху: не могуще бо безмилосердных мучений терпети мучимии и на мал час хотяще отдохнути, и в смертном разлучении неповинно и неправедно друг друга оклеветоваху...

Но ни во что же сие наказание бысть. И пророческо слово вси и до днесь небрегут реченное, яко «аще едину сребряницу присовокупите ко имени вашему, то и весь дом погибнет тоя ради». И не явно ли бысть наказание москвичем за разграбление Годуновых, и инех неповинных такожде, и за безумное крестное целование ростриге и Сердамирскому, и за дружелюбство с воры с цари, и с поляки, и с казаками, и з грабителми, еже власти ради и богатства отдахомся сами на погубление. И где суть не осквернишася святыя божия церкви и божия образы? Где иноцы, многолетными седиными цветущия? Где инокини, невесты христовы, добродетелми украшенный? Где всяко благолепие российское, не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием? Где народ общий христианский? И не все ли лютыми и горкими смертми скончашася? Где множество безчисленное во градех и в селех работные чади христовы? Не

вси ли без милости пострадаша и в плен разведены Быша? Не пощадеша бо и престаревшихся возрастом, ни усрамишася седин старец многолетних. И ссущей⁷⁸⁷ млеко младенцы, незлобивыя душа вся, испиша чашю ярости гнева божия.

О, ненасытими имением! Помяните сия и престаните от злых, научитесь добро творите. Видите общую погибель смертную? Гонзните сих, да же и вас самех величавых тая же не постигнет лютая смерть!

...

СКАЗАНИЕ, ЧТО СОДЕЯШЯСЯ В ДОМУ ПРЕСВЯТЫА И ЖИВОНАЧАЛНЫЯ ТРОИЦА⁷⁸⁸ И КАКО ЗАСТУПЛЕНИЕМ ПРЕСВЯТЫА БОГОРОДИЦА И ЗА МОЛИТВ ВЕЛИКИХ ЧЮДОТВОРЦОВ СЕРГИА И НИКОНА⁷⁸⁹ ИЗБАВЛЕНА БЫСТЬ ОБИТЕЛЬ СИА ОТ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕЙ И РУСКИХ ИЗМЕННИКОВ. ТОГО ЖЕ КЕЛАРЯ ИНОКА АВРАМИА ПАЛИЦЫНА.

ПРЕДИСЛОВИЕ

... Егда же отступиша от обители польские и литовские люди и русские изменники со многим срамом, и от царствующаго града Москвы лже-Христу⁷⁹⁰ со множеством студа⁷⁹¹ бегству вдавшуся, и бывшу ми паки в дому живоначальныя Троица, и слышах бывшее великое заступление, и помощь над враги, и чюдеса преподобных отец Сергия и Никона и испытах вся подробну со многим опасением пред многими свидетели оставшихся иноков святолепных и доброразсудительных и от воин благоразумных и от прочих православных христиан о пришествии изменник к обители, и о выласках, и о приступных боех, паче же о великих чюдотворениях преподобных отец и о пособлении их над враги. И от великих и преславных малаа избрах, яко от пучины морския горсть воды почерпох, да поне мало напою жиждущаа душа⁷⁹² божественаго словесе. Написах сиа о обстоянии⁷⁹³ монастыря Троицкого вся по ряду, елико возмогах, да не позазрите ми⁷⁹⁴ о сем, господие и братия, глаголюще, яко тщеславием или гордостию вознесохся, но по истинне, по ревности божии, грубостию же разума моего побеждаем, коснухся делу сему, богу помогающу ми молитв ради чюдотворца. Много бо может молитва праведнаго поспешествуема. И яко всяк разум книжный по своему сказанию не бывает, но еже слышахом и очима своима видехом, о сем и свидетельствуем. Не подобает убо на истину лгати, но с великим опасением подобает истину соблюдать. Сие же изъясних писанием на память нам и предъидущим по нас родом, да не забвена будут чудеса великих светил преподобных отец наших Сергия и Никона о Христе Иисусе, господе нашем, ему же слава во веки. Аминь.

СКАЗАНИЕ О ПРИШЕСТВИИ ПОД ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕЙ И РУСКИХ ИЗМЕННИКОВ, ГЕТМАНА ПЕТРА САПЕГИ⁷⁹⁵ ДА ПАНА АЛЕКСАНДРА ЛИСОВСКОГО⁷⁹⁶ И ИНЫХ МНОГИХ ПАНОВ

В лето 7117-о⁷⁹⁷ в царство благовернаго и христоролюбиваго царя и великого князя Василя Ивановича всея Руси и при святейшем патриархе Ермогене Московском и всея Руси,⁷⁹⁸ пресвятых же и пребезначальных Троица Сергиева монастыря при архимарите Иасафе⁷⁹⁹ и при келаре старце Авраамии Палицыне, богу попустившу за грехи наша, сентября в 23 день, в зачатие честнаго и славнаго пророка и предтечи, крестителя господня Иоанна, прииде под Троицкой Сергиев монастырь литовской гетман Петр Сапега и пан Александр Лисовской с польскими и с литовскими людьми и с рускими изменники по Московской дороге.

И бывшу ему на Клемянтеевском поле,⁸⁰⁰ осадные же люди, из града вышедше конные и пешие, и с ними бой велик сотвориша. И милостию пребезначальных Троица многих литовских людей побили, сами же во град здравы возвратишяся.

Богоступницы же литовские люди и руские изменники, сие видевше, воскричаша нелепыми гласы, спешно и сурово обходяще со всех стран Троецкой Сергиев монастырь. Архимарит же Иасаф и весь освященный собор со множеством народа вниде во святую церковь святых живоначальных Троица и ко образу пресвятых богородица и ко многоцельбоносным⁸⁰¹ мощем великаго чудотворца Сергия, молящяся со слезами о избавлении. Градстии же людие округ обители слободы и всякия службы огню предаша, да некогда врагом жилище и теснота велиа будет от них. Гетман же Сопега и Лисовской, рассмотривше мест, иде же им с воинствы своими стати; и разделившяся, начяша строити себе станы и поставишя два острога и в них крепости многие сотворишя и ко обители пути вся заняли, и никомуждо минути мимо их невозможно в дом и из дому чудотворца.

О СТРЕЛЬБАХ ПО ГРАДУ НОЯБРЯ В 8 ДЕНЬ

Того же месяца в 8 день на праздник собора святаго архистратига Михаила день той пребысть плача и сетования, яко уже преиде 30 дней и 30 ночей и беспрестанно со всех стран из-за всех туров из штидесят трех пищалей⁸⁰² биюще по граду и из верховых. В той же день иде в церковь святых Троица клирик Корнилей, и внезапно прилете ядро пушечное и оторва ему правую ногу по колено, и внесошя его в паперть. И по божественей литургии причастися животворящих тайн христовых и глаголаше архимариту: «Се, отче, господь бог архистратигом своим

Михаилом отомстит кровь православных христиан». И сиа рек, старец Корнилей преставися. Да того же дни убило ис пушки старицу; оторвало руку правую и с плечем. Воеводы же и вси осадные люди во граде, избравше старцов добрых и воинских людей, которым ити на выласку и на подкопные рвы, и разрядивше войско и учредиша по чину. В Михайлов же день архистратига поющым вечерню, и вси сущии во обители людие с воплем и рыданием и в перси биеньми просяще милости у всещедрого бога, и руже воздвижуще горе и на небо взирающе и вопиюще: «Господи, спаси ны погибающих, скоро предвари и избави нас от гибели сея имени твоего ради святого. И не предай же достояния твоего в руже скверным сим кровопийцам!» Врази же святыя Троица делом своим коварственно промышляюще о градоемстве⁸⁰³ и беспрестанно стреляюще изо многих пушек и пищалей. Во время же псалмопения вназапу ядро удари в большой колокол, и сплыв в олтарное окно святыя Троица, и проби в деисусе у образа архистратига Михаила деку подле праваго крыла.⁸⁰⁴ И ударися то ядро по столпу скользь от левого крылоса и сплы в стену, отшибесе в насвещник пред образом святыя живоначальныя Троица и наязви⁸⁰⁵ свещник, и отразися в левой крылос и развалися. В той же час иное ядро проразил железныя двери с полуденный страны⁸⁰⁶ у церкви живоначальныя Троица и проби деку местнаго образа великаго чудотворца Николы выше левого плеча подле венца; за иконою же ядро не объявися. Тогда убо в церкви святыя Троица нападе страх велик на вся предстоящаа люди, и вси колеблющеся. И полиан бысть мост⁸⁰⁷ церковной слезами, и пению медлящу от множества плача.

О ВЫЛАСКЕ И О ОБРЕТЕНИИ ПОДКОПОВ И О ЗАРУШЕНИИ ИХ

Воеводы же, князь Григорей Борисовичь Долгорукой и Алексей,⁸⁰⁸ урядивше полки вылазных людей, приидоша в церковь святыя живоначальныя Троица, знаменовавшеся⁸⁰⁹ к чудотворным образом и к целбоносным мощем преподобнаго отца нашего Сергия чудотворца. И пришедше ко вратом потаеным, повелеша выходить по малу и во рву укрыватися. В то же время с Пивново двора вышли головы в воеводское место⁸¹⁰ туляне: Иван Есипов, Сила Марин, Юрьи Редриков переславец с своими сотнями и з даточными людьми⁸¹¹ на Луковой огород и по плотине Краснаго пруда. Также и ис Конюшенных ворот вышли со многими знамены головы дворяне: Иван Ходырев, олексинец, Иван Болоховской, володимерец, переславцы Борис Зубов, Афонасей Редриков и иные сотники с сотнями, с ними же и старцы троицкие во всех полках. И егда начаяша из града выходить за три часа до света, и абие наидоша облацы темныя, и омрачися небо нелепо, и бысть тма, яко ни человека

видети. Таково господь бог тогда и время устрой своими неизреченными судбами. Людие же вышедше из града и ополчишяся. И абие буря велика воста и прогна мрак и темныя облаки и очисти воздух, и бысть светло. И егда ударишя в осадныя колокола по трижды, тако бо повелено им весть подати. Иван же Ходырев с товарищи, призвавшена помощь святую Троицу и крикнувше многими гласы, нарекше ясак⁸¹² Сергиево имя, и вкупе наподошя на литовских людей нагло⁸¹³ и мужественно. Они же услышавше ясак той, и абие возмятошяся и, гневом Божиим гонимы, побегошя.

В то же время от Святых ворот голова Иван Внуков с товарищи и со всеми людми прииде против подкопов на литовских людей, воззавше той же ясак, збивше литву и казаков под гору на Нижней монастырь⁸¹⁴ и за мельницу. А Иван Есипов с товарищи своим полком бьющяся с литвою по Московской дороге по плотине Краснаго пруда до Волкуши горы; старцы же Сергиева монастыря ходяще в полках, бьющяся с литвою и укрепляюще люди не ослабляти в делех. И тако вси охрабришяся и бяхуся крепко, глаголюще друг другу: «Умрем, братие, за веру христианскую!» И благодатию Божиею тогда обретошя устие подкопа. Вьскочьше же тогда в глубину подкопа ради творимаго промысла крестьяне клемянтиевские Никон, зовомый Шилон, да Слота; и егда же зажгошя в подкопе зелие с калы и смолу, заткавше устие подкопа, и взорва подкоп. Слота же и Никон ту же в подкопе згорешя. Градстии же людие приступающе крепко к Волкуше горе к наряду литовскому; они же стреляюще из-за туров. Тогда же ранили голову Ивана Есипова и троицких людей прогнали до Нижняго монастыря. Голова же Иван Внуков, обратився с своими людьми от Нижнево монастыря по плотине и по пруду, и прогна литву и казаков на Терентеевскую роццу и до Волкуши горы побиваше их нещадно. Троицкой же слуга Данил о Селевин поносим бываше отъезда ради брата его Оски Селевина, и не хотяше изменничья имени на себе носити и рече пред всеми людьми: «Хощу за измену брата своего живот на смерть пременити!» И с сотнею своею прииде пешь к чудотворцову Сергиеву кладязю на изменника атамана Чику с казаки его. Данило же силен бяхе и горазд саблею и посекаяя многих литовских людей, к сему же и трех вооруженых на конех уби. Литвин же удари Данила копием в груди, Данило же устремися на литвина того и уби его мечем, сам же от раны тоя начат изнемогати крепце. И взявше его, отведошя в монастырь, и претавися во иноческом образе. Головы же Иван Ходырев, Борис Зубов со своими сотнями и прогнаша литву и казаков за мельницу на луг. Иван же Внуков остася на Нижнем монастыре. Атаман же Чика уби Ивана Внукова

из самопала. И отнесоша его в монастырь. И бысть троицким людем скорбь велиа о убитых дворянех и слугах, понеже быша мужествени и ратному делу искусни. Троицкое же воинство паки справяся убили дву полковников, дворян королевских, Юрья Мозовецкого да Стефана Угорскаго, да четырех рохмистров желнырских⁸¹⁵ и иных панов; и всяких людей многих побили и поранили. А живых пойманных языков во град введоша.

О ВЬЛАСКИ НА СТОРОЖИ⁸¹⁶ ЛИТОВСКИЕ И РУСКИЕ

... Гетман же Сопега прииде на Красную гору на троицких людей по всему Клемянтеевскому полю всеми своими полки. Лисовской же о пришествии Сопегине возвеселися и хотя совету одолети господа бога вседержителя. И повеле в полку своем в трубки и в сурны играти, и в накры⁸¹⁷ и по литаврам. И абие вскоре с Сопегою устремишяся на Красную гору поперек всех троицких людей, хотяше во един час всех потребити. И согнаша троицких пеших людей под гору к Пивному двору; и бе воистинну чюдно видети милость божию троицкому воинству и заступление и помощь на врагы молитв ради великих чюдотворцов Сергия и Никона. И сотвори господь преславная тогда. И нератницы охрабришяся, и невежди,⁸¹⁸ и никогда же обычай ратных видевшей, и ти убо исполинскою крепостию препоясашася. От них же един некто даточных людей, села Молокова крестьянин, Суетою зовом, велик возрастом⁸¹⁹ и силен вельми, подсмеваем же всегда неумения ради в боех, и рече: «Се умру днесь или славу получю от всех!» В руках оружие держаше бердышь. И укрепил господь бог того Суету, и даде ему безстрашие и храбрость; и нудяше⁸²⁰ православных христиан стати от бегства и глаголя: «Не убоимся, братие, врагов божиих, но вооружимся крепце на них!» И сечаше бердышем своим на обе страны врагов и удержеваа полк Лисовского Александра; и никто же против его стати не возможе. Скоро же скакаше, яко рысь, и многих тогда вооруженых и во бронях уязви.⁸²¹ Мнози же крепцыи оружницы стах на него за срамоту и жестоце на него наступающе. Суета же сечаше на обе страны; не подающе⁸²² же его пешие люди, иже от бегства своего укрепившийся о надолобах.⁸²³ Беззаконный же Лисовской совашеся сюду и сюду, како бы что зло сотворити. И поворотився окаанный от того места вдоль по горе Красной х Косому Глиняному врагу⁸²⁴ на заводных⁸²⁵ троицких людей. Тогда же с слугою с Пимином с Тененевым сущии людие стах крепко против врагов на пригорке у рву, бьющеся с литвою и с казаки. Видев же мало троицкаго воинства, злонравный лютор⁸²⁶ Лисовской устремися жестоко на них, и смесившеся вси людие вместо⁸²⁷ литовские и троицкие, и бысть бой велик

близ врага Глиняново. Врази же, боящися подсады,⁸²⁸ начяшы отбегати. Троицкое же воинство помалу отходяще от литовских людей и скрывшися в Косой Глиняной враг. Александр же Лисовской хотя во отводе⁸²⁹ жива взяти слугу Пимина Тененева. Пимин же обратився на Александра и устреми его из лука в лице по левой скрании.⁸³⁰ Свирепый же Александр свалился с коня своего. Полчане же его ухвативше и отвезоша в Сопегин полк. Троицкое же воинство удариша изо множества оружия по ним и ту побиша много литвы и казаков. Литва же видевши и скоро на бегство устремишися врознь по Клемянтеевскому полю. Сердца же кровию у многих закипеша по Лисовском, и на месть паки мнози воздвигнушися за нь. Яко лютыя волцы, литовския воеводы князь Юрьи Горский да Иван Тишкеевичь, да рохмистр Сума со многими гусары и желныри и нападоша на сотника Силу Марина да на троицких слуг, на Михайла да на Федора Павловых, и на все троицкое воинство. И бысть брань велика зело и люта. И сломльшии оружия емлющися друг за друга, ножи резахуся...

На том же бою мнози от литовских людей видеша двою старцов мещущих на них плиты и едином вержением⁸³¹ многих поражающе, камение же из недр⁸³² емлюще, и не бе числа метанию их. От поляков же выходцы⁸³³ о сем возвестиша в дому чудотворца. Такову же погибель видяще поляки, яко князя Юрья лишишися и иных храбрых своих растесанных⁸³⁴ лежащих, и, гонимы гневом божиим, побегоша от троицкого воинства. И тако разыдошися вси полци Сопегины и Лисовского. Троицкое же воинство внидоша во обитель с великою победою.

О МОРУ НА ЛЮДИ

Ноября же от 17 дни явлься мор в людех и протяжеся до пришествия Давида Жеребцова.⁸³⁵ Образ же тоя болезни в нужных⁸³⁶ осадах ведом, юже нерекочя врачеве цынга. Тесноты бо ради и недостатков сиа случаются, наипаче же от вод скверных.

Не имущих теплых зелий⁸³⁷ и корений, поядающих ражающийся гной во утробах, и не имущих водок житных распухневаху от ног даже и до главы. И зубы тем исторгахуся, и смрад зловонен изо устну исхождаше. Руце же и нозе корчахуся, жилам сводимым внутрь и вне юду,⁸³⁸ от язв кипящих. И теплиц неимущим в пособ, сим телеса острупляхуся.⁸³⁹ И желудку необыкшу к нерастворению приатия затворяющуся, и непрестанен понос изнемогшим до конца и не могущим от места на место преити, ни предвигнутися. И согниваху телеса их от кала измету, и проядаше скверна даже до костей; и черви велицы гмизяху.⁸⁴⁰ И не бе служащих у многих ни жажду утолити, ни алчущих накормити, ни

гнойным струпом пластыря приложити, ни превратити на страну,⁸⁴¹ ни червиа отмыта, ни отгнати скот стужающий,⁸⁴² ни вон извести прохладитися, ни подъяти, еже бы мало посидети, ни уста пропарити, ни лице, ни руце умыти, ни от очию праха оттерти. А иже еще воздвижущей⁸⁴³ руце, и тии уста и очи нечистотою оскверневаху и прежде смерти от стуку⁸⁴⁴ и от ветр и от движений всяких мнози прахом посыпаны бышя. И не бе познавати тех в вид зрака. Имущей же сребро или иныя вещи и отдааху на купование⁸⁴⁵ нуж потребных ястия и пития. И колико на потребу, толико и за службу; и со слезами моляще таковех, но всякому до себе прииде, о прочих же не брежаху. И аще бы не истощили житниц дому чюдотворца и погребов не испразднили,⁸⁴⁶ то и вси бы измерли во второе лето во осаде сидяще.

И тогда бе не едина беда и зло: вне юду – мечь, внутрь же юду – смерть. И не введуще же, что сотворити: или мертвых погребати, или стен градских соблюдати; или с любовными своими разставатися, или со враги польма⁸⁴⁷ разсекатися; или очи родителем целовати, или своя зеницы на извертение предаати. И неимущей сродныя крове и тии от стен градных не исхождаху, но ту смерти от противных⁸⁴⁸ ожидаху, и един путь к смерти, глаголюще, отвсюду. И едином токмо утешающесе ко врагом храбрым ратоборством, и друг друга на смерть поощряху, глаголюще: «Се, господие и братие, не род ли наш и други погребаются, но и нам по них тамо же ити. И аще не умрем ныне о правде и о истинне, и потом всяко умрем же бес пользы и не бога ради»...

О СЛУГЕ АНАНИИ СЕЛЕВИНЕ⁸⁴⁹

Охрабри же тогда великий чюдотворец Сергей во осаде слугу Ананию Селевина. Егда уже во обители чюдотворца храбрии и крепции мужие падошя, овии убо острием меча от иноверных, инии же во граде прежереченною ценгою помрошя. Той же Анания мужествен бе: 16 языков нарочитых во осад тогда суций, во град приведе, и никто же от сильных поляков и русских изменников смеюще наступати на нь, но издаличе ловяще из оружия убити. Вси бо знааху его и от прочих отлучающесе на того ополчевахуся. И по коне его мнози знающе; толик бо скор конь той, яко из среды полков литовских утекаше, и не можаху постигнути его. И с вышешепомянутым немком⁸⁵⁰ во исходех на бранех часто исхождаху. Той бо немко всегда с ним петь на брань исхождаше, и роту копейных поляков они же, два, с луки вспять возвращаху. Александр же Лисовской, некогда видево того Ананию ратующа противу себе, и выйде против его, хотя его убити. Анания же борзо ударив конь свой и пострели Лисовского из лука в висок левой, с ухом прострелив, и опроверже его долу; сам же утече из

среды полков казачьих: бе бо из лука горазд, тако же и из самопала. Прилучи же ся тому Анании чернь⁸⁵¹ отымати от поляков в прутии,⁸⁵² и от двою рот отторгаему уже от дружины его, и бегаящу избавитися. Немко же во пнех скрывся и зряше нестроения⁸⁵³ Анании, имеяше же лук в руку и колчан велик стрел; и изскочив, яко рысь, и стреляюще по литвякех и бияшесе зле. Литвяки же обратившесе на немка, и абие Анания исторжесе к нему, и вкупе сташи. И многих поранивше самех и бахматов,⁸⁵⁴ и отидоша здравы, токмо конь под Ананиею раниша. Поляки же едино советовавше, да убьют коня под Ананьею; вси бо ведяще, яко жива его не взяти. Егда же исхождаше Анания на брань, то вси по коне стреляюще. И тако на многих выласках конь его шестию ранен бысть, и в седьмый смерти предан бысть. И начат Анания охуждатися на бранех. Потом же Ананию раниша ис пищали по нозе, по большому персту, и всю плюсну раздробиша. И опухну вся нога его, но еще крепце ратовашесе. И по седми днех по той же нозе по колену ранен бысть. И тако крепкий муж возвратися вспять. И отеche нога его до пояса, и по днех малех скончася ко господу.

О ТРЕТЬЕМ БОЛЬШОМ ПРИСТУПЕ И О ОБМАНКЕ НАД ТРОИЦКИМИ СИДЕЛЬЦИ

...Видевше же злии врази, яко не ищут троицкие сидельцы живота, но смертнаго пиршества любезно желающе, и тако ко второму дни на приступ строятся. Пан же Зборовской,⁸⁵⁵ ругаася и понося Сопеге и Лисовскому и всем паном, глаголя: «Что безделное ваше стояние под лукошком? Что то лукошко взяти, да ворон передавити? Се убо вы нерадением творите и хотите чернью збитою взяти». И уготовавше же ся сами к приступу, а чернь отослаша от себе, разве казаков Лисовских. И положивше совет на сонных приити в ту же ночь... Бысть же сей приступ третий великий июля в 31 день...

Зборовской же избранное воинство, оружных людей многих изгуби. Его же слезна зряще, Сопега и Лисовской с своими воинствы подсмеваху: «Что ради не одолел еси лукошку? Исправися еще, толик еси храбр, не посрами нас! Разори, шед, лукошко сие, учини славу вечную королевству Польскому! Нам не за обычай приступы. Ты премудр, промышляй собою и нами»...

О ОТЧААНИИ ПОМОЩИ ЧЕЛОБЕЧЕСКИА И СКОРБЕНИЕ ПОБИВАЕМЫХ У ДРОВ И У ПРОЧИХ ПОТРЕБ

Многу же беду и многу напасть и кровь проливаему всегда зряще мучащейся во обители чудотворца – паче же по последнем сем третьем приступе на выласках, – и побивающе множество градских у добытия дров

за градом...

И мнозем руце от брани престаху: всегда о дровах бои злы бываху. Исходяще бо за обитель дров ради добытия, и во град возвращахуся не бес кровопролитна. И купивше кровию сметие⁸⁵⁶ и хврастие,⁸⁵⁷ и тем строяще повседневное ястие.⁸⁵⁸ К мученическим подвигом зелне себе возбужающе, и друг друга сим спосуждающе. Иде же сечен бысть младый хвраст, ту разсечен лежаше храбрых возраст. И иде же режем бываше младый прут, ту растерзаем бываше птицами человеческий труп. И неблагодарен бываше о сем торг: сопротивных бо полк со оружием прискакаше горд. Исходяще же нужницы,⁸⁵⁹ да обрящут си веницы, за них же, и не хотяще, отдааху своя зеницы. Текущим же на лютый сей добыток дров, тогда готовляшеся им вечный гроб.

Во вратех же убо града всегда входяще и исходящей сретающе,⁸⁶⁰ глаголаху сице: «Чим, брате, выменил еси проклятыя дрова сия, другом ли или родителем или своею кровию?»...

О БОЮ СО КНЯЗЕМ МИХАИЛОМ⁸⁶¹ ПОЛЬСКИМ П ЛИТОВСКИМ ЛЮДЕМ И РУСКИМ ИЗМЕННИКОМ

Разрушителю бранем, князю Михаилу, приближшуся х Колязину монастырю...⁸⁶²

Литовские же гетманы и их полковники всеми полки своими устремишася на руское воинство. И съступишася обоих полцы, и бысть сеча зла, и сечахуся на многих местех, бьющеся чрез весь день. От оружейново стуку и копейного ломания и от гласов вопля и кричания обоих людей войска, и от трескоты оружия не бе слышати друг друга, что глаголет. И от дымного курения едва бе видети, кто с кем ся бьет. И яко зверие рыкающе, зле сечахуся на многих местех, бьющеся чрез весь день.

Солнцу же достизающе на запад, и возопиша вси православнии к богу со умилением, вопиюще от сердец своих: «Виждь, владыко, кровь раб твоих, неповинно закалаемых; тако же и ты, преподобие отче Макарие, помолися за ны к богу и помози нам!» И уже близ вечеру сущу, услыша господь молитвы раб своих; и нападе страх велий на врагов божиих; и ужасом великим одержими, в бегство устремишася. И побегошя, друг друга топчюще, гоними гневом Божиим. Русские же полци гнашя литовских людей, секуще до Рябова монастыря⁸⁶³ и многих литовских людей побили и поранили, и нарочитых панов многих живых поймали. И с великою победою и одолением возвратишася под Колязин монастырь со многою корыстию...

О ПОБЕГЕ ГЕТМАНА СОПЕГЕ И ЛИСОВСКАГО

И генваря в 12 день гетман Сопега и Лисовской со всеми польскими и

литовскими людьми и с русскими изменники побегоша к Дмитрову, никим же гонимы, но десницею божиею.

Толико же ужасно бежаша, яко и друг друга не ждуще и запасы своя мещуще. И велико богатство мнози по них на путех обретаху, не от хуждъших вещей, но и от злата и сребра и драгих порт и коней. Инии не могуще утечи и возвращающиеся вспять и лесы бегающе, прихождаху во обитель к чюдотворцу, и милости просяще душам своим, и поведаяще, яко «мнози видеша от нас велики зело два полка, гоняща нас даже и до Дмитрова». Чюдиша же ся вси о сем, яко от обители не бяше за ними никакой посылки...

Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном

ПОСЛАНИЕ ТУРЬСКОГО ЦАРЯ САЛТАНА К ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧЮ ВСЕА РУСИИ САМОДЕРЖЦЮ

В лета 7054-го⁸⁶⁴ году. Избранному моему ратаю⁸⁶⁵ и тележному поганатаю,⁸⁶⁶ белому Ивану, великому боярину, ясельничему⁸⁶⁷ моему, русской области воздержателю, рускому князю, яко же и сродником твоим и братома.

Инорага рог, над цари царь, над князьми князь, вышняго бога Саваофа произволением⁸⁶⁸ страж гробу господню и печатник у вышняго престола, великий воин, крепким оружник мужеством и всем царем царь и советник восточные и северские страны, избранный во царех царь. Обнаженный мечь, неутолимый гнев возбуженным сердцем и разсуженным многим державам, неоградимый страхом, предложенный сердцем, златочестен и изобилованным всяким богатством, смиренным от вышняго просвещенным милосердием, драгий бисер, светлый на главе венец, прозорливый вся светлости белообразный, наказатель царских властей, светилник горняго Иерусалима и учитель воинственной силе, храбрый воин и исполненный всякой премудрости совершенный возрастом, непреклонная гордыня, прекрасный лицом, быстрое возрение очное, вышний закон, ключарь небесный, и непокоренным землям турским царь Салтан. Кланяся и мною радоватися, пишу.

Послахом ныне к тебе от своя силы поклицары,⁸⁶⁹ а с ними сотворил писание о выходныя моя казны за 12 лет.⁸⁷⁰ Отцу твоему Василию умершу, а тебе младу сущу после его остатися, и яз до твоего возраста и недосовершеннаго разума не нудил своя оброчныя казны имать. И яз ныне приказ свой послал к тебе, а велел есми без пожданья казну свою взяти исполнену по прежним книгам отца твоего и по моим поклицарским грамотам.

А ты ж, воздержатель русской области, отечеству своему последовал и спрашивай у прежних советников отца твоего, которым было мошно верити, как отец твой у нашей силы изоброчен был, како чтил мои поклицары. И како советницы твои истину изрекут, и ты б поклицаров моих отпущал честных, како им годе, не замедливая исполненных. А будет советницы твои учнут тя развращати, и ты б мне изрядное проповедал, да и разум растворил от воздержания от создателя своего, да и поклицары от своя Руския земли пошли с своими угожшими реченми и с покорением.

А поклицары б твои были превелика разума и смысла, чтоб умел и разумел с моими паши говорити, зане же оне у меня превысочайшия вельми, превелика разума и смысла. По моему наказу всея области моя и наши советницы раствореники многим странам в совершение мудрости вышним Саваофом направляеми великое сокровище в сердцы своем полагают, зане же слава их страшна суть, како по моему величеству восхотят, тако и творят.

Все области силы моя страшатся, камо яз двигну, ту путь мой прав и покорен, а именуюся самовластен, не устыжуся никоторыя державы, развие вышнаго Саваофа, потому что наше несправление пред ним, кто в который грех падет, и ныне де на мою державу страх и неизреченный трепет, земля ся от него поколебают. А милость его коли к нам придет велика, и яз тогда всех осеняю своим величеством.

А которых царств приходят ко мне поклицары, и оне зрети на мой образ не могут, страх их велий обоймет и ужас, зане ж лице мое безстыдно. И кто может исповедати силы владычества моего или ведети великое страхование мое, како я обладаю всеми державами. А имею яз седалище себе в велицей полате, а очи мои закровенны. А коли придут паши мои ко мне извещати о чем, и оне до меня не доходят за 20 мерь, да понизят главы своя до земли. И яз в те поры учиню очи свои скровенны, да учну со своими витязи говорити, разсужати им кождо по чему угодно, да и отказ от мене получают, и походят в свою полату, а тамошним державам управление и учинят по моему наказу.

А приезжают в мою область инших царств поклицары и самые самодержцы, и оне гласа моего слышати не могут, зане ж державами инеми царствы властвуют, да оброки мне со всех земель дают, и все повинуются мне, и во всем послушание творят предо мною, а раздранья ко мне и сетей на мою державу не чинят, зане ж нерушимый в моей области град.

Всеи области моей державе удивляются. Тако же и ты, руским правитель, аще сего не сотвориши, да и казны моей к нашей силе своими поклицары не отпустиши и отцу своему не учнеш последовати, как отец твой к нашей силе во всем повиновение творил и службу свою великую предо мною ставил. А будет тебе на смысл⁸⁷¹ сроку надобеть, и ты бы известно державе моей чинил, и яз бы тебя в том мешкотил,⁸⁷² зане же яко к покоренным милостив, аки вышний, и тех, кто предо мною великое повиновение творит и держит, ино его мечь мой не сечет.

И ты русский белый воздержатель избери себе едино: повиновение предо мною, или гордыню, да и поклицары свои пришли, яко ж згодне.

Аще ж повинование предо мною не сотвориши, а возложиши гордыню на ся и поклисаров моих нечестных отпустиш в мою область, и моей с ними выходные казны не отпустиш, и ведомо ти буди, дошло на тя гнев свой с великою яростию, и не велю утолити меча своего, и руже свои возложу на тя, на плещи твои, а силу твою велю за твою к себе неправду злой смерти предати, а град твой велю под свою область покорити. А которые моление о тебе посылают к вышнему и яз велю тех кождо по своим державам разводити, и в те поры вышний не услышит гласа твоего о твоём молении и положит тя в великое забвение, и милости к тебе не покажет за твое неповиновение ко мне и за непокорение, потому что хочещи един сопротивен быти мне. А всех областей цари и князи, и градодержатели повинование ко мне творят: и литовской краль, и святая святых горы,⁸⁷³ и греки, и волохи, и ерусалимляня, и витязей римцы каримцы, и уварване, были Вавилон и Асирия, и вся восточныя и северская все страны, и все великую службу предо мною ставят от сотворения и от зачала миру, како вышняго повелением земля стала.

А ты, руским воздержатель, хочещи един со мною братися, а не возможещи против мене стать, потому что в силе твоей стяжания нет и храбрости, и конскаго ухищрения, и несть достойно к моей силе.

Как будет мне время, пошлю к тебе опаснаго⁸⁷⁴ хранителя, что б тебе ведомо было страхование мое и грозная супостат силы величества моего движения. А как придет на твое Руское воздержание⁸⁷⁵ от моей силы плен, и ты учнеш в те поры от мене ждати великия милости, и аз не пощажу никоторыми делы, всю область твою Рускую велю мечному поселению предати, зане же сердце мое неутолимое есть.

И ты, князь, извесгися себе, как ти годно, и грамотам моим поклисарским ревнуй, все ти ведомо чиню, милосердо ся ставлю.

Сия же поклисары отпущены от далнаго силнаго и грознаго обладателя, турскаго и тевризскаго царя Салтана, угодна землям мир и здравие.

ВОСПИСАНИЕ СОПРОТИВНО ОТ РУСКАГО ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА К ТУРСКОМУ ЦАРЮ САЛТАНУ

Божию милостию и пречистые его матере господа бога и спаса нашего Исуса Христа вышняго творца небу и земли воздержателевы десницы, от благовернаго и православнаго, гордаго и буйственаго, разумнаго и мудраго, справедливаго и милосердаго правителя, истиннаго его небеснаго слuze⁸⁷⁶ и нареченный в первых царех царь, яко же есть вторый Манамах.⁸⁷⁷

Из силнаго и неоскуднаго обдержания Московскаго царствия и иных

многих областей воздержатель, русский царь и государь великаго княжения Иван Васильевич всеа Руския державы от владимирскаго крещения и всеа Сибирския страны обладатель, заступник и поборник истинные православные веры, вышняго бога пастух над державами, изрядный проповедитель, растворенный государь и разсудный, к покоренным милостивый пощадитель.

От страшнаго и великаго сана, от грознаго воина, и от крепкаго супостата и супротивника, и от изряднаго полчевника, пленным на неверных непреклонная глава, от востраго меча и от неунятые сабли, и от твердые ограды, и от душевнаго благородия, и от красоты личныя, и от света очию моею, от укрепленнаго воинственней силе непобедимый и государь насупротиву борцы, и братель на супостат скоросмышленный, и поспешным своим движением на свое царское дело, и здравоходим своим воинством, ключарь всеа земли и страж своя Руския области.

От щедраго и поспешнаго, и потребнаго государя по достоянию царскому и но величеству власти и силы, от честнаго правителя и от крепкаго и от твердаго щита, ратованный воинством.

В турский во Царьград к неверному и злообразному, самохвальному и недостойному царскаго венца и скипетра. Заблуждынему и зашедшему в дальние земли, от света во тьму, от православия в неверие. Самоназванному царю и посаженному не от бога Салтану.

Се же ти мню и покланяние творю в своем царском месте, на поседании степенем известно ти даю.

Приидоша от твоего неверия к нашему православному державству к великому царству поклицарове твои, невольные повелители. И аз приказ свой учинил конюшенному своему боярину, а велел с твоими неверными поклицары посольство твое правити, яко же годе. По моему царскому наказу и по величеству силы моя области посольство с моим конюшим боярином было о выходной к тебе казне и оброке.

И аз возрел своим царским видением в писание истиннаго господа нашего Иисуса Христа и в сложение святых отец, да потому милостиво еси к тебе, к неверному, сотворил, к невольным твоим поклицаром, не велел еси послателей твоих смертной казни предати, да им растворил⁸⁷⁸ еси от создателевы десницы и своим царским речением, что ты тако творил от неверия со младоумием своим и с недовершенным возрастом, да потому, что ты невольным обдержатель, посаженным градарь и послужатель, уподобися наимнику, како ти цареградцы повелят, и ты тако и твориш, да и потому, что ты от царские моя державы руские поудалел в заморе кия волнения, и ты не мниш себе потому сопротивника, живеш во

отчаянии, посольские грамоты тако совершаеш.

Аще б еси был вблизи нашего царства, православнаго моего державства, и аз бы по твоим посольским грамотам к твоему неверному державству повиновение творил, дани и оброки посылал, и поклисар бы своих к тебе с казною отпускал. Впервые бы послал к тебе малаго слугу воеводу своего, а дал бы к тебе вести дань от своая царския силы – вострый мечь и неунятую саблю. И ты бы, неверный, от тое дани свое неверное державство отставил, укрыл бы ся в горы каменные. И аз бы еще послал к тебе атамана своего со стрельцы, а дал бы им своая казны оброк к тебе вести: пушки и скорострельные пищали, и ты бы ся от того оброку и тамо не укрыл. Да еще бы послал к тебе послы своя, а велел бы им посольство правити, тобя жива пред собою поставити, а в державе бы твоей велел православие утвердити, а превысочайших твоих пашей велел бы к ним милостивно учинить, темничному заключению предати. А в которых ты полатах поседание твориш с своими витязи, и аз бы те полаты приказал разорению предати, а тем бы камением велел думцов твоих витязей, которые посольские грамоты от тебя чинят, побити, а тело их прихранити, псом на сведение дати за их злоневерьствие.

Да и возможно мне так чинити, занеже богу помогающу ми на супротивные, на неверныя враги, и покоряет вышний неверных под нозе мои. А тебе, неверному, не мошно на мое царство никотораго движения чинити, потому что не до воли твоей сягнути на нас И много на православном царствии в моей державе святителей, да еще к тому богомольцов, которые к вышнему вседержителю молитвы воздают о моей державе и о православном христианстве.

И аще ты с неразумия своего и с недовершенного разума и движение учиниши, и ты со всем своим движением в морском волнении погрузишися, яко и Козат воевода.⁸⁷⁹ Или аще сему недовериш, и ты возри в летописец свой, коли был православной царь Константин Великий во Цареграде, а после его царствова сын его, и потом нача Царьград держати неверный салтан, яко же и ты. И в том во Цареграде лежало тело Иванна Златоустаго. И фрязове из Родоса приехав во Царьград, да у салтана у невернаго и у его думцов тело Иванна Златоустаго откупили жемчугом, и золотом, и серебром, да привезли в Родос град, а рака⁸⁸⁰ его и ныне во Цареграде. И салтан цареградский посла за ними погоню, Козата воеводу своего с корабли и велел отняти тело Иванна Златоустаго. И Златауст их победи, и корабли их в мори потопи со всем войском.

Да тако и ты того ж убойся, не попускает бог вышний неверных на православие, а православие, мою державу, попускает на неверных, потому

не могу терпети злокозненаго вашего диявольства, что б вы обратились ко истинному крещению и к вере христианстей, занеже Христос неверных наказует, овогда гладом, овогда нашествием войску на град, а овогда запалением огненным на град за ваше беззаконство. И вы кладете то в великое забвение и не обратитесь на истинный путь, да моление твориши капищем идольским.

А се буди ти ведомо изрядно о моей державе к твоему неверию конечный мир, обоюдный мечь. И хошу рукою своею царскою и двигнути силою своею на твое неверное и злонравное державство за непокорение твое ко мне и за неистовое поклисарство твое к нашему державству. Да и мною своим мечным посечением и великим движением поколебаться покоренным твоим странам, како мне, царской деснице, бог даровал, и видети невольных твоих жителей по улусом, что б оне под мою десницу повиновение ставили, яко же и иные державы преклонены к моему царству. А твоему неверию от моей силы сведомо учнет быти, коли аз гнев не велю утолити, меча не велю удержати.

Сия посольская киличийская⁸⁸¹ грамота совершена в Русийском царствии у православнаго державнаго царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии, солнечныя области.

Повесть о Бове королевиче

СКАЗАНИЯ ПРО ХРАБРАГО ВИТЕЗЯ, ПРО БОВУ КАРАЛЕВИЧА

Не в коем было царстве, в великом государстве, в славном граде во Антоне жил был славный король Видон. И проведал в славном граде Идементияне у славнаго короля Кирбита Верзауловича дочь, прекраснаю королевну Милитрису. И призва к себе любимаго слугу именем Личарду и почел говорить: «Ой еси, слуга Личарда! Служи ты мне верою и правдою, поди ты во град Дементиян... посолствовать, а от меня свататца». И слуга Личарда государя своего не ослушался, грамоту принял и челом ударил и поехал во град Дементиян к доброму и славному королю Кирбиту Верзауловичю.

И как будет слуга Личарда во граде Дементияне у славнаго и добраго короля Кирбита Верзоуловича и вшед в королевские хоромы и грамоту положил перед короля на стол. И король Кирбит Верзоулович грамоту распечатывал и прочитал. И пошел в задние хоромы к прекрасной королевне Милитресе и почел говорить любезные словеса; «Дочи моя прекрасная королевна Милитресе! Приехал в наш град Дементиян от славнаго и добраго короля Видона посольствовать, а на тебе сватаца. И яз не могу против таковаго славнаго короля стоять, потому что у него войска соберетца многа, наш град огнем позжет и головнею покатит, а тебя с нелюбви возмет».

И прекрасная королевна Милитресе пад на колени пред оцем своим и почела говорить: «Государь мой батюшка, славный король Кирбит Верзаулович! Когда яз была млада, а тот король Додон сватался у тебя на мне. И ты... государь мой батюшка, не давай меня за короля Видона, дай меня за короля Дадона. Тот король Дадон будет нашему граду сдержатель и ото всех стран оберегатель».

И славный король Кирбит Верзаулович от таковаго славнаго короля Видона отстоятца не мог и отдал дочь свою, прекрасную королевну Милитрису, за славнаго короля Видона...

И жил с нею три годы и прижил младаго детищу, а храбраго витезя Бову каралевича. И прекрасная королевна Милитресе призва к себе любимаго слугу именем Личарду и написала грамоту государю доброму и славному королю Додону, пожаловать бы: «Добры и славный король Дадон! приехал бы под наш град под Антон и моего бы короля Видона извел, а меня б взял за жены места». «И будет ты, слуга Личарда, государыни своей ослушаешься и пойдет х королю Дадону и от меня

грамоты не отвезет, и яз тебя оболгу государю своему королю Видону небылыми словесы, и он тебя скоро велит злою смертию казнить». И слуга Личарда государыня своей не послушался, грамоту принял и челом ударил и поехал х королю Дадону.

И как будет слуга Личарда у короля Додона и вшед в королевские полаты и положил грамоту на стол пред короля Дадона. И король Додон грамоту принял, и распечатывал, и прочитал, и покивал главою, и росмеялся, и почел говорить: «О слуга Личарда! Что государыни ваша меня смущает? А уже она с королем Видоном и детище прижила, храбраго витезя Бову королевича». И слуга Личарда почел говорить: «Государь добрый король Дадон! Вели меня посадить в темницу накрепко и поить и кормить довольно. А ты, государь, поезжай под наш град Антон, и будет словеса мои не збудутца, и ты меня вели злою смертию казнить». И королю то слово полюбилося и почел король Дадон говорить: «О слуга Личарда, словеса твоя паче меда устом моим, а будет словеса твои збудутца, и яз тебя пожалую».

И король Додон радощен бысть и повеле в рог трубити. И собра войска 37 000 и поехал под град Антон и, пришед, стал в королевском лугу и велел шатры роставить. И узрила из задних хором своих прекрасная королева Милитриса и, оболакаа⁸⁸² на себя трагоценнуя платья, и пошла в королевские полаты и почела говорить: «Государь мой добрый король Видон, понесла яз второе чрево, не вем сын, не вем тщерь. И захотелась мне зверина мяса, и накорми меня дикаго вепря свежим мясом, от твоея руки убиеннаго». И король Видон радощен бысть, что не слышал таковых речей и в три годы от своея прекрасныя королевны Милитрисы. И король повеле оседлати осля и сяде на осля и взял в руки копие и поехал в чистоя поля за диким вепрям.

И прекрасная королева Милитриса поднят и градные врата отворит и стрете короля Дадона с великою радостью во вратех градных. И возьмет его за белыя руки и любезно во уста целова и поведе его в королевские полаты. И почел и пити и ясти и веселитися. И в те поры храбрый витезь Бова королевичь, еще детище младо и несмышленно, и вшед на конюшню и ухоронися под ясли. И был у Бовы дятка Симбалда и вшед на конюшню и нашел Бову под ясли и сам прослезися и почел говорить: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичь! Мати твоя злодей, прекрасная королева Милитриса. С королем Дадоном извела она, зладей, государя моего, а батюшка твоего, добраго и славнаго короля Видона. А ты еще детище младо, не можеш отмстити смерти отца своего. Побежим мы, государь, во град Сумин, которым градом пожаловал государь мой, а батюшка твой

славный король Видон; а тот град вельми крепок»... И рече Вова дятке Симьбалде: «Государь мой дядка Симьбалда! Яз еще детище младо и несмысленно и не могу яз на добром коне сидеть и во всю конскую пору скакать». И дятка Симьбалда оседлал себе добраго коня, а под Бову иноходца и призва к себе тридцать юношей и побежа во град в Сумин.

И были во граде изменники, и сказали королю Додону и прекрасной королевне Милитрисе, что дятка Симбалда побежал во град Сумин и увес с собою Вову королевича. И король Додон повеле в рог трубить и собра войска 40 000 и погнася за дяткою Симбалдою и за Бовою королевичем. И посла загонщиков за дяткою Симбалдою и за Бовою. И загонщики сугнали дятку Симбалду и Бову королевича. И оглянулься дятка и увиде загонщиков, и почел во всю конскую пору скакать и убеже во град Сумин и затворися накрепко. А Бова королевич не мог ускакать, и свалился Бова с коня на землю. И загонщики Бову взяли и привезли х королю Дадону. И король Дадон посла Бову к матери ево, к прекрасной королевне Милитрисе.

И пришед король Дадон под град Сумин, стал в лугу и роставил королевские шатры. И спа тут и виде сон велми страшен, кабы ездит Бова королевич на добром коне, в руке держит копие и прободает королю Дадону утробу и сердце. И король Додон воста от сна своего и призва к себе брата своего именем Обросима и почел сон свой сказывать и посылать брата своево Обросима во град Антон к прекрасной коралеве Милитрисе лепо поздравити⁸⁸³ и сон сказати и просить Бовы королевича, чтоб его за тот сон предать злой смерти.

И Обросим поехал во град Антон к прекрасной коралеве Милитрисе лепо проздравити и сон сказати и просить Бовы королевича, чтоб ево за тот сон предать смерти. И прекрасная королева Милитриса почела говорить: «Могу яз и сама Бове смерть предати. Посажу ево в темницу и не дам ему ни пити, ни ясти, та же ему смерть будет».

И король Дадон стоял под градом Суминым 6 месяцев и не мог взять града Сумина и пошел во град во Антон. И дятка Симбалда повеле в рог трубить и собра войска 15 000 и пошел под град под Антон и нача в городовую стену бити безотступно и кричать и прошать из города государя своего Бовы королевича: «А не здадите мне государя моего Бовы королевича, и яз жив не могу от града отитить». И прекрасная королева Милитриса почела говорить королю Дадону: «Государь мой король Дадон, что злодей наш не даст нам упокою ни в день, ни в ночь». И король Дадон повеле в рог трубити и собра войска 30 000 и погнася за дяткою Симбалдою. И дятка Симбалда не может стоять против короля Додона и

убежал во град Сумин и затворися накрепко.

И прекрасная королева Милитриса велела Бову посадить в темницу и дскою железною задернуть и песком засыпать и не довать Бове пити и ясти пять дней и пять ночей. И Бове из младости ясти добре хочетца. И прекрасная королева Милитриса оболкла на себя драгоценное платье и пошла по королевскому двору. И Бова увидел ис темницы и закричал Бова зычно гласом: «Государыня моя матушка, прекрасная королева Милитриса! Что ты, государыня моя, воскручинилася на меня? Не пришлет ко мне ни пити, ни ясти! Уже мне приближаетца голодная смерть!» И прекрасная королева Милитриса почела говорить: «Чадо мое милое, Бова королевич! Воистину яз тебя забыла с кручины. Тужу по отце твоём, а по государе своём по добром короле Видоне. Ужжо я тебе пришлю много пити и ясти, и ты напитай свою душу». И прекрасная королева Милитриса, вшед в королевские полаты, и почела месить два хлебца своими руками на змеином сале во пшенишном тесте. Испекла два хлебца и посла з девкою к Бове в темницу... Да за тою ж девкою пришли два выжлеца и сели у темницы под окошком. И девка дала Бове два хлебца, и Бова хочет хлебцы ясти. И девка прослезися и почела говорить: «Государь храбрый витезь Бова королевич! Не моги ты, государь, те хлебцы скоро съести, а скоряе того умреш. Мати твоя, а государыня моя прекрасная королева Милитриса, месила она те хлебцы своими руками во пшеничном тесте на змеином сале». И Бова, взял хлебец, да бросил выжлецу, а другой другому. И сколь скоро выжлецы хлебцы съели, и скоряя тово их розрвало по макову зерну. И Бова прослезися: «Милостивый Спас и пречистая богородица! За что меня государыня мати моя хотела злой смерти предать?» И девка дала Бове своего хлебца ясти, и Бова наелся и напился.

И девка, пошед ис темницы, не затворила и дска железные не задернула. И Бова вышел ис темницы и побежал из града чрез городовую стену. И скочил Бова з городовые стены и отшиб Бова себе ноги и лежал за градом три дни и три ночи. И воста Бова и пошел куда очи несут. И пришол Бова на край море и увидел Бова корабль на море. И закричал Бова громко гласом. И от Бовина гласу на море волны востали и корабль потресеса. И гости-корабельщики дивяшеса, что детище младо кричит громким гласом. И гости-корабельщики послали ярышков⁸⁸⁴ в подестке⁸⁸⁵ и велели спросить: «Крестьянского ли ты роду или татарскаго? И буде хрестьянска, и вы ево возмите на корабль». И ярыжные приехали к берегу и почели спрашивать: «Хрестиянска ли ты роду или татарска? Имя твое как?» И рече Бова: «Яз роду не татарска, яз роду хрестиянска,

понамарев сын, а матушка моя была убогая жена, на добрых жен платья мыла, тем свою голову кормила». И ярьжные взяли Бову в подездок и повезли на корабль...

И почел Бова по кораблю похаживать. И гости-корабельницы промеж собою диващся, не могут на Бовину красоту насмотритися, что не видали такова отрока: велми лепообразен.⁸⁸⁶ И лег Бова спать, и гости корабельницы промеж собою хотят смертныя чаши пити о Бове. И Бова воста от сна своего и почел говорить: «Гости-корабелницы, не бранитесь и не деритесь обо мне. Яз вам служу по росчету: которой меня увидел преж на берегу, и яз тому служу до обеда, а которой увидел после, и яз тому служу после обеда до вечера». И гостям то слово полюбилося, вымали якори и подымали парусы и бежали по морю год и три месяца и прибежали под Арменское царство, а во Арменском царстве король Зензевей Адаровичь. И метали гости-корабельницы сход на берег, и Бова почел по кораблю ходить.

И король Зензевей Адаровичь посла юношей и подячих и велел спросить, коево царства корабль прибежал, и коего града гости, и с какими тавары. И юноши и подячие, пришед на корабль, и увиде Бову на корабли, и не могли на Бовину красоту насмотритца и забыли во уме своем спрешать, коево царства корабль прибежал, и которого горада гости, и с какими тавары. И король Зензевей Адаровичь спрашивает юношей и подячих, коево царства корабль, и коего града гости, и с какими товары. Они ж ему ничего не сказаша, только сказали, что видели на корабли юнова. И король Зензевей скоро повеле ося подвести и поехал х кораблю и увиде: на корабле ходит отроча велми лепообразен. И забы во уме своем испрошать, коева царства корабль и какими товары. И король Зензевей Одарович почел у гостей торговать отрока: «И гости-корабелницы, продайте мне отрока, возьмите у меня 300 литр злато». И гости-корабелницы говорили: «Государь король Зензевей Одарович! Нелзе нам того отрока продать, что у нас тот рабичь общей, а взят на край море на берегу». И король Зензевей Адарович говорил гостям: «А коли у вас тот рабичь общей, и вы его продайте, а возьмите у меня 300 литр злато, да торгуйте в моем царстве безданно и беспошлинно. А будет не продадите мне общего рабича, и вам из моего царства живым не выехать и впрעד мима моего царства кораблем не хаживать». И гости-корабелницы Бову продали, а взяли за него 300 литр злата.

И король Зензевей Адарович посади Бову на ося и поехал во Арменское царство и почел у Бовы спрашивать: «Бова, какова ты роду, царского или королевскаго?» И Бова рече: «Государь мой король Зензевей

Адарович! Яз роду не царскаго и не королевскаго, яз роду христианского, понамарев сын. А мати моя, убогая жена, на добрых жен платья мыла, тем свою голову кормила». И король Зензевей Адарович почел говорить: «А коли ты, Бова, такова худова роду, и ты у меня служи на конюшни и буди нат конюхами большой». И Бова, государю своему ударя челом, и пошел на конюшню; а отроду Бове семь лет. И Бова почел на конюшне служить.

И у того короля Зензевея Адаровича была дочь, прекрасная королевна Дружневна. И узрела из своих хором Бову на конюшне велми лепообразно, и от Бавины красоты во всю конюшню осветило. И прекрасная королевна Дружневна надела на себя драгоценное платье и пошла в королевские палаты ко отцу своему и, пришед, почела говорить: «Государь мой батюшка, король Зензевей Адарович! Много, государь, у меня няnek и мамок и красных девиц, а нет у меня ни единого слуги. Завтра, государь, у меня пир на няnek и на мамок, а некому у меня постряпоть, еств роздать и у поставца постоять. Пожалуй, государь батюшка, тем меня холопом, котораго купил у гостей, а дал 300 литр злата». И у короля Зензевея Адаровича дочь была в любви. «Дочь моя, прекрасная королевна Дружневна! Буди на твоей воли». И велел позвать Бову. И Бова пришел в королевскую полату, государю своему челом ударил. И король Зензевей Адарович почел говорить: «Бова! Завтра у Дружневны постряпой и ествы роздай и у поставца постой. А еще, Бова, послушай моево наказу и по вся дни буди у Дружневны». И Бова, челом ударя, и пошел на конюшню. И Дружневна, челом ударя отцу своему, и пошла в задние хоромы.

И как ночь проходит, а день настает, а Дружневна ествою спешит. А как ества поспеваает, и прекрасная королевна Дружневна послала девку на конюшню. И девка пришед на конюшню: «Поуди, Бова, королевна тебе зовет». И Бова оделся и пришел в задние хоромы, и прекрасная королевна Дружневна против Бовы не усидела и встала. И Бова почел говорить: «Прекрасная государыня, прекрасная королевна! Не гораздо делаеш, против меня, холопа, встаеш». И королевна на Бову досады никакие не держит. И как пошел пир и пировал ества, поспел лебедь, и Бова лебед принес. И прекрасная королевна лебед рушела и уронила нож под стол... И Бова кинулся под стол. И прекрасная королевна, подклоня главу под стол, и не хватала за нож, хватала Бовину главу и целовала его во уста, и во очи, и во уши. И Бова вырвался и опять стал у поставца и почел государыню свою бесчестить: «Государыни прекрасна королевна Дружневна! Не пригожа тебе меня, холопа своего, целовать во уста, и во уши, и во очи!» И как пированье отошло, и Бова почел говорить:

«Прекрасная королева Дружневна! Отпусти меня на конюшню к товарыщем». И Бова пошел на конюшню, и прекрасная королева на Бовин след не могла насмотретца. И Бова, пришед на конюшню, и лег спать и спал 5 дьней и 5 ночей. Конюхи разбудить не могли и поехали по траву и Бовин урок накосили и в розвези⁸⁸⁷ связали. И Бова востал, да по траву поехал и стретил конюхов, урок свой взял да выбрал розных цветов и сплел травяной венец и положил себе на главу. И приехал на конюшню. И прекрасная королева усмотрила у Бовы на главе травяной венец в розных цветах и послала девку на конюшню. И девка, пришед: «Поди, Бова, Дружневна тебя зовет».

И Бова пришед в задние хоромы. И прекрасная королева не усидела и встала против Бовы и почела говорить: «Бова, сьми с своей главы венец своими руками да полож венец на мою главу». И Бова почел говорить: «Государыни прекрасная королева Дружневна! Не пригоже холопу с своей главы своими руками да класть на твою главу». И Дружневна почела говорить: «А буде ты, Бова, не сымеш венца с своей главы своими руками да не положиш на мою главу, и яз тебя оболгу батюшку небылыми словесы. И батюшка тебя велит скоро злою смертию казнить». И Бова схватил венец да ударил о кирпичную середу. И королева венец подняла и к сердцу прижала и учела любовать паче златаго и жемчужнаго. И пошел Бова ис полаты, ударил дверми, и выпал кирпичь и-стены и прошибло Бове голову. И прекрасная королева лечила своими угодами. И Бова пришел на конюшню и лег спать и спал 9 дней и 9 ночей.

И приехал из Задонскаго царства король Маркобрун, а с ним войска 40 000. И ставился в лугу шатры роставливать и писал грамоту от короля Маркобруна королю Зензевею Адаровичю: «Дай свою дочь за меня с любви, а не даш с любви, – и яз твое царство огнем пожгу и головнею покачу, а дочь твою с нелюбви возму». И король Зензевей Адарович от таковаго короля отстоятца не мог и встречал ево в городовых воротех и примал ево за белые руки и цаловал в сахарные уста и называл ево любимым зятем. И пошли в королевские полаты и почели пити и ясти на радостях.

И Маркоброновы дворяня почели за городом тешитца на добрых конех. И Бова воста и услыша конское ржание и пошел в задние хоромы и почел говорить: «Государыни прекрасная королева Дружневна! Что за нашим царством за шум и конское ржание?» И прекрасная королева почела говорить: «Бова, долго спиш, ничего не ведаеш! Приехал из Задонскаго царства король Маркобрун, а с ним войска 40 000, и наше царство осадил. А батюшка мой не мог отстоятца от такова короля и

встречал его в городских воротех и называл ево любимым зятем, а мне муж он». И Бова почел говорить: «Государыни прекрасная королевна Дружневна! Не на чем мне выехать с Маркобруновыми дворяны потешитца. Дабудь ты мне добраго коня и меча-кладенца, и палицы железной, и доспеха крепкаго, и щита». И прекрасная королевна почела говорить: «Еще ты детище младо, только отроду сем лет, и добрым конем владеть не умеешь и во всю конскую пору скакать и палицею железною махать».

И Бова пошел на конюшню да оседлал иноходца – за город к Маркобруновым дворянам тешитца. И не лучилось у него ни меча-кладенца, ни копия, лиш взял метлу да выехал за город. И Маркобруновы дворяня розсмеялися и розсмотрили Бову и сами почели говорить: «Что за бледин сын один выехал тешитца? Что ему за честь?» И почели на Бову напускатца человек по пети и по шти. И Бова почел скакать, а метлою махать, и прибил Бова 15 000. И прекрасная королевна увидела, что Бова один скачет, и ей стало жаль: убьют его. И надела на себя драгоценное платье и пошла ко отцу своему и почела говорить: «Государь мой батюшка король Зензевей Адаровичь! Вели Бову унять, что ему за честь с Маркобруновыми дворяны тешитца?» И король Зензевей послал по Бову юношей, и юноши, пришед, говорили: «Бова! Государь король на тебя кручинитца. Что тебе за честь с Маркобруновыми дворяны тешитца?» И Бова приехал на конюшню да лег спать и спал 9 дней и 9 ночей.

И в то время под Арменское царство приехал из Рахленскаго царства царь Салтан Салтанович и сын его Лукопер, славный богатырь. Глава у него аки пивной котел, а промеж очми добра мужа пядь, а промеж ушми колена стрела ляжет, а промеж плечми мерная сажень. И нет такова силнаго и славнаго богатыря во всей подселенней. И Арменское царство осадил и писал грамоту королю Зензевею Адаровичю от славнаго богатыря Лукопера, чтоб король Зензевей Адаровичь «дал бы за меня дочь свою прекрасную королевну Дружневну с любви. А буде не даст, и яз его царство огнем пожгу и головнею покачу, а дочь твою с нелюбви возму».

И король Зензевей Адаровичь почел говорить королю Маркобруну: «...У тебя войска 40 000, а у меня соберетца 40 000 же. И сами два короля, а войска у нас по 40 000, да выдем против силнаго богатыря Лукопера». И король Зензевей Адаровичь повеле в рог трубить и собра войска 40 000, а Маркобрунова войска 40.000 же. И два короля з двумя войскома выехали против силнаго богатыря Лукопера. И Лукопер заправил копие на двух королей глухим концем и двух королей сшип, что снопов, и два войска побил. А двух королей, короля Зензевея Адаровича да короля Маркобруна,

связал да на марское пристанище отослал ко отцу своему царю Салтану Салтановичю.

И Бова воста от сна своего, ажно за городом шум велик и конское ржание. И пошел Бова в задние хоромы к прекрасной королевне Дружневне. И вшед в полату и почел Бова спрашивать: «Государыня королевна Дружневна! Что за городом шум велик и конское ржание?» И прекрасная королевна Дружневна почела говорить: «Государь Бова! Долго спит, ничего не ведает, что приехал из Рахленскаго царства царь Салтан Салтановичь и сын его Лукопер, славный богатырь... И батюшка мой собрал войска 40 000, а Маркобрунова войска 40 000 же. И два короля з двумя войскома выехали против силнаго богатыря Лукопера. И Лукопер заправил на двух королей копие хлухим концом и сшип двух королей с коней, что снопов, и два войска побил и двух королей связал и на морское пристанище отослал ко отцу своему царю Салтану Салтановичю». И рече Бова: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! Не на чем мне выехать против силнаго богатыря Лукопера. Нет у меня ни добраго коня богатырскаго, ни доспеха крепкаго, ни меча-кладенца, ни копия востраго, ни збури богатырской». И рече прекрасная королевна Дружневна: «Государь Бова! Ты еще детище младо и не может на добром коне сидеть и во всю конскую пору скакать. И уже мне отцу своему не пособить! А ты, государь Бова, возми меня себе за жены места, а буди нашему царству здержатель и ото всех стран оберегатель». И рече Бова: «Который государь купит холопа добраго, а холоп хочет выслужитца. Да не на чем мне выехать против силнаго богатыря Лукопера: нет у меня ни добраго коня богатырскаго, ни збури ратные».

И рече прекрасная королевна Дружневна: «Есть у государя моего батюшка добрый конь богатырский: стоит на 12 цепях, по колени в землю вкопан, и за 12 дверми. И есть у батюшка моего в казне 30 доспехов старых богатырей и мечь-кладенец». И Бова бысть радощен и пошел на конюшню, и добрый конь богатырский з 12 цепей збился и уже пробивает последние двери. И Дружневна побежала за Бовою на конюшню и почела говорить: «Есть ли во Арменском царстве юноши храбрые витязи? Подите за мною на конюшню!» И доброй конь богатырский охавил Бову передними ногами и почел во уста цаловать аки человек, и Бова почел добраго коня богатырскаго по шерсти гладить и скоро утешил добраго коня богатырскаго. И Дружневна послала в казну по доспех богатырский и по мечь-кладенец: 12 человек на насилках несли. И Бова бысть радощен и хочет садитись на добраго коня богатырскаго и ехать на дело ратное и смертное. И прекрасная королевна Дружневна почела говорить: «Государь

мой Бова! Едеш ты на дело ратное и смертное, либо будет жив, либо нет, а богу ты не помолился и со мною не простился». И Бове то слово полюбилось, и пошел к Дружневне в полату и помолился богу и взял себе Спаса на помощь и пречистую богородицу и з Дружневною простился и пошел на дело ратное и смертное.

И Дружневна Бову проважала. И отпускает на дело ратное и смертное и подпоясывала около Бовы мечь-кладенец своими руками. И Бова садился на добраго коня богатырского, а в стремя ногою не вступаючи. И прекрасная королевна Дружневна ухватила Бовину ногу и ставила в стремя своими руками и примала Бову за буйную главу и целовала его во уста, и во очи, и во уши. И рече прекрасная королевна Дружневна: «Государь мой Бова! Едеш ты на дело ратное и смертное, либо будеш жив, либо нет. И яз тому веры не иму, что ты понамарева роду. Поведай мне истинную правду свою, царского ли ты роду или королевскаго?» И рече Бова прекрасной королевне: «Еду яз на дело ратное и смертное, либо буду жив, либо нет... Скажу яз тебе истинную правду. Не понамарева яз роду, яз роду королевскаго, славнаго короля сын Видона, а матушка моя, прекрасная королева Милитриса, добраго и славнаго короля Кирбита Берзауловича дочь». И Бова досталь Дружневне песку к сердцу присыпал.

И был у того короля Зензевея Адаровича дворецкой. И почал говорить, а государыню свою бесчестить: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! Не доведетца тебе около холопа своего своими руками мечь-кладенец опоясывать, и не доведетца тебе холопыи ноги в стремя ставить своими руками, и не доведетца тебе за холопью главу принимать и целовать холопа своего во уста, и во очи, и во уши и провожать и отпускать на дело ратное и смертное». И Бова ударил дворецкого копием, глухим концом, и дворецкой над на землю мертв и лежал три часа, одва востал.

И Бова поехал на дело ратное и смертное. И скочил Бова впрям через городовую стену, и увидел славный богатырь Лукопер, что выскочил из Орменскова царства храбрый витезь через городовую стену, и стали на поле съезжатца два сильные богатыря. И Лукопер на Бову заправил копие вострым концом, и Бова на Лукопера вострым же концом. И ударились два сильные богатыря промеж собою вострыми копьями, что сильный гром грянул прет тучаю. И Лукопер на Бове не мог доспеха пробить, а Бова на Лукопере доспех пробил на обе стороны, и Лукопер свалился с коня мертв. И Бова почел Лукоперова войска бить и бился Бова 5 дней и 5 ночей, не столько бил копием – конем топтал и побил войска 100 00 0 и невелике люди ушли на морское пристанище ко царю Салтану Салтановичю. И почели говорить: «Государь царь Салтан Салтановичь!

Выехал из Орменского царства храбрый витез..., ужо будет на морское пристанище». И царь Салтан Салтановичь не поспел царских шатров посымать и скочил на корабль с невеликими людьми и побежал во Рахленское царство.

И Бова приехал на морское пристанище и скочил в шатер, ажно два короля связаны под лавкою лежат, король Зензевей Адаровичь да король Маркобрун. И Бова двух королей розвезал и на коней посадил... И ехали во Арменское царство 3 дни и 3 ноци в трупy человеческого, одва добрый конь скачет в крови по колени.

И рече Бова государю своему Зензевею Адаровичю да королю Маркобруну: «Которы государь добраго холопа купит, а тот холоп государю своему выслужитца». И король Маркобрун почел говорить королю Зензевею Адаровичю: «Слыхал аз у старых людей: которой государь добраго холопа купит, а холоп государю своему выслужитца, и того холопа наделяют да отпускают». И король Зензевей Адаровичь почел говорить: «Яз де слыхал у старых же людей, что такова холопа годно наделять да к себе призывать». И приехали два короля во Арменское царство и пошли в королевские палаты и почели пити и ясти и веселитися. И Бова пошел на конюшню и лег спать и спал 9 дней и 9 ноцей.

И в тоя поры два короля, король Зензевей Адаровичь да король Маркобрун выехали с ястрепцы на заводи тешитца. И в тоя поры дворецкой призвал к себе 30 юношей, храбрых витезей, и почел говорить: «Подите, юноши, и убейте Бову на конюшне соннаго, а яз вам дам много злата и сребра». И всякому корысти хочетца. И кинулись 30 юношей к Бове на конюшню, а Бова крепко спит. И в тех 30 юношех был един разумной. И почел говорить: «А токо мы не можем Бовы соннаго убить. А Бова пробудитца, что нам будет? Бова – храбрый витез, убил Бова силнаго и славнаго богатыря Лукопера и 100 000 войска побил. Пойдем мы к дворецкому! А дворецкой таков же, что и наш государь Зензевей Адаровичь, и напишет дворецкой грамоту королевским именем и пошлет Бову во Рахленское царство, а Бова от сна своего не узнает». И дворецкому то слово полюбилось. И пошел дворецкой в королевскую полату и грамоту написал от короля Зензевея царю Салтану Салтановичу, чтоб царь Салтан Салтановичь «на меня не кручинился, не яз убил Лукопера, сына твоего и 100 000 войска побил. Имя ему Бова, а яз его послал к тебе головою на смерть». И дворецкой грамоту написал и запечатал, а сам лег на каролевскую кровать и одевался каролевским одеялом и послал по Бову на конюшню. И Бова пришел в каролевскую полату и не узнал Бова дворецкого. И почел говорить каролевским именем: «Бова, служи ты мне

верою и правдою. Поди ты во Рахленское царство, отнеси от меня челобитье царю Салтану Салтановичю». И Бова грамоту принел и челом ударил и пошел на конюшню. И не оседлал добра коня богатырского, оседлал Бова иноходца и поехал во Рахленское царство.

И едет Бова 9 дней и 9 ночей и не может Бова наехать ни реки, ни ручья, а пити Бове добре хочетца. И увиде Бова: от дороги с версту стоит дуб, а под дубом стоит черноризец. И поехал Бова... И рече пилигрим: «Государь мой, храбрый витез Бова королевичь! Яз пью укруха, а тебе, государь, дам тож укруги». И старец почерпнул чашу укруги и уклонился, всыпал усыпаящего селья и дал Бове. И Бова выпил, и уклонился Бова с коня на землю и спал 9 днней и 9 ночей. А старец пилигрим унес у Бовы мечь-кладенец и увел добраго коня... И Бова востал от сна, ажно нет у него ни добраго коня-иноходца, ни меча-кладенца. И Бова прослезися: «Милостивый Спас и пречистая богородица! Уже ми изобидел старец..., а государь меня послал на смерть». И пошел Бова, куды очи несут. И Бове господь путь правит.

И пришел Бова во Рахленское царство и вшед в царские полаты и грамоту положил на стол. И царь Салтан Салтановичь грамоту принял и распечатал и прочитал. И закричал царь Салтан Салтановичь: «О злодей Бова..., ныне ты сам ко мне на смерть пришол, могу тебя повесить!» И закричал царь Салтан Салтановичь: «Есть ли у меня юноши, храбрый витези? Возмите Бову и поведите на повешенье». И скоро рели поставили, котлы приготовили, и востали 60 юношей, взяли Бову 30 юношей под правую руку, а другая 30 юношей под левую руку и повели Бову на повешенье. И увидел Бова рели и прослезися Бова: «Милостивый Спас и пречистая богородица! Что моя вина, что моя неправда, за что яз погибаю?» И взложи бог Бове на разум, что Бова сильный богатырь. И трехнул Бова правую рукою и 30 юношей ушиб, и трехнул Бова левою рукою и другую 30 юношей убил. И побежал Бова от Рахленскаго царства.

И увидел царь Салтан Салтановичь и повеле в рог трубить и собрал двора своего 5 тысячь и погнася за Бовою. И сугнали и поймали и привезли ко царю Салтану Салтановичю. И царь Салтан Салтановичь почел говорить, аки в трубу трубить: «Уже ты, злодей Бова, хочеш у смерти уйти. Могу тебя повесить!»

И была у того царя Салтана дочь прекрасная королевна Минчитрия. И надела на себя драгоценная платья и пошла ко отцу своему в полату и почела говорить: «Государь мой батюшка, царь Салтан Салтановичь! Уже тебе сына своего, а брата моего не поднять и 100 000 войска не поднять же, а такова сильнаго богатыря изведет. А ты, государь батюшка, дай его мне

на руки, и яз его превращу в свою веру латынскую и в нашего бога Ахмета, а меня он возмет за жены места и будет нашему царству здержатель и ото всех стран оберегатель». И у царя Салтана дочь прекрасная царевна Минчитрия была в любви. И царь Салтан говорит: «Чадое мое милое, прекрасная царевна Минчитрия, буди на твоей воли».

И царевна Минчитрия челом ударила отцу своему... и пошла во свои хоромы и дала Бове много пити и ясти розличных еств и почела говорить: «Бова, забуд свою веру православную христианскую... и возми меня за жены места... А не станет нашей латынской веры веровать и не возмеш меня себе за жены места, и батюшка мой может тебя повесить или на кол посадит». И рече Бова: «Хоть мне повешену быть или на коле посажену быть, а не верую аз ваша латынские веры и не могу яз забыть своя истинныя». И царевна Минчитрия велела Бову посадить в темницу накрепко и цкою железную задернуть и песком засыпать и не дала Бове пити, ни ясти 5 дней и 5 ночей. И Бове пити и ясти добре хочетца.

И прекрасная царевна Минчитрия надела на себя драгоценное платья и пошла к Бове в темницу и велела песку отгрести и цку железную открыть. И вошла к Бове в темницу и не могла на Бовину красоту насмотритца 3 часа... «Бова! «Лутчи ли тебе умереть голодную смертью или повешену быть или на коле посажену быть? Веруй нашу латынскую веру... и возми меня себе за жены места». – «Уже мне и так голодная смерть приближаетца. А хош мне повешену быть или на коле посажену быть, а не верую яз ваша латынские веры и не могу забыть православныя христианские веры».

И царевна Минчитрия не дала Бове ни пити, ни ясти и пошла ко отцу своему в полату и почела говорить: «Государь мой батюшка, царь Салтан Салтановичь! Не могла яз Бовы прелстить. Хош его повесь, хош на кол посади». И царь Салтан Салтановичь почел говорить: «Ест ли у меня 30 юношей? Подите в темницу и возмите Бову и приведите ево ко мне, яз могу Бову повесить». И стали 30 юношей и пошли к Бове в темницу и не могли песку отгрести и цки железные открыть и почели кровлю ломать. И закручинился Бова: «Нет де у меня меча-кладенца, нечем де мне попротивитца против 30 юношей», и увиде Бова в углу в темнице меч-кладенец и взя Бова меч-кладенец, бысть Бова радощен. И юноши почели к Бове в темницу спущатца человека по два и по три и по пяти и по шти. И Бова сечет да лесницу кладет. И 30 юношей всех присек да и за лесницу склал. И царь Салтан на тех юношей возлился: «Зашли де блядины дети да з Бовою беседуют». И послал других 30 юношей и велел тотчас Бову привести. И пришли 30 юношей и стали к Бове в темницу спущатца. А

Бова сечет да лесницу кладет. И вышел Бова из темницы да и побежал из Рахленскова царства. И царь Салтан Салтановичь повеле в рог трубить и собра войска 30 000 да погнася за Бовою.

И Бова прибежал на морское пристанище и увиде Бова корабль и скочил на карабль, от берегу отвалил. И закричал царь Салтан Салтанович зычно гласом: «Гости-корабелщики, здайте с коробля моего изменника, которой у меня ис темницы ушол, а имя ему Бова. И буде вы не здадите моего изменника, и впред мимо моего царства кораблем не хаживать и в моем царстве не торговать». И мужики-корабелщики хотят Бову с коробля здать. И Бова вынял ис-под пазушы мечь-кладенец и мужиков присек да и в море пометал. И ерыжные на коробле ухоронились и почели говорить: «Государь храбрый витез, не моги ты нас погубить, а мы тебе, государь, побежим куды тебе надобе».

И ярыжные подымали парусы и бежали по морю год и три месеца и подбежали под Задонское царство и увидели три терема златоверхия и отнесло их погодою от пути верст за 100. И Бова велел парусы отпустить и якори в воду пометать. И почел Бова по короблю ходить и на вся стороны смотрит. И увиде на край берегу моря рыболовы. И закричал Бова зычно гласом: «Пожалуй, рыболов, не ослушайся, подедь на корабль!» И рыболов не ослушался, приехал, и Бова почел рыболова спрашивать: «Пожалуй, рыболов, скажи мне: царство ли, или орда, царь ли живет или король?» И рече рыболов: «Государь гость-корабелщик! Стоит то наше царство Задонское, а живет государь наш король Маркобрун». И Бове пошло на разум и рече Бова: «Не тот ли король Маркобрун, что сватался во Арменском царстве у короля Зензевея Адаровича на прекрасной королевне Дружневне?» И рече рыболов: «Государь гость-корабелщик, тот. А ныне королева Дружневна у нашего государя короля Маркобруна умолила на год, а все проведывает про храбраго витезя про Бову королевича. У нашего государя Маркобруна радость будет, свадьба, женитца на прекрасной королевне Дружневне». И рыболов Бове песку к сердцу присыпал. И Бова рече рыболову: «Пожалуй, рыболов, продай рыбы ярыжным». И рыболов кинул пять осетров на корабль: «Во се, государь, тебе рыбы и бес продажи». И Бова взял злата и сребра и покрывал камками и бархаты, да и бросил рыболову в подездок. И рыболов почел говорить Бове: «Государь гость-корабелщик, дал ты мне много живота,⁸⁸⁸ ни пропить, ни проесть ни детем моим, ни внучетом». И Бова рече: «Пожалуй, рыболов, свези меня на берег». И рыболов не ослушался, взял Бову в подездок и привес на берег. И Бова почал ярыжным наказывать: «Ярыжные, вот вам весь карабль и з животом. Делите пополам, а не бранитесь и не деритесь».

И пошел Бова к Задонскому царству и шел Бова 5 дней и 5 ночей и нашел старца пилигрима, которой ево ограбил и взял у него мечь-кладенец и доброго коня-иноходца. И Бова почел пилигрима бить. И пилигрим почел молитца: «Не убей меня, храбрый витез Бова королевичь! Яз тебе отдам доброго коня-иноходца и мечь-кладенец и дам тебе трое зелье: усыпаяющее да зелье белое, а третье черное». И взял Бова трое зелье да мечь-кладенец да и пошел.

Идет Бова 6 дней к Задонскому царству. И увидел Бова старца – на улице щепы гребет. И рече Бова старцу: «Дай мне с себя черное платье, а возми мое цветное». И старец почел говорить: «Государь храбрый витез, не пригодитца мое тебе платье, а твое цветное мне: милостины не дадут». И Бова старца ударил о землю и снял с старца черное платье, а свое цветное платье покинул. И надел на себя Бова черное платье и пошел на королевской двор и пришел на поварню, а повары ествы ворят.

И пришел Бова и почел есть прошать: «Государи королевские повары, напоите-накормите прохожева старца для Спаса и пречистые богородицы и для ради храбраго витезя Бовы королевича». И повары закричали: «О злодей старец, что ты про Бову милостины прошаеш? У нашего государя про Бову заповедано: хто про Бову помянет, того казнить смертью бес королевскаго ведома». И кинулся повар, выхватил ис-под котла головню и ударил старца, и старец на месте не тряхнулся и ухватил ту же головню, и ударил старец повара и ушиб до смерти. И побежали повары к дворецкому: «Дворецкой, поди на поварню. Пришел старец на поварню да лутчева повара ушиб до смерти». И дворецкой пришел на поварню... И рече Бова: «Государь дворецкой, не вели меня, старца, убить, яз старец прохожей и заповеди вашей не слыхал». И дворецкой рече: «Поди, старец, на задней двор, тамо королевна Дружневна нищих златом делить. Завтра у нашего государя радость будет: женитца наш государь король Маркобрун на прекрасной королевне Дружневне».

И старец пошел на задней двор, ажно на заднем дворе нищих великое множество. И старец пошел промеж нищих теснитца, и нищие старцу пути не дадут и почели старца клюками бить. И старец почел на обе стороны нищих толкать, и за старцом много мертвых лежат. И нищие почели старца пускать. И старец дошел до прекрасной королевны Дружневны, и закричал старец зычно гласом: «Государыни прекрасная королевна Дружневна! Дай мне, старцу, милостину для Спаса и пречистые богородицы и для храбраго витезя Бовы королевича». У Дружневны миса из рук з златом вывалилась. И добрый конь богатырский услышал всадника своего храбраго витезя Бову королевича и почел на конюшне

ржать... И королевна Дружневна почела говорить: «Подите, нянки, да раздуйте злато нищим». А сама взяла старца и пошла в задние хоромы и почела спрашивать: «Старец, что ты про Бову милостины прошаеш? Где ты слыхал про государя моего храброго витезя Бову королевича?» И рече старец: «Государыни королевна! Яз з Бовою в одной темнице сидел во Рахленском царстве, да мы з Бовою одною дорогою шли. Бова пошел налево, а яз пошел направо». И рече старец: «Государыня королевна Дружневна! А как Бова ныне придет, что ты над ним учиниш?» И прекрасная королевна Дружневна прослезися...: «Кабы яз проведя государя Бову на тридесятом царстве на тридесятой земле, и яз бы и там к нему упала!»

И в тоя поры пришел король Маркобрун к прекрасной королевне Дружневне, ажно старец сидит, а Дружневна перед старцом стоит. А король Маркобрун почел говорить: «Что ты, Дружневна, пред старцом стоиш, а слезы у тебя по лицу каплют?» И королевна Дружневна почела говорить: «Государь мой король Маркобрун, как мне не плакать? Пришел тот старец из нашего из Орменскаго царства и сказывает: батюшка и матушка моя умерли, и яз по них плачу». И король Маркобрун почел говорить: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! Уже тебе отцу своему и матери своей не пособить. А тужиш, лишю живот свой надсажаеш. Пуци всего, что добрый конь богатырский збился з 12 цепей, уже последние двери пробивает. А как последние двери пробьет, и в городе много мертвых будет». И рече старец: «Государь король Маркобрун! Яз утешу добраго коня, что станет трех лет младенец ездить». И король Маркобрун рече старцу то: «Коль ты, старец, утетиш добраго коня, яз тебя пожалую, дам тебе много злата». И старец пошел на конюшню, и Дружневна пошла за старцом. И добрый конь богатырский услышал всадника своего и последние двери пробил и стал на задние ноги, а передними ногами охипил, почел во уста целовать аки человек. И увидел король Маркобрун, пошел в полату и заперса: «Уже коли добрый конь последние двери пробил и старца смял, то много в городе мертвых людей будет».

И прекрасная королевна Дружневна почела говорить: «Что ты, старец, скоро утетиш?» И старец рече: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! И сам яз тому дивлюся., что добрый конь меня скоро узнал, а ты меня долго не узнаеш. А яз истинный сам Бова королевичь». И Дружневна рече старцу: «Что ты, старец, меня смущает! Государь был Бова велми лепообразен, от Бовины бы красоты во всю конюшню осветила». И старец вынял из подпазушья мечь-кладенец, и Дружневна

мечь к сердцу прижала: «Истинной мечь государя моего Бовы королевича! А ты, старец, черн и дурен, а шел ты з Бовою одною дорогою, и ты у него мечь украл. А кабы тот мечь был у государя моего Бовы королевича, умел бы он тем мечем владать. А се была у государя моего у Бовы на главе рана, а в рану палец ляжат. Когда он служил во Арменском царстве у государя моего батюшка у короля Зензевея Айдаровича, и пошел Бова ис полаты и ударил дверми, и свалился кирпич сверху и разшиб у Бовы голову. И яз лечила Бову своими руками и яз знаю Бовину рану». И старец снял з главы клабук и показал рану. И Дружневна рану осмотрила и поцеловала: «Истинная рана государя моего Бовы, а ты, старец, дурен и черн». И рече старец: «Истинный яз сам Бова. А ты, Дружневна, вели воды принести, и яз умоюсь белаго зелья». И Дружневна побежала сама по воду и принесла воды в сребряном рукомойце. И Бова умылся белаго зелья и осветил Бова во всю конюшню. И Дружневна пад в ноги Бове и почела говорить: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичь! Не покинь меня, побежим с тобою от короля Маркобруна». И рече Бова: «И ты, Дружневна, поди х королю Маркобруну и дай ему пить и всыпь в кубак усыпающего зелья, и он спит 9 дней и 9 ночей, а мы в тоя поры убежим». И Бова дал усыпающего зелья и Дружневна зелья взяла да и за рукав завернула и пошла в свои хоромы и надела на себя драгоценная платья и почела говарить: «Государь мой король Маркобрун! Завтра у нас с тобою радость будет: тебе, государь, меня за себя понять. А ты, государь, со мною изопьем по кубку меду, чтобы мне не тужить по батюшке и по матушке». И у короля Маркобруна Дружневна была в любви. И скоро велел принести крепкаго меду... и Дружневна, уклонясь, всыпала из рукава усыпающего зелья и поднесла королю Маркобруну. И у короля Дружневна была в любви и велел ей наперед пить. И Дружневна почела перед ним уничижатца: «Государь мой король Маркобрун! Не доведетца мне, девке страднице, преж тебя пити. Выпей, государь, тот кубак ты, а яз по другой пошлю». И король Маркобрун выпил кубак меду и уклонился спать. И королевна Дружневна побежала к Бове на конюшню и почела говорить: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичь! Уже король Маркобрун крепко спит».

И Бова оседлал под себя добраго коня богатырскаго, а под Дружневноу иноходца. И Дружневна взяла ис казны 2 шатра езжалые. И Бова шатры в торока, и сажился Бова на добра коня, а Дружневна на иноходца, и поехали из Задонского царства. И ехал Бова з Дружневною 9 дней и 9 ночей и стал Бова в поле и роставил белые шатры и добры кони стреножил. И пошел з Дружневною в шатер и бо з Дружневною совокупился. И король

Маркобрун воста от сна своего, ажно нет у него прекрасные королевны Дружневны, ни добраго коня богатырскаго. И почел король Маркобрун говорить: «Не старец злодей был, был истинный сам Бова королевичь. Увел у меня, злодей, прекрасную королевну Дружневну и добраго коня богатырскаго». И повеле в рог трубити и собра войска 30 000 и послал за Бовою и за Дружневную.

И Бова вышел из шатра холодитца. ...И как услышал Бова конскую потоп и людцкую молву, и пошел в шатер и почел говорить: «Государыни прекрасная королева Дружневна! Есть за нами люди небольшие; быть погоне от короля Маркобруна». И прекрасная королева Дружневна почела говорить: «Государь мой ласковый, храбрый витез Бова королевичь! А тако нас поймают, уже нам от короля Маркобруна живым не быть». И Бова рече: «Государыня прекрасная королева Дружневна! Молися богу, бог с нами».

И взял Бова мечь-кладенец и сел на добраго коня и без седла и поехал против погони и побил погоню 30 000, только оставил 3 человека, наказав, да и отпустил х королю Маркобруну: «Что король Маркобрун за мною посылает, толко войска теряет! А знает он, что яз силны богатырь храбры витез Бова королевичь? Убил яз силнаго богатыря Лукопера и 9000 войска побил». И пришли 3 человека х королю Маркобруну и почели говорить: «Государь король Маркобрун! Бова все войско побил, а нас трех отпустил и не велел за собою гонятца: что он посылает за мною, только войска теряет!»

И король Маркобрун повеле в рог трубить и собра войска 40 000 и посылает за Бовою и за Дружневною. И те юноши почели говорить: «Государь наш король Маркобрун! Что нам за Бовою ити? А Бовы нам не взять, только нам головами своими наложить. Есть, государь, у тебя сильный богатырь, а имя ему Полкан, по пояс песьи ноги, а от пояса что и прочий человек, а скачет он по 7 верст. Тот может Бову сугнати и поймать, а сидит он у тебя в темнице за 30 замками и 30 мостами». И король Маркобрун велел Полкана ис темницы выпустить и послал за Бовою. И Полкан почел скакать по семи верст.

И Бова вышел из шатра, и услышал Бова, что Полкан богатырь скачет. И Бова взял мечь и сел на добраго коня и без седла и поехал против силнаго богатыря Полкана. И как съезжаютца два сильные богатыря, и Бова махнул Полкана мечем, и у Бовы мечь из рук вырвался и ушел до половины в землю. И Полкан Бову ударил палицею, и Бова свалился с коня на землю мертв. И Полкан скочи на Бовина коня, и добрый конь Бовин увидел Полкана и закусил муштук и почел носить по лесам и по заразам и

по кустам и ободрал по пояс ноги и мясо до костей. И Бова лежал мертв три часа и встал, что ни в чем не бывал, и пришел к Дружневне в шатер и лег на кровать. И добрый конь уносил Полкана и примчал к шатру, и Полкан свалился на землю. И Дружневна из шатра вышла и почела говорить: «Брате Полкане, помирися з Бовою, ин вам не будет супротивника на сем свете». И рече Полкан: «Яз бы рад з Бовою помирица, лиш бы Бова помирился». И Дружневна, пришед в шетер, и почела говорить: «Государь храбрый витез Бова королевичь! Помирися ты с Полканом, ино вам не будет на сем свету супротивника». И рече Бова: «Яз рад с Полканом помиритца, а не помиритца Полкан, и яз его убью». И Бова с Полканом помирился. Полкан Бову примал за белые руки и целовал во уста и называл его болшим братом.

И сел Бова на добраго коня, а Дружневна на иноходца, а Полкан за ними почел скакать. И приехали во град Костел, а во граде нет ни царя, ни короля, толко мужик посацкой, а имя ему Орел. И Бова королевичь да Полкан ставились на подворье, и Бова лег с Дружневною спать. А в тоя поры пришел король Маркобрун под град Костел, а войска с ним 50 000, и Костел град осадил и почел грамоты к мужику посацкому писать и прешать з города Бову с Полканом: «А будет вы не здадите з города моих изменников, и яз ваш град Костел огнем пожгу и головнею покалю!» И мужик посацкой велел мужиком собратца в земскую избу... и мужикам грамоту прочел и почел говорить мужикам: «Пойдем мы против короля Маркобруна! И яз сам пойду и двух сынов с собою возму». И мужики собрались да и выехали против короля Маркобруна. И король Маркобрун мужика посадника и з детми полонил... А дву сыновей взял в закладе, а велел здать з города Вову да Полкана да прекрасную королеву Дружневну.

И мужик пришел в город и почел говорить: «Здать ли нам з города выезжих людей или не здавать?» И выступала Орлова жена и почела говорить: «Выезжих людей з города не здавать, а уже детям своим нам не пособить». И мужик Орел почел говорить: «У всякие жены волосы долги, да ум короток». И присоветовали мужики, что Бову з города здать. И пошел Полкан к Бове: «Брате Бова, долго спиш, ничего не ведаеш: хотят нас мужики з города здать». И рече Вова: «Злодеи-мужики, что они про думу не гораздо удумали! Не гораздо и им будет!» И скочил Вова скоро с кровати и опахнул на себя шубу одевальную. И взял под пазуху мечь-кладенец и пошел в земскую избу и почел мужиков рубить от дверей и до куту.⁸⁸⁹ Мужиков порубил да и вон пометал, а Орлова жена побежала с коника⁸⁹⁰ к печи и почела говорить: «Государь храбры витез, не моги меня, горние вдовы, погубить!» И рече Бова: «Матушка государыня, не

бойся. Дай мне да утра сроку, я и детей твоих отполоню». И выехал Бова да Полкан против короля Маркобруна, и Бова ехал с правые руки, а Полкан заскочил с левые руки. И почели Маркобрунова войска бить, аки животину отгнали и Орловых детей отполонили.

И король Маркобрун ушел в Задонское царство с невеликими людьми и положил на себя клятву, что «не гонятца за Бовою ни детем моим, ни внучетом, ни правнучатам». И Бова пришел в город Костел и, пришед, к Орлове жене: «Во, се, государыни-матушка, дети твои». И почел у мужиков крест целовать и учередил Орловых детей да и поехал з города Костела и с прекрасною королевою Дружневною, а Полкан за ними пеш поскакал.

И едучи Дружневна почела говорить: «Государь мой храбры витез Бова каралевичь! Уже приходит мне время, как добры жены детей рождают». И Бова стал на стан и шатры роставил и рече Бова Полкану: «Брате Полкане, стань подале: Дружневна у меня недомогает». И Полкан отшел подале да стал под дуб. И Дружневна родила два сына, и Бова нарек имя им: одному имя Симбалда, а другому Личарда. И Полкан востал от сна своего и услышал конскую потопь и люцкую молву, и пришел Полкан к Бовину шатру, и рече Полкан: «Брате Бова! Идет рат великая, невесть идет царь, невесть король. Сам ли ты идеш проведать или меня пошлеш?» И рече Бова: «Поди ты, а мне ныне не доволно: Дружневна народи два сына – Симбалду, а другова Личарду». И Полкан поскакал, и много людей он похватал и в пленицу перевезал да и к Бове привел.

И Бова почел языков спрашивать: «Сказывайте вы, добрые люди, не испорчены, коева царства рат идет? Царь ли идет или король?» И языки почели рассказывать: «Государь храбрый витез! Идут то, государь, воеводы от нашего государя короля Додона во Армеское царьства. Сказывают, что бутто во Арменском царьстве у короля Зензевея Адоровича служит Бова королевич. И король Додон велел его, Бову, взят да к себе приведет во царство». И у Бовы разгорелось богатырское сердце, и не мог Бова утерпети и предаде им смерти. И оседлал себе доброго коня своего богатырского и взял с собою меч-кладенец, и почел Бова брату своему Полкану наказывать: «Брате мой Полкане! Не покинь ты Дружневны моей и двух детей моих. А яз поеду во Арменское царьства на дело ратное, а сам ты, брате; не ходи блиско к лесу». И простился Бова с Полканом, да и з Дружневную и з детми своими, и поехал Бова на ратное дело.

А Полкан после его отшел к лесу спат, и в ту ж пору лвы к Полкану сонному, и богатыря того Полкана съели всего, только оставили одни плесны ножные. И после того вышла Дружневна из шетра своего и

посмотрела под дубом: и где Полкан спал, ажно Полкана лвы съели, толко лежат плесны одни ножные. И Дружневна велми по нем потужила, по Полкане, и взяла детей своих и посадила за пазуху и сяде на инахотца и поехала, куды ее очи несут.

И приехала Дружневна под Арменское царства и взяла с собою только плет едину в торока и пустила доброго своего коня инахотца в чистое поле и рече ему: «Поди ты, мой добрый конь, ищи себе государя ласковова». И пришед Дружневна к реке и умылась чернаго зелья и стала черна, что уголь. И пришед Дружневна в Рохленское царство и стала у вдовы на подворье. А в Рохленском царстве царевна Миличитрия. И Дружневна почела на добрых жен сорочки шить, тем свою голову кормила и детей своих.

И Бова королевичь силу побил и приехал к шатру, ажно нет в шатре ни королевы Дружневны, ни детей его. И Бова посмотрел под дуб, ажно Полкана лвы свели, толко лежат плесны ножны. И Бова растужися: «Уже коли такова сильнаго богатыря лвы съели, то и Дружневу и детей моих». И похоронил Бова Полкановы плесны и сам расплакася горко: «Милостивый Спас и пречистая богородица! Дали вы мне ладо поноровное и не дали вы мне с нею пожить от младости и до старости». И пошел Бова на заводи тешитца и настрелял гусей и лебедей, и наварил Бова ествы, да наелся и напился. Да и поехал Бова во Арменское царство, чтобы ему дворецкого убить, которой дворецкой послал ево на смерть.

И приедет Бова во Арменское царство в воскресной день, а король Зензевей Адаровичь стоит у церковнаго пения. И пошел король Зензевей от пения, и Бова королю Зензевею Адаровичу челом ударил. И король Зензевей почел спрашивать: «Имя твое как и коего града и куды идеш?» И рече Бова: «Имя ми Август, ищу себе государя ласкаваго, чтобы меня приголубил». И рече король: «Мне такие люди надобно. Пожалуй, Август, служи ты мне». И Август, челом ударя, и пошел на королевской двор и дворецкаго убил.

И приехали послы из Рахленскаго царства. И Август подвернулся к послам и почел спрашивать: «Коего царства послы и почто приехали?» И почели говорить: «Мы, государь, пришли из Рахленскова царства проведать про храбраго витезя Бову каралевича: послала нас царевна Миличитрия, а хочет она за Бову замуж итить». И Август рече: «Подте вы, послы, в Рохленское царство, а Бова будет у вас».

И поехал Бова в Рохленское царство. И приехал Бова в Рохленское царство и взехал Бова на каралевской двор безопсылачно.⁸⁹¹ И встречает Бову прекрасная царевна Минчитрия, и повела Бову в королевские полаты,

и почели пити и ясти и веселитися. И царевна Минчитрия почела говорить: «Государь храбрый витезь Бова королевичь! Крести ты, государь, меня да возми себе за жены места, и буди нашему царству здержатель и ото всех стран оберегатель». И Бова Минчитрию крестил, да и положили промеж собою на слове да воскреснаго дни.

И у Дружневны дети уже на разуме. Симбалда играет в гусли, а Личарда в домъру. И Дружневна почела посылать детей своих на королевской двор: «Подъте, детушки, на королевской двор, и вас возмут в королевскую полату, и вы играйте наигрыши добрые и тонцы водите хорошие, да во всякой песни пойте храбраго витезя Бову королевича». И Бовины дети пошли на королевской двор и в королевские полаты и почели наигрыши играть и тонцы водить, а во всякой песни поют храбраго витезя Бову королевича. И Бова рече: «Что вы поете во всякой песне Бову королевича? А яз много хожу, а Бовы в песнях не слышал». И Бовины дети почели говорить: «Поем мы в песнях государя своего батюшка Бову королевича, а велела нам государыня наша матушка прекрасная королева Дружневна». И Бова велел их напоить и накормить и дал им злата и сребра много, одва мочно донести, а сам пошел за ними назором. И пришли Бовины дети на двор, и мати их встречает: «Подте, детушки!», и примает за белые руки и целует их во уста. Увиде Бова, что встречает баба дурна и черна, плюнул Бова да и прочь пошел: «Блядины де дети сказали у себя мати Дружневна, ана баба дурна и черна, что уголь».

И как ноч приходит, а день настает, и Дружневна посылает детей своих на королевской двор. И Бовины дети пришли в королевские полаты и почели игрища играть добрые, а тонцы водить хорошие, и во всякой песни поют Бову королевича. И Бова велел их напоить и накормить и дал им много злата и сребра и того болши и пошел за ними назором. И королева Дружневна умылась белаго зелья и вышла встречать детей своих. И Бова увидел Дружневну и скочил на двор. И хватает Дружневну за белые руки и целует в сахарные уста. И Дружневна пала ему в ноги: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичь! Не покинь меня и детей своих!» И Бова взял Дружневну и детей своих и пошел на конюшню и выбрал добрые кони-иноходцы под Дружневну и под детей своих. И царевна Минчитрия палась Бове в ноги и почела говорить: «Государь храбрый витезь Бова королевичь! Коли ты, государь, меня за себя не взял, и яз буду твоя закладчица».⁸⁹² И рече Бова: «А коли ты за меня заложилась, и тебя не избидит ни царь, ни король, слышичи мою грозу, храбраго витезя Бовы королевича». И поехал Бова с Дружневною и з детми своими во град Сумин к дятьке Симбалде.

И дятка Симбалда встречал приезжаго человека Августа и двор ему отвел. И назавтрее дятка Симбалда на приезжаго человека Августа пир рядил. И пришел Август на пир, и дядка Симбалда велел ему места дать. И как пошел пир навесело, и Август почел говорить: «Государь дятка Симбалда! Кто близ тебя живет и нет ли какой обиды?» И говорил дятка Симбалда: «Есть, государь! Близ меня живет злодей король Додон. Убил он, злодей, царя моего, добраго и славнаго короля Видона и по вся годы животину от града отгоняет, а яз против его стоять не могу». И Август рече: «Яз могу ту обиду отмстить. Собери войска, колко мочно».

И Симбалда повеле в рог трубить и собра войска 15 000. И Август поехал воеводою и взял с собою дядкина сына именем Дмитрея. И пришел под град под Антон и животину отгнал и посады обжег. И где лежит король Видон, а над могилою стоит столп, и Август ходил по три дни на могилу прощатца, а сам горко плакася. И увидел король Додон, что пришли под град невелики люди и животину отгнали и посады обожгли. И повеле в рог трубити и собра войска 40 000 и вышел против Августа. И Август аки животину отгнал от града и ударил копием короля Дадона и дал ему сердечную рану. И поехал Август во град Сумин, и дятка Симбалда повеле на радостех звонить и молебны служить и взял Августа к себе. И дядкин сын Дмитрей почел отцу своему сказывать, что Август ходил на могилу по три дни прощатца, а сам горько плакася: «Не государь ли наш храбрый витез Бова королевичь?» И дятка Симбалда почел говорить: «Государь наш был Бова королевичь велми лепообразен, и от Бовины красоты не мочно на месте сидеть». И Бова услышал те речи и вышел на крыльцо и умылся белаго зелья и вшел в полату. И осветил всю полату Бова своею красотою. И дядка Симбалда пад в ноги: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичь! Моги отмстить смерть отца своего!»

И приехал посол из града из Антона во град Сумин лекаря спрашивать. И Бова умылся чернаго зелья и назвалса лекарям: «Яз де могу вашего короля Додона излечить от раны сердечныя». И взял Бова с собою дядкина сына Дмитрея да и пошел во град во Антон лечить Додона. И посол пришел и обвестил королю Додону: «Государь король Додон, яз тебе лекаря привез из Сумина града». И король Додон велел итти лекарю в полату, ажно много князей и бояр. И лекарь почел говорить: «Государь король Додон! То дело упорливо; чтоб не было никого в полате!» И король Додон выслал ис полаты всех, и Бова полату запер и приставил у крюка дядкина сына. И вымал Бова ис-под пазушья мечь-кладенец и почел говорить королю Дадону: «За то б яз тебе головы не отсек, что ты государя моего батюшка, добраго и славнаго короля Видона извел. И яз за то тебе

отсеку голову, что ты послушал женского разума».

И отсек Бова голову королю Дадону и положил на блюдо да ширинкою покрыл. И пошел Бова в задние хоромы к прекрасной королевне Милитрисе и почел говорить: «Во, ся, государыня дары от короля Додона. Яз излечил твоего короля Додона от раны сердечные». И королевна Милитриса дары приняла и открыла, ажно голова Дадонова лежит на блюде. И сама закрылася: «О злодеи лекарь, что ты? Ужже яз тебя скоро велю злою смертию казнить!» И рече Бова: «Стой, не торопись, государыни матушка моя!» Прекрасная королевна Милитриса почела говорить: «О злодей лекарь! Бова королевич был велми лепообразен, от Бовиной красоты всю полату осветила, а ты, лекарь, черн и дурен, что уголь». И Бова вышел на крыльцо и умылся белого зелья и пришел в полату и освятил всю полату Бовиною красотою. И прекрасная королевна Милитриса пала Бове в ноги. И Бова почел говорить: «Государыня матушка, не унижайся предо мною!» И велел Бова гроб зделать, мать свою – живу во гроб, и одевал гроб камками и бархаты. Погреб Бова мать свою живу в землю и по ней сорокоусты роздал. И пошел Бова в темницу, где преж сего сам сидел, ажно девка та сидит в Бовине место. И Бова темницу розламал, а девку выпустил, ажно у девки власы до пят отросли. И девка рече: «Государь мой храбрый витез Бова королевичь! Яз сежу в темницы с токовы поры, как тебя, государя, из темницы выпустила». И Бова рече девке: «Государыня девица, потерпела бедности, и ты ныне возрадуйся». И выбрал князя и отдал девку за князя замуж. И пошел Бова в Рахленское царство и женил дядкина сына Дмитрея на прекрасной царевне Минчитрие.

И пошед Бова на старину,⁸⁹³ и почел Бова жить на старине з Дружневною и з детми своими, лиха избывать, а добра наживать. И Бове слава не минетца отныне и до века.

Повесть об Ульянии Осоргиной

МЕСЯЦА ГЕНВАРЯ ВО 2-Й ДЕНЬ УСПЕНИЕ СВЯТЫЯ ПРЕПОДОБНЫЙ УЛЬЯНЕИ, МУРОМСКИЯ ЧЮДОТВОРИЦЫ

В дни благовернаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича⁸⁹⁴ вся Русии, от его царьскаго двора бе муж благоверен и нищелюбив, именем Иустин, пореклом Недюрев, саном ключник, имея жену такову же боголюбиву и нищелюбиву, именем Стефаниду, Григорьеву дщерь Лукина, от града Мурома. И живяста во всяком благоверии и чистоте, и имяста сыны и дщери и много богатства, и раб множество. От нею же родися сия блаженная Улияния.

Бывши же ей шести лет, и умре мати ея, и поят ю к себе в пределы муромские баба ея, матери ея мать, вдова Анастасия, Никифорова дщи Дубенского, и воспитающе во всяком благоверии и чистоте шесть же лет. И умре баба ея, и по заповеди ея, поят ю к себе тетка ея Наталия, Путилова жена Арапова. Сия же блаженная Улияния от младых ногтей бога возлюбя и пречистую его матерь, помногу чтяше тетку свою и дщери ея, и имея во всем послушание и смирение, и молитве и посту прилежаше. И того ради от тетки много сварима бе,⁸⁹⁵ а от дщерей ея посмехаема. И глаголаху ей: «О, безумная! что в толицей младости плоть свою изнурявши, и красоту девственную погубляеши». И нуждаху ю рано ясти и пити; она же невдаяшеся воли их, но все со благодарением приимаше и с молчанием отхождаше: послушание имея ко всякому человеку. Бе бо измлада кротка и молчалива, небуява,⁸⁹⁶ невеличава, и от смеха и всякия игры отгребошеся. Аще и многажды на игры и на песни пустотные от сверстниц нудима бе, она же не приставаше к совету их и недоумение на ся возлагая,⁸⁹⁷ и тем потаити хотя своя добродетели. Точию в прядивном и в пяличном деле⁸⁹⁸ прилежание велие имяше, и не угасаше свеща ея вся нощи. А иже сироты и вдовы немощныя в веси той бяху, и всех обшиваше и всех нужных⁸⁹⁹ и болных всяцем добром назираше, яко всем девитися разуму ея и благоверию; и вселися в ню страх божий. Не бе бо в веси той церкви близ, но яко два поприща; и не лучися ей в девичестем возрасте в церковь приходити, ни слышати словес божиих почитаемых, ни учителя учаща на спасение николи же; но смыслом благим наставляема нраву добродетелному.

Егда же достиже шестаго на десять лета,⁹⁰⁰ вдана бысть мужу добродетелну и богату, именем Георгию, пореклом Осорину, и венчани Быша от суцаго ту попа, Потапия именем, в церкви праведнаго Лазаря, в

селе мужа ея. Сей поучи их по правилом святых отец закону божию; она же послуша учения и наказания⁹⁰¹ внятно и делом исполняше. Еще бо свекру и свекрови ея в животе сущим; иже видевшие ю возрастом и всею добротою исполнену и разумну, и повелеста ей все домовное строение⁹⁰² правити. Она же со смирением послушание имяше к ним, ни в чем не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я⁹⁰³ и вся повеленная ими непреткновенно⁹⁰⁴ совершаше, яко всем дивитися о ней. И многим искушающим ю в речах и во ответах, она же ко всякому вопросу благочинен и смыслен ответ даяше; и вси дивляхуся разуму ея и славяху бога. По вся же вечера довольно богу моляшеся и коленопреклонения по сту и множае, и, вставая рано, по вся утра такоже творяше и с мужем своим.

Егда же мужу ея на царских службах бывающу лето или два, иногда же по три лета во Астрахани, она же в та времена по вся ночи без сна пребываше, в молбах и в рукоделии, в прядиве и в пяличном деле. И то продав, нищим цену⁹⁰⁵ даяше и на церковное строение; многу же милостыню отаи творяше в ночи, в день же домовное строение правяше. Вдовами и сироты, аки истовая мать, печашеся, своима руками омывая, и кормя, и напаяя. Рабы же и рабыни удовляше⁹⁰⁶ пищею и одеждою, и дело по силе налагалаше, и никого простым именем назваше, и не требоваше воды ей на омовение рук подающего, ни сапог разрешающего,⁹⁰⁷ но все сама собою творяше. А неразумный рабы и рабыни смирением и кротостию на к азу я, и исправляше, и на ся вину возлагаше; и никого не оклеветаше, но всю надежду на бога и на пречистую богородицу возлагаше и великого чудотворца Николу на помощь призываше, от него же помощь приимаше.

Во едину же ночь, востав по обычаю на молитву, без мужа. Беси же страх и ужас велик напушаху ей; она же, млада еще и неискусна, тому убояся и ляже на постели и усну крепко. И виде многи бесы, прешедшие же на ню со оружием, хотяще ю убити, рекуще: «Аще не престанешь от такового начинания, абие погубим тя!» Она же помолися богу и пречистой богородице, и святому Николе чудотворцу. И явися ей святой Никола, держа книгу велику, и разгна бесы, яко дым бо исчезоша. И воздвиг десницу свою и благослови ю, глаголя: «Дщи моя, мужайся и крепися, и не бойся бесовскаго прещения:⁹⁰⁸ Христос бо мне повеле тебе соблюдать от бесов и злых человек!» Она же абие от сна возбнув⁹⁰⁹ и увиде яве мужа свята из храмины дверми изшедша скоро, аки молнию. И востав скоро, иде во след его, и абие невидим бысть: но и притвор⁹¹⁰ храмины тоя крепко заперт быаше. Она же оттоле, извещение приимши, возрадовася, славя бога, и паче перваго добрых дел прилежалаше.

Помале же божию гневу Русскую землю постигшу за грехи наши; гладу велику зело бывшу, и мнози от глада того помираху. Она же многу милостыню отаи творяше, взимаше пищу у свекрови на утренее и на полденное ядение, и то все нищим гладным даяше. Свекры же глагола ей: «Како ты свой нрав премени! Егда бе хлебу изобилие, тогда не могах тя к раннему и полуденному ядению принудити; а ныне, егда оскудение нищи, и ты раннее и полдненное ядение взимаешь». Она же, хотя утаитися, отвеща ей: «Егда не родих детей, не хотяше ми ся ясти, и егда начах дети родити, обезсилех, и не могу наястися. Не точию в день, но и нощию множицею хочет ми ся ясти, но страмляюся у тебе просити». Свекры же, се слышав, рада бысть, и посылаше ей пищу доволну не точию в день, но и в ноць; бе бо у них в дому всего обилно, хлеба и всех потреб. Она же от свекрови пищу приимая, сама не ядыше, гладным все раздайте. И егда кто умираше, она же наимае омывати, и погребалное даяше и на погребение сребреники даяше; а егда в селе их погребяху мертвых кого нибуди, о всяком моляся о отпущении грех.

По мале же мор бысть на люди силен, и мнози умираху пострелом,⁹¹¹ и оттого мнози в домех запирахуся и уязвенных пострелом в дом не пуцаху, и ризам не прикасахуся. Она же отаи свекра и свекрови, язвенных многих своима рукама в бани омывая, целяше, и о исцелении бога моляше. И аще кто умираше, она же многи сироты своима рукама омываше и погребалная возлагаше, погребати наймая, и сорокоуст даяше.

Свекру же и свекрови ея в глубоцей старости во иноцех умершим, она же погребе их честно: многу милостыню и сорокоусты по них разда и повеле служити по них литоргию, и трапезы в дому своем попом, мнихом и нищим поставляше во всю 40-цу по вся дни, и в темницу милостыню посылаше. Мужу бо ея в то время на службе во Астрахани три лета и боле бывшу, она же по них много имения в милостыню истроши,⁹¹² не точию в ты дни, но и по вся лета творя память умершим.

И тако пожив с мужем лета доволна во мнозе добродетели и чистоте по закону божию, и роди сыны и дщери. Ненавидяй же добра враг тцашеся спону⁹¹³ ей сотворити; часты брани воздвизаше в детех и рабех. Она же вся, смыслено и разумно разсуждая, смиряше. Враг же наусти⁹¹⁴ раба их: и уби сына их старейшаго. Потом и другаго сына на службе убиша. Она же в мале аще и оскорбися,⁹¹⁵ но о душах их, а не о смерти: но почти их пением, и молитвою, и милостынею.

Потом моли мужа отпустить ю в монастырь; и не отпусти, но совещастася вкупе жити, а плотнаго совокупления не имети. И устрои ему обычную постелю, сама же с вечера по мнозе молитве возлагаше на печи

без постели, точию дрова острыми странами к телу подстилалаше, и ключи железны под ребра своя подлагаше, и на тех мало сна принимаше, дондеже рабы ея усыпаху, и потом вставаше на молитву во всю ночь и до света. И потом в церковь вхожаше к заутрени и к литургии, и потом ручному делу прилежаше, и дом свой богоугодно строяше, рабы своя довольно пищею и одеянием удовлетворяше, и дело комуждо по силе задаваше, вдовами и сироты печашеся, и бедным во всем помогаше.

И пожив с мужем 10 лет по разлучении плотне, и мужу ея преставлшуся, она же погребе и⁹¹⁶ честно и почти пением и молитвами, и сорокоусты и милостынею. И паче мирская отверже, печашеся о душе, как угодити богу, ревнуя⁹¹⁷ прежним святым женам, моляся богу, и постясь, и милостыню безмерну творя, яко многажды не остати у нея ни единой сребреницы, и займая даяше нищим милостыню, и в церковь по вся дни хождаше к пению. Егда же прихождаше зима, принимаше у детей своих сребреники, чим устроити теплую одежду, и то раздан нищим, сама же без теплая одежды в зиму хождаше, в сапоги же босыма ногама обувашеся, точию под нозе свои ореховы скорлупы и чрепие⁹¹⁸ острые вместо стелек подкладаше, и тело томяше.

Во едино же время зима бе студена зело, яко земли разседатися от мраза; она же неколико время к церкви не хождаше, но в дому моляшеся богу. Во едино же время зело рано попу церкви тоя пришедшу единому в церковь, и бысть ему глас от иконы богородичны: «Шед, рцы милостивой Ульянеи, что в церковь не ходит на молитву? И домовная ея молитва богоприятна, но не яко церковная; вы же почитайте ю, уже бо она не меньше 60 лет, и дух святой на ней почивает». Поп же в велицем ужасе быв, абие прииде к ней, пад при ногу ея, прося прощения, и сказа ей видение. Она же тяжко вся то внят,⁹¹⁹ еже он поведат пред многими, и рече: «Соблазнился еси, егда о себе глаголеши; кто есмь аз грешница, да буду достойна сего нарицания». И закла его⁹²⁰ не поведати никому. Сама же иде в церковь и, с теплыми слезами молебная совершив, целова икону богородицыну. И оттоле боле подвизася к богу, ходя к церкви.

По вся вечера моляшеся богу во отходной⁹²¹ храмине; бе же ту икона богородицына и святаго Николы. Во един же вечер вниде в ню по обычаю на молитву, и абие бысть храмина полна бесов со всяким оружием, хотяху убити ю. Она же помолися богу со слезами, и явися ей святой Никола, имея палицу, и прогна их от нея, яко дым исчезоша. Единаго же беса поймав, мучаше; святую же благослови крестом, и абие невидим бысть. Бес же плача вопияше: «Аз ти многу стону творих по вся дни; воздвизах брань в детех и в рабех, к самой же не смеях приблизитися ради

милостыни, и смирения, и молитвы». Она бо безпрестани, в руках имея четки, глаголя Иисусову молитву. Аще ядыше и пияше, ли что делая, непрестанно молитву глаголаше. Егда бо и почиваше, уста ея движастася и утроба ея подвизастася⁹²² на славословие божие: многожды видехом ю спящу, а рука ея четки отдвигае. Бес же бежа от нея, вопияше: «Многу беду ныне приях тебе ради, но сотворю ти спону на старость: начнеши гладом измирати, ниже чужих кормити». Она же знаменася крестом, и исчезе бес от нея. Она же к нам прииде ужасна велми и лицом пременися. Мы же, видехом ю смущену, вопрошахом, – и не поведана ничто же. Не по мнозе⁹²³ же сказа нам тайно, и заповеда не рещи никому же.

И пожив во вдовстве 9 лет, многу добродетель показа ко всем, и много имения в милостыню разда, точию нужные⁹²⁴ потребности домовные оставляше, и пищу точию год до года разчиташе, а избыток весь требующим растакаше.⁹²⁵ И продолжися живот ея до царя Бориса.⁹²⁶ В то же время бысть глад крепок во всей Русстей земли, яко многим от нужды скверных мяс и человеческих плотей вкушати, и множество человек неизчетно гладом изомроша. В дому же ея велика скудость пищи бысть и всех потребных, яко отнюдь не прорасте из земли всееное⁹²⁷ жита ея; кони же и скоты изомроша. Она же моляше дети и рабы своя, еже отнюдь ничему чужу и татьбе⁹²⁸ не коснуться, но елико оставшьяся скоты, и ризы и сосуды вся распрода на жито и от того челядь кормяше, и милостыню доволну даяше, и в пище обычныя милостыни не оставя, и ни единого от просящих не отпусти тща.⁹²⁹ Дойде же в последнюю нищету, яко ни единому зерну остатися в дому ея; и о том не смятесе, но все упование на бога возложи.

В то бо лето преселися во ино село нарицаемое Вочнево в пределы нижеградския, и не бе ту церкви, но яко два поприща. Она же, старостию и нищетою одержима, не хождаше к церкви, но в дому моляшеся; и о том немалу печаль имяше, но поминая святого Корнилия, яко не вреди его и домовная молитва, и иных святых. Велице же скудости умножылися в дому ея. Она же распусти рабы на волю, да не изнурятя гладом. От них же доброразсуднии⁹³⁰ обещахуся с нею терпети, а инии отъидоша; она же со благословением и молитвою отпусти я: не держа гнева нимало. И повеле оставшим рабом собирати лебеду и кору деревяную, и в том хлеб сотворити, и от того сама с детьми и рабы питашесе, и молитвою ея бысть хлеб сладок. От того же нищим даяше, и никого нища тща не отпусти; в то бо время без числа нищих бе. Соседи же ея глаголаху нищим: «Что ради в Ульянин дом ходите? Она бо и сама гладом измирает!» Они же поведаша им: «Многи села обходихом и чист хлеб вземлем, а тако в сладость не

ядоном, яко сладок хлеб вдовы сея». Мнози бо имени ея не ведаху. Соседи же, избилны хлебом, посылаху в дом ея просити хлеба, искушающе ю; и тако же свидетельствующа, яко велми хлеб ея сладок. И дивяся, глаголаху к себе: «Горазди раби ея печь хлебов!» И не разумеюще, яко молитвою ея хлеб сладок. Потерпе же в той нищете два лета, не опечалися, не смутися, не поропта, и не согреси ни во устах своих и не даст безумия богу; и не изнеможе нищетою, но паче первых лет весела бе.

Егда же приближися честное ея преставление, и разболеся декабря в 26-й день, и лежа 6 дней. В день лежа моляшеся; а в нощи, вставая, моляшеся богу, особь стояше, никим подь держима, глаголаше бо: «И от болнаго бог истязует⁹³¹ молитвы духовный».

Генваря во 2-й день, свитающу дню, призва отца духовнаго и причастися святых тайн. И сед, призва дети и рабы своя и поучив их о любви, и о молитве, и о милостыни, и о прочих добродетелях. Прирече же и се: «Желанием возжелах ангельскаго образа иноческаго еще от юности моя, но несподобихся грех моих ради и нищеты, понеже недостойна бых – грешница сый и убогая, богу тако извольшу, слава праведному суду его». И повеле уготовити кадило, и фимиям вложить и целова вся сущая ту, и всем мир и прощение даст, возлеже, и прекрестися трижды, обвив чотки около руки своей, последнее слово рече: «Слава богу всех ради, в руце твои, господи, предаю дух мой, аминь». И предаст душу свою в руце божии, его же измлада возлюби. И вси видеша около главы ея круг злат, яко же на иконах около глав святых пишется. И омывше, положите ю в клету,⁹³² и в ту нощь видеша свет и свеща горяща и благоухание велие повеваше ис клетки тоя. И вложьше ю во гроб дубовый, везоша в пределы муромския, и погребоша у церкви праведнаго Лазаря подле мужа ея в селе Лазареве за четыре версты от града, в лета 7112⁹³³ генваря в 10 день.

Потом над нею поставиша церковь теплую во имя архистратига Михаила. Над гробом ея лучися пещи быти.⁹³⁴ Земля же возрасташе над нею по вся лета. И бысть в лето 7123⁹³⁵ августа в 8 день преставися сын ея Георгий. И начата в церкви копати ему могилу в притворе между церковною и пещию, – бе бо притвор той без моста,⁹³⁶ – и обретше гроб ея на верху земли цел, неврежден ничим. И недоумеваху, чий есть, яко от многих лет не бе ту погребяемаго. Того же месяца в 10 день погребоша сына ея Георгия подле гроба ея и пойдоша в дом его, еже учредити погребателей. Жены же, бывшыя на погребении, открыта гроб и видеша полн мира благовонна, и в той час от ужастии не поведаша ничто же; по отшествии же гостей сказаша бывшая. Мы же, слышав, удивихомся, и открывше гроб, видехом так, яко же и жены реша⁹³⁷ от ужастии,

начерпахом мал сосудец мира того и отвезохом во град Муром в соборную церковь. И бе видети в день миро, аки квас свекольный, в нощи же сгустевашеся, аки масло багряновидно. Телеси же ея до коньца от ужасте не смеяхом досмотрети, точию видехом нозе ея и бедра целы суца, главы же ея не видехом, того деля, понеже на коньце гроба бревно пещьное лежаше. От гроба же под пещь бяше скважня, ею же гроб той ис под пещья идяше на восток с сажень, дондеже пришед ста у стены церковныя. В ту же ноць мнози слышаху у церкви тоя звон; и мнеша пожар, и прибегше, не видеша ничто же, точию благоухание исхождаше. И мнози слышаху, и прихождаху, и мазахуся миром тем, и облегчение от различных недуг приимаху. Егда же миро то раздано бысть, нача подле гроба исходити персть, аки песок; и приходят болящий различными недуги, и обтираются песком тем, и облегчение приемлют и до сего дня. Мы же сего не смеяхом писати, яко не бе свидетельства.

Повесть об азовском осадном сидении донских казаков

Лета 7150⁹³⁸ октября в 28 день приехали к государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа России к Москве з Дону из Азова города донские казаки: атаман казачей Наум Василев да ясаул Федор Иванов.⁹³⁹ А с ним казаков 24 человека, которые сидели в Азове городе от турок в осаде. И сиденью своему осадному привезли оне роспись.⁹⁴⁰ А в росписи их пишет.

В прошлом, де, во 149-м году июня в 24 день⁹⁴¹ прислал турской Ибрагим салтан царь под нас, казаков, четырех пашей своих, да дву своих полковников, Капитана да Мустафу, да ближние своей тайные думы, покою своего слугу да Ибремя-скопца над ними уже пашами смотрети вместо себя, царя, бою их и промыслу,⁹⁴² как станут промышлять паши его и полковники над Азовым городом. А с ними пашами прислал под нас многую свою собранную рать бусурманскую, совокупя на нас подручных своих двенатцать земель. Воинских людей, переписаной своей рати, по спискам, боевого люду двести тысящей, кроме поморских и кафимских и черных мужиков,⁹⁴³ которые на сей стороне моря собраны изо всей орды крымские и нагайские⁹⁴⁴ на загребение наше, чтобы нас им живых загрести, засыпати бы нас им горою высокою, как оне загребают люди персидские.⁹⁴⁵ А себе бы им и тем смертию нашею учинить слава вечная, а нам бы укоризна вечная. Тех собрано людей на нас черных мужиков многия тысящи, и не бе числа им и писма. Да к ним же после пришел крымской царь, да брат ево народым Крым Гирей царевичь⁹⁴⁶ со всею своею ордою крымскою и наганскою, а с ним крымских и нагайских князей и мурз и татар ведомых, кроме охотников,⁹⁴⁷ 40 000. Да с ним, царем, пришло горских князей и черкас ис Кабарды 10 000. Да с ними ж, пашами, было наемных людей и у них немецких⁹⁴⁸ два полковника, а с ними салдат 6000. Да с ними ж, пашами, было для промыслов над нами многие немецкие люди городоимцы, приступные и подкопные мудрые вымышленники⁹⁴⁹ многих государств: из Реш еллинских и Опаней великия,⁹⁵⁰ Винцеи великие и Стеколни⁹⁵¹ и француски наршики,⁹⁵² которые делать умеют всякие приступные и подкопные мудрости и ядра огненные чиненья. Наряду было с пашами пушок под Азовым великих болших ломовых⁹⁵³ 129 пушек. Ядра у них были великия в пуд, в полтара и в два пуда. Да мелкова наряду было с ними всех пушек и тюфяков⁹⁵⁴ 674 пушки, кроме верховых пушек⁹⁵⁵ огненных, тех было верховых 32 пушки. А весь наряд был у них покован на цепях, боясь того, чтоб мы, на выласках

вышед, ево не взяли. А было с пашами турскими людей ево под нами розных земель: первые турки, вторые крымцы, третьи греки, четвертые серби, пятые арапы, шестые мужары,⁹⁵⁶ седмые буданы, осмые башлаки,⁹⁵⁷ девятые арнауты,⁹⁵⁸ десятые волохи,⁹⁵⁹ первые на десять⁹⁶⁰ митьяня,⁹⁶¹ второе на десять черкасы, третье на десять немцы. И всего с пашами людей было под Азовым и с крымским царем по спискам их браново ратного мужика, кроме вымышлеников немец и черных мужиков и охотников, 256 000 человек.

А збирался турской царь на нас за морем и думал ровно четыре годы.⁹⁶² А на пятой год он пашей своих к нам под Азов прислал. Июня в 24 день в ранней самой обед пришли к нам паши его и крымской царь и наступили они великими турецкими силами. Все наши поля чистые от орды нагайския, где у нас была степь чистая, тут стали у нас однем часом, людьми их многими, что великия непроходимья леса темные. От силы их турецкие и от уристания⁹⁶³ конского земля у нас под Азовым погнулась и реки у нас из Дону вода волны на берегу показала, уступила мест своих, что в водополи.⁹⁶⁴ Почали оне, турки, по полям у нас ставитца шатры свои турецкие и полатки многие и наметы⁹⁶⁵ великие, яко горы страшные забелелися. Почали у них в полках их быть трубли болшие в трубы великия, игры многия, писки великия несказанные, голосами страшными их бусурманскими. После того у них в полках их почала быть стрельба мушкетная и пушечная великая. Как есть стояла над нами страшная гроза небесная, будто молние, коль страшно гром живет от владыки с небесе. От стрельбы их той огненной стоял огонь и дым до неба, все наши градские крепости потряслися от стрельбы их огненные, и луна померкла во дни том светлая, в кровь обратилась, как есть наступила тма темная. Страшно нам добре стало от них в те поры и трепетно и дивно несказанно на их стройной приход бусурманской было видети. Никак непостижимо уму человеческому в нашем возрасте⁹⁶⁶ того было услышати, не токмо что такую рать великую и страшную и собранную очима кому видети. Близостию самую оне к нам почали ставитца за полверсты малыя от Азова города. Их янычарския головы⁹⁶⁷ строем их янычарским идут к нам оне под город великими болшими полки и купами на шаренки.⁹⁶⁸ Многия знамена у них, всех янычен,⁹⁶⁹ великие, неизреченные, черные бе знамена. Набаты⁹⁷⁰ у них гремят, и в трубы трубят и в барабаны бьют в великия ж несказанныя. Двенатцать их голов яныческих. И пришли к нам самую близостию к городу стекшися, оне стали круг города до шемпова в воем рядов от Дону, захватя до моря рука за руку.⁹⁷¹ Фитили у них у всех янычар кипят у мушкетов их, что свечи горят. А у всякого головы в полку

янычаней по двенатцати тысящей. И все у них огненно, и платье на них, на всед головах яныческих златоглавое, на янычанях на всех по збруям их одинакая красная, яко зоря кажется. Пищали у них у всех долгие турские з жаграми.⁹⁷² А на главах у всех янычаней шишаки, яко звезды кажутся. Подобен строй их строю салдацкому. Да с ними ж тут в ряд стали немецких два полковника с салдатами. В полку у них солдат 6000.

Того же дни на вечер, как пришли турки к нам под город, прислали к нам паши их турецкие толмачей своих бусурманских, перских и еллинских.⁹⁷³ А с ними, толмачами, прислали говорить с нами яныченскую голову первую от строю своего пехотного. Почал нам говорить голова их яныческой словом царя своего турецкого и от четырех пашей и от царя крымского речью гладкою:

«О люди божии царя небеснаго, никем в пустынях водимы или посылаемы. Яко орли парящи, без страха по воздуху летаете, и яко лвы свирепи в пустынях водимы, рыкаете, казачество донское и волское,⁹⁷⁴ свирепое, соседи наши ближние, непостоянные нравы, лукавые, вы пустынножителем лукавые убицы, разбойницы непощадные, несътые ваши очи, неполное ваше чрево, николи не наполнится. Кому приносите такие обиды великие и страшные грубости? Наступили вы на такую десницу высокую, на царя турецкого. Не впрям еще вы на Руси богатыри светорусские. Где вы тепере можете утечи от руки ево? Прогневали вы Мурат салтанова величества, царя турецкого.⁹⁷⁵ Да вы ж взяли у него любимую ево цареву вотчину, славной и красной Азов город. Напали вы на него, аки волцы гладные. Не пощадили вы в нем никакова мужичка возраста⁹⁷⁶ ни старова жива, и детей побили всех до единова. И положили вы тем на себя лютое имя звериное. Разделили государя царя турецкого со всею ево ордою крымскою воровством своим и тем Азовым городом. А та у него орда крымская – оборона ево на все стороны. Убили вы у него посла ево турецкого Фому Катузина,⁹⁷⁷ с ним побили вы армен и греченин, а послан он был к государю вашему. Страшная вторая: разлучили вы его с карабелним пристанищем. Затворили вы им Азовым городом все море Синее: не дали проходу по морю ни караблям ни катаргам⁹⁷⁸ ни в которое царство, поморские городы. Согрубя вы такую грубость лютую, чего конца в нем своего дожидаетесь? Очистите вотчину Азов город в ночь сию не мешкая. Что есть у вас в нем вашего серебра и злата, то понесите из Азова города вон с собою к городки свои казачьи, без страха, к своим товарищам. А на отходе ничем не тронем вас. А естли толко вы из Азова города в ноц сию не выйдете, не можете уж завтра у нас живы быти. И кто вас может, злодеи убицы, укрыть или заступит от руки ево такие сильные и от

великих таких страшных и непобедимых сил его, царя восточного турского? Кто постоит ему? Несть никово равна или ему подобна величеством и силами на свете, единому лише повинен он богу небесному, един он лишь верен страж гроба божия: по воле ж божией избра ево бог единого на свете ото всех царей. Промышляйте в ноц сию животом своим.

Не умрете от руки ево, царя турскаго, смертию лютою: своею он волею великой государь восточной, турской царь, не убийца николи вашему брату, вору, казаку-разбойнику. Ему то, царю, честь достойная, что победит где царя великого, равного своей чести, а ваша ему не дорога кров разбойничья. А естли уже пересидите в Азове городе ноц сию чрез цареву такую милостивую речь и заповеть, примем завтра град Азов и вас в нем, воров-разбойников, яко птицу в руце свои. Отдадим вас, воров, на муки лютые и грозные. Раздробим всю плоть вашу на крошки дробные. Хотя бы вас, воров, в нем сидело 40 000, ино силы под вас прислано с пашами болши 300 000. Волосов ваших столко нет на главах ваших, сколько силы турския под Азовом городом. Видите вы и сами, воры глупые, очима своима силу ево великую, неизреченную, как оне покрыли всю степь великую. Не могут, чаю, с высоты города очи ваши видеть другова краю сил наших, однех писмянных.⁹⁷⁹ Не перелетит через силу нашу турецкую никакова птица парящая: от страху людей ево и от множества сил наших валитца вся с высоты на землю. И то вам, вором, дает ведать, что от царства вашего силнаго Московскаго никакой от человек к вам не будет русских помощи и выручки.⁹⁸⁰ На што вы надежны, воры глупые? И запасу хлебного с Руси николи к вам не присылают. А естли толко вы служить похочете, казачество свирепое, государю царю волному рать Салтанову величеству, толко принесете ему, царю, винные⁹⁸¹ свои головы разбойничьи в повиновение на службу вечную. Отпустит вам государь наш турецкой царь и паши ево все ваши казачьи грубости прежние и нынешнее взятье азовское. Пожалует наш государь, турецкой царь, вас, казаков, честию великою. Обогаит вас, казаков, он, государь, многим неизреченным богатством. Учинит вам, казаком, он, государь, во Цареграде у себя покой великий. Во веки положит на вас, на всех казаков, платье златоглавое и печати богатырские з золотом, с царевым клеймом своим. Всяк возраст вам, казаком, в государеве ево Цареграде будут кланяться. Станет то ваша казачья слава вечная во все край от востока и до запада. Станут вас называть во веки все орды бусурманские и енычены и персидские светорускими богатыри, што не утрашились вы, казаки, такими своими людьми малыми, с семью тысящи, страшных таких непобедимых сил царя турского – 300 000 письменных. Дождались их вы к

себе полки под город. Каков пред вами, казаками, славен и силен и многолюден и богат шах, персицкой царь. Владеет он всею великою Персидою и богатою Индеею. Имеет у себя рати многия, яко наш государь турецкой царь. И тот шах, персидской царь, впрям не стоит николи на поле противу сильного царя турскаго. И не сидят люди ево персидские противу нас, турок,⁹⁸² многими тысящи в городех своих, ведая оне наше свирепство и бестрашие».

Ответ наш казачей из Азова города толмачем и голове яныческому:

«Видим всех вас и до сех мест⁹⁸³ про вас ведаем же, силы и пыхи⁹⁸⁴ царя турского все знаем мы. И выдаемся мы с вами, турскими, почасту на море и за морем на сухом пути. Знакомы уж нам ваши силы турецкие. Ждали мы вас в гости к себе под Азов дни многие. Где полно ваш Ибрагим, турской царь, ум свой девал? Али у него, царя, не стало за морем серебра и золота, что он прислал под нас, казаков, для кровавых казачьих зипунов наших,⁹⁸⁵ четырех пашей своих, а с ними, сказывают, что прислал под нас рати своя турецкия 300 000. То мы и сами видим впрямь и ведаем, что есть столко силы ево под нами, с триста тысяч люду боевого, кроме мужика черново. Да на нас же нанял он, ваш турецкой царь, ис четырех земель немецких салдат шесть тысяч да многих мудрых подкопщиков, а дал им за то казну свою великую. И то вам, турком, самим ведомо, што с нас по се поры никто наших зипунов даром не имывал. Хотя он нас, турецкой царь, и взятем возьмет в Азове городе такими своими великими турецкими силами, людьми наемными, умом немецким, промыслом, а не своим царевым дородством⁹⁸⁶ и разумом, не большая то честь будет царя турского имени, что возмет нас, казаков в Азове городе, не изведет он тем казачья прозвища, не запустит Дон головами нашими. На взыскание наше⁹⁸⁷ молотцы з Дону все будут. Пашам вашим от них за море итти. Естли толко нас избавит бог от руки ево сильныя такая, отсидимся толко от вас в осаде в Азове городе от великих таких сил его, от трехсот тысящей, людьми своими такими малыми, всево нас казаков во Азове сидит отборных оружных 7590, соромота ему будет царю вашему вечная от ево братии и от всех царей. Назвал он сам себя, будто он выше земных царей. А мы людие божии, надежа у нас вся на бога, и на мать Божию богородицу, и на их угодников, и на свою братью товарищей, которые у нас по Дону в городках живут. А холопи мы природные⁹⁸⁸ государя царя христианскаго⁹⁸⁹ царства московского. Прозвище наше вечное – казачество великое донское безстрашное. Станем с ним, царем турским, битца, что с худым свиным наемником. Мы себе, казачество волное, укупаем⁹⁹⁰ смерть в живота места. Где бывают рати ваши великия, тут

ложатся трупы многие. Ведомы мы людии – не шаха персидского: их то вы что жонок засыпаете в городех их горами высокими. Хотя нас, казаков, сидит сем тысящей пятьсот девяносто человек, а за помощью божиею не боимся великих ваших царя турского трехсот тысящей и немецких промыслов. Гордому ему бусурману, царю турскому, и пашам вашим бог противитца за ево такие слова высокие. Равен он, собака смрадная, ваш турской царь, богу небесному пишется. Не положил он, бусурман поганой и скаредной, бога себе помощника. Обнадежился он на свое великое тленное богатство. Вознес сотона, отец ево, гордостью до неба, а пустит ево за то бог с высоты в бездну веки. От нашей ему казачьей руки малыя соромота ему будет вечная, царю. Где ево рати великия топеря в полях у нас ревут и славятца,⁹⁹¹ завтра тут лягут люди ево от нас под градом и трупы многия. Покажет нас бог за наше смирение христианское перед вами, собаками, яко лвов яростных. Давно у нас в полях наших летаючи, а вас ожидаючи, хлекчут орлы сизые и грают вороны черные подле Дону, у нас всегда брешут лисицы бурые, а все они ожидаючи вашево трупу бусурманского. Накормили мы их головами вашими, как у турского царя Азов взяли, а топере им опять хочется плоти вашей, накормим уж их вами досыти. Азов мы взяли у нево царя турскаго не татыным⁹⁹² веть промыслом, впрям возьмем, дородством своим и разумом для опыту, каковы ево люди турецкие в городех от нас сидеть. А сели мы в нем людьми малыми ж, разделясь нароком⁹⁹³ надвое, для опыту: посмотрим турецких сил ваших и умов и промыслов. А все то мы применяемся к Ерусалиму и Царюграду, лучитца нам так взять у вас Царьград. То царство было христианское.⁹⁹⁴ Да вы ж нас, бусурманы, пужаете, что с Руси не будет к нам запасов и выручки, будто к вам, бусурманом, из государства Московскога про нас то писано. И мы про то сами ж и без вас, собак, ведаем, какие мы в государстве Московском на Руси люди дорогие и к чему мы там надобны. Черед мы свой сами ведаем. Государство великое и пространное Московское многолюдное, сияет оно посреди всех государств и орд бусурманских и еллинских и персидских, яко солнце. Не почитают нас там на Руси и за пса смердящаго. Отбегохом мы ис того государства Московского из работы вечныя, от холопства полного, от бояр и дворян государевых, да зде вселилися в пустыни непроходные, живем, взирая на бога. Кому там потужить об нас? Ради там все концу нашему. А запасы к нам хлебные не бывають с Руси николи. Кормит нас, молотцов, небесный царь на поле своею милостию: зверьми дивиими⁹⁹⁵ да морского рыбу. Питаемся, ако птицы небесные: ни сеем, ни орем, ни збираем в житницы. Так питаемся подле моря Синяго. А сребро и золото за морем у вас емлем.

А жены себе красные любьбы, выбираючи, от вас же водим.⁹⁹⁶ А се мы у вас взяли Азов город своею казачьего волею, а не государьским повелением, для зипунов своих казачьих да для лютых пых ваших. И за то на нас государь наш, холопей своих далних, добре кручиноват. Боимся от него, государя царя, за то казни к себе смертныя за взятые азовское. И государь наш, великой, пресветлой и праведной царь, великий князь Михайло Феодоровичь всеа Руси самодержец, многих государств и орд государь и обладатель. Много у него, государя царя, на великом холопстве таких бусурманских царей служат ему, государю царю, как ваш Ибрагим турецкой царь. Коли он, государь наш, великой пресветлой царь, чинит по преданию святых отец, не желает разлития крове ваша бусурманския. Полон государь и богат от бога ж данными своими и царскими оброками и без вашего смраднago бусурманского и собачья богатства. А естли на то было тако ево государское повеление, восхотел бы толко он, великой государь, кровей ваших бусурманских разлития и городам вашим бусурманским разорения за ваше бусурманское к нему, государю, неисpravление, хотя бы он, государь наш, на вас на всех бусурманов велел быть войною своею украиною, которая сидит у него, государя, от поля, от орды нагайские,⁹⁹⁷ ино б и тут собралось людей ево государевых русских с одной ево украины болши легеона тысящи. Да такие ево государевы люди русские украинцы, что они подобны на вас и алчны вам, яко лвы яростные, хотят поаясть живу вашу плоть бусурманскую. Да держит их и не повелит им на то ево десница царская, и в городех во всех под страхом смертным за царевым повелением держат их воеводы государевы. Не скрылся бы ваш Ибрагим, царь турецкой, от руки ево государевой и от жестокосердия людей ево государевых и во утробе матери своей, и оттуду бы ево, распоров, собаку, выняли да пред лицом царевым поставили. Не защитило бы ево, царя турецкого, от руки ево государевой и от ево десницы высокие и море бы Синее, не удержало людей ево государевых. Было бы за ним, государем, однем летом Ерусалим и Царьгород попрежнем, а в городех бы турецких во всех ваших не устоял и камень на камени от промыслу русского. Вы ж нас зовете словом царя турецкого, чтоб нам служить ему, царю турецкому. А сулите нам от него честь великую и богатство многое, и мы люди божи, холопи государя московского, а се нарицаемся по крещению христиана православные, как можем служить царю неверному, оставя пресветлой свет здешной и будущей? Во тму итти не хочетца! Будем мы ему, царю турецкому, в слуги толко надобны, и мы, отсидевся и одны от вас и от сил ваших, побываем у него, царя, за морем, под ево Царемградом, посмотрим ево Царяграда строения, кровей своих. Там с ним, царем турецким,

переговорим речь всякую, лиш бы ему наша казачья речь полюбилась. Станем ему служить пищалями казачьими да своими саблями вострыми. А топерво нам говорить не с кем, с пашами вашими. Как предки ваши, бусурманы, учинили над Царемградом – взяли ево взятъем, убили в нем государя, царя храброго Костянтина благовернаго,⁹⁹⁸ побии христиан в нем многие тысящи-тмы, обагрили кровию нашею христианскою все пороги церковныя, до конца искоренили всю веру христианскую, так бы нам над вами учинить нынече с обрасца вашего. Взять бы его, Царьград, взятъем из рук ваших Убить бы против того в нем вашего Ибрагима, царя турецкого, и со всеми вашими бусурманы, пролить бы так ваша кровь бусурманская нечистая, тогда бы то у нас с вами мир был в том месте. А тонере нам и говорить с вами болше того нечего, что мы твердо ведаем. А что вы от нас слышите, то скажите речь нашу пашам своим. Нелзя нам мирится или верится бусурману с христианином. Какое преобращение! Христианин побожится душею христианскою, да на той он правде век стоит, а ваш брат, бусурман, побожится верою бусурманскою, а вера ваша бусурманская и житье ваше татарское равно з бешеною сабакою. Ино чему вашему брату-собаке верити? Ради мы вас завтра подчивать, чем у нас мол отцов в Азове бог послал. Поезжайте от нас к своим глупым пашам, не мешкая. А опять к нам с такою глупою речью не ездите. Оманывать вам нас, ино даром лише дни терять. А кто к нам от вас с такою речью глупою опять впредь буде, тому у нас под стеною убиту быть. Промышляйте вы тем, для чего вы от царя турецкого к нам присланы.

Мы у вас Азов взяли головами своими молодецкими, людми немногими. А вы ево у нас ис казачьих рук доступаете⁹⁹⁹ уже головами турецкими, многими своими тысещи. Кому-то из нас поможет бог? Потерять вам под Азовым турецких голов своих многие тысящи, а не видать ево вам из рук наших казачьих и до веку. Нешто ево, отняв у нас, холопей своих, государь наш царь и великий князь Михайло Феодоровичь, всеа России самодержец, да вас им, собак, пожалует попрержнему, то уже ваш будет: на то ево воля государева».

Как от Азова города голова и толмачи приехали в силы своя турецкия к пашам своим, и начаша в рати у них трубить в трубы великия собранные. После той их трубли почали у них бить в грамады¹⁰⁰⁰ их великия и набаты и в роги и в цебылги¹⁰⁰¹ почали играть добре жалостно. А все разбирались оне в полках своих и строилися ночь всю до свету. Как на дворе в часу уже дни, почали выступать из станов своих силы турецкия. Знамена их зацвели на поле и прапоры,¹⁰⁰² как есть по полю цветы многия. От труб великих и набатов их пошел неизреченной звук. Дивен и страшен приход их к нам

под город.

Пришли к приступу немецкие два полковника с салдатами. За ними пришел строй их весь пехотной яныческой – сто пятьдесят тысяч. Потом и орда их вся пехотою ко граду и к приступу, крикнули стол смело и жестоко приход их первой. Приклонили к нам они все знамена свои ко граду. Покрыли наш Азов город знаменами весь. Почали башни и стены топорами сечь. А на стены многия по лесницам в те поры взошли. Уже у нас стала стрельба из града осадного: до тех мест молчали им. Во огни уже и в дыму не мочно у нас видети друг друга. На обе стороны лише огонь да гром от стрельбы стоял, огонь да дым топился¹⁰⁰³ до небеси. Как то есть стояла страшная гроза небесная, коли бывает с небеси, гром страшный с молнием. Которые у нас подкопы отведены были за город для их приступного времени, и те наши подкопы тайные все от множества их неизреченных сил не устояли, все обвалились: не удержала силы их земля. На тех то пропасть побито турецкия силы от нас многия тысячи. Приведен у нас был весь наряд на то место подкопное и набит был он у нас весь дробом сеченым. Убито у них под стеною города на приступе том в тот первой день турков шесть голов одних яныческих да два немецкия полковника со всеми своими салдатами с шестью тысящи. В тот же день, вышед, мы вынесли болшое знаме на выласке, царя турскаго,¹⁰⁰⁴ с коим паши ево перво приступали к нам турецкие, тот первой день всеми людьми своими до самой уже ночи и зорю всю вечернюю. Убито у них в тот первой день от нас под городом, кроме шти¹⁰⁰⁵ голов их яныческих и дву полковников, одних янычаней дватцать полтретьи тысящи,¹⁰⁰⁶ кроме раненых.

На другой день в зорю светлую опять к нам турецкие под город прислали толмачей своих, чтоб нам дати им отобрати от града побитой их труп, который у нас побит под Азовом, под стеною города. А давали нам за всякую убитую яныческу голову по золотому червонному, а за полковниковы головы давали по сту талеров. И войском за то не постояли им,¹⁰⁰⁷ не взяли у них за битые головы серебра и золота: «Не продаем мы никогда трупу мертвого, но дорога нам слава вечная. То вам от нас из Азова города, собакам, игрушка первая, лише мы молотцы ружье свое почистили. Всем то вам, бусурманам, от нас будет, иным нам вас нечем подчивать, дело у нас осадное». В тот другой день бою у нас с ними не было. Отбирали они свой побитой труп до самой до ночи; выкопали ему, трупу своему, глубокой ров от города три версты и засыпали ево тут горою высокою и поставили над ним многие признаки¹⁰⁰⁸ бусурманские и подписаны на них языки розными.

После того в третей день опять оне к нам, турки, пришли под город со всеми своими силами, толко стали уже вдали от нас, а приступу к нам уже не было. Зачали ж их люди пешие в тот день вести к нам гору высокую, земляной великой вал, выше многим Азова города. Тою горою высокою хотели нас покрыть в Азове городе своими великими турецкими силами. Привели ее в три дни к нам. И мы, видя ту гору высокую, горе свое вечное, что от нее наша смерть будет, попрося у бога милости и у пречистые богородицы помощи и у Предтечина образа,¹⁰⁰⁹ и призывая на помощь чудотворцы московские, и учиня меж себя мы надгробное последнее прощение друг з другом и со всеми христианы православными, малою своею дружиною седмью тысящи пошли мы из града на прямой бой противу их трехсот тысящ.

«Господь, сотворитель, небесный царь, не выдай нечестивым создания рук своих: видим оних сил пред лицом смерть свою лютую. Хотят нас живых покрыть горою высокою, видя пустоту¹⁰¹⁰ нашу и безсилie, что нас в пустынях покинули все христиане православные, убоялися их лица страшнаго и великия их силы турецкия. А мы, бедныя, не отчаяли от себя твоея владычни милости, ведая твоя щедроты великия, за твоею божиею помощию за веру христианскую помираяючи, бьемся противу болших людей трехсот тысяч и за церкви божия, за все государство Московское и за имя царское».

Положа на себя все образы смертныя, выходили к ним на бой, единогодушно все мы крикнули, вышед к ним: «С нами бог, разумеите, языцы неверные, и покоритесь, яко с нами бог!»

Услышели неверные изо уст наших то слово, что с нами бог, не устоял впрям ни один против лица нашего, побежали все и от горы своей высококия. Побили мы их в тот час множество, многия тысящи. Взяли мы у них в те поры на выходе, на том бою у той горы, шеснатцать знамен одних яныческих да дватцать восм бочек пороху. Тем то их мы порохом, подкопався под ту их гору высокую, да тем порохом разбросали всю ее. Их же побило ею многия тысящи и к нам их янычания тем нашим подкопом живых их в город кинуло тысячу пятсот человек. Да уж мудрость земная их с тех мест миновалася. Повели уже они другую гору позади ее, болши тово, в длину ее повели лучных стрелбища в три, а в вышину многим выше Азова города, а широта ей – как бросить на нее дважды каменем. На той то уже горе оне поставили весь наряд свой пушечной и пехоту привели всю свою турецкую, сто пятьдесят тысяч, и орду нагайскую всю с лошадей збили. И почели с той горы из наряду бить оне по Азову городу день и ноц беспрестанно. От пушек их страшный гром стал, огонь и дым топился от

них до неба. Шеснатцать дней и шеснатцать ночей не премолк наряд их ни на единой час пушечной. В те дни и нощи от стрелбы их пушечной все наши азовские крепости распались. Стены и башни все и церков Предтечева и полаты збили все до единые у нас по подошву самую.

А и наряд наш пушечной переломали весь. Одна лише у нас во всем Азове городе церков Николина в полы¹⁰¹¹ осталась, потому и осталась, што она стояла внизу добре,¹⁰¹² к морю под гору. А мы от них сидели по ямам. Всем выглянут нам из ям не дали. И мы в те поры зделали себе покои великия в земле под ними, под их валом: дворы себе потайные великие. И с тех мы потайных дворов своих под них повели 28 подкопов, под их таборы. И тем мы подкопами учинили себе помощ, избаву великую. Выходили ношною порою на их пехоты янычана, и побили мы множество. Теми своими выласками ношными на их пехоту турецкую положили мы на них великой страх, урон большой учинили мы в людех их. И после того паши турецкия, глядя на наши те подкопные мудрые осадные промыслы, повели уже к нам напротиву из своево табору 17 подкопов своих. И хотели оне к нам теми подкопами проити в ямы наши, да нас подавят своими людьми велими. И мы милостию божиею устерegli все те подкопы их, порохом всех их взорвало, и их же мы в них подвалили многие тысящи. И с тех то мест подкопная их мудрость вся миновалась, постыли уж им те подкопные промыслы.

А было всех от турок приступов к нам под город Азов 24 приступа всеми людьми. Окромe болшова приступа первого, такова жестоко и смела приступу не бывало к нам: ножами мы с ними резались в тот приступ. Почали к нам уж оне метать в ямы наши ядра огненные чиненые и всякие немецкие приступные мудрости. Тем нам они чинили пуще приступов тесноты¹⁰¹³ великие. Побивали многих нас и опаливали. А после тех ядр уж огненных, вымысля над нами умом своим, отставя же они все свои мудрости, почали оне нас осиливать и достигать прямым боем своими силами.

Почали они к нам приступу посылать на всяк день людей своих, яныченя; по десяти тысящей приступает к нам целой день до нощи; и нощ придет, на перемену им придет другая десять тысящ; и те уж к нам приступают нощ всю до свету: ни часу единого не дадут покою нам. А оне бьются с переменою день и нощ, чтобы тою истомою осилеть нас. И от такова их к себе зла и ухищренного промыслу, от бессония и от тяжких ран своих, и от всяких лютых нужд, и от духу смрадного труплова отягчали мы все и изнемогли болезнями лютыми осадными. А все в мале дружине своей уж остались, переменитца некем, ни на единый час

отдохнуть нам не дадут. В те поры отчаяли уже мы весь живот свой и в Азове городе и о выручке своей безнадежны стали от человек, толко себе и чая помощи от вышняго бога. Прибежим, бедные, к своему лиш помощнику, Предтечеву образу, пред ним, светом, расплачемся слезами горкими: «Государь-свет, помощник наш, Предтеча Иван, по твоему, светову, явлению разорили мы гнездо змиево, взяли Азов город. Побили мы в нем всех христианских мучителей, идолослужителей. Твой, светов, и Николин дом¹⁰¹⁴ очистили, и украсили мы ваши чудотворные образы от своих грешных и недостойных рук. Бес пения у нас по се поры перед вашими образы не бывало, а мы вас, светов, прогневали чем, что опять идете в руки бусурманские? На вас мы, светов, надеяся, в осаде в нем сели, оставя всех своих товарищев. А топере от турок видим впрям смерть свою. Поморили нас безсонием, дни и ноци безпрестани с ними мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулися и руки наши от обороны уж не служат нам, замертвели, уж от истомы очи наши не глядят, уж от беспрестанной стрельбы глаза наши выжгли, в них стреляючи порохом, язык уш наш во устнах наших не воротитца на бусурман закрычать – таково наше безсилие, не можем в руках своих никакова оружия держать. Почитаем мы уж себя за мертвой труп. З два дни, чаю, уже не будет в осаде сидения нашего. Топере мы, бедные, роставаемся с вашими иконы чудотворными и со всеми христианы православными: не бывать уж нам на святой Руси. А смерть наша грешничья в пустынях за ваши иконы чудотворныя, и за веру христианскую, и за имя царское, и за все царство Московское».

Почали прощатися:

«Прости нас, холопей своих грешных, государь наш православной царь Михайло Федоровичь всеа Руси! Вели наши помянуть души грешныя! Простите, государи, вы патриархи вселенские! Простите, государи, все митрополиты, и архиепископы, и епископы! И простите все архимандриты и игумены! Простите, государи, все протопопы, и священницы, и дьяконы! Простите, государи, все христианы православные, и поминайте души наши грешные с родителями! Не позорны ничем государству Московскому! Мысля мы, бедныя, умом своим, чтобы умереть не в ямах нам и по смерти бы учинить слава добрая». Подняв на руки иконы чюдотворныя, Предтечеву и Николину, да пошли с ними против бусурман на выласку, их милостию явною побили мы их на выласке, вдруг вышед, шесть тысящей. И, видя то, люди турецкия, што стоит над нами милость божия, што ничем осилеть не умеют нас, с тех то мест не почали уж присылать к приступу к нам людей своих. От тех смертных ран и от истомы их отдохнули в те поры. После тово бою, три дни оне погода,

опять их толмачи почали к нам кричать, чтобы им говорит с нами. У нас с ними уж речи не было, потому и язык наш от истомы вашей во устах наших не воротится. И оне к нам на стрелах почали ерлыки¹⁰¹⁵ метать. А в них оне пишут к нам, просят у нас пуста места азовского, а дают за него нам выкупу на всякого молотца по триста тарелей¹⁰¹⁶ серебра чистаго да по двести тарелей золота красного.

«А в том вам паши наши и полковники сердитуют душею турецкою, веть што ныне на отходе ничем не тронут вас, подите с серебром и з золотом в городки свое и к своим товарищем, а нам лише отдайте пустое место азовское».

А мы к ним напротиву пишем: «Не дорого нам ваше собачье серебро и золото, у нас в Азове и на Дону своево много. То нам, молодцам, дорого надобно, чтобы наша была слава вечная по всему свету, что не страшны нам ваши паши и силы турецкия. Сперва мы сказали вам: дадим мы вам про себя знать и ведать паметно на веки веков во все край бусурманские, штобы вам было казать, пришед от нас, за морем царю своему турецкому глупому, каково приступать х казаку рускому. А сколько вы у нас в Азове городе розбили кирпичу и камни, столко уж взяли мы у вас турецких голов ваших за порчу азовскую. В головах ваших да костях ваших складем Азов город лутче прежнева. Протечет наша слава молодецкая во веки по всему свету, что складем города в головах ваших. Нашол ваш турецкой царь себе позор и укоризну до веку. Станем с нево имать по всякой год уж вшестеро». После тово уж нам от них полехчело, приступу уж не бывало к нам, сметилися¹⁰¹⁷ в своих силах, што их под Азовым побито многие тысячи. А в сиденье свое осадное имели мы, грешные, пост в те поры и моление великое и чистоту телесную и душевную. Многие от нас люди искусные в осаде то видели во сне, и вне сна, ово жену прекрасну и светлолепну, на воздусе стояще посреди града Азова, ини мужа древна власы,¹⁰¹⁸ в светлых ризах, взирающих на полки бусурманския. Ино та нас мать божия богородица не предала в руце бусурманския. И на них нам помощ явно дающе, вслух нцм многим глаголюще умилным гласом: «Мужайтесь, казаки, а не ужасайтесь! Сей бо град Азов от беззаконных агарян¹⁰¹⁹ зловерием их обруган¹⁰²⁰ и суровством их нечестивым престол Предтечин и Николин осквернен. Не токмо землю в Азове или престолы оскверниша, но и воздух над ним отемниша, торжище тут и мучительство христианское учиниша, разлучаша мужей от законных жен, сыны и дщери разлучаху от отцов и от матерей.¹⁰²¹ И от многово того плача и рыдания земля вся христианская от них стонаху. А о чистых девах и о непорочных вдовах и о сущих младенц безгрешных и уста моя не могут изрещи, на их

обругания смотря. И услыша бог моления их и плачь, виде создание рук своих, православных христиан, зле погибающе, дал вам на бусурман отомщение: предал вам град сей и их в руке ваши. Не рекут нечистивый: «Где есть бог ваш христиански?» И вы братие не пецътесь,¹⁰²² отжените весь страх от себя, не пояст¹⁰²³ вас никой бусурманской мечь. Положите упование на бога, приимите венец нетленно от Христа, а души ваши примет бог, имате царствовати со Христом во веки».

Атаманы многие ж видели от образа Ивана Предтечи течаху от очей ево слезы многия по вся приступы. А первой день, приступное во время, видех ломпаду полну слез от ево образа. А на выласках от нас из города все видеша бусурманы, турки, крымцы и нагаи, мужа храбра и млада в одеже ратной, с одним мечем голым на бою ходяще, множество бусурман побиваше. А наши не видели, лишо мы противу убитому¹⁰²⁴ знаем, што дело божие, а не рук наших. Пластаны¹⁰²⁵ люди турецкие, а сечены наполю: послана на них победа с небеси. И оне о том нас, бусурманы, многожды спрашивали: «Хто от вас выходит из града на бой с мечем?» И мы им сказываем: «То выходят воеводы наши».

А всего нашего сидения в Азове от турок в осаде было июня з 24 числа 149 году до сентября по 26 день 150 году.¹⁰²⁶ И всего в осаде сидели мы 93 дни и 93 ноци. А сентября в 26 день в ноци от Азова города турецкие паши с турки и крымской царь со всеми силами за четыре часа до свету, возьматься¹⁰²⁷ окаянные и вострепетась, побежали, никем нами гонимы. С вечным позором пошли паши турецкие к себе за море, а крымской царь пошел в орду к себе, черкасы пошли в Кабарду свою, нагаи пошли в улусы все. И мы, как послышали отход их ис табаров, – ходило нас, казаков, в те поры на таборы их тысяча человек. А взяли мы у них в таборех в тое пору языков, турок и татар живых, четыреста человек, а болних и раненых застали мы з две тысящи.

И нам тея языки в роспросех и с пыток говорили все единодушно, отчево в ноци побежали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами. «В ноци в той с вечера было нам страшное видение. На небеси, над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она против самага табору нашего. А перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши; а в руках своих держат мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские. В те поры мы их всех узнали. И тою ноцию страшные воеводы азовские во одеже ратной выходили на бой в приступы наши из Азова города. Пластали нас и в збруях¹⁰²⁸ наших надвое. От тово-то страшново видения бег пашей турецких и царя крымского с табаров».

А нам, казакам, в ту же ночь с вечера в виде се всем виделось: по валу бусурманскому, где их наряд стоял, ходили тут два мужа леты древны, на одном одежда иерейская, а на другом власяница мохнатая. А указывают нам на полки бусурманские, а говорят нам: «Побежали, казаки, паши турецкие и крымской царь ис табор, и пришла на них победа Христа, сына божия, с небес от силы божия». Да нам же сказывали языки те про изрон людей своих, что их побито от рук наших под Азовом городом: письмяново люду побито одних у них мурз и татар, янычен их, девяносто шесть тысящ, кроме мужика черного и охотника тех янычан. А нас всех казаков в осаде село в Азове толко 7367-м человек. А которые остались мы, холопи государевы, и от осады той, то все переранены, нет у нас человека целова ни единого, кой бы не пролил крови своея, в Азове сидечи, за имя божие и за веру христианскую. А топере мы войском всем у государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси просим милости, сиделцы¹⁰²⁹ азовские и которые по Дону и в городках своих живут, холопей своих чтобы пожаловал и чтобы велел у нас принять с рук наших ту свою государеву вотчину, Азов город, для светого Предтечина и Николина образов, и што им, светом, годно тут. Сем Азовым городом заступит он, государь, от войны всю свою украину, не будет войны от татар и во веки, как сядут в Азове городе.

А мы, холопи ево, которые остались у осаду азовския силы, все уже мы старцы увечные: с промыслу и з бою уж не будет нас. А се обещание всех нас предтечева образа в монастыре сво постричися, принять образ мнишески. За него, государя, станем бога молить до веку и за ево государское благородие. Ево то государскою обороною оборонил нас бог, верою, от таких турецких сил, а не нашим то молодецким мужеством и промыслом. А буде государь нас, холопей своих далних, не пожалует, не велит у нас принять с рук наших Азова города, заплакав, нам ево покинути. Подимем мы, грешные, икону Предтечеву да и пойдём с ним, светом, где нам он велит. Атамана своего пострижем у ево образа, тот у нас над нами будет игуменом, а ясаула пострижем, тот у нас над нами будет строителем.¹⁰³⁰ А мы, бедные, хотя дряхлые все, а не отступим от ево Предтечева образа, помрем все тут до единова. Будет во веки славна лавра Предтечева.

И после тех же атаманов и казаков, что им надобно в Азош для осадного сидения 10 000 людей, 50 000 всякого запаса, 20 000 пуд зелия, 10 000 мушкетов, а денег на то на все надобно 221 000 рублей.

Нынешняго 150 году по прошению и по присылки турецкого Ибрагима салтана царя, он, государь царь и великий князь Михайло Феодоровичь,

пожаловал турецкого Ибрагима салтана царя, велел донским атаманом и казаком Азов град покинуть.

Урядник сокольничьяго пути

КНИГА, ГЛАГОЛЕМАЯ УРЯДНИК¹⁰³¹ НОВОЕ УЛОЖЕНИЯ И УСТРОЕНИЯ ЧИНУ СОКОЛЬНИЧЬЯ ПУТИ¹⁰³²

Государь, царь и великий князь, Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, указал быть новому сему образцу и чину для чести и повышения ево государевы красныя и славныя птичьи охоты, сокольничья чину. И по ево государеву указу никакой бы вещи без благочиния и без устроения у ряженого и удивительного не было, и чтоб всякой вещи честь, и чин, и образец писанием предложен был. Потому, хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна – никто же зазрит, никто же похулит, всякой похвалит, всякой прославит и удивитца, что и малой вещи честь, и чин, и образец положен по мере. А честь и чин и образец всякой вещи большой и малой учинен потому: честь укрепляет и возвышает ум, чин управляет и утверждает крепость. Урядство же уставляет и объявляет красоту и удивление, стройство же предлагает дело. Без чести же малитца и не славитца ум, без чину же всякая вещь не утвердитца и не укрепитца, безстройство же теряет дело и воставляет безделье. Всякий же, читателю, почитай, и разумевай, и узнавай, а нас слагателя похваляй, а не осуждай.

Что всякой вещи потреба? Мерение, сличие,¹⁰³³ составление, укрепление; потом в ней или около ее: благочиние, устроение, уряжение. Всякая же вещь без добрыя меры и иных вышеписанных вещей безделна суть и не может составитца и укрепитца.

Паче же почитайте сию книгу, красный и славный птичьи охоты, прилежный и премудрый охотники, да многие вещи добрые и разумный узрите и разумеете. Аще с разумом прочтете, найдете всякого утешнаго добра; аще же ни, наследите¹⁰³⁴ всякого неутешнаго зла.

Молю и прошу вас премудрых, добродородных и доброхвалных охотников, насмотритися всякого добра: вначале благочиния, славочестия, устроения, уряжения сокольничья чину начальным людем,¹⁰³⁵ и птицем их, и рядовым устроения по чину же; потом на поле утешатися и наслаждатися сердечным утешением во время. И да утешатца сердца ваша, и да пременятца, и не опечалятца мысли ваши от скорбей и печалей ваших.

И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя, и забавляет веселием радостным, и веселит охотников сия птичьа добыча. Безмерна славна и хвальна кречатья добыча. Удивительна же и утешительна и

челига кречатья добыча. Угодительна же и потешна дермлиговая переласка и добыча. Красносмотрительно же и радостно высокова сокола лёт. Премудро же челига соколя добыча и лёт. Добровидна же и копцова добыча и лёт. По сих же доброутешна и приветлива правленых¹⁰³⁶ ястребов и челигов ястребьих ловля.¹⁰³⁷ К водам рыщение,¹⁰³⁸ ко птицам же доступание. Начало же добычи и всякой ловле – разсуждения охотникова временам и порам, разделение же птицам в добычах. Достоверному же охотнику¹⁰³⁹ несть в добыче и в ловле разсуждения временам и порам: всегда время и по-годье в поле.

Будите охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою зело потешно, и угодно, и весело, да не одолеют вас кручины и печали всякия. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте нелениво и безскучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу.

О славнии мои советники и достовернии и премудрии охотники! Радуйтесь и веселитесь, утешайтесь и наслаждайтесь сердцами своими, добрым и веселым сим утешением в предъидущия лета.

Сия притча душевне и телесне; правды же и суда и милостивыя любве и ратного строю николи же позабывайте: делу время и потехе час.

БЛАГОЧИНИЕ И СЛАВОЧЕСТИЕ СОКОЛЬНИЧЬЯ ЧИНУ НАЧАЛЬНЫМ ЛЮДЕМ

Как государь жалует верховых¹⁰⁴⁰ сокольников из рядовых в начальные сокольники, и кому государь укажет быть в начальных сокольниках, и ково подсокольничей и начальные сокольники приговорят быть в начальных сокольниках, тово государь и пожалует.

СТАТЬИ ДО ГОСУДАРЕВА ПРИШЕСТВИЯ КО УСТРОЕНИЮ, КО УРЯЖЕНИЮ, КО СЛАВОЧЕСТИЮ НОВОВЫБОРНАГО

1-я статья

Егда же приспеет час к государской милости к нововыборному, тогда подсокольничей, Петр Семеновичь Хомяков,¹⁰⁴¹ велит переднюю избу Соколенного пути нарядить к государеву пришествию. И велит послать ковер диковатой¹⁰⁴² и положить на ковер озголовья полосатое бархатное: а пух в нем диких уток. А живет¹⁰⁴³ то озголовья и ковер в казне соколенного чину. И противу государеву озголовья и золотова ковра велит поставить 4 стула нарядные, а на них велит посадить 4 птицы: а стулья поставят сим образцом. А промеж стулов велит сена наслать и покрыть попоною, где нарежат¹⁰⁴⁴ нововыборнаго. На 1 стул посадить кречета, на 2 стул посадить чел ига кречатья, на 3 стул посадить сокола, на 4 стул посадит челига соколя. А будет не случитца челига соколя, и в то место посадить сокола на 4 стул. А сидеть птицам на тех стулах розных всех

статей первым¹⁰⁴⁵ птицам.

И позади места урежает потсокольничей, и велит поставить стол и покрыть ковром, и с начальными сокольниками на столе кладет, и урежает наряды птичьи нововыборного и нововыбранного наряд. И уставляет птицы нововыбранного около стола в рядовом наряде. А держат их всех статей рядовые сокольники 2-е по росписи: 1 статьи, Парфенья Яковлева сына Таболина, – Андрюшка Кельин; 2 статьи, Михея Федорова сына Таболина, – Алешка Камчатой; 3 статьи Левонтья Иванова сына Григорова, – Власка Лабутин; 4 статьи, Терентья Максимова сына Тулубьева, – Гришка Молчанов. И рядовых сокольников поставляет по чину же, со птицами, в лутчем платье без шапок.

А птицы держат в большем наряде и в нарядных рукавицах, розных статей, по росписи, и безо птиц в нарядных рукавицах, от стола направо и налево, возле лавок, в один человек.¹⁰⁴⁶

А начальных сокольников поставляет: 1-ва Парфенья Таболина, 3-ва Левонтья Григорова, по праву, у стола и у наряду, перед редовыми сокольниками.

2 статья

Велит потсокольничей вздеть на нововыборного государево жалованье:¹⁰⁴⁷ новой цветной кафтан суконной, с нашивкою золотною или с серебренною: х какому цвету какая пристанет; сапоги желтые.

3 статья

А как нарядитца, и ему быть до государева пришествия в особой избе. А с ним быти 2-м человеком ис старых рядовых сокольников первым, из 2-й и из 3-й статьи: из 2-й Микитке Плещееву, из 3-й Мишке Ерофееву; да и ево сокольником поддатнем¹⁰⁴⁸ всем быти, которые останутца за нарядом, в лутчем платье и в нарядных рукавицах.

И уредя и устроя все по чину. И станет сам подсокольничей перед нарядом, мало поотступя от стола направо. А стоит в фerezее,¹⁰⁴⁹ надев шапку искривя, и дожидаетца государева пришествия с начальными сокольники и со всеми рядовыми.

СТАТЬИ ПРИ ГОСУДАРЕВЕ ПРИШЕСТВИИ

1. Как государь, царь и великий князь, Алексей Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, придет в переднюю избу Сокольничья пути и, пришед, изволит сесть на своем государеве месте, и старшей потсокольничей с начальными соколники, и с рядовыми старыми сокольниками, и с поддатнями государю челом ударит.

А шапка потсокольничему сняти в ту пору, как увидит государевы пресветлые очи. И челом ударя государю, подсокольничей отступит от

стола и от наряду на правую сторону. И мало постояв, подступает бережно и докладывает государя, а молыт: «Время ли, государь, образцу и чину быть?» И государь изволит молыть: «Время, объявляй образец и чин».

И потсокольничей отступает на свое место. И став на месте и поонравяся добролично и добровидно, кликнет начальнова сокольника четвертова и молыт: «Четвертой начальной, Терентей Толубеев, прими у Андрушки челига, розмыть,¹⁰⁵⁰ нововыборнова статьи, и поднеси ко мне». И тот начальной сокольник, приняв челига, поднесет к нему, и он велит держать подле себя по указу.

А мало понороя,¹⁰⁵¹ подсоколничей а молыт: «Начальные, время наряду и час красоте». И начальные емлют с стола наряд: 1-й, Парфеней, возьмет клобучек,¹⁰⁵² по бархату червчетому¹⁰⁵³ шит серебром с совкою нарядною;¹⁰⁵⁴ 2-й, Михей, возьмет колокольцы серебряные позолочены; 3-й, Левонтей, возьмет обнасцы и должик¹⁰⁵⁵ тканые з золотом волоченым. И уготовя весь наряд на руках, подшед к потсокольничему, начальные сокольники нарежают кречета; Левонтей кладет обнасцы и должик, Михей кладет колокольцы, Парфеней кладет клобучок с совкою. А наряда начальные кречета, отступают к прежним своим местам.

И наряжают; нововыбранного сокольника достальных птиц в большей наряд по чину на тех местех, где их держат рядовые сокольники. А наряда их, начальные сокольники станут около стола у наряду, на прежних своих местех.

2. И старшей потсокольничей паки подступает к государю и докладывает: «Время ли, государь, принимать, и по нововыбранного посылать, и украшение уставлять?» И царь и великий князь молыт: «Время; приимай, и посылай, и уставляй».

И потсокольничей паки отступает на свое место. И станет на месте и молыт ясно, громогласно: «Поддай рукавицу». И начальной сокольник 3-й статьи, Левонтей Григоров, поднесет ему рукавицу. И потсокольничей вздевает рукавицу тихо, стройно; и вздев рукавицу, велит ему, Левонтью, отступить на прежнее свое место к наряду.

И потсокольничей, пооправся и поучиняся, перекрестя лице свое, принимает у начального сокольника четвертова, у Терентья Толубеева, челига, нововыборного статьи, премудровато и оброзцовато; и велит ему отступить на прежнее свое место к наряду, и, приняв кречета, мало подступает к царю и великому князю благочинно, смиренно, урядно; и станет поодоле царя и великого князя человечно, тихо, бережно, весело и кречета держит чесно, явно, опасно,¹⁰⁵⁶ стройно, подправительно,¹⁰⁵⁷ подъявително к видению человеческому и х красоте кречатье.

...5. А начальные сокольники, как учнут ставить нововыбранного на поляново,¹⁰⁵⁸ принимаютца за наряд нововыбранного и с стола емлют: 1-й статьи, Парфеней Таболин, емлет шапку горностаиную и держит за верх по обычаю; 2-й статьи, Михей Таболин, емлет рукавицу с притчами¹⁰⁵⁹ и держит по обычаю же; 3-й статьи, Левонтей Григоров, емлет перевезь – тесма серебряная – и держит по обычаю же. А у перевези привешен бархат червчет, четвероуголен, а на бархате шит канителью¹⁰⁶⁰ райская птица Гамаюн; а в Гамаюне¹⁰⁶¹ письмо, а в письме писано уставление, укрепление, обещание нововыборного; 4-й держит тесму золотную. А нововыборного статьи поддатни, рядовые сокольники, емлют с стола последней наряд: 1-й поддатень, Федька Кошелев, держит вабило;¹⁰⁶² 2-й поддатень, Наумка Петров, держит вацагу,¹⁰⁶³ 3-й поддатень, Кирюшка Мослов, держит рог серебряной; 4-й поддатень, Елисейко Батогов, держит полотенце.

6. И мало подождав, потсокольничей, подступяся к государю, докладывает государя, а молыт: «Время ли, государь, мере и чести и укреплению быть?» И государь молыт: «Время, укрепляй».

И потсокольничей отступает на прежнее свое место, а молыт: «Начальные, время мере, и чести, и удивлению быть». «И начальные сокольники потступят к нововыборному и ево наряжают: 4-й опоясывает тесмою, 3-й кладет перевезь с письмом, в бархате застегнута; 2-й кладет рукавицу с притчами, а первой стоит у наряду, держит шапку до указу.

Потом потступят, нововыборного статьи, 4 человека подначальные: поднесет 1-й, Федька Кошелев, вабило большого наряду и крюком на левой стороне за колцо прицепит; 2-й, Наумко Петров, поднесет вацагу и привесит на правой стороне за кольцо; 3-й, Кирюшка Мослов, поднесет рог серебряной и полотенце и привесит рог на правой стороне за колцо; а 4-й, Елисейко Батогов, поднесет полотенце и привесит. И, привеся, поотступят мало от нововыборного и стоят за ним...

Письмо царя Алексея Михайловича А. Л. Ордину-Нащокину

Верному и избранному и радетьельному¹⁰⁶⁴ о божиих и о наших государских делах и судящему людей божиих и наших государевых вправду (воистину доброе и спасительное дело людей божиих судить вправду), наипаче же христороубцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу и совершенно богоприимцу и странноприимцу и нашему государеву всякому делу доброму ходатаю и желателю, думному нашему дворянину и воеводе Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину от нас, великого государя, милостивое слово.

Учинилось нам ведомо, что сын твой попущением божиим, а своим безумством объявился во Гданске. А тебе, отцу своему, лютую печаль учинил, и тоя ради печали, приключившейся тебе от самого сатаны, и мню, что и от всех сил бесовских, исшедшу сему злomu вихру и смятоша воздух аерный, и разлучиша и отторгнуша напрасно сего доброго агнца яростным и смрадным своим дуновением от тебе, отца и пастыря своего. И мы, великий государь, и сами по тебе, верном своем рабе, поскорбели приключившейся ради на тя сея горькие болезни и злого оружия, прошедшего душу и тело твое. Ей, велика скорбь и туга воистинно!

Еще же скорбим и о сожительнице твоей, яко же и о пустыножилице и единопробывательнице в дому твоём, и приемшую горькую пельнь¹⁰⁶⁵ тую в утробе своей, и зело оскорбляемса двойного и неутешного ея плача: первого ея плача не имущи тебя, богом данного и истинна супруга своего пред очима своими всегда; второго плача ея о восхищении¹⁰⁶⁶ и разлучении, от лютого и яростного зверя, единоутробного птенца своего, напрасно отторгнутого от утробы ее. О злое сие насилие от темного зверя попущением божиим, а ваших грех ради!

Воистинно зело велик и неутешим плач, кроме божия надеяния, обоим вам, супругу с супружницею, лишившеся такового наследника и единоутробного от недр своих, еще же утешителя и водителя старости и угодителя честной вашей седине и по отшествии вашем в вечные благие памятотворителя доброго. Бьешь челом нам, чтоб тебя переменить. И ты от которого обычая такое челобитье предлагаешь? Мню, что от безмерные печали. Обесчестен ли бысть? Но к славе, яже ради терпения на небесех лежащей, зрирай. Отщетен¹⁰⁶⁷ ли бысть? Но зрирай богатство небесное и сокровище, еже скрыл еси себе ради благих дел. Отпал ли еси отечества? Но имаши отечество на небесех – Иеросалим. Чадо ли отложил¹⁰⁶⁸ еси? Но

ангелы имаши, с ними же ликоствуеши¹⁰⁶⁹ у престола божия и возвеселишися вечным веселием.

Не люто бо есть пасти, люто бо есть падши не востати: так и тебе подобает от падения своего пред богом, что до конца впал в печаль, востати борзо и стати крепко, и уповати и дерзати и на его приключившееся действо крепко и на свою безмерную печаль дерзостно, безо всякого сомнительства. Воистинно бог с тобою есть и будет во веки и на веки. Сию печаль той да обратит вам в радость и утешит вас вскоре.

А что будто и впрямь сын твой изменил, и мы, великий государь, его измену поставили ни во что, и конечно ведаем, что кроме твоея воли сотворил, и тебе злую печаль, а себе вечное поползновение учинил. И будет тебе, верному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить в ведомство и в соглашение твое ему: и он, простец, и у нас, великого государя, тайно был и не по одно время и о многих делах с ним к тебе приказывали, а такова просто умышленного яда под языком его не ведали. А тому мы, великий государь, не подивляемся, что сын твой сплутал: знатно то, что с малодушия то учинил. Он человек молодой, хочет создания и владычня и творения руку его видеть на сем свете, яко же и птица летает семо и овамо¹⁰⁷⁰ и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает: так и сын ваш вспомянет гнездо свое телесное, наипаче же душевное привязание от святого духа во святой купели, и к вам вскоре возвратится.

И тебе, верному рабу божию и нашему государеву, видя к себе божию милость и нашу государскую отеческую премногую милость, и отложя тое печаль, божие и наше государево дело совершать, смотря по тамошнему делу. А нашего государского не токмо гневу на тебя к ведомой плутости сына твоего, – ни слова нет; а мира сего тленного и вихров, исходящих от злых человек, не перенять, потому что во всем свете рассеяни Быша, точию бо человеку душою пред богом не погрешить, а вихры злые, от человек нашедшие, кроме воли божией что могут учинити? Упование нам бог, а прибежище наше Христос, а покровитель нам есть дух святой.

Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы

И почему было Москве царством быть, и хто то знал, что Москве государством слыть?

Были тут по Москве-реке села красные, хорошы боярина Кучка Стефана Ивановича.¹⁰⁷¹ И бысть у Кучка боярина два сына красны, и не было столь хороших во всей Руской земле. Изведав про них князь Данило Суздальский¹⁰⁷² и спроси у боярина Кучка Ивановича двух сынов к собе во двор с великим прением. И глагола: «Аще не дашь сынов своих ко мне во двор, и яз-де на тебя с войной приду, и тебя мечем погублю, и села твои красные огнем пожгу». И боярин Кучко Стефан Иванович убося грозы князя Даниила Суздальского и отдав сынов обоих своих князю Данилу Суздальскому. И князю же Данилу Суздальскому полюбилися оба сынови Кучковы, почал их любити, и пожалова их – одного в стольники и другаго в чашники.

И приглянулись оне Данилове княгине Улите Юрьевне,¹⁰⁷³ и уязви дьявол ея блудною похотью, возлюби красоту лица их; и дьявольским возжелением зжилися любезно. И здумали извести князя Даниила. И мысля Кучка боярина дети со княгиною, како предати злой смерти. И умыслиша ехати поля смотрити зайца лову. И поехав князь Данило с ними на поле и отъехав в дебри, и нача Кучковы дети предавати злой смерти князя Даниила. Князь ускоче на коне своем в рощу, частоте леса, и бежав зле¹⁰⁷⁴ Оку-реку, остав конь свой. Оне же злии, аки волцы лютии, напрасно¹⁰⁷⁵ хотя восхитити его, и в торопях и сами во ужасте иска его, и не могоша надти его, но токмо нашед коня его.

Князь же добежав зле Оку-реку до перевоза, и нечево дати перевозчику перевозного, токмо с руки перстень злат. Первозщик глаголаше: «Лихи-де вы люди оманчивы, како перевези за реку вас, и удете не заплатя перевознаго». А не познав его, что князь есть. Первозчик же приехавше блиско ко берегу и протянув весло: подай-де перстень на весло перевознаго. Князь же возложыв на весло свой перстень злат, перевозщык взяв перстень к собе, и отпехнувся в перевозне за Оку-реку, и не перевез его.

Князь побеже зле Оку-реку, бояся за собою людей погонщиков. И наста день той к вечеру темных осенних ночей. И не весть, где прикрытися: пусто место в дебри. И нашед струбец, погребен ту был упокойный мертвый. Князь же влезе в струбец той, закрывся, забыв

страсть¹⁰⁷⁶ от мертвого. И почии ночь темну осеннюю до утрия.

Сынове же боярина Кучка Ивановича быв в сетованье и в печали, во скорби велицей, что упустили князя Данила жива с побоища ранена: «Лутче было нам не мыслити и не деяти над князем злого дела смертнаго; Ушел-де князь Данило ранен от нас в Володимер-град ко брату своему, ко князю Андрею Александровичю,¹⁰⁷⁷ и будет князь Андрей к нам за то с войским, и принят будет от них злая казнь розноличная и смерть лютая, а тебе, княгина Улита Юрьевна, повешеной быть на воротех и зле ростиляной, или в землю по плечь живой быть закопаной, что мы напрасно здумали зло на князя неправедно».

Злая же та княгина Улита, наполни ей дьявол в сердце злыи мысли на мужа своего, князя Данила Александровича, аки ярому змею яда лютаго, а дьявольским и сотониным навождением блудною похотью возлюбив милодобрых и наложников и сказа им, Кучковым детям, своим любовником, все по ряду: «Есть-де у нас пес выжлец. И как князь Данило поежжает на грозные побоища против тотаровей и крымских людей и заказывает мне поедучи: «Либо-де я от тотаровей или от крымских людей убит буду, или на поле случитце мне смерть безвестная, и в трупу челоувечье меня сыскать или опознать будет немошно, или и в полон возмут жива меня тотаровя, и которой дорогой в кою страну свезут меня жива в свою землю, и ты пошли искать меня своих дворян с тем со псом выжлетом, и вели им пусти пса того наперед проста¹⁰⁷⁸ и за ним самим ехати, и где будет я жив свезен, и пес той дорогой дойдет меня, или на поле буду мертв без висти, или на побоище убит в трупу многого челоувечья, и образ у меня у мертваго от кровавых ран переиначитце, не познать меня, и тот пес сыщет без оманки¹⁰⁷⁹ меня и мертвому мне почнет радоватися, а мертвое мое тело почнет лизать на радости».

И на утрии княгина Улита того пса выжлеца дав им, своим любовником, и твердо им наказывала: «Где вы его, князя, со псом сыщете жива, и тут ему скоро и смерти предайте без милости». Они же, злии, злаго ума от тоя злоядницы княгины Улиты наполнились, взяв пса того, и доехав того места, где князя Данила вчера ранили, и с того места пустиша напред собя пса выжлеца. И пес побеже, а они за ним скоро ехаша. И побежав пес зле Оку-реку, и добежав до того струпца упокойнаго, где ухоронися князь, и забив пес главу свою в струбец, а сам весь пес в струбец не вместися, и увиде пес государя своего, князя Данила, и нача ему радоватись ласково. Те же искомый его увидевше пса радующесея и хвостом машуще и, скоро скоча, скрывают покров струбца того и нашли тут князя Данила Александровича. И скоро ту князю смерть дают лютую,

мечи и копья прободоша ребра ему и отсекоша главу ему, в том же струбце покрыта тело его.

Той же благоверный князь Данило Александрович бысть четвертый мученик новый, прият мученическую смерть от прелюбодеяний жены своеие. Первый мученики, Борис и Глеб, и Святослав,¹⁰⁸⁰ убьени Быша от брата своего, окаянного Святополка, рекомого Поганогополка. Кучковы же дети приехав во град Суздаль, и привезли ризу кровавую князя Данила Александровича ко княгини его, и немного жьша со княгиной той в бесовском возжелении, сотониным законом связавшись, удручая тело свое блудною любовною похотию, скверня в прелюбодеестве.

Но скоро доходит весть в Володимир-град ко князю Андрею Александровичю, что здеся таковое злоубивствие над братом его Данилом. Сыне же его, Ивану Даниловичю,¹⁰⁸¹ внуку Александрову, остася младу сущу, но токмо пяти лет и трех месяц, и храняше его и соблюде его верный слуга бысть князю Данилу, именем Давыд Тярдемив, храняше его втай два месяца. И зжалися той верный слуга Давыд о княже сыне Иване, и взяв его отай нощию, и паде на конь, и гнав с ним скоро ко граду Володимеру, ко князю Андрею Александровичю, по рождению к дядюшке его. И сказав слуга той Давыд князю Андрею все по ряду бывшее, что во граде Суздале содеся злоубивствие над братом его Данилом.

Князь же Андрей зжалися по брате своем, аки князь Ярослав Владимирович¹⁰⁸² по братьи своей, по Борисе, и Глебе, и по Святославе, на окаянного злаго братоубийца Святополка, нарекомого Поганого полка. И собра Ярослав новгородцев войска, и бога себе в помощь призывая, и шед ратию, и отмстив кровь праведну братьи своей, Бориса, и Глеба, и Святослава, победив окаянного Святополка Поганогополка. Также сий новый Ярослав, князь Андрей Александрович, прослезився горце¹⁰⁸³ по брате своей, князе Даниле Суздальском, и воздев руце на небо, и рече со слезами: «Господи, владыко, творце и всему создатель, мстил еси ты кровь праведну Бориса и Глеба князю Ярославу на окаянного Святополка. Также, господи владыко, мсти кровь сию неповинную, мне грешному, брата моего, князя Данила, на злых сих блудников, наложников тоя бляди Улитки, несытых их плотских, блудных, скверных, грязных похотей, бесовских угодных дел, связанья их сотонина закона. Святополк окаянный братоубивство сотворив, очи его злыи прельстися несытии сребра, и злата, и имения многаго, власть царствати сего света на един час восхотев, а небеснаго царства во веки отринух, а во дне адове вовеки мучение возлюбив. Тако же и та блядь Улитка своего чрева блудная, скверная похоти несытовство всласть на един час в бескорывство приим, не токмо

небеснаго царьства отринувся, но и сего света власть, и злато, и сребро, и ризы многоценный отринув, но возлюби скверность блудную, похоть чреву, несытость, возляже с теми наложники на един час, сласть возлюби, всю земную красоту забыв, а стала ино аки ад изблева, похоть скверную вылья, невеста готовитце окаянному Святополку во дне адове, от сотаны дьявола закон приемлют вовеки мучение, мужа своего изгубих своими наложники, аки сотона со двема дьяволы».

И собра князь Андрей в Володимере-граде своего войска пять тысящ и поиде ко граду Суздалю. И слышав во граде Суздале Кучка боярина Стефана Ивановича дети, что идет на них из Володимера-града князь Андрей с войским, и обыде¹⁰⁸⁴ их страх и ужась, что напрасно пролия кровь неповинную. И не возмогоша стати противо князя Андрея ратоватися, и бежа ко отцу своему, к Кучку боярину Стефану Ивановичю. Князь же Андрей своим воинством пришед в Суздаль-град. Суздальцы же не противишася ему, но токмо покоришася ему глаголюще: «Государю князь Андрей Александрович, мы бо не советники государю своему убоица¹⁰⁸⁵ князю Данилу, но не вемыи, что жена его злую смерть ему в кий час получи и можем тебе, князю Андрею, пособьствовати на слых тех изменников». И взяв княгину Улиту, и казня всякими муками розноличными, и предаде ея смерти лютое, что она, злая, такового безтутства,¹⁰⁸⁶ детеля¹⁰⁸⁷ бога не убояшася и вельможь, всяких людей не усрамишася, а от добрых жен укору и посмеху не постыдешася, мужа своего злой смерти предала, и сама ту же злую смерть прия.

И собрався суздальцев три тысящи войска ко князю Андрею пособьствовати, и поидоша князь Андрей со всею силою на боярина Кучка Стефана Ивановича. И не было у Кучка боярина круг¹⁰⁸⁸ его красных сел ограды каменная, ни острогу деревянного, и немного возмог Кучко боярин боем битися. И не вдолге князь Андрей своей силою войскою емлет приступом селы и слободы красныя Кучка боярина, и самого его, Кучка боярина, и с его детми в полон емлет. И куют их в железа крепкие, и казнят его и з детми его всякими казнями розноличными лютыми. И ту Кучко боярин и своими детми злую смерть приятъ в лето 6797¹⁰⁸⁹ месяца марта в 17 день.

Князь же Андрей Александровичь отмстив кровь брата своего, победив Кучка боярина и злых убиец князя Данила, брата своего, а детей Кучка боярина и все именье богатства его розграбиша, а сел и слобод красных еще не позжгоша огнем. И воздаде славу богу на радости, и почи ту до утрия. И на утрии востав и посмотрив по тем красным селам и слободам, и вложы бог в сердце князю Андрею мысль: те села и слободы

добре ему красны полюбился, и мысли во уме своем уподобися ту граду быть. И воздохнув из глубины сердца своего, и помолився богу со слезами, и возрев на небо, и рече: «Боже вседержителю, творче и всему создатель, просвяти, господи, место сие, уподобися граду быти и церквам Божиим, подаж ми, господи, помощь хотения мысли моя устроить». И оттоле князь Андрей седе в тех красных селах и слободах житьствовати, во граде же Суздале и в Володимере посажая державствовати сына своего Георгия, а плямника¹⁰⁹⁰ своего, брату сына, Ивана Даниловича, к себе взяв и воспитав его до возраста в добре наказании.

Той же благоверный князь Андрей Александрович созижде церковь святя бородицы честнаго и славнаго ея Благовещенья, но невелику сущи, деревянную, и бога в помощь себе призывающи и пречистую его богоматерь. Таже нача и град основати около тех красных сел по Москвереке, бога себе в помощь призывая, с ним же пособствова суздальцы, и володимерцы, и ростовцы, и все окрестные. Ту и соверши град Божию помощь, и устрой, и башни здела, и все градное устрой в лета 6799¹⁰⁹¹ месяца июля в 27 день на память святого великомученика Пантелеймона. И оттоле нача именоватися и прославися град той Москва.

Повесть о Ерше Ершовиче

В МОРИ ПЕРЕД БОЛШИМИ РЫБАМИ СКАЗАНИЕ О ЕРШЕ О ЕРШОВЕ СЫНЕ, О ЩЕТИНЕ О ЯБЕДНИКЕ, О ВОРЕ О РАЗБОЙНИКЕ, О ЛИХОМ ЧЕЛОВЕКЕ, КАК С НИМ ТЯГАЛИСЯ РЫБЫ ЛЕЩ ДА ГОЛОВЛЬ, КРЕСТЬЯНЯ РОСТОВСКОГО УЕЗДУ

Лета 7105¹⁰⁹² декабря в день было в болшом озере Ростовском съездялися судии всех городов, имена судиям: Белуга Ярославская, Семга Переяславская, боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольнічей был Сом, больших Волских предел,¹⁰⁹³ судные мужики Судок да Щука-трепетуха.

Челом били Ростовского озера жильцы, Лещ да Головлъ, на Ерша на щетину по челобитной. А в челобитной их написано было: «Бьют челом и плачутца сироты божи и ваши крестьянишька, Ростовскаго озера жильцы, Лещ да Головлъ. Жалоба, господа, нам на Ерша на Ершова сына, на щетинника на ябедника, на вора на разбойника, на ябедника на обманщика, на лихую, на раковые глаза, на вострые щетины, на худово недоброво человека. Как, господа, зачалось озеро Ростовское, дано в вотчину на век нам после отцев своих, а тот Ерш щетина, ябедник, лихой человек, пришел из вотчины своей, из Волги из Ветлужскаго поместья из Кузьмодемьянскаго стану, Которостью-рекою к нам в Ростовское озеро з женою своею и з детишками своими, приволокся в зимнюю пору на ивовых санишках и загрязнился и зечернился, что он кормился по волостям по дальним и был он в Черной реке, что пала она в Оку-реку, против Дудина монастыря.

И как пришел в Ростовское озеро и впросился у нас начевать на одну ночь, а назвался он крестиянином. И как он одну ночь переначевал, и он вопрошался у нас в озеро на малое время пожить и покормитися. И мы ему поверили и пустили ево на время пожить и покормитися и з женишком и з детишками. А пожив, итти было ему в Волгу, а жировать ему было в Оке-реке. И тот воришько Ершь обжился в наших вотчинах в Ростовском озере, да подале нас жил и з детьми расплодился, да и дочь свою выдал за Вандышева сына и расплодился с племянем своим, а нас, крестиян ваших, перебили и переграбили, и из вотчины вон выбили, и озером завладели насильством з женишком своим и з детишками, а нас хочет поморить голодною смертию. Смилуйтеса, господа, дайте нам на него суд и управу».

И судии послали пристава Окуня по Ерша по щетину, велели поставить. И ответчика Ерша поставили перед судиями на суде. И суд

пошел, и на суде спрашивали Ерша:

«Ершь щетина, отвечай, бил ли ты тех людей и озером и вотчиною их завладел?»

И ответчик Ершь перед судьями говорил: «Господа мои судии, им яз отвечаю, а на них яз буду искать безчестия своего, и назвали меня худым человеком, а яз их не бивал и не граблывал и не знаю, ни ведаю. А то Ростовское озеро прямое мое, а не их, из старины дедушкы моему Ершу Ростовскому жильцу. А родом есьми аз истаринший¹⁰⁹⁴ человек, детишка боярские,¹⁰⁹⁵ мелких бояр по прозванию Вандышевы, Переславцы. А те люди, Лещ да Головль, были у отца моего в холопях. Да после, господа, яз батюшка своего, не хотя греха себе по батюшкове душе, отпустил их на волю и з женишками и з детишками, а на воле им жить за мною во хрестиянстве, а иное их племя и ноне есть у меня в холопях во дворе. А как, господа, то озеро позасохло в прежние лета и стало в томь озере хлебная скудость и голод велик, и тот Лещь да Головль сами сволоклися на Волгу-реку и по затонам разлилися. А ныне меня, бедново, отнють продают напрасно. И коли оне жили в Ростовскомь озере, и оне мне никогда и свету не дали, ходят поверх воды. А я, господа, божиею милостию и отцовымь благословениемь и материною молитвою не чмуть,¹⁰⁹⁶ ни вор, ни тать и ни разбойник, а полишнаго¹⁰⁹⁷ у меня никакова не вынимывали, живу я своею силою и правдою отеческою, а следом ко мне не прихаживали и напраслины никакой не плачивал. Человек я доброй, знают меня на Москве князи и бояря и дети боярские, и головы стрелецкие, и дьяки и подьячие, и гости торговые, и земские люди, и весь мир во многих людях и городех, и едят меня в ухе с перцемь и шавфраномь и с уксусомь, и во всяких узорочиях, а поставляют меня перед собою чесно на блюдах, и многи люди с похмеля мною оправливаютца».

И судии спрашивали Леща с товарищи: «Что Ерша еще уличайте ли чем?»

И Лещь говорил: «Уличаем божиею правдою да кресным целованием¹⁰⁹⁸ и вами, праведными судьями».

«Да сверж кресново целования есть ли у нево, Ерша, на то Ростовское озеро какое письмо или какие даные или крепости какие не быть?»

И Лещь сказал: «Пути-де у нас и даные утерялися, а сверж тово и всем ведамо, что то озеро Ростовское наше, а не Ершево. И как он, Ершь, тем озером завладел сильно,¹⁰⁹⁹ и всем то ведамо, что тот Ершь лихой человек и ябедник и вотчиною нашею владеет своим насильством».

И Лещь с товарищем слалися: «Сшлемся, господа, из виноватых,¹¹⁰⁰

на доброво человека, а живет он в Новгородском уезде в реке Волге, а зовут его рыба Лодуга, да на другово доброво человека, а живет он под Новымгородом в реке, зовут его Сигом. Шлемся, господа наши, что то Ростовское озеро из старины наше, а не Ершово».

И судии спрашали Ерша щетинника: «Ершь щетинник, шлесьса ли ты на Лещеву общую правду?» И Ершь им говорил: «Господа праведные судии, Лещь с товарищи своими люди прожиточные, а я человек небогатой, а съезд у меня вашим посылочным людям и пожитку нет, по ково посылка починать. А те люди в дал нем разстоянии, шлюся на них в послушество, что оне люди богатые, а живут на дороге. И оне хлеб и соль с теми людьми водят меж собою».

И Лещь с товарищем: «Шлемся, господа, из виноватых на доброво человека, а живет он в Переславском озере, а зовут его Селдь рыба».

И Ершь так говорил: «Господа мои судии, Лещь Сигу да Лодуге и Сельди по племяни,¹¹⁰¹ промеж собою ссужаютьца,¹¹⁰² и они по Леще покроют».

И судии спрашивали Ерша: «Ершь щетина, скажи нам, почему тебе те люди недруги,¹¹⁰³ а живешь ты от них подалеку?» И Ершь говорил так: «Дружбы у нас и недружбы с Сигом и с Лодугою и з Сельдию не бывало, а слатся на них не смею, потому что путь дальней, а ездз платить нечем,¹¹⁰⁴ а се Лещь – он с ними во племяни».

И судии спрашивали и приговорили Окуню приставу¹¹⁰⁵ съездити по те третие, на коих слалися в послушество на общую правду, и поставити их пред судиями. И пристав Окунь поехал по правду и взял с собою понятых Мня. И Мень ему отказал: «Что ты, братец, меня хочешь взять, а я тебе не пригожуся в понятые – брюхо у меня велико, ходити я не могу, а се у меня глаза малы, далеко не вижу, а се меня губы толсты, перед добрыми людьми говорить не умею».

И пристав Окунь отпустил Мня на волю да взял в понятые Язя да Саблю да мелкого Молю с пригоршни и поставил правду пред судиями.

И судии спрашивали Сельди да Лодуга и Сига: «Скажите, что ведаете промеж Леща да Ерша, чье из старины то Ростовское озеро было?»

И правду сказали третие: «То-де озеро из старины Лещево да Головлево». И их оправили.¹¹⁰⁶ «Господа, – люди добрые, а крестияня они божи, а кормятся своею силою, а тот Ершь щетина лихой человек, поклепщик бедо,¹¹⁰⁷ обманщик, воришько, воришько-ябедник, а живет по рекам и по озерам на дне, а свету мало к нему бывает, он таков, что змия ис-под куста глядит. И тот Ерш, выходя из реки на устье, да обманывает большую рыбу в неводы, а сам и вывернетца он, аки бес. А где он

впроситца начевать, и он хочет и хозяина-то выжить. И как та беда разплодился, и он хочеть и вотчинника-то посесть, да многих людей ябедничеством своим изпродал и по дворам пустил, а иных людей пересморкал. А Ростовское озеро Лещево, а не Ершово».

И судии спрашивали у Ерша: «Скажи, Ершь, есть ли у тебя на то Ростовское озеро пути и данные и какие крепости?»¹¹⁰⁸ И Ершь так говорил: «Господа, скажу я вам, были у меня пути и данные и всякие крепости на то Ростовское озеро. И грех ради моих в прошлых, господа мои, годех, то Ростовское озеро горело с-Юльина дни да до Семеня дни Летоначатьца, а гатить было в тое поры нечем, потому что старая солома придержалася, а новая солома в тое пору не поспела. Пути у меня и данные згорели».

И судии спрашивали: «Скажите вы про тово Ерша; назвался он добрым человеком, да знают-де ево князя и бояря, и дворяня и дети боярские, и дьяки и подьячие, и гости и служивые люди, и земские старосты, что он доброй человек, родом сын боярской Вандышевых, Переславцы».

«А мы, господа, стороны, про нево скажем вправду. Знают Ерша на Москве бражники и голыши и всякие люди, которым не сойдетца купить добрые рыбы, и он купит ершев на полденьги, возмет много есть, а более того хлеба разплюеть, а досталь¹¹⁰⁹ собакам за окно вымечють или на кровлю выкинуть. А из старины словут Вандышевы, Переславцы, а промыслу у них никакого нет, опричь плутовства и ябедничества, что у засельских холопей. Да, чаю, знает ево и воевода Осетр Хвалынскаго моря да Сом з большим усом, что он, Ершь, вековой обманщик, и обайщик, и ведомой воришко».

И судии спрашивали Осетра: «Осетр, скажи нам про тово Ерша, что ты про нево ведаешь?»

И Осетр, стоячи, молвил: «Право, я вам ни послух, ни что, а скажу про Ерша правду. Знают Ерша на Москве князи и бояря и всяких чинов люди. Толко он – прямой вор, а меня он обманул, а хотел вам давно сказать, да, право, за сором не смел сказать, а ныне прилучилося сказать. И еще я вам скажу, как Ершь меня обманул, когда было яз пошел из вотчины своей реки Которости к Ростовскому озеру, и тот Ерш встретил меня на устье, пустил до озера да назвал меня братом. И яз начался ево добрым человеком да назвал ево противу братом. И он меня спросил: «Брате Осетр, далечаль ты идеш?» И яз ему спроста сказал, что иду в Ростовское озеро жировать. И Ерш рече: «У меня перешиб,¹¹¹⁰ брате мой милый Осетр, жаль мне тебя, не погинь ты напрасно, а ныне ты мне стал не в

чужих. Коли яз пошел из вотчины своей, из Волги-реки, Которостию-рекою к Ростовскому озеру, и тогда яз был здвоя тобя и толще и шире, и щоки мои были до передняго пера, а глава моя была что пивной котел, а очи что пивные чаши, а нос мой был карабля заморскаго, вдол меня было сем сажен, а поперек три сажени, а хвост мой был что лодейной парус. И яз бока свои о берег отер и нос переломал, а ныне ты, брате, видишь и сам, каков яз стал: и менши тобя и дороства моего ничего нет». И яз ему, вору, поверил и от него, блядина сына, назат воротился, а в озеро не пошел, а жену и детей з голоду поморил и племя свое розпустил, а сам одва чуть жив пришел, в Нижнее под Новгород не дошел, в реке и зимовал».

А Сом воевода, уставя свою непригожую рожу широкую и ус роздув, почал говорить: «Право, он прямой человек ведомой вор: мне он не одно зло учинил – брата моево, болшево Сома, затащил в невод, а сам, аки бес, в ячейку и вывернулся. А когда брат мой, болшей Сом, вверх по Волге-реке шел, и тот Ершь щетина, ябедник и бездушник, встретил ево, брата моево, и почал с ним говорить. А в тое время брата моево неводом обкидали и з детьми, а тот Ершь стал говорить: «Далече ли ты, дядюшка Сом, видишь?» И брат мой спроста молвил: «Я-де вижу Волгу с вершины и до устья». А тот Ершь насмеялся: «Далече ты, дядюшка Сом, видишь, а я недалеко вижу, толко вижу, что у тебя за хвостом». А в те поры брата моего и з детми рыболовы поволокли на берег, а он, вор Ершь щетина, в малую ячейку из неводу и вывернулся, аки бес, а брата моево на берег выволокли да обухами и з детми прибили, и Ершь скачет да пляшет, а говорит: «А дак-де нашево Обросима околачивают». Ершь – ведомой вор».

И судии в правду спрашивали и приговорили Лещу с товарищем правую грамоту дать. И выдали Лещу с товарищи Ерша щетину головою.

Беда от бед, а Ершь не ушел от Лещи и повернулса к Лещу хвостом, а сам почал говорить: «Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищем, проглоти с хвоста».

И Лещь, видя Ершево лукавство, подумал Ерша з головы проглотить, ино костоват добре, а с хвоста уставил щетины, что лютые рогатины или стрелы, нельзе никак проглотить. И оне Ерша отпустили на волю, а Ростовским озером по-прежнему стали владеть, а Ершу жить у них во крестиянех. Взяли оне, Лещь с товарищем, на Ерша правую грамоту, чтобы от нево впредь беды не было какой, а за воровство Ершево велели по всем бродом рыбным и по омутом рыбным бить ево кнутом нещадно.¹¹¹¹

А суд судили: боярин и воевода Осетр Хвальнскаго моря да Сом з болшим усом, да Щука-трепетуха, да тут же в суде судили рыба Нелма да Лосось, да пристав был Окунь, да Язев брат, а палач бил Ерша кнутом за

ево вину – рыба Кострашь. Да судные избы был сторож Мен Чернышев да другой Терской, в понятых были староста Сазан Ильменской да Рак Болотов, да целовальник переписывал животы и статки¹¹¹² пять или шесть Подузов Красноперых, да Сорок з десеть, да с пригоршни мелково Молю, да над теми казенными целовальники, которые животы Ершевы переписывали в Розряде, имена целовальником – Треска Жеребцов, Конев брат. И грамоту правую на Ерша дали.

И судной список писал вину Ершову подьячей, а печатал грамоту дьяк Рак Глазунов, печатал левою клешнею, а печать подписал Стерлеть с носом, а подьячей у записки в печатной полате – Севрюга Кубенская, а тюремный сторож – Жук Дудин.

Суд Шемякин

В неких местех живяше два брата земледельцы, один богат, други убог. Богаты же ссужая много лет убогова и не може исполнити скудости его. По неколику времени прииде убоги к богатому просити лошади, на чемь ему себе дров привести. Брат же ему не хотяше дати ему лошади и глагола ему: «Много ти, брате, ссужал, а наполнити не мог». И егда даде ему лошадь, он же возьмь, нача у него хомута просити. И оскорбися на него брат, нача поносити убожество его, глаголя: «И того у тебя нет, что своего хомута». И не даде ему хомута.

Поиде убогой от богатого, взя свои дровни, привяза за хвост лошади, поеде в лес и привезе ко двору своему и забы выставити подворотню и ударив лошадь кнутом. Лошадь же изо всеи мочи бросися чрез подворотню с возом и оторва у себя хвост.

И убоги приведе к брату своему лошадь без хвоста. И виде брат его, что у лошади ево хвоста нет, нача брата своего поносити, что лошадь, у него отпрося, испортил, и, не взяв лошади, поиде на него бити челом во град к Шемяке судии.

Брат же убоги, видя, что брат ево пошел на него бити челом, поиде и он за братом своим, ведая то, что будет на него из города посылка, а не ити, – ино будет езд¹¹¹³ приставом платить.

И приидоша оба до некоего села, не доходя до города. Богатый прииде начевати к попу того села, понеже ему знаем. Убогий же прииде к тому же попу и, пришед, ляже у него на полати. А богатый нача погибель сказывать своей лошади, чего ради в город идет. И потом нача поп з богатым ужинати, убогова же не позовут к себе ясти. Убогий же нача с полатей смотрети, что поп з братом его ест, и урвася с полатей на зыпку и удави попова сына до смерти. Поп также поеде з братом в город бити челом на убогова о смерти сына своего.

И приидоша ко граду, иде же живяше судия. Убогий же за ними же иде. Поидоша через мост в город. Града же того некто житель везе рвом в баню отца своего мыти. Бедный же веды¹¹¹⁴ себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтиса до смерти. Бросяся, упаде на старого, удави отца у сына до смерти; его же поимаше, приведоша пред судию. Он же мысляше, как бы ему напастей избыти и судии что б дати. И ничего у себе не обрете, измысли, взя камень и, завертев в плат и положи в шапку, ста пред судиею. Принесе же брат его челобитную на него исковую в лошади и нача на него

бити челом судии Шемяке.

Выслушав же Шемяка челобитную, глаголя убогому: «Ответцай!» Убогий же, не веды, что глаголати, вынял из шапки тот заверченый камень, показа судии и поклонися. Судия же начаяся,¹¹¹⁵ что ему от дела убоги посулил, глаголя брату ево: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не замай до тех мест,¹¹¹⁶ у лошади вырастет хвост. А как вырастет хвост, в то время у него и лошадь свою возми».

И потом нача другой суд быти. Поп ста искати смерти сына своего, что у него сына удави. Он же также выняв из шапки той же заверченый плат и показа судие. Судия же виде и помысли, что от другова суда други узел сулит злата, глаголя попу судия: «Коли-де у тебя ушип сына, и ты-де атдай ему свою жену попадью до тех мест, покамест у попадьи твоей он добудет ребенка тебе. В то время возми у него попадью и с ребенком».

И потом нача трети суд быти, что, бросаюсь с мосту, ушиб у сына отца. Убогий же, выняв заверченый из шапки той же камень в плате, показа в третие судие. Судия же начаяся, яко от третьего суда трети ему узол сулить, глаголя ему, у кого убит отец: «Взыди ты на мост, а убивы отца твоего станеть под мостом, и ты с мосту вержися сам на его, такожде убий его, яко же он отца твоего».

После же суда изыдоша исцы со ответчиком ис приказу. Нача богаты у убогова просити своей лошади, он же ему глагола: «По судейскому указу как-де у ней хвост вырастет, в ту-де тебе пору и лошадь твою отдам». Брат же богаты даде ему за свою лошадь пять рублей, чтобы ему и без хвоста отдал. Он же взя у брата своего пять рублей и лошадь его отдал.

Той же убоги нача у попа просити попадьи по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с робенком. Поп же нача ему бити челом, чтоб у него попадьи не взял. Он же взял у него десять рублей.

Той же убоги нача и третиему говорить исцу: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взыди на мост и на меня тако ж бросися, яко ж и аз на отца твоего». Он же размишляя себе: «Броситися мне – и ево-де не ушибить, а себя разшибьти». Нача и той с ним миритися, даде ему мзду, что броситися на себя не веле.

И со всех троих себе взял.

Судия шь высла человека ко ответчику и веле у него показанние три узлы взять. Человек же судии нача у него показанный три узла просить: «Дай-де то, что ты из шапки судне казал в узлах, велел у тебя то взяти». Он же выняв из шапки завязаны камень и показа. И человек ему нача говорить: «Что-де ты кажеш камень?» Ответчик же рече: «То судии и

казал». Человек ему нача его вопрошати: «Что то за камень кажешь?» Он же рече: «Я-де того ради сей камень судье казал, кабы он не по мне судил, и я тем камнем хотел его ушибти».

И пришед человек и сказал судье. Судья же, слыша от человека своего, и рече: «Благодарю и хвалю бога моего, что я по нем судил: ак бы я не по нем судил, и он бы меня ушиб».

Потом убогий отыде в дом свой, радуйся и хваля бога. Аминь.

Сказание о роскошном житии и веселии

Не в коем государстве добры и честны дворянин вновь пожалован помещицом малым.

И то ево поместье меж рек и моря, подле гор и поля, меж дубров и садов и рощей избранных, езерь¹¹¹⁷ сладководных, рек многорыбных, земель доброплодных. Там по полям пажити видети скотопитательных пшениц и жит различных; изобилны по лугам травы зеленыя, и разноцветуци, цветов сличных¹¹¹⁸ прекрасных и благовонных несказанно. По лесам древес – кедров, кипарисов, виноградов, яблонь и груш и вишень и всякого плодного масличья – зело много; и толико премного и плодovито, что яко само древесие человеческому нраву самохотне служит, преклоняя свои вершины и розвевая свои ветви, пресладкия свои плоды объявляя.

В садах же и дубровах птиц преисполнено и украшено – пернатых и краснопесневых сиринов и попугаев, и струфокамилов,¹¹¹⁹ и иных птах, служащих на снедь человеческому роду. На голос кличещему человеку прилетают, на двор и в дома, и в окны и в двери приходят. И кому какая птица годна, тот ту себе, избрав, взмет, а остаточных прочь отгоняет.

А по мори пристанищ корабельных и портов утешных и утишах¹¹²⁰ добрых без числа много там. Насадов и кораблей, шкун, каторг, бус и лодей, стругов и лоток, паюсков, кояков и карбусов неисчетныи тьме тысящи, со всякими драгоценными заморскими товары безпрестанно приходят: з бархоты и отласы, со златоглавы и оксамиты,¹¹²¹ и с олтабасы,¹¹²² и с коберцами,¹¹²³ и с камками. И отходят и торгуют без пошлин.

А по краям и берегам морским драгоценных камней – акинфов, алмазов, яхонтов, изумрудов драгоценных, бисеру и жемчугу – добре много. А по дну морскому песков руд златых и серебряных, и медных и оловяных, мосяровых¹¹²⁴ и железных, и всяких кружцов¹¹²⁵ несказанно много.

А по рекам там рыбы – белугов, осетров и семги, и белых рыбиц и севрюг, стерледи, селди, леци и щуки, окуни и караси, и иных рыб – много. И толико достаточно, яко сами под двory великими стадами подходят, и тамошние господари, из домов не исходя, но из дверей и из окон и руками, и удами, и снастями, и баграми ловят.

А по домам коней стоялых – аргамаков, бахматов, иноходцев, – кур и овец, и лисиц и куниц, буйволов и еленей, лосей и соболей и бобров,

зайцев и песцов, и иных, одевающих плоть человеческую во время ветров, – безчисленно много.

А за таким великим приходом той земли не бывает снегов, не знают дождя, грозы не видеть, и что зима – отнюдь не слышать. И таких зверей и шубы людям непотребны.

Да там же есть едина горка не добре велика, а около ея будеть 90 миль полских. А около тоя горки испоставлено преукрашенных столов множество, со скатертми и с убрусами и с ручниками, и на них ключи и мисы златыя и сребренныя, хрустальныя и стеклянныя, и различных яств с мясными и с рыбными, с посными и скоромными, ставцы,¹¹²⁶ и сковороды, и сквородки, лошки и плошки. А на них колобы и колачи, пироги и блины, мясныя части и кисель, рыбныя звены и ухи, гуси жареныя и журавли, лебеди и чапли и индейския куры, и курята и утята, кокоши¹¹²⁷ и чирята, кулики и тетеревы, воробьи и цыплята, хлебы ситныя и пирошки, и сосуды с разными напитками. Стоят велики чаны меду, сороковыя бочки вина, стоновыя делвы¹¹²⁸ ренскова и рамонеи, балсамов¹¹²⁹ и тентинов, и иных заморских драгоценных питий множество много. И браги, и бузы, и квасу столь множество, что и глядеть не хочется.

А кто-либо охотник и пьян напьется, ино ему спать довольно ништо не помешает: там усланы постели многия, перины мяхкия пуховыя, изголовья, подушки и одеяла. А похмельным людям также готово похмельных ядей соленых, капусты великия чаны, огурцов и рыжиков, и грушей, и редки, и чесноку, луку и всякия похмельныя яствы.

Да там же есть озеро не добре велико, исполнено вина двойнова. И кто хочет, испивай, не бойся, хотя вдруг по две чаши. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк пришед – хотя ковшем или ставцом, припадкою или горьстью, – бог в помощь, напивайся. Да близко ж тово целое болото пива. И ту всяк пришед пей да и на голову лей, коня своего мой да и сам купайся, и ништо не оговорит, ни слова молвит. Там бо того много, а все самородно. Всяк там пей и ежь в свою волю, и спи доволно, и прохлаждайся любовно.

А около гор и по полям, по путем и по дорогам, перцу валяется что сорю,¹¹³⁰ а корицы, инбирю – что дубова коренья. А онис и гвоздика, шаврань и кардамон, и изюмныя и винные ягоды, и виноград на все стороны лопатами мечут, дороги прочищают, чтобы ходить куды глаже. А ништо тово не подбирает, потому что всего там много.

А жены там ни прядут, ни ткнут, ни платья моют, ни кроют, ни шьют, и потому что всякова платья готовога много: сорочек и порт мужеских и

женских шесты повешены полны, а верхнева платья цветнова коробьи и сундуки накладены до кровель, а перстней золотых и серебряных, зарукавей,¹¹³¹ цепочек и монистов без ларцев валяется много – любое выбирай да надевай, а никто не оговорит, не попретит ни в чем.

А кроме там радостей и веселья, песень, танцованья и всяких игр, плясанья, никакия печали не бывает. Тамошня музыка за сто миль слышать. Аще кому про тамошней покой и веселье сказывать начнешь, никако ничто тому веры не пойме, покамест сам увидит и услышит.

И кто изволит до таких тамошних утех и прохладов, радостей и веселья ехать, и повез бы с собою чаны с чанички и с чянны, бочки и бочерочки, ковши и ковшички, братины и братиночки, блюда и блюдишки, торелки и торелочки, ложки и ложечки, рюмки и рюмочки, чашки, ножики, ножи и вилочки, ослопы¹¹³² и дубины, палки, жерди и колы, дреколие, роженье,¹¹³³ оглобли и каменя, броски и уломки,¹¹³⁴ сабли и мечи и хорзы, луки, сайдаки¹¹³⁵ и стрелы, бердыши, пищали и пистолеты, самопалы, винтовки и метлы, – было бы чем от мух пообмахнуться.

А прямая дорога до тово веселья от Кракова до Аршавы и на Мозовшу, а оттуда на Ригу и Ливлянд,¹¹³⁶ оттуда на Киев и на Подолеск, оттуда на Стеколню и на Корелу, оттуда на Юрьев и ко Брести, оттуда к Быхову и в Чернигов, в Переяславль и в Черкасской, в Чигирин и Кафимской. А кого перевезут Дунай, тот домой не думай.

А там берут пошлины неболшия: за мыты,¹¹³⁷ за мосты и за перевозы – з дуги по лошади, с шапки по человеку и со всево обозу по людям.

А там хто побывает, и тот таких роскошей век свой не забывает.

Слово о бражнике, како вниде в рай

Бысть неки бражник, и зело много вина пил во вся дни живота своего, а всяким ковшом господа бога прославлял, и час-то в нощи богу молился. И повеле господь взять бражникову душу, и постави ю у врат святого рая божия, а сам ангел и прочь пошел.

Бражник же начя у врат рая толкаться, и приде ко вратам верховный апостол Петр, и вопроши: «Кто есть толкущийся у врат рая?» Он же рече: «Аз есмь грешны человек бражник, хощу с вами в раю пребыти». Петр рече: «Бражником zde не входимо!» И рече бражник: «Кто ты еси тамо? Глас твой слышу, а имени твоего не ведаю». Он же рече: «Аз есть Петр апостол». Слышав сия бражник, рече: «А ты помниши ли, Петре, егда Христа взяли на распятие, и ты тогда трижды отрекся еси от Христа? О чем ты в раю живеши?» Петр же отъиде прочь посрамлен.

Бражник же начя еще у врат рая толкаться. И приде ко вратом Павел апостол, и рече: «Кто есть у врат рая толкаетца?» – «Аз есть бражник, хощу с вами в раю пребывати». Ответа Павел: «Бражником zde не входимо!» Бражник рече: «Кто еси ты, господине? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». – «Аз есть Павел апостол». Бражник рече: «Ты еси Павел! Помниши ли, егда ты первомученика Стефана камением побил? Аз, бражник, никою не убил!» И Павел апостол отъиде прочь.

Бражник же еще начя у врат толкаться. И приде ко вратом рая царь Давыд: «Кто есть у врат толкаетца?» – «Аз есть бражник, хощу с вами в раю пребыти». Давыд рече: «Бражником zde не входимо!» И рече бражник: «Господине, глас твой слышу, а в очи тебя не вижу, имени твоего не вем». – «Аз есть царь Давыд».

И рече бражник: «Помниши ли ты, царь Давыд, егда слугу своего Урию послал на службу¹¹³⁸ и веле ево убити, а жену ево взял к себе на постелю? И ты в раю живеши, а меня в рай не пуцаеши!» И царь Давыд отъиде прочь посрамлен.

Бражник начя у врат рая толкаться. И приде ко вратом царь Соломон: «Кто есть толкаетца у врат рая?» – «Аз есть бражник, хощу с вами в раю быти». Рече царь: «Бражником zde не входимо!» Бражник рече: «Кто еси ты? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». – «Аз есмь царь Соломон», Отвещав бражник: «Ты еси Соломон! Егда ты был во аде, и тебя хотел господь бог оставити во аде, и ты возопил: господи боже мой, да вознесетца рука твоя, не забуди убогих своих до конца! А се еще жены послушал, идолом поклонился, оставя бога жива, и четьредесять¹¹³⁹ лет

работал еси им!¹¹⁴⁰ А я, бражник, никому не поклонился, кроме господ бога своего. О чем ты в рай вшел?» И царь Соломон отъиде проч посрамлен.

Бражник же начя у врат рая толкатися. И приде ко вратом святитель Никола: «Кто есть толкущися у врат рая?» – «Аз есть бражник, хощу с вами в раю во царствие внити». Рече Никола: «Бражником zde не входимо в рай! Им есть мука вечная и тартар неисповедим!» Бражник рече: «Зане глас твой слышу, а имени твоего не знаю, кто еси ты?» Рече Никола: «Аз есть Николай». Слышав сия бражник, рече: «Ты еси Николай! И помниш ли: егда святи отцы были на вселенском соборе и обличили еретиков, и ты тогда дерзнул рукою на Ария¹¹⁴¹ безумнаго? Святителем не подобает рукою дерзку быти. В законе пишет: не уби, а ты убил рукою Ария треклятаго!» Николай, сия слышав, отъиде прочь.

Бражник же еще начя у врат рая толкатися. И приде ко вратом Иоанн Богослов, друг Христов, и рече: «Кто у врат рая толкаетца?» – «Аз есть бражник, хощу с вами в раю быти». Отвещав Иоанн Богослов: «Бражником есть не наследимо царство небесное, но уготованна им мука вечная, что бражником отнюдь не входимо в рай!» Рече ему бражник: «Кто есть тамо? Зане глас твои слышу, а имени твоего не знаю». – «Аз есть Иоанн Богослов». Рече бражник: «А вы с Лукою написали во Евангели: друг друга любяй. А бог всех любит, а вы пришельца ненавидите, а вы меня ненавидите. Иоанне Богослове! Либо руки своя отпишись, либо слова отопрись!» Иоанн Богослов рече: «Ты еси наш человек, бражник! Вниди к нам в рай». И отверзе ему врата.

Бражник же вниде в рай и сел в лутчем месте. Святи отцы почяли глаголати: «Почто ты, бражник, вниде в рай и еще сел в лутчем месте? Мы к сему месту не мало приступити смели». Отвеща им бражник: «Святи отцы! Не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым!»

И рекоша вси святии отцы: «Буди благословен ты, бражник, тем местом во веки веков». Аминь.

Повесть о горе-злочастии

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ И ЗЛОЧАСТИИ, КАК ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ ДОВЕЛО МОЛОТЦА ВО ИНОЧЕСКИЙ ЧИН

Изволением господа бога и спаса нашего
Иисуса Христа вседержителя,
от начала века человеческого.

А в начале века сего тленного
сотворил бог небо и землю,
сотворил бог Адама и Евву,
повелел им жити во святом раю,
дал им заповедь божественну:
и повелел вкушати плода виноградного
от едемского¹¹⁴² древа великаго.

Человеческое сердце несмысленно и неуимчиво:
прелстился Адам со Еввою,
позабыли заповедь Божию,
вкусил плод виноградного
от дивнаго древа великаго;
и за преступление великое
господь бог на них разгневался,
и изгнал бог Адама со Еввою
из святаго раю, из едемского,
и вселил он их на землю, на нискую,
благословил их раститесь – плодитесь
и от своих трудов велел им сытым быть,
от земных плодов.

Учинил бог заповедь законную: велел им браком и женитбам быть
для рождения человеческого и для любимых детей.

Ино зло племя человеческо:
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.

А се роди пошли слабы, добру убожливи,
а на безумие обратилися
и учел и жить в суете и в неправде,
в ечерине¹¹⁴³ великое,

а прямое смирение отринули.
И за то на них господь бог разгневался, –
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия
и срамныя позоры немерныя,
безживотие¹¹⁴⁴ злое, сопостатныя находы,
злую, немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету, и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.
Тако рождение человеческое от отца и от матери.
Будет молодец уже в разуме, в беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учили, наказывать,
на добрыя дела наставляють:
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родительскаго,
ты послушай пословицы,
добрыя, и хитрыя, и мудрыя:
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,¹¹⁴⁵
не садися ты на место бóльшее,
не пей, чадо, двух чар заедину!
еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых, красных жен,
на отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в место заточное,¹¹⁴⁶
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих порт,
не доспели бы тебе позорства и стыда великаго
и племяни укору и поносу безделнаго!
Не ходи, чадо, х костарем¹¹⁴⁷ и корчемникам,
не знайся, чадо, з головами кабацкими,
не дружися, чадо, з глупыми – не мудрыми,
не думай украсти-ограбити,
и обмануть-солгать и неправду учинить.
Не прелщайся, чадо, на злато и серебро,

не збирай богатства неправого,
не буди по́слух¹¹⁴⁸ лжесвидетелству,
а зла не думай на отца и мать
и на всякого человека,
да и тебе покрывает бог от всякого зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
а имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми
и с разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом;
своему отцу стыдно покориться
и матери поклониться,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублей,
залез он себе пятьдесят друзей.
Честь его яко река текла.
Друго́вья к молотцу прибивалися,
в род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен друг –
назвался молотцу названой брат,
прелстил его речми прелесными,
завал его на кабацкой двор,
завел ево в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:
«Испей ты, братец мой названой,
в радость себе, и в веселие, и во здравие!
Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладково!
Хошь и упьешься, братец, допьяна,
ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся на меня, брата названова, –
я сяду стеречь-досматривать!
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку ишему¹¹⁴⁹ сладково,

вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери!»
В те поры молодец понадеяся
на своего брата названого, –
не хотелося ему друга ослушатца:
принимался он за питья за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково,
и пил он, молодец, пиво пьяное,
упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился:
понадеялся он на брата названого,
Как будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодец пробуждаецца,
в те поры молодец озираецца:
а что сняты с него драгие порты,
чирь¹¹⁵⁰ и чулочки – все поснимано:
рубашка и портки – все слуплено,
и вся собина¹¹⁵¹ у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинута гункою кабацкою,¹¹⁵²
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белы ноги,
учал молодец наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лице свое белое.
Стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:
«Житие мне бог дал великое, –
ясти-кушати стало нечево!
Как не стало денги, ни полу денги, –
так не стало ни друга не полдруга,
род и племя отчитаются,

все дружи прочь отпираются».
Стало срамно молотцу появиться
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племени,
и к своим прежним милым другом.
Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит,
изба на дворе, что высок терем,
а в ызбе идет велик пир почестей,
гости пьют, ядят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чюдным образом,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят мол отца люди добрые,
что горазд он креститися,
ведет он все по писанному учению, –
емлють его люди добрый под руки,
посадили ево за дубовой стол,
не в бóльшее место, не в меньшее, –
садят ево в место среднее,
где седят дети гостиные.
Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седя все похваляютца.
Молодец на пиру невесел сedit,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
а не пьет, ни ест он, ни тешитца
и ничем на пиру не хвалитца.
Говорят молодцу люди добрыя:
«Что еси ты, доброй молодец?
зачем ты на пиру невесел седишь,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
ни пьешь ты, ни тешьшься,
да ничем ты на пиру не хвалишься?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
или место тебе не по отчине твоей?
или малые дети тебя избидили?»

или глупый люди немудрыя
чем тебе молотцу насмеялся?
или дети наши к тебе неласковы?»
Говорит им, сидя, доброй молодец:
«Государи вы, люди добрыя!
Скажу я вам про свою нужду великую,
про свое ослушание родительское
и про питье кабацкое,
про чашу медвяную,
про лестное питье пьяное.
Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери, –
благословение мне от них миновалось,
господь бог на меня разгневался
и на мою бедность – великия
многия скорби неисцельныя
и печали неутешныя,
скудость и недостатки, и нищета последняя.
Укротила скудость мой речистой язык,
изъсушила печаль мое лице и белое тело.
Ради того мое сердце невесело,
а белое лице унынливо,
и ясныя очи замутились, –
все имение и взоры у мене изменилися,
отечество мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государи вы, люди добрыя!
скажите и научите, как мне жить
на чюжей стороне, в чюжих людех,
и как залести мне милых друзей?»
Говорят молотцу люди добрыя:
«Доброй еси ты и разумный молодец!
Не буди ты спесив на чюжой стороне,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не объявляй,
а что слышишь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межь други и недруги,
не имей ты упатки вилавья,¹¹⁵³

не вейся змиею лукавою,
смирение ко всем имей и ты с кротостию,
держися истинны с правдою, –
то тебе будет честь и хваля великая.
Первое тебе люди отведают
и учнуть ти чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,
и будут у тебя милья други,
названья братья надежныя!»
И отуду пошел молодец на чюжу сторону,
и учал он жити умеючи.
От великаго разума наживал он живота¹¹⁵⁴ болшы старова,
присмотрил невесту себе по обычаю –
захотелся молотцу жениться.
Средил молодец честен пир
отчеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молотцу,
и по божию попущению,
и по действию диаволу
пред любовными своими гостями и други,
и названными браты похвалился.
А всегда гнило слово похвалное,
похвала живет человеку пагуба!
«Наживал-де я, молодец,
живота болши старова!»
Послушало Горе-Злочастие хвастане молодецкое,
само говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастием,
не хвастай своим богатеством!
Бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае,
и я их, Горе, перемудрило,
учинися им злочастие великое,
до смерти со мною боролися,
во злом злочастии позорилися,
не могли у меня, Горя, уехати,
и сами они во гроб вселились,

от мене накрепко они землю накрылись,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а злочастие на их в могиле осталось.
Еще возгряло я, Горе,
к иным привязалось,
а мне, Горю и Злочастию, не впусе же жити –
хочю я, Горе, в людех жить
и батагом меня не выгонить.
А гнездо мое и вотчина во бражниках!»
Говорит серо Горе-горинское:
«Как бы мне молотцу появиться?»
Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молотцу привидялось:
«Откажи ты, молодец, невесте своей любимой:
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и сребра бысть убитому!
Ты пойди, молодец, на царев кабак,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное,
надежи ты на себя гунку кабацкую,
кабаком то Горе избудетца,
да то злое Злочастие останетца:
за нагим то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому-босому шумить розбой!»
Тому сну молодец не поверовал.
Ино зло то Горе излукавилось,
Горе архангелом Гавриилом молотцу
попрежнему явилось,
еще вновь Злочастие привязалося:
«Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота-безпроторица великая?
На себя что купить – то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучат нагих-босых,
и из раю нагих-босых не выгонят,

а с тово свету сюды не вытепут,
да никто к нему не привяжется –
а нагому-босому шумить розбой!»
Тому сну молодець он поверовал,
сошел он пропивать свои животы,
а скинул он платье гостиное,
надевал он гунну кабацкую,
покрывал он свое тело белое.
Стало молотцу срамно появиться
своим милым другом.
Пошел молодец на чужу страну далну-незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
а просят у него перевозного,
ино дать молотцу нечево,
не везут молотца безденежно.
Седит молодец день до вечера.
Миновался день до вечера, ни дообеднем,
не едал молодець ни полу куса хлеба.
Вставал молодец на скоры ноги,
стоя, молодец закручинился,
а сам говорит таково слово:
«Ахти мне, Злочастие горинское!
до беды меня, молотца, домькало:
уморило меня, молотца, смертью голодною, –
уже три дни мне были нерадошны;
не едал я, молодец, ни полу куса хлеба!
Ино кинусь я, молодец, в быстру реку –
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое!
Ино лутчи мне жития сего позорного.
Уйду ли я у Горя злочастного?»
И в тот час у быстри реки
скоча Горе из-за камени:
босонаго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликало:
«Стой ты, молодец; меня, Горя, не уйдеш никуды!
Не мечися в быстру реку,

да не буди в горе кручиноват –
а в горе жить – некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое
и как тебе отец говорил,
и как тебе матери наказывала!
О чем тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покориться,
постыдился им поклониться,
а хотел ты жить, как тебе любо есть.
А кто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучю я, Горе злочастное.
Не к любому он учнет упадывать,
и учнет он недругу покаяться!»
Говорит Злочастие таково слово:
«Покорися, мне Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли!
А нет меня, Горя, мудря на сем свете!
И ты будешь перевезен за быструю реку,
напоят тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец неминучую,
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сыры земли.
Пошел-поскочил доброй молодец по круту,
по красну по бережку,
по желтому песочичу.
Идет весел-некручиноват,
утешил он Горе-Злочастие,
а сам идучи думу думает:
«Когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!»
Да еще молодец некручиноват
запел он хорошую напевочку
от великаго крепкаго разума:
«Безпечална матери меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрела,
хорошо ли мое чадо в драгих портах? –

а в драгих портах чаду и цены нет!
Как бы до веку она так пророчила,
ино я сам знаю и ведаю,
что не класти скарлату¹¹⁵⁵ без мастера,
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй!
Завечен¹¹⁵⁶ я у своих родителей,
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою!»¹¹⁵⁷
Услышали перевозчики молодецкую напевочку,
перевезли молотца за быстру реку,
а не взяли у него перевозного,
напоили-накормили люди добрый,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.
Говорят молотцу люди добрыя:
«А что еси ты, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ты с своими родители,
отцем и материю,
возми от них благословение родителское!»
И оттуда пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе наперед зашло,
на чистом поле молотца встретило,
учало над молодцем гратьи,
что злая ворона над соколом.
Говорить Горе таково слово:
«Ты стой, не ушел, доброй молодец!
Не на час я к тебе, Горе злочастное, привязалось!
хощь до смерти с тобою помучуся!
не одно я Горе, еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие, умилные!
А кто в семью к нам примешается –
ино тот между нами замучится!

такова у нас участь и лутчая!
Хотя кинся во птицы воздушный,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую!»
Полетел молодец ясным соколом,
а Горе за ним белым кречатом.
Молодец полетел сизым голубем,
а Горе за ним серым ястребом.
Молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним з борзыми вежлецы.
Молодец стал в поле ковыль-трава,
а Горе пришло с косою вострою;
да еще Злочастье над молотцем насмехался:
«Быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой
и буйны ветры быть тебе развеяной!»
Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами,
Еще Горе злочастье насмеялся:
«Быти тебе, рыбонке, у бережку уловленной,
быть тебе да съеденой,
умереть будет напрасною смертью!»
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает мол отца богато жить, убить и ограбить,
чтобы молотца за то повесили, или с камнем в воду посадили.
Спамятует молодец спасенный путь,
и оттоле молодец в монастыр пошел постригаться
а Горе у святых ворот остается,
к молотцу впредь не привяжетца!
А сему житию конец мы ведаем.
Избави, господи, верный муки,
а дай нам, господи, светлый рай
Во веки веков. Аминь.

Повесть о Савве Грудцыне

ПОВЕСТЬ ЗЕЛО ПРЕЧУДНА И УДИВЛЕНИЮ ДОСТОЙНА, ИЖЕ СОДЕЯШАСЯ ВО ГРАДЕ КАЗАНИ НЕКОЕГО КУПЦА ФОМЫ ГРУДЦЫНА О СЫНЕ ЕГО САВВЕ

В лето от сотворения миру 7114¹¹⁵⁸ бысть во граде велицем Устюзе¹¹⁵⁹ некто купец, муж славен и богат зело, именем и прослытием Фома Грудцын-Усовых.¹¹⁶⁰ Видев бо гонение и мятеж велик на христианы в Российском государстве и во многих градах, абие оставляет великий град Устюг и преселяется в понизовный славный царственный град Казань, зане в понизовых градах не бысть злочестивыя литвы.

И живяше той Фома з женою своею во граде Казани даже до лет благочестиваго великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровичя всея России. Имея же у себя той Фома сына единородна, именем Савву, двенадцатолетна¹¹⁶¹ возрастом. Обычай же имея той Фома куплю деяти, отъезжая вниз Волгою рекою, овогда к Соли Камской, овогда в Астрахань, а иногда же за Хвальнское¹¹⁶² море в Шахову область¹¹⁶³ отъезжая, куплю творяще. Тому же и сына своего Савву поучяще и неленостно таковому делу прилежати повелеваше, дабы по смерти его наследник был имению его.

По некоем же времени восхоте той Фома отплыти на куплю в Шахову область и обычныя струги с таваром к плаванию устройшу, сыну же своему, устроив суды со обычными тавары, повелевает плыти к Соли Камской и тако купеческому делу со всяким опасением прилежати повелеваше. И абие обычное целование подаде жене и сыну своему, пути касается.

Малы же дни помедлив, и сын его на устроенных¹¹⁶⁴ судех по повелению отца своего к Соли Камской плавание творити начинает. Достигшу же ему усолскаго града Орла,¹¹⁶⁵ абие приставет ко берегу и по повелению отца своего у некоего нарочита человека в гостиннице обитати приставет. Гостинник¹¹⁶⁶ же той и жена его, помня любовь и милость отца его, немало прилежание и всяко благодеяние творяху ему и яко о сыне своем всяко попечение имеяху о нем. Он же пребысть в гостиннице оной немало время.

В том же граде Орле бысть некто мещанин града того, именем и прослытием Бажен Второй, уже бо престаревся в летех и знаем бяше во многих градах благодравнаго ради жития его, понеже и богат бе зело и попремногу знаем и дружен бе Саввину отцу Фоме Грудцыну. Уведев¹¹⁶⁷

же Бажен Второй, яко ис Казани Фомы Грудцына сын его во граде их обретається, и помыслив в себе, яко «отец его со мною многу любовь и дружбу имеяше, аз же ныне презрех его, но убо возму его в дом мой, да обитает у мене и питается со мною от трапезы моя».

И сия помыслив, усмотря некогда того Савву путем грядуща и, призвав его, начят глаголати: «Друже Савво! или не веси,¹¹⁶⁸ яко отец твой со мною многу любовь имат, ты же почто презрел еси мене и не пристал еси в дому моем обитати? Ныне убо не преслушай мене, прииди и обитай в дому моем, да питаемся от общия трапезы моя. Аз убо за любовь отца твоего вселюбезно яко сына приемлю тя». Савва же, слышав таковыя от мужа глаголы, велми рад бысть, яко от такаваго славна мужа прият хочет быти, и низко поклонение творит пред ним. Немедленно от гостинника онаго отходит в дом мужа того Бажена Второго и живяше во всяком благоденствии, радуясь. Той же Бажен Второй стар сый и имея у себе жену, третиим браком новоприведенную, девою пояту суцу. Ненавидяй же добра роду человечю супостат диавол, видя мужа того добродетелное житие и хотя возмутити дом его, абие уязвляет жену его на юношу онаго к скверному смешению блуда и непрестанно уловляше юношу онаго льстивыми словесы к падению блудному: весть бо женское естество уловляти умы молодых к любодеянию. И тако той Савва лестию жены тоя, паче же рещи,¹¹⁶⁹ от зависти диаволи зачат¹¹⁷⁰ бысть, падеся в сеть любодеяния з женою оною ненасытно творяше блуд и безвременно¹¹⁷¹ во оном скверном деле пребываше с нею, ниже бо воскресения день, ниже праздники помняще, но забывше страх божий и чяс смертный, всегда бо в кале блуда яко свиния валяющеся и в таком во ненасытном блужении многое время яко скот пребывая.

Некогда же приспевшу празднику Вознесения господа нашего Иисуса Христа,¹¹⁷² в навечерии¹¹⁷³ же праздника Бажен Второй, поим с собою юношу онаго Савву, поидоша до святых церкви к вечернему пению и по отпущении вечерни паки приидоша в дом свой, и по обычной вечери возлегоша каждой на ложе своем, благодаряще бога. Внегда же боголюбивый оный муж Бажен Второй заспав крепко, жена же его диаволом подстрекаема, востав тайно с ложа своего и пришед к постели юноши онаго и возбудив его, понуждаше к скверному смешению блудному. Он же, аще и млад сый, но яко некоею стрелою страха божия уязвлен бысть, убояся суда божия, помышляше в себе: «Како в таковой господственый день таковое скаредное¹¹⁷⁴ дело сотворити имам?» И сия помысли, начят с клятвою отрицатися от нея, глаголя, яко «не хочу всеконечно погубити душу свою и в таковой превеликий праздник

осквернити тело мое». Она же, ненасытно распалаема похотию блуда, неослабно нудяше его ово ласканием, ово же и прещением¹¹⁷⁵ неким угрожая ему, дабы исполнил желание ея, и много труждшися, увещавая его, но никако же возможе приклонити его к воли своей: божественная бо некая сила помагаше ему. Видев же лукавая та жена, яко не возможе привлещи юношу к воли своей, абие zelною яростию на юношу распалися яко лютая змия, возстенав, отиде от ложа его, помышляше волшебными зелии ополити его и неотложно злое свое намерение совершити хотя. И елико замыслив, сия и сотвори.

Внегда же начяше клепати¹¹⁷⁶ ко утреннему пению, боголюбивый же он муж Бажен Второй, скоро востав от ложа своего, возбудив же и юношу онаго Савву, поидоша на славословие божие ко утренни и отслушавше со вниманием и страхом божиим и приидоша в дом свой. И егда же приспе время божественный литоргии, поидоша паки с радостию до святыя церкви на славословие божие. Проклятая же оная жена тщателно устрояше на юношу волшебное зелие и яко змия хотяще яд свой изблевати на него. По отпущении же божественный литоргии Бажен Второй и Савва изыдоша из церкви, хотяще итти в дом свой. Воевода же града того пригласив онаго мужа Бажена Второго, да обедует с ним, вопросив же и о юноши оном, чей сын и откуда. Он же поведает ему, яко из Казани Фомы Грудцына сын. Воевода же приглашает и юношу онаго в дом свой, зане добре знающе отца его. Они же бывше в дому его и по обычаю общия трапезы причастившися, с радостию возвратившися в дом свой.

Важен же Второй повеле принести от вина мало, да испиют в доме своем чести ради господственнаго онаго праздника, ничто же бо сведый¹¹⁷⁷ лукаваго умышления жены своея. Она же, яко ехидна злая, скрывает злобу в сердце своем и подпадает лестию к юноши оному. Принесенну же бывшу вину, наливает абие чашу и подносит мужу своему. Он же и пив благодаря бога. И потом наливает, сама испив. И абие наливает отравнаго онаго уготованнаго зелия и подносит юноши оному Савве. Он же испив, нимало помыслив, ниже убоявся жены оныя, чаяше, яко же никоего же зла мыслит на него, и без всякаго размышления выпивает лютое оно зелие. И се начят яко некий огонь горети в сердцы его. Он же помышляя, глаголя в себе, яко «много различных питей в дому отца моего и никогда же таковаго пития испих, яко же ныне». И егда же испив онаго, начят сердцем тужити и скорбети по жене оной. Она же, яко лютая львица, яростно поглядаше на него и нимало приветство являше к нему. Он же сокрушашеся, тужаше по ней. Она же начят мужу своему на юношу онаго клеветати и нелепая словеса глаголати и повелевше изгнати из дому

своего. Богобоязливый же он муж, аще и жалея в сердцы своем по юноши, обаче же уловлен бысть женскою лестию, повелевает юноши изыти из дому своего, сказуя ему вины некия. Юноша же той с великою жалостию и тугою сердца отходит из дому его, тужа и сетуя о лукавой жене оной.

И прииде паки в дом гостинника онаго, идеже первее обиташе. Он же вопрошает его: «Каковы ради вины изыде из дому Баженова?» Он же сказуя им, яко «сам не восхоте жити у них, зане гладно ми есть». Сердцем же скорби и неутешно тужаше по жене оной. И начят от великия туги красота лица его увядати и плоть его истончяватися. Видев же гостинник юношу сетующа и скорбяща зело, недоумевающесея ему, что бо бысть.

Бысть же во граде том некто волхв, чарованием своим сказуя,¹¹⁷⁸ кому какова скорбь приключится, он же узнавая, или жити или умрети. Гостинник и жена его, благоразумии сущы, немало попечение о юноши имейху и призывают тайно волхва онаго, хотяще уведати от него, какова скорбь приключится юноши. Волхв же оный, посмотрив волшебныя своя книги, сказуеть истинну, яко некоторыя скорби юноши не имат в себе, токмо тужит по жене Бажена Второго, яко в блудное смешение падесея, ныне же осужен бысть от нея и, по ней стужая, сокрушается. Гостинник же и жена его, слушавши таковая от волхва, не яша веры, зане Бажен муж благочестив бяше и бояйся бога, и ни во что же дело сие вмениша. Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой жене оной и день от дне от тоя туги истончи плоть свою, яко бы некто великою скорбию болел.

Некогда же той Савва изыде един за град на поле от великаго уныния и скорби прогулятися и идяше един по полю, и никого же за собою или пред собою видяще, и ничто же ино токмо сетуя и скорбя о разлучении своем от жены оныя и, помыслив в себе во уме своем такову злу мысль, глаголя: «Егда бо кто от человек или сам диавол сотворил ми сие, еже бы паки совокупитися мне з женою оною, аз бы послужил диаволу». И такову мысль помыслив, аки бы ума иступив, идяше един и мало пошед слышав за собою глас, зовущ его во имя. Он же обращся, зрит за собою юношу, борзо текуща в нарочите одеянии, помавающа рукою ему, пождати себе повелевающе. Он же стоя, ожидая юношу онаго к себе.

Юноша той, паче же рещи, супостат диавол, иже непрестанно рыщет, ища погибели человеческия, пришед же к Савве и по обычаю поклоншесея между собою. Рече же пришедший отрок к Савве, глаголя: «Брате Савво, что убо яко чюждь бегаеши от мене? Аз бо давно ожидах тя к себе, да како бы пришел еси ко мне и сродственную любовь имел со мною. Аз убо вею тя давно, яко ты от рода Грудцыных-Усовых из града Казани, а о мне аще хочещи уведети, и из того же рода от града Великаго Устюга, zde давно

обитаю ради конския покупки, и убо по плотскому рождению братия мы с тобою. А ныне убо буди брат и друг и не отлучайся от мене: аз бо всяко споможение во всем рад чинити тебе». Савва же слышав от мнимаго онаго брата, паче же рещи, от беса, таковыя глаголы, велми возрадовался, яко в таковой далной незнаемой стране сродника себе обрете, и любезно целовастанася, поидоша оба вкупе по пустыни оной.

Пришед же Савво с ним, рече бес к Савве: «Брате Савво, какую скорбь имаши в себе, яко велми изчезе юношеская красота твоя?» Он же всяко лукавствуя, сказоваша ему некую быти великую скорбь в себе. Бес же, ослабився, рече ему: «Что убо скрываеши от мене? Аз бо вем скорбь твою. Но что ми даси, аз помогу скорби твоей». Савва же рече: «Аще убо ведаеши истинную скорбь, яже имам в себе, то пойму веры тебе, яко можеша помощи ми». Бес же рече ему: «Ты бо, скорбя, сокрушаеши сердцем своим по жене Бажена Второго, зане отлучен еси от лубви ея. Но что ми даси, аз учиню тя с нею по-прежнему в любви ея». Савва же рече: «Аз убо, елико им зде таваров и богатства отца моего и с прибытками, все отдаю тебе. Токмо сотвори по-прежнему любовь имети з женою оною». Бес же и ту усмеявся, рече ему: «Что убо искушавши мя? Аз бо вем яко отец твой много богатства имат. Ты же не веси ли, яко отец мой седмерицею богаче отца твоего. И что ми будет в таварех твоих? Но даждь ми на ся рукописание мало некое, и аз исполню желание твое». Юноша же рад бысть, помышляя в себе, яко «богатство отца моего цело будет, аз же дам ему писание, что ми велит написати», а не ведый, в какову пагубу хочет впасти, еще же и писати совершенно, ниже слагати что умея. Оле безумия юноши онаго! Како уловлен бысть лестию женскою, и тоя ради в какову погибель снисходит! Егда же изрече бес к юноши словеса сия, он же с радостию обещаеся дати писание. Мнимый же брат, паче же рещи, бес вскоре изъем из очпага¹¹⁷⁹ чернила и хартию, дает юноши и повелевает ему немедленно написати писание. Той же юноша Савва еще несовершенно умеяше писати и, елико бес сказоваша ему, то же и писаша, не слагая,¹¹⁸⁰ и таковым писанием отречеся Христа истиннаго бога и предадеся в служение диаволу. Написав же таковое богоотметное писание, отдает диаволу, мнимому своему брату. И тако поидоша оба во град Орел.

Вопросив же Савва беса, глаголя: «Повеждь ми, брате мой, где обитавши, да увем дом твой». Бес же, возсмеявся, рече ему: «Аз убо особаго дому не имам, но где прилунится, тамо и начую. Аще ли хочещи видетися со мною часто, ищи мя всегда на Конной площадке. Аз убо, яко же рех ти, зде живу ради конских покупок. Но аз сам не обленюся

посещати тебе. Ныне же иди к лавке Бажена Второго: вем бо, яко с радостию призовет тя паки в дом свой жити».

Савва же по глаголу брата своего диавола радостно тече к лавке Бажена Второго. Егда же Бажен виде Савву, усердно приглашает его к себе, глаголя: «Господине Савво, кую злобу сотворих аз тебе и почто изшел еси из дому моего? Протчее¹¹⁸¹ убо молю тя, прииди паки обигати в дом мой, аз убо за любовь отца твоего яко присному своему сыну рад бых тебе всеусердно». Савва же, егда услыша от Бажена таковыя глаголы, неизреченною радостию возрадовася и скоро потече в дом Бажена Второго. И егда же пришед, жена же его, егда виде юношу и, диаволом подстрекаема, радостно сретает его и всяким ласканием приветствоваше его и лобызаше. Юноша же уловлен бысть лестию женскою, паче же диаволом, паки запинается в сети блуда с проклятою оною женою, ниже празников, ниже страха божия помняще, поне ненасытно безпрестанно с нею в кале блуда валяся.

По мнозе времени абие входит в слухи в пресловущий град Казань к матери Саввиной, яко сын ея живет неисправное и непорядочное житие и, елико было с ним отеческих таваров, все изнурих бе в блуде и пьянстве. Мати же его, таковая о сыне своем слуша, зело огорчися и пишет к нему писание, дабы он оттуду возвратился ко граду Казани и в дом отца своего. И егда прииде к нему писание, он же, прочет, посмеяся и ни во что же вменив. Она же паки посылает к нему второе и третье писмо, ово молением молит, ово же и клятвами закликает его, дабы немедленно ехал оттуду во град Казань. Савва же нимало внят материю молению и клятве, но ни во что не вменяше, токмо в страсти блуда упражняшеся.

По некоем же времени поемлет бес Савву и поидоша оба за град Орел на поле. Изшедшим же им из града, глаголет бес к Савве: «Брате Савво, веси ли, кто есмь аз? Ты убо мниши мя совершение быти от рода Грудцных, но несть тако. Ныне убо за любовь твою повем ти всю истину, ты же не бойся, ниже устыдися зватися братом со мною: аз убо всесовершенно улюбих тя во братство себе. Но аще хочещи ведати о мне, аз убо сын царев. Пойдем протчае, да покажу ти славу и могущество отца моего». И сия глаголя, приведе его в пусто место на некий холм и показа ему в некоем раздолии град велми славен: стены и покровы и помосты все от злата чиста блистаяся. И рече ему: «Се есть град отца моего, но идем убо и поклонимся купно отцу моему, а еже ми дал еси писание, ныне возьму сам вручи его отцу моему и великой честию почтен будеши от него». И сия изглаголя, бес отдает Савве богоотметное оно писание. Оле безумие отрока! Ведый бо, яко некоторое царство прилежит в близости к

Московскому государству, но все обладаема бе царем Московским. Аще бы тогда вообразил на себе¹¹⁸² образ честнаго креста, вся бы сия мечты диявольския яко сень¹¹⁸³ погибли. Но на подлежащее возвратимся.

Егда же поидоша оба к привиденному граду и приближившимся им ко вратом града, сретают их юноши темнообразнии,¹¹⁸⁴ ризами и поясы украшены златыми и со тщанием покланяющесе, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи, бесу, такожде и Савве покланяющесе. Вшедшим же им во двор царев паки сретают инии юноши, ризами блистающесе паче первых, такожде покланяющесе им. Егда же внидоша в полаты царевы, абие друзии юноши сретают их друг друга честью и одеянием превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Савве. Вшед же бес в полату, глаголя: «Брате Савво, пожди мя zde мало: аз убо шед возвещу о тебе отцу моему и введу тя к нему. Егда же будеши пред ним, ничто же размышляя или бояся, подаждь ему писание свое». И сия рек, поиде во внутренние полаты, оставль Савву единого. И помедлив тамо мало, приходит к Савве и по сем вводит его пред лице князя тьмы.

Той же сидя на престоле висоце, камением драгим и златом преукрашенном, сам же той славою великою и одеянием блистайся. Окрест же престола его зрит Савва множество юнош крылатых стоящих. Лица же их овых сини, овых багряны, иных же яко смола черны. Пришед же Савва пред царя онаго, пад на землю, поклонися ему. Вопросы же его царь глаголя: «Откуда пришел еси семо и что есть дело твое?» Безумный же он юноша подносит ему богоотметное свое писание, глаголя, яко «приидох, великий царю, послужити тебе». Древний же змий сатана, прием писание и прочет его, обозревся¹¹⁸⁵ к темнообразным своим воинам, рече: «Аще ли и прииму отрока сего, но не вем, крепок ли будет мне или ни». Призвав же сына своего, Саввина мнимаго брата, глаголя ему: «Иди протчяе и обедуй з братом своим». И тако оба поклонишася царю и изыдоша в преднюю полату, наченша обедати. Неизреченныя и благовонныя яди приношаху им, такожде и питье, яко Савве дивитися, глаголя: «Никогда же в дому отца моего таковых ядей вкушать или пития испих». По ядении же приемлет бес Савву и поидоша паки з двора царева и изыдоша из града. Вопрошает же Савва брата своего беса, глаголя: «Что убо, брате, яко видех у отца твоего окрест престола его юнош крылатых стоящих?» Бес же, улыбаяся, рече ему: «Или не веси, яко мнози язъцы служат отцу моему: индеи и персы и инии мнози? Ты же не дивися сему и не сумневайся братом звати мя себе. Аз бо да буду тебе меньши брат; токмо, елико реку ти, во всем буди послушен мне. Аз же всякаго добродетельства рад чинити тебе». Савва же всем обещался послушен

быти ему. И тако уверишася, приидоша паки во град Орел. И оставше бес Савву, отходит. Савва же паки прииде в дом Баженов и пребываше в прежнем своем скаредном деле.

В то же время прииде в Казань из Персиды со многими прибытки отец Саввин Фома Грудцын и, яко же лепо, обычное целование подав жене своей, вопрошает ю о сыне своем, жив ли есть. Она же поведает ему, глаголя, яко «от многих слышу о нем: по отшествии твоём в Персиду, отъиде он к Соли Камской, тамо и доньне живет житие неудобное,¹¹⁸⁶ все богатство наше, яко же глаголют, изнурих в пианстве и блуде. Аз же много писах к нему о сем, дабы оттуду возвратился в дом наш, он же ни единыя отповеди подаде ми, но и ныне тамо пребывает, жив ли или ни, о сем не вемы». Фома же, таковыя глаголы слышав от жены своея, зело смутися умом своим и скоро сед, написав епистолию к Савве, со многим молением, дабы без всякаго замедления оттуду ехал во град Казань, «да вижу, рече, чядо, красоту лица твоего». Савва же таковое писание прием и прочет е, ни во что же вмени, ниже помысли ехати ко отцу своему, но токмо упражнялся в ненасытном блужении. Видев же Фома, яко ничто не успеваеет писание его, абие повелевает готовить подобныя¹¹⁸⁷ струги с таваром, к пути касается к Соли Камской, по Каме. «Сам, рече, сыскав, пойму сына своего в дом мой».

Бес же, егда уведе и яко отец Саввин путешествие творит к Соли Камской, хотя пояти Савву в Казань, и абие глаголет Савве: «Брате Савво, доколе zde во едином малом граде жити будем? Идем убо воиныя грады и погуляем, паки суда возвратимся». Савва же нимало отречеса, но глаголя ему: «Добре, брате глаголещи, идем, но пожди мало: аз бо возьму от богатства моего неколико пенязей¹¹⁸⁸ на путь». Бес же возбраняет ему о сем, глаголя: «Или не ведал еси отца моего, не веси ли, яко везде села его ест, да иде же приидем, тамо и денег у нас будет, елико потребно». И тако поидоша от града Орла, никим не ведомы, ниже то сам Бажен Второй, ниже жена его уведевши о отшествии Саввине.

Бес же и Савва об едину ношь от Соли Камския объявишася на реке Волге во граде, нарицаемом Кузьмодемьянском,¹¹⁸⁹ разстояние имеюще от Соли Камской боле 2000 поприщ. И глаголет бес Савве: «Аще кто ты знаемый узрит zde и спросит, откуда пришел еси, ты же рцы: от Соли Камския в третию неделю приидохом до zde». Савва же, елико поведает ему бес, тако и сказываша, и пребываше в Кузьмодемьянску неколико дней.

Абие бес паки поемлет Савву и об едину ношь ис Кузьмодемьянску приидоша на реку Оку в село, нарицаемое Павлов Перевоз. И бывшим им тамо в день четвертка, в той же день в селе оном торг бывает. Ходящим же

им по торгу, узрев Савва некоего престарела нища мужа стояша, рублищами гнусными зело одеянна и зряща на Савву прилежно и велми плачуща. Савва же отлучися мало от беса и притече ко старцу оному, хотя уведати вины плача его. Пришед же ко старцу и рече: «Кая ти, отце, печаль есть, яко неутешно тако плачеш?» Нищий же он старец святыи глаголет ему: «Плачу, рече, чядо, о погибели души твоея: не веси бо, яко погубил еси душу свою и волею предался еси диаволу. Веси ли, чядо, с кем ныне ходиши и его же братом себе нарицаеши? Но сей не человек, диявол, но бес, ходяй с тобою, доводит тя до пропасти адския». Егда же изрече старец к юноше глаголы сия, обозревся Савва на мнимаго брата своего, паче же рещи, на беса. Он же издалечя стоя и грозя на Савву, зубы своими скрежеташе на него. Юноша же вскоре, оставль святаго онаго старца, прииде к бесу паки. Диявол же велми начят поносити его и глаголати: «Чесо бо ради с таковым злым душегубцом сообщился еси? Не знаешь ли сего лукавого старца, яко многих погубляет; на тебе же видево одеяние нарочито и глаголы лестныя происпустив к тебе, хотя отлучити тя от людей и удавом удавити и обрати с тебе одеяние твое. Ныне убо аще оставлю тя единаго, то вскоре погибнеши без мене». И сия изрече, со гневом поемлет Савву оттуду и приходит с ним во град нарицаемый Шую и тамо пребываху неколико времени.

Фома же Грудцын-Усов, пришед во град Орел, вопрошает о сыне своем и никто же можаше поведати ему о нем. Все бо видяху, яко пред его приездом сын его во граде хождаше всеми видим, а иде же внезапно скрыся, никто же весть. Овии глаголаху, яко «убояся пришествия твоего, зане zde изнурил все богатство твое и сего ради скрыся». Паче же всех Бажен Второй и жена его, дивящися, глаголаху, яко «об ноць спаше с нами, заутра же пошед некуды, мы же ожидахом его обедати, он же от того чясу никако нигде же явися во граде нашем, а иде же надеся,¹¹⁹⁰ ни аз, ни жена моя о сем не вем». Фома же многими слезами обливаясь, живый, ожидая сына своего и немало пождав тщею¹¹⁹¹ надеждою возвратися в дом свой. И возвещает нерадостный случай жене своей и оба вкупе сетуя и скорбяща о лишении единороднаго сына своего. И в таком сетовании Фома Грудцын поживе неколико время, ко господу отъиде, жена же его оставши вдовою сущи.

Бес же и Савва живяше во граде Шуе. Во время же то благочестивый государь, царь и великий князь Михаил Феодорович всея России возжелаше¹¹⁹² послати воинство свое противу короля польскаго под град Смоленск¹¹⁹³ и по его царскаго величества указу по всей России набираху новобраных тамошних салдат. Во град же Шую ради салдатскаго набору

послан с Москвы столник Тимофей Воронцов¹¹⁹⁴ и новобраных салдат по вся дни воинскому артикулу учяще. Бес же и Савва, приходяще, смотряху учения. И рече же бес к Савве: «Брате Савво, хочещи ли послужити царю, да напишемся и мы в салдаты?» Савва же рече: «Добре, брате, глаголеши, послужим». И тако написавшися в салдаты и наченше купно на учение ходити. Бес же в воинском учении такоу премудрость дарова Савве, яко и старых воинов и начяльников во учении превосходит. Сам же бес, якобы слугуя Савве, хождаше за ним и оружие его ношаше.

Егда же из Шуи новобраных салдат приведоша к Москве и отдаша их в научение некоему немецкому полковнику, той же полковник, егда прииде видети новобраных салдат на учении, и се видит юношу млада, во учении же воинском зело благочинна и урядно поступающа и ни малаго порока во всем артикуле имеюща и многих старых воинов и начяльников во учении превосходяща, и велми удивися остроумию его. Призвав же его к себе, вопрошает рода его. Он же сказует ему всю истинну. Полковник же, возлюбив велми Савву и назвав его сыном себе, даде ему з главы своя шляпу, драгоценным бисером утворену суцу. И абие вручает ему три роты новобраных салдат, да вместо его устрояет и учит той Савва. Бес же тайно припаде к Савве и рече ему: «Брате Савво, егда ти недостаток будет, чим ратных людей жаловати, повеждь ми: аз бо принесу ти, елико потребно денег будет, дабы в команде твоей роптания и жалобы на тебя не было». И тако у того Саввы вси салдаты во всякой тишине и покое пребываху, в протчих бо ротах молва и мятеж непрестанно, яко от глада и нагаты непожалованы помираху. У Саввы же во всякой тишине и благоустроении салдаты пребываху, и вси дивляхуся остроумию его.

По некоему же случая явственню учинися о нем и самому царю. В то же время на Моськве немалу власть имея шурин царев боярин Семен Лукьянович Стрешнев.¹¹⁹⁵ Уведев про онаго Савву, повелевает его привести пред себе и рече ему: «Хочещи ли, юноше, да пойму тя в дом мой и чести немалы сподоблю тя?» Он же поклонися ему и рече: «Есть бо, владыко мой, брат у мене, вопрошу убо его. Аще ли повелит ми, то с радостию послужу ти». Боярин же нимало возбранив ему о сем, отпустив его, да спросит, рече, брата своего. Савва же пришед, поведа сие мнимому брату своему. Бес же с яростию рече ему: «Почто, убо хочещи презрети царскую милость и служити холопу его? Ты убо ныне и сам в том же порядке устроен, уже бо и самому царю знатен учинился еси, ни убо не буди тако, но да послужим царю. Егда убо царь увесть верную твою службу, тогда и чином возвышен будещи от него».

По повелению же цареву вси новобраныя салдаты розданы по

стрелецким полкам в дополнку.¹¹⁹⁶ Той же Савва поставлен на Устретенке в Земляном городе, в Зимине приказе, в доме стрелецкаго сотника именем Иякова Шилова.¹¹⁹⁷ Сотник же той и жена его, благочестивый и благодравний суще, видящи бо Саввино остроумие, зело почитаху его. Полки же на Москве во всякой готовности бяху.

Во един же от дней прииде бес к Савве и рече ему: «Брате Савво, пойдём прежде полков в Смоленск и видим, что творят поляки и како град укрепляют и бранныя сосуды¹¹⁹⁸ устрояют». И об едину ночь с Москвы в Смоленску ставше и пребывше в нем дни три и нощи три же, никим же видимы, они же все видевшие и созирающе, како поляки град укрепляху и на приступных местах всякия гарматы¹¹⁹⁹ поставляху. В четвертый же день бес объяви себе и Савву в Смоленску поляком. Егда же узревше поляки их, велми возмятошася, начяша гнати по них, хотяще уловити их. Бес же и Савва, скоро избежше из града, прибегоша к реке Днепру, и абие разступися им вода и преидоша реку оную посуху. Поляки ж много стреляюще по них, и никако же вредиша их, удивляхуся, глаголюще, яко «бесове суть во образе человеческом, приидоша и бывше во граде нашем». Савва же и бес паки приидоша к Москве и ставше паки у того же сотника Иякова Шилова.

Егда же по указу царскаго величества поидоша полки с Москвы под Смоленск, тогда и той Савва з братом своим в полках поидоша. Над всеми же полками тогда боярин бысть Феодор Иванович Шеин.¹²⁰⁰ На пути же бес к Савве рече: «Брате Савво, егда убо будем под Смоленским, тогда от поляков из полков из града выедет един исполин на поединок и станет звати противника себе. Ты же не бойся ничесо же, изыди противу его; аз убо ведая глаголю ти, яко ты поразиши его. На другой же день паки от поляков выедет другой исполин на поединок, ты же изыди паки и противу того; вем бо, яко и того поразиши. В третий же день выедет из Смоленска третий поединщик, ты же, ничесо не бояся, и противу того поиди, но и того поразиши. Сам же уязвлен¹²⁰¹ будеши от него. Аз же язву твою вскоре уврачую». И тако увещав его, приидоша под град Смоленск и ставше в подобне¹²⁰² месте.

По глаголу же бесовскому послан бысть из града некий воин страшен зело, на кони скакавше из смоленских полков и искавше себе из московских полков противника, но никто же смеяше изыти противу его. Савва же объявляя себе в полках, глаголя: «Аще бы мне был воинский добрый конь, и аз бы изшел на брань противу сего неприятеля царска». Друзии же его слышавше сия и скоро возвестиша о нем боярину. Боярин же повеле Савву привести пред себе и повеле ему коня нарочита дати и

оружие, мнев, яко вскоре погибнути имат юноша от такового страшнаго исполина. Савва же по глаголу брата своего беса, ничто же размышляя или бояся, выезжает противу полскаго онаго богатыря и скоро срази его, приводит и с конем в полки московския, и от всех похваляем бе. Бес же ездя по нем, служа ему и оружие его за ним нося. Во второй же день паки из Смоленска выезжает славный некий воин, ища из войска московскаго противника себе, и паки выезжает противу его той же Савва и того вскоре поражает. Все же удивляхуся храбрости его. Боярин же разгневался на Савву, но скрываше злобу в сердцы своем. В третий же день еще выезжает из града Смоленска некий славный воин паче первых, такожде ища и позывая противника себе. Савва же, аща и бояся ехати противу такова страшнаго воина, обаче по словеси бесовскому немедленно выезжает и противу того. Но абие поляк той яростию напустив и уязви Савву копием в левое стегно. Савва же, исправлься, нападает на поляка онаго, убивает его и с конем в табары¹²⁰³ привлече, немал же зазор смолянном наведе, все же российское воинство во удивление приведе. Потом же начяша из града выласки выходить и войско с войском сошедшимся свалным боем¹²⁰⁴ битися. Да иде же Савва з братом своим с котораго крыла воеваху, тамо поляки от них невозвратно бежаху, тыл показующе, бесчисленно бо много поляков побивающе, сами же ни от кого вредими бяху.

Слышав же боярин о храбрости юноши онаго и уже не могый скрыти тайнаго гнева в сердцы своем, абие призывает Савву к шатру и глаголет ему: «Повеждь ми, юноше, какового еси роду и чий есть сын?» Он же поведа ему истинну, яко ис Казани Фомы Грудцына-Усова сын. Боярин же начят всякими нелепыми словесы поносити его и глаголати: «Кая тя нужда в таковой смертный случай призва? Аз убо знаю отца твоего и сродников твоих, яко бесчисленно богатство имут, ты же от какова гонения, или скудости оставя родителей своих, семо пришел еси? Обаче глаголю ти: ни мало медли, поиди в дом родителей твоих и тамо во благоденствии с родители твоими пребывай. Аще ли преслушаеши мене и услышу о тебе, яко zde имаши пребывати, то без всякаго милосердия zde имаши погибнути: главу бо твою повелю вскоре отяти от тебе». Сия же боярин к юноше изрече и с яростию отиде от него. Юноша же со многою печалию отходит от него.

Отшедшим же им от шатра, рече бес к Савве: «Что убо тако печалуешься о сем? Аще негодна служба наша явится zde, то идем прочае паки к Москве и тамо да пребываем». И тако въськоре отидоша из Смоленска к Москве и приставше обитати в доме того же сотника. Бес же днем пребываше с Саввою, к нощи же отхождаше от него в своя адския

жилища, иде же искони обычай окаянным пребывати.

Не малу же времени минувшу, абие разболеся Савва и бе болезнь его тяжка зело, яко быти ему близ смерти. Жена же сотника онаго, благоразумна суци, боящися бога, всяко попечение и прилежание о Савве имуци и глаголаше ему многажды, дабы повелел призвати иерея и исповедати грехи своя и причаститися святых тайн, «да некако, рече, в таковой тяжкой скорби внезапно без покаяния умрет». Савва же о сем отрицался, яко «аще, рече, и тяжко болю, но несть сия болезнь моя к смерти». И день от дне болезнь его тягчя баше. Жена же оная неотступно притужаше¹²⁰⁵ Савве, да покается, ибо «от того не имаши умрети». И едва принужден бе Савва боголюбивою оною женою, повелевает призвати к себе иерея. Жена же она вскоре посылает ко храму святого Николая, что во Грачах, и повелевает призвати иерея тоя церкви. Иерей же, ни мало замедлив, притече к болящему. Бе бо иерей той леты совершен сый, муж искусен и богобоязлив. Пришед же, начят молитвы покаянны глаголати, яко же обычно. И егда же всем людем из храма изшедшим, иерей же начят болнаго исповедовати, и се внезапно зрит больны во храм той вшедших толпу велию бесов. Мнимый же его брат, паче же рещи – бес, прииде с ними же уже не в человеческом образе, но в существенном своем зверовидном образе и, став созади бесовския оныя толпы, велми на Савву яряся и зубы скрежеташе, показуя ему богоотметное оно письмо, яже даде ему Савва у Соли Камския. И глагола бес к болящему: «Зриши ли, клятвопреступниче, что есть сие? Не ты ли писал еси сие? Или мниши, яко покаянием сим избудеши от нас? Ни убо, не мни того; аз убо всею силою моею подвигнуся на тя». Сия убо и иная многая неподобная бесом глаголящим, болный же зря очевидно их и ово ужасеся, ово же наделся на силу божию, и до конца все подробну исповеда иерею оному. Иерей же той, аще и муж свят бе, обаче убося страха онаго, зане людей никого же во храмине кроме болнаго виде, голку же велику слыша от бесовския оныя силы. И с нуждею¹²⁰⁶ великою исповеда болнаго, отиде в дом свой, никому же сия поведав.

По исповеди же оной нападе на Савву дух нечистый и нанят немилостиво мучити его, ово о стену бия, ово о помост одра его пометая, ово храплением и пеною давяше и всякими различными томлениями мучяше его. Боголюбивый же муж вышепомянутой сотник и з благонравною своею женою, видящы на юноши таковое от диявола внезапное нападение и несносное мучение, велми жалеюща и стеньху сердцы своими по юноши, но никакже помощи ему могуще. Бес же день от дне на болнаго люте нападая, мучяще его, и всем предстоящим ту от

мучения его немал ужас находящъ. Господин же дому, яко виде на юноши таковую необычную вещь, паче же и зная, яко юноша той ведом бе и самому царю храбрости ради своя, и помышляше з женою своею, да како бы возвестити о сем самому царю. Бе же и сродница некая бѣше у них в доме царском. И сия помысливше, посылает немедленно жену свою ко оной сроднице своей, повелевая ей, да вся подробно возвестит ей и дабы немедленно о сем возвестити цареви, да «некако, рече, юноша оный в таком злом случае умрет, а они истязани¹²⁰⁷ от царя за неизвещение».

Жена же его ни мало помедлив, скоро тече ко сроднице своей и вся повеленная ей от мужа по ряду сказа. Сродница же она, яко слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово поболев по юноши, паче же скорбяще по сродницех своих, да некако и вправду от такового случая беду примут. И ни мало помедлив, скоро тече от дому своего до полат царевых и возвещает о сем ближним сигклитом царевым. И не в долзе часе внушается самому царю о сем.

Царь же, яко слыша о юноши таковая, милосердие свое изливает на нь, глаголя предстоящим пред ним сигклитом, да егда бывает повседневное изменение караулом, повелевает посылати в дом сотника онаго, идеже бесный оный юноша лежит, по два караульщика, да надзирают, рече, опасно¹²⁰⁸ юношу онаго, да некако, от онаго бесовскаго мучения обезумев, во огонь или в воду ввернется. Сам же благочестивый царь посылаше к болящему повседневную пищу и, елико здравее больной явится, повелевает возвестити себе. И сему тако бывшу, больной же немало время в таком бесовском томлении пребысть.

Бысть же месяца июля в 1 день юноша оный необычно от беса умучен бысть. Абие заспав мало и во сне, якобы на яве, нанят глаголати, изливая слезы изо смеженных очей своих, сице рече: «О, всемилостивая госпоже царице и богородице, помилуй, владычице, помилуй, не солжу бо все, царице, не солжу, но исполню, елико обещахсяти». Домашнии же и снабжевающии¹²⁰⁹ его воины, таковая от болнаго глаголы слышаще, удивишася, глаголющы, яко некое видение видит.

Егда же болный от сна возбнув, приступи к нему сотник и рече: «Повеждь ми, господине Савво, что таковыя глаголы со слезами во сне, и х кому рекл еси?» Он же паки начят омывати лице свое слезами, глаголя: «Видех, рече, ко одру моему пришедшу жену светолепну¹²¹⁰ и неизреченною светлостію сияюще, носящу же ризу багряну, с нею же и два мужа некия, сединами украшены. Един убо во одежде архиерейстей, другой же апостолское одеяние носяще. И не мню инех, токмо жену мню быти пресвятую богородицу, мужей же единаго наперстника господня

апостола Иоанна Богослова, втораго же неусыпнаго стража града нашего Москвы преславнаго во иерарсех архиерея божия Петра митрополита,¹²¹¹ их же подобия и образ добре знаю. И рече ми светолепная она жена: «Что ти есть, Савво, ичесо ради тако скорбиши?» Аз же рех ей: «Скорблю, владычице, яко прогневах сына твоего и бога моего и тебе, заступницу рода христианскаго, и за се люте бес мучит мя». Она же, оскълабився, рече ми: «Что убо мниши, како ти избыти от скорби сея и тако ти выручити рукописание свое из ада?» Аз же рех ей: «Не могу, владычице, не могу, аще не помощию сына твоего и твоею всесилою милостию». Она же рече ми: «Аз убо умолю о тебе сына своего и бога, токмо един глагол мой исполни: аще избавлю тя от беды сея, хочещи ли монах быти?» Аз же тыя молебныя глаголы со слезами глаголах ей во сне, яже и вы слышасте. Она же паки рече ми: «Савво, егда убо приспее праздник явления образа моего, яже в Казани, ты же прииди во храм мой, яже на площади у Ветошнаго ряду,¹²¹² и аз пред всем народом чюдо являю на тебе». И сия рече ми, невидима бысть».

Сия же слышав, сотник и приставлши воины от Саввы изглаголанная, велми почюдишася. И начя сотник и жена его помышляти, како бы о сем видении возвестити самому царю. И умыслиша послати по сродницу свою, дабы она возвестила о сем видении царева полаты сигклитом, от них же бы внушено было самому царю. Прииде же сродница она в дом сотника. Они же поведаша ей видение болящаго юноши. Она же слышав и абие отходит немедленно до царева полаты и возвещает ближним сигклитом. Они же немедленно внушают царю о бывшем видении Саввином. И егда же слышав царь, велми почюдися. И начяша ожидати праздника онаго. И егда же приспе время июлия осмаго числа, бысть праздник Казанския пресвятыя богородицы. Абие повелевает царь принести болящаго онаго Савву до церкви. Бысть же в той день хождение крестное из соборныя апостолския церкви Успения пресвятыя богородицы.¹²¹³ В том же ходу был и сам царское величество. И егда же наченше божественную литоргию, принесенну же бывшу и болящему оному Савве и положенну вне церквы на ковре.

Егда же бо начяше пети херувимскую песнь, и се внезапно бысть глас с небеси, яко бы гром велий возгреме: «Савво, востани! Что бо медлиши? И прииди во церковь мою, здрав буди, к тому не согрешай». И абие спаде от верху церкви богоотметное оно Саввино писание, все заглажено, яко никогда же писано, пред всем народом. Царь же, видев сие чюдо, велми подивися. Болный же той Савва, скочив с ковра, аки бы никогда же болев, и притече скоро в церковь, паде пред образом пресвятыя богородицы, начя

со слезами глаголати: «О, преблагословенная мати господня, христианская заступница и молебница о душах наших к сыну своему и богу; избави мя от адския пропасти. Аз же въскоре исполню обещание свое». Сие же слышав, великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея России повеле призвати к себе онаго Савву и вопросив его о бывшем видении. Он же поведав вся по ряду и показав писание свое. Царь же подивися зело божию милосердию и несказанному чудеси.

Егда же отпеша божественную литургию, поиде Савва в дом сотника Иякова Шилова, яко никогда же болев. Сотник же той и жена его, видевав над ним милосердие божие, благодарив бога и пресвятую его богоматерь.

Потом же Савва, роздав все имение свое, елико имеяше, убогим, сам же иде в монастырь Чюда архистратига Михаила, иде же лежат мощы святителя божия Алексея митрополита, иже зовется Чюдов монастырь.¹²¹⁴ И възприяв иноческий чин и начя ту жити в посте и в молитвах, беспрестанно моляся господеву о согрешении своем. В монастыре же оном поживе лета довольна, ко господу отиде в вечный покой, иде же святии пребывают. Буди же вседержителю богу слава и держава во веки веков, аминь. Конец и богу слава.

Житие протопopa Аввакума

Аввакум протопop понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием,¹²¹⁵ – понеж отец ему духовной инок, – да не забвению предано будет дело божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу богу нашему. Аминь.

Всесвятая Троице боже и содетелю всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими, яже ныне хочу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да, добрыми делы просвещен, на судище¹²¹⁶ десныя ти страны причастник буду со всеми избранными твоими. И ныне, владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита¹²¹⁷ о божественных именовех, что есть богу присносущны¹²¹⁸ имена истинные, еже есть близостные, и что виновные,¹²¹⁹ сиречь похвалныя. Сия суть сущие: сый,¹²²⁰ свет, истинна, живот, толко четыре свойственных, а виновных много; сия суть: господь, вседержитель, непостижим, непрístupен, трисянен, трипостасен,¹²²¹ царь славы, непостоянен, огонь, дух, бог, и прочая по тому разумевай.

Того ж Дионисия о истинне: себе бо отвержение¹²²² истинны испадение есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение сущаго отвержение есть; от сущаго же бог испасти не может, и еже не быти – несть.¹²²³

Мы же речем: потеряли новолюбцы¹²²⁴ существо божие испадением от истиннаго господа, святаго и животворящаго духа. По Дионисию: коли уж истинны испали, тут и сущаго отверглись.

Бог же от существа своего испасти не может, а еже не быти, несть того в нем: присносущен истинный бог наш. Лучше бы им в символе веры¹²²⁵ не глаголати господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отсекати,¹²²⁶ в нем же существо божие содержится. Мы же, правовернии, обоя имена исповедаем: и в духа святаго, господа истиннаго и животворящаго света нашего, веруем, со отцем и с сыном поклоняемаго, за него же стражем и умираем, помощию его владычню. Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет: сей убо есть воистинну истинный христианин, зане истинною разумев Христа, и тем богоразумие¹²²⁷ стяжав, изступив убо себе,¹²²⁸ не сый в мирском их нраве и прелести,¹²²⁹ себя же весть трезвящися и изменена¹²³⁰ всякаго прелестнаго неверия, не токмо даже до смерти бедьствующе истинны

ради, но и неведением скончевающеся¹²³¹ всегда, разумом же живуще, и християне суть свидетелствуемы.¹²³² Сей Дионисий научен вере христове от Павла апостола, живый во Афинах, прежде, даже не приитти в веру христову, хитрость имый¹²³³ ищитати беги небесныя; егда ж верова Христови, вся сия вмених быти яко уметы.¹²³⁴ К Тимофею¹²³⁵ пишет в книге своей, сице глаголя: «Дитя, али не разумееш, яко вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тля¹²³⁶ и пагуба? Аз пройдох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету». Чтый да разумеет. Ищитати беги небесныя любят погибающий, понеже любви истинныя не прияша, воеже¹²³⁷ спастися им; и сего ради послет им бог действо льсти,¹²³⁸ воеже веровати им лжи, да суд примут неверовавшии истинне, но благоволиша о неправде. Чти Апостол, 275.¹²³⁹

Сей Дионисий еще не приидох в веру христову, со учеником своим во время распятия господня быв в Солнечном граде,¹²⁴⁰ и виде: солнце во тму преложися и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явилися черным видом. Он же ко ученику глаголя: «Или кончина веку прииде, или бог-слово плотию стражет»;¹²⁴¹ понеже не по обычаю тварь виде изменену: и сего ради бысть в недоумении. Той же Дионисий пишет о солнечнем знамении, когда затмится: есть на небеси пять звезд заблудных,¹²⁴² еже именуются луны. Сии луны бог положил не в пределех, яко ж и прочий звезды, но обтекают по всему небу, знамение творя или во гнев, или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звезда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, то солнечное затмение за гнев божий к людям бывает. Егда ж бывает от востока луна подтекает, то по обычаю шествие творяще закрывает солнце.

А в нашей Росии бысть знамение: солнце затаилось в 162 году,¹²⁴³ пред мором¹²⁴⁴ за месяц или менши. Плыл Волгою рекою архиепископ Симеон сибирской, и в полудне тма бысть, перед Петровым днем недели за две; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала.¹²⁴⁵ По Дионисию, являя бог гнев свой к людям: в то время Никон¹²⁴⁶ отступник веру казил¹²⁴⁷ и законы церковныя, и сего ради бог излиал фиал гнева ярости своя на Рускую землю; зело мор велик был, неколи еще забыть, вси помним. Потом, минув годов с четырнатцеть, вдругоряд солнцу затмение было;¹²⁴⁸ в Петров пост, в пяток¹²⁴⁹ в час шестый тма бысть; солнце померче, луна подтекала от запада же, гнев божий являя, и протопопа Аввакума, беднова горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угреше в темницу, проклинав, бросили.¹²⁵⁰ Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное. Говорить о том полно; в день века¹²⁵¹ познано

будет всеми; потерпим до тех мест.

Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Иусе Наввине¹²⁵² во Израили. Егда Иус секий иноплеменники, и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полднях,¹²⁵³ ста Иус крестообразно, сиречь разпростре руце свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече, и бысть во дни том и в ноци тридесеть четыре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло. И при Езекии¹²⁵⁴ царе бысть знамение: оттече солнце вспять во вторый-на-десять¹²⁵⁵ час дня, и бысть во дни и в ноци тридесеть шесть часов. Чти книгу дионисиеву, там пространно уразумееш.

Он же Дионисий пишет о небесных силах, росписует, возвещая, како хвалу приносят богу, разделялся деветь чинов на три троицы. Престоли, херувими и серафими освящение от бога приемлют и сице восклицают: благословенна слава от места господня! И чрез их преходит освящение на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти; сия троица, славословя бога, восклицают: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! По алфавиту, **аль** – отцу, **иль** – сыну, **уйя** – духу святому. Григорий Ниский¹²⁵⁶ толкует: аллилуйя-хвала богу; а Василий Великий¹²⁵⁷ пишет: аллилуйя – ангельская речь, человечески рещи – слава тебе, боже! До Василия пояху во церкви ангельския речи: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третьюю – человеческую, сице: аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четыржи, по римской бляди: мерско богу четверичное воспевание сицевое: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! Да будет проклят сице ноюще. Паки на первое возвратимся. Третьяя троица, силы, архангели, ангели, чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: свят, свят, свят, господь Саваоф, исполнь небо и земля славы его! Зри: тричислено и сие воспевание. Пространно пречистая богородица протолковала о аллилуйи, явилася ученику Ефросина Псковскаго, именем Василию.¹²⁵⁸ Велика во аллилуйи хвала богу, а от зломудрствующих досада велика, – по-римски святую троицу в четверицу глаголют, духу и от сына исхождение¹²⁵⁹ являют; зло и проклято се мудрование богом и святыми. Правверных избави боже сего начинания злаго, о Христе Иусе, господе нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Афанасий Великий¹²⁶⁰ рече: иже хочет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера,¹²⁶¹ ея же аще кто целы и непорочны не соблюдает, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет.

Вера ж кафолическая сия есть, да единого бога в Троице и Троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав отец, ин – сыновень, ин – святого духа; но отчее, и сыновнее, и святого духа едино божество, равна слава, соприсносушно величество; яков отец, таков сын, таков и дух святыи; вечен отец, вечен сын, вечен и дух святыи; не создан отец, не создан сын, не создан и дух святыи; бог отец, бог сын, бог и дух святыи – не три бози, но един бог; не три несозданныи, но един несозданныи, един вечныи. Подобие: вседержитель отец, вседержитель сын, вседержитель и дух святыи. Равне: непостижим отец, непостижим сын, непостижим и дух святыи. Обаче не три вседержители, но един вседержитель; не три непостижими, но един непостижимый, един пресущныи. И в сей святей Троице ничто же первое или последнее, ничто же более или менее, но целы три составы и соприсно-сущны суть себе и равны. Особно бо есть отцу нерождение, сыну же рождение, а духу святому исхождение; обще же им божество и царство. (Нужно бо есть побеседовати и о вочеловечении бога-слова¹²⁶² к вашему спасению.) За благость щедрот излия себе от отеческих недр сын-слово божие в деви чисту богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от духа свята и Марии девы, вочеловечився, нас ради пострадал, и воскрес в третий день, и на небо вознесся, и седе одесную величествия на высоких и хощет паки приити судити и воздати комуждо по делом его, его же царствию несть конца. И сие смотрение в бозе бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися. (Совет отець.)¹²⁶³ Рече отец сынови: «Сотворим человека по образу нашему и по подобию». И отвеща другий: «Сотворим, отче, и преступит бо». И паки рече: «О, едиnorodный мой! О, свете мой! О, сыне и слове! О, сияние славы моя! Аще промышляеши¹²⁶⁴ созданием своим, подобает ти облещися в тлимаго¹²⁶⁵ человека, подобает ти по земли ходити, апостолы восприяти, пострадати и вся совершити». И отвеща другий: «Буди, отче, воля твоя!» И по сем создася Адам. Аще хоцещи пространно разумети, чти Маргарит:¹²⁶⁶ «Слово о вочеловечении»; тамо обряцещи. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сице всяк веруай в онь не постыдится, а не веруай осужден будет и во веки погибнет, по вышереченному Афанасию. Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедаю, с сим живу и умираю.

Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове.¹²⁶⁷ Отец ми бысть священник Петр, мати – Мария, инока¹²⁶⁸ Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху божию. Аз же некогда видево у соседа скотину умершу, и той ноци, возставше, пред образом плакався

довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молитися. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, безпрестанно обыкла ходить во церковь, – имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли божии тако. Посем мати моя отъиде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания преселихся во ино место. Рукоположен во дьяконы двадесяти лет з годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осм лет и потом совершен в протопопы православными епископы, – тому двадесять лет минуло; и всего тридесят лет, как имею священство.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, – по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежал во церквах, и в домех, и на распутиях, но градом и селам, еще же и в царствующем граде, и во стране Сибирьской проповедуя и уча слову божию, – годов будет тому с полтретьяцеть.¹²⁶⁹

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии¹²⁷⁰ всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горко мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя и держал, дондеже во мне угасло злое разжежение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных: понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: плвуют стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шести златы, и все злато; по единому кормщику на них сиделцов. И я спросил: «Чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин и Лаврентиев». Сии Быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами – красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо,¹²⁷¹ – его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Вольги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: «Чей

корабль?» И сидяй на нем отвечал: «Твой корабль! Да, плавай на нем з женою и детми, коли докучаеш!» И я вострепетах и, седше, рассуждаю: «Что се видимое? И что будет плавание?»

А се по мале времени, по писанному, обьяша мя болезни смертныя, беды адавы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох. У вдовы начальник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери; и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и болши, и паки оживе божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник, во ино время, на мя разсвирепел, – прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодари бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищальми и, близь меня быв, запалил ис пистолы, и божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и божия воля учинила так же – и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а я ему рекл: «Благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан.¹²⁷² Аз же, взяв клюшку, а мати – некрещенова младенца, побрели, амо же бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп¹²⁷³ каженика¹²⁷⁴ древле. Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану¹²⁷⁵ и к Неронову протопопу Ивану,¹²⁷⁶ они же обо мне царю известиша, и государь¹²⁷⁷ меня почал с тех мест знати. Отцы ж з грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился: ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Приидоша в село мое пясовые медведи з бубнами и з домрами:¹²⁷⁸ и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари, и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, – одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василей Петрович Шереметев,¹²⁷⁹ пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея¹²⁸⁰ бритобратца.¹²⁸¹ Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя

блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Вольгу и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сеньях со мною прощались,¹²⁸² а брату моему меншому боярню Васильева и дочь духовная была. Так-то бог строит своя люди!

На первое возвратимся. Таже ин началник на мя разсвирепел: приехав с людьми ко двору моему, стрелял из луков и ис пищалей с приступом. А аз в то время, запершися, молился с воплем ко владыке: «Господи, укроти ево и примири, ими же веси судьбами!» И побежал от двора, гоним святым духом. Таже в ноц ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «Батюшко-государь! Евфимей Стефановичь при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: «Дайте мне батка¹²⁸³ Аввакума! За него бог меня наказует!» И я чаял, меня обманывают; ужасеся дух мой во мне. А се помолил бога сице: «Ты, господи, изведый мя из чрева матере моя и от небытия в бытие мя устроил! Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом,¹²⁸⁴ митрополитом московским; аще зарежут, и ты причти мя з Захарию¹²⁸⁵ пророком; а буде в воду посадят, а ты, яко Стефана Пермьскаго,¹²⁸⁶ паки свободиш мя!» И моляся, поехал в дом к нему, Евфимию. Егда ж привезоша мя на двор, выбежала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: «Поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» И я сопротив тово: «Чюдно! Давеча был блядин сын, а топерва – батюшко! Болшо¹²⁸⁷ у Христово остра шелепуга-та:¹²⁸⁸ скоро повинилсь муж твой!» Ввела меня в горницу. Вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопит неизреченно: «Прости, государь, согрешил пред богом и пред тобою!» А сам дрожит весь. И я ему сопротиво: «Хощеши ли впредь цел быти?» Он же, лежа, отвеща: «Ей, честный отче!» И я рек: «Востани! Бог простит тя!» Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я поднял и положил ево на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно в дом мой; и з женою Быша ми дети духовныя, изрядныя раби христовы. Так-то господь гордым противится, смиренным же дает благодать.

Помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве, и божиего волею государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Поволской.¹²⁸⁹ И тут пожил немного – толко осм¹²⁹⁰ недель. Дьявол научил попов и мужиков и баб – пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и вытаща меня ис приказа собранием, – человек с тысящу и с полторы их было, – среди улицы били батожем и топтали; и бабы были с рычагами.¹²⁹¹ Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня,

на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «Убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третьей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третьей ушел к Москве. На Кострому прибежал, – ано и тут протопопа ж Даниила изгнали. Ох, горе!

Везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут, – опять кручина: на што-де город покинул? – А жена, и дети, и домочадцы, человек з дватцеть, в Юрьевце остались: неведомо – живы, неведомо – прибиты! Тут паки горе.

По сем Никон, друг наш, привез ис Соловков Филиппа митрополита.¹²⁹² А прежде его приезде Стефан духовник, моля бога и постясь седмицу з братьею, – и я с ними тут же, – о патриархе, да же даст бог пастыря ко спасению душ наших; и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками,¹²⁹³ подали царю и царице – о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам, и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречю: преосвященному митрополиту Никону новгородскому и великолуцкому и всеа Руси радоватися, и прочая. Егда ж приехал, с нами, яко лис: челом да здорово! Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить! Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в Крестовую¹²⁹⁴ пускать! А се и яд отрыгнул. В пост великой прислал память х Казаньской¹²⁹⁵ к Неронову Ивану. А мне отец духовной был; я у него все и жил в церкви: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силино покойника место,¹²⁹⁶ да бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казаньские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило. В памяти Никон пишет: «Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания¹²⁹⁷ творити на колону, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и тремя персты бы есте крестились». Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хочет быти; сердце озябло и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов¹²⁹⁸ – седмицу в полатке¹²⁹⁹ молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: «Время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне, плачючи, сказал; таже коломенському епископу Павлу,¹³⁰⁰ его же Никон напоследок огнем жжег в новгородских

пределех; потом – Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же з Данилом, написав ис книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вем где, скрыл их; мнит ми ся,¹³⁰¹ Никону отдал.

После тово вскоре схватав Никон Даниила, в монастыре за Тверскими вороты, при царе остриг голову и, содрав однорятку,¹³⁰² ругая, отвел в Чюдов в хлебню¹³⁰³ и, муча много, сослал в Астрахань. Венец тернов на главу ему там возложили, в земляной тюрме и уморили. После Данилова стрижения взяли другова, темниковскаго Даниила ж протопопа, и посадили в монастыре у Спаса на Новом.¹³⁰⁴ Таже протопопа Неронова Ивана – в церкви скуфью снял¹³⁰⁵ и посадил в Симанове монастыре,¹³⁰⁶ опосле сослал на Вологду, в Спасов Каменной монастырь,¹³⁰⁷ потом в Колской острог.¹³⁰⁸ А напоследок, по многом страдании, изнемог бедной – принял три перста, да так и умер. Ох, горе! Всяк, мняйся стоя, да блюдетя, да ся не падет!¹³⁰⁹ Люто время, по реченному господем, аще возможно духу антихристову прелстити и избранныя. Зело надобно крепко молитися богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец.

Таж меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской¹³¹⁰ со стрелцами; человек со мною шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чеп посадили ночью. Егда ж розсветало в день неделный,¹³¹¹ посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря,¹³¹² и тут на чеппи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тме сидя, кланялся на чеппи, не знаю – на восток, не знаю – на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приальчен, сиречь есть захотел, и после вечерни ста предо мною, не вем – ангел, не вем – человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил, и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал похлебать – зело прикусны, хороши! – И рекл мне: «Полно, довлеет¹³¹³ ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно толко человек; а что ж ангел? Ино нечему дивитца – везде ему не загорожено. Наутро архимарит з братьею пришли и вывели меня; журят мне: «Что патриарху не покорисся?» А я от писания ево браню да лаю. Сняли болшую чеп, да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чеп торгают, и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели.

В то время после меня взяли Логина, протопопа муромскаго: в

соборной церкви, при царе, остриг в обедню. Во время переноса снял патриарх со главы у архидьякона дискос и поставил на престол с телом христовым; а с чашею архимарит чудовской Ферапонт вне ольтаря, при дверех царских стоял. Увы, разсечения тела христового,¹³¹⁴ пуци жидовскаго действия! Остригше, содрали с него однарятку и кафтан. Логин же разжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог в олтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь в глаза Никону бросил; и чудно! растопоряся рубашка и покрыла на престоле дискос, бытто воздух. А в то время и царица в церкви была. На Логина возложили чеп и, таща ис церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскова монастыря, и кинули в полатку нагова, и стрелцов на карауле поставили накрепко стоять. Ему ж бог в ту ноц дал шубу новую да шапку; и наутро Никону сказали, и он розсмеявся, говорит: «Знаю-су я пустосвятов тех!» – и шапку у него отнял, а шубу ему оставил.

По сем паки меня из монастыря водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня, и стязався¹³¹⁵ много со мною, паки также отвели. Таже в Никитин день¹³¹⁶ ход со кресты, а меня паки на телеге везли против крестов. И привезли к соборной церкви стричь, и держали в обедню на пороге дольго. Государь с места сошел и, приступя к патриарху, упросил. Не стригше, отвели в Сибирской приказ¹³¹⁷ и отдали дьяку Третьяку Башмаку,¹³¹⁸ что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом, в земляной же норме. Спаси ево, господи! И тогда мне делал добро.

Таже послали меня в Сибирь з женою и детми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила – болную в телеге – и повезли до Тобольска; три тысящи верст недель с тринацеть волокли телегами, и водою, и санми половину пути.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтара годы пять слов государевых¹³¹⁹ сказывали на меня, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без него, дьяволским научением напал на меня: церкви моя дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утече у него и прибежал во церковь ко мне.

Той же Струна Иван собрався с людми, во ин день прииде ко мне в церковь, – а я вечерню пою, – и въскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковный затворил и замкнул, и никою не пустил, – один он, Струна, в церкви вертится, что бес. И я,

покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ремнем нарочито-таки; а прочий, человек з дватцетъ, вси побегоша, гоними духом святым. И покаяние от Струны приняв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И божиим страхом отгнани Быша и побегоша вспять. Мучился я с месяц, от них бегаячи втай: иное в церкви начюю, иное к воеводе уйду, а иное в тюрьму просилься – ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах, – опосле на Москве у Павла¹³²⁰ митрополита ризничим был, в соборной церкви з дьяконом Афонасьем меня стриг; тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правилною виною ево, Струну, на чеп посадил за сие: некий человек з дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и, не наказав, мужика отпустил. И владыка ево сковать приказал и мое дело тут же помянул. Он же, Струна, ушел к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня. Воеводы отдали ево сыну боярьскому лутчему, Петру Бекетову,¹³²¹ за пристав. Увы, погибель на двор Петру пришла. Еще же и душе моей горе тут есть. Подумав архиепископ со мною, по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкви болшой. Той же Бекетов Петр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в той час ис церкви пошед, взбесилься, ко двору своему идучи, и умре горкою смертью зле. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да ж граждана оплачют согрешение его. А сами три дни прилежне стужали¹³²² божеству, да же в день века отпустится ему. Жалея Струны, такову себе пагубу приял. И по трех днех владыка и мы сами честне тело его погребли. Полно тово пълачевнова дела говорить.

По сем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь никонову. В таже времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы вверху,¹³²³ а оба умерли в мор и з женами и з детми; и многия друзья и сродники померли. Излиял бог на царство фиял гнева своего! Да не узнались¹³²⁴ горюны однако – церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковной раскол: мор, мечь, разделение.¹³²⁵ То и збылось во дни наша ныне. Но милостив господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст. Уповаю и надеюся на Христа, ожидаю милосердия его и чаю воскресения мертвым.

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего

рекох, – поехал на Лену. А как приехал в Енисейской,¹³²⁶ другой указ пришел: велено в Дауры¹³²⁷ вести – дватцеть тысяч и болши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову¹³²⁸ в полк – людей с ним было 6 сот человек; и грех ради моих суров человек: безпрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска, как будем в большой Тунгуске¹³²⁹ реке, в воду загрузило бурею дощеник¹³³⁰ мой совсем: налилсь среди реки полон воды, и парус изорвало, – одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помози!» И божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек сорвало и утонули в воде. По сем, оправаяся на берегу, и опять поехали впредь.

Егда приехали на Шаманьской порог, на встречу приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы – одна лет в 60, а другая и болши: пловут постричься в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «По правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом, пороге стал меня из дощеника выбивать: «Для-де тебя дощеник худо идет! Еретик-де ты! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокий, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть – заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы – перие красное, вороны черные, а гальки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята иньдейские,¹³³¹ и бабы,¹³³² и лебеди и иные дикие, – многое множество, – птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и изубри, и лоси, и кабаны, вольки, бараны дикие – во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверми и со змиями, и со птицами витать. И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «Человече! Убойся бога, сидящаго на херувимех и призирающаго¹³³³ в бездны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираеш и неудобство¹³³⁴ показуеш», – и прочая: там многонько писано; и послал к нему. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему, – версты три от него стоял. Я казакам каши наварил, да кормлю их; и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачют на меня, жалеют по мне. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит; начал мне говорить: «Поп ли ты, или роспоп?»¹³³⁵ И аз отвещал: «Аз есм

Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий¹³³⁶ зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой, и паки в голову, и збил меня с ног и, чекан¹³³⁷ ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши¹³³⁸ по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «Господи, Исусе Христе, сыне божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж безпрестанно говорю. Так горко ему, что не говорю: «Пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «Полно бить-тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «За что ты меня бьеш? Ведаеш ли?» И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги и на беть¹³³⁹ кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ноц под капелию лежал. Как били, так не болно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «За что ты, сыне божий, попустил меня ему таково болно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!» Бытто доброй человек! – Другой фарисей з говенною рожею, – со владыкою судитца захотел! Аще Иев и говорил так,¹³⁴⁰ да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари бога познал. А я первое – грешен, второе – на законе почиваю и писанием отвсюду подкрепляем, яко многими скорбми подобает нам внити во царство небесное, а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду-ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости-те щемить и жилы-те тянуть, и сердце зашло, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаяться пред владыкою, и господь-свет милостив: не поминает наших беззаконий первых покаения ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому болтему, Падуну, – река о том месте шириною с версту, три залавка¹³⁴¹ чрез всю реку зело круты, не воротами што поплывет,¹³⁴² ино в щепы изломает, – меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинута кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине, – нужно¹³⁴³ было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю уж на бога вдругорят. На ум пришли речи, пророком и апостолом реченныя: «Сыне, не пренемагай наказанием господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит бог, того наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам бог. Аще ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте». И сими речми тешил себя.

По сем привезли в Брацкой острог¹³⁴⁴ и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне;¹³⁴⁵ там зима в те поры живет, да бог грел и без платья! Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, – и батошка¹³⁴⁶ не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «Прости!» Да сила божия возбранила, – велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами¹³⁴⁷ и с собаками жил скован зиму всю. А жена з детми верст з дватцетъ была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю – лаяла да укоряла. Сын Иван – невелик был – прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрьму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут. И наутро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери – руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впредь. Запасу небольшое место осталось; а первой разграблен весь: и книги, и одежда иная отнята была; а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке¹³⁴⁸ по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был, – и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяныя тяготы люди изгибали, а у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третье тонул. Барку от берегу оторвало водою, – людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчал. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней полззаю, а сам кричу: «Владычице, помози! Упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выпользу наверх. Несло с версту и болши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь¹³⁴⁹ делать, коли Христос и пречистая богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь, а люди-те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах, да в сумах; все с тех мест перегнило, – наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «Ты-де над собою делаеш за посмех!» И я паки свету-богородице докучать: «Владычице, уйми дурака-тово!» Так она-надежа уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Ирѣгеня озера:¹³⁵⁰ волок тут, – стали зимою волочитца. Моих работников отнял, а иным у меня нанятца не велит. А дети малы были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту зделал и зиму всю волочилъся за волок. Весною на плотях по Ингоде реке поплыли на низ. Четверътое лето от Тобольска плаванью моему. Лес гнали хоромной и городской.¹³⁵¹ Стало нечева есть;

люди учили з голоду мереть и от работня водяня бродни. Река мелькая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, пальки болшие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие – огонь да встряска,¹³⁵² люди голодные: лишю станут мучить – ано и умрет! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился. У протопопицы моей однарятка московская была, не згнила, – по русскому рублев в польтретьяцеть¹³⁵³ и болши, по тамошнему – дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой, тянулись, на Нерче реке живучи, с травою перебиваючися. Все люди з голоду поморил, никуды не отпускал промышлять, – осталось небольшое место; по степям скитающесе и по полям, траву и корение копали, а мы – с ними же; а зимою – сосну,¹³⁵⁴ а иное кобылятины бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, – и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели вольков и лисиц, и что получит – всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, – все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишю голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими, скитающесе по горам и по острому камению наги и боси, травою и корением перебиваючеся, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам.¹³⁵⁵ Увы, грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез, да же оплачу бедную душу свою, ю же зле погубих житейскими сластми? Но помогала нам по Христе болярня, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево, – иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую,¹³⁵⁶ а иногда и польпудика накопит и передаст, а иногда у куров корму ис корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка, Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! – Иногда робенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была, а ныне уж ей 27 годов, – девицею, бедная моя, на Мезени,¹³⁵⁷ с меншими сестрами перебиваяся кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят.¹³⁵⁸ Да што же делать? Пускай горкие мучатся все ради Христа! Быть тому так за божиею помощию. На том положено: ино мучитца, ино мучитца веры ради христовы. Любил протопоп со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: не начный блажен, но скончавый.¹³⁵⁹ Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. А он, Афонасей, наветуя мне, безпрестанно смерти мне искал. В той же нужде прислал ко мне от себя две вдовы, – санныя¹³⁶⁰ ево любимые были, – Марья да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожа и колдуя много над ними, и видит, яко ничто же успевае, ¹³⁶¹ но паче мольва бывает, ¹³⁶² – зело жестоко их бес мучит, бьются и кричат; призвал меня и поклонился мне, говорит: «Пожалуй, возми их ты и попекися об них, бога моля; послушает тебя бог». И я ему отвечаю: «Господине! Выше меры прошение, но за молитв святых отец наших вся возможна суть богу». Взял их, бедных. Простите! Во искусе то на Руси бывало, – человека три-четыре бешаных приведших бывало в дому моем и, за молитв святых отец, отхождаху от них беси, действием и повелением бога живаго и господа нашего Исуса Христа, сына божия-света. Слезами и водою покроплю и маслом помажу молебная певше во имя христово, и сила божия отгоняше от человек бесы и здрави бываху, не по достоинству моему, – ни никак же, – но по вере приходящих. Древле благодать действоваше ослом при Валааме, ¹³⁶³ и при Улияне мученике – рысью, и при Сисинии – оленем: говорили человеческим гласом. Богидеже хочет, побеждается естества чин. Чти житие Феодора Едесскаго, тамо обрящеши: и блудница мертваго воскресила. В Кормчей¹³⁶⁴ писано: не всех дух святой рукополагает, но всеми, кроме еретика, действует. Таже привели ко мне баб бешаных; я, по обычаю, сам постился и им не давал есть, молебствовал, и маслом мазал, и, как знаю, действовал: и бабы о Христе целоумны и здравы стали. Я их исповедал и причастил. Живут у меня и молятся богу; любят меня и домой не идут. Сведаль он, что мне учинилися дочери духовные, осердился на меня опять пуши старова – хотел меня в огне жечь: «Ты-де выведывает мое тайны!» А как петь-су причастить, не исповедав? А не причастив бешанова, ино беса совершенно не отгонит. Бес-от веть не мужик: батога не боится; боится он креста христово, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бежит от тела христово.¹³⁶⁵ Я, кроме сих тайн, врачевать не умею. В нашей православной вере без исповеди не причащают; в римской вере творят так – не брегут о исповеди; а нам, православию блюдушим, так не подобает, но на всяко время покаяние искати. Аще священника, нужды ради, не получиши: и ты своему брату искусному возвести согрешение свое, и бог простит тя, покаяние твое видеши, и тогда с правилцом¹³⁶⁶ причащайся святых тайн. Держи при себе запасный агнец. Аще в пути или на промыслу, или всяко прилунится, кроме церкви, воздохни пред владыкою и, по вышереченному, ко брату исповедався, с чистою совестью причастися святыни: так хорошо будет!

По посте и по правиле,¹³⁶⁷ пред образом христовым на коробочку постели платочик и свечку зажги, а в сосудце водицы¹³⁶⁸ маленько, да на ложечку почерпни и часть тела христова с молитвою в воду на лошку положи, и кадилом вся покади, поплакав, глаголи: «Верую, господи, и исповедаю, яко ты еси Христос сын бога живаго, пришедый в мир грешники спасти, от них же первый есм аз. Верую яко воистинну се есть самое пречистое тело твое, и се есть самая честная кровь твоя. Его же ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, волная и неволная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, яже разумом и мыслию, и сподоби мя неосужденно причаститься пречистых ти таиньств во оставление грехов и в жизнь вечную, яко благословен еси во веки. Аминь». Потом, падше на землю пред образом, прощение проговори и, возстав, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей и паки богу помолись. Ну, слава Христу! Хотя и умреш после тово, ино хорошо. Полно про то говорить. И сами знаете, что доброе добро. Стану опять про баб говорить.

Взял Пашков бедных вдов от меня; бранит меня вместо благодарения. Он чаял: Христос просто положит; ано пущи и Старова стали беситца. Запер их в пустую избу, ино никому приступу нет к ним; призвал к ним Чернова попа,¹³⁶⁹ – и оне ево дровами бросают, и поволокся прочь. Я дома плачу, а делать не ведаю что. Приступить ко двору не смею: болно сердит на меня. Таино послал к ним воды святыя, велел их умыть и напоить, и им бедным легче стало. Прибтели сами ко мне тайно, и я помазал их во имя христово маслом; так опять, дал бог, стали здоровы и опять домой пошли; да по ночам ко мне прибегали тайно молитца богу. Изрядные детки стали, играть перестали и правилца держатца. На Москве з бояронею в Вознесенском монастыре вселились. Слава о них богу!

Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по лду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварская; иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедми итти не поспеем – голодные и томные¹³⁷⁰ люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится – кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалилься: оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «Матушька-государыня, прости!» А протопопица кричит: «Что ты, батко, меня задавил?» Я пришол, – на меня, бедная, пеняет, говоря: «Дольго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же, вздохня, отвещала: «Добро, Петровичь, ино еще побредем».

Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу Божиим повелением; нужде нашей помогая; бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ни што чудо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилунится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала.

Слава богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батко пожаловал, помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес збродил – корыто им зделал, ис чево есть, и водою покропил, да к ней все и отслал. Куры Божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня так повелось. Еще Козма и Дамиян¹³⁷¹ человеком и скотом благодествовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради.

Таже приволоклись паки на Ирґень озеро. Бояроня пожаловала – прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи¹³⁷² наелись. Кормилица моя была Евдокея Кириловна, а и с нею дьявол ссорил, сице: сын у нея был Симеон – там родился, я молитву давал и крестил, на всяк день присылала ко мне на благословение и я, крестом благословя и водою покроя, поцеловав ево, и паки отпущу; дитя наше здорово и хорошо. Не прилучилося меня дома; занемог младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику. Я, сведав, осердился ж на нея, и меж нами пря¹³⁷³ велика стала быть. Младенец пуци занемог: рука правая и нога засохли, что батошки. В зазор пришла; не ведает, что делать, а бог пуци угнетает. Робеночек на кончину пришел. Пестуны, ко мне приходя, плачют; а я говорю: «Коли баба лиха, живи же себе одна!» А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточил диявол сердце ея; припал ко владыке, чтоб образумил ея. Господь же, премилостивый бог, умахчил ниву сердца ея: прислала на утро сына среднева Ивана ко мне, –со слезами просит прощения матери своей, ходя и кланяясь около печи моей. А я лежу под берестом наг на печи, а протопопица в печи, а дети кое-где: в дождь прилучилось, одежды не стало, а зимовье каплет, – всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «Вели матери прощения просить у Орефы кольдуня». Потом и болнова принесли, – велела перед меня положить; и

все плачут и кланяются. Я-су встал, добыл в грязи патрахель¹³⁷⁴ и масло священное нашол. Помоля бога и покадя, младенца помазал маслом и крестом благословил. Робенок, дал бог, и опять здоров стал – с рукою и с ногою. Водю святою ево напоил и к матери послал. Виждь, слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила! Чему быть? Не сегодня кающихся есть бог! Наутро прислала нам рыбы да пирогов, – а нам то, голодным, надобе. И с тех мест помирились. Выехав из Даур, умерла, миленкая, на Москве; я и погребал в Вознесенском монастыре. Сведал то и сам Пашков про младенца, – она ему сказала. Потом я к нему пришел. И он, поклоняся низенко мне, а сам говорит: «Спаси бог! Отечески твориш – не помниш нашева зла». И в то время пици довольно прислал.

А опосле тово вскоре хотел меня пытать: слушай, за что. Отпускал он сына своево Еремея в Мунгальское царство¹³⁷⁵ воевать, – казаков с ним 72 человека да иноземцов 20 человек, – и заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удаст ли ся им и с победою ли будут домой? Вольхв же той мужик, близ моего зимовья привел барана живова в вечер, и учал над ним вольхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призывать и, много кричав, о землю ударилсья, и пена изо рта пошла. Беси давили ево, а он спрашивал их: «Удасться ли поход?» И беси сказали: «С победою великою и з богатством болшим будете назад». И воеводы ради, и все люди радуся говорят: «Богаты приедем!» Ох, душе моей, тогда горко, и ныне не сладко! Пастырь худой погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи¹³⁷⁶ на поселян жестоких советовали: «Господи, хочещи ли, речеве, да огонь снидет с небесе и потребит их, якоже и Илия сотвори». Обращ же ся Исус и рече им: «Не веста, коего духа еста вы; сын бо человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти». И идоша во ину весь. А я, окаянной, зделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем ко господу: «Послушай мене, боже! Послушай мене, царю небесный-свет, послушай меня! Да не возвратится вспять ни един от них, и гроб им там устроиши всем! Приложи им зла, господи, приложи, и погибель им наведи, да не збудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайне о том же бога молил. Сказали ему, что я так молюсь, и он лишо излаял меня. Потом отпустил с войским сына своего. Ночью поехали по звездам. В то время жаль мне их: видит душа моя, что им побитым быть, а сам-таки на них погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мне, а я им говорю: «Погибнете там!» Как поехали, лошади под ними взоржали вдруг, и коровы тут взревели, и овцы

и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы что собаки завыли; ужас на всех напал. Еремей весть со слезами ко мне прислал: чтоб батюшко-государь помолился за меня. И мне ево стало жаль. А се друг мне тайной был и страдал за меня. Как меня кнутом отец ево бил, и стал разговаривать отцу, так со шпагою погнался за ним. А как приехали после меня на другой порог, на Падун, 40 дощеников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощеник, – снасть добрая была и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести, – взяла силу вода, паче же рещи – бог наказал! Стащило всех в воду людей, а дощеник на камень бросила вода; чрез ево льется, а в него не идет. Чюдо, как-то бог безумных тех учит! Он сам на берегу, боярня в дощенике. И Еремей стал говорить: «Батюшко, за грех наказует бог! Напрасно ты протопопатово кнутом-тем избил; пора покаятца, государь!» Он же рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, к сосне отклонясь, прижав руки, стал, а сам, стоя, «господи помилуй!» говорит. Пашков же, ухватя у малова колешчатую¹³⁷⁷ пицаль, – никогда не лжет, – приложася на сына, курок спустил, и божиего волею осеклася пицаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклася пицаль. Он же и в третьи также сотворил; пицаль и в третии осеклася же. Он ее на землю и бросил. Малой, подняв, на сторону спустил – так и выстрелила! А дощеник единаче на камени под водою лежит. Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався, и плакать стал, а сам говорит: «Согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопатово бил; за то меня наказует бог!» Чюдно, чюдно! По писанию: яко косен¹³⁷⁸ бог во гнев, а скор на послушание, – дощеник сам, покаяния ради, сплыл с камени и стал носом против воды. Потянули – он и взбежал на тихое место тотчас. Тогда Пашков, призвав сына к себе, промолвил ему: «Прости, барте,¹³⁷⁹ Еремей, – правду ты говориш!» Он же, прискоча, пад, поклонився отцу и рече: «Бог тебя, государя, простит! Я пред богом и пред тобою виноват!» И взяв отца под руку, и повел. Гораздо Еремей разумен и добр человек: уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его. Да по писанию и надобе так: бог любит тех детей, которые почитают отцов. Виждь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремей, паче же ради Христа и правды его? А мне сказывал кормщик ево, Афонасьева, дощеника, – тут был, – Григорей Телной. На первое возвратимся.

Отнеле же отошли, поехали на войну. Жаль стало Еремея мне: стал владыке докучать, чтоб ево пощадил. Ждали их с войны, – не бывали на срок. А в те поры Пашков меня и к себе не пускал. Во един от дней учредил застенок и огонь росклат – хочет меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы прогово рил; ведаю ево стряпанье, – после огня-

тово мало у него живут. А сам жду по себя и, сидя, жене плачущей и детям говорю: «Воля господня да будет! Аще живем, господевы¹³⁸⁰ живем, аще умираем, господевы умираем». А се и бегут по меня два палача. Чюдно дело господне и неизреченны судьбы владычни! Еремей ранен сам-друг дорошкою мимо избы и двора моего едет, и палачей вскричал и воротил с собою. Он же, Пашков, оставя застенки, к сыну своему пришел, яко пьяной с кручины. И Еремей, поклоняся со отцем, вся ему подробну возвещает: как войско у него побили все без остатку, и как ево увел иноземец от мунгальских людей по пустым местам, и как по каменным горам в лесу, не ядше, блудил седм дней, – одну съел белку, – и как моим образом человек ему во сне явился и, благословя ево, указал дорогу, в которую страну ехать. Он же, вскоча, обрадовался и на путь выбрел. Егда он отцу рассказывает, а я пришел в то время поклониться им. Пашков же, возвед очи свои на меня, – слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да господь не выдаст! – вздохня, говорит: «Так-то ты делает? Людей-тех погубил столко!» А Еремей мне говорит: «Батюшко, поди, государь, домой! Молъчи для Христа!» Я и пошел.

Десеть лет он меня мучил, или я ево – не знаю; бог розберет в день века. Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «Хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы». Он в дощениках со оружием и с людьми плыл, а слышал я, едучи, – от иноземцов дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых, и болных, и раненых, кои там негодны, человек з десяток, да я з женою и з детми – семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же бог наставит, ничево не бояся. Книгу Кормъчию дал прикащику, и он мне мужика кормщика дал. Да друга моего выкупил, Василия, которой там при Пашкове на людей ябедничал и крови проливал и моя головы искал: в ыную пору, бивше меня, на кол было посадил, да еще бог сохранил! А после Пашкова хотели ево казаки до смерти убить. И я, выпрося у них Христа ради, а прикащику выкуп дав, на Русь ево вывез, от смерти к животу, – пускай ево беднова! – либо покаются о гресех своих. Да и другога такова же увез замотая.¹³⁸¹ Сего не хотели мне выдать; и он ушел в лес от смерти и, дождався меня на пути, плачючи, кинулься мне в карбас. Ано за ним погоня! Деть стало негде. Я-су, – простите! – своровал: яко Раав блудная¹³⁸² во Ерихоне Исуса Наввина людей, спрятал ево, положи на дно в судне, и постелею накинул, и велел протопопице и дочери лечи на нево. Везде искали, а жены моей с места не тронули, – лишю говорят: «Матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!»

А я, – простите бога ради! – лгал в те поры и сказывал: «Нет ево у меня!» – не хотя ево на смерть выдать. Поискав, да и поехали ни с чем; а я ево на Русь вывез. Старец¹³⁸³ да и раб христов, простите же меня, что я лгал тогда. Каково вам кажется? Не велико ли мое согрешение? При Рааве блуднице, она, кажется, так же зделала, да писание ея похваляет за то. И вы, бога ради, поразсудите: буде грехотворно я учинил, и вы меня простите; а буде церковному преданию не противно, ино и так ладно. Вот вам и место оставил: припишите своею рукою мне, и жене моей, и дочери или прощение, или епитимию, понеже мы за одно воровали – от смерти человека ухоронили, ища ево покаения к богу. Судите же так, чтоб нас Христос не стал судить на Страшном суде сего дела. Припиши же что-нибудь, старец.

Бог да простит тя и благословит в сем веце и в будущем, и подружью твою Анастасию, и дщерь вашу, и весь дом ваш. Добро сотворили есте и праведно. Аминь.

Добро, старец, спаси бог на милостыни! Полно тово.

Прикащик же мучки гривенок с тритцеть дал, да коровку, да овечок пять-шесть, мяско иссуша; и тем лето питались, пловучи. Доброй прикащик человек, дочь у меня Ксенью крестил. Еще при Пашкове родилась, да Пашков не дал мне мира и масла, так не крещена долго была, – после ево крестил. Я сам жене своей и молитву говорил, и детей крестил с кумом – с прикащиком, да дочь моя болшая – кума, а я у них поп. Тем же образцом и Афанасия сына крестил и, обедню служа на Мезени, причастил. И детей своих исповедывал и причащал сам же, кроме жены своея; есть о том в правилех – велено так делать. А что запрещение то отступническое, и то я о Христе под ноги кладу, а клятвою тою,¹³⁸⁴ – дурно молить! – гузно тру. Меня благословляют московские святители Петр и Алексей, и Иона,¹³⁸⁵ и Филипп, – я по их книгам верую богу моему чистою совестию и служу; а отступников отрицаюся и клену, – враги оне божи, не боюсь я их, со Христом живучи! Хотя на меня каменя накладут, я со отеческим преданием и под каменьем лежу, не токмо под шпынскою¹³⁸⁶ воровскою никониянскою клятвою их. А што много говорить? Плюнуть на действо-то и службу-ту их, да и на книги-те их новоизданный, – так и ладно будет! Станем говорить, како угодити Христу и пречистой богородице; а про воровство их полно говорить. Простите, барте, никонияне, что избранил вас; живите, как хотите. Стану опять про свое горе говорить, как вы меня жалуете-подбиваете: 20 лет тому уж прошло; еще бы хотя стол ко же бог пособил помучитца от вас, ино бы и было с меня, о господе бозе и спасе нашем Иисусе Христе! А затем сколько

Христос даст, толко и жить. Полно тово, – и так далеко забрел. На первое возвратимся.

Поехали из Даур, стало пици скудать, и з братиею бога помолили, и Христос нам дал изубря, болшова зверя, – тем и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица соболина, рыбу промышляют; рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухвата, далеко на гору несли Тереньтьюшко с товарищи; плачют, миленкие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пици, сколько нам надобно: осетроф с сорок свежих перед меня привезли, а сами говорят: «Вот, батюшко, на твою часть бог в запоре нам дал, – возми себе всю!» Я, поклонясь им и рыбу благословя, опять им велел взять: «На што мне столко?» Погостя у них, и с нужду запасцу взяв, лотку починя и парус скропав, чрез море пошли. Погода¹³⁸⁷ окинула на море, и мы гребми перегреблись: не болно о том месте широко – или со сто, или с осмьдесят верьст. Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки, – дватцет тысяч верьст и болши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши,¹³⁸⁸ врата и столпы, ограда каменная и дворы, – все богоделанно. Лук на них растет и чеснок, – болши романовскаго луковицы, и слаток зело. Там же растут и конопли богорасленные, а во дворах травы красныя, и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, – по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем – осетры и таймени, стерьледи и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия¹³⁸⁹ в нем: во окиане море болшом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем; осетры и таймени жирны гораздо – нелзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа-тово-света наделано для человек, чтоб, упокоясь, хвалу богу воздавал. А человек, суете которой уподобится, дние его, яко, сень,¹³⁹⁰ преходят; скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съестъ хочет, яко змия; ржет, зря на чюжую красоту, яко жребя; лукаует, яко бес; насыщался довольно, без правила спит; бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает, и не вем, камо отходит: или во свет ли, или во тму, – день судный коегождо¹³⁹¹ явит. Простите мя, аз согрешил паче всех человек.

Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви, яко ничто ж успеваает, но паче мольва бывает. Опечался, сидя, разсуждаю: «Что сотворю? Проповедаю ли слово божие, или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня». И виде меня печална, протопопица моя приступи ко мне со опрятьством и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Аз же

ей подробну известих: «Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе; говорить ли мне, или молчать? Связали вы меня!» Она же мне говорит: «Господи помилуй! Что ты, Петрович, говорит? Слыхала я, – ты же читал, – апостольскую речь: привязался еси жене, не ищи разрешения, егда отретишися, тогда не ищи жены. Аз тя и з детми благословляю: дерзай проповедати слово божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петрович, – обличай блудню еретическую!» Я-су ей за то челом и, отряспе от себя печальную слепоту, начах по-прежнему слово божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никониянскую со дерзновением обличал.

В Енисейске зимовал; и паки, лето пльвше, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торьгах кричал, проповедая слово божие, и уча, и обличая безбожную лесь. Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземьских орьд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в ыноземьских руках. На Оби – великой реке предо мною 20 человек погубили христиан, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртише-реке собрание их стоит: ждут березовских¹³⁹² наших з дощеником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и обьскачили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, што с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали, и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесь совершается; и бабы удобрилися. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торьговать со мною стали, – медведей я у них накупил,¹³⁹³ – да и отпустили меня. Приехав в Тоболеск, сказываю; ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкирьцы с татарами воевали¹³⁹⁴ тогда. А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехал посреде их. Приехал на Верхотурье,¹³⁹⁵ Иван Богдановичь Камьнин, друг мой, дивится же мне: «Как ты, протопоп, проехал?» А я говорю: «Христос меня пронес и пречистая богородица провела; я не боюсь никоно, одново боюсь Христа».

Таже к Москве приехал и, яко ангела божия, прияша мя государь и бояря, – все мне ради. К Федору Ртищеву¹³⁹⁶ зашел: он сам ис полатки выскочил ко мне, благословилься от меня, и учили говорить много-много, – три дни и три ночи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова

милостивые говорил: «Здорово ли де, протопоп, живеш? Еще-де видатца бог велел!» И я соппротив руку ево поцеловав и пожал, а сам говорю: «Жив господь и жива душа моя, царь-государь, а впредь, что изволить бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырьском подворье в Кремли и, в походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенько-таки, а сам говорит: «Благослови-де меня и помолися о мне!» И шапку в ыную пору, мурьманку,¹³⁹⁷ снимаючи з головы, уронил, едучи верхом. А ис кореты высунется, бывало, ко мне. Таже и все бояря, после ево, челом да челом: «Протопоп, благослови и молися о нас!» Как-су мне царя-тово и бояр-тех не жалеть? Жаль, о-су! Видиш, каковы были добры! Да и ныне оне не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере; аз же вся сия яко уметы вменил, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет.

А се мне в Тобольске в тонце¹³⁹⁸ сне страшно возвещено (блюдися, от меня да не польма¹³⁹⁹ растесан будеши). Я вскочил и пал пред иконою во ужасе велице, а сам говорю: «Господи, не стану ходить, где по-новому поют, боже мой!» Был я у завтрени в соборной церкви на царевнины имянины, шаловал¹⁴⁰⁰ с ними в церкви-той при воеводах; да с приезде смотрил у них просвиромисания¹⁴⁰¹ дважды или трожды, в ольтаре у жертвеника стоя, а сам им ругался; а как привык ходить, так и ругатца не стал, – что жалом, духом антихристовым и ужалило было. Так меня Христос-свет попужал и рече ми: «По толиком страдании погибнуть хочеш? Блюдися, да не польма разреку тя!» Я и к обедне не пошел, и обедать ко князю пришел, и вся подробну им возвестил. Боярин миленькой, князь Иван Андреевич Хильков, плакать стал. И мне, окаянному, много столко божия благодеяния забыть?

Егда в Даурах я был, на рыбной промысл к детям по льду зимою по озеру бежал на базлуках;¹⁴⁰² там снегу не живет, морозы велики живут и льды тольсты намерзают, – блиско человека тольщины; пить мне захотелось и, гараздо от жажды томим, итти не могу; среди озера стало: воды добыть нелзя, озеро верьст с восьм; стал, на небо взирая, говорить: «Господи источивый ис камени в пустыни людям воду, жаждущему Израилю, тогда и днесь ты еси! Напой меня, ими же веси судьбами,¹⁴⁰³ владыко, боже мой!» Ох, горе! Не знаю, как молить; простите, господа ради! Кто есм аз? Умерый¹⁴⁰⁴ пес! Затрещал лед¹⁴⁰⁵ предо мною и разступился чрез все озеро сюду и сюду и паки снидеса: гора великая льду

стала и, дѣндеже уряжение бысть, аз стах на обычном месте¹⁴⁰⁶ и, на восток зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставил мне бог пролубку маленку, и я, падше, насытился. И плачу, и радуюся, благодаря бога. Потом и пролубка содвинулася, и я, востав, поклоняся господеву, паки побежал по льду, куды мне надобе, к детям. Да и в прочий времена в волоките моей так часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, а сам и правило в те поры говорю, вечерню, и заутреню, или часы,¹⁴⁰⁷ – што прилучится. А буде в людях бывает неизворотно, и станем на стану, а не по мне товарищи, правила моево не любят, а идучи, мне нелзя было исполнить; и я, отступя людей под гору или в лес, коротенко зделаю – побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да так и обедаю. А буде жо по мне люди, и я, на сошке складенки¹⁴⁰⁸ поставя, правилца поговорю; иные со мною молятся, а иные кашку варят. А в санях едучи, в воскресный дни на подворьях всю церковную службу пою, а в рядовыя дни, в санях едучи, пою; а бывало и в воскресныя дни, едучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я, хотя немношко, а таки поворчу. Яко же тело альчуще желает ясти и жаждуще желает пити тако и душа, отче мой Епифапий, брашна духовнаго желает; не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад велий человеку – бога не моля жити.

Бывало, отче, в Даурьской земле, – аще не поскучите послушать с рабомтем христовым, аз, грешный, и то возвещу вам, – от немощи и от глада великаго изнемог в правиле своем, всего мало стало, толко павечернишныя псалмы, да полунощницу, да час первой, а болши тово ничево не стало; так, что скотинка, волочюсь, о правиле том тужу, а принять ево не могу, а се уже и ослабел. И некогда ходил в лес по дрова, а без меня жена моя и дети, сидя на земле у огня, дочь с матерью – обе плачют. Огрофена, бедная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я пришел из лесу: зело робенок рыдаетъ; связавшуся языку ево, ничево не промолыт, мичит к матери, сидя; мать, на нея глядя, плачет. И я отдохнул и с молитвою приступил к робяти, рекл: «О имени господни повелеваю ти: говори со мною! О чем плачеш?» Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: «Не знаю кто, батюшко-государь, во мне сидя, светленек, за язык-от меня держал и с матушкою не дал говорить; я тово для плакала; а мне он говорит: «Скажи отцу, чтобы он правило по-прежнему правил, так на Русь опять все выедете; а буде правила не станет править, о нем же он и сам помышляет, то здесь все умрете, и он с вами же умрет». Да и иное кое-что ей сказано в те поры было: как указ по нас будет, и сколько друзей

первых¹⁴⁰⁹ на Руси заедем,¹⁴¹⁰ – все так и збылося. И велено мне Пашкову говорить, чтоб и он вечерни и завтрени пел, так бог ведро даст и хлеб родится, – а то были дожди безпрестанно; ячменцу было сеено небольшое место: за день или за два до Петрова дни – тотчас вырос, да и згнил было от дождей. Я ему про вечерни и завтрени сказал, и он и стал так делать; бог ведро дал и хлеб тотчас поспел. Чюдо-таки. Сеен поздно, а поспел рано. Да и паки, бедной, коварничать стал о божием деле. На другой год насеел было и много, да дождь необычен излился, и вода из реки выступила и потопила ниву, да и все розмыло, и жилища наши розмыла. А до тово николи тут вода не бывала, – и иноземцы дивятся. Виждь: как поруга дело божие и пошел странюю, так и бог к нему странным гневом! Стал смеятца первому тому извещению напоследок: робенок-де есть хотел, так плакал! А я-су с тех мест за правило свое схватался, да и по ся мест тянусь помаленьку. Полно о том беседовать, на первое возвратимся. Нам надобе вся сия помнить и не забывать, всякое божие дело не класть в небрежение и просто и не менять на прелесть сего суетнаго века.

Паки реку московское бытие. Видят оне, что я не соединяюсь с ними; приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу, чтоб я молчал. И я потешил ево: царь-то есть от бога учинен, а се добренек до меня, – чаял, либо помаленку исправится. А се посулили мне Симеонова дни сесть на Печатном дворе книги править, и я рад силно, – мне то надобно лутче и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал десеть рублей денег, царица десеть рублей же денег, Лукьян духовник десять рублей же, Родион Стрешнев десеть рублей же, а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот и шестьдесят рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною! У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы,¹⁴¹¹ не выходя, жил во дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна,¹⁴¹² дочь же моя. Светы мои, мученицы христовы! И у Анны Петровны Милославские покойницы всегда же в дому был. А к Федору Ртищеву бранитца со отступниками ходил.

Да так-то с полгода жил, да вижу, яко церковное ничто же успеваает, но паче мольва бывает, паки заворчал, написав царю многогко-таки, чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу общую, святую церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православнова учинил вместо волька и отступника Никона, злодея и еретика. И егда письмо изготвил, занемоглось мне гораздо, и я выслал царю на переезде с сыном своим духовным, с Феодором юродивым,¹⁴¹³ что после отступники удавили ево, Феодора, на Мезени, повеса на виселицу. Он же с письмом

приступил к Цареве корете со деръзновением, и царь велел ево посадить и с писмом под Красное крылцо,¹⁴¹⁴ – не ведал, что мое; а опосле, взявше у него писмо, велел ево отпустить. И он, покойник, побывав у меня, паки в церковь пред царя пришед, учал юродством шаловать, царь же, осердясь, велел в Чюдов монастырь отслать. Там Павел архимарит и железа на него наложил, и божиею волею железа разсыпалися на ногах пред людьми. Он же, покойник-свет, в хлебне той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на поду и, крошки в печи побираючи, ест. Так чернцы ужаснулись и архимариту сказали, что ныне Павел митрополит. Он же и царю возвестил, и царь, пришед в монастырь, честно ево велел отпустить. Он же паки ко мне пришел.

И с тех мест царь на меня кручиноват стал: не любо стало, как опять я стал говорить; любо им, как молчю, да мне так не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби христовы многие приходили ко мне и, уразумевше истинну, не стали к прелесной их службе ходить. И мне от царя выговор был: «Власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку опять». Сказывал боярин Петр Михайлович Сальтыков. Да и повезли на Мезень. Надавали было кое-чево, во имя христово, люди добрые много, да все и осталось тут; токмо с женою и детми и з домочадцы повезли. А я по городам паки людей божиих учил, а их, пестрообразных зверей, обличал. И привезли на Мезень.

Полтора года держав, паки одново к Москве взяли, да два сына со мною – Иван да Прокопей – съехали же, а протопопица и прочий на Мезени остались все. И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь.¹⁴¹⁵ И туды присылка была, – тож да тож говорить: «Дольго ли тебе мучить нас? Соединись с нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бесов, а оне лезут в глаза! Скаску¹⁴¹⁶ им тут з бранью з болшою написал и послал з дьяконом ярославским, с Козмою, и подьячим двора патриарша. Козма-та не знаю коего духа человек; въяве уговаривает, а втай подкрепляет меня, сице говоря: «Протопоп! Не отступай ты староватого благочестия; велик ты будеш у Христа человек, как до конца претерпит; не гляди на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил сопротив, чтоб он паки приступил ко Христу. И он говорит: «Нельзя, Никон опутал меня!» Просто молыть, отрекся пред Никоном Христа, так же уже, бедной, не сможет встать. Я, заплакав, благословил ево горюна; болши тово нечева мне делать с ним; ведает то бог, что будет ему.

Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на чеппи, взяли меня паки в Москву, и в Крестовой стязався власти со мною, ввели меня в соборной

храм и стригли по переносе меня и дьякона Феодора,¹⁴¹⁷ потом и проклинали, а я их проклинал сопротив. Зело было мятежно в обедню-ту тут! И, подержав на патриархове дворе, повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь. И бороду враги божии отрезали у меня. Чему быть? Вольки-то есть, не жалеют овцы! Оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на льбу. Везли не дорогою в монастырь – болотами да грязью, чтоб люди не сведали. Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьявол, – что на них и пенять! Не им было, а быть же было иным,¹⁴¹⁸ писанное время пришло по Евангелию: нужда соблазнам приити. А другой глаголет евангелист: невозможно соблазнам не приитти, но горе тому имь¹⁴¹⁹ же приходит соблазн. Виждь, слышателю необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попускает бог, да же избрани будут, да же разжегутся, да же убедятся, да же искуснии явлению будут в вас. Выпросил у бога светлую Росию сатона, да же очервленил¹⁴²⁰ ю кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо – Христа ради, нашего света, пострадать!

Держали меня у Николы в студеной полатке семнатцеть недель. Тут мне божие присещение бысть; чти в Цареве послании,¹⁴²¹ тамо обрящещи. И царь приходил в монастырь; около темницы моя походил и, постонав, опять пошел из монастыря. Кажется потому, и жаль ему меня, да уш то воля божия так лежит. Как стригли, в то время велико нестроение вверху¹⁴²² у них бысть с царицею, с покойницею: она за нас стояла в то время, миленкая; напоследок и от казни отпросила меня. О том много говорить. Бог их простит! Я своево мучения на них не спрашиваю, ни в будущий век. Молитися мне подобает о них, о живых и о преставльнихся. Диявол между нами разсечение положил, а оне всегда добры до меня. Полно тово! И Воротынской,¹⁴²³ бедной князь Иван, тут же без царя молитца приезжал: а ко мне просился в темницу, ино не пустили горюна; я лишю, в окошко глядя, поплакал на него. Миленькой мой! Бойтся бога, сиротинька христова: не покинет ево Христос! Всегда-таки он христов да наш человек. И все бояря-те до нас добры, один дьявол лих. Что-петь сделаеш, коли Христос попустил! Князь Ивана миленкова Хованьскова¹⁴²⁴ и батожьем били, как Исаию сожгли. А бояроню-ту Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат; и сестру ея Евдокею, бивше батогами, и от детей отлучили, и с мужем розвели, а ево, князь Петра Урусова,¹⁴²⁵ на другой-де женили. Да что-петь делать? Пускай их, миленких! Мучася, небеснаго жениха достигнут. Всяко-то бог их перепроводит век сей суетный и присвоит к себе жених небесный в чертог свой, праведное солнце, свет, упование наше! Паки на первое возвратимся.

По сем свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную полатку, скована держали год без мала. Тут келарь Никодим сперва добр до меня был, а се бедной болшо тово же табаку испил,¹⁴²⁶ что у газскаго митрополита¹⁴²⁷ выняли напоследок 60 пудов, да домру, да иныя Тайныя монастырьские вещи, что поигравше творят. Согрешил, простите, – не мое то дело: то ведает он, своему владыке стоит или падает. К слову моылось. То у них были любимые законоучителие. У сего келаря Никодима попросилсья я на Велик день¹⁴²⁸ для праздника отдохнуть, чтоб велел, дверей отворя, на пороге посидеть; и он, меня наругав, и отказал жестоко, как ему захотелось; и потом, в келию пришед, разболелсья: маслом соборовали и причащали, и тогда-сегда дохнет. То было в понеделник светлой. И в нощи против вторника прииде к нему муж во образе моем, с кадиллом, в ризах светлых, и покадил ево и, за руку взяв, воздвигнул, и бысть здрав. И притече ко мне с келейником ночью в темницу, – идучи говорит: «Блаженна обитель, – таковыя имеет темницы! Блаженна темница, – таковых в себе имеет страдалцов! Блаженны и юзы!» И пал предо мною, ухватилсья за чеп, говорит: «Прости, господа ради, прости! Согрешил пред богом и пред тобою; оскорбил тебя, – и за сие наказал мя бог». И я говорю: «Как наказал? Повежд ми». И он паки: «А ты-де сам, приходя и покадя, меня пожаловал и поднял, – что-де запираеесся!» А келейник, тут же стоя, говорит: «Я, батюшко-государь, тебя под руку вывел ис кельи, да и поклонилсья тебе, ты и пошел сюды». И я ему заказал, чтоб людям не сказывал о тайне сей. Он же со мною спрашивалсья, как ему жить впредь по Христе: «Или-де мне велиш покинуть все и в пустыню пойти?» Аз же его понаказав, и не велел ему келарьства покидать, токмо бы, хотя втай, держал старое предание отеческое. Он же, поклоньсья, отъиде к себе и наутро за трапезою всей братье сказал. Людие же безстрашно и дерзьновенно ко мне побрели, просяще благословения и молитвы от меня; а я их учю от писания и ползую словом божиим; в те времена и врази кои были, и те примирились тут. Увы! Коли оставлю суетный сей век? Писано: горе, ему же рекут добре вси человецы. Воистинну не знаю, как до краю доживать: добрых дел нет, а прославил бог! То ведает он, – воля ево.

Тут же приезжал ко мне втай з детми моими Феодор покойник, удавленной мой, и спрашивалсья со мною: «Как-де прикажеш мне ходить – в рубашке ли по-старому, или в платье облещись? Еретики-де ищут и погубить меня хотят. Был-де я на Резани под началом, у архиепископа на дворе, и зело-де он, Иларион,¹⁴²⁹ мучил меня – реткой день, коли плетми не бьет, и скована в железах держал, принуждая к новому антихристову

тайнству. И я-де уже изнемог, в ночи моляся и плача, говорю: «Господи! Аще не избавит мя, осквернят меня, и погибну. Что тогда мне сотворит?» И много плачючи говорил. «А се-до вдруг, батюшко, железа все грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилась сама. Я-де, богу поклонясь, да и пошел; к воротам пришел – и ворота отворены! Я-де по большой дороге, к Москве напрямик! Егда-де розсветало, – ано погоня на лошедях! Трое человек мимо меня пробежали, – не увидели меня. Я-де надеюсь на Христа, бреду таки впредь. Помале-де оне едут на встречу ко мне, лают меня: ушел-де, блядин сын, – где-де ево возмеш? Да и опять-де проехали, не видали меня. И я-де ныне к тебе спроситца прибрел; туды ль-де мне опять мучитца пойти или, платье вздев, жить на Москве?» И я ему, грешной, велел вздеть платье. А однако не ухоронил от еретических рук – удавили на Мезени, повеся на виселицу. Вечная ему память и с Лукою Лаврентьевичем! Детушки миленкие мои, пострадали за Христа! Слава богу о них!

Зело у Федора тово крепок подвиг был: в день юродьствует, а ноц всю на молитве со слезами. Много добрых людей знаю, а не видал подвижника такова! Пожил у меня с польгода на Москве, – а мне еще не моглося, – в задней комнатке двое нас с ним, и много час – другой полежит, да и встанет; 1000 поклонов отбросает, да сядет на полу и иное, стоя, часа с три плачет, а я таки лежу – иное сплю, а иное неможется; егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит: «Долго ли тебе, протопоп, лежать-тово, образумься – веть ты поп! Как сороба нет?» И мне неможется, так меня подымает, говоря: «Встань, миленкой батюшко, ну, таки встащися как-нибудь!» Да и роскачает меня. Сидя мне велит молитвы говорить, а он за меня поклоны кладет. То-то друг мой сердечной был! Скорбен миленкой был с перетуги великия: черев из него вышло в одну пору три аршина, а в другую пору пять аршин. Неможет, а кишки перемеряет; и смех с ним и горе! На Устюге пять лет безпрестанно мерьз на морозе бос, бродя в одной рубашке: я сам ему самовидец. Тут мне учинился сын духовной, как я ис Сибири ехал. У церкви в полатке, – прибегал молитвы ради, – сказывал: «Как-де от мороза-тово в тепле-том станет, батюшко, отходить, зело-де тяшко в те поры бывает», – по кирпичью-тому ногами-теми стучает, что коченьем! А на утро и опять не болят. Псальтыр у него тогда была новых печатей в келье – маленько еще знал о новизнах; и я ему розсказал подробну про новыя книги; он же, схватав книгу, тотчас и в печь кинул, да и проклял всю новизну. Зело у него во Христа горяча была вера! Да что много говорить? Как начал, так и скончал! Не на баснях проходил подвиг, не как я, окаянной; того ради и скончался боголепне. Хорош был и

Афонасьюшко – миленкой, сын же мне духовной, во иноцех Авраамий,¹⁴³⁰ что отступники на Москве в огне испекли, и, яко хлеб сладок, принесеса святей Троице. До иночества бродил босиком же в одной рубашке и зиму и лето; толко сей Феодора посмирнее и в подвиге малехнее покороче. Плакать зело же был охотник: и ходит – и плачет. А с кем молыт, – и у него слово тихо и гладко, яко плачет. Феодор же ревнив гораздо был и зело о деле божии болезнен: всяко тщится разорити и обличати неправду. Да пускай их! Как жили, так и скончались о Христе Исусе госпде нашем.

Еще вам побеседую о своей волоките. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдов, поставили перед вселенских патриархов,¹⁴³¹ и наши все тут же, что лисы, сидели, – от писания с патриархами говорил много; бог отверз грешные мое уста и посрамил их Христос! Последнее слово ко мне рекли: «Что-де ты упрям? Вся-де наша Палестина – и серби, и альбанасы,¹⁴³² и волохи,¹⁴³³ и римляне, и ляхи, – все-де тремя перьсты крестятся, один-де ты стоиш во своем упорьстве и крестисся пятью перьсты!¹⁴³⁴ Так-де не подобает!» И я им о Христе отвечаю сице: «Вселенъстии учителяе! Рим давно упал и лежит невсклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги Быша християном. А и у вас православие пестро¹⁴³⁵ стало от насилия турьскаго Магмета,¹⁴³⁶ – да и дивить на вас нелзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, божиею благодатию, самодержьство. До Никона отступника в нашей Росии у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно, и церковь немятежна. Никон-вольк со дьяволом предали трема перьсты креститца, а первые наши пастыри, яко же сами пятью перьсты крестились, такоже пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших: Мелетия антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго, епископа киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека.¹⁴³⁷ Еще же и московский поместный бывый собор при царе Иване¹⁴³⁸ так же слагая перьсты креститися и благословляти повелевает, яко же прежний святии отцы, Мелетий и прочий, научиша. Тогда при царе Иване Быша на соборе знаменосцы¹⁴³⁹ Гурий и Варсонофий,¹⁴⁴⁰ казаньские чюдотворцы, и Филипп, соловецкий игумень, – от святых русских». И патриарьси задумалися; а наши, что вольчонки, вскоча, завьли и блевать стали на отцев своих, говоря: «Глупы-де были и не смыслили наши русские святы я, не учоные-де люди были, – чему им верить? Оне-де грамоте не умели!» О, боже снятый! Како претерпе святых своих толика досаждения? Мне, бедному, горько, а делать нечева стало. Побранил их, побранил их, колко мог, и последнее слово рекл: «Чист есмь аз, и прах прилепший от ног

своих отрясаю пред вами, по писанному: лутче един творяй волю божию, нежели тмы беззаконных!» Так на меня и пущи закричали: «Возми, возми его! Всех нас обезчестил!» Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились. Человек их с сорок, чаю, было, – велико антихристово войско собралось! Ухватил меня Иван Уаров, да потащил, и я закричал: «Постой, – не бейте!» Так оне все отскочили. И я тольмачю-архимариту говорить стал: «Говори патриархам, – апостол Павел пишет: – таков нам подобаше архиерей, преподобен, незлобив, – и прочая; а вы, убивше человека, как литоргисать¹⁴⁴¹ станете?» Так оне сели. И я отшел ко дверям, да набок повалилься: «Посидите вы, а я полежу», – говорю им. Так оне смеются: «Дурак-де протопоп-от! И патриархов не почитает!» И я говорю: «Мы уроди¹⁴⁴² Христа ради! Вы славни, мы же безчестни! Вы силни, мы же немощни!» Потом паки ко мне пришли власти и про – аллилуая стали говорить со мною. И мне Христос подал – посрамил в них римьскую ту блядь Дионисием Ареопагитом, как выше сего в начале реченно. И Евфимей, чюдовской келарь, молил: «Прав-де ты, – нечева-де нам болши тово говорить с тобою». Да и повели меня на чеп.

Потом полуголову царь прислал со стрелцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же – священника Лазоря¹⁴⁴³ и инока Епифания старца; острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленкие! Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя. Да пускай их терпят! Что о них тужить? Христос и лутче их был, да тож ему, свету нашему, было от прадедов их, от Анны и Каиафы,¹⁴⁴⁴ а на нынешних и дивить нечева: с обрасца делают! Потужить надобно о них, о бедных. Увы, бедные никонияня! Погибаете от своего злаго и непокориваго нрава.

Потом с Воробьевых гор перевели нас на Андреевское подворье, таже в Савину слободку.¹⁴⁴⁵ Что за разбойниками, стрелцов войско за нами ходит и срать провожают; помянется, – и смех и горе, – как-то омрачил дьявол! Таж к Николе на Угрешу; тут государь присылал ко мне голову Юрья Лутохина¹⁴⁴⁶ благословения ради, и кое о чем много говорили.

Таже опять ввезли в Москву нас на Никольское подворье и взяли у нас о правоверии еще скаски. Потом ко мне комнатные люди¹⁴⁴⁷ многожды присыланы были, Артемон¹⁴⁴⁸ и Дементей,¹⁴⁴⁹ и говорили мне царевым глаголом: «Протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу-де твоео благословения и с царицею и с чады, – помолися о нас!» Кланяючись, посланник говорит» И я по нем всегда плачу; жаль мне сильно ево. И паки он же: «Пожалуй-де послушай меня, – соединишь со вселеньскими-теми хотя неболшим чем!» И я говорю: «Аще и умрети ми бог изволит, со отступниками не соединюся!

Ты, реку, мой царь, а им до тебя какое дело? Своево, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить сяды приволоклися! Я, реку, не сведу рук с высоты небесных, дондеже бог тебя отдаст мне». И много тех присылок было. Кое о чем говорено. Последнее слово рек: «Где-де ты ни будеш, не забывай нас в молитвах своих!» Я и ныне, грешной, елико могу, о нем бога молю.

Таже, братию казня, а меня не казня, сослали в Пустозерье. И я ис Пустозерья послал к царю два послания: первое невелико, а другое болши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богознамения некая, показанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет. Еще же от меня и от брата дьяконово снискание¹⁴⁵⁰ послано в Москву, правоверным гостинца, книга «Ответ православных»¹⁴⁵¹ и обличение на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматах церковных. Еще же и от Лазаря священника посланы два послания царю и патриарху. И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человек, детей моих духовных, – преждереченнаго Феодора юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабов христовых. Лука-та московской жилец, у матери-вдовы сын был единочаден, усмарь¹⁴⁵² чином, юноша лет в полтретьятцеть,¹⁴⁵³ приехал на Мезень по смерть з детми моими. И егда бысть в дому моем вьсегубительство, спросил его Пилат:¹⁴⁵⁴ «Как ты, мужик, крестисься?» Он же отвеща смиренномудро: «Я так верую и крещуся, слагая перьсты, как отец мой духовной, протопоп Аввакум». Пилат же повеле его в темницу затворити, потом, положи петлю на шею, на релех повесил. Он же от земных на небесная взыде. Болши тово что ему могут зделать? Аще и млад, да по-старому зделал: пошел себе ко владыке. Хотя бы и старой так догадался! В те жо поры и сынов моих родных двоих, Ивана и Прокопья, велено ж повесить; да оне, бедные, оплошали и не догадались венцов победных ухватити: испужався смерти, повинились. Так их и с матерью троих в землю живых закопали. Вот вам и без смерти смерть! Кайтесь, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть – недивно! Некогда и друг ближний Петр отречеся¹⁴⁵⁵ и, изшед вон, плакася горько, и слез ради прощен бысть. А на робят и дивить нечева: моего ради согрешения поущено им изнеможение. Да уж добро, быть тому так! Силен Христос всех нас спасти и помиловати.

По сем той же полуголова Иван Елагин¹⁴⁵⁶ был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас скаску. Сице реченно: год и месяц, и паки, – мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестиньскаго патриарха Паисея с товарищи еретическое соборище проклинаем. И иное там говорено многонко, и Никону, завотчику ересям, досталось небольшое место. По сем привели нас к плахе и, прочет наказ,

меня отвели, не казня, в темницу. Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восм и болши, да братья паки есть велели.

По сем Лазаря священника взяли, и язык весь вырезали из горла; мало попошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Таже, положи правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченая, на земле лежа, сложила сама перьсты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чудно: бездушная одушевленных обличает! Я на третей день у нево во рте рукою моею щупал и гладил: гладко все – без языка, а не болит. Дал бог во временне часе исцелело. На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнилися два годы, иное чудо: в три дни у него язык вырос совершенной, лиш маленько тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля бога и отступников порицая.

По сем взяли соловецькаго пустынника, инока-схимника Елифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсекли четыре перьста. И сперва говорил гугниво. По сем молил пречистую богоматерь, и показаны ему оба языки, московьской и здешьней, на воздуже; он же, един взяв, положил в рот свой и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретесе во рьте. Дивна дела господня и неизреченны судьбы владычни! И казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог – старой чудотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человечю во мгновении ока воскресит. Да кто о том разьсудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему о всем!

По сем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же, оставили кусочик неболшой во рте, в горле накость резан; тогда на той мере и зажил, а опосле и опять со старой вырос и за губы выходит, притуп маленько. У нево же отсекли руку поперег ладони. И все, дал бог, стало здорово, – и говорит ясно против прежнева и чисто.

Таже осыпали нас землею: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьми замьками; стражие же пред дверми стрежаху темницы. Мы же, здесь и везде сидящи в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном божиим, песни песням,¹⁴⁵⁷ их же Соломан воспе, зря на матерь Вирьсавию: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая моя! Очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче

солнечных лучь, и вся в красоте сияет, яко день в силе своей» (хвала о церкви).

Таже Пилат, поехав от нас, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаяю сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число бог изочтет. Чюдо, как то в познание не хотят приити: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостоли научили так? Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить. Но господем реченно ко апостолом сице: шедше в мир весь проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет. Смотри, слышателю, волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокаряющихся огнем жечь и на виселицах вешать. Татарьской бог Магмет написал¹⁴⁵⁸ во своих книгах сице: «Непокаряющихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учителя явны, яко шиши¹⁴⁵⁹ антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити, от плода бо всяко древо познано бывает. Да што много говорить? Аще бы не были борцы, не бы даны Быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Перьсиду, а то дома Вавилон.¹⁴⁶⁰ Ну-тко, правоверие, нарцы имя христово, стань среди Москвы, прекрестися знаменем спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перьст, не разсуждай много! А я с тобою же за сие о Христе умрети готов. Аще я и несмыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти яко же приях: не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком! Не блуди, еретик, не токмо над жерьтвою христовою и над крестом, но и пелены не шевели. А то удумали со дьяволом книги перепечатать, вся переменить, – крест на церкви и на просвирах переменить, внутрь ольтаря молитвы иерейские откинули, ектеньи переменили, в крещении явно духу лукавому молитца велят, – я бы им и с ним в глаза наплевал, – и около купели против солнца лукаво-ет их водит, такоже и церкви свята, против солнца же, и брак венчав, против солнца же водят,¹⁴⁶¹ – явно противно творят, – а в крещении и не отрицаются сатоны. Чему быть? – Дети ево: коли отца своево отрицатися захотят! Да что много говорить? Ох, правоверной душе!

Вся горняя долу Быша. Как говорил Никон, адов пес, так и зделал: «Печатай, Арьсен,¹⁴⁶² книги как-нибудь, лишь бы не по старому!» Так-су и зделал. Да болши тово нечем переменить. Умереть за сие всякому подобает. Будьте оне прокляты, окаянные, со всем лукавым замыслом своим, а стражущим от них вечная память З-ж!¹⁴⁶³

По сем у всякаго правовернаго прощения прошу; иное было, кажется, про житие-то мне и не надобно говорить, да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова, – апостоли о себе возвещали же, егда что бог соделает в них: не нам, богу нашему слава. А я ничто ж есм. Рекох, и паки реку: «Аз есм человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам, и всякому человеку лицемерец окаянной».

Простите же и молитесь о мне, а я о вас должен, чтущих и послушающих. Болши тово жить не умею; а что зделаю я, то людям и сказываю; пускай богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною – или благая, или злая. Но аще и не учен словам, но не разумом; не учен диалектики, и риторики, и философии, а разум христов в себе имам, яко ж и апостол глаголет: аще и невежда словом, но не разумом.

Простите, – еще вам про невежество свое побеседую. Ей, зглупал, отца своего заповедь преступил, и сего ради дом мой наказан бысть; внимай бога ради, како бысть. Егда еще я попом бысть, духовник царев, протопоп Стефан Вьнифантьевичь, благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою святаго Ефрема Сирина,¹⁴⁶⁴ себя ползовать, прочитал, и люди. Аз же, окаянный, презрев отеческое благословение и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь променял. У меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимей, зело грамоте горазд и о церкви велико прилежание имел; напоследок взят был к большой царевне вверх во псаломщики,¹⁴⁶⁵ а в мор и з женою скончался. Сей Евфимей лошедь сию поил и кормил и гораздо об ней прилежал, презирая правило многажды. И виде бог неправду в нас з братом, яко неправо по истинне ходим, – я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило презирая, о скотине прилежал, – изволил нас владыко сице наказать: лошедь ту по ночам и в день стали беси мучить, – всегда мокра, заезжена, и еле жива стала. Аз же недоумеюся, коея ради вины бес так озлобляет нас. И в день недельный после ужина, в келейном правиле, на полунощнице, брат мой Евфимей говорил кафизму¹⁴⁶⁶ непорочную и завопил высоким гласом: «Призри на мя и помилуй мя!» И, испустя книгу из рук, ударился о землю, от бесов поражен бысть, – начат кричать и вопить гласы неудобными, понеже беси ево жестоко начаша мучить. В

дому же моем иные родные два брата – Козма и Герасим – болши ево, а не смогли удержать ево, Евфимия; и всех домашних человек с тритцеть, держа ево, рыдают и плачут, вопиюще ко владыке: «Господи, помилуй! Согрешили пред тобою, прогневали твою благостыню, прости нас, грешных! Помилуй юношу сего, за молитв святых отец наших!» А он пуци беситься, кричит, и дрожит, и бьется. Аз же помощью божиею в то время не смутихся от голки тоя бесовския. Кончавше правило, паки начах молиться Христу и богородице со слезами, глаголя: «Владычице моя, пресвятая богородице! Покажи, за которое мое согрешение таковое ми бысть наказание, да, уразумеv, каяся пред сыном твоим и пред тобою, впредь тово не стану делать». И, плачючи, послал во церковь по Потребник и по святую воду сына своего духовнаго Симеона – юноша таков же, что и Евфимей, лет в четырнатцеть, дружно меж себя живуще Симеон со Евфимием, книгами и правилом друг друга подкрепляюще и веселящеся, живуще оба в подвиге крепко, в посте и молитве. Той же Симеон, плакав по друге своем, сходил во церковь и принес книгу и святую воду. Аз же начах действовать над обуреваемым молитвы Великаго Василия с Симеоном: он мне строил кадило и свечи и воду святую подносил, а прочий держали беснующагося. И егда в молитве речь дошла: азти о имени господни повелеваю, душе немый и глухий, изыди от создания сего и к тому не вниди в него, но иди на пустое место, иде же человек не живет, но токмо бог призирает, – бес же не слушает, не идет из брата. И я паки ту же речь вдругоряд, и бес еще не слушает, пуци мучит брата. Ох, горе мне? Как мольть? И сором, и не смею, но по старцову Елифаниеву повелению говорю; сице было: взял кадило, покадил образы и беснова и потом ударилсся о лавку, рыдав на мног час. Возставше, ту же Василиеву речь закричал к бесу: «Изыди от создания сего!» Бес же скорчил в колцо брата и, пружався¹⁴⁶⁷ изыде и сел на окошко; брат же быв, яко мерътв. Аз же покропил ево водою святою; он же, очхняся, перъстом мне на беса, сидящаго на окошке, показывает, а сам не говорит, связавшуся языку его. Аз же покропил водою окошко, и бес сошел в жерновный угол. Брат же и там ево указывает. Аз же и там покропил водою, бес же оттоля пошел на печь. Брат же и там указывает. Аз же и там тою же водою. Брат же указал под печь, а сам прекрестилсся. И аз не пошел за бесом, но напоил святою водою брата во имя господне. Он же, воздохня иа глубины сердца, сице ко мне проглагола: «Спаси бог тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и двух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и малчику тому спаси бог, которой в церковь по книгу и по воду-ту ходил, пособлял тебе с ними битца. Подобием он,

что и Симеон же, друг мой. Подле реки Сундовика¹⁴⁶⁸ меня водили и били, а сами говорят: «Нам-де ты отдан за то, что брат твой Аввакум на лошедь променял книгу, а ты-де ея любиш». Так-де мне надобе брату поговорить, чтоб книгу-ту назад взял, а за нея бы дал денги двоюродному брату». И я ему говорю: «Я, – реку, – свет, брат твой Аввакум». И он мне отвещал: «Какой ты мне брат? Ты мне батко; отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатицах¹⁴⁶⁹ живет, – будет тебе бить челом». Аз же паки ему дал святыя воды; он же и судно у меня отнимает и съестъ хочет, – сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскал и давать стал; он и не стал пить. Ночь всю зимнюю с ним простряпал. Маленько я с ним полежал и пошел во церковь заутреню петь; и без меня беси паки на него напали, но лехче прежнева. Аз же, пришед от церкви, маслом ево посвятил, и паки беси отъидоша, и ум цел стал; но дряхл бысть, от бесов изломан: на печь поглядывает и оттоля боится, – егда куды отлучюся, а беси и наветовать ему станут. Бился я з бесами, что с собаками, – недели с три за грех мой, дондеже взял книгу и денги за нея дал. И ездил к другу своему Илариону игумну: он просвиру вынял за брата;¹⁴⁷⁰ тогда добро жил, – что ныне архиепископ резанской, мучитель стал христианской. И иным духовным я бил челом о брате: и умолили бога о нас, грешных, и освобожден от бесов бысть брат мой. Таково-то зло заповеди преступление отеческой! Что же будет за преступление заповеди господня? Ох, да толко огонь да мука! Не знаю, дни коротать как! Слабоумием объят и лицемерием, и лжею покрыт есм, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю, и мняся нечто быти, а кал и гной, есм, окаянной, – прямое говно! Отвсюду воняю – душою и телом. Хорошо мне жить с собаками да со свиньями в конурах: так же и оне воняют, что и моя душа, злосмрадною вонего. Да свиньи и псы по естеству, а я от грехов воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града. Спаси бог властей тех, что землю меня закрыли: себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро так!

Да и в темницу-ту ко мне бешаной зашел Кирилушко, московской стрелец, караульщик мой. Остриг ево аз и вымыл и платье переменял, – зело вшей было много. Замъкнуты мы с ним, двое с ним жили, а третей с нами Христос и пречистая богородица. Он, миленькой, бывало, серет и сцъгт под себя, а я ево очищаю. Есть и пить просит, а без благословения взять не смеет. У правила стоять не захочет, – дьявол сон ему наводит: и я постегая чотками, так и молитву творить станет, и кланяется за мною, стоя. И егда правило скончаю, он и паки бесноватися станет. При мне беснуется и шалуется, а егда ко старцу пойду посидеть в ево темницу, а ево

положу на лавке, не велю ему вставать и благословлю его, и докамест у старца сижу, лежит, не встанет, богом привязан, – лежа беснуется. А в головах у него образы и книги, хлеб и квас и прочая, а ничево без меня не тронет. Как прииду, так встанет и, дьявол, мне досаждая, блудить заставляет. Я закричу, так и сядет. Егда стряпаю, в то время есть просит и украсть тщится до времени обеда; а егда пред обедом «Отче наш» проговорю и благословлю, так тово брашна и не ест – просит неблагословеннова. И я ему силою в рот напехаю, и он и плачет и глотает. И как рыбую покормлю, тогда бес в нем вздвигнется,¹⁴⁷¹ а сам из него говорит: «Ты же-де меня ослабил!» И я, плакавсья пред владыкою, опять постом стягну и окроцю¹⁴⁷² ево Христом. Таже маслом ево освятил, и отрадило ему от беса. Жил со мною с месяц и болши. Перед смертию образумилсья. Я исповедал ево и причастил, он же и преставилсья, миленкой, скоро. И я, гроб купя и саван, велел погребьсти у церкви; попом сорокоуст дал.¹⁴⁷³ Лежал у меня мертвой сутки: и я ночью, востав, домоля бога, благословя ево мертвова, и с ним поцеловавсья, опять подле его спать лягу. Таварищ мой миленкой был! Слава богу о сем! Ныне он, а завтра я также умру.

Да у меня ж был на Москве бешаной, – Филипом звали, – как я ис Сибири выехал. В углу в ызбе прикован был к стене, понеже в нем бес был суров и жесток гораздо, билсья и дралсья, и не могли с ним домочадцы ладить. Егда ж аз, грешный, со крестом и с водою прииду, повинен бывает и, яко мертв, падает пред крестом христовым и ничево не смеет надо мною делать. И молитвами святых отец сила божия отгнала от него беса; но токмо ум еще несовершен был. Феодор был над ним юродивой приставлен, что на Мезени веры ради христовы отступники удавили, – Псалтыр над Филиппом говорил и учил ево исусовой молитве. А я сам во дни отлучашеся от дому, токмо в ноци действовал над Филиппом. По некоем времени пришел я от Феодора Ртищева зело печален, понеже в дому у него с еретиками шумел много о вере и о законе; а в моем дому в то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фетиньею меж собою побранились, – дьявол ссорил ни за што. И я, приихед, бил их обеих и оскорбил гораздо, от печали; согрешил пред богом и пред ними. Таже бес вздвигял в Филиппе, и начал чепь ломать, бесясь, и кричать неудобно. На всех домашних нападе ужас и зело голка бысть велика. Аз же без исправления приступил к нему, хотя ево укротити; но не бысть по-прежнему. Ухватил меня и учал бить и драть, и всяко меня, яко паучину, терзает, а сам говорит: «Попал ты мне в руки!» Я токмо молитву говорю, да без дел не ползует и молитва. Домашние не

могут отнять, а я и сам ему отдался.

Вижу, что согрешил: пускай меня бьет. Но – чуден господь! – бьет, а ничто не болит. Потом бросил меня от себя, а сам говорит: «Не боюсь я тебя!» Так мне в те поры горько стало: «Бес, – реку, – надо мною волю взял!» Полежал маленко, с совестью собрался. Воставше, жену свою сыскал и пред нею стал прощатца со слезами, а сам ей, в землю кланяясь, говорю: «Согрешил, Настасья Марковна, – прости мя, грешнаго!» Она мне также кланяется. По сем и с Фетиньею тем же образом простился. Таже лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине: человек было з дватцеть, – и жена, и дети, все, плачючи, стегали. А я говорю: «Аще кто бить меня не станет, да не имать со мною части во царствии небеснем!» И оне, нехотя, бьют и плачют, а я ко всякому удару по молитве. Егда же все отбили, и я, воставше, сотворил пред ними прощение. Бес же, видев неминучую, опять вышел вон ис Филиппа. И я крестом ево благословил, и он по-старому хорош стал. И потом нецел ел божиею благодатью о Христе Исусе, госпде нашем, ему ж слава.

А егда я был в Сибири – туды еще ехал – и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в велик день з женою своею, наругая празник, жена ево сказывала, – да и възбесился. И я, в дому своем держа месяца з два, стужал об нем божеству, в церковь водил и маслом осветил, и помиловал бог: здрав бысть и ум исцеле. И стал со мною на крылосе петь в литорьгию, во время переноса, и досадил мне. Аз в то время, побив ево на крылосе, и в притворе велел пономарю приковать к стене. И он, вышатав пробой, пуци и первова вбесясь, в обедню ушел на двор к большому воеводе, и сундуки разломав, платье княинино на себя вздел, а их розгонял. Князь же, осердясь, многими людьми в тюрьму ево оттащили; он же в тюрьме юзников бедных всех перебил и печь разломал. Князь же велел ево в деревню к жене и детям сослать. Он же, бродя в деревнях, великие пакости творил. Всяк бегаёт от него. А мне не дадут воеводы, осердясь. Я по нем пред владыкою плакал всегда. По сем пришла грамота с Москвы, – велено меня сослать ис Тобольска на Лену, великую реку. И егда в Петров день собрался в дощеник, пришел ко мне Феодор целоумен, на дощенике при народе кланяется на ноги мои, а сам говорит: «Спаси бог, батюшко, за милость твою, что помиловал мя. По пустыни-де я бежал третьева дни, а ты-де мне явился и благословил меня крестом, и беси-де прочь отбежали от меня, и я пришел к тебе поклонитца, и паки прошу благословения от тебя». Аз же, на него глядя, поплакал и возрадовался о величии божии, понеже о всех

нас печется и промышляет господь – ево исцелил, а меня возвеселил! И поуча ево, благослови, отпустил к жене ево и детям в дом. А сам поплыл в ссылку, моля о нем Христа, сына божия-света, да сохранит его и впредь от неприязни. А назад я еду, спрашивал про него и мне сказали: «Преставился-де, после тебя годы с три, живучи христиански з женою и детми». Ино и добро. Слава богу о сем!

Простите меня, старец с рабом тем христовым, – вы мя понудисте сие говорить. А однако уж розвякался, – еще вам повесть скажу. Как в попах еще был, там же, где брата беси мучили, была у меня в дому вдова молодая, – давно уж, и имя ей забыл! Помнится Офимьею звали, – ходит и стряпает, и все хорошо делает. Как станем в вечер начинать правило, так ея бес ударит о землю, омертвевает вся, яко камень станет, и не дышит, кажется, – ростянет ея среди горницы, и руки, и ноги, – лежит яко мертва. И я, «О всепетую» проговоря,¹⁴⁷⁴ кадилом покажу, потом крест положу ей на голову и молитвы василиевы в то время говорю: так голова под крестом и свободна станет, баба и заговорит, а руки и ноги и тело еще мертво и каменно. И я по руке поглажу крестом, так и рука свободна станет; я – и по другой, и другая также освободится; я – и по животу, так баба и сядет. Ноги еще каменны. Не смею туды крестом гладить, – думаю, думаю – и ноги поглажу, баба и вся свободна станет. Вставше, богу помолясь, да и мне челом. Прокуда-таки¹⁴⁷⁵ – ни бес, ни што был в ней, много времени так в ней играл. Маслом ея освятил, так вовсе отошел прочь: исцелела, дал бог. А иное два Василия у меня бешаные бывали прикованы, – странно и говорить про них: кал свой ели.

А еще сказать ли тебе, старец, повесть? Блазновато,¹⁴⁷⁶ кажется, да было так. В Тобольске была у меня девица, Анною звали, дочь мне духовная, гораздо о правиле прилежала о церковном и о келейном, и вся мира сего красоту вознебрегла. Позавиде диявол добродетели ея, наведе ей печаль о первом хозяине своем Елизаре, у него же взросла, привезена ис полону ис кумыков.¹⁴⁷⁷ Чистотою девъство соблюла и, егда исполнилася плодов благих, дьявол окрал: захотела от меня отъйти и за первова хозяина замуж пойти, и плакать стала всегда. Господь же пустил на нея беса, смиряя ея, понеже и меня не стала слушать ни в чем, и о поклонех не стала радеть. Егда станем правило говорить, она на месте станет, прижав руки, да так и простоит. Виде бог противление ея, послал беса на ней: в правило стоящу ей, да и вбесится. И мне, бедному, жаль: крестом благословлю и водою покроплю, так и отступит от нея бес. И многажды так бысть. Она же единаче в безумии своем и непокоръстве пребывает. Благохитрый же бог инако ея наказал: задремала в правило, да и повалилась на лавке спать,

и три дни и три ночи, не пробудяся, спала. Я лито ея по времяном кажу, спящую: тогда-сегдадохнет. Чаю, умрет. И в четвертый день очхнулася; села да плачет; есть ей дают, – не ест. Егда я правило канонъное скончав и домочадцов, благословя, распуртил, паки начах во тме без огня поклоны класть; она же с молитвою втай приступила ко мне и пала на ноги мои; и я, от нея отшед, сел за столом. И она, приступя паки к столу и плачючи, говорит: «Послушай, государь, велено тебе сказать». Я стал слушать у нея: «Егда-де я в правило задремала и повалилася, приступили ко мне два ангела и взяли меня, и вели меня тесным путем. И на левой стране слышала плачь, и рыдание, и гласы умиленны. Потом-де меня привели во светлое место,¹⁴⁷⁸ зело гораздо красно, и показали-де многие красные жилища и полаты; и всех-де краше полата, неизреченною красотою сияет паче всех, и велика гораздо. Ввели-де меня в нея, ано-де стоят столы, и на них послано бело, и блюда з брашнами стоят. По конец-де стола древо кудряво повеваает и красотами разными украшено; в древе-де том птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про них сказать, каковы умильны и хороши! И подержав-де меня, паки ис полаты повели, а сами говорят: «Знаеш ли, чья полата сия?» И аз-де отвечала: «Не знаю; пустите меня в нея». Оне же отвечали: «Отца твоего, протопопа Аввакума, полата сия. Слушай ево и живи так, как он тебе наказывает перьсты слагать и креститца, и кланятца, богу молясь, и во всем не протився ему, так и ты будеш с ним здесь. А буде не станеш слушать, так будеш в давешнем месте, где плакание-то слышала. Скажи жо отцу своему. Мы не беси, водили тебя; смотри: у нас папарты,¹⁴⁷⁹ беси-де не имеют тово». И я-де, батюшко, смотрила, – бело у ушей-тех их».¹⁴⁸⁰ Да и поклонилася мне, прощения прося. Потом паки исправилася во всем. Егда меня сослали ис Тобольска, и я оставил ея у сына духовнаго тут. Хотела пострищися, а дьявол опять зделал по-своему: пошла за Елизара замуж и деток прижила. И по осми летех услышала, что я еду назад, отпросилася у мужа и постриглася. А как замужем была, по временам бог наказывал, – бес мучил ея. Егда ж аз в Тоболеск приехал, за месяц до меня постриглася, и принесла ко мне два детища и, положи предо мною робятишок, плакала и рыдала, кающесея, безстыдно порицая себя. Аз же, пред человеки смиряя ея, многожды на нея кричал; она же прощаетсея в преступлении своем, каюся пред всеми. И егда гораздо ея утрудил, тогда совершенно простил. В обедню за мною в церковь вошла. И нападе на нея бес во время переноса, – учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою коковать. Аз же зжалихся об ней: покиня херувимскую петь, взявше от престола крест, и на крылос взошед, закричал: «Запрещаю ти именем

господним; полно, бес, мучить ея! Бог простит ея в сий век и в будущий!» Бес же изыде из нея. Она же притече ко мне и пала предо мною за ню же вину. Аз же крестом ея благословя, и с тех мест простил, и бысть здрава душою и телом. Со мною и на Русь выехала. И как меня стригли, в том году страдала з детми моими от Павла митрополита на патриархове дворе веры ради и правости закона. Доволно волочили и мучили ея. Имя ея во иноцех Агафья.

Ко мне же, отче, в дом принашивали матери деток своих маленьких; скорбию одержимы грыжною; и мои детки, егда скорбели во младенъчестве грыжною болезнию, и я маслом священным, с молитвою презвитеръскою, помажу вся чювьства и, на руку масла положи, младенцу спину вытру и шулнятка,¹⁴⁸¹ – и божиею благодатию грыжная болезнь и минуется во младенце. И аще у коего отрыгнет скорьбь, и я так же сотворю: и бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию.

А егда еще я был попом, с первых времен, как к подвигу касаться стал, бес меня пуживал сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехал к ней отец духовной; аз же из двора пошел по книгу в церковь ноци глубоко, по чему исповедать ея. И егда на паперть пришел, столик до тово стоял, а егда аз пришел, бесовским действием скачет столик на месте своем. И я, не утрашась, помолясь пред образом, осенил рукою столик и, пришед, поставил ево, и перестал играть. И егда в трапезу вошел, тут иная бесовская игра: мертвец на лавке в трапезе во гробу стоял, и бесовским действием верхняя раскрылася доска, и саван шевелитца стал, утрашая меня. Аз же, богу помолясь, осенил рукою мертвеца, и бысть по-прежнему все. Егда ж в олтарь вошел, ано ризы и стихари¹⁴⁸² летают с места на место, утрашая меня. Аз же, помолясь и поцеловав престол, рукою ризы благословил и пощупал, приступя, а оне по-старому висят. Потом, книгу взяв, ис церкви пошел. Таково-то ухищрение бесовское к нам! Да полно тово говорить. Чево крестная сила и священное масло над бешанными и болными не творит благодатию божиего! Да нам надобе помнить сие: не нас ради, ни нам, но имени своему славу господь дает. А я, грязь, что могу зделать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себе. Июда чудотворец¹⁴⁸³ был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокоумия ради свержен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть, и пять тысяч пятьсот лет во аде был осужден. По сем разумея всяк, мняйся стояти, да блюдется, да ся не падет. Держись за христовы ноги и богородице молись и всем святым, так будет хорошо.

Ну, старец, моево вяканья много веть ты слышал. О имени господни

повелеваю ти, напиши и ты рабу-тому христову, как богородица беса-тово в руках-тех мяла и тебе отдала, и как муравьи-те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова-те сожег, и как келья-та обгорела, а в ней цело все, и как ты кричал на небо-то, да иное, что вспомниш во славу Христу и богородице. Слушай же, что говорю: не станеш писать, я-петь осержусь. Любил слушать у меня, чево соромитца, – скажи хотя немношко! Апостоли Павел и Варнава на соборе сказывали же во Еросалиме пред всеми, елика сотвори бог знамения и чудеса во языцех с нима, в Деяниих, зач. 36 и 42 зач.,¹⁴⁸⁴ и величашеся имя господа Исуса. Мнози же от веровавших прихождаху, исповедающе и сказующе дела своя. Да и много тово найдется во Апостоле и в Деяниих. Сказывай, небось, лише совесть крепку держи; не себе славы ища, говори, но Христу и богородице. Пускай раб-от христов веселится, чтучи! Как умрем, так он почтет, да помянет пред богом нас. А мы за чтущих и послушающих станем бога молить; наши оне люди будут там у Христа, а мы их во веки веком. Аминь.

Повесть о тверском отроче монастыре

О ЗАЧАТИИ ОТРОЧА МОНАСТЫРЯ

Лета мироздания 6773¹⁴⁸⁵ года составлен бысть Отрочь монастырь, тщанием и рачением великаго князя Ярослава Ярославича¹⁴⁸⁶ Тферскаго и великия книгини богомудрыя Ксении по совокуплении их законнаго брака в четвертое лето по прощению и молению любимаго его отрока Григориа, а во иноческом чину Гуриа.

В лето великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго бысть у сего великаго князя отрок именем Григорий, иже пред ним всегда предстояще и бе ему любим зело и верен во всем; и тако великий князь посылаше его по селом своим, да собирает ему повеленная. Случися же тому отроку быти в селе, нарицаемом Единоново, и ту обита у церковнаго понамаря именем Афанасия, и узре у него дщерь его девицу именем Ксению, велми красну, и начат мыслити в себе, да оженится ею. И бояся князя своего, да не когда приимет от него великий гнев и велми печален бысть о сем; возлюби бо ю зело и не поведает мысли своея никому от друзей своих, но в себе размышляше, да како бы ему уллучиго желаемое. И случися наедине со отцем ея Афонасием, начат ему глаголати, да вдаст за него дщерь свою, и обещается ему во всем помогати. Отец же ея велми удивися о сем: «Да како у таковаго великаго князя имать предстояти всегда пред лицом его, и тако ли вещает мне о сем», и не ведаше, что ему отвецати против словес его. Шед убо Афанасий, вопроши о сем жены своя и дщери, сказа им подробну. Дщерь же его, исполнена духа святаго, возглагола отцу своему сице:

«Отче мой! сотвори ему вся сия. Едина он тебе обещася, положи на волю его, богу бо тако изволившу и сие да будет».

Бяше бо девица сия благочестива и кротка, смиренна и весела, и разум имея велик зело, и хождаше во всех заповедех господних, и почиташе родители своя зело, и повинуюся има во всем, от младых ногтей Христа возлюбила и последуя ему, слышаше бо святое Писание от отца своего и внимаше прилежно всем сердцем своим.

Отрок же наипаче того уязвися любовию и прилежно о сем вещает отцу ея, да не устрашается: «Аз бо ти во всем имаюся¹⁴⁸⁷ и князя умолю во всем, ты же не бойся». И тако советчастася во всем и быти в том селе браку и венчатися в церкви святаго великомученика Димитрия Селунскаго, и жити ту, да же¹⁴⁸⁸ великий князь повелит.

И тако поведенная великаго князя исполни вся, яже поведена Бьша, и

возвратися во град Тферь с радостию и дивляшеса в себе велми, яко нигде таковыя обрете девицы, и не поведат сего никому.

Отроковица же после его рече отцу своему и матери: «Господне мои! не дивитесь о сем, что вам обещался сей отрок, он бо тако советца,¹⁴⁸⁹ но бог свое строит: не сей бо мне будит супруг, но той, его же бог мне подаст». Родители же ея о сем велми дивистася, что рече к ним дщерь их.

Предиреченный же отрок той, усмотря время благополучное и припаде к ногама великаго князя и молит его со многими слезами, и возвещает ему свою мысль, да сочетается законному браку, яко ему годно бысть; красоту и возраст и разум девицы оныя изъясляет. Князь же великий сия от него слышав, рече ему: «Аще восхотел еси женитися, да поимеши себе жену от велмож богатых, а не от простых людей и небогатых и худейших и безотечественных,¹⁴⁹⁰ да не будеши в поношении и унижении от своих родителей, и от бояр и от другое и от всех ненавидим будеши и от мене удален стыда ради моего». Однако на многи дни отрок моляше прилежно великаго князя, да повелит ему желание свое исполнити и тамо жити. И тако великий князь наедине его увещавает и вопрошает о сем подробну, чего ради тако восхоте. Он же все исповеда великому князю обещание свое, яко же тамо обещаеся.

Князь же великий Ярослав Ярославич по прошению его повелевает всему быть яко же ему годно и потребно, и насад изготовити, и вся воли его потребная, и люди ему готовы тамо быть имеют, елико годно будет на послужение отроку. Когда приспееет время обручению и венчанию его, и отпускает его в насаде по Волге реке; бе бо то село близ Волги стояи, а кони его обещаваеет прислати за ним вскорости по берегу.

Отрок же с радостию поклонися великому князю и поиде в насаде по Волге реке со всеми посланными с ним.

На утрии же великий князь повеле готовити себе коня и всему своему сигклиту, яко же угодно великому князю, соколы и псы, да едучи ловы деет; в ту бо ноць великий князь сон видел, яко бы быти в поле на ловех и пускати своя соколы на птицы; егда же пусти великий князь любимаго своего сокола на птичье стадо, той же сокол, все стадо птиц разогнав, поймал голубицу красотю зело сияющу, паче злата, и принесе ему в недра,¹⁴⁹¹ и возбнув¹⁴⁹² князь от сна своего и много размышляйте в себе, да что сие будет, и не поведат сна того никому, токмо повеле с собою на лов вся птицы взяти; и тако великий князь поиде в ту же страну, иде же отрок, ловы деюще тешася. Бе же великий князь безбрачен и млад, яко двадесяти¹⁴⁹³ лет, еще ему не достигшу возраста своего.

Той же отрок, егда прииде в насаде по реке и приста у берега,

ожидающе коней от князя, и посла вестники своя к девице, да вся готова будут, яко же есть обычай брачным. Девица же присланным рече: «Возвестите отроку, да же помедлеет тамо, дбндеже сама весть пришло к нему, как вся изготована будут, понеже бо нам от него о приходе его вести не было». Вестницы же его пришедше поведаша ему о всем, еже им повелено бысть от девицы возвестити. Провиде бо она великаго князя к себе приход и рече родителем своим, яко «уже сват мой приехал, а жених мой не бывал еще, но уже будет, яко в поле тешится и замедлил тамо, но пождем его короткое время, да же приедет к нам». А о имени его никому от сродников своих не поведа, но токмо готовяше ему честныя дары, яже сама строяше,¹⁴⁹⁴ сродницы же ея велми о сем дивляхуся, а того жениха ея не ведяху, но токмо она едина.

Князь же великий села того не знаяше, но восхоте тамо быти на утрие или на другой день и да видит своего отрока оженившася; и тако обночева на лове, бяше бо село то от града Тфери четыредесять¹⁴⁹⁵ поприщ; в ноци же той виде сон прежний и наипаче размышляше в себе, что будет сие видение; на утрие же по обычаю своему ловы деяше.

Отрок же той не дождался вести, ни коней, помысли в себе, яко «аще государь мой великий князь раздумает и пошлет по мене, и велит возвратитися вспять, аз же своего желаннаго не получил». И тако вскоре поиде во двор той, иде же девица та, и по чину своему вся изготовавше. И тако седоста вкупе на место свое, яко же быти вскоре венчанию их, отрок же повелеваше поскорю вся строити и дары разносити. Девица же рече отроку: «Не вели спешить ничем, да еще у меня будет гость незванной, а лутче всех и званых гостей».

Великий же князь в то время близ бе села того, и увиде стадо лебедей на Волге реке, и тако повеле пустити вся своя птицы, соколы и ястребы, пусти же и сокола своего любимаго, и поимаше много лебедей. Той же сокол великаго князя, заигрався, ударися летети на село то; великий же князь погна за ним и приехал в село то борзо, забыв вся; сокол же сяде на церкви святаго великомученика Димитриа Селунскаго; князь же повеле своим спросити про село чие есть. Селяне же поведаху, яко село то великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго, а церковь святаго великомученика Димитриа Селунскаго. В то же время множества народу сошедшуся смотрети, яко уже к венчанию хотят ити. Князь же, сия слышав от поселян, повеле своим сокола своего манити; сокол же той никако же думайте слетети к ним, но крилома своима поправливаясь и чистяшеся; сам же великий князь поиде на двор, иде же бе отрок его, в дорожном своем платье, не на то бо приехал, но богу тако изволившу. Людие же,

видевше князя, не знаяху его; мняху бо его с конми и с потехами к жениху приехавша, и не встретиша его никто же.

Девнца же рече всем ту сидящим: «Востаните вси и изыдите во стретение своего великаго князя, а моего жениха», – они же дивляхуся.

Великий же князь вниде в храмину, иде же бяху отрок и девнца сидяще; всем же восставшим и поклоншимся великому князю, им же не ведущим пришествия его и прощения просящим; князь же повеле им сести, да видит жениха и невесту.

Девнца же в то время рече отроку: «Изыди ты от мене и даждь место князю своему, он бо тебе болши и жених мой, а ты был сват мой».

Великий же князь узре ту девнцу зело прекрасну и аки бы лучам от лица ея сияющим; и рече великий князь отроку своему Григорию: «Изыди ты отсюду и изыщи ты себе иную невесту иде же хочещи, а сия невеста бысть мне угодна, а не тебе», – возгореся бо сердцем и смятеся мыслию.

Отрок же из места изыде повелением его; великий же князь поим девнцу за руку и пойдоста в церковь святаго великомученика Димитриа Селунскаго, и сотвориша обручение и целование о Христе, яко же подобает, потом же и венчастася в той же день; и тако бысть велия радость у великаго князя той день до вечера, бяше бо летом, и селян повеле покоити¹⁴⁹⁶ день и ночь.

Идущу же великому князю после венчания от церкви ко двору, тогда оный сокол его любимый виде господина своего идуща с супругою своею, сидя на церкви, начат трепетатися яко бы веселяся и позирая на князя. Князь же вопроши своих соколников: «Слетел ли к вам сокол или нет?» Они же поведаша ему: «Не летит с церкви». Князь же возрев на него, кликнул его своим гласом. Сокол же скоро прилете к великому князю и сяде на десней его руке и позирая на обоих, на князя и на княгиню; великий же князь отдаде его соколнику.

Отрок же той великою кручиною одержим бысть, и ни яде и ни пия. Великий же князь велми его любляше и жаловаше, наипаче же ему не веляше деръжатися тоя кручины, и сказа ему сны своя: яко же видех во сне, тако и сбытеся божиим изволением.

Отрок же той в ноци положил мысль свою на бога и на пречистую богоматерь, да яко же восхотят к которому пути, тако и наставят. И снем с себя княжее платье и порты и купи себе иное платье крестьянское и одеяся в него и утаися от всех своих, и изыде из села того, никому же о сем не ведущу, и поиде лесом незнаемо куды.

На утрии же великий князь того отрока воспомянув, что его у себя не видит, и повеле своим боляром, да пришлют его к нему; они же поискавше

его много и не обретоша нигде, токмо платье его видеша. И великому князю возвестиша о нем. Князь же великий о нем – велми печален бысть, и повеле искати его сюду и сюду по реке и в кладезях, бояся того, чтоб сам себя не предал губительной и безвременной смерти; и нигде его не обретоша, но токмо той селянин поведа, что де «купил у меня платье ветхое, и не велел о том никому поведати и поиде в пустыню».

Великий же князь повеле его искати по лесом и по дебрям и по пустыням, да где его обрящут и приведут его; и многие леса, и дебри и пустыни обыдоша и нигде его не обретоша. Бог бо его храняще. И пребысть ту великий князь даже до трех дней.

Великая же княгиня его Ксения вся возвести бывшая великому князю Ярославу Ярославичю о себе и о отроке, яже наперед писана суть.

Великий князь велми печален бысть об отроке своем, глагол аще бо, яко «аз повинен есмь смерти его». Княгиня же его печалится ему всячески не велит и глаголет великому князю: «Богу убо тако изволившу быть мне с тобою в совокуплении; аще бы не божиим повелением, како бы было мощно тебе, великому князю, к нашей нищете приехати и пояти мя за себя. Ты же не печалися о сем, но иди с миром во град свой и мене поими с собою, ничего не бойся». Великий же князь велми печален бысть, вздохнув прослезися и вспомяну своя глаголы, яже глагола ко отроку своему Григорию: «Тое на мне собысться, а его уже отныне не увижу»; и возложи свою печаль на бога и на пречистую его богоматерь.

И отпусти свою великую княгиню в насаде, и боляр своих, иже были со отроком, во град Тферь, и повеле великий князь боляром своим, да берегут великую княгиню его и поклоняются ей и слушают во всем. Сам же великий князь по-прежнему поехал берегом, деюще потехи своя и ловы; и прииде во град Тферь прежде княгини своея. Егда же прииде и великая княгиня его Ксения ко граду Тфери, великий князь повеле боляром своим и з болярынами и своим дворовым и всему граду, да выдут на встречу великия княгини, и з женами своими. Все же слышавше от великаго князя, с радостию изыдоша весь град, мужи и жены, и младенцы от мала даже и до велика с дароношением, и сretoша ея на брезу у церкви Архангела Михаила. Егде же прииде ко граду Тфери, великий князь посла всех боляр с коретами, и тако с великою честью сretoша ю и поклонишася ей; и вси зряще красоту ея, велми чудишася, яко «нигде же видехом очима нашими или слышахом слухом нашим таковую жену благообразну и светящуюся аки солнце во многих звездах, яко же сию великую княгиню, сияющую во многих женах сего града паче луны и звезд многих»; и провождаше ю во град Тферь с радостию великою и с дары многими на

двор великаго князя. И бысть во граде радость и веселие велие; и бысть у великаго князя пирование на многи дни всякому чину от мала даже и до велика.

Предиреченнаго же отрока не бе слухом слушати на много время. Божиим же промыслом той отрок прииде на реку зовомую Тферцу, от града Тфери пятнадцать поприщ, на место боровое, и ту вселися на лесу и хижу себе постави, и часовню на том месте; и назнаменова где быти церкви во имя пресвятѣя богородицы честнаго и славнаго ея рождества. И ту пребысть некоторое время, и найдоша его ту близ живущие людие, хождаху бо по лесу потребы ради своея; и вопрошаху его, глаголющее «Откуда ты сюду пришел еси, и как тебя зовут, и кто тебе велел тут вселиться в нашем месте?» Отрок же им не отвеща ничто же, но токмо им кланяшеся, и тако от него отъидоша восвояси.

Он же ту мало пребысть и от того места отъиде, и хотяше отъити от града подальше, понеже уведа от пришедших к нему людей, яко близ есть град. Божиим изволением прииде близъ града Тфери по той же реке Тферце на устье и вышел на реку Волгу и позна, яко град Тферь есть, ибо знаем ему бе, и возвратися в лес той и избра себе место немного вдальше от Волги на Тферце, и начат молитися пресвятей богородице, да явит ему про место сие. В нощи же то возляже опочинути и в сон тонок сведен бысть, и видит на том месте аки поле чистое и великое зело и свет великий, яко некую лучу божественную сияющую. И воспрянув от сна и мышляше в себе, да что сие будет знамение, и тако моляшеся спасу и пресвятей владычице богородице, да явит ему вещь сию; в ту же ноць паки явися ему пресвятая богородица и повелевает ему воздвигнути церковь во имя честнаго и славнаго ея успения и указа ему место и рече: «Хочет бо бог прославити сие место и распространити его, и будет обитель велия; ты же иди с миром во град ко князю своему, и той помощник тебе будет во всем и прошение твое исполнит. Ты же, егда вся совершиши и монастырь сей исправиши, некоторое время будеши ту жити и изыдеши от жития сего к богу». И тако воспрянув от сна своего, и вел ми ужасеса о видении том, и размышляше в себе, яко «аще отъиду от сего места, боюся явления сего и показания месту. Яко господеву годно, тако и будет». И помысли в себе глаголя: «Аще ли же пойду к великому князю и увещати меня станет, однако не хочу в доме его быти». Сие же ему мыслищу, абие приидоша в той час во оный лес некия ради потребы мужие княжии зверей ради. Отрок же позна их и прикрыся от них; они же видевшу крест и хижу, и удивишася зело, и глаголаху друг ко другу, яко есть человек тут живяй, и тако начаша искати, и обретоша его, и познаша, яко «той есть отрок князя нашего». И

пришедше к нему и поклонишася ему, и возрадовашася о нем радостию великою. Той бо отрок по пустыни хождаше три лета и вящше,¹⁴⁹⁷ и не виде его никто же, и бе питаем богом. И тако взявше его с собою и ведоша ко князю, и сказаша ему вся, яко «великий князь печален бысть зело о тебе и до ныне; аще же увидит тя жива и здрава, возрадуется о тебе радостию великою». Он же сия слыша от них, с веселием идяше с ними.

Егда же прииде во двор великаго князя, и вси узревши его возрадовашася велми о нем и прославиша бога и возвестиша о нем великому князю. Князь же повеле ввести его в верхния палаты и виде отрока своего и возрадовася велми и похвали бога. Он же поклонися великому князю и рече: «Прости мя, господине мой великий княже, яко согреших прет тобою, опечалих бо тя зело». И рече к нему великий князь: «Како тя господь бог хранит до сего дне и времени?» и облобызав его. Он же поклонися до земли и рече: «Прости мя, господине мой великий княже, яко согреших пред тобою»; и исповеда вся о себе по ряду, како изыде от него, и како бог приведе до сего места. Князь же о сем велми удивися и прослави бога и повеле своим предстоящим, да дадут ему всю его первую одежду и да будет в первом своем чину. Он же со смирением рече: «Господине мой великий княже, я не того ради приидох к тебе, но да ты от печали свободишися и прошения моего да не презриши: молю тя и прошу, да повелиши то место розчистити» – и вся поведа великому князю, како ту прииде и како явилася ему пресвятая богородица со святителем Петром митрополитом московским и место показа, и иде же быти церкви во имя пресвятыя богородицы, честнаго и славнаго ея успения; и вся ему сказа о себе подробну. Князь же, воздохнув велми и прослезися, и отрока похвали, яко таковаго страшнаго видения сподобися; и обещася во всем помогати месту тому до совершения и беседова с ним многое время и повеле ему пред собою поставити трапезу, да вкусить брашна, он же вкуси малую часть хлеба и воды, а иной же пици отнюдь не прикоснулся. Великий же князь повеле по воли его быти и тако отпусти его с миром, иде же он восхощет.

Отрок же отъиде на место свое и по обычаю своему моляшеся богу и пресвятей владычице богородице и на помощь ея призывает о создании обителя тоя, и тако молитвами пресвятыя богородицы вскоре дело совершается. Князь же великий повеле вскоре собрати крестьян и иных людей, да росчистят место то, иде же оный отрок покажет, и посла их ко отроку. Слышавше же то граждане и сами мнози идяху на помощ месту тому; и тако вскоре очистивше место, еже отрок показа им, и возвестиша великому князю о сем; князь же прослави бога и отрока своего о сем

похвали. И тако сам великий князь прииде на то место и виде его сияюща паче иных мест; отрок же паки припадает к ногама его и молит, да повелит церковь создати деревянную и монастырь возградити. Великий же князь вскоре повеле всем прежним людем тут работати и мастеров добрых собрати к церковному строению. И тако божию помощию и великаго князя повелением вскоре дело совершается, и освящение церкви сотвориша.

Бысть же ту на освящении церкви Успения пресвятыя богородицы сам великий князь Ярослав Ярославич и с своею супругою великою княгинею Ксениею и со всем своим княжиим сигклитом, и всем трапезу устроил; и по прошению отрока своего великий князь даде ему игумена Феодосия и братию собра, и колокола устрой. И назвася место от великаго князя Ярослава Ярославича Отрочь монастырь; и вси прославиша бога и пречистую его богоматерь. На другой день по освящении церкви тоя той отрок Григорий пострижеся в иноческий чин и наречен бысть Гурий от игумена Феодосия. И той отрок, по пострижении своем, некоторое время поживе и преставися ко господу и погребен бысть в своем монастыре.

По преставлении же блаженнаго онаго отрока немногим летом мимошедшим великий князь Ярослав Ярославич и великая княгиня Ксения изволили в том монастыре создати церковь каменную во имя пресвятыя богородицы честнаго и славнаго ея успения, с приделом Петра митрополита московскаго чудотворца, и села подаде к тому монастырю и место то насели, иде же бе отрок прежде пришедый.

Монастырь же той стоит и до ныне божию благодатию и молитвами пресвятыя богородицы и великаго святителя Петра митрополита московскаго и всея России чудотворца.

Переписка чигиринских казаков с турецким султаном

ПЕРЕВОД С ПОЛСКОГО ПИСМА, СПИСОК С ЛИСТА САЛТАНА ТУРСКОГО, ПИСАННОГО В ЧИГИРИН¹⁴⁹⁸ К КАЗАКОМ ИЮЛЯ В 7 ДЕНЬ 1678-го

Салтан сын салтана турецкого, цесарь турецкой и греческой, македонской, вавилонской, иерусалимьской, паша ассирийской, Великого и Малого Египта король александрийской, армянской и всех на свете обитающих князь над князи, внук божий, храбрый воин, наветник христианский, хранитель распятого бога, господарь великий, дедич на земли, надежда и утешение бусурманское, а христианоу скорбь и падение.

Повелеваю вам, чтоб есте добровольно поддались нам со всеми людьми.

САЛТАНУ ОТВЕТ ИЗ ЧИГИРИНА ОТ КАЗАКОВ НА ПИСМЕ ОТДАН

Салтан сын проклятого салтана турецкого, таварыщ сатанин, бездны адовы салтан турецкой, подножие греческое, повор вавилонской, бронник иерусалимской, колесник асирийской, винокур Великого и Малого Египта, свинопас александрийской, арчак¹⁴⁹⁹ Армянской, пес татарской, живущей на свете проклятой аспид, похититель Каменца Подолского¹⁵⁰⁰ и всех земных обитателей подданой шпынь¹⁵⁰¹ и скаред,¹⁵⁰² всего света привидение, турецкого уезду бусурман, равен жмоту, клевет¹⁵⁰³ сатанин, всего сонмища адова внук, проклятого сатаны гонец, распятого бога враг и гонитель рабов его, надежда и утешение бусурманское, падение и скорбь их же. Не поддадимся тебе, но битися с тобою будем.

Повесть о Фроле Скобееве

ИСТОРИЯ О РОССИЙСКОМ НОВГОРОДСКОМ ДВОРЯНИНЕ ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ, СТОЛЬНИЧЕЙ ДОЧЕРИ НАРДИНА-НАЩОКИНА АННУШКЕ

В Новгородском уезде имелся дворянин Фрол Скобеев.¹⁵⁰⁴ В том же Ноугородском уезде имелись вотчины столника Нардина-Нащокина,¹⁵⁰⁵ имелас дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинах.

И проведаль Фрол Скобеев о той стольничей дочери, взял себе намерение возыметь любовь с тою Аннушкой и видит ее. Однако ж умыслил спознаться той вотчины с прикащиком, и всегда ездил в дом того прикащика. И по некотором времени случилось быть Фролу Скобееву у того прикащика в доме. И в то время пришла к тому прикащику мамка дочери столника Нардина-Нащокина. И усмотрел Фрол Скобеев, что та мамка живет всегда при Аннушки. И как пошла та мамка от того прикащика к госпоже своей Аннушке, и Фрол Скобеев вышел за нею и подарил тое мамку двумя рублями. И та мамка сказала ему: «Господин Скобеев, не по заслугам моим ко мне милость казать изволиш, для того что моей услуги к вам никакой не находится». И Фрол Скобеев отдал оныя денги и сказал: «То мне сие ни во что», – и пошел от нее прочь, и вскоре ей не объявил. И мамка та пришла к госпоже своей Аннушке, ничего о том не объявила. И Фрол Скобеев посидел у того прикащика и поехал в дом свой. И во время увеселительных вечеров, которые бывают в веселости девичеству, называемый по их девичеству званию Святки, и та столника Нардина-Нащокина дочь Аннушка приказала мамке своей, чтоб она ехала ко всем дворянам, которья во близости той вотчины столника Нардина-Нащокина имеет жителство и у которых дворян имеютца дочери-девицы, чтоб тех дочерей просить к той стольнической дочери Аннушке для веселости на вечеринку. И та мамка поехала и просила всех дворянских дочерей к госпоже своей Аннушке, и по тому ея прошению все обещались быть. И та мамка ведает, что у Фрола Скобеева есть сестра, девица. И приехала та мамка в дом Фрола Скобеева и просила сестру ево, чтоб она пожаловала в дом столника Нардина-Нащокина к Аннушке. Та сестра Фрола Скобеева объявила той мамке: «Пообожди малое время, я схожу к братцу своему; ежели прикажит мне ехать, то к вам с тем и объявим». И как пришла сестра Фрола Скобеева к брату своему и объявила ему, что приехала к ней мамка от стольничей дочери Нардина-Нащокина Аннушки «и просит меня, чтоб я приехала в дом к ним». И Фрол Скобеев сказал

сестре своей: «Поди, скажи той мамке, что ты будешь не одна, некоторого дворянина з дочерью, девицею». И та сестра Фрола Скобеева о том весьма стала думать, что брат ея повелел сказать, однако ж не смела преслушать воли брата своего, что она будет к госпоже ея сей вечер с некоторою дворянскою дочерью, девицею. И мамка поехала в дом к госпоже своей Аннушке. И Фрол Скобеев стал говорить сестре своей: «Ну, сестрица, пора тебе убираться и ехать в гости». И сестра ево как стала убираться в девичей убор, и Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Принеси, сестрица, и мне девичей убор, уберуся и я, и поедем вместе с тобою к Аннушке, столничей дочери». И та сестра ево весьма о том сокрушалась: «Понеже, что ежели признает ево, то, конечно, быть великой беде брату моему, понеже тот столник Нардин-Нащокин весьма великой милости при царе находится». Однако ж не прислушала воли брата своего, принесла ему девичей убор. И Фрол Скобеев убрався в девичей убор и поехал с сестрой своей в дом столника Нардина-Нащокина к дочери ево Аннушки. Собралось много дворянских дочерей у той Аннушки, и Фрол Скобеев тут же в девичьем уборе, и никто ево не может признать.

И стали все девицы веселитца разными играми, и веселились долгое время, а Фрол Скобеев с ними же и веселился, и признать ево никто не может. И потом Фрол Скобеев пожелал итти до нужника. И был Фрол Скобеев в нужнике один, а мамка стояла в сенях со свечою. И как вышел Фрол Скобеев из нужника и стал говорить мамке: «Как, мамушка, много наших сестер дворянских дочерей, а твоей к нам услуги много, а никто не может подарить ничем за услугу твою». И мамка не может признать, что он Фрол Скобеев. И Фрол Скобеев, вынев денег пять рублей, подарил тое мамку. С великим принуждением и те денги мамка взяла. И Фрол Скобеев видит, что признать она ево не может, то Фрол Скобеев пал перед ногами той мамки и объявил ей об себе, что он дворянин Фрол Скобеев и приехал в девическом платье для Аннушки, чтоб с нею иметь обязательную¹⁵⁰⁶ любовь. И как усмотрела мамка, что подлинно Фрол Скобеев, и стала в великом сумнени и не знает, с ним что делать. Однако ж памятуя ево к себе два многия подарка объявила ему: «Добро, господин Скобеев, за твою ко мне милость готова чинить все по воли твоей». И пришла в покои, где девицы веселятца, и никому о том не объявила.

И стала та мамка говорить госпоже своей Аннушке: «Полноте, девицы, веселитца! Я вам объявлю игру, как бы прежде сего от децкой игры были». И та Аннушка не преслушала воли мамки своей и стала ей говорить: «Ну, мамушка, изволь, как твоя воля на все наши девичьи игры». И объявила им та мамка игру: «Изволь, госпожа Аннушка, быть ты

невестою, – а на Фрола Скобеева показала, – сия девица будет женихом». И повели их в особливу светлицу для почиву, как водится в свадьбе; и все девицы пошли их провожать до тех покоев и обратно пришли в те покои, в которых прежде веселились. И та мамка велела тем девицам петь грамогласныя песни, чтоб им крику от них не слышать быти. А сестра Фрола Скобеева весма в печали великой пребывала, сожелея брата своего и надеется, что, конечно, будет притчина.¹⁵⁰⁷ И Фрол Скобеев, лежа с Аннушкой, и объявил ей себя, что он Фрол Скобеев, а не девица. И Аннушка стала в великом страхе. И Фрол Скобеев, не взирая ни на какой себе страх, и ростлил ея девство. Потом просила та Аннушка того Фрола Скобеева, чтоб он не обнес¹⁵⁰⁸ ея другим. Потом мамка и все девицы пришли в тот покой, где она лежала, и Аннушка стала быть в лице переменна. И девицы никто не могут признать Фрола Скобеева, для того что в девическом уборе. И та Аннушка никому о том не объявила, только мамку взяла за руку и отвела от тех девиц и стала ей говорить искусно:¹⁵⁰⁹ «Что ты надо мною зделала! Ета не девица со мною была; он мужественной человек, дворянин Фрол Скобеев!» И та мамка на то ей объявила: «Истинно, госпожа моя, что не могла признать ево, думала, что она такая же девица, как и протчии, а когда он такую безделицу¹⁵¹⁰ учинил, ведаеш, что у нас людей довольно можем ево скрыть в смертное место». И та Аннушка, сожалея того Фрола Скобеева, ответствовала: «Ну, мамушка, уже быть так, того мне не возвратить!» И пошли все девицы в пировой покой, Аннушка с ними же. И Фрол Скобеев в том же девическом уборе, и веселились долгое время ночи. Потом все девицы стали иметь покой. Аннушка легла со Фролом Скобеевым. И наутри встали все девицы, стали разъезжаться по домам своим, тако ж и Фрол Скобеев и с сестрою своею. Аннушка отпустила всех девиц, а Фрола Скобеева и с сестрою оставила. И Фрол Скобеев был у Аннушки три дни в девичьем уборе, чтоб не признали ево служители дому того, и веселились все со Аннушкою. И по прошествии трех дней Фрол Скобеев поехал в дом свой и с сестрою своею, и Аннушка подарила Фрола Скобеева денгами 300 рублей. И Фрол Скобеев приехал в дом свой весма рад, что желаемое исполнил, и делал Фрол банкеты, и веселился с протчею своею братию дворянами.

И пишет из Москвы отец ея, столник Нардин-Нащокин, в вотчину, к дочери своей Аннушке, чтоб она ехала в Москву, для того что сватаются к ней женихи, столничьи дети. И Аннушка не преслушала воли родителя своего, собрався вскоре, и поехала в Москву. Потом проведал Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом сумнении, не ведает, что делать, для того он дворянин небогатой, а имел себе более

пропитание всегда ходить в Москве поверенным з делами. И взял себе намерение как можно Аннушку достать себе в жену. Потом Фрол Скобеев стал отпраляться в Москву, а сестра ево весма о том соболезнует, об отлучени ево. Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Ну, сестрица, не тужи ни о чем, хотя живот свой утрачу, а от Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник; ежели что зделается по намерению моему, то и тебя не отставлю, а буде зделается несчастье, то поминай брата своего»; убрався и поехал в Москву.

И приехал в Москву Фрол Скобеев и стал на квартире близ двора столника Нардина-Нащекина. И на другой день Фрол Скобеев пошел к обедни и увидел в церкви мамку, которая была при Аннушки. И по отшествии литургии вышел Фрол Скобеев ис церкви и стал ждть мамку. И как мамка ис церкви, и Фрол Скобеев подошел к мамке, и отдал ей поклон, и просил ея, чтоб она объявила об нем Аннушке. И как мамка пришла в дом, то объявила Аннушке о приезде Фрола Скобеева. И Аннушка на то стала в радости великой и просила мамку свою, чтоб она завтрешней день пошла к обедни и взяла б с собою денег 200 рублей и отдала Фролу Скобееву, то учинила по воли ея. И у того столника Нардина-Нащекина имелас сестра, пострижена в Девичьем монастыре. И тот столник приехал к сестре своей в монастыре. И сестра ево стретила по чести брата своего. И столник Нардин-Нащекин у сестры своей был долгое время и много имели разговоров. Потом сестра ево просила брата своего покорно, чтоб он отпустил к ней в монастырь для свидания дочь свою Аннушку, а ея племянницу, для чего она с нею многое время не видалась. И столник Нардин-Нащекин обещал к ней отпустить дочь свою. И просила ево: «Когда и в небытность твою дома пришлю я по ея корету и возников,¹⁵¹¹ чтоб ты приказал ей ехать ко мне и бес себя».

И случится по некоторому времени тому столнику Нардину-Нащекину ехать в гости з женою своею, и приказывает дочери своей: «Ежели пришет по тебя из Москвы сестра корету и с возниками, то ты поезжай к ней». А сам поехал в гости. И Аннушка просила мамки своей, чтоб она, как можно, пошля к Фролу Скобееву и сказала ему, чтоб он, как можно, выпросил корету и с возниками, и приехал сам к ней, и сказался будто от сестри столника Нардина-Нащекина приехал по Аннушку из Девичьева монастыря. И та мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказала ему все по приказу ея.

И как услышел Фрол Скобеев от мамки и не ведает, что делать, и не знает, как кого обмануть, для того что ево многия знатныя персоны знали, что он, Скобеев, дворянин небогатой, толко великой ябиды,¹⁵¹²

ходотайствует за приказными делами.

И пришло в память Фролу Скобееву, что весма к нему добр столник Ловчиков. И пошел к тому столнику Ловчикову. И тот столник имел с ним разговоров много. Потом Фрол Скобеев стал просить того столника, чтоб он ему пожаловал корету и с возниками. И приехал Фрол Скобеев к себе на фатеру, и того кучера поил весма пьяна. А сам, убрався в лакейское платье, и сел на козлы, и поехал ко столнику Нардину-Нащокину, по Аннушке. И усмотрела Аннушкина мамка, что приехал Фрол Скобеев под видом других того дому служителей, яко бы прислала тетка по нея из монастыря. И та Аннушка убралас и села в корету, и поехала на квартиру Фрола Скобеева. И тот кучер Ловчикова пробудился. И усмотрел Фрол Скобеев, что тот кучер Ловчикова не в таком сыльном пьянстве, и напоя ево весма жестока пьяна, и положил ево в карету. А сам сел в козлы и поехал к Ловчикову на двор. И приехал ко двору, отворил ворота и пустил возников и с коретою на двор. Люди Ловчиковы видят, что стоят возники, а кучер лежит в корете жестоко пьян. Пошли и объявили Ловчикову, что «лежит кучер пьян в корете, а кто их на двор привел не знаем». И Ловчиков корету и возников велел убраться, и сказал: «То хорошо, что и всего не уходил, и с Фрола Скобеева взять нечево». И на утре стал спрашивать Ловчиков того кучера, где он был со Фролом Скобеевым. И кучер сказал ему толко: «Помню, как приехал к нему на квартиру, а куды он поехал, Скобеев, и что делал, не знаю». И столник Нардин-Нащокин приехал из гостей и спрашивал дочери своей Аннушки. Та мамка сказала, что «по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в монастырь, для того что она прислала корету и возников». И столник Нардин-Нащокин сказал: «Изрядно!»

И столник Нардин-Нащокин долгое время не бывал у сестры своей и надеется, что дочь ево в монастыре у сестры ево. А уже Фрол Скобеев на Аннушке и женился. Потом столник Нардин-Нащокин поехал в монастырь к сестре своей: «Сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему ответствовала: «Полно, братец, издиватся! Что мне делать, когда я несчастна моим прощением к тебе; просила ея прислать ко мне; знатно, что ты мне не изволишь верить, а мне время таково нет, чтоб послать по нея». И столник Нардин-Нащокин сказал сестре своей: «Как, государыня-сестрица, что ты изволишь говорить? Я о том не могу разсудить, для того что она отпущена к тебе уже тому месяц, для того что ты присылала по нея корету и с возниками, а я в то время был в гостях и з женою, и по приказу нашему отпущена к тебе». И сестра ему сказала: «Никак, я, братец, возников и кореты не посылала никогда и Аннушка у меня не бывала». И

столник Нардин-Нащокин весьма сожелел о дочери своей, горко плакал, что безвестно прапала дочь его. И приехал в дом, сказал жене своей, что Аннушка пропала, и сказал, что у сестры в монастыре нет. И стал мамку спрашивать: «Кто приезжал, и куда она поехала?» И мамка сказала: «Приезжал с возниками и с коретою кучер, и сказал, что из Девичьева монастыря от сестры вашей приехал по Аннушку, то по приказу вашему и поехала Аннушка». И о том столник и з женою весьма соболезновали и плакали горко. И наутре столник Нащокин поехал к государю и объявил, что у него безвестно прапала дочь. И государь велел учинить публику¹⁵¹³ о ево столничей дочери: ежели кто ея содержит тайно, чтоб объявили, ежели кто не объявит, а после обьщется, то смертию казнен будет. И Фрол Скобеев, слышав публикацию, не ведает, что делать.

И умыслил Фрол Скобеев, чтоб иттить к столнику Ловчикову и объявить ему о том, для того что тот Ловчиков весьма к нему добр. И пришел Фрол Скобеев к Ловчикову, имел с ним много разговоров. И столник Ловчиков спрашивал Фрола Скобеева: «Что, господин Скобеев, женился ль?» И Скобеев сказал: «Женился, государь мой». – «Богату ли взял?» И Скобеев сказал: «Ныне еще богатства не вижу, что вдаль время окажет». И Ловчиков говорил Скобееву: «Ну, господин Скобеев, живи уже постоянно: отстань за ябидою ходить, живи вотчине своей, лутче здравую!»

Потом Фрол Скобеев стал просить того столника Ловчикова, чтоб он был предстателем¹⁵¹⁴ ево беде. И Ловчиков ему объявил: «Скажи, что ежели сносно – буду предстателствовать, а ежели что несносно – не гневайся». И Фрол Скобеев ему объявил, что «столника Нардина-Нащокина дочь Аннушка у меня, и я женился на ней». И столник Ловчиков сказал: «Как ты зделал, так сам и ответствуй». И Фрол Скобеев сказал: «Ежели ты предстателствовать не будешь обо мне, то и тебе будет не без чево;¹⁵¹⁵ мне уже пришло показать на тебя, для того что ты возников и корету довал, ежели б ты не давал, и мне б того не учинить». И Ловчиков стал в великом сумнении и сказал ему: «Настоящей ты плут! Что ты надо мною зделал? Добро, как могу буду предстателствовать». И сказал ему, чтоб завтрашней день пришел в Успенской собор и столник Нардин-Нащокин будет у обедни, «и я с ним буду, и после обедни будем стоять все мы в собрани на Ивановской площади. И в то время приди и пади пред ним, и объяви ему о дочери, а я уже как могу о том буду предстателствовать».

И пришел Фрол Скобеев в Успенской собор к обедни. И столник Нардин-Нащокин, и Ловчиков, и другия столники, – все были. И по

отшествии литурги в то время имелись в собрании на Ивановской площади, против Ивана Великого и все столники собрались на оную площадь и Нардин-Нащокин тоже. Имели онья столники между собою разговоры, что им надобно. И столник Нардин-Нащокин болше соболезнуя и разсуждая о дочери своей, и столник Ловчиков, разсуждая о том же с ним к склонению милости. И на те их разговоры пришел Фрол Скобеев и отдал всем столникам, как по обычаю, поклон. И все столники Фрола Скобеева знают, и кроме всех столников пал пред ногами Скобеев столнику Нардину-Нащокину и просит прощения: «Милостивой государь, столник первы, отпусти виновнаго, яко раба, которой возымел пред вами дерзновение!» И столник летами древен, однако ж еще усмотреть мог, натуральною клюшкою подымает Фрола Скобеева и спрашивает ево: «Кто ты таков, скажи о себе, что твоя нужда к нам?» И Фрол Скобеев толко говорит: «Отпусти вину мою!» И столник Ловчиков подошел к Нардину-Нащокину и сказал ему: «Лежит пред вами и просит отпущения вины своей дворенин Фрол Скобеев!» И столник Нардин-Нащокин закричал: «Встань, плут! Знаю тебя давно, плута, ябедника, знатно, что наябедничил себе несносно, скажи, плут, буде сносно, стану старатся о тебе, а когда не сносно, как хочешь. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно, встань, скажи, что твоя вина?» И Фрол Скобеев встал от ног ево и объявил ему, что дочь ево Аннушка у него и женился на ней. И как Нащекин услышал от него о дочери своей, и залился слезами, и стал в беспаметстве. И мало опаметовался и стал ему говорить. «Что ты, плут, зделал? Ведаешь ты о себе, кто ты таков? Нет тебе отпущения от меня вины твоей! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Пойду к государю и стану на тебя просить о своей плутской ко мне обиде!» И вторително пришел к нему столник Ловчиков и стал ево разгаваривать, чтоб он вскоре не возымел доклада к государю: «Изволиш съездить домой и объявить о сем сожителнице¹⁵¹⁶ своей, и посоветуй обще, как к лутчему уже быть, так того времени не возвратить, а он, Скобеев, от гневу вашего никуда не может скрытца». И столник Нардин-Нащокин совету столника Ловчикова послушал и не пошел к государю, и сел в корету и поехал в дом свой. А Фрол Скобеев пошел на квартиру свою и сказал Аннушке: «Ну, Аннушка, что будет нам с тобою, не ведаю! Я объявил о тебе отцу твоему!»

И столник Нардин-Нащокин приехал в дом свой и пошел в покои, жестоко плачит и кричит: «Жена, жена! Что ты ведаешь, я нашел Аннушку!» И жена ево спрашивает: «Где она, батюшка?» И Нащокин сказал жене своей: «Вор-от, плут и ябедник Фрол Скобеев женился на ней!» Жена ево услышела те от него речи и не ведает, что говорить,

соболезнует о дочери своей. И стали оба горко плакать и в сердцах своих бранят дочь свою, и проклинаяют, и не ведают, что чинить над нею. И пришли в память и, сожелея дочери своей, и стали разсуждать з женою: «Надобно послать человека, и сказать, где он, плут, живет, проведать о дочери своей: жива ли она». И призвали человека своего и послали сыскать квартиру Фрола Скобеева, и приказывали проведать про Аннушку, что жива ли она, имеет ли пропитание какое.

И пошел человек искать квартиру Фрола Скобеева на двор. И усмотрил Скобеев, что от тестя ево пришел человек, и велел жене своей лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко болна. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланной человек вошел в покой и отдал, как по обычаю, поклон. И Скобеев спросил: «Что за человек и каку нужду имееш ко мне?» И человек тот сказал, что он прислан от столника Нардина-Нащокина проведать про Аннушку, здравствует ли она. И Фрол Скобеев сказал тому человеку: «Видишь ты, мой друг, какое здравье! Таков ти родительской гнев: видишь, они заочно бранят и кленут, и от того она при смерти лежит. Донеси их милости, хотя б они заочно бранят, благословение ей дали». И человек тот отдал им поклон и пошел от них и пришел к господину своему столнику Нащокину. И спросил ево: «Что нашел ли квартиру и видел ли Аннушку? Жива ли она или нет?» И человек тот объявил, что Аннушка жестоко болна и едва будет ли жива, и требует от вас хотя словесно заочно благословение. И столник и з женою своею соболезновали о ней, токмо разсуждали, что с вором и плутом делать. И мать ея стала говорить: «Ну, мой друг, уже быть так, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже так бог судил. Надобно, друг мой, послать к ним образ и благословить их, хотя заочно, а когда сердце наше умилоститца к ним, то можем и сами видится». Сняли с стены образ, которой обложен был золотом и драгим камением, как прикладу¹⁵¹⁷ всего на 500 рублей, и послали с тем человеком. И приказали сказать, чтоб она сему образу молилас, «а плуту и вору Фролке Скобееву скажи, чтоб он ево не проматал».

И человек, приняв образ, и пошел на двор Фрола Скобеева. И усмотрил Фрол Скобеев, что пришед тот же человек, сказал жене своей: «Встань, Аннушка!» И она встала, и села вместе со Фролом Скобеевым. И человек тот вошел в покои и отдает образ Фролу Скобееву. Приняв образ, поставил где надлежит и сказал тому человеку: «Таково-то родительское благословение! И заочно намерены благословить, и бог дал Аннушке лехче. Слава богу, здрава!» И сказал Фрол Скобеев: «Тако ж и Аннушка благодарит батюшку и матушку за их родительскую милость». И человек

пришел к господину своему и объявил об отдани образа, и о здрави Аннушки, и о благодарени их, и пошел в показанное свое место.

И столник Нардин-Нащокин стал разсуждать и сожелеть о дочери своей и говорил жене своей: «Как, друг, быть? Конечно, плут заморит Аннушку: чем ея кормит, и сам, как собака, голоден. Надобно послать какова запасу на 6 лошадей». И послали запас и при том запасе реэстр. И Фрол Скобеев, не смотря по реэстру, и приказал полошить в показанное место. И приказал тем людям за родительские милости благодарить. Уже Фрол Скобеев живет роскошно и ездит везде по знатым персонам. И весма Скобееву удивлялись, что он зделал такую притчину¹⁵¹⁸ так смело.

И уже чрез долгое врехмя обратились сердцем и соболезовали о дочери своей, тако ж и о Фроле Скобееве. И приказали послать человека к ним, и просил их, чтоб Фрол Скобеев и з женою своею, а съ их дочерью, приехал к столнику Нардину-Нащокину кушать.

И пришел присланной человек и стал просить Фрола Скобеева, чтоб он изволил приехать сей день з женою своею кушать. И Фрол Скобеев сказал человеку: «Донеси батюшку: готов быть сей день к их милости!»

И Фрол Скобеев убрался з женою своею Аннушкою и поехал в дом тестя своего столника Нащокина. И как приехал в дом тестю, и Аннушка пришла к отцу своему; и пала пред ногами родителей своих. И усмотрил Нащокин дочь свою и з женою своею и стали бранить, наказывать гневом своим родительским: и, смотря на нея, жестоко плакали, как она так учинила без воли родителей своих. Однако ж, оставя весь свой гнев родительской, отпустя ей вину, и приказал сесть с собою. А Фролу Скобееву сказал: «А ты, плут, что стоиш? Садись тут же! Тебе ли, плуту, владеть моею дочерью!» И Фрол Скобеев сказал: «Ну, государь-батюшка, уже тому так бог судил!» И сели все вместе кушать. И столник Нардин-Нащокин приказал людям своим, чтоб никого в дом посторонних не пуцали. Ежели кто придет и станет спрашивать, что дома ли столник Нащокин, сказывайте, что «время такого нет, чтоб видеть столника нашего, для того зь зятем своим, с вором и плутом Фролкою, кушает». И по окончании стола столник Нардин-Нащокин спрашивал: «Ну, плут, чем станешь жить?» – «Изволишь ты ведать обо мне, – более нечим, что ходить за приказным делам». – «Перестань, плут, ходить за ябедою!¹⁵¹⁹ Имения имеется, вотчина моя в Синбирском уезде, которая по переписи состоит в 300-х дворех. Справь, плут, за собою и живи постоянно». И Фрол Скобеев отдал поклон и з женою своею Аннушкой и, пренося пред ним благодарение. «Ну, плут, не кланеися; поди сам справляй за себя!» И, сидев не много время, и поехал Фрол Скобеев и з женою своею на

квартиру. Потом столник Нардин-Нащокин приказал ево воротить и стал ему говорить: «Ну, плут, чем ты справишь? Ест ли у тебя денги?» – «Известен, государь-батюшка, какие у меня денги; разве продать ис тех же мужиков!» – «Ну, плут, не продавай! Возми денег – я дам». И приказал дать 300 рублей. И Фрол Скобеев взял денги и поехал на квартиру. И со временем справил тое вотчину за себя и, пожив столник Нардин-Нащокин немного время, и учинил при жизни своей Фрола Скобеева наследником во всем своем движимом и недвижимом имении. И стал жить Фрол Скобеев в великом богатстве. И столник Нардин-Нащокин умре и з женою своею. А Фрол Скобеев, после смерти отца своего, сестру свою родную отдал за некоторого столничьева сына, а которая при них имелас мамка, которая была при Аннушке, содержали ея в великой милости и в чести до смерти ея. Сей истории конец.

Примечания

¹ - Когда мы говорим о возникновении летописания, то должны иметь в виду возникновение летописания именно как жанра, а не исторических записей самих по себе. Историки часто говорят о том, что летописание в древней Руси возникло уже в X в., но имеют при этом в виду, что некоторые сведения по древнейшей русской истории могли быть или должны были быть уже записаны в X в. Между тем простая запись о событиях, церковные поминания умерших князей или даже рассказ о первых русских святых не были еще летописанием. Летописание возникло не сразу. О начале русского летописания см.: Д. Лихачев, Русские летописи, М. – Л. 1947, стр. 35–144.

² - Слева печатается древнерусский текст, справа – перевод на современный русский язык. (От верстальщика: в данной электронной версии тексты приводятся абзацами – древнерусский текст – современный русский язык)

³ - Стр. 28. ...хрорате бѣлии... – Византийский историк X в. Константин Багрянородный утверждает, что крещеные хорваты, живущие в Далмации, происходят от некрещеных хорватов, именуемых белыми. Страну этих белых хорватов Константин Багрянородный не совсем точно определяет где-то в соседстве с Баварией и Венгрией, недалеко от Вислы.

⁴ - Хорутане – словенцы.

⁵ - ...а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне. – Польские племена жили в бассейне Вислы и Одера. На севере, к западу от Одера, жили бодричи лутичи, к востоку до Вислы – поморяне; на востоке – кюявы и мазовшане; в центре – великополяне; на юго-западе – силезцы; на юге – малополяне.

⁶ - Полота – приток Западной Двины.

⁷ - Семь (Сейм) – приток Десны; Сула – приток Днепра.

⁸ - Стр. 28–30. ...в озеро великое Нево... – Озеро Нево – Ладожское озеро. Это последнее свое название озеро Нево получило по русскому городу Ладоге (теперь Старая Ладога).

⁹ - Стр. 30. ...море Варяжское... – Балтийское море.

¹⁰ - ...Понтъ море... – Черное море.

¹¹ - ...из Оковьскаго лѣса... – Судя по этому описанию, Оковский лес находился на водоразделе рек Днепра и Волги, то есть в районе Валдайской возвышенности.

¹² - Тѣм же и из Руси можетъ ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы... – Под болгарами здесь разумеются волжские болгары, Хвалисы – древнерусское название Хорезма (отсюда и «Хвалисское море» или «Хвалынское» – Каспийское море).

¹³ - ...жребий Симовъ... до племени Хамова. – По библейской легенде, три сына Ноя – Сим, Хам и Иафет (Афет) – стали родоначальниками народов мира. Жители северных и западных стран – потомки Иафета; жители восточных стран – потомки Сима; жители южных стран – потомки Хама.

¹⁴ - Онѣдрѣю учащю въ Синопии и пришедшо ему в Корсунь... – Рассказ о посещении Русской земли апостолом Андреем хотя и не соответствует действительности, не может, однако, считаться выдумкою самого русского летописца. Отметим, что миссия апостола Андрея в Синопию и в Корсунь (I в. н. э.) известна по греческим «Деяниям» апостола Андрея (она входит в описание последнего – третьего – его путешествия). Синоп – греческая колония на южном берегу Черного моря, впоследствии крупный политический центр Византийской империи. Корсунь – древнерусское название греческой колонии Херсонес в Крыму.

¹⁵ - Увозъ Боричевъ. – Боричев подъем соединял центральную часть Киева, расположенную на горе, с Подолом. Где находились поминаемые затем Щековица и Хоривица, установить не удалось.

¹⁶ - Стр. 32. В лѣто 6367. – В древней Руси до Петра летосчисление велось «от сотворения мира» и началом года считался либо день 1 сентября, либо день 4 марта. От «сотворения мира» до «рождества Христова» считалось 5507–5508 лет (следовательно, дата нашей эры получается, если от древнерусской даты отнять 5507 или 5508 – в зависимости от того, приходится событие на время до 1 марта или 1 сентября или после, но до 1 января).

¹⁷ - ...чюдъ... – племя финно-угорского происхождения на севере Руси; предки эстов (ср. Чудское озеро). Входили в государственное образование Руси. Знатные представители чуди жили в Киеве («двор Чудин» в Киеве) и в Новгороде (Чудинцева улица в Новгороде).

¹⁸ - Стр. 34. И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣль нами и судиль по праву». – Легенда о призвании трех братьев-варягов – Рюрика, Синеуса и Трувора – служит главным основанием для построений норманистов, доказывающих происхождение русской государственности со скандинавского Севера. Между тем легенда эта искусственного происхождения, ее историческое зерно отнюдь не

достоверно. Обратим внимание на то весьма важное обстоятельство, что легенда эта на юге Руси рассказывается только в «Повести временных лет». Ни одно другое литературное произведение XI – XIII вв. не знает Рюрика как основателя княжеского рода. В легенде этой отразились новгородские порядки, где князья «призывались» вечем вплоть до 1470 г. Предание о Рюрике – новгородское, оно связано с местностью под Новгородом, называемой Рюриково городище. Предание о Синеусе – белозерское, где даже в XIX в. показывали «могилу царя Синеуса». Предание о Труворе, возможно, связано с какими-либо местными легендами Изборска. В связи с этим отметим, что Новгород – центр племени новгородских «словен», Изборск – кривичей, Белоозеро же расположено в районе мери. Возможно, что Рюрик, Синеус и Трувор были князьями этих трех племен и не были связаны между собою узами родства. Соединить этих князей узами братства по законам эпического творчества и создать легенду об их призвании, исходя из обычной в Новгороде практики призваний князей, могли и сами рассказчики и летописцы. Легенда о призвании князей-братьев была на руку печерским летописцам, стремившимся утвердить родовое единство всех русских князей. Легенда утверждала династическую унификацию: все князья – члены одной династии, призванной на Русь в качестве мудрых и справедливых правителей. Как представители одного рода, они должны прекратить братоубийственные раздоры: такова мысль киевских летописцев, постоянно проводимая ими в своих летописях. Чем же объяснить, что летописцы, столь последовательно стремившиеся утвердить значение русского народа в мировом историческом процессе, вывели княжеский род из-за моря – от варягов? В традициях ученой средневековой историографии (и на Западе и на Руси) было возводить происхождение правящей династии к иностранному государству. В происхождение французских королей от троян верили даже в XVI в. Многие из своих династий немцы выводили из Рима, швейцарцы – от скандинавов, итальянцы – от германцев. Весьма близкую к нашему сказанию о призвании варягов легенду передает историк X в. Видукинд Корвейский (бенедиктинский монах аббатства Корвей в Вестфалии), рассказывающий о призвании саксов Хенгиста и Хорса бриттами со сходной характеристикой своей земли («terra lata et spatiosa»). Сходство этого мотива у различных народов объясняется прежде всего сходными условиями общественного бытия на одинаковых ступенях исторического развития. Вместе с тем и в XI и в XII вв. «варяги» не представляли собой существенной политической силы. С норманского Севера Русскому

государству не угрожала более опасность. Поэтому утверждение норманского происхождения княжеского рода не могло, очевидно, казаться летописцам политической угрозой самостоятельности Руси.

¹⁹ - Стр. 36. ...Ольминъ дворь... – Кто такой был этот Олма – строитель церкви Николы, чей двор находился недалеко от нее, – неясно.

²⁰ - ...и греци замкоша Судь... – Суд (залив Золотой Рог) «запирался» в случае опасности цепью, протягивавшейся между двумя башнями у входа в залив.

²¹ - Стр. 38. ...Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ... – По-видимому, Перун принадлежал к числу богов, чей культ покровительствовался государством и носил не узкоместный, а общерусский характер. Волос, «скотий бог», не отмечен в числе богов, культ которых распространял Владимир, но он также, по-видимому, принадлежал к богам не узкоместным, а общерусским: кумиры Волоса стояли в Киеве (на Подоле) и в Новгороде.

²² - ...кропинъны... – шелковые; коприна – простой шелк.

²³ - Отроци Свѣнльжи... – Отроки – младшая дружина князя: обычно личные его слуги, вооруженная свита, младшие агенты княжеского управления. Свенельд – воевода Игоря.

²⁴ - Стр. 40. Изъкорьстѣнъ – город в древлянской земле, сейчас не сохранился, находился недалеко от современного Овруча.

²⁵ - ...и кормилецъ его Асмудъ... – Кормилец – дядька, воспитатель молодого князя, сохранявший некоторое значение и тогда, когда его питомец становился взрослым.

²⁶ - Градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ; а дворъ княжь бѣше в городѣ, иде же есть нынѣ деоръ Воротиславль и Чудинъ... – Все описание старого Киева отличалось большою точностью и наглядностью, но осталось понятным во многих из своих деталей только для современников летописца. В частности, неясно, где помещались дворы Воротислава и Чудина и кто были их владельцы.

²⁷ - ...дворъ демъстиковъ... – Деместик – регент церковного хора; он же обычно хранитель церковной или монастырской библиотеки.

²⁸ - ...бѣ бо ту теремъ камень. – Терем в X-XI вв. представлял собой башенку, граненую или коническую, покрытую шатровой кровлей и поставленную над какой-либо частью дворца. Теремом называлась башня для входа на хоры Черниговского собора Спаса и такая же башня во Владимирском соборе Успенья. Остроконечный верх терема часто

золотился.

²⁹ - Стр. 46. ...царь Костянтинъ, сынъ Леоновъ... – Константин Багрянородный сын Льва Философа.

³⁰ - ...Великого Костянтина... – римского императора Константина Великого (ок. 285 – 337 н. э.).

³¹ - Стр. 48. ...пардусъ... – гепард (хищник из породы кошачьих). Дрессированных гепардов на Востоке и реже на Руси употребляли как охотничьих зверей. Летописец сравнил Святослава Игоревича с пардусом, очевидно, за быстроту и легкость его движений.

³² - ...козаромъ по щялягу... – Шьяг – монета, точное значение и происхождение которой не выяснено; по-видимому, польская по происхождению (польское szelag).

³³ - ...и Бѣлу Вежю взя. – Белая Вежа – Саркел – хозарская крепость; по-видимому, около станицы Цимлянкой.

³⁴ - И ясы побѣди и касогы. – Ясы – осетины; касоги – черкесы. Те и другие жили в степях и предгорьях Кавказа. Поселения их заходили в степи значительно севернее, чем в последующее время.

³⁵ - ...еъ Переяславци... – Переяславец на Дунае, теперь село Преслав у Тульчи, на юг от Дуная.

³⁶ - ... печенѣзи... – народ тюркского происхождения, кочевавший в южнорусских степях до середины XI в.

³⁷ - Стр. 50. ...на Лыбеди печенѣзи. – Лыбедь – речка, протекавшая под Киевом.

³⁸ - Стр. 52. И поиде Святослаеъ ко граду... – «Градом» здесь называется Царьград. Греки часто называли Константинополь просто πόλις, как римляне Рим urbs.

³⁹ - Стр. 56. ...яко по полугривнѣ... – Гривна – шейное украшение (из серебра или золота) и денежная единица в Древней Руси. Как денежная единица гривна имела форму бруска, а на шею надевалось полукольцо.

⁴⁰ - Стр. 58. Не хочю розути робичича... – Сыном рабыни («робичичем») Владимир назван потому, что его мать Малуша была ключницей у Ольги. Рогнеда отказывается выйти замуж за Владимира и употребляет при этом образное выражение: разувание мужа в знак покорности новобрачной было частью свадебного обряда.

⁴¹ - ...а Туры Туровѣ... – Тур – легендарный родоначальник князей Турова (современный Туров в Гомельской области).

⁴² - ...и стояше Володимеръ обрввся на Дорогожичи, межю

Дорогожичемъ и Капичемъ... – Дорогожич – урочище между Киевом и Вышегородом, но ближе к Киеву, приблизительно там, где впоследствии был выстроен монастырь Кирилла (XII в.). Капич – урочище, местоположение которого неясно.

⁴³ - Стр. 62. Иде Володимеръ на Болгары... – Неясен вопрос, на каких болгар ходил Владимир походом: на волжских или на дунайских. В пользу первых свидетельствует древняя «Память и похвала» Владимиру, где говорится о походе Владимира на «серебряных» (то есть волжских) болгар. Однако упоминание двойного пути – в ладьях и на конях – свидетельствует скорее о походе против дунайских болгар (идти в ладьях на волжских болгар было нельзя).

⁴⁴ - ...а торьки берегомъ приведе... – Торки (народ тюркского происхождения) появились в южнорусских степях только в середине XI в. Позднее торки часто выступали как союзники русских. По-видимому, вместе с Владимиром выступили какие-то вспомогательные печенежские войска; их и назвал летописец, работавший во второй половине XI в., «торками».

⁴⁵ - ...а мы вѣруемъ единому богу Аврамову, Исакову, Яковлю. – Авраам, его сын Исаак и сын Исаака – Иаков (названный также Израилем, то есть «богоборцем») – легендарные предки евреев.

⁴⁶ - Стр. 64. ...служатпъ бо опрѣсноки... – Во время католического богослужения (литургии) употребляются лепешки из неквашеного теста, называемые «опресноки».

⁴⁷ - И нача философъ глаголати сице... – Вся последующая за тем обширная «речь философа» представляет собою изложение легендарных «исторических» судеб человечества от «сотворения мира» и «падения» первого человека Адама до жизни Иисуса Христа и его учеников включительно с кратким изложением грядущего конца мира и «Страшного суда». В тексте «речи философа» имеются некоторые расхождения с Библией, объясняемые тем, что автор «речи» пользовался апокрифами, устными легендами и т. д.

⁴⁸ - Стр. 66. И призваша я царя Василий и Костянтинъ... – Императоры-сопровителы: Василий II Болгаробойца (976–1025) и его брат Константин VIII (976–1028).

⁴⁹ - Стр. 74. Иде Володимеръ на Хорваты. – О том, кто такие эти хорваты, см. прим. на стр. 701–702.

⁵⁰ - Стр. 78. Медуша – помещение для хранения меда.

⁵¹ - Латки – глиняные сковороды с высокими краями и поллой ручкой, в которую при посадке в печь и при вынимании из печи вставлялась палка. Употреблялись обычно для жарения и печенья.

⁵² - Корчаги – в древней Руси употреблялись обычно для хранения вина. Это были большие глиняные сосуды с одной или двумя ручками.

⁵³ - Стр. 82. ...вложить рубль въ уста... – Рубль – обрубок какого-либо металла. По-видимому, Янь давал этим понять волхвам, что они приговорены к смерти, так как рубль в некоторых случаях вкладывался в рот покойнику.

⁵⁴ - Придоша Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичъ, и Василко Ростиславичъ, и Давыдъ Святославичъ, и брат его Олегъ... – Этими словами начинается обширное и связанное историческое повествование, в центре которого стоит злополучная судьба Василька Ростиславича. По-видимому, оно представляло собой отдельное сказание и лишь вставлено летописцем в свой труд. Автор сказания говорит о себе в первом лице. Это некто Василий, выполнявший дипломатические поручения и составивший свое сказание отчасти со слов самого Василька Ростиславича. Во всяком случае, никто, кроме самого Василька, не мог указать Василию с такою точностью обстоятельства ослепления и эпизод в пути с окровавленной сорочкой Василька.

⁵⁵ - ...и сняшася Любячи... – По-видимому, речь идет не о городе Любече близ Чернигова, а о поселке около Киева на левом берегу Днепра у озера Подлюбского.

⁵⁶ - Теревовль – город на Гнездне, левом притоке Серета.

⁵⁷ - Стр. 84. ...на Рудици... – Где помещалась Рудица – неясно...

⁵⁸ - Стр. 88. Погорина – побережье реки Горыни.

⁵⁹ - Стр. 92. Васильевъ – ныне Васильков, город южнее Киева. Впоследствии родители Феодосия переехали в Курск.

⁶⁰ - ...Феодосиемъ того порицаешь. – В переводе с греческого «Феодосий» означает – данный, посвященный богу.

⁶¹ - Стр. 94. ...пастуха... словесныхъ овць... – Традиционные в древнерусской книжности метафоры: священник, игумен – «пастух», «пастырь»; прихожане или монахи – «стадо», «словесные (то есть разумные) овцы».

⁶² - Стр. 102. ...о блаженѣмъ Антонии... – Антоний – монах, поселившийся в окрестностях Киева, в пещере. Позднее на этом месте возник Киево-Печерский монастырь.

⁶³ - ...великому Никону... – Никон – монах, живший в пещере с Антонием. Полагают, что это постригшийся под именем Никона бывший киевский митрополит Иларион.

⁶⁴ - Стр. 106. ...святыхъ мясопуць... – Мясопуст – воскресенье за 56 дней до Пасхи, канун масленицы.

⁶⁵ - Стр. 108. ...до врьбныя недѣля... – Вербная неделя – шестая, последняя неделя великого поста.

⁶⁶ - ...въ сопѣли сопущемъ... – Сопело – музыкальный инструмент типа свирели.

⁶⁷ - Стр. 112. ...великууму Никону съдящю и дѣлающю книги... – Никону принадлежит так называемый «Киевский летописный свод», над которым он работал в монастыре в 1068–1073 гг. (см. стр. 700–701). Возможно, этот факт и нашел отражение в Житии.

⁶⁸ - ...къ христолюбъцю князю Изяславу... – Изяслав Ярославич, киевский князь с 1054 по 1073 г. (с перерывом в 1068–1069 гг., когда княжил Всеслав), покровительствовал монастырю.

⁶⁹ - Стр. 118. ...гривну злата... – Гривна – см. прим. на стр. 705. Здесь речь идет, возможно, о золотом слитке достоинством в одну золотую гривну.

⁷⁰ - Стр. 124–126. ...послѣ же положи душу свою за брата своего... – Изяслав Ярославич погиб в 1078 г. в битве при Нежатиной Ниве, выступив на помощь своему брату Всеволоду (см. прим. на стр. 711).

⁷¹ - Стр. 128. ...дѣвѣма брань сътворити на единого старѣишааго... – В 1073 г. братья Изяслава, Святослав и Всеволод, изгнали его из Киева. Киевским князем стал до своей смерти в 1076 г. Святослав.

⁷² - Стр. 130. ...въ область свою. – Всеволод был князем Переяславля Южного.

⁷³ - ...и яко отьця си и брата старѣишааго прогънавѣша. – Видимо, намек на завещание Ярослава Мудрого, который, согласно летописи, сказал: «Се же поручаю в собе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу – Киев, сего послушайте, яко же послушаете мене, да той вы будеть в мене место».

⁷⁴ - Стр. 132. ...другыя же оръганьныя гласи поющемъ, и инѣмъ замарьныя писки гласящемъ... – Органы – металлические ударные инструменты; замры (?) – видимо, название духового инструмента.

⁷⁵ - Стр. 134. ...иде же бѣ манастырь съставиль... – В 1062 г., спасаясь от гнева Изяслава, недовольного пострижением в монахи своего боярина

Варлаама, Никон бежал из Киева в Тмуторокань и основал там монастырь. В 1073 г. в знак протеста против изгнания Изяслава Никон снова отправляется в Тмуторокань.

⁷⁶ - Стр. 146. ...наречный въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимирь... – Два имени – одно христианское, крестное, и другое «русское», «мирское» или «княжеское», – обычны в среде русских князей XI – XIII вв., а отчасти и позднее.

⁷⁷ - ...Мъномахы... – Владимир, очевидно, был назван Мономахом в честь византийского императора Константина IX Мономаха. Мать Владимира была гречанкой из императорского рода. (Вслед за словом «Мономахы» в Лаврентьевской летописи следует пробел в четыре с половиной строки.)

⁷⁸ - Сѣдя на санех... – Это выражение следует понимать как образное. Оно может иметь значение: «в преклонных годах», «на краю смерти». Значение его основывается на обрядовой стороне древнерусских похорон. Перевозка тела умершего на санях была существенною частью древнерусского погребального обычая.

⁷⁹ - ...дѣти мои, или инъ кто... – Из этих слов видно, что Мономах предназначал свое «Поучение» не только для своих детей. Он придавал ему более широкое общественное значение.

⁸⁰ - ...братья моя... – Здесь разумеются двоюродный брат Мономаха Святополк Изяславич и Святослав Давыдович.

⁸¹ - ...Ростиславича... – Рюрик Ростиславич, Володарь Ростиславич Перемышльский и Василько Ростиславич Теробовльский.

⁸² - ...вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня... – Псалтырю называется одна из книг Библии, представляющая собой собрание ста пятидесяти псалмов: песнопений, исполнявшихся в библейские времена под аккомпанемент струнного музыкального инструмента псалтыри, по имени которого и получила свое название эта книга Библии. Основная часть псалтыри приписывается библейскому царю Давиду. Псалтырю часто пользовались в древней Руси для гаданий. Существовали даже особые гадательные псалтыри, под основным текстом которых помещались замечания, поясняющие «пророческое» значение псалтырного текста. Гадающий раскрывал наугад псалтырь и читал открывшееся место и замечания к нему, если они были.

⁸³ - Стр. 148. Яко же бо Василий учаше... – Василий Великий (Кесарийский; ок. 330 – 379). «Поучение» Василия Великого было известно на Руси по переводу, включенному в Изборник Святослава 1076

г.

⁸⁴ - Стр. 152. ...как птица небесная изъ ирья идуть... – По некоторым славянским преданиям, птицы на зиму улетают в рай (прий, вырий) – в сказочную страну, где не бывает зимы и куда скрывается зимою вся живая природа.

⁸⁵ - Стр. 154. ...яко же бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ... – Какие именно языки знал отец Мономаха – Всеволод Ярославич, – мнения расходятся. Как бы то ни было, знание пяти иностранных языков было в XI в. для Западной Европы явлением незаурядным. Европейские писатели ставили в особую заслугу немецкому императору Карлу IV знание пяти иностранных языков. Об этом помнили и этим восторгались в Европе ученые даже в XVI и XVII вв.

⁸⁶ - Стр. 156. Вятичи – жили по Оке и по Десне. Водный путь в Ростов лежал по Днепру и Верхней Волге. Очевидно, Мономах шел прямым путем через вятические леса, представлявшие в XI в. немалую опасность.

⁸⁷ - ...со Ставкомъ с Гордятичемъ... – Нигде в других случаях этот Ставо более в летописях не упоминается.

⁸⁸ - Берестье – ныне Брест.

⁸⁹ - Володимерь – город Владимир Волынский.

⁹⁰ - ...идохъ Переяславлю отцю... – к отцу в Переяславль Южный (княжение отца Мономаха – Всеволода).

⁹¹ - Сутейск. – Где был Сутейск – неясно. Урочищ со сходными названиями имеется несколько.

⁹² - ...за Глогови до Чешьскаго лѣса... – Чешский лес расположен на юг от Эгера, между Богемией и Моравией, в районе водораздела Дуная и Влтавы. Возможно, однако, что под Чешским лесом имеется в виду лес Силезско-Моравских гор. Глогова – Глогоу на Одере.

⁹³ - ...дѣтя... старейшее новгородское. – Старший сын Владимира Мономаха Мстислав родился в 1076 г. В Новгороде Мстислав княжил с 1088 по 1093 г. и с 1095 по 1117 г.

⁹⁴ - И Святославъ умре... – Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 г.

⁹⁵ - ...Глѣбови в помочь... – в помощь Глебу Святославичу Новгородскому, очевидно, против Всеслава Брячиславича Полоцкого весной 1077 г.

⁹⁶ - Одрьскъ. – Где был город Одреск – неясно.

⁹⁷ - ...на Краснѣмъ дворѣ... – Красные княжеские дворы

неоднократно упоминаются в летописи. Все они были загородными дворами.

⁹⁸ - ...и побѣдихомъ Бориса и Олга. – Имеется в виду битва на Нежатиной Ниве близ Чернигова 8 октября 1078 г. Мономах, его отец Всеволод Ярославич и Изяслав Ярославич победили в этой битве Бориса Вячеславича и Олега Святославича («Гориславича») (см. также прим. на стр. 720). Изяслав и Борис были убиты в битве. В Киеве сел Всеволод, а Мономах в Чернигове, сохранив, по-видимому, за собой Смоленск. Вот почему Мономах, теперь уже черниговский князь, гонится за Всеславом «с черниговцами».

⁹⁹ - Обровъ – урочище в Переяславском княжестве, но неясно где.

¹⁰⁰ - ...до Лукамля и до Логожъска – города в Полоцком княжестве, принадлежавшие Всеславу Полоцкому.

¹⁰¹ - ...князи Асадука и Саука... – Асадук – это, по-видимому, тесть Олега Святославича, женатого на половчанке. Утверждать это с достоверностью нельзя.

¹⁰² - Стр. 158. ...за Новымъ Городом – за Новгородом Северским.

¹⁰³ - ...силны вой Белкатгина... – Кто такой Белкатгин – неизвестно.

¹⁰⁴ - ...а семечи и полонъ весь отяхом. – Кто такие «семичи» – неизвестно (жители по реке Семи?).

¹⁰⁵ - ...на Ходоту... – Ходота – князь вятичей. Более о нем ничего не известно.

¹⁰⁶ - ...ко Корьдну... – Город Корьдно упоминается только в «Поучении». Местоположение его неясно.

¹⁰⁷ - ...по Изяславичихъ... – По-видимому, речь идет не о Изяславичах (Ярополке и Святополке – сыновьях Изяслава Ярославича), а о Ростиславичах (Володаре Ростиславиче Перемышльском и Васильке Ростиславиче Теробовльском).

¹⁰⁸ - Микулинъ – город в Галицкой области на реке Серете.

¹⁰⁹ - Броды – город на границе Руси с Польшей в Волынской земле.

¹¹⁰ - Хороль – приток Псела.

¹¹¹ - Горошинъ – город в Переяславском княжестве на реках Суле и Боричке на юго-запад от Хорола.

¹¹² - Супой – левый приток Днепра, впадает в Днепр ниже Переяславля Южного. Следующий за Супоем крупный левый приток Днепра – Сула. Супой и Сула – пограничные с половецкой степью реки.

¹¹³ - Прилукъ – город в Переяславском княжестве. В некоторых

списках «Повести временных лет» Прилуком называется город Переволочна.

114 - ...только семцю яша одного живого... – Что означает слово «семца» – неясно (может быть, – младший член семьи, слуга).

115 - ...к Бѣлѣ Вежи... – Здесь, очевидно, имеется в виду город Белая Вежа на реке Остре.

116 - Святославль. – Местоположение Святославля неясно.

117 - Гюргевь (Юрьев) – город на реке Роси.

118 - Ростислав – Ростислав Всеволодович, брат Мономаха.

119 - Варин. – Где находился Варин – неясно.

120 - Володимерь – Владимир Волынский.

121 - ...и Ярополкъ умре. – Ярополк Изяславич был убит 22 ноября 1086 г.

122 - ...по отни смерти... – Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 г.

123 - Халѣп – село Халепье недалеко от Стугны.

124 - ...у Глѣбовы чади... – Интересно, что знатный половец носит русское имя. Русские имена у половцев встречаются неоднократно.

125 - ...на святаго Бориса день... – Память Бориса Владимировича праздновалась 24 июля.

126 - Стр. 160. Римовъ – город на Суле.

127 - Голтав – город в Переяславском княжестве при впадении реки Голтавы в Псел.

128 - Вороницы. – Местоположение Вороницы неясно.

129 - ...гонихом по Боняцть, но... убиша... – Место это испорчено в тексте и неясно.

130 - ...Гюргева мати умре... – жена Мономаха. Она названа так по имени последнего, младшего сына Мономаха – Юрия. Эта жена Мономаха была дочерью последнего англосаксонского короля Гаральда, разбитого в 1066 г. в битве при Гастингсе с норманами Вильгельма Завоевателя. Дочь Гаральда Гита воспитывалась в Дании и была выдана за Мономаха, по видимому, в 1074 или 1075 г.

131 - Кснятин – город на правом берегу Сулы.

132 - Уруба – половецкий князь.

133 - ...ходихом к Воиню... – Город Воинь находился при впадении Сулы в Днепр.

134 - И к Выреви... – Выра – селение на реке Выре.

¹³⁵ - Ромен – город на реке Суле.

¹³⁶ - ...на Ярославця... – Речь идет о походе на Ярослава Святополковича во Владимир Волынский.

¹³⁷ - А всѣх путей 80 и 3 великих... – В своем «Поучении» Мономах перечислил не все восемьдесят три «великих» похода, а только шестьдесят девять. О том, сколько было меньших «путей» (походов), дает отчасти представление упоминание Мономаха о ста своих поездках из Чернигова в Киев; следовательно, меньшие «пути» исчислялись сотнями.

¹³⁸ - Стр. 162. ...Таревъский князь Азгулуй... – Что такое «таревский» – неизвестно.

¹³⁹ - ...лютый звѣрь... – Что такое этот «лютый зверь» – неясно.

¹⁴⁰ - Бирич – глашатай, вызывавший к суду ответчиков, а также сборщик податей и штрафов, блюститель порядка.

¹⁴¹ - Стр. 164. О многострастный... – Этими словами открывается письмо Владимира Мономаха своему двоюродному брату Олегу Святославичу (Олегу «Гориславичу» из «Слова о полку Игореве»), написанное, по-видимому, в 1096 г. Поводом к переписке Мономаха и Олега послужило убийство младшего сына Мономаха – Изяслава в битве с Олегом. Вняв совету своего старшего сына Мстислава, которого крестил Олег Святославич, Мономах послал это письмо Олегу со словами примирения.

¹⁴² - ...дѣтя мое и твое... – По-видимому, Изяслав был так же, как и Мстислав, крестным сыном Олега.

¹⁴³ - Стр. 166. ...а сноху мою послати ко мнѣ... – Кто была сноха Мономаха – вдова его сына Изяслава – неизвестно.

¹⁴⁴ - ...сынъ твой хресный с малым братомъ своимъ... – Мстислав Владимирович со своим младшим братом Юрием Владимировичем (Долгоруким).

¹⁴⁵ - ...хлѣбъ ѣдучи дѣдень... – феодальный термин, означающий сидеть в своем родовом уделе; в данном случае этот последний – Ростово-Суздальская область, родовой удел Мстислава.

¹⁴⁶ - ...а ты сѣдиши в своемъ... – в уделе Муромо-Рязанском.

¹⁴⁷ - Стр. 168. «Премудрости наставниче...» – Этими словами начинается новое произведение – молитва. Она приписывается Мономаху постольку, поскольку Мономаху же принадлежат первые два произведения – «Поучение» и письмо к Олегу Святославичу. Общее настроение этой молитвы отчасти навеяно покаянным каноном Андрея

Критского. Град, упоминаемый в этой молитве, – Киев, покровительницей которого считалась богоматерь.

¹⁴⁸ - Стр. 174. ...яко червец... – Червец – красная краска, добываемая из моллюска.

¹⁴⁹ - Стр. 176. ...сухим златом... – золотыми пластинками или золотыми нитями.

¹⁵⁰ - ...пойде ко Стратигу. – Стратиг (греч.) – военачальник, полководец. Здесь же это слово выступает как личное имя. Соответственно и дочь его, в греческом тексте носящая имя Евдокии, именуется Стратиговной.

¹⁵¹ - Стр. 178. ...жития сего 36 лет. – Девгению было предсказано, что, женившись на амазонке Максимо (в русских текстах – Максиме), он проживет 16 лет, а женившись на Стратиговне – 36 лет.

¹⁵² - Стр. 180. ...чего ради раждающе. – Текст испорчен.

¹⁵³ - Стр. 186. ...токмо знамение свое возложу на вас. – Видимо, речь идет о ранении лица, как символе бесчестия (ср. клеймение рабов).

¹⁵⁴ - Стр. 190. ...Филипапе стрью... – Филипапа (Филопапа) – атаман апслатов (разбойников), вместе со своими сподвижниками – Киннамом и Иоанникием – и с помощью амазонки Максимо пытался победить Девгения (об этом рассказывается в греческих текстах «Девгениева деяния»). Почему Филипапа именуется здесь стрьем (то есть дядей Девгения по отцу) – неясно.

¹⁵⁵ - ...Василия царя. – Возможно, здесь имеется в виду византийский император Василий I (867–886 гг.), а столкновение с ним Девгения – эпическое переосмысление борьбы императора с павликианами – еретическим движением, опиравшимся на широкие массы крестьянства и городских низов.

¹⁵⁶ - Стр. 492. ...срам в неисполнении... – Далее текст испорчен.

¹⁵⁷ - Стр. 494. И...единаго. – Текст испорчен.

¹⁵⁸ - А на Канама со Иаакимом... – См. прим. на стр. 744.

¹⁵⁹ - Стр. 196. Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. – Игорь Святославич (1151–1202) с 1179 г. князь небольшого города на восточной окраине черниговской земли – Новгород-Северского. Сын черниговского князя Святослава Ольговича. В 1198 г., после смерти Ярослава Всеволодовича Черниговского, стал князем в Чернигове.

¹⁶⁰ - ...трудныхъ повѣстии... – По-древнерусски слово «труд» означало не только работу, но и подвиг, а также заботу, страдание, скорбь,

горе (ср. ниже: «синее вино съ трудомъ смѣшено»), боль, болезнь, недуг.

¹⁶¹ - Боянь. – Из упоминаний в «Слове» князей, которым пел «славу» Боян, можно заключить, что он жил во второй половине XI в.

¹⁶² - ...растѣкашется мыслию по древу... – Образ этот не народно-поэтический, а книжный. В дальнейшем автор «Слова» говорит о «мысленом древе» (см. стр. 198), и опять-таки, как и здесь, характеризуя поэтическую манеру Бонна. Отдельные книжные, риторические, искусственные выражения встречаются по преимуществу в начале «Слова».

¹⁶³ - ...старому Ярославу... – Киевский князь Ярослав Владимирович Мудрый (ум. в 1054 г.). При нем еще сохранялось в основном политическое единство Руси.

¹⁶⁴ - ...храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими... – Мстислав Владимирович Великий, князь черниговский и тмутороканский, брат Ярослава Мудрого (ум. в 1036 г.). В «Повести временных лет» под 1022 г. рассказывается о его единоборстве с касожским князем Редедю. Касоги – племя, населявшее область Северного Кавказа.

¹⁶⁵ - ...красному Романови Святъславличю. – Роман Святославич, князь тмутороканский, внук Ярослава Мудрого. Был убит половцами в 1079 году.

¹⁶⁶ - ...отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря... – то есть от Владимира I Святославича (ум. в 1015 г.) до Игоря Святославича Новгород-Северского. Автор «Слова» постоянно обращается от современных ему событий к событиям прошлого и охватывает русскую историю больше чем за полтора столетия.

¹⁶⁷ - Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. – Речь здесь идет о затмении солнца 1 мая 1185 г.

¹⁶⁸ - Стр. 196–198. ...копие приломити... – Выражение, означавшее: «вступить в единоборство», «начать битву».

¹⁶⁹ - Стр. 198. ...а любо испити шеломомъ Дону. – Выражение «испытать шлемом из реки» нередко встречается в древнерусской письменности в одном и том же значении победы. Ср. в летописи: «Тогда Володимер Мономах пил золотом шеломом Дон, и приемшу землю их всю» (Ипатьевская летопись под 1201 г.).

¹⁷⁰ - ...рища въ тропу Трояню... – Троян упоминается в «Слове» еще три раза: «были вѣчи Трояни», «на землю Трояню» и «на седьмомъ вѣцѣ»

Трояни». Ученые по-разному определяли, кто такой был Троян. По-видимому, Троян здесь языческий бог (бог Троян упоминается в памятниках древнерусской письменности). Если это так, то в «Слове о полку Игореве» выражение «рища въ тропу Трояню» означает «носясь по божественным путям»; «были вѣчи Трояни» означает «были века язычества»; «на землю Трояню» означает «на Русскую землю» (именно в этом же смысле русский народ называется ниже в «Слове» «Дажь-Божьим внуком»); «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» означает «на последнем веке язычества».

¹⁷¹ - ...того внуку... – внуку Олега.

¹⁷² - ...Велесовъ внуче... – О Велесе см. прим. на стр. 704.

¹⁷³ - Сула (левый приток Днепра, южнее Киева) – была наиболее близкой и опасной к Киеву границей Половецкой степи.

¹⁷⁴ - ...въ Новѣградѣ... – Здесь имеется в виду Новгород-Северский.

¹⁷⁵ - ...въ Путивлѣ... – Путивль – небольшой город Новгород-Северского княжества в нижнем течении реки Сейма, на юге от Новгород-Северского, по пути в степь. В нем княжил сын Игоря Святославича – Владимир.

¹⁷⁶ - Игорь ждеѣ мила брата Всеволода. – Всеволод – родной брат Игоря Святославича, князь трубчевский и курский (ум. в 1196 г.).

¹⁷⁷ - Буи Турь. – Тур (первобытный бык, зубр) в древней Руси был символом мужества и силы.

¹⁷⁸ - ...свистъ звѣринъ вѣста... – Из зверей свистят только степные зверьки – байбаки и суслики. Звери эти свистят обычно, когда светло. Поэтому фраза «свистъ звѣринъ вѣста» означает, что наступило, утро.

¹⁷⁹ - ...збися Дивъ, кличетъ врѣху древа... – Слово «див» не получило общепризнанного объяснения. Большинство исследователей считает «дива» мифическим существом (чем-то вроде лешего или вещей птицы).

¹⁸⁰ - ...и Посулию, и Сурожу, и Корсуню... – Посулие – пограничная с Половецкой степью область по реке Суле. Город Сурож – ныне Судак в Крыму, важный торговый центр. Корсунь – греческая колония Херсонес в Крыму (недалеко от нынешнего Севастополя).

¹⁸¹ - ...и тебѣ, Тмутораканьскыи блъванъ. – Тмуторокань находилась в районе нынешней Тамани, на северном берегу Черного моря. В XI в. Тмуторокань была русским княжеством, подвластным черниговским князьям. Вот почему Игорь Святославич рассматривал Тмуторокань как «отчину» (наследственный удел) черниговских князей и конечной целью

своего похода ставил возвращение Тмуторокани из-под владычества половцев, которыми она была отторгнута от Руси во второй половине XI в. «Бльвань» – по-видимому, идол, столп, статуя. Около Тамани до XVIII столетия стояли две огромные статуи божеств Санерга и Астарты, воздвигнутые в III в. до нашей эры. Возможно, что речь идет об одной из таких статуй.

¹⁸² - Паволоки и оксамиты – шелковые ткани, выделявавшиеся в Византии и высоко ценившиеся всюду в Европе. Особенно ценился оксамит (вернее – гексамит, что по-гречески означает «шестинитчатый»).

¹⁸³ - Орьтъмами и япончицами, и кожухы... – Орьтма – покрывало, попона, покрывало. Япончица – накидка, плащ. Кожух – верхняя одежда, подбитая мехом (иногда дорогим) и крытая дорогими тканями.

¹⁸⁴ - Чрълена чолка – бунчук; конский хвост, выкрашенный черленью (красной краской), на древке, служивший знаком власти.

¹⁸⁵ - Стружие – по-видимому, древко копья.

¹⁸⁶ - Стр. 200. Гзакъ... Кончакъ – половецкие ханы. Особенно энергичным противником русских постоянно выступал хан Кончак Острокович, неоднократно ходивший на Русь походами.

¹⁸⁷ - ...хотятъ прикрыти 4 солнца... – В походе, кроме Игоря и его брата Всеволода, участвовали: Святослав Ольгович Рыльский (племянник Игоря и Всеволода) и Владимир (сын Игоря).

¹⁸⁸ - ...на рѣцѣ на Каялѣ... – Каяла неоднократно упоминается в «Слове» как место поражения Игоря. Какая река называлась в XII в. Каялой, точно не установлено. По-видимому, это река Макатиха вблизи Торских озер, впадающая в реку Голую Долину. Но, может быть, это аллегорическая река скорби – «каяния».

¹⁸⁹ - Се вѣтри, Стрибожи внуци... – Стрибог – один из языческих русских богов. По-видимому, бог ветра.

¹⁹⁰ - ...мечи харалужными. – Неоднократно встречающееся в «Слове» прилагательное «харалужный» и существительное «харалуг», по-видимому, означают «булатный», «булат». Происхождение слов «харалуг», «харалужный» остается до сих пор неясным.

¹⁹¹ - ...Оварьскыя... – Овары известные «Повести временных лет» под именем «обров». Летописец отмечает полное исчезновение этого племени («погибоша аки обры») в IX в. Следовательно, «оварский шлем» – шлем особого типа, продолжавший изготавливаться и употребляться в иной, не оварской этнической среде.

¹⁹² - ...отня злата стола... – Князь Всеволод Святославич был сыном Святослава Ольговича (ум. в 1164 г.), князя черниговского. В 1185 г. черниговский стол занимал Ярослав Всеволодович.

¹⁹³ - ...красныя Глѣбовны... – Ольга Глебовна – жена Всеволода Святославича, дочь Глеба Юрьевича, внучка Юрия Долгорукого.

¹⁹⁴ - Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславличя. – В связи со сказанным выше о Трояне как о древнерусском языческом боге (см. прим. настр. 717), это место следует понимать как указание автора «Слова» на три этапа русской истории: языческие времена, Ярославово время, как время христианской и единой Руси, и время междоусобий Олега. ...плъци Олговы... – братоубийственные войны Олега Святославича («Гориславича») – родоначальника черниговских Ольговичей (см. прим. на стр. 720).

¹⁹⁵ - ...той же звонъ слыша давныи великыи Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимиръ... – Это место в дошедшем до нас тексте «Слова» испорчено. Восстанавливаем его здесь предположительно. Ярослав Мудрый и Владимир Мономах в летописях XII – XIII вв. часто упоминаются как идеальные старые князья – представители единой Руси, подобно тому как Олег Святославич – обобщающий образ князя-крамольника. Ярослав уже «слышал» шум княжеских раздоров (ему приписывается завещание, в котором он предостерегает наследников от братоубийственных войн).

¹⁹⁶ - Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе... – Борис Вячеславич – внук Ярослава Мудрого, союзник Олега Святославича. Погиб в битве с Изяславом Ярославичем и Всеволодом Ярославичем близ Чернигова, «у села на Нежатиной Ниве», в 1078 г.

¹⁹⁷ - ...на Канину... – По-видимому, это река, протекавшая около Чернигова; она однажды упоминается в Ипатьевской летописи под 1152 г.

¹⁹⁸ - ...зелену паполому постла... – Паполома – погребальное покрывало, обычно черного цвета.

¹⁹⁹ - Съ тоя же Каялы Святоплъкъ полелѣя отца своего... – Отец Святополка Изяславича, Изяслав Ярославич, был убит в 1078 г. в той же битве на Нежатиной Ниве, где был убит и Борис Вячеславич. Софийская первая летопись, как и «Слово о полку Игореве», указывает место погребения Изяслава в киевском храме Софии.

²⁰⁰ - ...полелѣя...между угорьскими иноходъцы... – Иноходцев (лошадей, выдрессированных бежать особым аллюром) использовали при перевозке на носилках раненых и мертвых. Носилки прикреплялись

длинными шестью к двум иноходцам, бегущим гуськом – друг за другом.

²⁰¹ - ...при Олзѣ Гориславличи... – то есть при Олеге Святославиче (ум. в 1115 г.), родоначальнике князей Ольговичей, принесшем много горя Русской земле своими войнами против Владимира Мономаха и постоянным наведением на Русскую землю своих союзников – половцев. Это-то принесенное русскому народу Олегом горе и вызвало его прозвище – Гориславич.

²⁰² - ...Даждь-Божа внука... – Даждь-Бог – один из русских языческих богов. Под внуком Даждь-Бога имеются в виду русские.

²⁰³ - Стр. 202. ...Игорь плъкы заворочаеть... – Здесь намек на обстоятельства пленения Игоря: Игорь погнался за побежавшими полками ковуев, чтобы повернуть их, отдалился от своего войска и был взят в плен.

²⁰⁴ - За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. – По-видимому, Карна – олицетворение кары и скорби (от древнерусского слова «кара», «карание», «карьба»). Жля – то же, что и «желя», плач по убитым. Смага – огонь, пламя, сухость, жар. Здесь, возможно, имеется в виду какой-либо погребальный обычай.

²⁰⁵ - ...отецъ ихъ Святъславъ... – Речь идет о Святославе Всеволодовиче Киевском, двоюродном брате Игоря и Всеволода Святославичей. Отцом Игоря и Всеволода Святослав назван как их феодальный глава.

²⁰⁶ - ...Святъславъ грозный великый Киевский... наступи на землю Половецкую... А поганаго Кобяка..., яко вихрь, выторже, и падеся Кобякъ... въ гридницѣ Святъславли. – Поход Святослава 1184 г. (по другим источникам 1183 г.) был действительно очень большим и успешным, но в «Слове» он все же гиперболизирован, чтобы подчеркнуть различие между этим походом и походом Игоря. В 1184 г. был захвачен в плен хан Кобяк. Помещения гридниц часто использовались для заключения пленных.

²⁰⁷ - Уныша бо градомъ забрали... – Забрали городских стен – это их верхняя часть, переходы, где сосредоточивались защитники во время осады. В более узком значении – это бруствер, защищавший находившихся на верху стен воинов.

²⁰⁸ - Стр. 204. ...сыпахуѣ ми тѣщими тулы поганыхъ тлъковинъ великый женчюгъ на лоно... – В народных поверьях, видеть во сне жемчуг считалось предвестием слез. В народной поэзии – символ слез. Толковины – союзники, кочевые языческие народы, находившиеся на службе у русских.

²⁰⁹ - Уже дъскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ. – Кнѣс – князек, то есть перекладина, на которой сходятся стропила крыши, или «матица», на которой держатся доски потолка. По древнерусским поверьям, видеть во сне дом без князька служило предвестием большого несчастья.

²¹⁰ - ...у Плѣснѣска... – какая-то неизвестная местность под Киевом.

²¹¹ - ...на болони... – Болонье – свободное пространство перед городскими стенами, оставляемое обычно без застройки, чтобы оно легче простреливалось со стен.

²¹² - ...бѣша дебрь Кисаню... – Какая имеется в виду «дебрь» (крепостной ров, лес) – неясно.

²¹³ - ...а самую опупгаша въ путины желтъзны. – «Путы», или «путины», надевались на ноги ловчим птицам, чтобы они не улетели.

²¹⁴ - ...два солнца помѣркоста... – Здесь идет речь об Игоре и Всеволоде.

²¹⁵ - ...Олеѣ и Свяѣславъ... – Олег – это сын Игора, родившийся в 1175 г. (о его участии в походе говорится в Лаврентьевской летописи); Святослав – племянник Игора, князь Рьльскій. Не назван Владимир, старший сын Игора, несомненный участник похода Игора.

²¹⁶ - ...аки пардуже гнѣздо... – Пардус – см. прим. на стр. 705.

²¹⁷ - ...и великое буиство подасть Хинови. – Хинове упомянуты еще раз в перечислении врагов Руси, а также в плаче Ярославны. По-видимому, слово это означает какие-то неведомые восточные народы.

²¹⁸ - Уже снесеса хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжеса Дивъ на землю. – «Хула», «нужда», «дивъ» – по смыслу это все воплощения различных несчастий. В народной поэзии воплощение горя, злой судьбины, нужды, кручины встречается очень часто.

²¹⁹ - Се бо Готскія красныя дѣвы... – Готы жили в Крыму и частично около Тмуторокани. Поход Игора был направлен к этой старой русской Тмуторокани. Готы радуются победе половцев, с которыми они находились в торговых отношениях, и звонят русским золотом, награбленным половцами и доставшимся готам, очевидно, путем торговли.

²²⁰ - ...поють время Бусово... – Бус – это, по-видимому, антский князь Бос, Боус или Бооз. Как рассказывает римский историк Иордан, гот по происхождению, в 375 г. нашей эры готский король Винитар победил антов (предков восточных славян – русских) и приказал распять на кресте короля антов Боза, его сыновей и семьдесят знатных антов. Готские девы

воспевают это время.

²²¹ - ...лелѣють мечь Шароканю. – Мечь за Шарукана упомянута в «Слове» отнюдь не случайно. Шарукан был дедом хана Кончака. Шарукан потерпел жестокое поражение от Владимира Мономаха в 1106 г. Его сына Отрока Владимир Мономах загнал на Кавказ, за Железные Ворота. Внук Шарукана и сын Отрока – хан Кончак впервые смог отомстить после поражения Игоря за бесславие своего деда и своего отца.

²²² - О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! – Святослав Киевский называет Игоря и Всеволода «сыновцами» (племянниками) как старший в лестнице феодального подчинения. На самом деле Игорь и Всеволод приходились Святославу двоюродными братьями.

²²³ - ...брата моего Ярослава... – Ярослава Всеволодовича Черниговского, родного брата Святослава Всеволодовича Киевского.

²²⁴ - ...съ Черниговьскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбири, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Ольберы. – Здесь в «Слове» перечисляются отдельные племена тех степных кочевых народов тюркского происхождения, которые издавна осели в пределах Черниговского княжества, подпав под культурное влияние русских.

²²⁵ - Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду. – Термин «в мытех» означает период линьки, особенно той, когда у молодого сокола появляется оперение взрослой птицы. Взрослые соколы отважно защищают свои гнезда от более сильных хищных птиц (например, от орла-беркута).

²²⁶ - Се у Римъ кричаѣ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. – После поражения Игоря половецкие ханы Гзак и Кончак двинулись на Русь. Гзак осадил Путивль, но не смог его взять; его войска разорили Посемье. Кончак пошел на Переяславль-Русский (Южный), где переяславский князь Владимир Глебович, князя Святослав Киевский и Рюрик Ростиславич нанесли ему поражение. На обратном пути Кончак осадил и захватил Римов. При осаде Переяславля на вылазке был ранен Владимир Глебович Переяславский.

²²⁷ - Великыи княже Всеволоде! – Всеволод Юрьевич Владимир-Суздальский, сын Юрия Долгорукого и внук Владимира Мономаха; по позднему прозвищу – Большое Гнездо.

²²⁸ - ...отня злата стола поблюсти. – Отец Всеволода, Юрий Долгорукий, несколько раз захватывал киевский престол; умер в Киеве в 1157 г.

²²⁹ - Стр. 206. Ногата и резана – названия мелких монет (в гривне 20 ногат или 50 резан).

²³⁰ - ...шерешеры... – Что значит это слово – неясно. Возможно, оно происходит от греческого слова, означающего копье.

²³¹ - ...сыны Глѣбовы – сыновья Глеба Ростиславича, рязанские князя, зависимые от Всеволода Георгиевича Суздальского.

²³² - Ты, буи Рюриче... – Рюрик Ростиславич, принадлежит к одним из самых деятельных, беспокойных и вместе с тем по-своему примечательных князей XII в.

²³³ - ...и Давыде! – Давыд Ростиславич Смоленский – брат Рюрика Ростиславича.

²³⁴ - Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? – «Вои» вставлено предположительно, по смыслу. По-видимому, здесь имеется в виду битва с половцами в 1183 г. на реке Орели, в которой участвовали войска Рюрика и Давыда Ростиславичей.

²³⁵ - Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! – Ярослав Владимирович Галицкий – тесть Игоря Святославича, отец Ярославны. Летописец так его характеризует: «Бе же князь мудр и речей языком, и богобоин, и честен в землях и славен полкы» (Ипатьевская летопись под 1187 г.). Прозвище Ярослава «Осмомысл» имеет несколько толкований: от восьми его мыслей или забот; от знания восьми языков; от того, что он вообще был умен за восьмерых, и т. п.

²³⁶ - ...меча бремени чрезъ облаки... стрѣляеши... салтани за землями. – Иными словами – галицкий князь Ярослав швыряет тяжести через облака и стреляет за землями (то есть в дальних странах) турок султана Саладина.

²³⁷ - А ты, буи Романе... – Роман Мстиславич Галицкий был деятельный, предприимчивый, отважный и неутомимый князь, хозяин и устроитель своих владений.

²³⁸ - ...и Мстиславе! – Кто такой этот Мстислав, по всему судя – близкий к Роману, деливший с ним победы, – неясно. У Романа не было родного брата с таким именем, но был двоюродный брат – Мстислав Ярославич Пересопницкий. Возможно, однако же, что здесь имеется в виду Мстислав Всеволодович Городенский, участник походов на половцев, постоянно сражавшийся также с литвой, ятвягами, деремелой.

²³⁹ - ...паворзи... – завязки или застежки под подбородком, которыми шлем закреплялся на голове (кожаные или металлические).

²⁴⁰ - Ятвязи – одно из литовских племен.

²⁴¹ - Деремела – вероятно, ятвяжская область и ятвяжское племя.

²⁴² - ...по Роси... – Рось – правый приток Днепра, южнее Киева; пограничная с Половецкой степью река.

²⁴³ - Ингварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи... – Ингварь и Всеволод – это сыновья Ярослава Изяславича Луцкого; под «тремя Мстиславичами», несомненно, имеются в виду единственные в ту пору на Руси три князя-брата, сыновья Мстислава Изяславича: Роман, Святослав и Всеволод. Эти три Мстиславича, как и Ингварь и Всеволод, были князьями волынскими – вот почему они объединены в едином обращении к ним. В этом месте он повторяет свое обращение к Роману Мстиславичу Галицкому («буй Романе»), объединяя его со всеми его волынскими братьями. Он говорит «и вси три Мстиславичи», подчеркивая этим, что речь перед тем шла только об одном Мстиславиче, а теперь идет о всех.

²⁴⁴ - ...не худа гнѣзда шестокрилци! – У сокола-оперение каждого крыла делится на три части. Отсюда название сокола «шестокрылец».

²⁴⁵ - И с хотию на кровать, и рекъ... – В издании 1800 г. и в екатерининской копии это место читается так: «и схотню на кровать и рекъ». Поправок этого неясного места было предложено много, но ни одна из них не могла быть признана достаточно удовлетворительной. Предлагали исправления «с хотию» (то есть с милой, с женой), и «схыти», «схопи» (схватил), «и схоти (схватил) юнак (юноша) рова (могилы)» и т. д. Принятое в настоящем издании чтение только одно из возможных.

²⁴⁶ - ...Изяславъ, сынъ Васильковъ... Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго – Всеволода... – Летопись упоминает полоцких князей Брячислава Васильковича и Всеслава Васильковича и их отца Василька Рогволодовича. Всеволод и Изяслав летописью не упомянуты: эта ветвь княжеского рода вообще известна плохо.

²⁴⁷ - Стр. 208. ...злато ожерелие – круглый или квадратный глубокий вырез ворота княжеской одежды, обычно обшивавшийся золотом и драгоценными камнями. Другое название этого «ожерелья» – «оплечье».

²⁴⁸ - ...трубы трубятъ Городеньский. – Изяслав Василькович, упомянутый в «Слове» выше, был, по-видимому, городенским князем (от Городно или Гродно – неясно).

²⁴⁹ - Ярославе и вси внуце Всеслави! – Никакого Ярослава, уособицы которого с «внуками Всеслава» были бы так велики по последствиям и для Полоцкой земли, и для всей Русской, – неизвестно. Предполагаем, что в

это место при его прочтении первыми издателями вкралась ошибка. Читать, возможно, следует не «Ярославе», а «Ярославле»: «Ярославли вси внуце и Всеславли», то есть «Ярославовы внуки и все внуки Всеславовы». Перед нами призыв прекратить вековые раздоры между князьями – потомками Ярослава Мудрого и полоцкими князьями – потомками Всеслава Полоцкого (иногда они назывались также в летописи потомками полоцкого князя Рогволода, также противопоставляясь «Ярославлим внукам»). Однако ввиду спорности этого предположения оставляем в тексте чтение первого издания.

²⁵⁰ - ...врѣже Всеславъ жребии о дѣвицу себѣ любу. – Под девицей здесь разумеется Киев. Всеслав решил воспользоваться в 1068 г. восстанием киевлян, чтобы взойти на киевский престол.

²⁵¹ - Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пльночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ... – В 1069 г. против Всеслава пошли походом Изяслав и польский король Болеслав. Всеслав выступил против них вместе с киевлянами. Но еще до встречи с войском Изяслава и Болеслава, по неясным для нас причинам, Всеслав принужден был бежать ночью из Белгорода тайно от киевлян (см. «Повесть временных лет» под 1069 г.). Следовательно, «они» – это киевляне.

²⁵² - ...утрѣже вазни с три кусы: отвори врата Новуграду... – Мы принимаем здесь деление на слова, предложенное Р. Якобсоном. Однако перевод, им предлагаемый («знать, трижды ему довелось урвать по куску удачи»), кажется нам неудачным, так как образность его («куски удачи» и пр.) в древнерусской литературе не встречается и не соответствует образности «Слова».

²⁵³ - ...разшибе славу Ярославу... – С именем Ярослава Мудрого в древнем Новгороде Великом связывались представления о начале новгородской независимости.

²⁵⁴ - ...съ Дудутокъ. – Дудутки – это, по-видимому, какая-то местность под Новгородом.

²⁵⁵ - На Немизѣ снопы стелють головами... – Немига – небольшая река, на которой стоял Минск (сейчас этой реки нет). На Немиге Всеслав потерпел поражение от трех сыновей Ярослава: Изяслава, Всеволода и Святослава.

²⁵⁶ - ...а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше... – То убегая от погони, то стремясь захватить города, то отстаивая свою вотчину, Всеслав действительно носился, как волк, по всей Русской земле. Есть прямое свидетельство быстроты передвижений Всеслава. Владимир Мономах

говорит в своем «Поучении», что он гнался за Всеславом (в 1078 г.) «о двою коню» (то есть с поводными конями), но не смог нагнать его (см. стр. 156).

²⁵⁷ - ...великому Хрѣсови... – Хорс – славянский языческий бог, по-видимому, бог солнца. Следовательно, слова «великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше» означают, что Всеслав «рыскал» до восхода солнца.

²⁵⁸ - Тому въ Полотьскѣ позвониша заутреню рано у святаго Софеи въ колоколы, а онъ въ Києвѣ звонъ слыша. – Здесь, по-видимому, имеется в виду следующее: Всеслав сидел в Киеве в заключении (в «порубе»), в то время как в родном его Полоцке его считали князем и поминали как князя в церковных службах (1067–1068 гг.).

²⁵⁹ - Того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Києвськимъ... – Здесь, несомненно, под «старым Владимиром» разумеется Владимир I Святославич с его многочисленными походами на внешних врагов Русской земли.

²⁶⁰ - ...нѣ розно ся имѣ хоботы пашутѣ. – Автор «Слова» хочет этим сказать, что между войсками братьев Рюрика и Давыда Ростиславичей не было согласия. «Стяги» (полки) Давыда отказались выступить в 1185 г. совместно со стягами Рюрика и вернулись назад.

²⁶¹ - ...Ярославнынѣ гласѣ... – Ярославна – жена Игоря, дочь Ярослава Владимировича Галицкого, «Осмомысла».

²⁶² - ...омочю бѣбрянѣ рукавѣ... – Рукава верхней одежды знати в древней Руси делались длинными. Их обычно поднимали кверху, перехватывая обручами у запястий. Такой рукав легко можно было омочить в воде, чтобы утирать им раны, как платком. Бебрь, беберь, как установлено в последнее время Н. А. Мещерским, – белая шелковая ткань особой выделки. Бебрянѣ – шелковый.

²⁶³ - Стр: 210. Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова. – Ярославна вспоминает победоносный поход русских князей на половцев 1184 г. под предводительством Святослава Всеволодовича Киевского. Насады – ладьи с «насаженными» бортами.

²⁶⁴ - Въ полѣ безводнѣ жаждею имѣ лучи съпряже, тугою имѣ ту ли затче. – В трехдневной битве войска Игоря люди и кони, отрезанные половцами от воды, страдали от жары и жажды.

²⁶⁵ - Овлурѣ – половец, бежавший на Русь вместе с Игорем. В летописи он назван Лавр или Лавор.

²⁶⁶ - Стрежаше е́ гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чрънядми на

ветрѣхъ. – Чайки, гоголи и черняди (различные породы нырковых уток) очень пугливы и издали замечают приближение человека.

²⁶⁷ - Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и струги, рострена къ устью, уношу князю Ростиславу затвори. – Река Стугна мелководна, и утонуть в ней нельзя, но к устью она расширяется за счет притоков, главным образом с правой, половецкой стороны (вот почему здесь и говорится, что Стугна была расширена к устью, поглотив «чужие» ручьи и потоки). Юноша Ростислав погиб как раз в ее полноводной части – в устье, около города Треполя.

²⁶⁸ - ...плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. – Этот плач матери Ростислава описывается в «Повести временных лет» под 1093 г.

²⁶⁹ - ...полозие ползоша... – Полозие – полозы, вид крупной змеи, водящейся в степях.

²⁷⁰ - Аще его опутаевѣ красною дѣвицею... – Сын Игоря, Владимир, действительно женился на дочери Кончака, вернулся на Русь в 1187 г. с женой и ребенком и здесь был уже обвенчан по церковному обряду.

²⁷¹ - Стр. 212. Рекъ Боянъ и Ходына, Святѣславля пѣснотворца старого времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы...» – Место это настолько испорчено, что не позволяет сколько-нибудь уверенно его исправить. Удовлетворительнее всего объясняется текст, если принять предложенное И. Е. Забелиным прочтение «ходы на» (так в издании 1800 г. и в екатерининской копии) как «Ходына» и предположить в этом Ходыне певца вроде Бояна, а в «хоти» видеть двойственное число от «хоть» – любимец. Каган – титул владык хазарских и аварских; применялся иногда и к русским князьям в X – XI вв.

²⁷² - Дѣвици поють на Дунаи... – В низовьях Дуная находились русские поселения. Еще Владимир Мономах «посажа посадники по Дунаю» (Ипатьевская летопись под 1116 г.).

²⁷³ - ...по Боричеву... – См. прим. на стр. 702.

²⁷⁴ - ...къ святѣи Богородици Пирогощей – церковь Богородицы Пирогощей; была заложена в Киеве в 1132 г. и завершена в 1136 г. Так названа по иконе Пирогощей, то есть «башенной», привезенной в Киев из Константинополя.

²⁷⁵ - Аминь. – Слово «аминь» происходит от греческого слова, означавшего «да будет так», «истинно». Обычно оно ставилось в конце древнерусских литературных произведений.

²⁷⁶ - Стр. 224. Псалтырь – здесь музыкальный инструмент (см. прим. на стр. 710).

²⁷⁷ - Трость(отточенный кусок тростника) – один из инструментов для письма в Византии, а отчасти, по-видимому, и в древней Руси в XI-XII вв.

²⁷⁸ - ...древняя младенца о камень. – Библейский символ младенцев, разбиваемых о камень, выражает высшую степень народного несчастья.

²⁷⁹ - ...аки она смоковница проклятая... – Согласно Евангелию, Иисус Христос, входя в Иерусалим, проклял смоковницу (фиговое дерево), не дававшую плодов.

²⁸⁰ - ...и рассыпая животь мои, аки Ханаонский царь буестию... – По-видимому, имеется в виду взятие ханаанского города Иерихона. Стены Иерихона рассыпались от трубного звука и кликов еврейского войска.

²⁸¹ - ...аки Чермное море фараона. – Согласно Библии, когда израильтяне бежали из Египта, Красное море расступилось перед ними и позволило им перейти его. Фараон с египтянами, преследовавшие израильтян, вступили за ними на морское дно, но море сомкнулось и поглотило фараона со всем войском.

²⁸² - ...аки Агарь рабыни от Сарры... – Согласно Библии, Сарра, жена Авраама, была бесплодна и предложила Аврааму взять в супружество служанку свою Агарь. Агарь, сделавшись женою Авраама и видя, что скоро станет матерью, стала презирать Сарру. Сарра, с позволения Авраама, «смирля» Агарь, и та убежала. На пути Агари явился ангел и вернул ее к Аврааму.

²⁸³ - Стр. 226. Лаче озеро – озеро Лаче на севере Новгородской области.

²⁸⁴ - Не лгаль бо ми Ростпиславъ князь: лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение... – Приводимые слова были сказаны, согласно летописи, не Ростиславом, а переяславским князем Андреем Владимировичем Добрым (см. Лаврентьевскую летопись под 1139 г.). Возможно, автор «Слова» имеет в виду здесь, что Ростислав (по-видимому, сын Юрия Долгорукого – Ростислав Юрьевич) только передал слова, сказанные Андреем Добрым.

²⁸⁵ - ...сыне великаго царя Владимирера... – Под Владимиром здесь мог разуместься Владимир Мономах или какой-либо другой князь Владимир: например, внук Мономаха – Владимир Мстиславич.

²⁸⁶ - Стр. 228. Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго... – Иезекиль (Езекия), еврейский царь, согласно

библейской легенде, вместо того чтобы прославить бога за свое чудесное выздоровление, показывал свои богатства послам вавилонского царя Беродах-Баладана, пришедшим справиться о его здоровье. Тогда пришел к Езекии пророк Исая и предрек, что все это взято будет вавилонянами, и даже дети его будут отведены в Вавилон.

²⁸⁷ - ...Святославъ князь, сынъ Ольжинъ... – Имеется в виду знаменитый Святослав Игоревич, сын княгини Ольги. Приводимые здесь слова Святослава в летописи отсутствуют.

²⁸⁸ - Сион – гора близ Иерусалима. Здесь цитата из псалма 124-го («Надеющийся на господя, как гора Сион»).

²⁸⁹ - Дивиа за бугном кони паствити... – Пасты коней, наблюдая за ними с бугра, удобно в нескольких отношениях: с бугра хорошо видны все кони, издали может быть замечено приближение неприятеля, и за бугром легче найти укрытие во время непогоды.

²⁹⁰ - Стр. 230. ...тивунъ бо его... огонь трепетицею накладенъ... рядовичи... – Рядовичи – закабаленные люди, заключившие «ряд» (договор) со своим господином и работающие у него по этому «ряду». Смысл сравнения в том, что княжеский управляющий (тиун), как огонь, сыплющий искры («на осине разожженный»), распространяет вокруг себя закабаление.

²⁹¹ - Стр. 232. Повозъ возити – обязанность доставлять дань или оброк в назначенное место.

²⁹² - Стр. 234. ...жены ради Иосифъ Прекрасныйи в темници затворенъ бысть... – Иосифа Прекрасного (персонаж Библии) пыталась соблазнить жена его господина Пентефрия. Когда ей это не удалось, она оклеветала Иосифа, и Пентефрий заключил Иосифа в темницу.

²⁹³ - ...жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша... – Здесь в «Слове» неточность. По библейскому преданию, пророк Даниил был ввергнут в ров со львами, но причиной этого была не женщина.

²⁹⁴ - Стр. 236. Не того бо есть, но Нектоनावовъ и Филиповы жены Олумпиады. – Филипп II, отец Александра – македонский царь с 359 по 336 г. н. э. Олимпиада, его жена, – дочь эпирского царя. Под Нектонавом, возможно, подразумевается египетский царь Нектанеб II (358–341 г. до н. э.). Рассказ о нем как об отце Александра – типичная для античности и средневековья легенда, возводящая происхождение царя или героя к богу, знатному чужестранцу и т. д.

²⁹⁵ - Стр. 238. ...индии, и нокимтъи, оксудоркы... халуви... – У

Псевдокаллисфена названы другие народы (скифы, арабы, оксудраки, иберы, сирийцы и др.). Иберы – восточно-грузинские (картские) племена; кавконы и халибы – народы, жившие по северному побережью Малой Азии; боспорцы – жители Боспорского царства. Остальные наименования – видимо, результат искажения каких-то греческих или местных этнических обозначений. Фактически же Нектанеб II в 341 г. до н. э. потерпел поражение от персидского царя Артаксеркса III и бежал в Эфиопию.

²⁹⁶ - ...сквозѣ Пулусию... – Пелусий – порт в дельте Нила.

²⁹⁷ - ...въ Пелу макидонскую. – Пелла – столица Македонии до II в. до н. э.

²⁹⁸ - Стр. 244. ...и Асклипиа. – Нектонав явился в образе дракона, змеи. Змея же была атрибутом бога врачевания Асклепия.

²⁹⁹ - Стр. 248. ...мячемъ убо възвѣщаю... играеши... – Здесь и далее в толковании символики даров древнерусский текст ошибочно называет мяч вместо плети и наоборот. Перевод в соответствии с текстом Псевдокаллисфена.

³⁰⁰ - Стр. 252. ...Таура... – Тавр – горный хребет, отделяющий Малую Азию от Сирии.

³⁰¹ - ...багряную его ризу... – Багряная мантия (багряница) – символ царской власти.

³⁰² - Стр. 254. ...Пинариа... – Пинар – река в Киликии, южнее города Исс.

³⁰³ - Стр. 256. ...прошедь Киликиискии Тавръ, прииде въ Тарсь... – Тарс – город в Киликии, на побережье Александреттского залива в северо-восточной части Средиземного моря.

³⁰⁴ - ...и видѣвъ Впату рѣку... Филиппъ от славныхъ лечецъ. – У Плутарха река, в которой искупался Александр, называется Кидн, у Псевдокаллисфена – Океан. При этом в обоих источниках рассказывается, что на Филиппа донесли, будто бы он собирался отравить Александра. Но царь, доверившись своему врачу, выпил лекарство и выздоровел.

³⁰⁵ - Стр. 258. Пришедь убо близъ града прьскаго яко пяти днищъ Переведено по смыслу. Неясность древнерусского текста объясняется тем, что термин «Персида» – название страны – был принят за название города.

³⁰⁶ - ...въ образѣ Ермовѣ... – Гермес – древнегреческий бог, считавшийся, в частности, покровителем послов.

³⁰⁷ - ...хламиду... – Хламида – плащ, застегивающийся на правом

плече или на груди.

³⁰⁸ - ...на нем же бѣ волюя глава... – В опущенной нами части текста «Александрии» рассказывается, как юноша Александр усмирил коня, имевшего на бедре «знамение» (пятно?), напоминающее воловью голову. В других источниках имя любимого коня Александра Букефал (Буцефал), то есть «быкоголовый», объясняется формой головы коня.

³⁰⁹ - Стр. 260. ...аки уроды творя макидоны. – Возможен и иной перевод: «рассчитывая на глупость македонян».

³¹⁰ - Стр. 262. ...изииде из града. – Зачем же Александру понадобилась чаша? В других редакциях Псевдокаллисфена говорится, что чаша послужила Александру пропуском в городских воротах.

³¹¹ - ...лагодя коневи, правляше ему путь... – Упоминание о факеле добавлено в переводе на основании текста Псевдокаллисфена. Ср. далее: «Александръ же бѣ акы звѣзда».

³¹² - ...Ксеркса царя... – Ксеркс – персидский царь V в. до н. э.

³¹³ - ...восхищенъ водою... – Судя по тому, что далее говорится: «Александръ ...пѣшь шедъ от рѣкы», можно понять, что конь погиб. Однако он упоминается как живой дальше, во время битвы с Пором. Буцефал погиб во время индийского похода Александра.

³¹⁴ - Стр. 264. ...град Александрию, иже на Исонѣ. – Ныне город Искандерон в Турции.

³¹⁵ - ...убиенъ бысть от Виса и от Ариовръзана, мидских старость. – Убийца Дария Бесс был сатрапом Бактрии (область по среднему и верхнему течению Аму-Дарьи), Набарзан – военачальником. Бесс провозгласил себя царем, приняв имя Артаксеркса IV, но был казнен Александром.

³¹⁶ - Стр. 268. ...яже бяху въ тягости гривень 25. – В переводе на современные меры веса – около 10 килограммов.

³¹⁷ - ...земля блаженныхъ. – По представлениям древних греков, «земля блаженных» – обиталище душ умерших – находится на краю земли, в царстве вечного мрака.

³¹⁸ - Калисфень. – Греческий историк Каллисфен, двоюродный племянник Аристотеля, действительно сопровождал Александра и был историографом его похода. Но еще до его окончания, в 327 г., он был обвинен в заговоре против Александра и казнен.

³¹⁹ - Стр. 270. ...на Пора, царя индиискаго. – Пор – царь одного из государств в северо-западной части Индии, Пенджабе.

³²⁰ - Стр. 274. ...и абие уби его. – В действительности Пор не был убит, а стал союзником Александра.

³²¹ - Антипатру. – Антипатр – один из полководцев Филиппа II, во время похода Александра в Азию он был оставлен правителем Македонии.

³²² - И се размысливъ... судномъ железнымъ... – Большинство античных историков считало, что Александр умер от малярии. Однако наряду с этим существовала версия, будто бы Александр был отравлен. Во всяком случае, через шесть лет после смерти сына Олимпиада приказала казнить ряд лиц, подозреваемых в отравлении Александра, в том числе его виночерпия Иола.

³²³ - Стр. 276. Пердика... Клеадръ. – Пердик, Птолемей, Лисимах и Клемандр – полководцы Александра. Евмен – секретарь Александра, ведший дневник похода.

³²⁴ - Роксана – жена Александра, дочь сатрапа Бактрии Аксиарта.

³²⁵ - Стр. 278. ...въ Ракодидѣ... – Ракотис – ныне один из районов города Александрии.

³²⁶ - Стр. 280. Царстеующую Ольксе въ Цесариградѣ... цесаремъ ста. – Алексей III Ангел (Комнин) стал императором в 1195 г., свергнув своего брата Исаака. Исаак был ослеплен и долгое время находился в заключении.

³²⁷ - ...изити из града. – Сын Исаака Ангела – царевич Алексей бежал весной 1202 г. в Сицилию, а оттуда – в Германию. Но подробности бегства Алексея (в бочке с водой) – легендарны.

³²⁸ - ...къ нѣмъчьскому цесарю... и къ сѣстрѣ своеи. – Сестра царевича Алексея Ирина была замужем за Филиппом Швабским, императором Священной Римской империи.

³²⁹ - Стр. 282. ...къ Иерусалиму, въ помочь... – Официальная цель IV крестового похода была борьба с мусульманским Египтом и возвращение захваченного перед тем арабами Иерусалима.

³³⁰ - Фрязи. – Фрягами в древней Руси называли итальянцев, здесь же этот термин применен к участникам крестового похода.

³³¹ - ...пришьдѣше въ Судъ, замкы желѣзныя разбиша... – См. прим. на стр. 704.

³³² - ...по Цесаревъ затворъ... – Видимо, до места, где Суд перегораживался цепью.

³³³ - ...Николу воина... – Простого воина Николая Канава выдвинули кандидатом на престол народные массы Константинополя.

³³⁴ - ...въ Влахернѣ – во Влахернском дворце, в северной части

Константинополя.

³³⁵ - ...а на Мюрчюфла вѣнъчь възложиша. – Алексей Дука, по прозвищу Мурчуфл (Мурдзуфл), то есть «насупленный», был выдвинут на престол византийской знатью. Византийский хронист Никита Хониат рассказывает, как Мурчуфл, глубокой ночью явившись к императору Алексею IV, под предлогом спасения его от мятежников вывел из дворцовых покоев. Свергнутый император был закован в кандалы и брошен в тюрьму.

³³⁶ - Стр. 284. ...раями на шыглах... – Речь идет о военных приспособлениях для штурма города. Никита Хониат упоминает, что корабли крестоносцев были увешаны «по реям веревочными лестницами, которые посредством блоков, прикрепленных к мачтам, легко опускались и опять поднимались вверх».

³³⁷ - ...Верѣбнои недѣли... – См. прим. на стр. 708.

³³⁸ - ...противу святому Спасу, зовемый Вергетис, противу Испигасу, сташа же и до Лахерны. – Здесь упоминаются монастырь Спаса Евергета, ворота, ведущие в Пигу (екс Пигас) и Влахернский дворец.

³³⁹ - ...бяху же изременани межи ими... иконе ихъ. – В переводе принята конъектура Н. А. Мещерского, предположившего в «изременани» искажение слова «дромоны» (корабли для перевозки конницы).

³⁴⁰ - ...не погорѣша фрязи. – Можно предположить, что речь идет о несостоявшейся когда-то в прошлом попытке греков сжечь флот крестоносцев с помощью судов-брандеров; Алексей (Исаакович) с января 1204 г. находился в темнице, а к моменту штурма Константинополя его уже не было в живых.

³⁴¹ - ...забороломъ... – См. прим. на стр. 720.

³⁴² - Стр. 286. ...одъраша двѣри... – Двери покрывались пластинами из меди или драгоценных металлов, украшались резьбой.

³⁴³ - ...тябло – часть иконостаса.

³⁴⁴ - ...подъ тряпезою – под западной частью храма.

³⁴⁵ - Дигитрию же чюдъную... святую богородицю... – Одигитрия («путеводительница») – определенный тип иконы богородицы с младенцем. Имеется в виду легенда, связанная с иконой Константинопольской Одигитрии, которая будто бы чудесным образом являлась в разных концах города.

³⁴⁶ - ...маркосъ от Рима, в градѣ Бърне, иде же бе жил поганый злыи Дедрикъ. – Маркос – передача итальянского *marchio, marchisus* (то есть

маркграф). Речь идет о Бонифации Монферратском. Берн – немецкое название Вероны, родины Бонифация. Дедрик – Теодорих, король остготов с 475 по 526 г. В «Песне о Нибелунгах» Теодорих именуется Dietrich von Bern. Н. А. Мещерский предположил, что эти формы передачи имен и географических названий – результат общения автора повести с фландрскими рыцарями-крестоносцами.

³⁴⁷ - ...кондофъ Офланъдръ – граф (итал. conte) Болдуин IX Фландрский, ставший с мая 1204 г. императором вновь созданной Латинской империи.

³⁴⁸ - ...дужь слепни от Маркова острова, Венедикъ. – Энрико Дандоло с 1192 по 1205 г. дож Венеции. Венеция называлась республикой святого Марка, по имени почитавшегося там апостола.

³⁴⁹ - ...Мануиль цесарь – византийский император Мануил I Комнин (1143–1180).

³⁵⁰ - Стр. 290. ...княгини Ростиславля Верхослава... – Жена великого князя Ростислава Рюриковича (ум. в 1218 г.), дочь Всеволода Большое Гнездо.

³⁵¹ - ...послушай Павла, глаголюща к Тимофѣю... – Имеется в виду одно из посланий апостола Павла к Тимофею (апостольские послания находятся в Новом завете после апостольских деяний).

³⁵² - Князь Георгий – Георгий (Юрий) Всеволодович, великий князь Владимирский, брат Верхославы (ум. в 1238 г.).

³⁵³ - Стр. 292. Леонтий, епископ Ростовъскый – епископствовал с 1073 по 1077 г. Далее перечисляются русские епископы, выходцы из Печерского монастыря.

³⁵⁴ - ...с онема варягома... – Под 983 годом «Повесть временных лет» рассказывает о гибели варягов-христиан отца и сына, живших в Киеве, которые были убиты киевлянами-язычниками.

³⁵⁵ - ...чел еси в «Житии святаго Антониа»... – Одно из древнейших русских житий, до нас не дошедшее.

³⁵⁶ - ...сия съборныа церкви, красоты Владимирьския, и другиа Суждальския церьки... – Имеются в виду Успенский собор во Владимире (построен в 1158–1161 гг. и капитально перестроен в 1185 г.) и собор Рождества богородицы в Суздале (построен в 1222–1225 гг., перестроен в 1528 г.).

³⁵⁷ - Стр. 298. Ефрем – церковный проповедник и писатель IV в. Ефрем Сирин; далее приводится цитата из его сочинения «Паренесис»

(сборник поучений).

³⁵⁸ - Стр. 300. ...Якуна Слепаго, иже отбеже от златыа луды, биася... с лютымь Мстиславомь. – Луда – плащ. Имеется в виду битва 1024 г. при Листвене (урочище близ Чернигова) Ярослава Владимировича Мудрого (киевский вел. кн. с 1019 по 1054 г.) с братом Мстиславом (князь Черниговский и Тмутороканский, ум. в 1036 г.). Ярослав потерпел поражение, участвующий на стороне Ярослава вождь варяжского отряда Якун (Гакон) во время бегства с поля боя потерял свой плащ. Об этом рассказывает и «Повесть временных лет».

³⁵⁹ - ...Изяслав, Святослави Всеволод – сыновья Ярослава Мудрого, в разное время занимавшие великокняжеский Киевский стол. Изяслав умер в 1078 г.; Святослав – в 1076 г.; Всеволод – в 1093 г.

³⁶⁰ - Бывшим же имь на Алтѣ... – Альта – река, впадающая в приток Днепра Трубеж.

³⁶¹ - Стр. 304. ...сѣдѣ Георгий Владимирович в Киевѣ... – Юрий Владимирович Долгорукий начал княжить в Киеве с 1149 г.

³⁶² - ...тысяцкий... – высшая военно-административная должность.

³⁶³ - Стр. 316. Ростислав же утопе... – Ростислав Всеволодович утонул в реке Стугне во время переправы через нее после битвы с половцами в 1093 г. В противоположность Киево-Печерскому патерику «Слово о полку Игореве» очень сочувственно говорит о гибели юного князя (см. стр. 210).

³⁶⁴ - ...в дни княжения Святополча в Киевѣ. – Святополк Изяславич княжил с 1093 по 1113 г.

³⁶⁵ - Стр. 320. Егда же Святоплѣк... и с самѣм Васильком. – Имеются в виду события 1097 г., о которых подробно рассказывает «Повесть временных лет» (см. стр. 82–91).

³⁶⁶ - Стр. 324. И по погребении блаженного поиде на войну... и взя всю землю их и приседе в свою землю их. – В 1103 г. коалиция русских князей, в которой участвовал и Святополк Изяславич, нанесла сокрушительное поражение половцам.

³⁶⁷ - Стр. 326. ...по смерти великого князя Ярослава. – Ярослав Владимирович Мудрый (см. прим. на стр. 717).

³⁶⁸ - Отселю до угор – то есть от Владимира до границ с венграми.

³⁶⁹ - Ятвязи – ятвяги, одно из литовских племен.

³⁷⁰ - Устюг – город на реке Сухоне, притоке Северной Двины.

³⁷¹ - Тоймичи – одно из финских племен, обитавших на р. Тойме, впадающей в Северную Двину.

- 372 - Дышючее море – Северный Ледовитый океан.
- 373 - Болгары – волжские болгары (см. прим. на стр. 702).
- 374 - Буртасы, веда – мордовские племена.
- 375 - Черемисы – марийцы.
- 376 - ...великому князю Всеволоду – Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, великому князю Владимирскому (ум. в 1212 г.).
- 377 - ...отцю его Юрью, князю Кыевьскому... – Юрию Владимировичу Долгорукому (ум. в 1157 г.).
- 378 - ...дѣду его Володимеру и Манамаху – Владимиру Всеволодовичу Мономаху (ум. в 1125 г.).
- 379 - А нѣмци радовахуся, далече будуче за синим морем... – то есть до своего прихода во второй половине XII в. в Ливонию.
- 380 - ...борѣничаху – платили дань медом.
- 381 - И кюр Мануил Цесарегородскыи – византийский император Мануил Комнин (1143–1180). В «Слове» допущен анахронизм: Владимир Мономах и Мануил Комнин не были современниками. Кюр – по-гречески – господин.
- 382 - ...до ныняшняго Ярослава... – до Ярослава Всеволодовича, великого князя Владимирского с 1238 по 1246 г.
- 383 - ...до брата его Юрья, князя Володимерьскаго... – до Юрия Всеволодовича, великого князя Владимирского с 1213 по 1216 и с 1219 по 1238 гг.
- 384 - Стр. 328. Приточник – предполагаемый автор ветхозаветной «Книги притчей Соломоновых».
- 385 - Исайя пророк – Исайя, сын Амоса, иудейский пророк VIII в. до н. э., которому приписывается составление ветхозаветной «Книги пророчеств» из 66 глав.
- 386 - ...аки лице Иосифа, иже бѣ поставил его египетскыи царь втораго царя в Египтѣ. – Согласно Библии, Иосиф Прекрасный разгадал сны фараона, после чего тот женил его на дочери жреца и сделал своим соправителем.
- 387 - ...часть от силы Самсоня. – Самсон – один из героев Ветхого завета, иудейский богатырь и судья.
- 388 - ...аки царя римского Еуспасиана... – Веспасиан, римский император (69–79 гг.), прославившийся как энергичный полководец.
- 389 - Град Атапата, или Иоатапата – крепость в Палестине.

³⁹⁰ - Стр. 330. Западная страна – Ливония.

³⁹¹ - Царица Ужская – царица Савская из южной Аравии.

³⁹² - Соломон, сын Давида, – третий иудейский царь (972–932 гг. до и. э.), прославившийся своим богатством и мудростью.

³⁹³ - ...нѣкто силен... именем Андрѣяшь... – Андреас фон Фельвен, магистр Ливонского ордена рыцарей-крестоносцев. «Слуги божии» – перевод немецкого «Gottesritter».

³⁹⁴ - ...король части Римскыя от полунощныя страны... – Здесь имеется в виду шведский король Эрик Эриксон, по прозванию Леспе (Картавий). Все воинские дела он поручал своему зятю ярлу Биргеру. В поход 1240 г. отправилось шведское войско под начальством ярлов Биргера и Ульфа Фаси.

³⁹⁵ - ...церков святыя Софыи – собор св. Софии в новгородском кремле, основан в 989 г.

³⁹⁶ - Архиепископ же Спиридон – новгородский архиепископ Спиридон (1229–1249 гг.).

³⁹⁷ - Помянем Пѣснотворца... – Имеется в виду Давид (см. прим. на стр. 710).

³⁹⁸ - ...отець его, честный Ярослав Великий... – Ярослав Всеволодович, великий князь Владимирский (1238–1246 гг.).

³⁹⁹ - ...на память святых отец 600 и 30 бывшаго собора в Халкидоне и святою мученику Кирика и Улиты, имѣяше же вѣру велику к святима мученикома Бориса и Глѣба. – 4-й Вселенский собор в Халкидоне происходил 16 июля 451 г. Кирик и Улита – сын и мать, христианские мученики (III – начала IV вв.), их память 15 июля. Князья Борис и Глеб – сыновья князя Владимира, убитые 24 июля 1015 г. по приказу Святополка Окаянного. Канонизированные в 1026 г., Борис и Глеб считались военными покровителями Русской земли.

⁴⁰⁰ - ...старейшина в земли Ижерстей, именем Пелгуй. – Ижорская земля находилась на юг от Невы, ижорские карелы давно находились в подчинении Новгорода, а их верхушка приняла христианство.

⁴⁰¹ - Стр. 332. Оттолѣ потщався наѣха на нь в 6 час дне. – Невская битва произошла недалеко от впадения р. Ижоры в Неву 15 июля 1240 г. 6 часов дня по древнерусскому счету времени – это 6 часов от восхода солнца, то есть 11 часов утра.

⁴⁰² - Римляне – приверженцы римско-католической церкви, в данном случае, шведы, финны и норвежцы, находившиеся в войске Биргера.

⁴⁰³ - ...самому королю възложи печать на лице острымъ своимъ копиемъ. – Князь Александр ранил ярла Биргера копьем в щеку. Автор «Жития», рассказав об этом, одновременно намекает на обычай древних римлян ставить знак собственности – клеймо на лицо своего раба, и тем самым дает читателю понять, что предводитель «римлян» попал в положение раба.

⁴⁰⁴ - Стр. 334. ...в древняа дни при Езекеи цари, егда прииде Сенахирим, царь асурійск, на Иерусалим, хотя плѣнити святы град... – Это относится к 740 г. до н. э.; об этом событии повествуется в Библии.

⁴⁰⁵ - ...и возградиша град в отечствѣ Олександровѣ. – Крепость Копорье, в Водской пятине Новгородской земли, была построена ливонскими немцами в 1241 г.

⁴⁰⁶ - ...пойде на землю Немецкую в велицѣ силѣ... – Имеется в виду зимний поход князя Александра в Ливонию в 1241 г.

⁴⁰⁷ - Уже бо бѣше град Плесковъ взят, и тиуни их посажени. – Немцы захватили Псков в 1241 г. из-за измены некоторых псковских бояр во главе с посадником Твердилой Ивановичем. Тиуны – здесь: немецкие фогты (судьи).

⁴⁰⁸ - Инии же гради совокупишася нѣмечѣстии... – Имеется в виду союз трех ливонских городов: Феллина, Юрьева и Оденпэ.

⁴⁰⁹ - ...брата меньшаго Ондрѣя на помощь в множествѣ дружинѣ. – В Ледовом побоище участвовала дружина Суздальского князя Андрея Прославила.

⁴¹⁰ - ...у Давыда царя... – Библейский царь Давид.

⁴¹¹ - Стр. 336. ...яко же древле Моисѣви на Амалика и прадѣду моему Ярославу на окааннаго Святополка. – Моисей – ветхозаветный пророк, предводительствовавший иудеями при исходе из Египта во второй половине XIII в. до н. э. Амалик – вождь амаликитян, занимавших страну между Палестиной и Египтом, оказавший сильное сопротивление иудеям. Ярослав – Ярослав Владимирович Мудрый, одержавший в 1019 г. победу на реке Альте над Святополком Окаянным, убийцей Бориса и Глеба.

⁴¹² - И бысть сѣча зла... – Ледовое побоище произошло 5 апреля 1242 г.

⁴¹³ - ...яко же Иисуса Наввина у Ерехона. – Иисус Наввин – ветхозаветный пророк, преемник Моисея. Иерихон – город и крепость в Палестине. По преданию, стены этой крепости сами пали от звука труб войска Иисуса Наввина.

⁴¹⁴ - ...до моря Египетскаго – то есть до части Средиземного моря, прилегающей к Египту.

⁴¹⁵ - Стр. 338. ...некто царь силен на Вьсточнѣй странѣ – хан Золотой Орды Батый, у которого князь Александр был в 1246 г.

⁴¹⁶ - ...жены моавитьскыя... – Моавитяне – племя, происходившее от Моава, сына Лота, и жившее на восток от Иордана и Мертвого моря. Этим библейским именем автор называет татар.

⁴¹⁷ - ...и посла воеводу своего Невруя... – В действительности ханом Золотой Орды тогда был уже не Батый, а Сартак. Невруево нашествие на Владимиро-Суздальскую землю произошло в 1252 г. После Невруева нашествия князь Александр поехал в Сарай к Сартаку и получил от него ярлык на великое княжение Владимирское.

⁴¹⁸ - Стр. 340. А сына своего Дмитрия посла на Западныя страны... – В 1262 г. князю Дмитрию Александровичу было всего 9 лет, войском же командовали его дядя князь Ярослав Ярославич Тверской, полоцкий князь Товтивилл и князь Константин Ростиславич. Весь рассказ «Жития» о походе на Юрьев в 1262 г. составлен с явной тенденцией изобразить Дмитрия достойным восприемником великокняжеского стола своего отца.

⁴¹⁹ - Стр. 342. ...в Рожестве святыя богородица, в архимандритѣи велицѣй... – Рождественский богородицкий монастырь во Владимире, основанный в 1191–1192 гг., считался (до 1561 г.) первым монастырем Руси, «архимандритъей великой».

⁴²⁰ - Се же бысть слышано всѣм от господина митрополита и от иконома его Савастияна. – Весь рассказ о посмертном «чуде» с душевной грамотой – запись устной легенды, бытовавшей во Владимирском Рождественском монастыре. Митрополит Кирилл (ум. в 1280 г.) и его эконома Савастьян, видимо, принимали участие в создании и распространении этой легенды.

⁴²¹ - Стр. 344. В фторое на десят лѣто по принесении чудотворнаго образа ис Корсуня... – В рязанском цикле повестей о Николе Заразском, в составе которого дошла до нас «Повесть о разорении Рязани Батыем», ей предшествует «Повесть о перенесении образа Николы из Корсуня (то есть из Херсонеса в Крыму) на Рязань в 1224 г.», иначе говоря – за двенадцать лет до нашествия Батые на Рязань.

⁴²² - ...на рѣце на Воронеже... – приток Дона в южной, прилегающей к Половецкой степи окраине Рязанской земли.

⁴²³ - ...на Резань... – Старая Рязань находилась на крутом берегу Оки

верстах в четырех от устья реки Прони. Нынешняя Рязань – другой древний рязанский город, известный первоначально под именем Переяславля Рязанского.

⁴²⁴ - Юрий Ингореви́ч Резанский. – В летописях известен Юрий Игоревич Рязанский – сын князя рязанского Игоря Глебовича; на рязанский княжеский стол он вступил в 1220 г.

⁴²⁵ - Георгий Всеволодович Владимирский – великий князь Владимирский Георгий (Юрий) Всеволодович, сын великого князя Владимирского Всеволода III Юрьевича (Большое Гнездо).

⁴²⁶ - Давид Ингореви́ч Муромский и Глѣб Ингореви́ч Коломенский. – В летописях не упоминаются.

⁴²⁷ - Олег Красный. – По «Повести» – брат Юрия Ингваревича. В действительности он был, по-видимому, не братом, а племянником Юрия Ингваревича.

⁴²⁸ - Всеволод Пронский – очевидно, Всеволод Глебович Пронский, сын князя рязанского Глеба Ростиславича, отец «Кир» Михаила Пронского. Однако по летописи Всеволод Пронский погиб значительно раньше – в 1208 г.

⁴²⁹ - Федор Юрьевич Резанский. – По «Повести» – сын князя Юрия Ингваревича Рязанского, князь Зараска. В летописях ни он, ни его жена Евпраксия, ни сын Иван Постник не упоминаются.

⁴³⁰ - Стр. 346. ...с великою княгинею – мать Юрия Ингваревича – Агриппина Ростиславовна в летописях не упоминается.

⁴³¹ - ...великаго князя Ингоря Святославича. – Кто такой Ингварь (Игорь) Святославич – неясно. Рязанские князья – потомки Игоря Ольговича (умер в 1194 г.). Возможно, Игорь Ольгович эпически переосмыслен здесь как Игорь Святославич, герой «Слова о полку Игореве»; художественные традиции этого произведения легко могли перейти в Рязанскую землю через соседнюю Черниговщину.

⁴³² - ...сродником своим Борису и Глѣбу. – Борис и Глеб, сыновья Киевского князя Владимира I Святославича, от которого пошел род всех русских князей. См. также прим. на стр. 740.

⁴³³ - Стр. 348. ...град Прънескъ... – Пронск – город на реке Прони. В летописях впервые упоминается под 1186 г.

⁴³⁴ - ...град Бѣл... – Белгород в Рязанской земле, ныне Белгородище, недалеко от Венева.

⁴³⁵ - Ижеславецъ – в летописях не упоминается.

⁴³⁶ - ...страстоположник Стефан – святой Стефан, мученик первого века н. э., был побит камнями за отстаивание христианской веры.

⁴³⁷ - Стр. 350. ...богатство резанское и сродник их киевское и черньниговское... – Старинные связи Рязани с Черниговом и Киевом подтверждаются и археологическим материалом.

⁴³⁸ - ...поиде на град Суздаль и Владимирь... – От Рязани войска Батый двинулись на Владимир окружным путем через Коломну в Москву, чтобы отрезать Юрию Всеволодовичу Владимирскому пути к отступлению. Под Коломной Батый разбил войска Юрия Всеволодовича. Захватив Москву, Батый направился на Владимир. Одновременно особый отряд, посланный Батыем, занял Суздаль. 7 февраля Владимир пал. Татары подвергли Владимир страшному опустошению.

⁴³⁹ - Евпатий Коловрат – нигде, кроме «Повести о разорении Рязани Батыем», не упоминается. В некоторых других редакциях «Повести» он наделен отчеством: Львович.

⁴⁴⁰ - Ингварь Ингоревич – брат Юрия (Георгия) Ингваревича; это видно из того, что Ингварь находит «мать свою» Агриппину Ростиславовну – она же по повести и мать Юрия. Однако по летописи Ингварь Ингваревич умер уже в начале 20-х гг., и Юрий Ингваревич наследовал ему на рязанском княжении.

⁴⁴¹ - Стр. 352. ...шурина своего Хостоврула... – Шурич – сын шурина (слово редкое).

⁴⁴² - Санчакбѣй – знаменосец, военачальник; слово тюркского происхождения (санчак в тюркских языках – знамя).

⁴⁴³ - Михаил Всеволодович Черниговский. – Михаил Всеволодович – князь черниговский с 1225 г.

⁴⁴⁴ - Стр. 356. ...на агаряне... – Восточные мусульманские народы в средние века признавались потомками легендарных библейских персонажей – Авраама и его рабыни Агари (отсюда и их название «агаряне») через сына Измаила (отсюда другое их наименование в средние века – «измаилтяне»). Сами мусульмане считали себя потомками Авраама и его жены Сарры (отсюда их наименование «сарацины»).

⁴⁴⁵ - Стр. 358. Сии бо государи рода Владимира Святославича... внучата великаго князя Святослава Ольговича Черниговьского. – Рязанские князья – потомки князя Владимира Святославича через его правнука Ярослава Святославича. Возведение генеалогии рязанских князей к Святославу Ольговичу Черниговскому или Киевскому (герою «Слова о

полку Игореве») – неверно.

⁴⁴⁶ - Стр. 360. ...и ласкою своею многих от невѣрных царей, детей их и братью к собѣ приимаста, и на вѣру истинную обращаста. – Имеются в виду «аманаты» (заложники из детей знатных родов), которых русские князья до нашествия Батые брали у степных народов для предотвращения набегов и выполнения ими условий мирных договоров.

⁴⁴⁷ - А Кир Михайло Всеволодовича Пронского... – Михаил Всеволодович Пронский в летописи известен только один – сын пронского князя Всеволода Глебовича, но этот «кир Михайл» («кир» – по-гречески господин) погиб в 1217 г.

⁴⁴⁸ - Стр. 380. Дмитрий Иванович – великий князь Московский с 1362 по 1389 г. Был прозван Донским после Куликовской битвы.

⁴⁴⁹ - Владимир Андреевич – князь серпуховский и боровский, двоюродный брат Дмитрия Донского.

⁴⁵⁰ - Макула Васильевич – московский воевода; был женат на сестре жены Дмитрия Донского.

⁴⁵¹ - Мамай – татарский военачальник («темник») при хане Бердибеке (1357–1361 гг.), в 1379 г. захватил власть и был фактическим правителем Золотой Орды до 1380 г.

⁴⁵² - Залесская земля – так назывались земли Владимиро-Суздальского княжества, а затем и Московского.

⁴⁵³ - ...жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися русь православная. – См. прим. на стр. 702.

⁴⁵⁴ - ...хиновя... – См. прим. на стр. 721.

⁴⁵⁵ - ...на рекѣ на Каялѣ... – Здесь под Каялой подразумевается река Калка, на которой русские потерпели первое поражение от татар в 1223 г.

⁴⁵⁶ - Стр. 382. ...великаго князя Владимира Киевскаго. – Московские князья всячески подчеркивали свое происхождение от киевских князей, и именно от Владимира Святославича Киевского, который в 988 г. принял христианство.

⁴⁵⁷ - Боян – см. прим. на стр. 716.

⁴⁵⁸ - Игорь Рюрикович – киевский князь, княживший в Киеве с 912 по 945 г.

⁴⁵⁹ - Ярослав Владимирович – сын Владимира Киевского, великий князь Киевский. Княжил в Киеве с 1019 по 1054 г.

⁴⁶⁰ - Аз же помяну резанца Софония... – Либо автор говорит о себе в третьем лице, либо эта фраза принадлежит переписчику текста.

⁴⁶¹ - ...в полѣ Половецкое. – Как в летописях, так и в древнерусских литературных памятниках земли, занимаемые татарами, по аналогии с более древним периодом истории Руси, назывались – Половецким полем, а татары – половцами.

⁴⁶² - Святая София – главный храм Новгорода. На площади около Софии, так же как и на торговой площади, собиралось новгородское вече.

⁴⁶³ - ...на реки на Мечи... – Река Красивая Меча – правый приток Дона.

⁴⁶⁴ - Стр. 384. Андрейи Дмитрий Ольгердовичи – сыновья великого князя Литовского Ольгерда, находившиеся на службе у великого князя Московского – Андрей с 1377 г., а Дмитрий с 1379 г.

⁴⁶⁵ - ...да Дмитрею Вольньскому... – Дмитрий Боброк-Вольнский – сын литовского князя на Вольни Кориата-Михаила Гедиминовича. Выехав из Литвы, он был сначала тысяцким у нижегородского князя, а затем перешел на службу к Дмитрию Донскому, у которого был воеводой. Принимал участие во всех походах Дмитрия Донского.

⁴⁶⁶ - Непрядва – приток Дона, впадающий в него с запада; ограничивает с севера Куликово поле. Куликово поле находится в верховьях Дона, в пределах современного Куркинского района Тульской области.

⁴⁶⁷ - Стр. 386. Русская земля... за Соломоном побывала. – Эта фраза – переосмысление непонятого (или искаженного в том списке, которым пользовались при составлении «Задонщины») восклицания «Слова о полку Игореве» – «О Русская земля! уже за шеломянем еси!»

⁴⁶⁸ - ...Борис и Глѣб... – См. прим. на стр. 740.

⁴⁶⁹ - Стр. 388. Кликнуло Диво... – В «Слове о полку Игореве» – Див. См. прим. на стр. 718.

⁴⁷⁰ - Шибла слава к Желѣзным Вратам, и к Ворнавичом, к Риму и к Кафе по морю, и к Торнаву, и оттолѣ ко Царюграду... – Железные Ворота – теснина в среднем течении Дуная. Ворнавичи – какое-то искаженное географическое название; Кафа (совр. Феодосия) – генуэзская колония в Крыму; Тырново – с 1186 по 1393 г. столица Болгарского царства; Царьград – столица Византии.

⁴⁷¹ - Пересвѣт – монах Троицкого монастыря.

⁴⁷² - Ослябя – монах того же монастыря. «Сказание о Мамаевом побоище» сообщает, что сражение началось поединком Пересвета с татарским богатырем.

⁴⁷³ - Стр. 390. ...полоняныя вѣсти... – вести о пленении. Употребление этого оборота в «Задонщине» объясняется зависимостью плача жен в этом памятнике от плача Ярославны в «Слове о полку Игореве».

⁴⁷⁴ - Туто щурове рано въспѣли... – Щур – певчая птица.

⁴⁷⁵ - Стр. 398. ...церковь Софийскую цареградскую... – Собор святой Софии (теперь – Айя-София) в Константинополе – выдающийся памятник византийской архитектуры VI в.

⁴⁷⁶ - ...Тетроевангелие (Четвероевангелие) – включает евангелия четырех авторов – Матфея, Марка, Луки и Иоанна.

⁴⁷⁷ - ...изограф... – художник, живописец.

⁴⁷⁸ - ...в Халкидоне... – Халкидон – средневековый город на берегу Мраморного моря.

⁴⁷⁹ - ...в Галафе... – Галата – часть Константинополя.

⁴⁸⁰ - ...в Кафе... – См. прим. на стр. 750.

⁴⁸¹ - ...церкви... Благовещения святяга богородицы... – Благовещенский собор в московском Кремле (построен в 1390-е гг., расписан фресками, не сохранившимися до наших дней, Феофаном Греком, Прохором с Городца и Андреем Рублевым в 1405 г.; перестроен в конце XV в.). В иконостасе собора сохранились подлинные произведения Феофана Грека и Андрея Рублева.

⁴⁸² - ...одну же на Москве. – Обычно под этой церковью подразумевают церковь Рождества богородицы с приделом Лазаря в московском Кремле (построена и расписана в 1390 гг. Феофаном Греком, Семеном Черным и другими мастерами). Фрески XIV в. не сохранились.

⁴⁸³ - В Михайле святом на стене написа град... – Собор архангела Михаила, или Архангельский собор в московском Кремле (построен в 1333 г., расписан Феофаном Греком и его учениками в 1399 г.; фрески не сохранились, так как собор был перестроен в начале XVI в.).

⁴⁸⁴ - ...у князя Владимира Андреевича... – См. прим. на стр. 748.

⁴⁸⁵ - ...корень Иессеев... -мифическая родословная Иисуса Христа, которую возводили к отцу библейского царя Давида – Иессею.

⁴⁸⁶ - ...Апоколипсьий... – «Апокалипсис» («Откровение Иоанна») – книга о судьбах христианского мира, включаемая в Новый завет. Сюжет «Апокалипсиса» на Руси начали иллюстрировать не позднее XV в.

⁴⁸⁷ - Стр. 400. ...великий Иустиниан царь... – Юстиниан I, византийский император (527–565 гг.), основатель и заказчик постройки

Софийского собора в Константинополе.

⁴⁸⁸ - ...нарицаемого Иустиниана, на коне сидяща и в руке своей десницы медяно держаща яблоко... – Статуя византийского императора Юстиниана I была создана и установлена на константинопольском Ипподроме при жизни императора. Там она простояла до XVI в.

⁴⁸⁹ - ...написа наскоре храмовидное изображение... – Рисунок Феофана Грека с изображением Софии Константинопольской не сохранился. Возможно, в ряде русских рукописей XV – XVI вв. встречаются подражания этому рисунку. Однако это мнение оспаривается.

⁴⁹⁰ - Стр. 408. ...Давид рече... – См. прим. на стр. 710.

⁴⁹¹ - И выведоша... Иоанна на Великий мост... – Казнь осужденных в Новгороде происходила на мосту через Волхов: осужденных сбрасывали с моста в реку.

⁴⁹² - ...к святого Георгий монастырю. – Юрьев монастырь на левом берегу Волхова в четырех километрах от Новгорода, вверх по течению.

⁴⁹³ - Стр. 410. ...в великую Премудрость божию... – Имеется в виду собор св. Софии в новгородском кремле (см. прим. на стр. 740).

⁴⁹⁴ - Стр. 414. Прихождение Михайла... ко святей Троицы на Клопско при Феодосии, наречением на владычество. – Клопский Троицкий монастырь основан в конце XIV – начале XV в., в 20 км. южнее Новгорода, на правом берегу реки Веряжи. Игумен монастыря Феодосий, при котором Михаил пришел в монастырь, в 1421 г. был избран новгородским архиепископом, через два года отстранен от архиепископства боярами и снова вернулся в монастырь.

⁴⁹⁵ - ...канун дни честнаго Рожества Иоанна в ночь. – Ночь накануне дня Ивана Купалы (24 июня по ст. стилю), когда, по народным поверьям, совершались всевозможные чудеса.

⁴⁹⁶ - Стр. 416. ...100 бел... – Бела, бель – мелкая денежная единица.

⁴⁹⁷ - Стр. 418. ...князь Костянтин... – Константин Дмитриевич, младший брат великого князя московского Василия Дмитриевича, князь Углицкий.

⁴⁹⁸ - ...книгу чести Иева праведнаго – одну из книг Библии.

⁴⁹⁹ - ...братья мои не дадут мне вотчины. – В 1419 г. Константин Дмитриевич поссорился с великим князем и уехал в Новгород. В 1420 г. братья помирились, и Константин вернулся в свой удел.

⁵⁰⁰ - Стр. 420. Никола на Лятки – монастырь под Новгородом.

⁵⁰¹ - Однорядка – долгополый однобортный кафтан без ворота.

⁵⁰² - И основаша храм в лето 6931-е – то есть в 1423 г. Это ошибка «Жития»: по летописным данным, каменная церковь была построена в 1419 г. за 60 дней. Именно в это время в Новгороде был Константин Дмитриевич.

⁵⁰³ - Стр. 420–422. ...и сведуть тя на сени нареченным на владычстве, и поживеши на владычстве три годы. – См. прим. к стр. 414. Новгородские владыки (архиепископы) избирались на вече и торжественно вводились во владычные (архиепископские) палаты при храме св. Софии. Избранный вечем владыка позже посвящался в этот церковный сан митрополитом.

⁵⁰⁴ - Стр. 422. Владыка Иоан – новгородский архиепископ (1389–1415 гг.) В 1415 г. по болезни оставил архиепископскую кафедру, ум. в 1417 г.

⁵⁰⁵ - ...и взята... у Спаса на Хутыни на владычество Семена. – Спасо-Хутынский монастырь к северу от Новгорода на Волхове. Симеон – архиепископ с 1415 по 1421 г.

⁵⁰⁶ - ...Омельяна, нареченаго на владычество Еуфима. – Евфимий I Брадатый, архиепископ с 1423 по 1429 г.

⁵⁰⁷ - Покрова дни. – Покров – церковный праздник 1 октября (по ст. ст.).

⁵⁰⁸ - Святая педеля – пасхальная неделя.

⁵⁰⁹ - ...посадник Григорей Кирилович... – Григорий Кириллович Посахно, новгородский посадник, крупный землевладелец, играл видную роль в политической жизни Новгорода в 30-х гг. XV в.

⁵¹⁰ - Велик день – пасхальное воскресенье.

⁵¹¹ - Жар – земля под паром.

⁵¹² - Стр. 424. Канун – угощение, приготовленное к празднику или для поминок.

⁵¹³ - Кондак – церковное песнопение.

⁵¹⁴ - Перенос – перенесение каких-либо святынь во время богослужения.

⁵¹⁵ - ...Олферью Ивановичу с Ъваном Семеновичем с Лошинским. – Олферий Иванович и Иван Семенович Лошинский – новгородские бояре-землевладельцы.

⁵¹⁶ - Курецко – погост вблизи Клопского монастыря.

⁵¹⁷ - Стр. 426. Панагия – ящичек, в котором переносилась часть от просфоры из церкви в трапезу.

⁵¹⁸ - ...возвели владыку Еуфимья Другово... – Евфимий II Вяжицкий,

архиепископ с 1429 по 1459 г.

⁵¹⁹ - И приехал тогда князь Дмитрий Юрьевич... – Имеется в виду бегство в Новгород Дмитрия Юрьевича Шемяки в 1450 г. после поражения в Угличе в борьбе с великим князем московским Василием Васильевичем Темным. В 1452 г. Шемяка предпринял новую попытку пойти на Василия Темного, потерпел поражение и снова бежал в Новгород, где умер в 1453 г.

⁵²⁰ - Стр. 428. Преехал посадник Иван Васильевич Немир. – При жизни Михаила Клопского было два посадника с именем Иван Васильевич. Немир Иван Афанасьевич был посадником уже после смерти Михаила, но именно он принимал участие в событиях, которым посвящен этот эпизод «Жития». Здесь имеются в виду события 70-х гг. XV в., когда после военных походов в 1471 и 1475 гг. и похода «миром» в 1476 г. Новгород был окончательно подчинен Москве.

⁵²¹ - ...а у нас есть князь Михайло литовьской. – Михаил Олелькович, правнук Ольгерда, в 1470–1471 гг. находившийся в Новгороде. Еще до начала военных действий 1471 г. ушел из Новгорода.

⁵²² - Стр. 430. Кольвань – Таллин.

⁵²³ - Стр. 432. ...в Мунтьянской земли... – Мунтения (горная страна) область в Румынии, восточная часть Валахии. Мунтьянской землей русский автор именуется Валашское княжество.

⁵²⁴ - Дракула влашеским языком, а нашим диавол. – Влад Цепеш (1456–1462 и 1476–1477 гг.) получил свое прозвище (распространенное за пределами Румынии) в наследство от отца, также носившего имя Влада (1436–1446 гг.); первоначально это прозвище было, по-видимому, связано с принадлежностью Влада-старшего к рыцарскому ордену Дракона, основанному германскими императорами, но затем оно стало ассоциироваться с румынским словом «drac» – дьявол.

⁵²⁵ - ...от турьскаго поклицарие... – Имеется в виду Мехмед (Магомет) II (1451–1481 гг.), турецкий султан, многократно вторгавшийся в Валахию. Военные действия между Владом Цепешем и турецким султаном, о которых далее говорится в «Сказании», происходили в 1461 – 1462 гг.

⁵²⁶ - Стр. 438. ...от угорского короля Маттеаша... – Матвей Корвин (Матиаш Хуньяди) – венгерский король (1458–1490 гг.).

⁵²⁷ - Стр. 440. ...от своих издан по крамоле... – Дракула попал в венгерский плен в конце 1462 г. Румынские историки считают известие об измене в войске Цепеша достоверным.

528 - ...в Вышеграде на Дунай, выше Будина 4 мили... – Королевский замок Вышеград (Vizsegrad, нем. Plintenberg) вблизи венгерской столицы Будина (Буды, часть нынешнего Будапешта).

529 - ...иного воеводу... – Раду Красивого, брата Влада Цепеша.

530 - Стр. 442. Пожив же мало яко 10 лет... – В действительности Матвей Корвин восстановил Влада Цепеша на валашском престоле в 1476 г., и его вторичное царствование длилось около года.

531 - Конец же его сице... – Влад Цепеш погиб в сражении с турками 1 февраля 1477 г.; на престол был посажен его соперник Лапот Басараб.

532 - ...Варадинского бископа... – Вардан или Варадин Великий (ныне Орадя в Румынии).

533 - Михаила – Михия Злой, в 1508–1510 гг. – валашский господарь.

534 - Стр. 444. Стефан же молдовский – Стефан (Штефан) Великий – молдавский князь (1457–1504 гг.), союзник и свояк великого князя Ивана III (сын Ивана был женат на дочери Стефана Елене).

535 - Влад – Влад Монах, сын (по другим известиям – брат) Влада Цепеша, стал валашским князем в 1481 г.

536 - Ефросин – монах Кирилло-Белозерского монастыря (XV в.), составитель сборников (ныне в ГПБ), включающих ряд выдающихся памятников светской литературы древней Руси.

537 - эллинской; здесь: языческой.

538 - за пазуху;

539 - правителей и вельмож.

540 - Здесь: глашатаям;

541 - здесь: сделать.

542 - быстрому разумом.

543 - церковнослужителями;

544 - по плечи.

545 - как рассказывают;

546 - наслал;

547 - хитростями;

548 - случившееся;

549 - не знаю;

550 - узнаешь;

551 - осквернения.

552 - знаешь;

- 553 - свою;
- 554 - здесь: не думая, не предполагая;
- 555 - Стр. 455. Агриков меч – Агрик или Агрика – сказочный богатырь, обладавший несметным количеством оружия, среди которого у него был и меч-кладенец.
- 556 - подходящего;
- 557 - снохе;
- 558 - не задержавшись нигде;
- 559 - изумился.
- 560 - подивился;
- 561 - опередил
- 562 - тобою мне показывается;
- 563 - чтобы не убил его;
- 564 - предполагая в нем тебя;
- 565 - княжестве;
- 566 - холст, полотно;
- 567 - займы;
- 568 - смерть;
- 569 - не понимаю.
- 570 - неприбранной;
- 571 - нашем;
- 572 - послал;
- 573 - без колебаний;
- 574 - нет смысла мне.
- 575 - не обратил внимания;
- 576 - хлебной закваски;
- 577 - пучок;
- 578 - рубашку;
- 579 - полотенце;
- 580 - время;
- 581 - обрубок;
- 582 - из-за ее происхождения.
- 583 - в который;
- 584 - наговорил;

- 585 - бесстыдства.
- 586 - вас;
- 587 - княжение свое за ничто почел.
- 588 - ужин;
- 589 - подрубил;
- 590 - странников;
- 591 - их.
- 592 - воткнула;
- 593 - совместном, одновременном;
- 594 - пустой;
- 595 - припадают.
- 596 - снаряжен, вооружен;
- 597 - рогатины;
- 598 - топоры;
- 599 - здесь: сети;
- 600 - особого рода топоры;
- 601 - творят зло;
- 602 - члены.
- 603 - ...во Алевите был Акирь Премудрый... – персонаж древнерусской «Повести об Акире Премудром». Алевит – город, упоминаемый там же.
- 604 - Стр. 465. Самсон, Давид, Соломон – библейские герои, хорошо известные русскому читателю по другим литературным произведениям.
- 605 - ударить.
- 606 - Стр. 467. отец наш, великий государь Василей, пременив порфиру ангельским пременением... – отец Ивана IV, Василий III, умер в 1533 г.
- 607 - сменив царскую порфиру на ангельскую (монашескую) одежду;
- 608 - ...святопочившим Георгием... – Младший брат Ивана IV, Юрий (Георгий), был глухонемым и слабоумным (что нередко считалось в древней Руси признаком святости); он умер в 1564 г., незадолго до написания послания.
- 609 - ...царице Елене... – Елена Васильевна Глинская, вторая жена Василия III (первая, Соломония, была пострижена в монахини – см. прим. на стр. 763).

⁶¹⁰ - литовских.

⁶¹¹ - ...Надчитархана... – вероятно, Астрахань (татарск. Хаджитархан), где действительно во время правления Елены Глинской произошел переворот, и ханом стал враждебный Руси Дербыш-Али.

⁶¹² - ...Семен Бельской да Иван Ляцкой... – боярин и окольничий, бежавшие в 1534 г. к польскому королю Сигизмунду I; в 1536 г. Семен Бельский отправился в Стамбул и участвовал в крымско-турецком походе на Русь.

⁶¹³ - ...яко же Ахитофель совет разсыпая. – По библейскому рассказу (Вторая книга Царств, 16–17), Ахитофел – советник Давида, изменивший ему и перешедший на сторону Аввесалома; когда его заговор не удался, Ахитофел повесился.

⁶¹⁴ - Стр. 467–468. ...дядю нашего, князя Ондreja Ивановича, изменники на нас подъяша... – Заговор брата Василия III (дяди Ивана IV) князя Андрея Старицкого произошел в 1537 г. Андрей пытался поднять против Елены новгородских помещиков, но не достиг успеха и был вынужден сдаться.

⁶¹⁵ - во главе;

⁶¹⁶ - Стр. 468. Радогощ, Стародуб, Гомей (Гомель) – эти города были взяты Сигизмундом III во время военных действий 1533 г.

⁶¹⁷ - погубить родную землю ради славы;

⁶¹⁸ - навсегда;

⁶¹⁹ - ...царицы Елене преити от земнаго царьствия на небесное... – Елена Глинская умерла в 1538 г.; по известиям иностранцев, она была отравлена; сразу же после смерти Елены был убит ее фаворит Овчина-Телепнев-Оболенский.

⁶²⁰ - бросились добывать богатство;

⁶²¹ - посохами;

⁶²² - вошли в мое покровительство;

⁶²³ - предав поруганию.

⁶²⁴ - Стр. 469. ...Данила митрополита... – Митрополит Даниил, ближайший сподвижник Василия III (осуществивший его развод с Соломонией), был лишен сана и сослан в 1538 г., одновременно с заточением главного врага Шуйских князя И. Ф. Бельского и убийством дьяка Федора Мишурина.

⁶²⁵ - достигнув своих желаний;

⁶²⁶ - как последних из домочадцев;

627 - назначая;

628 - полушерстяная;

629 - на излишние деньги;

630 - делали вид, что правят и распоряжаются;

631 - я стал подрастать.

632 - ...у себя велел есми быти болярину своему князю Ивану Федоровичю Бельскому. – И. В. Шуйский был «отослан» (на воеводство во Владимир), и И. Ф. Бельский пришел к власти летом 1540 г. Ивану IV было в это время 10 лет, однако он рассматривал (в послании, как и в летописях) эту политическую перемену как свое собственное решение.

633 - ...князь Иван Шуйской... пришед ратию к Москве... – Новый переворот в пользу Шуйских произошел в 1542 г.; в перевороте участвовали служилые люди и горожане-москвичи, сочувствовавшие Шуйским.

634 - Стр. 470. ...митрополита Иоасафа с великим безчестием с митрополии согнаша. – Митрополит Иоасаф, помогавший победе Бельских в 1540 г., был в 1542 г. заменен Макарием, впоследствии видным сподвижником Ивана IV.

635 - с цветными полосами;

636 - шесть с половиной лет;

637 - ...шесть лет и пол не престаша сия злая! – Период «боярского правления», согласно Ивану IV, закончился в 1543 г., когда был казнен Андрей Шуйский.

638 - пятнадцатого

639 - ...сами яхомся строити свое царство... – Фактически и в этот период (до 1547 г.) управление царством находилось в руках бояр – в первую очередь, Глинских, родичей Ивана IV по матери (дяди Ивана – Михаил и Юрий Глинские, его бабка – Анна).

640 - ...пламени огненному царствующий град Москву попалившу... – Пожар в Москве, ставший поводом к народному восстанию, произошел летом 1547 г.

641 - назову, когда найду нужным;

642 - подучили.

643 - Стр. 470–471. И сие убийство во церкви всем ведомо, а яко же ты, собака, лжеши! – Грозный отвечает здесь на слова Курбского (в его первом письме к Ивану IV), обвинявшего его в том, что тот «мученическими кровьями праги церковные обагрил».

⁶⁴⁴ - Стр. 471. ...во своем селе Воробьеве... – царская резиденция на берегу Москвы-реки на Воробьевых горах.

⁶⁴⁵ - Как же на такую высоту, еже Иван святыи, водою кропити? – Грозный имеет в виду слух, распространившийся в народе, что Анна Глинская вызвала пожар, кропя Москву (в том числе и колокольню Ивана Великого) водой, в которой были вымочены человеческие сердца.

⁶⁴⁶ - моих родственников.

⁶⁴⁷ - Стр. 472. ...взяли тебя в полон... – В. Г. Грязной-Ильин, назначенный в 1573 г. воеводой на Донец, был захвачен в плен на р. Молочные Воды.

⁶⁴⁸ - привязали к седлу;

⁶⁴⁹ - неженок;

⁶⁵⁰ - ...не токмо что к Москве. – Речь идет о походе крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г., во время которого была взята и сожжена Москва.

⁶⁵¹ - ...мы и вас, страдников, приближали... – «Страдник» – холоп; так пренебрежительно Иван IV обозначал в послании опричников.

⁶⁵² - ...у Пенинского... – Князя Пенинские-Оболенские служили ближайшим родственникам царя – Андрею Ивановичу и Василию Андреевичу Старицким, которым принадлежал и город Алексин.

⁶⁵³ - выкупа.

⁶⁵⁴ - Дивей – крупнейший полководец крымского хана, попавший в 1572 г. в русский плен.

⁶⁵⁵ - Стр. 473. ...а нагайской князь и мурзы ему все братья... – Дивей был из ногайского рода Мансуров и находился в ближайшем родстве с ханом и мурзами (высшими феодалами) Ногайской Орды, занимавшей территорию между Средней и Нижней Волгой и рекой Ликом (Уралом).

⁶⁵⁶ - ...князя Семена Пункоза... князя Михаила Васильевича Глинского... – Иван IV называет крупнейших военных деятелей XVI в. (уже умерших к этому времени).

⁶⁵⁷ - против христианства.

⁶⁵⁸ - Стр. 474. Тогда зачался нынешний Иоанн... – В предшествующем тексте «Истории» А. М. Курбский рассказывал о событиях, предшествовавших рождению Ивана IV, – о насильственном пострижении первой жены Василия III Соломонии и о его «беззаконной» женитьбе на Елене Глинской, будущей матери Ивана Грозного.

⁶⁵⁹ - Иоанн Златоустый – византийский церковный деятель и писатель IV – V вв. н. э., среди сочинений которого есть «Беседа о злой жене».

- 660 - добродетель;
- 661 - ...Иоанново преподобие и Иродова лютость... – Согласно евангельским сказаниям, Иоанн Креститель (Предтеча), провозвестник Христа, был казнен иудейским царем Иродом Антипой по навету его жены Иродиады.
- 662 - души;
- 663 - о мучителях, дерзнувших на святых;
- 664 - печали;
- 665 - воспитывали;
- 666 - соревнуясь;
- 667 - двенадцать;
- 668 - животных;
- 669 - проявляя будущую свою жестокость и произвол;
- 670 - ...Соломон глаголет: «Мудрый, – рече, – милует души скотов своих, тако ж и безумный биет их нещадно»... – Курбский цитирует (не вполне точно) Притчи, приписываемые царю Соломону (Притчи, XII, 10).
- 671 - а воспитатели его ласкали;
- 672 - горе;
- 673 - пятнадцати годам.
- 674 - терзать;
- 675 - к семнадцати годам;
- 676 - подучивать;
- 677 - недругам;
- 678 - сначала;
- 679 - из рода;
- 680 - Стр. 475. ...Андрей Шуйский – был казнен в 1543 г. (см. прим. на стр. 760).
- 681 - ...князя Иоанна Кубенского, яже был у отца его великим земским маршалком... – Князь Иван Кубенский, великокняжеский дворецкий Большого двора (Курбский передает название польско-литовским термином «великий земский маршалок»), был казнен в 1546 г.
- 682 - ...Феодор и Василий Воронцовы – представители старого московского боярского рода (приписывавшего себе по тогдашней традиции «немецкое» – варяжское происхождение), были казнены в 1546 г.
- 683 - честный;

- 684 - землевладелец;
- 685 - пятнадцати;
- 686 - ...князя Богдана сын Трубецкого... Михаил... князь Иоанн Дорогобужский... и Феодор... – И. И. Дорогобужский и Ф. И. Овчинин-Оболенский (сын фаворита Елены Глинской И. Овчины-Оболенского) были казнены в 1547 г.; о судьбе М. Б. Трубецкого в других источниках не упоминается.
- 687 - отрочестве, юности;
- 688 - ...посетил град великий Москву презельным огнем... – О московском пожаре 1547 г. см. прим. на стр. 760–761.
- 689 - ...от царя Перекопскаго... – Перекопским царем (по имени Перекопского перешейка в Крыму) именовали в древней Руси Крымского хана; в годы юности Ивана IV Крымское ханство неоднократно нападало на Русь.
- 690 - заволжских.
- 691 - Стр. 476. ...возмущение велико всему народу... – О московском восстании 1547 г. см. выше, стр. 760–761.
- 692 - ...Юрий Глинский... Михаил Глинский – дяди (слово «вой», употребленное Курбским, вероятно, соответствует польскому слову «wuj» – дядя) Ивана IV, убитые во время восстания 1547 г.
- 693 - 1570;
- 694 - лучших;
- 695 - моровую язву;
- 696 - бедным, неимущим.
- 697 - способных обмануть, оклеветать;
- 698 - архиепископских;
- 699 - иноземцам; здесь: полякам;
- 700 - быстрым маршем;
- 701 - монастырских;
- 702 - под стражу.
- 703 - то есть находящиеся в ведении церкви;
- 704 - Стр. 479. ...на Торговой стороне, на месте нарицаемом Городищи... – Городище, или Рюриково городище, расположено на правом берегу Волхова. Издавна здесь находился княжеский дворец, в котором жили новгородские князья. Здесь во время приездов останавливались и московские великие князья.

- 705 - ...на Волховском мосту Великом, у Черного креста. – Волховский мост – мост через Волхов, соединявший Вечевую площадь на Торговой стороне с Детинцем на Софийской. Черный крест – большой деревянный крест при въезде на Волховский мост на Софийской стороне известен под названием «Чудный крест».
- 706 - благословить.
- 707 - Стр. 480. ...Жигимонту Августу. – Сигизмунд II Август – польско-литовский король (1530–1572 гг.).
- 708 - служить литургию;
- 709 - воинами;
- 710 - здесь: условный сигнал, клич.
- 711 - ...две денги на день. – Деньга – мелкая монета.
- 712 - ...и протопопу Евъстафию... – Духовник Ивана Грозного.
- 713 - ...иконы чудотворныя корсунския... – Корсунские иконы – условное название греческих по происхождению икон, привозившихся из Византии на Русь через Херсонес (Корсунь).
- 714 - здесь: легковоспламеняющаяся жидкость;
- 715 - веревками.
- 716 - Стр. 481. ...числом яко до тысящы, а иногда и до полуторы тысящ. – В 1546 г. в Новгороде насчитывалось 5159 дворов и примерно 35 000 человек, большинство которых составляли ремесленники и их семьи. Во время 35-дневных казней в 1570 г. в Новгороде погибло приблизительно 20 000 человек. В 1583 г. в Новгороде оставалось около 4000 человек.
- 717 - временных базарах;
- 718 - Стр. 482. ...на всякую новгородцкую пятину... – Пятина – административно-территориальная единица (1/5) в Новгородской республике.
- 719 - двести пятьдесят;
- 720 - подавленные.
- 721 - остальных;
- 722 - Стр. 483. ...в Олександрову слободу... – Ныне город Александров, в 113 км. к северу от Москвы.
- 723 - после пыток;
- 724 - в назидание.
- 725 - Стр. 487. ...Феодор Ивановичь – сын Ивана Грозного (царствовал

с 1584 по 1598 гг.).

⁷²⁶ - ...яко же и Иосиф во Египте... – См. прим. на стр. 739.

⁷²⁷ - ...и тому Борису... – Борису Федоровичу Годунову (около 1550 – 1605), который был фактическим правителем государства при царе Федоре и после его смерти был избран царем.

⁷²⁸ - заблуждался.

⁷²⁹ - Стр. 488. ...Дмитрия Ивановича... – царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного и его седьмой жены Марии Нагой, погибшего в Угличе 15 мая 1591 г.

⁷³⁰ - ...глаголет и действует нелепо о ближнейших брата си... – По рассказам иностранцев, очевидцев событий «смутного» времени, Исаака Массы и Конрада Буссова, которые основывались, вероятнее всего, на слухах, царевич Дмитрий якобы критически отзывался о царе Федоре и мечтал по вступлении на престол расправиться с виднейшими боярами и Борисом Годуновым.

⁷³¹ - ...отсылают, пехотяца, в вечный покой. – Убит ли был царевич Дмитрием или сам зарезался в припадке «падучей» болезни, до сих пор окончательно не выяснено.

⁷³² - ...в великую лавру... Девичия монастыря... – Новодевичий монастырь на окраине Москвы (основан в 1525 г.).

⁷³³ - ...икону матери всех бога... – Владимирскую икону богородицы (XI в.), считавшуюся главной московской святыней и хранившуюся в Успенском соборе, в Кремле.

⁷³⁴ - чистой, безгрешной;

⁷³⁵ - ...святейшаго отца Иева... – Иов – первый русский патриарх (1589 – 1605 гг.).

⁷³⁶ - ворот рубашки.

⁷³⁷ - не сумел;

⁷³⁸ - поддакивали;

⁷³⁹ - Стр. 489. ...племя царя блаженнаго Феодора... – Род бояр Захарьиных-Юрьевых (Романовых), соперничавших с Борисом Годуновым в борьбе за престол.

⁷⁴⁰ - здесь: доносчикам;

⁷⁴¹ - 1603;

⁷⁴² - сгнило;

⁷⁴³ - сошлись;

- 744 - серебряную монету.
- 745 - на потребности их;
- 746 - повозках;
- 747 - Стр. 490. ...гумна же пренаполнены одоней и копон и зародов...
– Одонье – снопы, сложенные для хранения под открытым небом. Зарод – стог сена.
- 748 - четырнадцать;
- 749 - пахота;
- 750 - были брошены;
- 751 - увидели.
- 752 - окраинные.
- 753 - Стр. 491. ...боле двадцати тысяць сицевых воров обретшеса... в Колуге и в Туле... – Имеются в виду участники назревающей крестьянской войны 1606–1607 гг. под предводительством И. И. Болотникова.
- 754 - ...от Датския земли государича... – Женихом Ксении Годуновой был датский герцог Иоанн (умер от горячки в 1604 г.).
- 755 - Стр. 492. ...от Татарских царьств... из Хвалис... – Под Татарским царством подразумевается Грузия, земли близ Хвалынского (Каспийского) моря; невестой Федора Годунова была карталинская княжна Елена.
- 756 - труднодоступных;
- 757 - иноземных;
- 758 - научился;
- 759 - ...составляше ложная писания... – «прелестные» письма, грамоты, с которыми обращался к народу Лжедимитрий I.
- 760 - наводил смуту;
- 761 - ухватились.
- 762 - Стр. 493. ...папа же римский всему Западу о нем восписа... и польскому кралю... за него повелеша строитися. – Папа римский Климент VIII, поддерживая агрессивную политику польского короля Сигизмунда III против России и авантюру Самозванца, надеялся использовать интервенцию для введения на Руси католичества.
- 763 - здесь: замышленного деяния;
- 764 - ...и матери царевича Димитрия, инока Марфа... – Мария Нагая была при царе Федоре Ивановиче насильственно пострижена в монахини и сослана; в 1605 г. Лжедимитрий I вернул ее в Москву.
- 765 - ...и князь Василей Ивановичь Шуйской на плаху судися... –

Будущий царь В. И. Шуйский участвовал в заговоре против Самозванца.

⁷⁶⁶ - ...покоршеся еси и с патриархом Игнатием... – Лжедмитрий I поставил патриархом вместо Иова рязанского епископа Игнатия.

⁷⁶⁷ - воинами.

⁷⁶⁸ - Стр. 494. ...просяще у пана Сердамирсково дочери тому ростриге в жену... – Дочь польского воеводы Сендамирского Юрия Мнишек, Марина Мнишек, в 1604 г. была объявлена невестой, а в 1605 г. стала женой Самозванца.

⁷⁶⁹ - ...Пафнотей, митрополит Крутицкий... – Пафнутий до 1605 г. был архимандритом московского Чудова монастыря, где, как принято считать, монашествовал и откуда бежал в Литву Григорий Отрепьев.

⁷⁷⁰ - И яко же колесница фараоновы... – См. прим. на стр. 729.

⁷⁷¹ - предпринимается поход;

⁷⁷² - Зерньщиком же толико попусти играти и воровати... – Зернщики – играющие в зернь, косточки с белой и черной сторонами; игра была особенно распространена в XVI – XVII вв. и считалась предосудительной.

⁷⁷³ - неизвестно;

⁷⁷⁴ - здесь: намеком.

⁷⁷⁵ - орудий;

⁷⁷⁶ - зрелище;

⁷⁷⁷ - сборище;

⁷⁷⁸ - здесь: брака с иноверкой.

⁷⁷⁹ - Стр. 495. ...сам окаянный зле скончася... – Лжедмитрий I был убит боярами 17 мая 1606 г. во время народного восстания в Москве против польских оккупантов.

⁷⁸⁰ - ...излюблен бысть царем Василей Ивановичь Шуйской... никим же от вельмож не пререкован... – В. И. Шуйский был «выкрикнут» на царство группой бояр-единомышленников и царствовал с 1606 по 1610 гг.

⁷⁸¹ - ...овии же в Тушинския таборы прескакаху. – Лагерь Лжедмитрия II находился в с. Тушине близ Москвы, что облегчало боярским и дворянским «перелетам» переезды из одного стана в другой.

⁷⁸² - нельзя;

⁷⁸³ - создателю;

⁷⁸⁴ - на сухом месте;

⁷⁸⁵ - настоящие;

⁷⁸⁶ - схожие.

- 787 - сосущие;
- 788 - Стр. 497. ...в дому пресвятыа и живоначалныя Троица... – Троице-Сергиевом монастыре.
- 789 - ...Никона... – Никон – ученик Сергия и игумен Троице-Сергиева монастыря после его смерти (умер 17 ноября 1428 или 1429 г.).
- 790 - ...лже-Христу... – Лже-Христом автор называет Лжедмитрия II, «Тушинского вора».
- 791 - стыда.
- 792 - жаждущие души;
- 793 - об осаде;
- 794 - не посетуйте на меня;
- 795 - Стр. 498. ...гетмана Петра Сапеги... – Видный военачальник польской интервенции Ян Петр Павел Сапега (1569–1611) не ограничился пребыванием в Тушинском лагере при Самозванце, куда прибыл из Польши со своим семитысячным войском в конце августа 1608 г., а предпринял самостоятельные военные действия в северных замосковных землях.
- 796 - ...пана Александра Лисовского... – Ян Александр Лисовский, шляхтич, так же как и Ян Сапега, пришедший к Лжедмитрию II из Польши, с отрядом в 2000 наездников совершал разбойничьи набеги на владимирские, рязанские, нижегородские и северные земли.
- 797 - 1608.
- 798 - ...при святейшем патриархе Ермогене Московском и всея Руси... – Гермоген стал патриархом с 1606 г. при царе Василии Шуйском. В 1611 г. участвовал в написании агитационных патриотических грамот, способствовавших созданию первого народного ополчения. Был посажен польскими оккупантами под стражу и умер от голода 6 января 1612 г.
- 799 - ...при архимарите Иасафе... – Архимандрит Иоасаф III был переведен в Троице-Сергиев монастырь в 1605 г., пережил осаду, вернулся в Пафнутьев-Боровский монастырь и был там убит поляками 5 июля 1610 г.
- 800 - ...на Клемянтеевском поле... – Клементьевская слобода близ Троице-Сергиева монастыря.
- 801 - всеисцеляющим.
- 802 - Стр. 499. ...из-за всех туров изо штидесят трех пищалей... – Туры – большие цилиндрические бездонные корзины, которые ставились рядами

перед батареями и засыпались землей. Авраамий Палицын турами называет сами батареи. Пищали – здесь: небольшие артиллерийские орудия.

803 - Здесь: о взятии крепости;

804 - Стр. 500. ...проби в деисусе у образа архистратига Михаила деку подле правого крыла. – Деисус – ряд отдельных икон, написанных на досках, на которых обычно изображались Христос, богородица, Иоанн Креститель, архангелы (архистратиг Михаил и пр.), апостолы и другие святые.

805 - ударилось;

806 - с южной стороны;

807 - помост, пол;

808 - Воеводы же, князь Григорей Борисовичь Долгорукой и Алексей... – Г. Б. Долгорукий-Роща и Алексей Иванович Голохвастов во главе небольшого отряда были посланы Василием Шуйским для охраны монастыря и руководили его обороной во время осады.

809 - здесь: приложились.

810 - ...головы в воеводское место... – Головы – начальники отрядов.

811 - ...из даточными людьми... – «Даточные люди» – крестьяне, находившиеся в зависимости от монастыря.

812 - Здесь: условный знак, клич;

813 - внезапно.

814 - Стр. 501. ...под гору на Нижней монастырь... – Нижний, или Подольный, монастырь, расположен в непосредственной близости от Троице-Сергиева монастыря, был выжжен во время осады (восстановлен в 1621 г.). В настоящее время сохранились лишь отдельные постройки.

815 - Стр. 502. ...да четырех рохмистров желнырских... – ротмистров солдатских. Желнырь – солдат (польск.), наемный ратник.

816 - передовые отряды;

817 - ...в сурны играти, и в накры... – Сурны – музыкальный духовой инструмент; накры – род ударного инструмента (барабан, бубен).

818 - необученные;

819 - ростом;

820 - понуждал;

821 - ранил;

822 - не отдали.

823 - ...о надолобах... – Надолбы-бревна или обрубки дерева, вкопанные в землю у крепостных стен.

824 - оврагу;

825 - наемных;

826 - лютеранин;

827 - вместе;

828 - засады;

829 - на меже;

830 - щеке;

831 - броском;

832 - из-за пазухи;

833 - перебежчики;

834 - раненых;

835 - Стр. 503. ...до пришествия Давида Жеребцова. – Давид Жеребцов – воевода войска М. В. Скопина-Шуйского. Был послан на помощь осажденным с отрядом в 900 человек и прибыл в крепость 19 октября 1609 г.

836 - тяжелых.

837 - лекарств, согревающих тело;

838 - наружу;

839 - покрывались струпьями;

840 - копошились;

841 - повернуть на другой бок;

842 - беспокоящий;

843 - а те, которые еще могли двигать;

844 - от пальбы;

845 - покупку;

846 - не опорожнили;

847 - пополам;

848 - врагов.

849 - Стр. 505. О слуге Анании Селевине. – Слуги монастырские были трех категорий: конные слуги, которые несли военную службу, подьячии или писцы в приказах и пешие слуги для выполнения разных поручений. Ананий Селевин, вероятно, принадлежал к первой из этих трех групп.

850 - И с вышепомянутым немком... – Речь идет о глухонемом

польском пане, перешедшем на сторону осажденных.

851 - простой народ;

852 - здесь: в кустах;

853 - здесь: неблагоприятное положение;

854 - коней.

855 - Стр. 506. Пан же Зборовской... – Александр Зборовский состоял на службе у Лжедмитрия II. Совершил неудачную попытку приступом взять монастырь и погубил при этом избранное польское воинство.

856 - мусор;

857 - хворост;

858 - еду;

859 - нуждающиеся.

860 - встречались.

861 - Стр. 507. О бою со князем Михаилом... – Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (около 1586 – 1610) – племянник царя Василия Шуйского, талантливый полководец. Собрал в Новгороде 3000 ратников и договорившись о помощи со Швецией, двинул объединенные отряды к Москве и 12 марта 1610 г. освободил ее от оккупантов.

862 - ...приблизшуся х Колязину монастырю... – Колязин монастырь находился на Волге, под г. Колязином.

863 - ...до Рябова монастыря... – Рябов монастырь находился в Кашинском уезде (Тверская епархия).

864 - 1546;

865 - пахарю;

866 - погонщику;

867 - конюху;

868 - Стр. 509. ...вышняго бога Саваофа произволением... – Назвать богом аллаха не позволял русскому писателю религиозный этикет, поэтому султан ссылается на Саваофа.

869 - послов.

870 - ...о выходные моя казны за 12 лет. – Русские государи никогда не платили дани турецкому султану. Дань Золотой Орде прекратилась в правление Ивана III, по-видимому, в 1476 г. Крымским ханам русские цари посылали не дань, а традиционные богатые подарки – «поминки».

871 - размышление, раздумье;

872 - не торопил;

873 - Стр. 511. ...и святая святых горы... – Имеется в виду Афон, одна из самых почитаемых святынь восточного христианского мира.

874 - охраняющего.

875 - державу;

876 - слуги.

877 - Стр. 512. Манамах – Владимир Мономах (см. прим. на стр. 709).

878 - раскрыл смысл.

879 - Стр. 514. ...яко и Козат воевода... – легендарный персонаж, который упоминается в русских рукописных сборниках. Имя, возможно, искажено.

880 - гробница.

881 - дипломатическая.

882 - надевая.

883 - любезно приветствовать.

884 - Здесь: матросы;

885 - в лодке;

886 - красив.

887 - волокуши.

888 - Здесь: имущества, добра.

889 - до красного угла;

890 - лавка для спанья (ларём, с открывающейся крышкой).

891 - без предупреждения.

892 - заложница.

893 - в свою вотчину.

894 - Стр. 542. Иоанна Васильевича – Ивана IV Грозного.

895 - бранима была;

896 - незаносчива.

897 - притворяясь незнающей;

898 - в прядении и в вышивании;

899 - нуждающихся,

900 - шестнадцати лет;

901 - наставления;

902 - домашнее хозяйство;

903 - их;

904 - безотказно;

- 905 - полученную плату;
906 - удовлетворяла.
907 - снимающего;
908 - бесовской угрозы;
909 - пробудилась;
910 - сени, передняя.
911 - язвой;
912 - истратила;
913 - вред;
914 - подстрекнул;
915 - опечалилась;
916 - его;
917 - подражая.
918 - черепки;
919 - с опасением все это слушала;
920 - взяла с него клятву;
921 - уединенной;
922 - стремилась.
923 - вскоре;
924 - необходимые;
925 - раздавая;
926 - Стр. 547. ...до царя Бориса... – До царствования Бориса Годунова (1598–1605 гг.).
927 - посеянное;
928 - разбою;
929 - с пустыми руками;
930 - разумные, лучшие.
931 - требует;
932 - Стр. 548. ...положьше ю́ в клетѣ... – Клеть – холодная половина избы, отделенная от теплой сенями.
933 - 1604;
934 - случилось так, что над ее могилой была поставлена печь;
935 - 1615;
936 - пола.

937 - сказали.

938 - 1642;

939 - Стр. 550. ...атаман казачей Наум Василев да ясаул Федор Иванов. – Наум Васильев руководил обороной Азова и возглавлял казачью «станицу» (посольство) в Москву; есаул (помощник атамана станицы) Федор Иванов Порошин – предполагаемый автор повести.

940 - донесение;

941 - В прошлом, де, во 149-м году июня в 24 день... – Осада Азова и приезд казачьей станицы в Москву происходили в одном и том же – 1641 г., но по летосчислению XVII в. новый 7150 (1642) год начался с первого сентября.

942 - действий;

943 - ...окроме поморских и кафимских и черных мужиков... – то есть подданных турецкого султана, живших по берегам Черного моря и в Кафе (Феодосии); «черными» назывались люди, жившие на государственной земле (не крепостные).

944 - ...орды крымские и нагайские... – Ногаи – тюркская народность; часть ногаев находилась в подчинении у крымского хана.

945 - ...загребают люди персидские. – Имеются в виду земляные валы, соорудившиеся турками возле стен осаждаемых крепостей во время войны с Ираном (Персией).

946 - ...народым Крым Гирей царевичь... – Крым Герай – брат крымского хана Бегадыра Герая; народым (нур-эд-дин) – титул первого сановника ханства.

947 - добровольцев.

948 - иноземных;

949 - специалисты;

950 - из греческого царства и великой Испании;

951 - Стокгольма;

952 - петардщики;

953 - тяжелых;

954 - орудий, стрелявших картечью;

955 - мортир;

956 - мадьяры (венгры);

957 - Стр. 551. ...буданы... башлаки. – Буданы – мадьярское (венгерское) племя; башлаки – возможно, жители Боснии.

- 958 - албанцы;
- 959 - жители Валахии;
- 960 - одиннадцатые;
- 961 - молдаване;
- 962 - А збирался турской царь... четыре годы. – Казаки захватили Азов в 1637 г., но война с Персией (Ираном) и смерть султана задержали ответные действия турок.
- 963 - скакания;
- 964 - половодье;
- 965 - большие шатры;
- 966 - на своем веку;
- 967 - командиры;
- 968 - отрядами в шеренгах (?);
- 969 - янычар,
- 970 - барабаны;
- 971 - то есть окружив;
- 972 - Стр. 552. ...с жаграми. – Шагра – приспособление для воспламенения заряда в пищалях.
- 973 - персидских и греческих;
- 974 - Стр. 553. ...Мурат салтанова величества, царя турского. – Азов был захвачен казаками в период правления султана Мурата IV.
- 975 - волжское.
- 976 - взрослых мужчин.
- 977 - ...Фому Катузина... – В 1637 г. казаки убили турецкого посла в Москву Фому Кантакузина (грека, принявшего мусульманство), заподозрив его в попытке связаться с осажденным ими Азовом.
- 978 - ...катаргам... – турецким гребным судам.
- 979 - сосчитанных;
- 980 - Стр. 554. ...от царства вашего силнаго... не будет... помощи и выручки. – Русское правительство в дипломатических сношениях с Турцией стремилось подчеркнуть свой нейтралитет и снять с себя ответственность за действия казаков, хотя фактически тайно поддерживало их, регулярно посылая им жалованье, снабжая хлебом, оружием и припасами.
- 981 - повинные;
- 982 - И не сидят люди ево персидские противу нас, турок... – В 1639 г.

закончилась ирано-турецкая война; в результате победы турок персидский шах вынужден был отступить из захваченных им в начале войны районов Месопотамии.

983 - доньне;

984 - угрозы.

985 - Стр. 555. ...для кровавых казачьих зипунов наших... – Зипун – название казачьей одежды и одновременно – добычи, трофеев.

986 - силой;

987 - отомстить за нас;

988 - по рождению;

989 - А холопы мы природные государя царя христианского... – Намек на то, что казаки являлись в основном беглыми холопами (крепостными крестьянами).

990 - предпочитаем.

991 - бахвалятся;

992 - не воровским;

993 - нарочно;

994 - Стр. 556. То царство было христианское... – отражение популярных на Руси и особенно в казачьей среде надежд на освобождение от власти «басурман» Константинополя, захваченного турками в 1453 г.

995 - дикими.

996 - А серебро и золото... от вас же водим. – Намек на ежегодные опустошительные набеги донских и запорожских казаков на турецкие города. В 1623 г. казаки разорили предместья самого Константинополя.

997 - Стр. 557. ...украиною... от орды нагайские... – Украиной называлась пограничная полоса («черта») с укреплениями и городами-крепостями, отделявшая Русское государство от Поля, то есть южных степей.

998 - Стр. 558. ...Костянтина благоверного. – Константин XI Палеолог.

999 - добиваетесь;

1000 - орудия;

1001 - цимбалы.

1002 - флажки;

1003 - клубился;

1004 - Стр. 559. ...вынесли болшое знамя на выласке, царя турскаго... – Захваченное знамя было впоследствии доставлено казаками в Москву.

- 1005 - шести;
- 1006 - двадцать две с половиной тысячи;
- 1007 - не приняли их предложения.
- 1008 - надгробия;
- 1009 - Стр. 560. ...у Предтечина образа... – Святой Иоанн Предтеча считался покровителем донских казаков.
- 1010 - малочисленность.
- 1011 - до половины;
- 1012 - значительно ниже.
- 1013 - страдания.
- 1014 - Стр. 562. ...Николин дом... – церковь Николы-чудотворца.
- 1015 - записки;
- 1016 - талеров.
- 1017 - прикинули, посчитали;
- 1018 - седовласого;
- 1019 - магометан;
- 1020 - поруган;
- 1021 - Стр. 564. ...торжище тут ...и от матерей. – В Азове, во времена владычества в нем турок, шла торговля «полоном» – угнанными во время турецких и татарских набегов жителями русских земель.
- 1022 - печальтесь;
- 1023 - сразит.
- 1024 - по убитым;
- 1025 - рассечены;
- 1026 - Стр. 565. ...до сентября по 26 день 150 году. – См. прим. на стр. 773.
- 1027 - придя в смятение;
- 1028 - доспехах.
- 1029 - бывшие в осаде.
- 1030 - Стр. 566. ...строителем – экономом монастыря.
- 1031 - Стр. 567. Урядник – свод правил, устав.
- 1032 - ...устроения чину Сокольничья пути – то есть описание церемониала, принятого в ведомстве царской соколиной охоты.
- 1033 - мера, подобие.
- 1034 - навлечете на себя;

- 1035 - старшие по положению, чину;
- 1036 - выученных;
- 1037 - Стр. 568. Удивительна же и утешительна и челига кречатья добыча... челигов ястребьих ловля. – Речь идет о различных породах охотничьих птиц: кречете (челига – самец кречета), соколе, кобчике. «Дермлиговая перелазка», как полагает Ф. Буслаев, особого рода перелет хищной птицы дремлика.
- 1038 - стремительное движение.
- 1039 - Достоверному же охотнику... – охотнику, не только знающему правила («чин») охоты, но и опирающемуся на собственный опыт.
- 1040 - дворцовых, придворных;
- 1041 - Стр. 569. Петр Семеновичь Хомяков... – Хомяков ведал всей царской соколиной охотой.
- 1042 - серо-зеленого цвета;
- 1043 - хранится;
- 1044 - облачают, одевают;
- 1045 - лучшим.
- 1046 - по одному человеку;
- 1047 - подарок, пожалование;
- 1048 - помощникам.
- 1049 - Стр. 570. ...стоит в ферезее... – Ферязь – мужская верхняя одежда с длинными рукавами, без воротника.
- 1050 - Стр. 571. ...челига, розмыть... – Видимо, речь идет о молодом соколе, уже один раз линиявшем.
- 1051 - подождав;
- 1052 - ...клубучек... – колпачок, одеваемый на голову охотничьему соколу.
- 1053 - красному.
- 1054 - ...с совкою нарядною... – Совка – часть клубучка, прикрывавшая птице глаза.
- 1055 - ...обнасы и должик... – путы, надеваемые на ноги ловчей птице, выпускаемой на добычу.
- 1056 - осторожно;
- 1057 - Стр. 572. ...подправительно... – возможно: подправляя крылья для лучшего вида птицы.
- 1058 - ...на поляново... – то есть на описанное выше место на попоне

«промеж стулов», на которых сидят птицы.

1059 - ...рукавицу с притчами... – По мнению знатока соколиной охоты Н. Кутепова, притча – это символическое изображение, вышивавшееся на рукавице, на которое должен был смотреть нововыборный сокольничий во время церемонии.

1060 - серебряным или золотым шитьем.

1061 - ...а в Гамаюне... – то есть в сумке с изображением этой птицы.

1062 - ...вабило – от глагола «вабити» – призывать, манить. Здесь: приманка для ловчей птицы.

1063 - ...вацагу... – колотушку, которой, ударяя по бубну, спугивали дичь во время охоты.

1064 - заботливому;

1065 - польнь;

1066 - отторжении.

1067 - лишен богатства;

1068 - отверг;

1069 - возликуешь;

1070 - туда и сюда.

1071 - Стр. 576. ...боярина Кучка Стефана Ивановича. – О самом Кучке летописные источники ничего не сообщают. В летописях упоминаются Кучковичи – Аким Кучкович и Петр, «Кучков зять».

1072 - ...князь Данило Суздальский... – По-видимому, имеется в виду князь Даниил Александрович, сын Александра Невского, умерший в 1303 г. Рассказанное о нем в повести с его биографией ничего общего не имеет.

1073 - ...княгине Улите Юрьевне... – В исторических источниках она не упоминается. Прототипом героини «Сказания» является жена князя Андрея Боголюбского «Повести о зачале Москвы».

1074 - подле, вдоль;

1075 - внезапно, неожиданно, врасплох.

1076 - страх;

1077 - Стр. 577. ...ко князю Андрею Александровичю... – По-видимому, имеется в виду сын князя Александра Невского, умерший в 1304 г.

1078 - Здесь: отвязанного;

1079 - без ошибки.

1080 - Стр. 578. ...Борис, и Глеб, и Святослав... – Борис, Глеб и

Святослав – сыновья киевского князя Владимира Святославича, убитые своим братом Святополком в 1015 г. См. прим. на стр. 740.

1081 - Сыне же его, Ивану Даниловичю... – Иван Данилович Калита, великий князь московский, умер в 1341 г.

1082 - ...князь Ярослав Владимирович... – Ярослав Мудрый, брат Бориса, Глеба и Святослава (см. выше).

1083 - горько;

1084 - охватил;

1085 - убийцам;

1086 - бесстыдства;

1087 - создателя.

1088 - вокруг;

1089 - 1289;

1090 - племянника;

1091 - 1291.

1092 - 1596;

1093 - волжских краев.

1094 - родовитый;

1095 - Стр. 582. ...детишка боярские... – Одно из низших дворянских сословий Московского государства.

1096 - проходимец;

1097 - краденых вещей.

1098 - Стр. 583. Уличаем божиею правдою да кресным целованием... – «Божия правда» (то же, что «общая правда») – свидетельство, заведомо признаваемое и истцом и ответчиком. «Крестное целование» – судебная присяга.

1099 - насильно;

1100 - ...сшлемся, господа, из виноватых... – Ссылка «из виноватых» – ссылка одной из сторон на свидетеля, с условием принять его показания, независимо от того, в чью пользу он покажет.

1101 - родственники;

1102 - дают деньги в долг.

1103 - Стр. 584. ...почему тебе те люди недруги... – Тяжущийся мог отвести свидетеля, если он в состоянии доказать его пристрастность.

1104 - ...езду платить нечем. – За доставку свидетелей платили пополам истец и ответчик.

- 1105 - ...пристав... – Пристав с понятыми доставлял свидетелей на суд.
1106 - оправдали;
1107 - бедовый, ужасный;
1108 - владельческие документы.
1109 - остаток;
1110 - прострел.
1111 - Стр. 586. ...бить ево кнутом нещадно... – Несостоятельный
ответчик «выдавался головою» истцу.
1112 - имущество.
1113 - плата за прогоны.
1114 - зная;
1115 - понадеялся;
1116 - покамест.
1117 - озер;
1118 - красивых;
1119 - Стр. 591. ...сиринов... струфокамилов. – Сказочные птицы.
1120 - гаваней;
1121 - ...оксамиты. – См. прим. на стр. 718.
1122 - ...олтабасы. – Алтабас – парча, затканная золотом.
1123 - коврами.
1124 - латунных;
1125 - руд;
1126 - чашки;
1127 - петухи;
1128 - бочки;
1129 - бальзамов;
1130 - сору;
1131 - браслетов;
1132 - жерди;
1133 - заостренные шести;
1134 - обломки, хлам;
1135 - чехлы на луки;
1136 - Лифляндию;
1137 - сбор за проезд, провоз товара.

1138 - Стр. 595. ...егда слугу своего Урию послал на службу... – В Библии (Вторая книга Царств) рассказывается, как Давид, прельстившись красотой Вирсавии, послал ее мужа Урию на войну. Урия был убит, а Вирсавию Давид взял себе в жены.

1139 - сорок.

1140 - ...идолом поклонился... и сорок лет работал еси им! – В Библии рассказывается о сороклетнем язычестве Соломона.

1141 - ...дерзнул рукою на Ария... – На Никейском вселенском соборе Николай Мирликийский ударил по лицу ересиарха Ария.

1142 - райского.

1143 - в распре;

1144 - нищета;

1145 - пирушки;

1146 - пустынное.

1147 - игрокам в кости;

1148 - свидетель.

1149 - меду;

1150 - башмаки;

1151 - собственность.

1152 - Стр. 600. Гунка кабацкая... – рваная одежда, выдававшаяся в кабаках вместо пропитой.

1153 - хитрые увертки.

1154 - богатства.

1155 - Стр. 606. Скарлат – дорогая ткань, род бархата.

1156 - связан с заветным желанием;

1157 - головешкою.

1158 - 1606;

1159 - Устюге;

1160 - Стр. 609. ...Фома Грудцын-Усовых... – Купеческий род Грудцыных-Усовых был хорошо известен в Москве, Архангельске и Великом Устюге. Один из представителей этого рода послужил прототипом для героя повести.

1161 - двенадцати лет;

1162 - Каспийское;

1163 - Персию;

- 1164 - снаряженных.
- 1165 - ...усолскаго града Орла. – Орел – город на Каме, близ Соли Камской, вотчина Строгановых.
- 1166 - хозяин гостиницы;
- 1167 - узнал;
- 1168 - разве ты не знаешь;
- 1169 - лучше сказать;
- 1170 - завлечен;
- 1171 - все время;
- 1172 - Стр. 610. ...приспевшу празднику Вознесения господа нашего Иисуса Христа... – Этот праздник отмечается в сороковой день после Пасхи.
- 1173 - канун.
- 1174 - нечистое;
- 1175 - угрозой;
- 1176 - звонить;
- 1177 - зная.
- 1178 - колдовством своим угадывал.
- 1179 - кармана;
- 1180 - думая;
- 1181 - в остальном.
- 1182 - осенил себя;
- 1183 - тень;
- 1184 - лицом темные.
- 1185 - оглянулся;
- 1186 - непотребное.
- 1187 - надлежащие;
- 1188 - денег.
- 1189 - Стр. 617. ...Кузьмодемьянск... – Современный Козьмодемьянск. Переезды Саввы с «названным братом» из Орла в Козьмодемьянск, Павлов перевоз (современный город Павлов) и Шую отражают реальные торговые маршруты того времени.
- 1190 - скрылся;
- 1191 - тщетною;
- 1192 - изволил.

¹¹⁹³ - Стр. 618. ...Михаил Феодорович... возжелаете послати воинство свое противу короля польского под град Смоленск... – Имеется в виду подготовка к войне с Польшей (1632 г.) за обладание Смоленском, начавшаяся формированием солдатских полков в 1629–1630 гг.

¹¹⁹⁴ - ...столник Тимофей Воронцов... – По документам известно, что для набора солдат в 1629 г. в Шую был послан Петр Никитич Воронцов-Вельяминов.

¹¹⁹⁵ - Стр. 619. ...шурин царев боярин Семен Лукьянович Стрешнев. – Шурина царя был пожалован боярином много позже – в 1655 г.

¹¹⁹⁶ - пополнение.

¹¹⁹⁷ - Стр. 619–620. ...на Устретепке в Земляном городе, в Зимине приказе, в доме стрелецкого сотника именем Иякова Шилова. – В XVII в. в Москве в конце Сретенки имелось стрелецкое поселение, на месте которого Петром I была построена в 1692–1695 гг. Сухарева башня. Земляной вал был насыпан по черте сгоревших деревянных стен Москвы в 1637–1640 гг. при Михаиле Федоровиче. Зимин приказ – отряд стрелецкого войска, находившийся в подчинении Зимы Васильевича Волкова (1652–1668 гг.). Из документов известно, что дворяне Шиловы служили в стрелецких войсках XVII в.

¹¹⁹⁸ - боевые орудия;

¹¹⁹⁹ - гранаты;

¹²⁰⁰ - Стр. 620. Над всеми же полками тогда боярин бысть Феодор Иванович Шеин. – Московскими войсками под Смоленском командовал боярин Михаил Борисович Шеин.

¹²⁰¹ - ранен;

¹²⁰² - удобном.

¹²⁰³ - лагерь;

¹²⁰⁴ - врукопашную.

¹²⁰⁵ - упрашивала;

¹²⁰⁶ - трудом.

¹²⁰⁷ - они будут наказаны;

¹²⁰⁸ - с прилежанием;

¹²⁰⁹ - охранявшие.

¹²¹⁰ - светозарную.

¹²¹¹ - Стр. 624. ...Петра митрополита. – Митрополит Петр (1308–1326 гг.) считался покровителем Москвы.

1212 - ...егда убо приспееет праздник явления образа моего, яже в Казани, ты же прииди во храм мой, яже на площади у Ветошного ряду... – Праздник явления иконы Казанской богородицы отмечается 8 июля. Церковь Казанской богородицы была построена на Красной площади около 1636 г.

1213 - Стр. 625. ...церкви Успения пресвятыя богородицы... – Успенский собор в Кремле.

1214 - ...Чюдов монастырь. -Монастырь чуда архистратига Михаила иже в Хонех находился в Москве, в Кремле, был основан около 1356 г.

1215 - Стр. 626. Епифаний (сожжен в 1682 г.) – монах, защитник «старой веры», писатель, «духовный отец» (наставник) Аввакума; текст – «Аввакум... Аминь» – написан Епифанием.

1216 - суде (Страшном суде);

1217 - Дионисий Ареопагит – по преданию, ученик апостола Павла, первый епископ в Афинах; Аввакум ссылается на приписывавшиеся Дионисию средневековые богословские сочинения с разными именованиями бога.

1218 - всегда присущие;

1219 - приличествующие;

1220 - существующий, сущий;

1221 - троеликий;

1222 - ибо отказ от себя;

1223 - и чего не существует, того нет;

1224 - сторонники новых обрядов.

1225 - Стр. 627. ...символ веры... – изложение основ христианской догматики.

1226 - ...нежели истинного отсекасти... – Слово «истинного» было исключено реформаторами церкви из символа веры.

1227 - богопознание;

1228 - победив самого себя;

1229 - не причастный мирским соблазнам;

1230 - сознает себя трезвым и свободным;

1231 - умирая в неведении мирского;

1232 - об этом свидетельствуют;

1233 - владевший искусством рассчитывать движение светил небесных;

- 1234 - грязь;
- 1235 - Тимофей – по преданию, ученик апостола Павла, ефесский епископ.
- 1236 - тлен;
- 1237 - чтобы;
- 1238 - соблазна;
- 1239 - ...Апостол, 275. – Книга «Деяния апостолов» с цифровым указанием соответствующего раздела.
- 1240 - Солнечный град – Гелиополь, город древнего Египта, в котором Дионисий наблюдал затмение солнца, происшедшее, по преданию, в момент распятия Иисуса Христа.
- 1241 - страдает.
- 1242 - ...пять звезд заблудных – астрологические представления о планетах («лунах»).
- 1243 - в 7162 (1654) году;
- 1244 - Стр. 628. ...пред мором – эпидемия чумы в 1654 г.
- 1245 - ...от запада луна подтекала. – Это реальное движение луны Аввакум считал необычным и толковал как предзнаменование церковных реформ, а движение луны с востока (астрономически невозможное) представлялось ему обычным.
- 1246 - Никон(1605–1681) – русский патриарх, выдающийся церковный реформатор и политик.
- 1247 - искажал;
- 1248 - ...солнцу затмение было... – в 1666 г.
- 1249 - пятницу;
- 1250 - ...на Угреше в темницу... бросили – В 1666 г. Аввакум был лишен духовного сана в Москве в кремлевском Успенском соборе и заключен в Никольском монастыре на р. Угреше под Москвой.
- 1251 - конца света, Страшного суда;
- 1252 - Иисус Навин – по библейской легенде, иудейский полководец, разбивший вражеские войска у г. Гаваона; по его молитве бог якобы на время битвы остановил солнце и луну.
- 1253 - на юге;
- 1254 - Езекия – по библейской легенде, царь Иудеи.
- 1255 - двенадцатый.
- 1256 - Григорий Нисский(умер в 394 г.) – епископ г. Ниссы, церковный

писатель.

1257 - Василий Великий(329–378) – епископ г. Капподокии, церковный писатель.

1258 - Стр. 629. ...богородица протолковала о аллилуйи... Василию. – Ефросин Псковский (XV в.) отстаивал двукратное возгласение «аллилуйи» (по-гречески – славьте бога); это описано в его «Житии», обработанном священником Василием (XVI в.).

1259 - ...по-римски... духу и от сына исхождение... – По католической догматике, «святой дух» исходит не только от бога-отца, но и от бога-сына (Иисуса Христа).

1260 - Афанасий Великий(293–373) – епископ г. Александрии; по преданию, составитель христианского символа веры, текст которого приводится далее Аввакумом.

1261 - христианскую веру;

1262 - Иисуса Христа.

1263 - Стр. 630. Совет отечь – традиционное описание беседы между богом-отцом и его сыном Иисусом Христом о «сотворении» человека.

1264 - заботишься;

1265 - тленного;

1266 - Маргарит(по-гречески – Жемчужины) – сборник поучений Иоанна Златоуста (умер в 407 г.), изданный в Москве в 1641 г.

1267 - Григорово – село в Больше-Мурашкинском районе Горьковской области.

1268 - в монашестве.

1269 - двадцать пять;

1270 - разврату;

1271 - пепельного цвета.

1272 - Стр. 632. ...Прокопей... в земле закопан. – См. прим. на стр. 787.

1273 - ...крестили, яко же Филипп... – По преданию, апостол Филипп встретил на своем пути из Иерусалима в Газу эфиопского вельможу-евнуха и обратил его в христианство.

1274 - евнуха;

1275 - Стефан(Вонифатьев, умер в 1656 г.) – протопоп кремлевского Благовещенского собора, «духовный отец» царя.

1276 - Иван Неронов(1591–1670) – выдающийся проповедник, учитель

Аввакума.

1277 - Государь – царь Алексей Михайлович (1629–1676).

1278 - ...плясовые медведи... домрами... – медвежья комедия, преследовавшаяся церковью; медведей водили скоморохи – бродячие актеры; домра – их струнный инструмент; хари – их маски.

1279 - Шереметев В. П.(умер в 1659 г.) – боярин, воевода в Казани с 1647 г.

1280 - Матвей – М. В. Шереметев, полководец; погиб в битве со шведами в 1657 г.

1281 - ...благословить... бритобратца... – Аввакум не благословил бритого Матвея, так как, по церковным правилам, бритье бороды запрещалось.

1282 - просили прощения.

1283 - отца, батюшку;

1284 - Стр. 633. Филипп(1507–1569) – игумен Соловецкого монастыря, затем всероссийский митрополит; осуждал деспотизм царя Ивана Грозного, был задушен Малютой Скуратовым, впоследствии канонизирован церковью.

1285 - Захария – по преданию, иудейский священник, зарезанный в церкви за сокрытие своего сына (Иоанна Предтечи) во время избиения младенцев при царе Ироде.

1286 - Стефан Пермский(1340–1396) – первый епископ пермский, креститель коми.

1287 - знать;

1288 - плеть;

1289 - Юрьеvec-Поволский – г. Юрьеvec Ивановской области.

1290 - восемь;

1291 - ухватами.

1292 - Стр. 634. ...привез ис Соловков Филиппа... – Останки Филиппа (см. прим. к стр. 633) были перевезены в 1652 г. из Соловецкого монастыря в московский Успенский собор.

1293 - прошение за своими подписями;

1294 - Крестовая – палата, приемный зал в кремлевском дворце патриарха.

1295 - ...прислал память х Казаньской... – Никон прислал памятную записку об изменении церковных обрядов в Казанскую церковь (была на

Красной площади).

1296 - ...к Спасу, на Силино покойника место... – Аввакума собирались назначить настоятелем дворцовой церкви Спаса-на-Бору вместо умершего протопопа Силы.

1297 - земные поклоны;

1298 - Чюдов – монастырь в московском Кремле.

1299 - комнатке, келье.

1300 - Павел – единственный епископ, выступивший на церковном соборе в 1654 г. против реформ Никона; погиб в ссылке.

1301 - думается;

1302 - Стр. 635. Однорядка – верхняя долгополая одежда.

1303 - хлебопекарню;

1304 - Спас на Новом – Новоспасский монастырь на Крутицах, окраина Москвы.

1305 - ...скуфью снял... – Снятие головного убора с духовного лица было церковным наказанием.

1306 - Симонов монастырь – на юго-восточной окраине Москвы.

1307 - Спасов Каменной монастырь – на острове озера Кубенского, севернее г. Вологды.

1308 - ...в Колской острог. – Неронов был сослан в Кандалакшский монастырь на Кольском полуострове.

1309 - всякий, думая, что он устоит, пусть бережется, чтобы не упасть;

1310 - Борис Нелединской – патриарший боярин.

1311 - воскресенье;

1312 - Андроньев монастырь – на юго-восточной окраине Москвы, около р. Яузы.

1313 - достаточно.

1314 - Стр. 636. Во время переноса... Увы разсечения тела христова... – Во время литургии «святые дары» в потире (чаша с вином) и дискосе (блюде с хлебом) переносятся священником и дьяконом с жертвенника на престол через царские врата в иконостасе; хлеб и вино на престоле якобы «пресуществляются» в тело и кровь Иисуса Христа, а затем вкушаются верующими из рук священника (причастие). В описанном эпизоде, по мнению Аввакума, произошло нарушение обряда, так как Ферапонт задержался с чашей, когда Никон уже поставил дискос на престол, от чего и получилось будто бы «рассечение» тела Христова.

- 1315 - споря.
- 1316 - Никитин день – 15 сентября (1652 г.), когда устраивался крестный ход из Кремля к церкви великомученика Никиты в Басманную слободу.
- 1317 - Сибирский приказ – орган государственного управления, ведавший делами Сибири.
- 1318 - Третьяк Башмак – чиновник Сибирского приказа Семен Васильев Башмак, постригшийся в монахи под именем Савватия; писатель.
- 1319 - ...пять слов государевых – «Слово» или «слово и дело государево» – формула доноса о государственном преступлении.
- 1320 - Стр. 637. Павел (умер в 1675 г.) – митрополит Крутицкий; преследователь сторонников «старой веры».
- 1321 - Петр Бекетов – сибирский землепроходец, основатель Якутска; эпизод смерти Бекетова вымышлен Аввакумом.
- 1322 - докучали;
- 1323 - во дворце.
- 1324 - не распознали.
- 1325 - Стр. 638. ...мор, меч, разделение... – Излагаются пророчества Ивана Неронова об эпидемии чумы, о войне с Польшей (1654–1667 гг.) и о церковном расколе.
- 1326 - ...в Енисейской... – Имеется в виду острог (город Енисейск).
- 1327 - Дауры. – Наименование Восточного Забайкалья и части Приамурья по названию обитавших там дауров.
- 1328 - Афанасий Пашков(умер в 1664 г.) – воевода в г. Енисейске; по царскому поручению прокладывал путь в Даурию.
- 1329 - Тунгуска – река Ангара.
- 1330 - Дощеник – плоскодонное судно с парусом и веслами.
- 1331 - Курята индейские – улар, горная индейка.
- 1332 - Бабы – народное название пеликана.
- 1333 - глядящего;
- 1334 - сомнение;
- 1335 - Стр. 639. Роспоп – священник, лишенный сана (расстрига).
- 1336 - дикий;
- 1337 - Чекан – заостренный с обуха молоток, знак начальнического достоинства.
- 1338 - раздев;

- 1339 - поперечную перекладину.
- 1340 - ...Иев и говорил так... – Аввакум ссылается на библейский рассказ о том, как Иов возроптал на бога из-за своих страданий.
- 1341 - уступа;
- 1342 - Стр. 640. ...воротами што поповет – один из фарватеров порога Падуна, называвшийся «Старыми воротами».
- 1343 - мучительно;
- 1344 - Брацкой(Братский) острог – деревянная крепость, основанная русскими в 1631 г. в земле «братов» (бурят-монголов); была расположена около современного г. Братска.
- 1345 - ...до Филипова поста в студеной башне... – Филипповский пост начинался с 15 ноября; башня Братского острога находится теперь в музее «Село Коломенское» (Москва).
- 1346 - хворостинки;
- 1347 - заложниками-туземцами.
- 1348 - По Хилке... – река Хилок, левый приток Селенги.
- 1349 - ведь;
- 1350 - Стр. 641. Ирѣгень – небольшое озеро на плоскогорий, разделяющем бассейны озера Байкал и реки Амур.
- 1351 - для домов и крепостных стен;
- 1352 - ...огонь да встряска... – пытка на дыбе с прижиганием огнем.
- 1353 - двадцать пять;
- 1354 - сосновую кору.
- 1355 - Стр. 642. ...причастен кобыльим и... звериным и птичьим мясам... Церковь запрещала есть конину, мясо многих зверей и птиц.
- 1356 - Гривенка – единица веса, около 410 г.
- 1357 - Мезень – город в Архангельской области.
- 1358 - А мать и братья... закопаны... – Жена Аввакума Анастасия и их сыновья Иван и Прокопий были заключены в осыпанные землей срубы.
- 1359 - не начавший блажен, но окончивший;
- 1360 - служанки;
- 1361 - ничто не помогает;
- 1362 - волнение увеличивается.
- 1363 - Стр. 643. ...ослом при Валааме... – По библейской легенде, ослица, на которой ехал прорицатель Валаам, увидев на пути ангела, обратилась к всаднику человеческим голосом.

- 1364 - Кормчая – книга церковного законодательства, изданная в Москве в 1650 г.
- 1365 - от причастия;
- 1366 - с молитвою;
- 1367 - после богослужения.
- 1368 - ...запасный агнец... платочик... водицы... – Аввакум советует причащаться вне государственной церкви; запасный агнец – частица хлеба, служившая для причащения больных на дому, находящихся в пути и т. п.; платочек – должен был заменить церковный покров антиминос; водица – заменить вино.
- 1369 - священника-монаха;
- 1370 - утомленные.
- 1371 - Стр. 645. Кдзма и Дамиян(Козьма и Дамиан) – святые, считавшиеся врачевателями людей и животных.
- 1372 - каши;
- 1373 - ссора;
- 1374 - епитрахиль.
- 1375 - Стр. 646. Мунгальское царство – Монголия.
- 1376 - Зеведеевичи – по преданию, апостолы Иаков и Иоанн, братья, сыновья Зеведея.
- 1377 - с колесным замком;
- 1378 - медлен;
- 1379 - пожалуйста.
- 1380 - для господя;
- 1381 - мота.
- 1382 - Стр. 648. Раав блудная. – По библейской легенде, «блудница» Раав спрятала в своем доме двух разведчиков, посланных в г. Иерихон Иисусом Наввином.
- 1383 - Стр. 649. Старец(и далее – «отче») – обращение Аввакума к Епифанию; далее – «Бог да простит... Аминь» – приписка Епифания.
- 1384 - запрещением тем;
- 1385 - Петр, и Алексей, и Иона... – русские митрополиты XIV – XV вв., способствовавшие укреплению Московского государства и церкви.
- 1386 - шутовской.
- 1387 - непогода;

- 1388 - башни;
- 1389 - Стр. 650. Зайцы великия – морской заяц, крупный тюлень, на озере Байкал, впоследствии исчезнувший.
- 1390 - тень.
- 1391 - каждого;
- 1392 - из города Березова.
- 1393 - Стр. 652. ...медведем... накупил. – «Медведем» назывался залежавшийся товар.
- 1394 - ...всю Сибирь баткирьцы с татарами воевали... – В 1662–1663 гг. было восстание сибирских народов.
- 1395 - Верхотурье – город в Свердловской области, считавшийся западной границей Сибири.
- 1396 - Федор Ртищев(1626–1673) – государственный деятель, придворный и дипломат.
- 1397 - парадную шапку;
- 1398 - тонком;
- 1399 - пополам;
- 1400 - дурачился;
- 1401 - приготовление «святых даров».
- 1402 - Стр. 653. Базлуки – скобы с шипами для ходьбы по льду.
- 1403 - каким знаешь образом;
- 1404 - мертвый;
- 1405 - ...жаждущему Израилю... Затрещал лед... – Естественный разрыв льда Аввакум объяснил как чудо, происшедшее по его молитве о «жаждущем Израиле», которая основана на библейской легенде о том, как Моисей напоил свой народ в пустыне: он ударил жезлом по камню, и потекла вода.
- 1406 - на месте для молитвы;
- 1407 - церковную службу;
- 1408 - складень.
- 1409 - прежних;
- 1410 - застанем.
- 1411 - Стр. 655. Морозова Ф. И. (умерла в 1675 г.) – боярыня, фанатическая сторонница «старой веры», была подвергнута пыткам и умерла в тюрьме от голода; изображена на картине В. И. Сурикова.
- 1412 - Евдокия Прокопьевна (умерла в 1675 г.) – княгиня Урусова,

сестра Морозовой.

1413 - Федор юродивый (повешен в 1670 г.) – исполнял ответственные поручения Аввакума; юродивых почитали как «пророков».

1414 - Красное крыльцо – парадный вход в царский дворец.

1415 - Стр. 656. Пафнутьев монастырь – около г. Боровска Калужской области.

1416 - объяснение.

1417 - Федор(сожжен в 1682 г.) – дьякон Благовещенского собора, писатель раскола.

1418 - Если бы не они, то другие бы это сделали;

1419 - через которого;

1420 - окровавит ее;

1421 - Стр. 657. ...чти в Цареве послании... – Аввакум ссылается на свое пятое послание царю Алексею Михайловичу.

1422 - во дворце.

1423 - Воротынский – князь И. А. Воротынский (умер в 1679 г.).

1424 - Хованский – князь И. И. Хованский, Большой (1645–1701), умер в тюрьме.

1425 - Урусов. – Князь П. С. Урусов вскоре после ареста своей жены Евдокии женился на С. Д. Строгановой.

1426 - Стр. 658. ...табаку испил... – «пить», то есть курить табак, запрещалось законом.

1427 - ...у газскаго митрополита. – Имеется в виду грек Паисий Лигарид (1610–1678), бывший митрополит г. Газы, жил в Москве.

1428 - Пасху.

1429 - Иларион(умер в 1673 г.) – митрополит рязанский; в молодости друг Аввакума, затем его противник.

1430 - Стр. 660. Авраамий(сожжен в 1672 г.) – монах, писатель раскола.

1431 - ...поставили перед вселенских патриархов... – на «священном соборе», для участия в котором прибыли патриархи – грек Паисий александрийский и араб Макарий антиохийский.

1432 - албанцы;

1433 - румыны;

1434 - ...крестисся пятью перъсты... – Пятиперстное крестное знамение приравнивалось к старорусскому двуперстному; собор признал

законным только греческое троеперстие.

1435 - разнообразно, не чисто.

1436 - ...от насилия турьского Магмета... – Имеется в виду завоевание Византии султаном Магомедом II в 1453 г.

1437 - ...по преданию... Мелетия антиохийского и Феодорита Блаженного ... Петра Дамаскина и Максима Грека... – Мелетий – епископ Антиохии (умер в 381 г.); Феодорит – епископ Кира (умер в 457 г.); Петр Дамаскин – монах из Дамаска (вторая пол. XII в.); Максим Грек (умер в 1556 г.) – афонский монах, выдающийся русский писатель.

1438 - ...собор при царе Иване... – Стоглавый собор (1551 г.), созванный Иваном Грозным для реорганизации церкви..

1439 - со «знаменами» (знаками крестов);

1440 - Стр. 661. Гурий и Варсонофий – первый архиепископ казанский Гурий и его помощник Варсонофий, канонизированные церковью.

1441 - совершать литургию;

1442 - глупцы.

1443 - Лазарь(сожжен в 1682 г.) – священник из г. Романова, защитник «старой веры».

1444 - Анна и Каиафа – по преданию, иерусалимские первосвященники, осудившие Иисуса Христа.

1445 - Стр. 662. ...на Андреевское подворье...в Савину слободку... – У подножия Воробьевых гор (теперь – Ленинские горы) находился монастырь Андрея Стратилата, вблизи от него Саввина слобода.

1446 - ...голову Юрья Лутохина... – полковника Ю. Лутохина.

1447 - Комнатные люди – придворные, особенно близкие к царю.

1448 - Артемон – А. С. Матвеев (1625–1682), государственный деятель.

1449 - Дементий – Д. М. Башмаков (1618–1705), секретарь царя, по словам иностранцев, «вице-канцлер» России.

1450 - сочинение;

1451 - ...книга «Ответ православных» – богословско-полемическое сочинение, изложенное дьяконом Федором.

1452 - кожевеник;

1453 - двадцать пять.

1454 - ...вопросил его Пилат... – Пилатом (римским проконсулом Иудеи, допустившим распятие Христа) называется здесь Елагин (см. ниже).

1455 - Стр. 663. ...Петр отречется... – Упоминается евангельская легенда об отречении апостола Петра от Христа.

1456 - Иван Елагин – стрелецкий подполковник из личной царской охраны.

1457 - Стр. 664. ...поем... песни песням... – Излагается отрывок библейской «Песни песней» Соломона в символическом истолковании (как «хвала о церкви»).

1458 - ...Магмет написал... – Основатель ислама Мухаммед (умер в 632 г.) создал учение о войне с «неверными».

1459 - соглядатаи;

1460 - Стр. 665. ...дома Вавилон... – Намек на библейскую легенду о том, как царь Навуходоносор построил около Вавилона золотого истукана и заставил народ поклоняться ему; трех отказавшихся это делать иудеев он приказал бросить в печь, но ангел спас их.

1461 - Не блуди, еретик... против солнца же водят... – протест против изменения Никоном церковных обрядов: порядка пресуществления «святых даров» (см. выше), покрытия алтаря антимином, изменения формы креста, движения процессий «против солнца» (а не наоборот, как ранее) и др.

1462 - Аръсен – Арсений Грек, монах, помощник Никона, переводчик и редактор церковных книг; учился в Риме, Венеции, Падуе.

1463 - трижды.

1464 - Стр. 666. Ефрем Сирин (умер в 373 г.) – церковный писатель; книга его «Поучений» была издана в Москве в 1647 г.

1465 - ...к большой царевне вверх во псаломщики... – Евфимий читал «Псалтырь» во дворце у сестры царя Ирины, старшей из царевен.

1466 - ...говорил кафизму... – читал один из разделов «Псалтыри».

1467 - напрягшись.

1468 - Стр. 667. Сундовик – речка, правый приток Волги.

1469 - Стр. 668. Лопатищи – село Работкинского района Горьковской области.

1470 - ...просвиру вынял за брата – Во время церковной службы священник вынимает частицу из просфоры за здоровье тех лиц, имена которых ему указываются.

1471 - взбунтуется;

1472 - смирю.

- 1473 - Стр. 669. ...сорокоуст дал... – сорокадневная молитва в церкви по умершем и необходимые для нее предметы (свечи, ладан и др.).
- 1474 - Стр. 671. «О всепетую» проговоря... – молитва, обращенная к Богоматери.
- 1475 - грех такой;
- 1476 - соблазнительно;
- 1477 - калмыков.
- 1478 - рай.
- 1479 - Стр. 672. Папарты – крылья у ангелов.
- 1480 - ...бело у ушей... – На изображениях ангелов рисуются «слухи» – белые ленточки, входящие в уши и символизирующие внимание к речам бога.
- 1481 - яички.
- 1482 - Стр. 673. Ризы и стихари – облачения священника и дьякона.
- 1483 - Стр. 674. Иуда чюдотворец. – По легенде, апостол Иуда мог творить чудеса (до того, как он предал Христа).
- 1484 - ...в Деяниях, зач. 36 и 42 зач... – то есть в соответствующих разделах («зачалах») «Деяний апостолов».
- 1485 - 1265.
- 1486 - Стр. 675. Ярослав Ярославич – первый великий князь Твери (1230–1271).
- 1487 - я сам за все отвечу;
- 1488 - если;
- 1489 - предполагает;
- 1490 - незнатных.
- 1491 - за пазуху;
- 1492 - проснувшись;
- 1493 - двадцати;
- 1494 - приготовила;
- 1495 - сорок.
- 1496 - дать отдых.
- 1497 - более.
- 1498 - Стр. 684. ...в Чигирин... – Главные события русско-турецкой войны развернулись вокруг столицы украинских гетманов – Чигирина.
- 1499 - деревянный остов седла.

1500 - ...похититель Каменца-Подолского... – В 1672 г. турки захватили польскую крепость Каменец-Подольский.

1501 - шут;

1502 - скряга;

1503 - товарищ.

1504 - Стр. 686. ...дворенин Фрол Скобеев... – Главное действующее лицо повести носит фамилию, часто встречающуюся в бежицких и кашинских документах XVII в.

1505 - ...столника Нардина-Нащокина... – Стольник – старинный придворный чин, которым в XVI-XVII вв. жаловали лиц родовитых боярских фамилий. В порядке чинов стольники занимали шестую степень. Вымышленное имя одного из главных персонажей повести напоминает имя известного исторического лица боярина Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нащокина (1645–1676).

1506 - нежную, верную;

1507 - беда;

1508 - осрамил;

1509 - испытующе;

1510 - обман.

1511 - упряжных лошадей;

1512 - должностное лицо в суде.

1513 - объявить в розыск.

1514 - заступником;

1515 - то есть придется отвечать.

1516 - жене.

1517 - оклад иконы.

1518 - дело, почин.

1519 - Стр. 689. ...поверенным з делами... великой ябида... ябедник... за ябедою ходить... – Так автор повести говорит о профессии Фрола Скобеева. В древнем Новгороде ябетник или ябедник – это сборщик податей или сыщик. Для Московской Руси XVI – XVII вв. ябедник – это поверенный по делам просителей, посредник между государственными учреждениями (приказами и их столами) и просителями; ябедник кормился тем, что писал и переписывал всякие документы (крепости), иногда вел экспертизу документов, вел дела своих челобитчиков. В конце XVII в. на Ивановской площади в Кремле была палатка, где сидели

площадные подьячие, их число достигало 40, они имели свою организацию, подчинявшуюся приказу Казенного двора. Хотя звание площадного подьячего («ябедника») было ниже, чем звание-приказного подьячего, мелкие бедные дворяне, вроде Фрола Скобеева, не брезговали этой профессией.

Содержание

«Изборник» (сборник произведений литературы древней Руси)	1
Первое трехсотлетие	25
Повесть временных лет	26
Житие Феодосия	83
Поучение Владимира Мономаха	131
Девгениево деяние	154
Слово о полку Игореве	176
Древнерусские сборники афоризмов	192
Слово Даниила Заточника	199
Александрия	210
Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году	250
Киево-Печерский патерик	258
Слово о погибели Русской земли	290
Житие Александра Невского	292
Повесть о разорении Рязани Батыем	306
Сказание об Индийском царстве	322
Сказание о Соломоне и Китоврасе	328
Наставление тверского епископа Семена	333
Триста лет московской литературы	334
Задонщина	335
Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому	351
Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе	355
Житие Михаила Клопского	364
Сказание о Дракуле воеводе	379
Повесть о Басарге	390
Повесть о Петре и Февронии Муромских	398
Спор жизни со смертью	407
Первое послание Ивана Грозного А. М. Курбскому	410
Послание Ивана Грозного Василию Грязному	414
А. М. Курбский история о великом князе московском	416
Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году	418
Век перелома	424
Сказание Авраамия Палицына	425

Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном	444
Повесть о Бове королевиче	450
Повесть об Ульянии Осоргиной	474
Повесть об азовском осадном сидении донских казаков	481
Урядник сокольничьего пути	497
Письмо царя Алексея Михайловича А. Л. Ордину-Нащокину	502
Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы	504
Повесть о Ерше Ершовиче	509
Суд Шемякин	515
Сказание о роскошном житии и веселии	518
Слово о бражнике, како вниде в рай	521
Повесть о горе-злочастии	523
Повесть о Савве Грудцыне	535
Житие протопопа Аввакума	551
Повесть о тверском отроче монастыре	596
Переписка чигиринских казаков с турецким султаном	604
Повесть о Фроле Скобееве	605
Примечания	615